

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXIV.

1901 Г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЬ.

КІЄВЪ

Типографія Імператорського Університета Св. Владимира
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 іюля 1901 года.

ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ.

Формы труда у евреевъ въ южной Россіи.¹⁾

(*Историко-этнографические замѣтки*).

Въ статьѣ „Евреи въ южной Россіи“ („Кievsk. Star.

---

¹⁾ Настоящая статья составляетъ продолженіе статьи «Евреи въ Южной Россіи» («Кievsk. Star. 1901 г. № 1) и непосредственно примыкаетъ къ статьѣ «Смѣна народностей въ Южной Россіи» (Кievsk. Star. 1883 г. № 5 и 7 и 1884 г. № 9 и 11), а потому въ ней преслѣдуются исключительно этнографическая цѣль. Въ послѣднія два десатилѣтія XIX в. въ Южной Россіи произошли общественно-экономическія явленія громаднаго значенія, какъ напр.—энергетической рость заводской (сахарной, каменноугольной, желѣзодѣлательной и пр.) жизни, пересѣченіе края желѣзнодорожной сѣтью, развитіе хлѣбнаго экспорта, введеніе монополіи, переселенческое движеніе и т. п. Несомнѣнно, такія явленія отразились и на занятіяхъ евреевъ, но происшедшія при этомъ измѣненія не успѣли еще вылиться въ устойчивыя формы, которыхъ только и могутъ служить матеріаломъ для этнографическихъ выводовъ. Вслѣдствіе этого, матеріаломъ для опредѣленія формъ труда евреевъ послужило время, предшествующее отмѣченному періоду, именно время, заканчивающееся семиде-

1901 г. № 1) было выяснено, что въ предѣлахъ южной Россіи

сатнми годами XIX ст., когда виды занятій южно-русскихъ евреевъ можно наблюдать, какъ явленія устойчивыя и потому служащія къ выясненію этнологическихъ особенностей народа.

Источниками служили, кромѣ указанныхъ въ первой статьѣ:

- 1) Экономическое состояніе городскихъ поселеній Еврои. Россіи. 1861—62 г. Волынская, Гродненская, Черниговская, Екатеринославская губ.
- 2) *Столпянский*. «Девять губерній западно-русского края». 1866 г.
- 3) *Леонтьевичъ*. «Исторический обзоръ постановлений о евреяхъ въ Россіи» 1861.
- 4) *Елисеевъ*. «Производительныя силы Россіи» («Отеч. Зап.» 1868 г. № 12).
- 5) *Оршанскій*. «Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи» («Еврейская библіотека» т. 2, 1872 г.) и «Евреи въ Россіи» 1872 г.
- 6) «Устройство и состояніе еврейскихъ обществъ въ Россіи».
- 7) „Архивъ историческихъ и практич. свѣдѣній о Россіи“ Калачова. 1860, кн. 4.
- 8) *Ив. Шмаковъ*. «О еврейскихъ колоніяхъ» («День» 1869 г. №№ 9—11).
- 9) *Демидовъ Санъ-Донато*. «Еврейскій вопросъ».
- 10) *Червинскій*. «Экономическая свитанія» («Отеч. Зап.» 1880, №№ 6, 7).
- 11) *Кельсіевъ*. «Галичина и Молдавія» СПБ. 1818 (203—224).
- 12) *Варзерь*. «Евреи-арендаторы въ Черниг. губ.» („Отеч. Зап.“ 175—197).
- 13) *Овсянниковъ*. «Географические очерки и картины» т. П. «Очерки и картины Малороссіи» 1880 г.
- 14) *Деппинъ*. «Быть и нравы евреевъ въ средніе вѣка» («Рассвѣтъ»).
- 15) *Берлинъ*. «Очеркъ этнogr. еврейск. народонаселенія въ Россіи». Этнogr. сборникъ. 1862 г. вып. V.
- 16) *Боцровъ*. «Жить или не жить евреямъ повсемѣстно въ Россіи». «Слово». 1878 г. № 2 (11—20).
- 17) *Чаславскій*. «Вопросы русского аграрного устройства. Ст. 2, «Отеч. Зап.» 1879 г. № 1 (229—230).

живутъ, главнымъ образомъ, такъ называемые польскіе евреи.¹⁾ Польскіе евреи—тальмудисты, и это обстоятельство имѣло и имѣть до послѣдняго времени существенное вліяніе на соціально-бытовыя возврѣнія евреевъ и ихъ экономическую оригинальность, а въ связи съ этимъ и на занятія ихъ.

Съ паденіемъ государственной самостоятельности евреевъ и съ разселеніемъ ихъ среди племенъ разныхъ религіозныхъ исповѣданій и разнообразныхъ этнографическихъ особенностей, прежній кодексъ религіозныхъ и соціально-бытовыхъ установленій, какой евреи имѣли въ видѣ библейскихъ книгъ, оказался невыполнимымъ при ихъ новыхъ условіяхъ жизни. Между тѣмъ

18) *Драгомановъ*. «Евреи и поляки въ юго-зап. краѣ». „Вѣст. Евр.“. 1875, № 7 (134—143).

19) *Костомаровъ* «Объ отношеніяхъ галицкихъ русскихъ къ сосѣдамъ» «Основа» 1862 г. № 5.

20) *Костомаровъ*. „Іудеямъ“ „Основа“ 1862 г. Январь (42—48).

21) *Шлейснеръ* «Какъ отдаются въ аренду казенные оброчныя статьи». «Огеч. Зап.» 1881 г. № 1 (32—49).

22) Еврейскія колоніи Новороссійскаго края» («Журналъ Мин. Госуд. Имущ.» 1883, № 3).

23) *Волковъ*. «О сельскихъ ярмаркахъ по значенію ихъ для изученія ремесленной и кустарной промышленности» (Зап. Юго-Зап. Отдѣла Географ. Общ. т. I).

24) Журналы и газеты за 1881 г., когда по поводу еврейскихъ беспорядковъ новременная литература заполнена была материалами о евреяхъ.

¹⁾ Встрѣчаются еще: *турецкіе* евреи въ южныхъ коммерческихъ портахъ: въ Одессѣ, Николаевѣ, Херсонѣ и особенно въ крымскихъ городахъ; *курляндскіе* евреи въ новороссійскихъ колоніяхъ; *каказскіе* евреи—въ Кубанской области и нѣсколько въ большемъ количествѣ евреи-караимы по всему краю, а особенно въ Крыму и въ Волынской губерніи. Но четыре послѣднія группы евреевъ уже по однай своей малочисленности не оказываютъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ краѣ, особенно сравнительно съ польскими евреями.

сохраненіе іудейской традиції требовало теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, напряженія силъ и средствъ, иначе націи предстояло затеряться среди другого господствующаго населенія, ассимилироваться съ нимъ, и, такимъ образомъ, утратить свою миссію въ мірѣ. Всякій народъ безъ борьбы пассивной или активной никогда не отказывается отъ самого себя, отъ своего этнологического богатства, а тѣмъ болѣе съ подобнымъ положеніемъ невозможно примириться для іудаизма. У народовъ на извѣстной ступени культуры встрѣчается одна общая черта—это строгое разграничение между членами одной и той же общинъ, одной и той же племенной группы—съ одной стороны, и остальнымъ населеніемъ—съ другой. Но между тѣмъ какъ у большинства народовъ съ теченіемъ времени, при возвышеніи культурного уровня, указанныя антисоціальные черты стушевываются, вѣкоторыя націи какъ бы окаменѣваютъ на этой ступени пониманія интернаціональныхъ взаимодѣйствій, развиваются ихъ въ подробностяхъ и кодифицируютъ обычно религіознымъ освѣщеніемъ. Послѣднимъ путемъ шло именно развитіе еврейскаго народа. Съ момента появленія іудаизма въ исторической жизни, характеристическую черту ихъ національного воззрѣнія представляетъ понятіе о себѣ, какъ о народѣ привилегированномъ, единственно излюбленномъ Іеговой, народѣ, носящемъ въ себѣ самомъ будущую славу человѣчества, а вмѣстѣ и власть надъ міромъ, а рядомъ другое понятіе объ остальномъ человѣчествѣ, какъ о нечестивомъ, неугодномъ Іеговѣ язычествѣ и рабѣ въ будущемъ властныхъ потомковъ Израиля. Такое міровоззрѣніе евреевъ олицетворилось въ ихъ представлѣніи о Мессіи и его царствѣ, достиженіе котораго связано съ сохраненіемъ національного типа. Понятно, какая трудность предстояла для евреевъ въ выполненіи послѣдняго требованія при условіяхъ новой, оазисной жизни среди народностей, отверженныхъ Іеговой, когда отъ смѣшанія съ послѣдними не ограждала ихъ раньше и замкнутая государственная жизнь въ землѣ обѣтованной. Ближайшимъ послѣдствіемъ новыхъ условій жизни было постепенное измѣненіе прежнаго соціально-религіознаго

кодекса Библії съ цѣлью приспособленія его требованій къ новой обстановкѣ. Такое постепенное измѣненіе Библіи къ концу III-го вѣка по Рожд. Хр. выросло въ 18 томовъ талмудическихъ книгъ („Мишне“—6 томовъ и „Гемаре“—12 том.). Въ талмудѣ формулирована еврейскими мудрецами и богословами вся жизнь народа и отдельного члена его не только въ принципахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ жизни; въ немъ предусмотрѣны: пища, одѣжда, взаимныя отношенія членовъ юдейскихъ общинъ и таковыя же къ иностранцамъ. Но патріархальная точка взорѣнія на человѣческій міръ осталась не-прикосновенна: подобно библейскому іудею, талмудический еврей дѣлить человѣчество на двѣ неравныя половины: съ одной стороны евреи, потомки богоизбраннаго Израиля, а съ другой—остальное человѣчество—„гой“. Религіозная нетерпимость и отсюда национальная обособленность, при теологической основѣ міровоззрѣнія, характеризующія вообще семитические народы, рѣзко выразились въ талмудическихъ установленіяхъ. Послѣдующая исторія евреевъ въ Западной Европѣ способствовала не ослабленію, а усиленію антисоціальныхъ особенностей талмудистовъ. Еврейское племя, какъ известно¹⁾), въ Европѣ до XVII в. почти не введено было въ общую жизнь, а представляло собой какъ бы своеобразный наростъ въ жизни чуждыхъ ему народностей и государствъ, которые постоянно старались, нерѣдко жестокими средствами, освободиться отъ него. При такомъ положеніи новая жизнь не вливалась въ общественный организмъ евреевъ, и послѣдній не преобразовывался подъ разными смынявшимися требованіями исторической жизни Европы, а неизбѣжная и почти всегда печальная перипетія въ положеніи евреевъ только отражались поверхностными измѣненіями на структурѣ еврейского народа въ смыслѣ разнообразныхъ, нерѣдко уродливыхъ приспособленій къ практическимъ условіямъ. Отсюда произошло то оригинальное явленіе

¹⁾ «Евреи въ южной Россії» (историч. справка) Киевск.
Ст. № 1.

въ развитіи евреевъ, что этотъ народъ остался въ существѣ своемъ недвижимъ въ своихъ грядущихъ поколѣніяхъ. „Предъ нимъ исчезаютъ племена, говоритъ Костомаровъ, возникаютъ новые народности, совершаютъ теченіе своей жизни и перерождаются, а этотъ народъ все тотъ же, непоколебимъ и крѣпокъ, живетъ прошедшимъ. Ни костры инквизиціі, ни мечи бароновъ, ни сабли козачества не измѣнили ихъ (евреевъ) ни на одну іоту“ ¹⁾. Еврейское населеніе XIX в. ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ того же племени первого вѣка: „оно, по словамъ д-ра Іеллинека, упорно сохраняетъ всѣ принципы, однажды имъ принятые, формы, имъ самимъ выработанныя, духовныя вспомогательныя средства, которыми оно пользуется, нравы, въ которыхъ оно ужилось, и міровоззрѣніе, которое оно себѣ составило“ ²⁾. Стволъ, основа талмудическаго іудаизма, остались непоколебимыми, неприосновенными, а кипѣвшая и бушевавшая бокъ о бокъ, во внѣ еврейства, европейская жизнь, отразилась лишь своего рода поверхностными напластованіями. Между вліяніями и силами, управляющими наслоеніемъ на поверхности еврейского общественнаго организма, доминировалъ всегда гнетъ, подъ которымъ евреи неоднократно стонали въ различныхъ полосахъ Западной Европы. Подъ вліяніемъ такой мрачной силы, внутри еврейства, съ одной стороны, развились превосходныя качества: гнетъ, заставляя евреевъ напрягать свои физическія и духовныя силы, чтобы поддержать свое бытіе и отстоять національную и религіозную самобытность среди враждебно настроенныхъ противъ него народностей, развилъ острый проницательный умъ евреевъ, стойкость, энергію ихъ; гнетъ воспиталъ въ нихъ умѣренность и бережливость, гнетъ укрѣпилъ у евреевъ семейныя добродѣтели; но, съ другой стороны, гнетъ же развилъ и несимпатичныя нравственныя свойства евреевъ: обманъ, лесть, угодничество,

¹⁾ Костомаровъ. «Основа», 1862, № 1.

²⁾ Д-ръ Адольфъ Іеллинекъ. «Еврейское племя». Этнограф. этюды. СПБ. стр. 23.

пріучилъ ихъ къ хитрости, изворотливости, способствовалъ еще большей изолированности еврейства отъ остального человѣчества, поддержалъ у нихъ антисоціальныя возврѣнія талмудическихъ учителей на взаимныя отношенія между еврействомъ и остальнымъ человѣчествомъ, а главное—односторонне направилъ дѣятельныя силы евреевъ въ сферы непроизводительного труда. Еврейство, при своихъ племенныхъ семитическихъ задаткахъ, при своихъ одностороннихъ религіозныхъ требованіяхъ, подъ вліяніемъ гнета, отлилось въ своеобразный замкнутый организмъ со свойствами по меньшей мѣрѣ неполезными для тѣхъ народностей, среди которыхъ оно поселилось.

Южная Россія, привявшая евреевъ на свою территорію окончательно въ XV—XVI в., получила ихъ, такъ сказать, изъ третьихъ рукъ (талмудическое ученіе, школа Зап. Европы и жизнь въ Литовско-Польскомъ королевствѣ), въ готовой формѣ, и при этомъ самой печальной и непривлекательной окраски еврейства—это германскихъ евреевъ, которые, по сознанію не-предубѣжденныхъ противъ еврейства наблюдателей, производятъ „весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе“. Четырехвѣковая жизнь евреевъ въ южной Россіи не поворотила развитія ихъ на иной путь, а скорѣе помогла дальнѣйшему формированию еврейства по старому плану. Систематического гнета, правда, евреи въ южной Россіи уже не испытывали, но спорадические взрывы противъ еврейства (казачество, гайдамачество), практическія условія соціальной жизни страны, а отчасти и законодательные мѣропріятія помогали евреямъ пребывать въ своей національной обособленности и содѣйствовали развитію особенностей, заложенныхъ западно-европейской жизнью, особенностей вредныхъ для интересовъ пріютившаго ихъ края.

Внутри себя южно-русское еврейство не вполнѣ одноформенно ни въ соціальномъ, ни въ практическомъ отношенії. ¹⁾

¹⁾ По соціальному положенію евреи малорусскіе дѣлятся: 1) на богачей («Гвирь», «Ногидъ»), 2) велико-ученыхъ («Гуонъ», «Годоль»), 3) торговыхъ евреевъ, 4) ремесленниковъ, 5) бѣдняковъ,

Въ его замкнутомъ мірѣ есть и богачи и бѣдняки, и помѣщики и служащіе, и кулаки и эксплоатируемые, и духовенство обирающее и паства стригомая, и антагонизмъ и вражда, и неравенство, и ненависть, и все это, можетъ быть, даже въ болѣе несимпатичной формѣ, чѣмъ какъ оно встрѣчается въ обществахъ другихъ народностей. Но внутреннее разъединеніе не мѣшаетъ южно-русскому еврейству, въ противоположность дѣйствующему въ раздробь малорусскому населенію, представлять достаточно компактное цѣлое, связанное племенною солидарностью. Солидарность еврейства проявляется повсюду—и въ самыхъ малыхъ повседневныхъ фактахъ, и въ прочныхъ установленияхъ. „Вездѣ, пишетъ Кельсіевъ о галицкихъ евреяхъ, евреи селятся отдельными кварталами, вездѣ занимаютъ отдельные рынки и вездѣ крѣпко и ожесточенно стоятъ другъ за друга.

живущихъ личнымъ трудомъ и 6) пролетарievъ, существующихъ благотворительностью еврейского общества. Даже въ религіозномъ отношеніи между евреями можно различить: 1) фанатиковъ ортодоксальныхъ или «хасидовъ», 2) умѣренно-ортодоксальныхъ или «миснагдовъ» и 3) евреевъ прогрессистовъ или религіозныхъ индифферентистовъ. Указанныя группы въ еврейскомъ обществѣ достаточно рѣзко очерчены и держатся своихъ особенныхъ семейныхъ и классовыхъ правилъ, Господствующее вліяніе распределено между великими учеными и богатыми: первые пользуются вліяніемъ у евреевъ, какъ хранители и истолкователи истинъ іудейства; сила же вторыхъ, какъ капиталистовъ, сама по себѣ понятна, особенно при исключительно-коммерческой дѣятельности евреевъ. Классъ богачей сравнительно не великъ, и богатство въ рукахъ этихъ немногихъ растетъ, оставляя массу въ бѣдности, въ нищенствѣ, предоставляемую имъ добывать жизненные средства любыми способами. Бѣдствующая еврейская масса представляетъ собой одно изъ орудій для обогащевія «еврейскихъ тузовъ»; бѣдникъ еврей, обирающій позорно крестьянина, вуженъ въ этомъ несчастномъ видѣ для того, чтобы богатый еврей подрядчикъ нанялъ подешевле рабочихъ, а арендаторъ-еврей имѣлъ бы полузаработанныхъ земледѣльцевъ и т. д.

...Междуд собой они постоянно въ ссорѣ и презираютъ и ненавидятъ другъ друга до невозможности; но чуть дѣло касается ихъ национальности и ихъ исповѣданія, чуть вопросъ зайдетъ о правахъ евреевъ, они всѣ встаютъ, какъ одинъ человѣкъ¹⁾. Съ тѣми же чертами исключительно национальной взаимопомощи являются и учрежденія еврейского общества, какъ благотворительного, такъ и общественно-экономического типа. Бережливые, и даже ск�ные, лично для себя въ пищѣ, квартирѣ, одеждѣ и пр., евреи жертвуютъ значительными суммами въ помощь единовѣрцамъ въ бѣдѣ: на добровольныя даянія существуетъ громадный классъ евреевъ нищихъ-профессионаловъ и „развѣ только бѣдный еврей, по словамъ Чубинскаго, когда-нибудь отважеть такому нищему въ подаяніи; богатые же и зажиточные никогда не откажутъ въ подаяніи даже самому здоровому батраку или молодой женщинѣ въ лохмотьяхъ при самомъ ихъ появлениі на порогѣ дома²⁾. Кромѣ личной благотворительности, существуетъ у евреевъ и безчисленное множество учрежденій, содержащихъ на благотворительныя средства—это разныя еврейскія братства³⁾.

Такимъ же нагляднымъ выразителемъ еврейской общественной солидарности, цѣлей и стремленій еврейства, какъ и братства, служить и специально еврейская организація административного типа—„кагалъ“. Кагалыя учрежденія появляются въ южной Россіи сравнительно рано, и въ XVI—XVII в. они до-

¹⁾ Кельсіевъ «Галичина и Молдавія». Путевые письма. СПБ. 1868.

²⁾ Чубинскій «Труды этнографическо-статистической экспедиції въ западно-русск. край» т. 7 (стр. 75).

³⁾ Братство погребателей («ховра-кедума»), братство «хлѣбъ-бѣдныхъ» («слекомъ-эвгокимъ»), братство «посѣщенія больныхъ» («биурѣтъ-холимъ»), братство «талмудъ-тора»—воспитанія сиротъ, для выдачи безпроцентныхъ ссудъ подъ залогъ или поручительство небогатымъ евреямъ, нуждающимся въ кредитѣ; всномоществованіе не-вѣстамъ, «честныхъ дѣятелей» для разбора маловажныхъ споровъ между евреями работниками и евреями мастерами и пр.

стигаютъ уже могущественной силы ¹⁾). Въ наше время кагалы упразднены еще въ 1844 г. и вмѣсто нихъ оставлены только должности сборщиковъ податей и сдатчиковъ по воинской повинности, а въ духовномъ отношеніи евреи подчинены правительственныймъ раввинамъ, но въ дѣйствительности, по замѣчанию Чубинскаго, „общественная и частная жизнь руководствуется указаніями и управлениемъ донынъ существующаго, хотя офиціально и упраздненнаго правительствомъ,—кагала“. „Еврейскій кагалъ, по словамъ Брафмена, „отправляетъ обязанность опекуна надъ всѣми поступками и дѣйствіями каждого еврея, и, заботясь о материальномъ благосостояніи какъ общества, такъ и каждого отдельного члена его, кагалъ изыскиваетъ всевозможныя мѣры, не пренебрегая никакими средствами ²⁾).

¹⁾ Вотъ что говорить о кагальной организаціи этого времени проф. Автоновичъ: «городъ, заключавшій въ себѣ болѣе значительное еврейское народонаселеніе, составлялъ отдельный кагалъ; онъ подлежалъ суду и управлению коллегіи, состоявшей изъ выборныхъ лицъ, называемыхъ «старшіе жидовскіе кагальные судьи, школьники», подъ предсѣдательствомъ раббина; послѣднаго утверждалъ въ должности замковый урядъ или владѣлецъ города, получая, конечно, за утвержденіе извѣстную сумму денегъ; всѣ евреи, населявшіе болѣе мелкие города, составляли «прикагалки», зависѣвшіе отъ главнаго кагала, наконецъ евреи, разсѣянные по селамъ, были также присоединены въ число членовъ ближайшихъ кагаловъ. Кагальные суды и управляли по талмуду и по обычаямъ и преданіямъ еврейскимъ, и потому пользовались неограниченнымъ довѣріемъ со стороны еврейскаго народонаселенія. Для принятія общихъ мѣръ, для раскладки податей и т. п., депутаты отъ кагаловъ ссыпались ежегодно въ каждомъ воеводствѣ, поочередно въ кагальные города, составляли такъ называемые «жидовскіе сеймики», издавали на нихъ постановленія, обязательныя для всѣхъ евреевъ воеводства, и избирали особенное должностное лицо—генерального жидовскаго писара воеводства, который завѣдывалъ сборомъ податей и сносился съ коронными подскарбіями».

²⁾ Силу кагала, по мнѣнію Чубинскаго, относительно единовѣрцевъ составляютъ: а) страшный для каждого еврея «херимъ», ко-

Съ намѣченными особенностями евреевъ необходимо сообразоваться прежде всего при изученіи формъ труда, усвоенныхъ южно-русскими евреями: иначе многое останется неяснымъ и непонятнымъ.

Западно-европейскій періодъ въ исторіи еврейства — это періодъ ихъ городской жизни; по крайней мѣрѣ, это можно сказать о среднихъ вѣкахъ, когда евреи жили въ Европѣ отдельными общинами и занимали улицы или кварталы, отдаленные отъ христіанского населенія, и еврейскія общины въ средніе вѣка походили на колоніи, совершенно замкнутыя для вѣнчайшей жизни. Такія колоніи, болѣе или менѣе типичныя, можно было встрѣтить въ Испаніи, Франціи, Италии, Австріи; слѣды замкнутыхъ еврейскихъ поселеній сохранились во многихъ большихъ городахъ и до нашего времени въ названіяхъ отдельныхъ частей города, кварталовъ и улицъ (напр. въ Вѣнѣ и понынѣ одинъ кварталъ называется „Жидовскою Площадью“, тоже и въ Варшавѣ). Но исторической известностью, по своей типичности, пользовались „Гето“ (Ghetto) въ Римѣ и Еврейскій кварталъ въ Прагѣ. Причины изолированности поселенія и сосредоточенія еврѣйскаго населенія въ городахъ въ средніе вѣка можно формулировать, кажется, въ три положенія: 1) Нерѣдко еврѣямъ, какъ напр. въ Южной Франціи, дозволялось жить исключительно въ городахъ, мѣстечкахъ и укрѣпленныхъ замкахъ. 2) Города болѣе ограждали ихъ отъ вражды земледѣльческой, сельской массы, всегда болѣе фанатичной, а также и отъ насилий бароновъ, графовъ и пр., не говоря уже о томъ, что городская жизнь давала имъ болѣе средствъ къ отстаиванию своихъ

торый, гарантируя исполненіе постановленій кагала, придаетъ послѣднимъ силу и неприкословенность закона, б) право требовать подъ присягой отъ всѣхъ еврѣевъ показаній о состояніи и усилѣяхъ торговли, промышленности и пр.; в) право вмѣшательства въ домашнюю жизнь и даже кухню каждого еврѣя.

религіозныхъ и племенныхъ особенностей, и, наконецъ, 3) города по своему характеру представляли болѣе выгодныя усло-вія, чѣмъ села для тѣхъ занятій, какія дозволялись имъ до времени ихъ полной эманципації: раньше всего ростовщичество, позже торговля, и еще позже ремесла. Въ Польскихъ и Литов-скихъ земляхъ, во времена поселенія евреевъ, да собственно го-воря и въ продолженіи всей исторіи Польско-Литовскаго госу-дарства, а затѣмъ и Русскаго, не было ни тѣхъ характерныхъ кровавыхъ преслѣдованій, ни тѣхъ налоговъ, которыми подвер-гались евреи во всѣхъ другихъ государствахъ Зап. Европы. Однако и здѣсь евреи оказались горожанами. Явившись съ при-вычками и наклонностями къ такимъ занятіямъ, какъ ростовщи-чество, торговля и ремесла, они естественно стремились въ го-род, да кромѣ того къ нимъ прикрѣпляли ихъ постоянно льготы и юридическая установлена: въ Литовско-Польской пері-одѣ евреи прежде всего допущены были только въ города, какъ классъ промышленно-торговый; потомъ, хотя постепенно и про-никали въ села, но или нелегальнымъ, такъ сказать, путемъ, подъ видомъ панскихъ арендаторовъ, агентовъ и пр., или же съ разными ограниченіями; между тѣмъ въ XV в., по крайней мѣрѣ, евреи горожане, пользовались особымъ покровительствомъ законовъ и снабжены были всѣми правами торговли и про-мышленности, и даже имъ предоставлена была въ польско-ли-товскихъ городахъ своеобразная національная организація само-управлена въ формѣ „кагаловъ“ съ „подкагалками“ и сейми-ками. Въ россійской періодѣ малорусской исторіи также изда-ются постановленія, задерживающія евреевъ въ городахъ. Такъ 5-го мая 1795 года повелѣно евреевъ, кои не только по горо-дамъ, но и по селеніямъ разсѣяны пребывають, „внести въ горо-довыя окружныхъ городовъ книши, на основаніи городового положенія, подчиняя магистратамъ, и стараться переселять ихъ въ уездные города“. Такое значеніе имѣютъ и распоряженія 1804 г., котор. постановлялось, чтобы съ 1-го января 1807 г. въ губер-ніяхъ малороссійскихъ и новороссійскихъ, а съ 1-го января 1808 г. и въ другихъ, евреи ни въ какой деревнѣ и ни въ

какомъ случаѣ не содержали бы никакихъ арендъ, кабаковъ, шинковъ и постоянныхъ дворовъ, ни подъ своимъ, ни подъ чужими именемъ, и даже не жили бы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ, развѣ только прѣзломъ. И въ то же время имъ дозволялось заниматься этими промыслами въ городахъ. Но самая коренная условія, задерживавшія малорусскихъ евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ, это, конечно, условія соціально-экономической, а именно: низкій уровень массы, ея разрозненность и крѣпостная безправность, воспрепятствовавшія основному населенію путемъ конкуренціи вытеснить евреевъ изъ торгово-промышленной жизни городовъ въ жизнь болѣе тяжелую, жизнь земледѣльца—въ села. Условія послѣдняго типа, кромѣ юридической крѣпостной безправности, въ такой же силѣ сохраняются и въ наше время до конца рассматриваемаго періода, и потому вѣтъ ничего удивительнаго, что евреи остались горожанами, какъ по мѣсту своего жительства, такъ и по занятіямъ. Въ какомъ отношеніи находятся евреи городскіе къ евреямъ сельскимъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, въ которую вошли губ. изъ всѣхъ почти типическихъ частей Малороссіи: сѣв.-зап. кр., юго-зап. кр., „Малороссіи и Новороссіи“:

		Общее число Евре- евъ.	Городск. Евреевъ.	Сельск. Евреевъ.	% Городск.	% Сельск
1	Малор. часть Гродн. губ. (у. Кобр., Пруж., Бѣл. и Брестск.).	44149	22518	21631	51,1	48,9
2	Кievская губ.	247479	91346	156133	36,9	63,1
3	Черниговская	36539	27971	8568	76,6	23,4
4	Херсонская	131000	90000	41000	68,7	31,3
		459167	231835	227332	51,1	48,9

Изъ 48,9% сельскихъ евреевъ едва $\frac{1}{3}$ живетъ собственно въ селѣ, $\frac{2}{3}$ населяютъ мѣстечки. Между тѣмъ мѣстечки, осо-

бенно по правую сторону Днѣпра, въ большинствѣ разнятся отъ городовъ только въ административномъ смыслѣ, но не въ соціально-экономическомъ, и евреевъ мѣстечекъ правильнѣе всего отнести къ городскимъ. Съ прибавленіемъ же евреевъ мѣстечекъ къ городскимъ жителямъ коэффиціентъ евреевъ падаетъ до поразительной цифры. По Чубинському евреи разселены:

	Въ горо-дахъ.	Въ мѣст.	Въ селахъ.	Итого.
Кіевская губ...	98032	123909	41518	263459
Подольская . . .	70072	151124	25539	246735
Волынская . . .	69171	105228	36747	211146
	237275	380261	103804	721340

т. е. на село приходится едва 14,5%. Въ сѣв.-зап. краѣ, и въ частности въ Гродненской губ., по мнѣнію Бобровскаго, если къ городамъ прибавить еврейское населеніе мѣстечекъ, „въ коихъ еврейское населеніе является рѣшительно преобладающимъ, тогда на сельское населеніе не получится даже и одного %¹⁾. Въ Буковинѣ, а равно въ Галиціи и Привисл. краѣ, евреи живутъ преимущественно въ городахъ, а въ деревняхъ находятся, главнымъ образомъ, тѣ, которые занимаются продажею водки. Но если даже евреевъ, живущихъ въ мѣстечкахъ, отнести къ числу сельскихъ жителей, то и въ такомъ случаѣ еврейское населеніе, какъ мы видѣли изъ 1-ой таблицы, въ большей своей половинѣ будетъ принадлежать городамъ, именно 81,1%. Высокій процентъ городскихъ евреевъ отражается и на возвышеннѣ процента городскихъ жителей въ мѣстахъ еврейской осѣдлости. Подтвержденіе можно видѣть изъ

¹⁾ Бобровскій, стр. 690.

такой таблицы, составленной на основании материалахъ „Стат. Врем.“ за 1865 г.:

1. Въ Евр. Россіи (безъ Польши) жит. город. сост. 9% или 1 горож. на 9 сел.
2. Въ губ. Россіи, не имѣющ. еврейск. осѣда. „ 9,1% „ 1 „ „ 9 „
3. Въ губ. Россіи съ еврейск. насел. . . . . „ 11,9% „ 1 „ „ 7 „
4. Въ губ. Малор. съ еврейск. насел. . . . . „ 12,3% „ 1 „ „ 7 ..

Къ тѣмъ же результатамъ приводить и распределеніе евреевъ по сословіямъ. Положеніемъ 1804 года евреи раздѣлены на четыре сословія: а) земледѣльцевъ, б) фабрикантовъ, в) купечество и г) мѣщанство, и эти сословія существуютъ между ними и до конца рассматриваемаго периода. Кроме нѣсколькихъ тысячъ евреевъ колонистовъ, которые составляютъ еврейскій земледѣльческій классъ, да незначительного процента еврейскаго духовенства и военно-служащихъ, остальные евреи распредѣляются, главнымъ образомъ, между сословіями купцовъ и мѣщанъ.

Не придавая особенной важности такому или иному распределенію евреевъ по сословіямъ, мы ограничиваемся сословной группировкой евреевъ въ 4-хъ губерніяхъ:

Губернія.		Всѣхъ	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Землед.	Ремесл.	Вѣд. ука- зан. клас.
1	Кievская	въ 1845 (по Фудуклю)	158283	6383	132718	776	— 18406
2	Херсонская	по 9 ревизіи (Шмидтъ)	42563	6152	21667	14616	126 —
3	Черниговская . . .	по 10 ревизіи (Дом.)	33214	2692	27584	2584	— 354
4	Гродненская (уѣз- ды: Бѣльскій, Бѣ- лост., Кобринск., Пруж.)	по 10 ревизіи (Бобров.)	39880	400	33407	638	— 5425

Распределеніе массы евреевъ исключительно между городскими сословіями отражается и на общемъ процентѣ городскихъ сословій въ мѣстахъ, занятыхъ еврейскимъ населеніемъ. Тогда какъ по вычисленіямъ Военно-Стат. Сборника за

1871 г.¹⁾ въ Россіи на кажд. 1000 жителей приходится 80 человѣкъ городского сословія, въ мѣстахъ съ еврейскимъ населеніемъ отношеніе это рѣзко измѣняется:

1. Въ западныхъ губ. (или сѣв.) на 1000 жит. 140—170 городск. сосл.
2. Въ Польшѣ 215
3. Въ Бессар. и Херс. губ. . . . . 235—325

Еще болѣе рельефно выступаетъ сравнительно огромный % городскихъ сословій въ мѣстахъ поселенія евреевъ, когда мы сопоставимъ городское сословіе не съ общимъ населеніемъ, а лишь съ сельскимъ сословіемъ. По даннымъ Стат. Врем. за 1866 г. (ч. I) оказывается слѣдующее отношеніе городского сосл. съ сельскимъ:

1. Въ Евр. Россіи (безъ Польши) город. сосл. 6% сел. или 1 гор. на 17 ч. сел.						
1. Въ губ. Россіи не имѣющ. евр. нас.	5%	"	"	1	"	20 "
3. Въ 16-ти губ. съ евр. насел. ²⁾	18%	"	"	1	"	5 „ почти
4. Для 6-ти Малор. губ. съ евр. насел.	17%	"	"	1	"	6 "
5. „ 1-й Малор. г. (Харьковск.) бѣзъ евр. нас. 4%	"	"	"	1	"	25 "

Въ естественной связи съ мѣстами жительства, а отчасти и съ сословными правами, находятся какъ образъ жизни еврейского населенія, такъ и направленіе труда его.

Въ послѣднемъ отношеніи еврейство представляетъ феноменальное однообразіе, въ условій мѣста и времени: во Франціи или Пруссіи, въ Баваріи или Малороссіи, въ XIX в. или вѣкъ назадъ—всюду евреи въ подавляющемъ большинствѣ являются для окружающего ихъ общества населеніемъ непроизводительнымъ, спекулирующимъ посредничествомъ (торговлей, маклерствомъ, арендами и проч.). Вотъ, напримѣръ, какъ группировались евреи по занятію во Франціи, Баваріи, Баденѣ, и Пруссіи въ разные періоды:

1) Вып. I, стр. 13.

2) Одна—съ кореннымъ насел. вѣмецк.—Курляндская; 6 губ. Бѣлорусскихъ (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенск., Минск., Могилевская) въ 8 малорусск. съ Бессар.: Волынская, Екатериносл., Киевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская.

	Г о д а		Общее количество.	Живущ. ас- мледжемъ	%	Жив. рем., ювелир. и извозомъ	%	Живущ. отъ- профессиональ- ваний.	%	Спекуляр. посредни- чествомъ.	%
Во Фран- ции	1809	Моро де Ша- монъ	80000	—	—	5368	2,9	797	0,8	76585	95,9
, Баварии	1819		25000	1260	5	1009	3,9	—	—	22732	90,2
, Баденъ	1833	Каймъ	12000	206	1,7	1045	8,7	—	—	10749	89,5
, Пруссія	1862		253457	—	—	55000	21,7	16660	6,6	181797	71,5

Цифровые данные взяты изъ периода эмансиpации евреевъ въ Западной Европѣ и при томъ такого характера, на который защитники іудаизма указывали, какъ на „блестательный нравственный и промышленный успехъ, совершившійся въ еврейской средѣ за послѣднее время“ ¹⁾ и который, во всякомъ случаѣ, нельзя заподозрить въ уменьшениі количества производительно затрачиваемаго евреями труда. 70—90% евреевъ безъ продуктивныхъ занятій—явленіе такое обыкновенное и общепризнанное въ Западной Европѣ, что, напр. въ 1836 г., въ засѣданіи палаты въ Вюртембергѣ, указывалось, какъ „на гражданскій прогрессъ“, что между 11000 іудейского населения оказалось 900 ремесленниковъ, фабрикантовъ и ученыхъ, а съ семьями приблизительно 3600, или 32,7%. Въ южной Россіи наблюдаются по данному вопросу тѣ же факты. Въ 1872 г., г. Чубинскій дѣлаетъ такое „приблизительное распределеніе“ 750000 евреевъ по занятіямъ въ З.-хъ губ. юго-зап. края. ²⁾

¹⁾ Каймъ, 63 стр.

²⁾ Мы измѣняемъ нѣсколько таблицу г. Чубинскаго, какъ въ интересахъ болѣе удобнаго сравненія съ предыдущей таблицей, а также потому, что самую таблицу Чубинскаго вкралясь, очевидно, ошибка, почему она и представляетъ ариѳметическую неточность. (210 стр. «Труды». т. 7).

1. Евреевъ-колонистовъ.	20000= 2,6%
2. Ремеслен., извозч., водовоз.	160000=21,3%
3. Раввин., меламед. и шк. уч.	60000= 8%
4. Спекулирующихъ классовъ.	510000=68%

Изъ общей цифры евр. населеніе въ Черниг. губ., по свѣдѣніямъ Губ. Стат. Ком. за 1881 г. занято было:

1. Земледѣльцемъ и землевлад.	1%
2. Ремеслами	13%
3. Щинкован. и торговлею по докум.	43%
4. Остальные	40% „заняты такими дѣломъ, которое не легко поддается контролю и наблюдению: здѣсь имѣетъ мѣсто торговля безъ документовъ, факторство, коммиссіонерство всякаго рода и другіе совершенно неуловимые и трудно опредѣляемые виды дѣятельности“.)

Слѣдовательно, и въ Черниговской губ. % еврееевъ, не производящихъ продуктовъ, приблизительно тотъ же, какъ и въ юго-зап. краѣ, т. е. около 83%. Въ Полтавской губ. „земледѣльцевъ-евреевъ, въ губерніи исключительно земледѣльческой, нѣть ни одного“. ²⁾ Приблизительно подобное же распределеніе еврееевъ въ направленіи труда и въ другихъ провинціяхъ съ малорусскимъ населеніемъ, какъ въ предѣлахъ Австріи, такъ и Россійской имперіи.

Виды дѣятельности и практическія особенности въ приложеніи ихъ, безъ сомнѣнія, основныя и характерныя условія, опредѣляющія положеніе еврееевъ въ краѣ. Сообразно съ вышеуказанными цифрами и соображеніями, занятія еврееевъ распадаются на три категоріи: 1) занятія съ характеромъ спекуляціи: торговля и смежная съ нею занятія—ростовщичество, факторство, маклерство, крупная промышленность и еврейское землевладѣніе. 2) ремесла, извозъ и поденщина и 3) земледѣліе.

¹⁾ «Трудъ» 1881 г.

²⁾ Ibid.

Прежде всего остановимся на первой категории занятій, которая занимаетъ большинство еврейского населенія, и особенно на торговлѣ.

Торговля—главное занятіе евреевъ; съ нею связана вся историческая жизнь евреевъ въ Западн. Европѣ и въ Малороссіи, начиная съ XI в., продолжая чрезъ весь Литовско-Польскій періодъ и до нашего времени. Торговля высоко стоитъ въ религіозномъ воззрѣніи евреевъ и въ ихъ общественномъ мнѣніи, составляя „съ дѣтства и до гробовой доски обожаемое занятіе“ каждого іудейского индивидуума. Въ разсмотриваемый періодъ вся торговля малорусскихъ областей, кромѣ Харьковской губ., части Курской, Воронежской и земли В. Донск., а также Кубанской области, за небольшими исключеніями, находится во власти евреевъ, при чемъ усиленіе еврейской торговли идетъ пропорціонально густотѣ еврейского населенія, стародавности ихъ пребыванія на извѣстныхъ пунктахъ и центральности самыхъ пунктовъ: въ лѣвобережной Украинѣ и Новороссіи часть торговли принадлежить великоруссамъ, грекамъ и даже туземцамъ, въ Буковинѣ—нѣмцамъ и молдаванамъ, въ Венгріи—нѣмцамъ и венграмъ, въ Галиціи—нѣмцамъ; но въ центрѣ еврейского населенія—юго-зап. краѣ и въ малорусскихъ частяхъ сѣверо-зап. края и Привислянскаго—торговля безраздѣльно почти зависитъ отъ евреевъ. Убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи доказательствомъ служить одно количество еврейского торгового класса. Въ четырехъ малорусскихъ уѣздахъ Гродненской губ. по 10-ой ревизії купцовъ-евреевъ 400, а купцовъ-христіанъ 11 д.; еврейск. городск. сословія 22518, а христіанъ городск. сосл. 12279. Въ юго-зап. краѣ, разсчитывая по даннымъ Чубинскаго, еврейский торговый классъ достигаетъ до 230,000, что составляетъ около 30% всего еврейского населенія. Въ Буковинѣ, Галиціи, Угорской Руси, Привисл. и сѣверо-западн. краѣ, процентъ торгового класса ниже, чѣмъ въ юго-западн. краѣ, такъ какъ при густотѣ еврейского населенія экономическая необходимость заставила часть евреевъ смѣнить торговлю на другія занятія; въ лѣвобережной же Украинѣ, Новороссіи, Харьковск. губ. и другихъ частяхъ,

гдѣ, при отсутствіи сильной конкуренціи со стороны другихъ обитателей, сравнительная рѣдкость еврейства представляетъ просторъ для купли-продажи, этотъ процентъ гораздо выше 30%. Въ 1880 г. въ Черниговской губ. изъ общей суммы еврейскаго населенія 22% занято шинкованьемъ, 23% торговлею по документамъ. Если мы игнорируемъ ту часть евреевъ, которая торгуетъ безъ документовъ, то все-таки это составляетъ уже 45% еврейскаго населенія губерніи. Въ виду этихъ соображеній 30% торговаго еврейства можно признать, не рискуя особенно ошибиться, за средній для еврейскаго населенія всѣхъ малорусскихъ областей,¹⁾ и въ такомъ случаѣ торговыи еврейскій классъ въ указанномъ районѣ достигаетъ цифры 500,000, т. е. болѣе 2% всего населенія страны, или 1 еврей торговецъ приходится менѣе чѣмъ на 50 душъ населенія.

Евреямъ принадлежать всѣ виды торговли: розничная, оптовая торговля лавочными товарами, вывозная торговля, хлѣбная, лѣсная, мясная и питечная. Въ одномъ юго-зап. краѣ въ 70-хъ годахъ XIX ст. еврейство принадлежало 15156 лавокъ: 6366 съ мануфактурными и колоніальными товарами и 8690 съ товарами необходимыми для крестьянъ.¹⁾ Но и въ лѣвобережной Украинѣ особенно мелкою розничной торговлей ворочаютъ евреи; они же самые дѣятельные торговцы мануфактурными русскими издѣліями; кроме того, почти вся торговля иностранными товарами, привозимыми черезъ сухопутную границу, не исключая и оптовой, ведется евреями, и въ этомъ отношеніи торговыми центрами служатъ Бердичевъ, Каменецъ-Подольскъ, Броды и Дубно, откуда заграничные товары съ евреями расходятся по всей россійской Малороссіи. Вывозъ скота, шерсти, сала, кожи, тмина, лѣса и пр. черезъ таможни—Волочисскую, Радзивиловскую,

¹⁾ Въ Херсонской губ. въ 1880 г. еврейство принадлежало: 1) 90% всѣхъ трактирныхъ и питечныхъ заведеній; 2) 96% оптовыхъ спиртовыхъ складовъ; 3) 82% всего числа лѣсныхъ складовъ; 4) 78% хлѣбныхъ магазиновъ; 5) 71% торговыхъ лавокъ («Южный Край», 1881 № 311).

Дружинопольскую, Исаковецкую и пр., и вывозъ хлѣба черезъ Одессу производится почти нераздѣльно евреями. Но болѣе всего монополизирована была на всемъ пространствѣ еврейской осѣдлости питейная торговля; въ юго-зап. краѣ число еврейскихъ питейныхъ заведеній близко было къ 20,000; въ Черниговск. губ. изъ винныхъ складовъ евреевъ принадлежало 83 или 87%; изъ 3071 въ рукахъ евреевъ находилось 2386 (568 въ городахъ и 1818 въ селахъ) да еще безпатентныхъ еврейскихъ шинковъ до 1389.

Въ Полтавской губ. по даннымъ „Записки по еврейскому вопросу“ изъ 78 дѣйствовавшихъ въ 1881 г. винокуренныхъ заводовъ находилось въ рукахъ евреевъ 48; изъ 146 оптовыхъ складовъ вина 120, или 83%, въ рукахъ евреевъ, которые владѣли и 50% изъ 4870 пит. завед. Въ Херсонской губ., какъ мы видѣли, евреи владѣютъ 96% оптовыхъ спиртовыхъ складовъ и 90% всѣхъ трактирныхъ и питейныхъ заведеній.

Проживши торГОвою жизнью нѣсколько столѣтій, еврейство выработало и особенный типъ торговли, характерный какъ по своимъ внутреннимъ отличіямъ, такъ и по внѣшнимъ приемамъ. Кромѣ оптовыхъ торговцевъ, купецъ еврей рѣдко занимается какою-нибудь специальною торговлей; напротивъ, онъ охотно берется за всякаго рода торговыя дѣла; нѣтъ товара, котораго онъ бы не покупалъ, нѣтъ сдѣлки, сколько-нибудь обѣщающей выгоды, за которую бы онъ не взялся. Еврей, начавши дѣло, отдается весь ему: онъ не пожалѣвъ ни времени, ни труда, проникнетъ всюду, найдетъ подходящихъ пособниковъ, откроетъ болѣе выгодныя склонности и слабости людей и непремѣнно все и всѣхъ попытается обратить въ свою пользу. Смѣлость и рискованность въ предпріятіяхъ и неутомимое попеченіе объ ихъ успѣшности—черты присущія еврейской торговлѣ. Не спать нѣсколько ночей сряду, довольствоваться скучною пищею въ теченіе нѣсколькихъ дней, лишь бы достигнуть желаемаго результата и довести до конца начатое дѣло, никто не способенъ такъ выполнить, какъ еврей. Въ своихъ торговыхъ операцияхъ евреи не мало разсчитываютъ на быстроту оборота рубля и на опло-

ность покупателя или торговца,—отсюда навязчивость при еврейской куплѣ-продажѣ, запросъ въ три-дорога, обмѣриваніе, обвѣшиваніе, недоброкачественность товаровъ и всякаго рода обманъ—качества почти нераздѣльныя съ еврейской торговлей, и въ этомъ отношеніи евреи свою торговую дѣятельность доводятъ до уродливаго торгашества; большая часть торговыхъ операций евреевъ совершаются при помощи незаконныхъ средствъ; достаточно указать на одну контрабанду, которая почти исключительно идетъ черезъ руки евреевъ, и на тѣ фальсификаціи товаровъ, какія происходили въ подвалахъ Бердичева, какъ описываетъ ихъ Мещерскій. Но силу еврейской торговли составляетъ сплоченность и единство въ дѣйствіи торгового еврейскаго міра и обширность и организованность кредита. Еврейские торговцы имѣютъ доступъ во всѣ общія коммерческія учреждевія страны, но, кромѣ того, они имѣютъ свои особенные еврейскія кассы, своихъ банкировъ, также, какъ и своихъ подрядчиковъ, комиссіонеровъ, извозчиковъ и пр. Еврейскіе оптовые торговцы связаны кредитомъ съ евреями торговцами въ раздробь; около каждого оптоваго купца толпится сотня мелкихъ, болѣе бѣдныхъ евреевъ, которые берутъ товаръ изъ "оптовой лавки" и продаютъ его въ раздробь. Это оживленіе розничной торговли, по замѣчанію Аксакова, усиливаетъ массу наличныхъ денегъ на армаркахъ. Еврейскіе ростовщики доступнѣе для евреевъ-торговцевъ, если не величиною процентовъ, то тѣмъ, что даютъ въ займы безъ залоговъ, а это, при неимовѣрной быстротѣ еврейскихъ оборотовъ, играетъ громадное значеніе въ торговлѣ.

Торговая дѣятельность южно-русскихъ евреевъ не ограничивается русской государственной территоріей, но, напротивъ, она переходитъ за пограничную черту, въ Австрію и Пруссію, такъ что евреи лѣваго берега Днѣпра, Новороссіи, зап. края, Польши и упомянутыхъ государствъ составляютъ какъ бы одно огромное общество, скрѣпленное, кромѣ единства вѣры и языка, еще и единствомъ торговыхъ предпріятій; такая же связь существуетъ между оптовыми торговцами, положимъ, хлѣбомъ и скучщиками по мелочамъ того же предмета—въ деревняхъ шинкарями, ла-

вочниками, арендаторами и пр.; живою связью между ними слушать всякие коммиссионеры, факторы и маклера, такъ что, въ концѣ концовъ, страна, какъ сѣтью, охвачена еврейскою торго-вою спекуляцией.¹⁾ Нельзя при характеристикѣ еврейской торго-вли упустить изъ виду еще одно обстоятельство, которое при-даетъ большую важность вопросу о еврейской торговлѣ—это со-знательное стремленіе евреевъ стать по своимъ операциямъ ближе всего къ темной массѣ народа: изъ 15156 лавокъ 8690 произ-водили торгъ товарами, необходимыми для крестьянъ; по словамъ Волкова, „всѣ предметы первой настоительной необходимости крестьянскаго быта, за самыми ничтожными исключеніями, на наблюдалемыхъ имъ ярмаркахъ въ юго-западномъ краѣ продава-лись евреями: деревянныя издѣлія, кожевенные, чугунъ, желѣзо, кожухи, шапки, веревки, рядна, полотна, горшечный товаръ, соль, деготь, наконецъ галантерейные и красные товары; но особенную убѣдительность имѣла въ данномъ случаѣ еврейская питейная торговля: евреи не заводятъ роскошныхъ гостиницъ, ресторановъ, богатыхъ винныхъ погребовъ, но за то они стремятся монополизировать трактиры, корчмы и шинки въ глухихъ заго-родныхъ улицахъ, въ пригородахъ, мѣстечкахъ и селахъ, и дѣй-ствительно, этими заведеніями, главнымъ образомъ, владѣли евреи на всемъ пространствѣ Малороссіи. Въ характерѣ еврейскихъ

¹⁾ Кромѣ того, между еврейскими торговцами существуетъ не-рѣдко еще болѣе тѣсная связь, съ характеромъ стачки, предваритель-ного говора. Вотъ что читаемъ мы на этотъ счетъ у Мещерскаго: «еврей передъ Харьковскою и Полтавскою ярмаркою отправляется въ Бердичевъ (въ этотъ городъ биржи для ассоціаціи еврейскихъ тор-говцевъ), и тамъ, въ сообществѣ другихъ торговцевъ и банкировъ, со-ставляетъ и принимаетъ къ руководству извѣстную торговую инструк-цію. Здѣсь же онъ заручается крепитомъ, запасается факторами и входитъ душой въ то торговое товарищество, которое на каждой яр-маркѣ должно связывать неразрывной солидарностью еврейскихъ тор-говцевъ; здѣсь же послѣ ярмарки бердичевская торговля ассоціація выслушиваетъ отчеты произведенными оборотами и на ихъ основаніи вырабатываетъ дальнѣйшія правила дѣйствій».

питейныхъ заведеній лежить и объясненіе притягательности ихъ для евреевъ. Еврейскій кабакъ, корчма—это негласная банкирская контора и мѣсто всяческихъ сдѣлокъ еврея съ крестьянами и другимъ простымъ людомъ; она усердливо растворяла свои звери для всякаго нуждающагося въ деньгахъ, выдавала послѣднимъ денежныя ссуды подъ залогъ личнаго труда, съ обязательствомъ выплачивать проценты личнымъ же трудомъ или продуктами труда. Нерѣдко еврейскій кабакъ служилъ въ деревнѣ пристанодержательствомъ конокрадовъ, воровъ, притономъ разврата и имущественного разоренія бѣдняковъ и всегда—коммиссіонерствомъ по скupкѣ у окольныхъ крестьянъ, чаще по случаю и въ нуждѣ, произведеній: хлѣба, пеньки, куръ, гусей и т. д.¹⁾.

Указанныя условія, организація и способы еврейской торговли дѣлаютъ изъ евреевъ такую огромную силу, что конкурен-

1) Вотъ какъ въ этомъ отношеніи обрисовываетъ шинкаря Янсонъ: „Ницій, оборканный жидъ-шинкарь имѣеть, однако, огромное значеніе въ торговлѣ, особенно хлѣбной. Гдѣ поселился онъ, тамъ начинается ростовщичество и скупка хлѣба за деньги, а чаще за водку. Всѣ углы еврейскаго жилья наполняются разнымъ крестьянскимъ добромъ, и „клуна“ или амбаръ еврея засыпаются по мелочамъ собраннымъ зерномъ. Мало по малу оборванный жидокъ превращается въ обладателя всѣхъ мужицкѣхъ скирдъ, и начинается спекуляція, которая многихъ изъ нищихъ превращаетъ въ банкировъ“. Этотъ же жидокъ имѣеть и другое значеніе въ торговлѣ: ему поручается наблюденіе надъ мѣстными помѣщиками. Зоркій глазъ его видитъ все, что дѣлается въ панскихъ покояхъ. „Къ нему заѣдетъ каждый маклеръ или коммиссіонеръ, чтобы узнать объ обстоятельствахъ продавца помѣщика, заѣдетъ и уѣзжай отъ помѣщика, чтобы поручить „блести его интересы“ относительно помѣщика или объявить о наложеніи „херима“ на товаръ. „Помѣщикъ, попавшій подъ такой надзоръ, можетъ быть укѣренъ“, говорить тотъ же авторъ, „что каждый приходящій къ нему попушникъ, только подосланъ первымъ и станетъ давать ему дешевле, чѣмъ сулили ему прежде“. Не продасть такой помѣщикъ своего хлѣба въ близкомъ городѣ, потому что и тамъ всѣ еврейскіе скущники извѣщены уже объ обстоятельствахъ продавца.

щя съ ними мѣстнымъ туземнымъ торговцамъ рѣшительно невозможна. Эта сила тѣмъ больше и неотразимѣе, чѣмъ гуще еврейское населеніе, причемъ въ такихъ мѣстахъ замѣчается явленіе, противное закону конкуренціи, чѣмъ гдѣ больше еврейскихъ торговцевъ при отсутствіи торговцевъ изъ нееврейской среды, тѣмъ дороже обходится та услуга, которую они производятъ, какъ купцы и посредники. На фастовской ярмаркѣ, по словамъ Волкова, всѣ предметы первой необходимости крестьянскаго быта, за самыми ничтожными исключеніями, продавались евреями и весь виѣшній видъ ярмарки представлялъ собою возмутительную въ экономическомъ отношеніи картину: крестьяне продавали свой трудовой хлѣбъ евреямъ и за вырученныя деньги покупали у евреевъ же ихъ же мужицкими руками добытые и обработанные изъ сырья предметы первой необходимости. На ярмаркахъ же Борисполя и Нѣжина, въ мѣстахъ менѣе густого еврейского населенія, почти безъ исключенія всѣ сырье продукты продавались самими производителями, людьми мѣстного происхожденія, козаками и мѣщанами, такъ что больше 25% общей суммы оборота переходило непосредственно изъ рукъ производителей въ руки потребителей. Результаты совершенного подавленія туземнаго элемента въ торговлѣ и透过 это отсутствіе конкуренціи съ евреями на правомъ берегу и существованія послѣдней въ лѣвобережной Украинѣ отразилось до очевидности на цѣнахъ продуктовъ, какъ это можно видѣть изъ такой таблицы Волкова:

Товары.	Борисполь.	Фастовъ.	Разница.
Глиняный кувшинъ . . .	8 к.	15 к.	7 к.
Сапоги мужскіе	4—5 р.	5—6 р.	1 р.
» женскіе	3 р. 50—4.	4—5.	50 к.—1 р.
«Кожухи»	12—15 р.	16—20 р.	4—5 р.
«Лемеши»	1.30—1.50 к.	1 р. 75—2.	45—50 к.

Рушники	1 р. 50 - 3 р.	75 - 1 р.	>	
Топоры.	75 к.	80 - 90 к.	5 - 15 к.	
Колесъ станъ	3 р. 25 - 4	4 - 5 р.	75 - 1 р.	
Соли пудъ.	90 - 1 р.	1 р. 10.	20 - 10	
Дегтя ведро.	80 - 1 р	1 р. 20	40 - 20	
Тарани десятокъ. . . .	20 к.	30 к.	10 к.	

Нельзя при этомъ упустить изъ виду двухъ еще обстоятельствъ, именно, что дорогие предметы въ Фастовѣ, по замѣчанію Волкова, кромѣ колесъ, ниже по достоинству бориспольскихъ, и потомъ еще, что такая разница въ цѣнахъ стоитъ въ двухъ мѣстахъ, сосѣднихъ по уѣздамъ и находящихся на разстояніи 100 верст.; но чѣмъ дальше вглубь еврейскихъ поселеній, тѣмъ печальнѣе результатъ монополіи евреевъ въ торговлѣ края.

Къ торговлѣ примыкаютъ и держатся ею ростовщичество, коммиссіонерство, маклерство и факторство.

Исключительно занимающихся ростовщичествомъ среди евреевъ немногого,—въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ съ болѣе или менѣе густымъ населеніемъ имѣется спеціалистовъ ростовщиковъ вѣсколько; но за то рѣдкій не только торговый еврей, но и ремесленникъ и земледѣлецъ рядомъ со своимъ спеціальнымъ занятіемъ не пріобрѣтаетъ средствъ и ростовщичествомъ. Силошь да рядомъ можно встрѣтить сапожника, портного, книгопродаца, даже ходатая по дѣламъ, которые въ тоже время и ростовщики, понятно, неофициально, а частнымъ образомъ, ссужающіе деньги подъ варварскіе проценты¹⁾. По богатству еврейскіе ростовщики дѣлятся на вѣсколько градаций, отъ дающихъ тысячи до дающихъ единицы рублей; но общее между ними—это высокіе проценты и различіе, которое ставятъ ростовщики между

1) Рус. Кур. № 198, 1881 г.

заемщиками евреями и не евреями: отъ послѣднихъ обязательно требуется или залогъ, или прочный письменный документъ, съ евреями же сдѣлки проще, да и проценты не достигаютъ такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ 200—300%, въ годъ. Особенно процентщики обираютъ крестьянъ, берущихъ на подати и въ „случные часы“ подъ залогъ будущаго урожая или труда, или же съ уплатою процентовъ капитала урожаемъ и трудомъ. Чубинскій приводитъ примѣръ еврейскихъ процентовъ съ крестьянъ по 30% въ недѣлю, т. е. болѣе 150% въ годъ, но бываютъ проценты и выше. Въ Звенигородскомъ у. Киевск. губ., по словамъ корреспондента „Труда“, еврей Л—нъ бралъ 400% въ годъ будущимъ урожаемъ.¹⁾ По словамъ корреспондента „Русскаго Курьера“ въ юго-зап. краѣ „евреи, давая крестьянамъ взаймы съ платою урожаемъ и трудомъ, вместо процентовъ берутъ въ пользованіе крестьянскіе надѣлы и получаютъ 400—500%“. ²⁾ Евреями же созданъ еще особенный открытый видъ ростовщичества—размѣнъ денегъ на мѣсячныхъ столикахъ, где еврей отсчитываетъ въ свою пользу съ каждого размѣненнаго рубля отъ 2—6 коп., что составляетъ не сотни, а тысячи процентовъ. Еврейское ростовщичество очень развито въ странѣ: оно оказываетъ кредитъ и помѣщикамъ, и заводчикамъ, и горожанамъ, и крестьянамъ. Определить сумму, какая находится у еврейскихъ ростовщиковъ въ оборотѣ, и прибыль, нельзя и приблизительно по негласности и неопределенности самого дѣла. Чубинскій, предполагая, что у помѣщиковъ и заводчиковъ еврейскихъ денегъ только до 5000000, а у крестьянъ только до 2000000, получаетъ прибыль 1000000; ³⁾ но такой выводъ противорѣчитъ прежде всего его собственнымъ словамъ, что въ деревнѣ процентъ евреевъ доходитъ до 156 р. (въ годъ), да и самъ онъ указываетъ, что въ одномъ селѣ N онъ знаетъ трехъ лицъ, которые даютъ деньги на проценты и зарабатываютъ до 1500 руб. въ

¹⁾ «Трудъ» № 45.

²⁾ „Русск. Курьеръ“ № 150.

³⁾ Чубинскій 206 стр.

годъ. На это же указываетъ и корреспондентъ Звенигородскаго уѣзда, говоря, что въ селѣ К—ѣвъ еврей А—нъ въ 1881 г. раздалъ „голытьбѣ“ на счетъ будущаго урожая около 1500 р. по 400%¹⁾. Можно съ увѣренностью сказать, что мы далеко не приблизимся до величины оборотовъ еврейскихъ ростовщиковъ, если удвоимъ цифру Чубинскаго и разсчитаемъ прибыль не по 13%, такъ какъ такие проценты совершенно не существуютъ въ практикѣ еврейскихъ ростовщиковъ, а хотя только по 25%, то при такомъ разсчетѣ прибыль евреевъ отъ ростовщичества въ предѣлахъ Малороссіи доходитъ до 8000000 р. Но, конечно, нашъ разсчетъ гадательный, и едва ли когда нибудь придется отмѣтить цифрами эту чрезвычайно темную сторону еврейской торговли деньгами. Такъ же темна и факторская профессія евреевъ. Послѣдній видъ труда, кажется, больше, чѣмъ какой-нибудь другой, созданъ у насъ евреями и теперь исключительно ими монополизированъ. Въ районѣ обитанія евреевъ, особенно густого, между потребителями и производителями, между производителями и посредниками-торговцами, между послѣдними и потребителями товара стоитъ цѣлый многочисленный классъ евреевъ, который участвуетъ во всѣхъ могущихъ возникнуть между указанными экономическими группами операцияхъ, осложняетъ до невозможности процессъ всякаго обмѣна цѣнностей, возвышаетъ ихъ стоимость и живеть на счетъ этого искусственно созданного процесса. Этотъ классъ составляетъ факторы, комиссіонеры и маклера. Еврейскіе факторы предлагаютъ свои услуги пры самыхъ разнообразныхъ сдѣлкахъ; существуютъ факторы при крупныхъ операціяхъ и въ оптовой торговлѣ,—безъ нихъ не обходится ни одинъ торговый домъ; существуютъ факторы и при розничной торговлѣ „въ незначительныхъ торговыхъ операціяхъ и даже въ предѣловъ торговли къ собственному смыслу: есть факторы, чтобы сводить двухъ лицъ для сдѣлки по торговлѣ любымъ предметомъ, есть факторы по найму рабочихъ, подводъ, факторы для доставки товаровъ на домъ; фак-

1) „Трудъ“ № 45.

торы для пассажировъ и пр.; но самый низшій видъ ихъ—это факторы при гостиницахъ, постоянныхъ дворахъ и трактирахъ, или „мишурасы“. Послѣдніе не даютъ покоя проѣзжему предложениемъ всякихъ визостей, и главная ихъ доходная статья—сводничество, причемъ происходитъ самая безсовѣстная эксплуатациѣ низменныхъ страстей пріѣзжихъ и безвыходности проститутокъ. Въ самой еврейской средѣ факторы пользуются преврѣніемъ, и факторствомъ занимаются люди, нѣ привыкшіе къ труду, сомнительной честности, берущіе на себя всевозможныя порученія, какъ бы цѣль ихъ гнусна ни была, ради денегъ готовые на всякую визость и подлость¹⁾. Такой взглядъ не распространяется, впрочемъ, на привилегированый сортъ факторовъ, носящихъ название *коммиссіонеровъ*. Еврейскіе коммиссіонеры—это факторы для крупныхъ сдѣлокъ, особенно хлѣбныхъ; такими коммиссіонерами переполнена Одесса, Екатеринославъ, Пинскъ и проч.: одни изъ нихъ живутъ тамъ постоянно, другіе наѣзжаютъ туда только по временамъ, всѣ они люди зажиточные, а есть между ними даже и богатые. Безчисленное множество разсыпано по всему краю и разныхъ агентовъ—коммиссіонеровъ богатыхъ оптовыхъ купцовъ. Они являются связующимъ элементомъ между отдаленными рынками и торговыми центрами. Кроме коммиссіонеровъ, въ еврейской торговлѣ является лицомъ неизбѣжнымъ еще *маклеръ*, этотъ ходачій прѣсь-курантъ, въ памятно-записной книжкѣ котораго означены цѣны, количество товара, предлагаемаго къ продажѣ, мѣстонахожденіе его, степень нужды продавца въ деньгахъ, однимъ словомъ все, что можетъ интересовать покупателя. Маклеруетъ множество евреевъ, и весь край, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ еврейство, опутанъ стѣю маклеровъ, проникающихъ во всѣ самыя затаенные экономическія стороны.

Всѣ эти виды факторовъ получаютъ на свою долю не мало отъ торговыхъ операций въ краѣ, такъ какъ безъ нихъ рѣдко совершаются какая-нибудь сдѣлка: получаютъ они условленный

¹⁾ Чуб. 95.

процентъ съ обѣихъ сторонъ, вступившихъ въ соглашеніе по какому-нибудь торговому дѣлу; въ значительной части случаевъ факторъ получаетъ вознагражденіе и за то, что „не портить дѣла“; но опредѣлить стоимость странъ еврейскихъ факторовъ едва ли возможно и приблизительно даже. Всѣ указанныя выше разновидности факторовъ имѣютъ дѣло при своихъ операціяхъ съ помѣщиками, купцами и разными городскими обывателями, болѣе или менѣе людьми развитыми, и послѣднимъ обстоятельствомъ вредное значеніе факторовъ въ экономической жизни края ослабляется; но есть еще одинъ видъ факторовъ, на который нельзя не обратить особенного вниманія—это *агенты по найму рабочихъ*. При всѣхъ свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ и при другихъ заведеніяхъ, какъ еврейскихъ, такъ и не еврейскихъ, а также при сплавѣ лѣса и пр., существуютъ специалисты-евреи, обязанность которыхъ—поставлять нужный контингентъ рабочихъ. Прибыль отъ операций связана съ выгодностью для патрона найма рабочихъ, отсюда понятна энергія этихъ новѣйшихъ торговцевъ свободными невольниками. Съ рѣдкимъ чутью они узнаютъ, въ какой мѣстности или недородѣ хлѣба, или иная крестьянскія певзгоды поставили населеніе въ безвыходное положеніе въ вопросѣ о податяхъ и хлѣбѣ; „съ инстинктомъ хищной итицы, по выражению Червинскаго, они летать на несчастіе, на голодъ и нужду“ и не ошибаются, конечно: при помощи ублаженныхъ волостныхъ заправиль, закабаляютъ они крестьянъ въ работу на заводы, фабрики или плоты на самыхъ безжалостныхъ условіяхъ для рабочихъ. Заподрижаніемъ занимаются специалисты своего дѣла, и потому кабала накладывается полная, по всѣмъ правиламъ юридического искусства, съ оформленными контрактами и неустойками, съ круговою порукою, самыми мелочными предвидѣніями интересовъ хозяина, и одного только нѣтъ въ нихъ—какой-нибудь гарантіи интересовъ рабочихъ.

Занятія специально торговлею и смежными съ ней—ростовщичествомъ, факторствомъ и маклерствомъ, какъ мы уже говорили, привлекаютъ самый видный процентъ еврейского населенія;

сравнительно меньшій процентъ евреевъ отдается крупной фабрично-заводской промышленности.

Въ крупной фабрично-заводской промышленности евреи являются или хозяевами заводовъ и фабрикъ, или же арендаторами. Въ послѣднія два десатилѣтія рассматриваемаго періода съ паденiemъ помѣщичьяго элемента въ странѣ, евреи- заводчики усиливаются все болѣе и болѣе. Въ юго-зап. районѣ евреи участвуютъ почти во всѣхъ видахъ промышленности: имъ принадлежитъ въ собственность 649 промышленныхъ заведеній, которые представляютъ собой цѣнность въ 1,730,000 р., арендованныхъ—6216, а всего 6865 заведеній. Отъ этихъ заведеній евреи получали чистой пользы:

1. Отъ свеклосахарн. и рафинадн. заводовъ болѣе	1,220,000
2. Винокуренныхъ	700,000
3. Пиво- и медоваренныхъ.	30,000
4. Прочихъ заводовъ	250,000
5. Мельницъ	2,300,000
Итого	4,500,000 ¹⁾

За выключенiemъ развѣ 10%, по мнѣнію Чубинскаго, всѣ мельницы находятся въ рукахъ евреевъ. „Изъ 5730 мельницъ юго-зап. края, находящихся въ рукахъ евреевъ, только 186 составляютъ ихъ собственность, остальные находятся у нихъ на арендномъ правѣ; при чмъ мельницы большою частью или арендованы вмѣстѣ съ питейными заведеніями и другими арендными статьями, ставящими евреевъ - арендаторовъ въ непосредственное сношение съ крестьянствомъ. Явленіе аналогичное съ тѣмъ, которое указано выше. Изъ остальныхъ 2618 заводовъ и фабрикъ въ рукахъ евреевъ находится 1095, т. е. около 41%, въ частности:

1. Сахарныхъ . . . изъ 117—27 . . .	около 24%
2. Винокур.	539—500 . . . . .
3. Пиво- и медовар.	148—119 . . . . .
4. Изъ остальныхъ . . . 1375—493	32%

1) Чуб. 196.

и вся почти заведенія въ аренда. ¹⁾ Приведенные цифры указываютъ, что еврейская промышленность специализировалась въ это время на производствѣ спиртныхъ напитковъ: водочные, пиво- и медовар. заводы захвачены евреями; этимъ же объясняется и монополія мельницъ, какъ необходимыхъ принадлежностей спиртныхъ напитковъ. Въ свою очередь вся эта отрасль еврейской промышленности есть только продолженіе и дальнѣйшее развитіе торговыхъ операций спиртными напитками во всякаго рода питейныхъ заведеніяхъ, которыми они опутали, какъ сѣтью, городскую и сельскую Малороссию.

Определить, какое число евреевъ участвуетъ и кормится отъ крупной промышленности, чрезвычайно трудно, не по недостатку только материаловъ, но и по своеобразію самого еврейского производства. Въ каждомъ промышленномъ заведеніи, кроме официального хозяина заведенія или арендатора съ семьей, участвуетъ еще вереница разныхъ коммиссіонеровъ, прикащиковъ, поставщиковъ, агентовъ, факторовъ и всегда изъ евреевъ же. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ еврейскихъ промышленныхъ заведеніяхъ евреи занимаютъ всѣ роли, кроме ролей съ производительно-мускульнымъ трудомъ—это удѣлъ крестьянъ; евреи, кроме хозяина или арендатора—управители и прикащики, поставщики материала и топлива, пріемщики продуктовъ, агенты по закупкѣ материала и сбыту заводскихъ продуктовъ и, наконецъ, факторы по найму рабочихъ; рабочие же—исключительно крестьяне. Къ крупной промышленности примыкаетъ и еврейское землевладѣніе: разница въ предметахъ эксплоатациі;

---

1) Въ Черниг. губ. въ 1881 г. изъ 79 винокур. заводовъ 13 принадлежало евреямъ въ собственность, а 23 арендуются ими; но эти числа, замѣчаетъ корреспондентъ «Труда», по всейѣ вѣроятности, илжеѣ дѣйствительности, такъ какъ многіе заводы евреи арендуютъ по частнымъ условіямъ, о чёмъ акцизное вѣдомство не имѣеть свѣдѣній („Трудъ“ 1-е декабря).

Въ Полтавск. губ. въ 1881 г. изъ 78 дѣйствующихъ винокуренныхъ заводовъ находилось въ рукахъ евреевъ 48 („Земство“).

но не въ характерѣ и способахъ. Еврейское землевладѣніе на территории малорусского племени явленіе сравнительно новое: если въ малорусскихъ частяхъ Австріи начало его нужно искать въ послѣдней четверти XVIII ст., то въ остальной половинѣ оно, собственно говоря, совпадаетъ съ паденіемъ крѣпостного права. „Съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ объясняетъ г. Чубинскій, слѣдовательно, съ необходимостью вести хозяйство на деньги, евреи, какъ капиталисты края, естественно оказались въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ нѣкоторые землевладѣльцы“, и потому въ прогрессивной пропорціи помѣщичьи имѣнія стали переходить въ руки землевладѣльцевъ-евреевъ, какъ на правахъ собственниковъ, такъ еще болѣе на арендныхъ основаніяхъ. Польское восстаніе 1863 г. тоже не мало передало земли въ руки евреевъ, благодаря сокращенію польского землевладѣнія въ краѣ. Въ 1871 г. въ юго-зап. краѣ евреями приобрѣтено въ собственность 12 имѣній или 17,903 десятины стоимостью въ 700,000 руб. и до 1000 имѣній арендовано у помѣщиковъ или болѣе 150,000 дес. съ платою одной аренды болѣе 1,500,000 р. Такъ что на 1872 г. въ руки евреевъ фактически перешло уже до $\frac{1}{9}$ части всей помѣщичьей земли въ краѣ. Аналогичный ходъ еврейское землевладѣніе имѣло и въ лѣво-бережной Украйнѣ. Въ Черниг. губ. въ серединѣ 70-хъ гдѣвъ около 200,000 десятинъ (изъ общаго количества 1,193,000 владѣльческой земли¹⁾) находится въ рукахъ евреевъ, т. е. около 16%. Въ полтавской губ. изъ двухъ миллионовъ десятинъ земли, не составляющей крестьянской собственности, около 36,000, или до 2%, принадлежитъ евреямъ, аредующимъ еще до 172,000 дес. земли, иначе до 9% частной поземельной собственности. Изъ 78,121 дес. земли, потерянныхъ путемъ продажи крупными собственниками-дворянами за восемилѣtie 1869—1876 г., на долю евреевъ досталось 25,713 дес. или болѣе 32%, тогда какъ на долю крестьянъ меньше 20,000²⁾), и вообще евреи сдѣлались преимущественно арендаторами и по-

¹⁾ Чуб. 183—184.

²⁾ „Земство“ 1881 г. № 4—5.

купщиками земель крупныхъ собственниковъ. Авторъ „писемъ изъ деревни“ (малороссійской несомнѣнно) говоритъ, что въ одномъ только уѣздѣ изъ 43 имѣній 25 находятся въ арендѣ, или изъ 36122 дес. въ арендѣ болѣе половины... „хотя не болѣе 15-ти лѣтъ, прибавляется онъ, какъ евреи допущены въ села“¹⁾). Какъ быстро въ Малороссіи замлевладѣніе дѣлается еврейскимъ, можно видѣть изъ такого сообщенія корреспондента „Голоса“: на всѣхъ публичныхъ торгахъ земли покупаютъ евреи. Такъ въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, въ с. Талалаевкѣ, большое имѣніе купилъ еврей; имѣніе Тарновскаго—Комары купилъ еврей; имѣніе Поповку—купилъ еврей. На такое явленіе указываетъ и корреспондентъ „Русск. Курьера“ (№ 121) изъ Полтавы, когда говоритъ объ обезземеленіи крестьянскаго хозяйства.

Еврейское землевладѣніе на всѣхъ концахъ Малороссіи составляетъ видный процентъ и все болѣе и болѣе усиливается, но, благодаря некоторымъ ограниченіямъ, поставленнымъ ему закономъ въ юго- и сѣверо-зап. краяхъ, оно свободнѣе и интенсивнѣе развивается въ лѣвобережной Украинѣ и Новороссіи. Какъ евреи собственники, такъ и евреи арендаторы одинаково смотрятъ на свое предпріятіе и одинаково ведутъ хозяйство: воздѣлываніе земли у нихъ является не хозяйственнымъ предпріятіемъ, а торговою спекуляціей, и потому здѣсь одна задача—выжать изъ земли и изъ окружающихъ соціально-экономическихъ обстоятельствъ какъ можно больше прибыли. И дѣйствительно, евреи не обманываютъ въ своихъ расчетахъ: они кладутъ въ свой карманъ двойныя и тройныя суммы сравнительно съ затраченнымъ капиталомъ. Объясненіе этому находимъ въ специфическомъ веденіи землевладѣльческихъ дѣлъ, въ которомъ получаются примѣненіе всѣ таланты, пріемы и машинаціи евреевъ-торговцовъ. Много писалось и въ корреспонденціяхъ, и въ специальныхъ трактатахъ, и въ правительственныйыхъ и земскихъ органахъ о еврейскомъ землевладѣніи, и намъ придется только ограничиться выводами о немъ. Еврей арендуетъ

1) „Трудъ“ 1881 г. № 32.

у владѣльцевъ или задолжавшихъ, или подъ деньги впередъ, при этомъ въ мѣстахъ, гдѣ знаетъ все насквозь: каждого мужика, его семью, его нужду, его слабости, или гдѣ есть родственники, или вѣрный товарищъ, или наконецъ входитъ въ сѣть еврейской аренды, охватывающей извѣстную мѣстность. Окруженный цѣлымъ скопищемъ евреевъ (полу-прикащиковъ, полу-компаніоновъ, иногда родственниковъ, иногда наемныхъ лицъ), связанныхъ общей цѣлью наживы на счетъ невѣжественнаго мужика, раскидывается онъ вездѣ свою паутину и подстерегаетъ добычу не только изъ арендной усадьбы, но и изъ излюбленныхъ наблюдательныхъ пунктовъ—кабака и деревенской лавочки, гдѣ пріотились его вѣрные союзники. Шинокъ и лавочка, скупка сельскихъ продуктовъ и сельское ростовщичество и всякая другія средства для эксплуатации человѣка и человѣческихъ отношений пускаются въ помощь къ землевладѣнію и составляютъ иногда основной доходъ еврея-арендатора, для которого самая аренда является лишь предлогомъ, обстановкой. Такой же побочный, но прибыльный доходъ даютъ евреямъ-арендаторамъ имѣній „потравы“. Чаще всего еврейскія земли примыкаютъ къ землямъ крестьянъ, отчего для послѣднихъ почти невозможно уберечь скотъ, чтобы онъ не зашелъ на еврейскія земли, и этимъ евреи пользуются самымъ безжалостнымъ образомъ.

Первый результатъ, который получается отъ хозяйствования по указанному плану—уничтоженіе всякой конкуренціи со стороны арендаторовъ не евреевъ, а второй—закабаливаніе окружного крестьянства и почти даровая обработка земли: вѣчно нуждающійся малорусскій земледѣлецъ въ землѣ и деньгахъ для подати и для домашнихъ крайнихъ потребъ, въ концѣ концовъ неизбѣжно окажется и должникомъ, и скопщикомъ арендаторомъ у сосѣдняго еврея. Еврей никогда почти не ведетъ хозяйства собственными средствами: онъ не заводитъ ни своего скота, ни своихъ земледѣльческихъ орудій, не дѣлаетъ хозяйственныхъ построекъ, а предпочитаетъ или напимать крестьянъ съ ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями, платя имъ отъ морга или деся-

тины, какъ это можно встрѣтить чаще всего у евреевъ землевладѣльцевъ въ Юго-Зап. краѣ, или обрабатывать земли „скопшиной“. При скопшинѣ евреи получаютъ въ свою пользу иногда $\frac{1}{2}$, но чаще $\frac{2}{3}$ и $\frac{3}{4}$ урожая отъ жатвы, да съ сѣнокоса до $\frac{3}{4}$ всего количества сѣна, помимо всякихъ доплатъ и отработокъ. Такая система хозяйстванья даетъ еврею всѣ выгоды, безъ всякаго хозяйственнаго труда, безъ всякихъ агрономическихъ улучшений, съ его стороны, за одинъ хлопоты и комиссіонерство, какъ и въ торговыхъ операціяхъ, а крестьянина съемщика и работника заставляетъ работать нерѣдко не только безъ выгода, но просто въ убытокъ себѣ. Вотъ примѣрный счетъ г. Варзера о результатахъ скопшины для крестьянина въ Черниг. губ. Доходъ съемщика 30 пуд. ржи; расходъ же, по условію съ евреемъ:

$\frac{1}{2}$ арендатору	15 пуд.
обсѣмененіе	7 "
Стань ($\frac{1}{5}$ урож.).	6 "
Обработка (запашка и пр.) . . .	4 "
Доплаты (40 к.)	1 "
Итого	33 пуда.

Слѣдовательно, крестьянинъ работаетъ съ убыткомъ для себя въ 3 пуда, но бываютъ доплаты въ 1 р. и даже больше.

Неизбѣжные и непремѣнны спутники еврейскаго землевладѣнія: разрушенныя помѣщичьи усадьбы, вырубленный лѣсъ, проданный скотъ и покрытая сорными травами земля, а вокругъ— обѣданіе крестьянства.

Къ послѣднему типу дѣятельности евреевъ относится аренда казенныхъ оброчныхъ статей: пахати, луговъ, лѣсу, казенныхъ построекъ и пр. Евреи въ этой области между другими кулаками занимаютъ самое видное мѣсто, благодаря своему искусству обходить всякия препятствія. Искусство евреевъ въ этомъ отношеніи неуловимо по своему разнообразію: прежде всего стачка, и въ этомъ „евреи, по выражению Шлейснера, мастера болѣе другихъ, такъ какъ они кагалльно солидарны“, потомъ

всакіе обходы, въ родѣ слѣдующаго случая, разсказанного корреспондентомъ „Южнаго Края“: евреи на торгахъ въ Херсонск. губ. воввысили цѣну до такой цифры (4 р. 50 к.), что нѣмцы-поселяне, конкурировавши съ ними, отступились. „Еврей беретъ, уплачиваетъ за землю за полгода впередъ и сейчасъ же сдается ее по участкамъ по цѣнѣ низшей, но уже не на полгода, а на годъ, причемъ беретъ съ крестьянъ всѣ деньги впередъ, самъ же черезъ полгода объявляетъ себѣ несостоятельнымъ и отступается отъ аренды. Назначаются новые торги, и оброчная статя сдается по низкой цѣнѣ тому же еврею透过 посредство подставного лица“, такъ какъ никакихъ конкурентовъ на этотъ разъ не явилось ¹⁾.

Оттиснувши тѣмъ или другимъ способомъ конкурентовъ и забравши доходныя статьи въ свои руки, евреи безъ всякаго труда получаютъ одинъ барышъ изъ окружающихъ крестьянъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: „Дача Херс. у. Дубовая изъ 2060 дес. арендована евреемъ при оцѣнкѣ въ 2 р. 60 к. за десятину: онъ отдаетъ часть земли на выпасъ скота по 2 р. 50 к. за крупную скотину „или съ обязательствомъ убрать у него 2 дес. посѣва, что составляетъ 7 р.“ Сергѣевская дача 2284 дес. находится въ арендѣ у евреевъ съ платою 2184 р., т. е. менѣе 1 р. за десятину“, а аренда въ тѣхъ мѣстахъ не менѣе 2 р. 50 к. „Дача Терновская 1136 дес. арендаторъ купецъ еврей платить далеко ниже оцѣнки—2 р. 85 к. за десятину, а отдаетъ подъ посѣвъ по 3 р. 50 к. и за сѣнокосъ отъ 4 до 5 р. за дес. ²⁾).

Сравнительно съ торговлей и отмѣченными выше занятіями, производство мелкое—кустарное и ремесленное—мало занимаетъ еврейскихъ силъ. Евреи воспитали въ периодъ своей европейской истории отвращеніе ко всакому физическому труду, благодаря, можетъ быть, долгому запрещенію этихъ занятій, а также и малой обеспеченности ремесленниковъ въ тотъ кровав-

1) «Южный Край», № 128.

2) «Отеч. Зап.» 1881 г. № III, Шлейснеръ, стр. 44—45.

вый періодъ еврейской исторіи, когда только деньги давали имъ сколько-нибудь сносное существованіе. Привычка сдѣлала свое дѣло, и вотъ мы видимъ, что у евреевъ, начиная со среднихъ вѣковъ, ремесленники въ соціальномъ отношеніи считаются самымъ низшимъ классомъ. Лелѣя постоянно мечту о пріобрѣтеніи капитала, еврей, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, хотя бы ему трудно было даже содержать свою семью, попытается прістроить своихъ дѣтей прежде всего къ торговлѣ, хотя бы въ качествѣ мальчиковъ при лавкахъ („клейть-мишуресь“), и только „весъма рѣдкій еврей отецъ, говорить г. Чубинскій, рѣшается отдать сына къ портному или сапожнику, или шапочнику“¹⁾). Отъ этого еврейскій ремесленный классъ пополняется круглыми сиротами да дѣтьми нищенствующаго класса евреевъ. Галиція, Привислянскій край, сѣверо-западный и зап. край считаются въ рядахъ ремесленниковъ больше евреевъ, чѣмъ Буковина, лѣвобережная Украина, Новороссія и др. Такое явленіе объясняется тѣмъ, что въ первыхъ областяхъ Малороссіи, гдѣ торговый еврейскій классъ до того переполнилъ дѣйствительную потребность страны, что многимъ изъ евреевъ рѣшительно не остается мѣста на торговомъ пиру, они то и берутся за ремесло до первого, впрочемъ, случая, когда имъ удастся смынуть ремесло на торговлю. Изъ ремесленниковъ, главнымъ образомъ, состоитъ низшій классъ еврейскихъ эмигрантовъ, который, какъ авангардъ еврейства, передвигается больше всего на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ значительная часть изъ нихъ очень скоро обращается въ торговцевъ того или другого вида. Изъ ремесль евреи избираютъ болѣе легкія по мускульному напряженію и болѣе близкія къ торговлѣ по своему характеру. Первое мѣсто занимаютъ ремесла—золотыхъ дѣлъ, часовое, граверное и позументное. Эти занятія пользуются большимъ противъ всѣхъ другихъ ремесль почетомъ и не считаются унизительными. Потомъ слѣдуютъ мѣдники, портные, шапочники, сапожники, маляры и

¹⁾ Чуб. 90.

музыканты. Общественное мнѣніе евреевъ не расположено къ этимъ видамъ, считая занимающихся ими членовъ общества людьми религіозно-индиферентными и вообще низшей нравственности противъ другихъ. Такія же ремесла, какъ кузнечное, столярное, плотничье, шорное, ткацкое, ремесла каменщиковъ и вообще ремесла самыя тяжелыя по затратѣ мускульныхъ силъ—находить для себя работниковъ среди евреевъ рѣже всего, особенно ничтожно между ними количество каменщиковъ и печниковъ. Ремесленниковъ послѣдняго типа можно найти только по правую сторону Днѣпра, и ихъ совершенно нѣтъ, кромѣ развѣ кузнецівъ, въ лѣвобережной Украинѣ, Новороссіи, Харьковск. и др. губ. Среди ремесленниковъ евреевъ замѣчается то же самое явленіе, что и между торговцами—отсутствіе специальности, и особенно наслѣдственной. Трудно отыскать еврея ремесленника, особенно въ Галиціи, съверо- и юго зап. краѣ, который не зналъ бы еще какого-ниб. ремесла сверхъ того, какимъ онъ занимается въ данную минуту. Еврей столяръ въ то же время и слесарь, и сапожникъ, и парикмахеръ, и сверхъ всего этого корчмаръ, не говоря уже, что онъ неизбѣжнымъ образомъ факторъ, ростовщикъ и т. д. Понятно, что въ ремеслѣ евреевъ не бываетъ усовершенствованій ни въ прочности работы, ни въ кройкѣ, потому что нельзя же грубое слѣдованіе евреевъ ремесленниковъ за модой относить на ихъ счетъ, но за то никто, какъ евреи, не способенъ такъ экономично обходиться съ материаломъ, идущимъ на работы; у евреевъ ремесленниковъ всегда идетъ меныше материала на предметъ, чѣмъ у ремесленниковъ другихъ націй; кромѣ того, чаще всего работы евреевъ отличаются непрочностью, недоброкачественностью въ материалахъ. Между ремесленниками евреями не мало встрѣчается и такихъ, которые являются только хозяевами мастерскихъ; рабочіе же у нихъ всѣ, или въ преобладающемъ количествѣ,—местные жители; особенно такого вида ремесленниковъ много въ мѣстахъ съ рѣдкимъ еврейскимъ населеніемъ. Еще меныше въ средѣ евреевъ чернорабочихъ, поденщиковъ, и самый низшій и бѣдный классъ евреевъ предпочитаетъ

таєть нищенство чорної роботи, міжду прочимъ и потому, что они находять такой видъ работы, какъ чаще всего совмѣстной съ рабочими другихъ вѣроисповѣданій, несогласнымъ съ религіозными возврѣніями. Чернорабочіе евреи работаютъ только на еврейскихъ фабрикахъ для производства „талисъ“ (шерстяныхъ покрывалъ, носимыхъ евреями во время молитвы); изъ другихъ чернорабочихъ можно встрѣтить сравнительно въ небольшомъ количествѣ водовозовъ, сторожей, „лопатниковъ“, занимающихся въ большихъ складахъ перекидываніемъ хлѣбного зерна, и носильщиковъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Къ чернорабочимъ можно отнести еврейскихъ извозчиковъ. Извозчики евреи существуютъ только въ мѣстахъ съ густымъ еврейскимъ населеніемъ и временно появляются въ мѣстахъ скопленія еврейской массы, напр.—на Ильинской ярмаркѣ. Съ извозомъ у евреевъ связываются еще и другіе роды дѣятельности—факторство и нѣчто въ родѣ спеціальныхъ между-еврейскихъ почтовыхъ сношеній. Городскіе евреи извозчики встречаются во всѣхъ городахъ Малороссіи и, кромѣ изнуренности ихъ лошадей, нечистоплотности экипажа и „жидовскаго запроса“ за услугу, ничѣмъ другимъ не разнятся отъ всякихъ извозчиковъ; но еврейскую оригинальность представляютъ „балагульщики“. Этотъ родъ извоза господствовалъ только по правую сторону Днѣпра и служилъ какъ для перевозки пассажировъ, такъ и тяжестей, въ громадныхъ размѣрахъ, неуклюжихъ крытыхъ повозкахъ („бааль-аголахъ“), своего рода дилижансахъ. Характерность балагульства—различie въ пассажирахъ евреяхъ и неевреяхъ, пренебреженіе интересами послѣднихъ пассажировъ, эксплуатація ихъ кармановъ и страшно-нечовайственное обращеніе съ лошадьми. Во всякомъ случаѣ, извозчики евреи принадлежать къ самому бѣдному классу—люди труда полезнаго, и, за исключеніемъ указанныхъ недостатковъ да перѣдкой ихъ связи съ конокрадами, представляютъ среди еврейства одинъ изъ наиболѣе терпимыхъ элементовъ.

Еще ниже промышленной дѣятельности стоитъ у евреевъ земледѣльческий трудъ, который вмѣстѣ съ мойкою бѣлья, ноше-

ніемъ воды, смазываніемъ хаты и огородничествомъ считается исключительно удѣломъ мужика-крестьянина. Такое явленіе въ современномъ евреѣ находится въ противорѣчіи не только съ Библіей, но и съ талмудомъ, который ставитъ земледѣліе выше всѣхъ другихъ занятій, и объясняется исключительно исторіей европейскаго еврейства. Во всѣхъ углахъ Европы, гдѣ евреи селились, вся земля находилась въ рукахъ правящаго класса и обрабатывалась подневольными крѣпостными руками. Евреи, понятно, не могли заняться земледѣліемъ, которое приводило бы ихъ въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльцевъ, а это, кроме очевидныхъ невыгодъ соціально-экономическихъ, противорѣчило бы съ кореннымъ міровоззрѣніемъ евреевъ на себя, какъ на народъ избранный, поставленный выше всѣхъ народовъ. Кромѣ того, евреи въ Европѣ жили жизнью полукуочевого населенія: сегодня ихъ гнали изъ одной страны—и они переходили въ другую, не будучи увѣрены, что завтра ихъ не погонятъ и изъ этой. Такое положеніе не могло сдѣлать изъ нихъ земледѣльцевъ, занятіе которыхъ по своей природѣ требуетъ осѣдлости, твердой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ своего пребыванія на засѣянномъ полѣ. То же самое застало евреевъ и въ пріютившей ихъ Польшѣ и въ Малороссіи; и здѣсь поселенінъ-земледѣлецъ былъ рабомъ того, чью землю воздѣлывалъ. Исторически атрофировались въ современныхъ евреяхъ инстинкты и привычки древняго азіатскаго земледѣльческаго іудейства, и евреи стали смотрѣть на земледѣліе, какъ на занятіе исключительно принадлежащее крѣпостному населенію.

Чтобы побороть предубѣжденіе евреевъ противъ земледѣлія, русское правительство сдѣлало много усилий для устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, но, какъ увидимъ, безрезультатно.

Еврейскія колоніи въ Малороссіи—явленіе сравнительно новое; они впервые появились въ концѣ XVIII в. (около 1799 г.), по почину и при содѣйствіи правительства; особенно энергично дѣйствовало правительство для образования земледѣльцевъ изъ евреевъ въ періоды 1804—1810 и потомъ съ 1835 г. съ пе-

перывами по 1856 г. Колонії заводились на льготныхъ основанияхъ: онѣ освобождались отъ рекрутской повинности на разные сроки и на 5 лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей, а въ Новорос. колоніяхъ на 10 лѣтъ; имъ выдавалась ссуда на обзаведеніе, земли отводилось отъ 20 до 40 десятинъ на семейство, выстроены были дома и хозяйственныя постройки, нерѣдко снабжали ихъ рабочимъ скотомъ и орудіями и даже позаботились о руководителяхъ ихъ при пріученіи ихъ къ земледѣльческому труду, каковыми были поселены между ними вѣмцы-колонисты. На такія льготныя условія, и то съ неохотою, шли обнищавшіе евреи изъ западныхъ губ. и Курляндіи. Въ настоящее время извѣстны европейскія колоніи въ Новороссіи, въ юго-зап. краѣ и въ малор. частяхъ Гродн. и въ Чернаг. губ. Статистическія данныя о населеніи еврейскихъ колоній являются съ 1860 г. въ такомъ видѣ:

	муж.	женск.	итого.	сверхъ тогоже
Кievsk. губ.	4019	3961	7980	Въ Гродн. губ. (Бр., Бѣл., Пр., и Кобр. у.у.) . . . . . 761 д.
Подольск. .	4825	4586	9411	— Хот. у. Бессар. губ. . . . . 395 „
Болдинск. .	1632	1642	3274	— Черн. г. (безъ Сур. у.) . . 11699 „
Екатерин. .	6465	5723	12188	
Херсонск. .	11279	10565	21244	
Всего . .	28220	26477	54697	

У насъ нѣть статист. данныхъ, на которыхъ можно было обосновать точный выводъ о ростѣ или убыли еврейскаго населенія въ колоніяхъ; но люди, занимавшіеся изученіемъ ихъ, утверждаютъ, что еврейское населеніе изъ колоній разбѣгается по сюдѣніямъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ или временно по паспортамъ, или же и совершенно, приписываясь въ купеческое или мѣщанско званіе, что имъ разрѣшено въ 1868 г. „Въ настоящее время, писалъ Шмаковъ, во всѣхъ городахъ Новорос-

сійского края встречаются ремесленники изъ евреевъ-колонистовъ. Тѣ изъ нихъ, которые были побогаче, занялись извозомъ. Въ Херсонѣ и Одессѣ евреи-колонисты, за неимѣніемъ другихъ болѣе выгодныхъ занятій, сдѣлались поневолѣ носильщиками тяжестей, подсѣвальщиками пшеницы, дроворубами и пр. „Изъ евреевъ-колонистовъ, по замѣчанію того же автора, вышли факторы, ростовщики, кабатчики, которые, какъ паразиты, легли на туземное населеніе и дѣйствительно тяжелы для него“.¹⁾ Но и оставшіеся въ колоніяхъ не отдались земледѣльческому труду. По свѣдѣніямъ Шмакова, въ еврейскихъ колоніяхъ „фабрикъ и заводовъ нѣть, но ремесленниковъ разнаго рода очень много, и это даетъ имъ возможность поддерживать свои хозяйства... Удовлетворяя потребностямъ колоній, эти мастера зарабатываютъ весьма порядочныя деньги и въ сосѣднихъ малороссійскихъ селеніяхъ“.²⁾ Другія средства заработка—ростовщичество для сосѣдей крестьянъ и шинкарство: такъ, въ 1868 г. въ колоніяхъ Херсонской губ. находилось кабаковъ 65, а въ Екатер. 19 и продано изъ нихъ водки въ первыхъ на 12484 р., а во вторыхъ на 3973 р. Сами евреи мало употребляютъ водки, а главными участниками были сосѣдніе поселяне и проѣзжающіе черезъ колоніи чумаки“. Всѣ же земледѣльческія занятія, особенно въ юго-зап. колоніяхъ, гдѣ предложеніе крестьянами рабочихъ рукъ велико, лежать на крестьянахъ, которыхъ евреи считаютъ, кажется, созданными для этого. Стоя относительно грамотности и умственного развитія выше русскихъ поселянъ (въ Новороссії 1 учащійся еврей приходится на 8 ревизскихъ еврейскихъ душъ и всѣ грамотны), не говоря уже о религіозномъ предубѣжденіи, евреи-колонисты, какъ и вообще евреи, считаютъ мужика ниже себя и мужикъ имъ представляется „невѣжественною рабочею силою“, и потому къ физическому труду они въ теченіе полустолѣтія не только не пріучились, но и не потеряли даже къ нему отвращенія. Не повліяло земледѣліе

¹⁾ Шмаковъ, 163.

²⁾ Ib. 165.

на євреевъ и въ другихъ отношеніяхъ, не говоря уже о поднятії нравственного уровня, но и бытовыхъ привычекъ—нечисто-плотности и неаккуратности, о чёмъ свидѣтельствуетъ одинъ виѣшній видъ колоній, которыхъ, по выражению Чубинскаго, представляютъ собою мерзость запустѣнія: „две трети домовъ съ ободранными крышами, причемъ многіе дома совершенно пусты; почти все дома невыбѣлены, глина съ наружныхъ стѣнъ обвалилась. Около многихъ домовъ, какъ говорится, ни кола, ни двора“.¹⁾ Тоже самое и въ колоніяхъ Новороссіи, где, по словамъ Шмакова, „мало зелени и дома рѣдко содержатся въ порядкѣ. Между жилыми строеніями встрѣчается довольно много домовъ разоренныхъ и заброшенныхъ, также много домовъ съ поврежденными крышами... Поселенцы обѣдили и нужда заставила ихъ скучиваться по двѣ-три семьи въ одинъ домъ“.²⁾ Вообще поселенія євреевъ-колонистовъ въ рассматриваемый періодъ представляютъ видъ, печальнѣе котораго трудно представить.. „Эти люди оказались въ высшей степени лѣнивыми и впали въ глубокую вищету. Поражающіе своимъ изнуреннымъ видомъ, покрытые рубищами, юясь въ полуразвалившихся грязныхъ хижинахъ, они не приобрѣли ни малѣйшихъ знаній въ земледѣліи и отдаютъ свои поля исполу поселенцамъ другихъ племенъ изъ части урожая“.³⁾

Остальное еврейское населеніе, которое по своимъ занятіямъ не подходитъ къ описаннымъ выше категоріямъ, принадлежитъ или къ еврейскому духовенству (падики, раввины и меламеды), или же образуетъ классъ нищихъ, которыхъ между евреями чрезвычайно много: только въ юго-зап. краѣ Чубинскій полагаетъ ихъ до 20000.

Такимъ образомъ, въ распределеніи евреевъ по дѣятельности первое мѣсто занимаютъ евреи, торгующіе или приписавшіеся къ торговлѣ, какъ ростовщики, факторы, коммиссіонеры

¹⁾ Чуб. 189.

²⁾ Шмаковъ, 137.

³⁾ „Южный Край“, 112.

и маклера; потомъ слѣдуютъ евреи, имѣющіе дѣло съ крупною промышленностью и земледѣлемъ, далѣе ремесленники и всякаго рода чернорабочіе; за ними можно поставить по количеству еврейское духовенство и нищихъ; наконецъ, послѣднее мѣсто занимаютъ евреи-земледѣльцы. Недостатокъ матеріаловъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, лишаетъ насъ возможности выразить отношеніе указанныхъ группъ на территории малорусского племени. Если мы воспользуемся наличными данными по Россіи, аналогіей съ западной Европой и, наконецъ, примемъ въ соображеніе однородность и односторонность еврейства на всѣхъ пунктахъ Малороссіи, то приблизительно полуторамилліонное еврейское населеніе распадется по своей дѣятельности на такія неравномѣрныя группы:

1) Земледѣльцы	60000
2) Ремесленники, извощики, поденщики и др. чернорабочіе . . .	<u>330000</u>
Вмѣстѣ.	390000
3) Лица прочихъ занятій	<u>1184000</u>
Всего.	1574000

Ир. Житецкій.

П. А. КУЛИШЪ.

(Біографіческий опис). ¹⁾

XXXVIII.

Редакторы „Основы“ горячо привались за дѣло, но, очевидно, не такъ легко было поставить журналъ на ноги. „У насъ въ Петербургѣ хорѣаго ничего не слышно,“ писалъ Кулишъ Бодянскому рѣ концѣ 1860 г., — „а дурнимъ непріятно съѣмъ бы то ни было дѣлиться, тѣмъ паче съ вами. Подписка на журналъ идетъ тихо, въ томъ числѣ и на „Основу“, которой первая книжка уже набирается“ ²⁾).

Но не таковъ былъ Кулишъ, чтобы опускать руки отъ первой неудачи и тутъ же онъ сообщалъ Бодянскому, что предпринимаетъ написать малороссійскую исторію на украинскомъ языке: „Очень мудреное дѣло, но мнѣ хочется сдѣлать все для меня возможное, чтобы хоть попытка къ этому была заявлена судьями нашей народности. Для народа я уже написалъ книжку о временахъ Хмельницкаго и хлопочу только о цензурѣ; но заговорить по украински съ людьми учеными дѣло совсѣмъ иное“ ³⁾. Оглядываясь въ послѣдніе годы я пройденное поприще жизни, Кулишъ обыкновенно съ грустью вспоминалъ о удачно начатомъ,

¹⁾ См. Кіев. Стар. 1901 г., № 6.

²⁾ «Кіевск. Стар.» 1897, XII, стр. 469.

³⁾ Тамъ же.

но вскорѣ испорченномъ и загубленномъ своеемъ журнальномъ дѣтищѣ, печальную судьбу котораго онъ объяснялъ неумѣлымъ веденiemъ дѣла своимъ сотрудникомъ. Быть можетъ, въ этомъ обвиненіи была доля правды; но несомнѣнно, что главной причиной неудачи было все же позорное равнодушіе публики, о которомъ мы говорили и при существованіи котораго необходимы были и особенное искусство, и особенное счастіе въ веденіи дѣла. Каждый ошибочный шагъ могъ довлечь за собой для журнала самая серьезныя послѣдствія. Въ одномъ письмѣ къ львовскому писателю Павлику, уже въ девяностыхъ годахъ, Кулишъ говорилъ: „Завзявшишь выробити мову добру, ве відкидав я геть нічого, що попадало під мое перо ще й до „Хати“ и „Основи“. Саме имѧ сему місячникові нареk аз; программу до него скомпанував аз, и скильки було моєї власті над его редакторомъ, те все переходило через мою критичну реторту: и проза, й віршуваньне. От вам відповідь и на питаньне про Вовчкови „Оповиданьня“. Даlже слѣдуєтъ любопытное указаніе на то, что Кулишъ, въ качествѣ редактора, прилагалъ до нѣкоторой степени руку къ трудамъ Марка Вовчка: „Віddіляти по-піл и жужелицу від срібла въ горнилі, очищаючи его седмерицею, а се ще трудыніца річ, ніж самому авторувати“. Разочарованіе въ ихъ общемъ дѣлѣ съ редакторомъ „Основы“ настутило у Кулиша поразительно скоро. Мы можемъ это видѣть уже по его письмамъ къ Бодянскому. Такъ, въ декабрьскихъ письмахъ 1860 г. Кулишъ говорилъ о журналѣ еще съ полной надеждой, безъ которой вирочемъ едва ли могло бы и состояться это предпринятіе, а въ апрѣлѣ онъ уже откровенно жалуется: „Основа“ снуется Богъ знаетъ какъ, чemu я не причастенъ, удалихся бо и умыхъ руцѣ мои отъ всѣхъ распоряженій и даже совѣтовъ, зане редакторъ возмилъ себе быти мудрѣйша паче всѣхъ земнородныхъ“¹⁾). А одно письмо къ Марко-Вовчокъ отъ

¹⁾ «Кіевск. Стар.» 1897, XII, 470; также см. о пререканіяхъ Кулиша съ Бѣлозерскимъ по поводу «Основы» въ «Кіевск. Стар.», 1899. IX, 358.

~~15 марта 1862 г.~~ заставляет думать, что несогласія начались еще задолго до возникновенія журнала. Уже въ этомъ письмѣ Кулишъ сътуетъ: „Журналъ Василію Михайловичу разрѣшенъ; но Василій Михайловичъ хочетъ издаватъ его въ духѣ примиренія съ панами и объявилъ, что хотя цензура и пропустила въ «Хатѣ» начало моей драмы «Колї», но онъ ее въ журналѣ не напечаталъ бы, и проч. въ этомъ родѣ. Онъ присваиваетъ себѣ право второй цензуры, хочетъ ублажить пановъ и полюбиться имъ своимъ журналомъ, тогда какъ панское негодованіе я считаю заслугою украинской литературы, по преимуществу демократической... Я даю себѣ слово стоять на стражѣ простонародной прямоты и выразительности слова».

Столь же неудачными оказались и дѣла Кулиша по типографіи, но уже по винѣ не неумѣнія вести дѣла, а по совершенной недобросовѣстности сотрудниковъ. Хотя Кулишъ положилъ въ учрежденную имъ типографію почти всѣ свои деньги, которыхъ, какъ мы видѣли, онъ много успѣлъ заработать удачнымъ и полнымъ энегріи трудомъ предыдущихъ лѣтъ, но не въ его характерѣ было контролировать малѣйшіе расходы, безъ чего, однако, едва ли можетъ вестись такое сложное и трудное дѣло, какъ типографское, въ которомъ, въ большинствѣ случаевъ, основано все дѣло на довѣріи къ помощникамъ, что, къ сожалѣнію, пока у насть еще слишкомъ, рисковано. Такъ случилось и съ Кулишомъ: выбранный имъ помощникъ вполнѣ оправдывалъ падежды своего довѣрителя въ смыслѣ искуснаго веденія дѣла, но съ нимъ слѣдовало наблюдать осторожность, чтобы вся его дѣятельность не направилась исключительно на собственное обогащеніе. Всѣмъ этотъ человѣкъ былъ обязанъ Кулишу, но, быстро разбогатѣвъ, онъ не задумался съ цинической откровенностью заявить ему въ глаза: „Теперь я вамъ не нуженъ; дѣло и безъ меня пойдетъ, а мнѣ въ другомъ мѣстѣ предлагаютъ вдвое больше денегъ“. Кулишъ не упрекнулъ его ни полсловомъ и отпустилъ отъ себя, но типографія, оставшись безъ опытнаго заиравителя дѣлъ, скоро пришла въ полный упадокъ. Но и въ эту тяжелую пору Кулишъ не палъ духомъ и нашелъ утѣшеніе

въ литературномъ трудѣ, взявшись за переводъ „Исторіи Англіи“, „Маколея“¹⁾ съ тѣмъ, чтобы издатель печаталъ переводъ въ его типографіи, платя за бумагу и наборъ, а все, что Кулишу приходилось получить за его труды, онъ раздавалъ рабочимъ. Затративъ на основаніе типографіи до трехъ тысячъ рублей, Кулишъ мечталъ «только, чтобы получить обратно хоть двѣ», но и этого ему не удалось.

XXXIX.

Въ 1861 году, послѣ всѣхъ названныхъ неудачъ, Кулишъ снова искалъ нравственного отдыха и облегченія тамъ, гдѣ привыкъ находить его въ прежніе годы; онъ снова поѣхалъ заграницу, для купанья въ морѣ, причемъ на этотъ разъ его спутникомъ былъ Костомаровъ, бывшій тогда уже профессоромъ петербургскаго университета. Это было счастливое время ихъ тѣсной, задушевной дружбы. Кулишъ, В. М. Бѣлозерскій и Костомаровъ часто сходились передъ тѣмъ по вечерамъ въ Петербургѣ и подолгу засиживались другъ у друга, проводя время въ одушевленной бесѣдѣ. Въ письмахъ и небольшихъ отрывочныхъ записочкахъ Кулиша и Бѣлозерскаго мы нерѣдко встречаемъ за это время слѣды ихъ близкихъ отношеній; «корректуру возвращу сегодня у Костомарова», «рукописи принесу съ собой къ Костомарову». Наши путешественники прожили вмѣстѣ около мѣсяца въ Ниццѣ и Монако, побывали въ Генуѣ, но потомъ пути ихъ раздѣлились;²⁾ Костомаровъ вернулся въ Петербургъ къ началу лекцій въ университетѣ, однако,

¹⁾ Надъ этимъ переводомъ, какъ прежде надъ переводомъ «Исторіи испанской литературы Тикнора, по словамъ Ганны Барвинокъ, мужъ ея трудился до обмороковъ.—О журналь «Основа» см. въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Цыпина, т. III., стр. 214—222.

²⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ «Воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ» въ «Нови», 1895, № 13, стр. 71.

вскорѣ же прекратились вслѣдствіе извѣстной студенческой исторіи, а Кулишъ еще долго странствовалъ по Италіи, проѣхалъ въ Вѣну, оттуда пароходомъ по Дунаю направился въ Турцію; по возвращеніи въ Россію, основался на вѣкоторое время въ Васильевкѣ, у М. И. Гоголь, гдѣ чрезвычайно пріятно провелъ время, и въ серединѣ осени вернулся въ Петербургъ. Въ этотъ промежутокъ времени Кулишъ, много думавшій за границей о своей «Українѣ», началъ писать свои «Досвітки» и приялся усердно читать біографію и произведенія Данта. Иногда ему встречались затрудненія въ изученіи пѣкоторыхъ тонкостей «Божественной Комедіи» или сонетовъ Данта и тогда онъ упорно размышлялъ и добивался разъясненія. Потомъ онъ написалъ «Великі Проводи» (произведеніе, сильно искаженное вожницами цензуры), и поэму «Настусю».

Очень много грустнаго чувствуется въ этихъ стихахъ Кулиша! И въ самомъ дѣлѣ, весь 1861 годъ былъ для него тяжель: кромѣ всего сказанаго, достаточно только вспомнить, что это былъ годъ смерти Шевченка (26 февраля), надъ гробомъ котораго Кулишъ сказалъ слѣдующія прочувствованыя слова: «ты намъ оставилъ одынъ завѣтъ, Тарасе, ты говорывъ свой непорочній музъ:

«Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшли—у насъ нема
Зерна неправды за собою»...

«Великий и святый завѣтъ! Будь же, Тарасе, певецъ, що мы его соблюдемо и николы не звернемо зъ дороги. Колы жъ не стане въ насъ снагы твоимъ сlidомъ простувати, колы не можна буде намъ такъ, якъ ты, безтрепетно правду глаголати, то лучше мы мовчатымено». Когда же «гробъ поэта, поставленный на траурныя дороги, готовъ былъ двинуться къ своему новому похребенію на далекой родинѣ»,—рассказываетъ г. Мордовцевъ,— «тогда всѣ провожавшіе останки пѣвца Україны стояли подъ гнетомъ сосредоточенной печали, одинъ Кулишъ возвысилъ го-

лось: „Що жъ се ты, батьку Тарасе, одъизжаешь на Вкраину безъ червоной китайки, заслуги козацькои? Чымъ же нызшый ты одъ козацькихъ лыцаривъ? Ны одынъ вильный козакъ не сходывъ зъ сёго свиту безъ сੀей остатней честы“. И гробъ покрылы червоною китайкою¹⁾. Зашла рѣчъ о памятнику Шевченку; Кулишъ сказалъ: „Шкода того кошту и заходу, Шевченкови треба спорудыты памятныкъ нерукотворный“. Въ самомъ дѣлѣ, по инициативѣ Кулиша вскорѣ была сдѣлана подпись на школу имени Шевченка, но проектъ не былъ разрѣшенъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ²⁾.

Намъ нечего говорить, что, съ потерей Шевченка, для Кулиша тѣмъ дороже стали отношенія его къ Костомарову, за которого онъ готовъ былъ горой стоять при каждомъ малѣйшемъ выраженіи съ чьей-нибудь стороны хотя бы незначительного недовольствія: за своихъ друзей „горячій Кулишъ“ всегда ратовалъ съ жаромъ. Такъ однажды у него чуть не произошла размолвка съ однимъ изъ стариннѣйшихъ и ближайшихъ друзей, уже упомянутымъ выше Чуйкевичемъ: „Костомарова не обвиняй за молчаніе, а взгляни на все имъ напечатанное и сказанное на лекціяхъ, да и сообрази, сколькихъ тысячъ часовъ самого энергического, а иногда и томительного труда все это стоило. Еслибы ты полюбиль какой-нибудь предметъ такъ сильно, какъ Костомаровъ свое дѣло, тогда бы ты узналъ, что honores играли самую послѣднюю роль“. Эта отповѣдь была вызвана упрекомъ Чуйкевича за любовь Кулиша и Костомарова къ оваціямъ: „Въ Черниговѣ и Полтавѣ не потому я гостила, что тамъ, какъ ты

¹⁾ «Всемірная Иллюстрація» 1897, № 19, стр. 440.

²⁾ Въ томъ же году скончался и сильно любимый Кулишемъ, хотя, разумѣется, не такъ, какъ Шевченко, К. С. Аксаковъ. Когда Кулишъ узналъ о смерти его, онъ писалъ Бодянскому: «Жаль бѣднаго Консты. Онъ былъ одинъ изъ благородныхъ людей, какихъ только можно случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественно, и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу». («Кіевск. Стар.», 1897, Ш., стр. 469).

говориши, воздавали мнѣ почести, а потому, что нашелъ хорошихъ людей, а „съ хорошимъ человѣкомъ“, говорить Селифанъ, „поговорить можно“.

XL.

Приведемъ теперь относящіяся къ началу шестидесятыхъ годовъ воспоминанія о Кулишѣ А. Я. Конисскаго:

„Лично съ Кулишомъ я познакомился 4 мая 1860 г. у Дмитрія Павловича Пильчикова, знавшаго его хорошо еще въ Киевѣ въ 1844—1845 г.

„Когда Кулишъ 3 мая пріѣхалъ въ Полтаву, Пильчиковъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдь и въ то же время меня и другихъ молодыхъ своихъ товарищей.

„Первое наше впечатлѣніе было не въ пользу Кулиша; намъ казалось, что мы видѣли совсѣмъ не того Кулиша, о которомъ слышали отъ Пильчикова и которого знали по „Черной Радѣ“, „Запискамъ о Южной Руси“ и въ особенности по журналу „Хата“. Передъ нами былъ человѣкъ типично красивый, умный, хорошо образованный; но всѣ эти качества передъ молодыми энтузіастами-демократами затмѣвала какая-то надменность Кулиша, холодная сдержанность и большое самолюбіе, не допускавшее въ спорѣ даже съ Пильчиковымъ противорѣчій. Но болѣе всего намъ не понравилось то, что Кулишъ бесѣдовалъ съ нами по-русски, несмотря на то, что я и Пильчиковъ нѣсколько разъ начинали разговоръ по-украински. Но, не поддаваясь первому впечатлѣнію, мы, видя въ особѣ Кулиша, во-первыхъ, друга и союзника Щевченка, а во-вторыхъ—представителя нашей литературы, рѣшили въ тотъ же вечеръ устроить въ честь его публичный обѣдь въ вокзалѣ городского сада. Подписьная цѣна для того времени была довольно высокая, не ниже 3 р. съ особы. Подписка продолжалась три дня, и седьмого числа была закрыта, такъ какъ подписалось больше двухсотъ человѣкъ, а болѣе этого въ залѣ помѣститься не могло. Конечно,

обѣдъ былъ безссловный (это для того времени имѣло большое значеніе). На обѣдѣ были представители всѣхъ славянскихъ національностей, но преобладали, весьма натурально, украинцы. По содержанію и характеру застольныхъ рѣчей случилось какъ-то само собою такъ, что чествованіе принадлежало больше отсутствующему Шевченку, чѣмъ присутствующему Кулишу, и послѣдній былъ совершенно правъ, когда на другой день послѣ обѣда писалъ Шевченку (10 мая): „Сколько ни было на этомъ обѣдѣ рѣчей, во всѣхъ ихъ вспоминалось твое славное и высоко уважаемое имя; говорили о тебѣ, какъ въ родной семье, какъ обѣ отцѣ, который гдѣ-то далеко на чужбинѣ. Увѣряю тебя, что нигдѣ не найдешь такихъ искреннихъ и преданныхъ тебѣ дѣтей, какъ въ Полтавѣ. Здѣсь каждый грамотный носится съ твоимъ „Кобзаремъ“, какъ съ драгоценнейшимъ сокровищемъ. Скоро имъ и книги не надо будетъ, потому что вся твоя произведенія они выучатъ на память; да, кажется, они по „Кобзарю“ и Богу молятся“.

Обѣдъ окончился очень поздно и большинство публики проводило Кулиша въ его квартиру пѣшкомъ съ музыкой. Квартировалъ онъ въ домѣ Гр. Ив. Гавриленка, простого, но довольно развитого мѣщанина, столяра по ремеслу и друга по-боярскаго Котляревскаго. Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ исключительно объ украинской литературѣ—о предстоящемъ изданіи „Кобзаря“ и „Основы“. Мы, полтавцы, какъ люди молодые, энтузиасты, настаивали на томъ, чтобы „Основа“ издавалась исключительно на украинскомъ языкѣ; Кулишъ доказывалъ намъ невозможность такого изданія, и что языкъ нашъ еще не достаточно выработанъ. Когда же я, не соглашаясь съ Кулишомъ, выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь занялся переводомъ Шекспира на украинскій языкъ, Кулишъ—какъ теперь вижу—засмѣялся, говоря, что Шекспира на нашемъ языкѣ увидѣть развѣ правнуки. Но не прошло съ тѣхъ поръ двадцати лѣтъ, какъ онъ самъ же подарилъ Украинѣ изданійный въ Львовѣ первый томъ его переводовъ на нашъ языкъ произведеній Шекспира,

а послѣ смерти Кулиша остались приготовленными къ печати переводы всѣхъ большихъ и лучшихъ произведеній великаго драматурга“.

„Утромъ 10 мая мы проводили Кулиша до первой станціи по дорогѣ къ матери Гоголя“.

„Съ тѣхъ порь между мною и Кулишомъ началась оживленная переписка, которая, впрочемъ, нѣсколько разъ впродолженіе болѣе тридцати лѣтъ то прерывалась, то возобновлялась. Къ сожалѣнію, уцѣлѣло изъ нея очень и очень немногого: можно сказать, что $\frac{9}{10}$ писемъ ко мнѣ Кулиша сѣли если не крысы, то еще хуже крысъ, таѣ называемыя „независящія обстоятельства“.

„Въ другой разъ Кулишъ посѣтилъ Полтаву въ концѣ августа 1861 года, возвращаясь изъ-за границы. Онъ останавливался тогда въ квартирѣ мирового посредника, общаго нашего знакомаго, И. Д. Стефановича. Придя ко мнѣ утромъ, онъ пригласилъ къ себѣ меня, Пильчикова и начинающаго поэта В. С. Кулика послушать произведенія открытаго имъ гдѣ-то въ Добруджѣ новаго украинскаго поэта (потомка запорожца), который, по его словамъ, талантомъ не уступить Шевченку. Конечно, мы полетѣли. Кулишъ прочиталъ намъ сперва нѣсколько мелкихъ стихотвореній, потомъ „Дунайську думу“ и большую поэму „Велїки Проводы“. Читалъ онъ просто, хорошо; но читаннное не производило никакого впечатлѣнія на слушателей и никто изъ насъ по окончаніи чтенія не выразилъ ни одобренія, ни порицанія новому поэту. Когда же Кулишъ спросилъ мое мнѣніе, я сказалъ откровенно, что въ прочитанныхъ стихотвореніяхъ никакой поэзіи нѣтъ—проза, да и проза не всегда хорошо риѳмованная. Кулишъ посмотрѣлъ на меня свысока и, ничего не отвѣчая мнѣ, положилъ рукопись въ чемоданъ“.

„По отѣздѣ онъ долгое время ничего ко мнѣ не писалъ. Причина молчанія разяснилась только къ концу года, когда въ „Основѣ“ появились читаныя намъ произведенія „новаго поэта“ за подпись Кулиша. Тогда я понялъ, что самолюбіе автора

было задѣто высказаннымъ мною мнѣніемъ о его поэтическихъ произведеніяхъ".¹⁾

„Въ третій разъ Кулишъ пріѣзжалъ въ Полтаву, если не ошибаюсь, въ іюнь 1862 г., но оставался здѣсь недолго, а прожилъ недѣли двѣ-три въ мѣстечкѣ Старыхъ-Санжарахъ (верстъ 25 отъ Полтавы), гдѣ я и другіе его знакомые часто навѣщали его. Разъ наскѣ отправилось въ Санжары нѣсколько человѣкъ (помню Шильчикова, Кулика, Майкову и Саханскую). Мѣстечко Старыя Санжары, довольно старое, было когда-то сотеннымъ городкомъ, имѣло свое „укрѣпленіе“ и представляло для насъ нѣкоторый интересъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Всѣ мы, вмѣстѣ съ Г. И. Оболенскимъ и Кулишомъ, долго ходили по мѣстечку, осматривали старыя церкви и остатки „крѣпости“. Днѣй черезъ пять къ губернатору Волкову поступила отъ помѣщика Д. доносъ о томъ, что Кулишъ съ „злонамѣренною цѣлью“ поселился въ Старыхъ-Санжарахъ, собирается возвѣсть себѣ неблагонамѣренныхъ людей; возбуждается въ козачьемъ населеніи прежнія козацкія традиціи и, „съеть сѣмена независимости Украины“. Полтавская администрація была напугана тогда петербургскими пожарами, возникавшими кое-гдѣ недоразумѣніями въ крестьянскомъ дѣлѣ, событиями въ Варшавѣ и т. д. и вездѣ видѣла „бунты и революцію“. Волковъ же, къ сожалѣнію, былъ человѣкъ легковѣрный и вѣрилъ всякой сплетнѣ съ политическимъ оттѣнкомъ. Неудивительно, что онъ послѣдилъ назначить „строгое секретное дознаніе“. Производилъ его тогдашній исправникъ и, конечно, „узналъ“ только то, что и безъ секретнаго дознанія всѣмъ было известно, именно что, „губернскій секретарь Пантелеимонъ, Александровъ сынъ, Кулишъ, проживая въ мѣстечкѣ Старыхъ Санжарахъ, произво-

¹⁾ Между тѣмъ Кулишъ сообщалъ Д. С. Каменецкому объ усѣхъ этого чтенія: «Прочелъ я въ Полтавѣ кой-кому сочиненія Дунаискаго поэта, и всѣ пришли въ восторгъ. Я радуюсь своей находкѣ». (Киевская Старина, іюль-августъ, 1898, ст. 134, вторая пагинація. Ср. Киевск. Стар., 1899, IV, примѣч.).

диль ежедневно двукратное купаніе въ рѣкѣ Ворсклѣ; но чтобы распространялъ революціонныя украинскія идеи, того никто изъ опрошенныхъ людей не показалъ“.

„Тѣмъ не менѣе Кулишъ долженъ былъ ускорить свой отѣзздъ“.

„Въ этотъ же прїездъ случился и другой забавный эпизодъ. Въ день своего прїзыва въ Полтаву Кулишъ, приде ко мнѣ вечеромъ, сообщилъ мнѣ и бывшимъ у меня Д. П. Пильчикову и В. Л. Трунову, что въ послѣдніе дни предъ выѣздомъ въ Полтаву онъ случайно встрѣтился въ Кіевѣ въ замѣчательною личностью: это была, по его словамъ, дочь средняго помѣщика П—аго уѣзда, молоденькая пепиньерка К—аго института, дѣвушка замѣчательной красоты, ума и патріотизма, но, вслѣдствіе молодости и воспитанія, почти не имѣвшая характера; пользуясь слабостью ея воли, родители принуждали ее выйти замужъ за человѣка не любимаго, необразованнаго и деспота. Нужно было, слѣдовательно, „спасти ее“, т. е. выкрасть изъ родительскаго дома и привезти въ Полтаву, а тутъ ужъ пристроить ее сперва гдѣ-нибудь въ образованномъ семействѣ, а потомъ классной дамой въ гимназію..“

„На разсвѣтъ другого дня Труновъ уже уѣхалъ на почтовыхъ въ колискѣ Кулиша въ П—ій уѣздъ. По данной Кулишомъ инструкціи Труновъ прїехалъ въ деревню поздно вечеромъ; разыскаль указанную ему няню и узналъ, что „барышня уже повѣнчана“.

XLI.

Въ 1862 г. Кулишъ уѣхалъ опять въ Україну, гдѣ могъ пока спокойно проживать на деньги, вырученныя за переводъ Маколея ¹⁾ Но не желая остататься безъ дѣла, онъ воспользовался избраніемъ его въ дѣйствительные члены Географическаго Обще-

¹⁾ „Всемірная Иллюстрація“, 1897 г. 3 мая, № 19.

ства по отдѣлу этнографіи и просилъ офиціального разрѣшенія совершить на собственный счетъ съ научной цѣлью поѣздки по Малороссіи. Разрѣшеніе ему дано не было. Оставшись такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ занятій, онъ поселился въ Пиддубицѣ и занимался тамъ хозяйствомъ, не только наблюдая за разными постройками, но исполняя самъ черные работы. Денежные средства его, всегда ограниченныя, скоро совсѣмъ истощились, когда онъ лишился правильнаго заработка, тѣмъ болѣе что запутанныя дѣла помѣшили его другу и сотруднику, бывшему редактору „Основы“, вознаградить его за понесенные труды. Вида его въ затруднительномъ положеніи, Кулишъ самъ отрекся отъ долга въ размѣрѣ 700 рублей: „по нѣкоторымъ соображеніямъ“—писалъ онъ Виктору Мих. Бѣлозерскому:—„я отказался отъ долга, лежавшаго на Василіѣ Михайловичѣ за мои статьи въ „Основѣ“ и вознамѣрился заплатить за пиддубенскую землю наличными деньгами“.

Между тѣмъ Кулиша, при всемъ стѣснительномъ его положеніи, очень часто считали человѣкомъ обеспеченнымъ, даже въ то самое время, когда онъ самъ топилъ печки, а жена его готовила обѣдъ. Происходило такое недоразумѣніе частью потому, что онъ бодро переносилъ нужду и никогда никому на нее не жаловался, частью-же вслѣдствіе его щедрости и готовности помогать другимъ,¹⁾ а также благодаря времененнымъ приливамъ денегъ въ его карманъ по напечатаніи и продажѣ какого-нибудь литературнаго труда.

Живя въ крайней нуждѣ на хуторѣ, Кулишъ работалъ надъ „Исторіей борьбы козаковъ съ поляками при Павлюкѣ и Остраницѣ“ и напечаталъ этотъ трудъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Библіотекѣ для чтенія“ П. Д. Боборыкина. Сношенія Кулиша съ послѣднимъ, къ сожалѣнію, относились уже къ порѣ, предшествовавшей полному упадку и ликвидаціи дѣлъ журнала, такъ что и съ этой стороны Кулишу не повезло. Весной 1864 г.,

¹⁾ Примѣры указаны въ „Правдѣ“ (См. 1868, стр. 324).

пріѣхавъ по своимъ литературнымъ дѣламъ въ Петербургъ, Кулишъ старался выхлопотать принадлежащія ему деньги¹⁾ отъ нѣкоего Максимова, а также отъ одного изъ довѣревныхъ лицъ Боборыкина, Акимова.

Какие же замыслы волновали въ это время Кулиша? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, кажется, можемъ высказать весьма вѣроятное предположеніе, что цѣль поїздки заключалась въ новыхъ хлопотахъ объ основаніи украинскаго журнала, хотя вскорѣ же ему пришлось убѣдиться, что нѣть никакой надежды на разрѣшеніе. Въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову Кулишъ говорилъ: „Кого тормошила жизнь больше нашего? И кто выигралъ въ жизни меныше? Крупные удары судьбы падаютъ на насъ, какъ и на прочихъ людей, но мелкія ежедневныя огорченія отъ многихъ и отъ многаго едва ли не мучительнѣе. Но мы держимся выжиданіемъ лучшаго времени. Всего убийственнѣе дѣйствовало на меня въ эти годы ничтожество нашихъ земляковъ. Оно поразительно въ своихъ фактахъ, которыхъ я не стану сообщать вамъ, какъ человѣку, отчасти съ ними знакомому. Но мысль украинскаго журнала возврѣдалась на пепелище, которое казалось давнымъ давно потухшимъ въ Червоной Руси. Тамъ издается „Мета“ (цѣль), какъ продолженіе того, чтобъ начато украинскою литературою. Изданіе „Меты“ оживляетъ меня, а то на душѣ было очень скверно. Въ самомъ дѣлѣ, подъ австрійскою конституціей, которую напрасно такъ унижаютъ наши газетчики, украинскій вопросъ можетъ сдѣлать въ литературѣ великие успѣхи, которые въ свое время будутъ оцѣнены и нашей ничтожною публикою“. И вотъ уже съ этихъ поръ взоръ и мысль Кулиша начинаютъ постепенно устремляться въ Галицію, на которую въ звачительной степени переносится его симпатія.

¹⁾ О денежныхъ и вообще дѣловыхъ сношеніяхъ Кулиша съ «Библіотекой для чтенія» см. также Кіевскую Старину, 1898, іюль-августъ, стр. 136, вторая пагинація.

Денежные заботы были въ то время для Кулиша также на видномъ планѣ, благодаря известному намъ разстройству его дѣлъ, но, какъ всегда, самое большое значение имѣли для него литературные планы. ¹⁾ Прося у Жемчужникова денегъ, онъ собирался „макнуть въ Питеръ и спасать честь родной земли; дѣло вѣдь дошло до потери самой чести“.

XLII.

Наконецъ Кулишъ рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы поискать себѣ мѣсто. Вызванный друзьями и ободренный надеждами, онъ переживалъ тамъ однако тяжелые дни, исполненные треволненій. Однажды онъ писалъ женѣ: „Отъ людей, близкихъ Милитину, известно, что онъ желаетъ принять меня на службу, но теперь онъ очень занятъ и еще не придумалъ для меня должности, т. е. рода занятій. На службу въ Варшаву поѣду охотно. Теперь всѣ мои литературные занятія таковы, что мнѣ надобно пользоваться архивомъ варшавскимъ и публичною библиотекою“. Но въ тоже время въ университетскомъ кругу вновь возникло предположеніе воспользоваться обширными познаніями и дарованіями Кулиша и пригласить его на каѳедру, ²⁾ что казалось тѣмъ умѣствѣ, что онъ уже прежде отчасти принадлежалъ нѣкоторое время къ профессорскому сословію въ

¹⁾ Между прочимъ Кулишъ собиралъ материалы для «Мадорос-сійского Словаря».

²⁾ Въ письмахъ Кулиша находимъ иногда разныи, касающіяся этого замѣтка, а равно и его собственныхъ предположеній и предположеній Костомарова о каѳедрѣ: «Вчера я съ Костомаровымъ провелъ вечеръ у Воронова и тамъ обсуждали, какъ поступить съмагистерствомъ... Костомаровъ выразилъ Иванишеву готовность перѣѣхать въ Киевъ, а потомъ началь ужасаться и тужить. Въ петербургскомъ же университѣтѣ Срезневскій новель противъ него интригу, внушая недовѣріе къ его ученымъ заслугамъ и опасеніе прогибывать правительство выборомъ его на каѳедру».

качествѣ лектора. Затрудненіе было въ томъ, что предварительно надо было сдѣлать кандидатскій экзаменъ. Было, правда, предположеніе освободить Кулиша отъ формальностей, въ виду извѣстныхъ учено-литературныхъ заслугъ его, а также давали понять Кулишу о возможности сдѣлать ему снисхожденіе, но онъ не пожелалъ пользоваться милостью¹⁾ и рѣшилъ, что честнѣе взять скромную должность инспектора или директора какой-нибудь гимназіи,²⁾ какъ вдругъ дѣла его приняли новый и совершенно неожиданный оборотъ³⁾. Н. А. Милютинъ также предлагалъ Кулишу занятія по учебной службѣ, но такъ какъ предполагалось дать ему мѣсто младшаго, а не старшаго директора школъ, то гордый Кулишъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе.

Съ другой стороны, Кулишъ хлопоталъ о полученіи службы въ Варшавѣ черезъ Жемчужникова, состоявшаго въ близкомъ родствѣ съ влиятельнымъ лицомъ, именно съ извѣстнымъ сенаторомъ Викторомъ Антоновичемъ Арцимовичемъ. Трудно было Кулишу остановиться на одномъ опредѣленномъ планѣ, такъ какъ ему сразу представлялось нѣсколько разныхъ и въ то же время невѣрныхъ перспективъ,⁴⁾ но всѣ передряги въ значи-

¹⁾ Кулишъ не захотѣлъ воспользоваться обѣщанными ему льготами на экзаменѣ: «На предложеніе сохранить только видъ экзамена кандидатскаго, такъ какъ профессорамъ совѣтно было бы экзаменовать человѣка съ литературною репутацией, и сперва согласился, но потомъ отказался, потому что все-таки это была бы со стороны профессоровъ милость, а неуваженіе».

²⁾ Вирочемъ на эту дѣятельность у него былъ странный взглядъ: „еслибы“ — говорилъ онъ — «профессорство оказалось для меня тягостнымъ, то, послуживъ немногого, мнѣ легко будетъ сдѣлаться директоромъ гимназіи, чтб будетъ равняться архіерейству на покой».

³⁾ Въ тоже время въ разныхъ университетахъ предлагали каѳедру и Костомарову: «Костомаровъ получилъ отъ Казанскаго университета приглашеніе на каѳедру, но ужасаетсяѣхать туда въ качествѣ архіерея, отправляющагося на покой. Послалъ телеграмму въ Кіевъ, чтобы отвѣчали ему на предложенные имъ условія». Но и Кіевъ его пугаетъ.

⁴⁾ Кромѣ указанныхъ, Кулишъ имѣлъ еще иные. Такъ въ его пользу дѣйствовалъ въ Петербургѣ Н. Я. Макаровъ. Въ одномъ изъ

тельной мѣрѣ искупались возможностью подвигать литературныхъ работы занятіями въ Публичной библіотекѣ: „Я не падаю духомъ никакъ и работаю для будущаго въ публичной библіотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала и тогда мои выписки будутъ мнѣ очень полезны.¹⁾ Не вѣчно будетъ неистовствовать цензура! Жизнь не останавливается и промываетъ всѣ подобныя засоренія. Передъ выѣздомъ въ Петербургъ я готовъ былъ воротиться въ Пиддубечь, если соберу рублей 600. Теперь я на жизнь смотрю иначе. Во первыхъ, я шести сотъ рублей не соберу вдругъ, да еслибъ и сбѣраль, то хуторской бытъ въ такой скучной формѣ представляется мнѣ добровольнымъ самоубийствомъ. Конечно, назначеніе мое въ Варшаву или что-нибудь подобное могло бы дать нашимъ обстоятельствамъ другой видъ, но ни за что нельзя поручиться; сидя вѣдѣсь безъ денегъ, можно хоть надѣяться чего-нибудь дождаться, а сидя въ хуторѣ, только вычеркнешь себя изъ памяти живыхъ людей. Однимъ словомъ, такъ худо, какъ только могли бы желать мои многочисленные враги“.

Въ Петербургѣ Кулишу пришлось перенести много материальныхъ затрудненій, но онъ рѣшился выдержать все и даже, въ случаѣ крайности, привыкъ на время какую-нибудь незначительную должность: „Политика заставляетъ меня являть видъ

своихъ писемъ онъ сообщалъ: «Относительно опредѣленій васъ ревизоромъ Гротъ (Константина Карловича) отказалъ мнѣ, потому что ваканцій нѣтъ, потому что онъ рѣдко открываютъ и потому что у него есть въ виду два или три кандидата, которыхъ считаетъ себѣ обязаннымъ опредѣлить на первыя ииѣющиа открыться ваканціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гротъ взялся самъ переговорить съ Н. А. Милютиномъ обѣ опредѣленія васъ на службу въ Варшаву; а третьего дня Гротъ сказалъ мнѣ, что Милютинъ охотно принимаетъ васъ и просить васъ немедленно прїѣхать въ Петербургъ». При этомъ разговорѣ, какъ видно изъ письма Макарова, Гротъ охотно вспоминалъ о встрѣчахъ съ Кулишомъ у Плетнева.

¹⁾ О мечтахъ Кулиша издавать малороссійскій журналъ см. также «Кievsk. Стар.», 1899, IX, 352.

человѣка, знающаго себѣ цѣну; но когда выскажется посторонняя оцѣнка или возможность сдѣлать для меня что-нибудь при моемъ ничтожномъ чинѣ и испорченномъ гражданскомъ положеніи, тогда я начну конкурировать съ малыми земли и стану крохоборствовать, отложа въ сторону всякую гордость“. Въ Петербургѣ Кулишъ надѣялся также найти защиту отъ полицейскихъ стѣсненій въ болѣе культурной средѣ, тогда какъ въ Малороссіи въ то время тайнымъ способомъ было разрѣшено полиціи разыскиваніе лицъ, присутствіе которыхъ было опасно для общественнаго спокойствія, чѣмъ въ любое время могъ воспользоваться какою угодно врагъ Кулиша.

Желаніе жить въ Варшавѣ, по словамъ Кулиша, явилось у него нѣсколько времени назадъ, еще до восстанія, когда его звалъ туда Грабовскій, и тогда еще—говоритъ Кулишъ—„я началъ тосковать по Варшавѣ и ея главномъ архивѣ царства польскаго“. Несмотря на подозрительность отношенія къ Кулишу со стороны высшихъ правительственныйхъ сферъ, надежды его держались на довольно прочныхъ основаніяхъ, какъ по его отношеніямъ къ Милютину и Арцимовичу, такъ еще болѣе по его превосходному знанію польскаго языка, тогда какъ въ такихъ людяхъ русскаго происхожденія чувствовалась въ это время самая настоящая нужда. Въ мартѣ 1864 г. Кулишъ писалъ Жемчужникову: „Видѣлся я съ вашимъ зятемъ Арцимовичемъ и просилъ его доставить мнѣ возможность пожить въ Варшавѣ. Онъ, кажется, благосклонно взглянулъ на мое желаніе, но, какъ видно, еще не можетъ приступить къ составленію своего будущаго штата. Все дѣло покамѣстъ находится въ рукахъ Милютина. Между тѣмъ я хотѣлъ бы служить преимущественно подъ начальствомъ Арцимовича. Кромѣ ближайшихъ моихъ интересовъ—интересовъ науки—мнѣ хочется кой-чему научиться у такихъ людей, какъ вашъ зять, котораго общественная репутація стоитъ такъ wysoko“. Но вопросъ касался также политическихъ взглядовъ Кулиша, и на этотъ счетъ онъ старался успокоить своего будущаго начальника посредствомъ откровеннаго объясненія съ Жемчужниковымъ: „Чтобъ касается до политическихъ убѣждений,

то каковы бы они ни были (а они, можетъ быть, совпадаютъ съ его убѣжденіями),—при моей молчальности и изолированной дѣятельности, онъ не можетъ быть мою компроментированъ. Ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ я не сдѣлалъ шагу, который бы противорѣчилъ характеру его службы. Это для меня тѣмъ возможнѣе, что въ настоящее время я посвящаю себя надолго собиранію и изученію матеріаловъ для обширнаго сочиненія о Польшѣ и юго-западной Руси.¹⁾ Пока я не сознаю себя способнымъ сказать прочное слово объ этомъ запутанномъ и многосложномъ предметѣ, я ничего печатать не стану. По всей вѣроятности, онъ будетъ играть важную и самостоятельную роль въ Царствѣ Польскомъ. Ему нужны будутъ такие люди, какъ я, и вы, послуживъ моимъ интересамъ въ качествѣ друга, окажете и ему услугу въ качествѣ родственника²⁾. Дѣйствительно, дружеская просьба была исполнена, но мѣсто уже было получено Кулешомъ въ учредительномъ комитетѣ; ²⁾ во всякомъ

¹⁾ Это было одно изъ важнѣшихъ побужденій для Кулеша принять службу въ Врашавѣ. Д. С. Каменецкому онъ писалъ: „Жизнь въ Варшавѣ для меня такъ-же пріятна, какъ заграницею. Мѣсяцъ пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Каждый день исполненъ новаго интереса. То читаешь подлинныя письма какого нибудь козака XVII вѣка, о которомъ до сихъ поръ кое-что зналъ только по книгамъ, то слушаешь разсказы о тысячѣ занимательнѣихъ вещей, то работаешь что-нибудь стоящее вниманія по дѣламъ реорганизаціи мѣстнаго устройства, то сидишь въ театрѣ“. *Кievskaya Starina*, 1898. юль-августъ, стр. 139, вторая пагинація: тамъ же: «здѣсь ученые люди оказываются мнѣ разныя услуги по предмету моихъ историческихъ изслѣдований, закидываютъ меня драгоценными рукоисками» (и проч.).

²⁾ Противъ назначенія Кулеша, какъ видно изъ писемъ его къ Каменецкому, „сдѣлано было нѣкоторымъ чиномъ возраженіе, потому что сей чинъ рекомендовалъ двоихъ въ директоры, и они не приняты на томъ основаніи, что ихъ не знаютъ лично. Такъ какъ меня“—продолжаетъ онъ—«лично тоже не знаютъ, то великій чинъ и поразилъ малого чина его же оружиемъ, отказалвшись утвердить мое назначеніе», (*Кievskaya Starina*, 1898, юль-августъ, 138, вторая пагинація), но послѣ дѣло все-таки уладилось.

случаѣ ходатайство Жемчужникова оказалось чрезвычайно полезнымъ для Кулиша, такъ какъ, предложивъ Кулишу жалованье въ три тысячи рублей, Арцимовичъ тѣмъ самымъ невольно косвеннымъ образомъ способствовалъ назначению въ такихъ же размѣрахъ жалованья Кулишу въ учредительномъ комитѣ.

XLIII.

Такимъ образомъ, Кулишъ перешелъ Рубиконъ, сдѣлавъ шагъ, имѣвшій огромное значеніе для него и повліявши на всю его дальнѣйшую судьбу; поступленіе его на службу въ Варшаву повлекло за собой разочарованіе и отчужденіе отъ него прежнихъ единомышленниковъ, чтоб не могло не произвести на него тяжелаго впечатлѣнія а, съ другой стороны, правительство и оффіціальная сфера попрежнему продолжали относиться къ нему въ высшей степени подозрительно. По прежней дѣятельности Кулиша ему уже невозможно было занять нейтральное положеніе, котораго онъ теперь жаждалъ отъ всей души, разочаровавшись въ прежнихъ надеждахъ. Колебанія Кулиша начались постепенно и, кажется, незамѣтно для него самого. Прежде всего они обнаружились въ возобновленіи сношеній съ Юзефовичемъ въ 1855 г., когда Кулишъ, встрѣчая со всѣхъ сторонъ препятствія, вновь обратился къ послѣднему съ просьбой помочь ему въ цензурныхъ затрудненіяхъ, называя его „почтеннѣйшимъ другомъ юности“ и объясняя ужаснымъ заблужденіемъ времененное прекращеніе съ нимъ всякихъ отношеній.¹⁾ Какъ будто совершенно забывъ неблаговидный поступокъ Юзефовича съ нимъ и съ его единомышленниками, Кулишъ снова пріятельски переписывается съ нимъ, даже обмѣнивается мыслями о самыхъ важныхъ для себя предметахъ, приноситъ ему сѣтованіе на ложные шаги В. М. Бѣлозерскаго въ редактированіи „Основы“, наконецъ выслушиваетъ мнѣнія и совѣты Юзефовича. Послѣдній

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1899, Ш, 311—312

однажды писалъ ему: „Ваше дружеское вниманіе къ моимъ совѣтамъ меня искренно тронуло и вмѣстѣ порадовало: значитъ, мы не такъ чужды другъ другу на почвѣ нашего національного вопроса“ и далѣе говорилъ объ успокоеніи „горячечныхъ увлеченій“. ¹⁾ Юзѣфовичъ привимаетъ на себя далѣе какъ бы роль друга-руководителя и авторитетнаго совѣтника, высказывая мнѣнія относительно повѣсти, помѣщенной Кулишемъ въ „Вѣстнику юго-западной и западной Россіи“ Говорскаго. ²⁾ Юзѣфовичъ явно старается дѣйствовать на чувствительную струнку самолюбія, рекомендуя Кулишу выполненіе важной исторической задачи— установленія надлежащей связи между „обѣими племенными личностями“. „Въ области слова“—говорить Юзѣфовичъ—„эта задача принадлежитъ теперь вамъ, и чуть ли не вамъ одному“. ³⁾

Другимъ неосторожнымъ и уже, несомнѣнно, ложнымъ шагомъ Кулиша было сближеніе его съ такими органами печати, какъ „Русскій Вѣстникъ“ Каткова, въ которомъ онъ еще въ 1859 г. помѣстилъ повѣсть „Майоръ“, и особенно „Вѣстникъ юго-западной Россіи“. Причиной сношенія съ этими изданіями для Кулиша, кажется, былъ его разрывъ съ „Современникомъ“ и недовольство „Основой“. Настоящей ареной своей журнальной дѣятельности Кулишъ хотѣлъ считать собственный малороссійскій журналъ ⁴⁾ за неимѣніемъ котораго безъ строгаго разбора обращался въ самыя разнообразныя редакціи, не взвѣшивъ достаточно ихъ роли въ литературѣ и даже возможности самого продолженія начатыхъ отношеній. До нѣкоторой степени это происходило также отъ слишкомъ высокомѣрнаго и презрительнаго взгляда его на „литературную биржу“, какъ Кулишъ прямо выражается въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому, которому онъ объяснялъ, что „такъ какъ въ книжной торговлѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 323.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ См. о предложеніяхъ Кулиша относительно этого журнала въ «Кievской Старинѣ». юль-августъ, 136—137, вторая пагинація.

важную роль играютъ журналы, то я рѣшился повернутьъ въкоторые изъ нихъ въ свою пользу“. „Для этого—продолжаетъ онъ—, послана Маркову статья для помѣщенія въ любомъ (!) журналѣ и еще кое-что помѣщу этимъ способомъ. Пускай каждый смотритъ на меня какъ на могущаго быть его сотрудникомъ“.¹⁾ За такой взглядъ Кулишу скоро пришлось жестоко поплатиться нравственно и материально.

До какой степени пришлось ему горько разочароваться въ редакторѣ „юго-западной Россіи“, показываютъ слѣдующія строки одного изъ интереснѣйшихъ писемъ къ женѣ въ 1865 году: „Я слышалъ, что кіевскому генералъ-губернатору разрѣшено разыскивать по всей Малороссіи тайнымъ способомъ, нѣтъ ли гдѣ лицъ, которыхъ присутствіе опасно для общественнаго спокойствія. Если эта молва не выдумка, то стоитъ какому-нибудь Говорскому шепнуть одному-другому чиновнику, чтобъ ему вздумалось, и меня не призадумаясь отправить на край свѣта. А надобно тебѣ знать, что я получилъ, въ отвѣтъ на мое требованіе долга, отъ Говорского безстыднѣйшее письмо: теперь ужъ не только онъ не долженъ мнѣ ничего за мои статьи, но еще въ претензіи на меня, что я будто бы уронилъ его журналъ въ глазахъ начальства, а ты знаешь, какъ онъ мнѣ благодарилъ за gepomѣе, которое я доставилъ „Вѣстнику юго-западной Россіи“, и какія сулилъ онъ мнѣ благодарности сверхъ условленной платы.²⁾ Я не долженъ пренебречь никакимъ кускомъ хлѣба, если мнѣ еще дадутъ его, но до сихъ поръ всѣ мои старанія остаются безуспѣшны. Я согласенъ, что служба въ Варшавѣ имѣть важныя для меня неудобства, а пожалуй и опасности со стороны польскихъ фанатиковъ. Но чтѣ лучше: подвергаться ли опасности отъ убийцъ, чли, сила въ хуторѣ, каждый день думать, что завтра тебя могутъ взять, какъ безсловесную овцу, по наговору какого-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898 г. іюль-августъ стр. 132.

²⁾ Внослѣдствіе Кулишъ не иначе называлъ этотъ журналъ, какъ «шакостнымъ» и «паскуднымъ» и говорилъ, что онъ хорошъ только тѣмъ, что его никто не читаетъ.

нибудь Говорского. Нѣтъ, по моему, ужъ лучше служить въ дѣйствующей арміи и каждый день слышать надъ ухомъ свистъ пули, чѣмъ воображать безпрестанно, что ты обреченъ на жертву самому безмысленному клеветнику“.

Въ другомъ, не менѣе откровенномъ письмѣ (къ Н. Д. Бѣлозерскому) Кулишъ такъ объясняетъ поступление на службу въ Варшаву: „Я объявилъ, что въ Варшавѣ мнѣ нужно быть для продолженія моихъ историческихъ изслѣдованій о русскомъ переводѣ польской исторіи, что я, желая поставить себя подъ охрану правительства, предлагая ему свои услуги, какъ знающій польскій языкъ, за свою службу желаю получать приличное вознагражденіе. Земляки либералы смущены моей готовностьюѣхать въ Польшу, но чтѣ на нихъ смотрѣть! Политика—не наше дѣло: для этого надо быть богатымъ и сильнымъ; а терпѣть нужду и гоненія изъ-за неопределенныхъ надеждъ на перемѣну обстоятельствъ глупо. Двадцать лѣтъ я дѣйствовалъ въ такъ называемыхъ національныхъ интересахъ—и какихъ же результатовъ достигнулъ! Теперь ограничиваюсь просто наукой, простымъ изученіемъ того, чтѣ было въ старину, а какое примененіе сдѣлаетъ новое поколѣніе изъ моихъ литературныхъ трудовъ—это его дѣло. Между тѣмъ, примиряясь съ правительствомъ, я, можетъ быть, получу разрѣшеніе издавать журналъ въ широкихъ размѣрахъ—и спасу себя для литературы, тогда какъ, идя прежнимъ путемъ, погибну подъ гнетомъ одной материальной нужды“.

Между тѣмъ шурья Кулиша, Василій и Олимпій Бѣлозерскій, хотѣли во что бы то ни стало отстоять свои любимыя идеи и кромѣ того выразили Милютину „своё разномысліе съ видами правительства относительно Польши“. Осуждая ихъ „браваду“, Кулишъ пишетъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Говорятъ, что общественное мнѣніе строго осуждаетъ людей либеральныхъ, заявляющихъ службою въ Польшѣ свое единомысліе съ правительствомъ. Гдѣ органы этого общественного мнѣнія? кто представитель этого общественного мнѣнія? Эта боязнь относится къ нѣсколькимъ говорунамъ, созидающимъ въ своемъ воображеніи

українську націю, якою я нигдѣ не нахожу оть Петербурга до Одессы. Ми составляемъ націю въ смыслѣ этнографическомъ, но вовсе не въ политическомъ. Толки о будущей отдѣльности Україны исходили всегда оть людей наименѣе работавшихъ надъ языкомъ и исторіею этой проблематической страны. Неизвѣстно, приведутъ ли они общество къ сознанію своей политической задачи, но покамѣсть несомнѣнно то, что литературно-общественный вопросъ українскій страдаетъ всего больше оть этихъ праздныхъ толковъ. Они пугаютъ воображеніе вліятельныхъ людей, не знающихъ Україны, и вслѣдствіе того вызываютъ противъ насъ силу, противъ которой мы не имѣемъ никакихъ средствъ бороться. Теперь шумятъ въ англійскомъ клубѣ и вездѣ въ аристократическихъ кругахъ о завзятости украинцевъ по поводу бравады Василія и Олімпія". Нѣсколько дальше Кулишъ продолжаетъ: „Чтѣ касается до Україны, то, допуская даже распаденіе Россіи (sic!), я не вижу для нея другой участи, какъ сдѣлаться игралищемъ соудніхъ націй. Совсѣмъ другое было бы дѣло, когда бы мы едиными устами и единымъ сердцемъ работали надъ пробужденіемъ общественно-національного сознанія въ Українѣ и уступали бы другъ другу въ томъ, чтѣ дорого для нашего самолюбія, по вредно для успѣха дѣла. Даже самые пламенные украинцы обвиняютъ Васю въ удержаніи за собою „Основы“. Послушать его—такъ онъ чуть не святы въ этомъ дѣлѣ; но никто его не оправдываетъ. И при такомъ патріотизмѣ мы еще хотимъ достигать какихъ-то великихъ политическихъ цѣлей. Нѣть, я радъ уѣхать въ Варшаву отъ нашихъ Катоновъ. Одно изданіе журнала остановило бы меня; но пока я не увижу собранныхъ денегъ, я не вѣрю въ исполненіе великолѣпныхъ обѣщаній“.

Такимъ образомъ въ українофильской партії произошелъ расколъ и обнаружилось взаимное недовольство. Кулишъ недоволенъ былъ уже не только Бѣлозерскимъ, но и Костомаровымъ, и ихъ будущее охлажденіе уже начинаетъ теперь постепенно обозначаться. „Костомаровъ ветшає“, писалъ Кулишъ въ мартѣ 1866 г. Н. Д. Бѣлозерскому: „я про-

вель съ нимъ наединѣ цѣлый день и не слышалъ отъ него ничего животворнаго. Онъ дѣлается чѣмъ-то безразличнымъ, и ко всему относится, точно свѣтскій человѣкъ, а не ученый. Въ учебникахъ онъ сбился съ дороги и не знаетъ, что ему дѣлать. Въ ожиданіи чего-то непредѣленнаго онъ не дѣлаетъ ничего. Земляки на него ропщутъ и нѣкоторые совсѣмъ его оставили. Но земляки, въ свою очередь, до тогоничтожны въ своихъ дѣлахъ (на словахъ это великие люди!), что и у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты собирать ихъ въ кружокъ и тратить время на направление ихъ къ чему-нибудь путному“.

Въ такомъ неутѣшительномъ настроеніи находился Кулишъ наканунѣ перехода своего на службу въ Варшаву. Это была пора временнаго ослабленія его надеждъ, что выразилось также въ одномъ изъ писемъ къ Н. Д. Бѣлозерскому въ осмѣяніи не только попытки нѣкоего Климковича перевести на малороссійскій языкъ стихами „Іліаду“, но и самой „мысли, носящейся въ галицкорусскомъ воздухѣ, объ усвоеніи украинской словесности великихъ произведеній древнегреческой литературы“.

XLIV.

Между тѣмъ происшедшая въ Кулишѣ перемѣна сильно огорчила и разочаровала многихъ его почитателей. „У насъ“—пишетъ мнѣ А. Я. Конисскій—„произошла съ Кулишомъ довольно крупная размолвка, когда онъ началъ печататься въ „Вѣстнике Западной и Юго-Западной Россіи“, который издавалъ въ Кіевѣ Ксенофонть Говорскій, учитель семинаріи, человѣкъ невѣжественный, обскурантъ въ полномъ смыслѣ слова и врагъ тѣхъ украинскихъ національныхъ идей, которымъ служилъ тогда Кулишъ. Журналъ получалъ тогда субсидію отъ мѣстной администраціи. Участіе Кулиша въ этомъ изданіи вызвало среди полтавцевъ изумленіе и негодованіе. Мнѣ поручено было объясниться по этому случаю съ Кулишомъ, и я спросилъ его, правда ли и то, что онъ возобновилъ дружбу съ Юзефовичемъ, который

въ 1847 г. въ дѣлѣ Костомарова, Шевченка и его же Кулиша такъ позорно злоупотребилъ довѣріемъ? Кулишъ отвѣчалъ мнѣ коротко, весьма раздражительнымъ тономъ, что, участвуя въ журналѣ Говорскаго, онъ не зналъ, чтѣ такое самъ Говорскій и его изданіе. Когда же я указалъ ему на факты, которыхъ онъ не могъ не знать, онъ написалъ ко мнѣ въ еще болѣе раздражительномъ тонѣ; о Юзефовичѣ и на этотъ разъ промолчалъ. По порученію товарищѣй, я передалъ ему наше неодобрение сотрудничества его въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго и вновь спросилъ его о Юзефовичѣ. На этотъ разъ отвѣта не послѣдовало, да и чтѣ было отвѣтить, когда отъ родственника Юзефовича, покойнаго В. В. Тарновскаго (отца), мы навѣрное знали, что Кулишъ, бывши въ Кіевѣ, посѣтилъ Юзефовича и давно возобновилъ съ нимъ пріятельскія отношенія и переписку¹⁾.

„Въ 1864 г. я узналъ поразившую меня новость—что Кулишъ и Бѣлозерскій... на службѣ въ Варшавѣ“...

„Въ сентябрѣ 1865 г. мнѣ было дано разрѣшеніе на поѣздку за границу; по пути я остановился въ Петербургѣ и при свиданіи съ Н. И. Костомаровымъ узналъ, что Кулишъ занимаетъ видное мѣсто директора департамента народнаго просвѣщенія и настаиваетъ на томъ, чтобы въ народныхъ школахъ тѣхъ деревень, которые имѣютъ украинское населеніе, преподаваніе шло на русскомъ языкѣ. Разсказывая объ этомъ, Костомаровъ не скрывалъ своего негодованія противъ Кулиша и просилъ меня повидаться съ послѣднимъ въ Варшавѣ и повліять на него въ смыслѣ перемѣны его мнѣнія по школьному вопросу. Конечно, не мнѣ было вліять на Кулиша и я категорически не принялъ такого порученія, обѣщавъ лишь повидаться съ нимъ и побесѣдовать“.

„Въ Варшавѣ мы встрѣтились съ Кулишомъ по пріятельски и на другой день вечеромъ собрались у Бѣлозерскаго. Когда Кулишъ узналъ мое мнѣніе о переходѣ его на службу въ Вар-

¹⁾ Теперь она напечатана въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старинѣ“ за 1899 г.

шаву, онъ началъ говорить, что молодое поколѣніе совсѣмъ не понимаетъ того направленія, по которому онъ идетъ, и потому удивляется его службѣ въ Варшавѣ. Приведя массу историческихъ фактовъ, онъ доказывалъ мнѣ почти совершенно противоположное тому, что я и другіе слышали отъ него въ 1860 г. Больѣ всего меня удивила перемѣна взглядовъ его на значеніе козачества; но она тогда не была такъ рѣзка, какъ высказалась позднѣе въ произведеніяхъ Кулиша, а обѣ украинской демократіи онъ отозвался, что она „не была насадительницей культуры“..

„Переходить свой на службу въ Варшаву онъ болѣе всего оправдывалъ стремленіемъ революціонной польской партіи въстановить шляхетскую Польшу въ границахъ 1774 г. „Такая Польша погубила бы наўки Україну“¹⁾.

„Нацонецъ, когда рѣчъ зашла о народныхъ школахъ въ малорусскихъ населеніяхъ, Кулишъ съ большимъ апломбомъ замѣтилъ, что вопросъ о школьнѣомъ языкѣ князь Черкасскій отдалъ всецѣло на его рѣшеніе и онъ рѣшилъ учить на русскомъ языкѣ съ первого дня поступленія дѣтей въ школу.

— „Педагогично ли это?“ спросилъ я.

— „Если и не педагогично, зато политично“, отвѣчалъ Кулишъ: „мы должны провести сколь можно болѣе глубокую межу между украинцами и поляками; такою межою и будетъ русскій языкъ“²⁾.

Однако Кулишу недоставало твердой увѣренности въ томъ, что новый избранный имъ путь приведетъ къ благимъ результатамъ для Україны, и онъ отчасти искалъ усыпленія своихъ жгучихъ сомнѣній и сердечныхъ тревогъ въ усиленной дѣятель-

¹⁾ Подробище обѣ этомъ взглѣдѣ Кулиша см. въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому въ «Кіевской Старинѣ», іюль—августъ, 138 (вторая нагінація).

²⁾ Между тѣмъ въ 1861 г. Кулишъ интересовался судьбой какой-то безплатной школы, несомнѣнно малороссійской, которой былъ заинтересованъ также родственникъ Шевченка. (См. «Кіевскую Старину», 1898, іюль—августъ, стр. 134, (вторая нагінація)).

ности. Такъ онъ однажды писалъ Хильчевскому: „Такая неправильная душа, какъ у меня, не можетъ быть спокойна. Я надѣлалъ много промаховъ въ жизни, много глупостей, много пошлостей. Все это меня мучитъ... Одно для меня спасеніе—сильная дѣятельность. Безъ службы такая дѣятельность въ Россіи—по крайней мѣрѣ для меня—невозможна. Вотъ почему служу я, да еще потому, что хочу расплатиться съ долгами¹⁾. Достигнувъ этой послѣдней цѣли, я, можетъ быть, выбьюсь изъ силъ и заберусь въ хуторскую свою конуру, чтобы умереть по запорожски, т. е. вдали отъ шума“²⁾.

Въ самый разгаръ увлеченія служебной дѣятельностью въ Варшавѣ Кулишъ мечталъ о тихой жизни въ Кіевѣ, вдали отъ служебныхъ и политическихъ волненій, и упрашивалъ Хильчевскаго поискать ему такое желанное убѣжище для своей приближающейся старости...

Вся разгадка секрета—въ томъ, что, при крайнемъ недовольствѣ настоящимъ, впереди Кулишу рисовалась въ самыхъ отрадныхъ краскахъ перспектива изданія журнала, при помощи котораго онъ надѣялся выступить на путь активной дѣятельности; его манила мечта, не осуществившаяся и во многомъ ему повредившая, потому что ради нея онъ пренебрегалъ настоящимъ и шелъ на разные компромиссы. Еще до Варшавы онъ писалъ женѣ: „Украинскій вопросъ въ загонѣ, и потому мы съ Костомаровыми хотимъ основать журналъ всероссійскій, въ который войдетъ и вопросъ украинскій³⁾). Но по правдѣ скажу,

¹⁾ О долгахъ и вообще денежныхъ дѣлахъ Кулиша въ это время см. въ письмахъ къ Хильчевскому «Кіевская Старина», 1898, I, 88, 89, также 1898, VII—VIII, 143—144, (итогай пагинація).

²⁾ «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 87.

³⁾ (Въ другомъ мѣстѣ: «Литература теперь крайне стѣснена, особенно по украинскому вопросу: поневолѣ надо бездѣйствовать. По крайней мѣрѣ хоть заработаю кусокъ хлѣба на старость». «Теперь все оказалось мечтами, которыхъ только тѣмъ и хороши, что напоминаютъ счастливое время»).

Костомаровъ плохой помощникъ въ этомъ дѣлѣ, и я долженъ весьма искусно отѣльваться отъ его помощи, и соединяюсь съ нимъ единственно ради того, чтобы онъ нигдѣ больше не печаталъ своихъ сочиненій, чего иначе нельзя достигнуть, какъ посредствомъ одного общаго обоимъ намъ журнала". Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „я не падаю духомъ никакъ и работаю для будущаго въ публичной библіотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала, и тогда мои выписки будутъ очень полезны. Не вѣчно же будетъ неистовствовать цензура!"... „Я каждый день въ публичной библіотекѣ... Здѣсь такъ всѣ рады, кого ни встрѣтишь, точно здѣсь моя родина, а не на Украинѣ! И действительно, здѣсь у насъ общія понятія и интересы; здѣсь я членъ умственно работающей семьи, а тамъ кому и на что я нуженъ? Всего два-три человѣка найдется, съ которыми можно говорить полудески! Нескоро, нескоро ворочусь въ Украину!"... «Сидя здѣсь безъ денегъ и безъ мѣста, при самыхъ скверныхъ политическихъ обстоятельствахъ, я чувствую, что живу, а тамъ я погибалъ съ каждымъ безпутнымъ днемъ»!

Получивъ мѣсто въ Варшавѣ, Кулишъ опять былъ занятъ все той же мечтой: „Литературное мое дѣло"—писаль онъ женѣ— „нимало не потерпѣть отъ службы въ Варшавѣ, а напротивъ сдѣлается прочнѣе отъ примиренія съ правительствомъ, которое имѣеть противъ меня неосновательный предубѣжденіе". Въ другомъ письмѣ онъ такъ жалуется на эти предубѣжденія: „Обо мнѣ говорятъ, какъ о какомъ-то Ринальдо-Ринальдини, тогда какъ нѣтъ человѣка спокойнѣе меня" ¹⁾.

¹⁾ Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ, касающихся Костомарова. «Съ Костомаровымъ жпвемъ въ большомъ ладу; видаемся каждый день. Часто зоветъ онъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ однокъ посреди людей и радъ, что есть съ кѣмъ поговорить объ исторіи. Мечтаетъ о снаряженіи экспедиціи ученой въ Галицію и просто-душно воображаетъ, что могутъ послать насъ обоихъ на казенный счетъ. Это несбыточно, хотя никто изъ живущихъ въ Россіи не со-

XLV.

Впечатлѣніе отъ своей новой дѣятельности въ Варшавѣ Кулишъ вынесъ тѣмъ не менѣе самое благопріятное, и вообще можно сказать, что для него наступила чуть ли не лучшая пора его жизни, оставившая въ немъ навсегда пріятныя воспоминанія. Живое дѣло подъ начальствомъ просвѣщенаго сановника и въ сотрудничествѣ людей съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи въ высшей степени вдохновляло Кулиша. „Работы много“—писалъ онъ,— „тружусь безпрестанно въ полномъ смыслѣ слова; но дѣлу я сочувстую, и потому работа для меня пріятна. Притомъ же я освобожденъ отъ хожденія въ канцелярію и имѣю съ нею сношенія только посредствомъ курьеровъ. Больше всего меня радуетъ то, что мой начальникъ, строгій блюститель бюрократическихъ формъ, часто назначаетъ мои бумаги къ перепискѣ набѣло, не измѣнивши ни одного слова, чтѣ рѣдко у него слукается и заматорѣлымъ въ службѣ чиновникамъ. Но торжество это достается мнѣ недешево: оно требуетъ величайшаго вниманія къ разнообразнымъ условіямъ дѣлопроизводства“.

Другу своему Чуйкевичу онъ сообщалъ о своей службѣ: „Тяжело очень, но зато я имѣю дѣло съ умнѣйшимъ человѣкомъ, какого до сихъ поръ встрѣчалъ въ жизни,—кн. Черкасскому. Наслажденіе его умомъ заставляетъ меня забывать о воянѣ съ утра до вечера и о докладахъ въ чась ночи. Все это переносится безъ малѣйшаго ропота въ душѣ; только бы хватило физическихъ силъ, а поработаемъ отъ всего сердца во славу русскаго имени! „Хильчевскому онъ пишетъ: „Время мое при-

вершилъ бы такого полезнаго путешествія по Червонной Руси, какъ мы вдвоемъ»... «Костомаровъ читалъ мнѣ начало своей исторіи Смутнаго времени и прочтеть всю рукопись. Очень интересная будетъ книга для многихъ, но крайне досадная для московофиловъ, потому что правда къ нимъ безпощадна, и чѣмъ вѣрнѣе будутъ позучены источники, тѣмъ для нихъ будетъ досаднѣе».

надлежить кн. Черкасскому, а кн. Черкасский есть не что иное, какъ буря дѣятельности, которая и меня увлекла въ свой кругъ. Съ восторгомъ повинуюсь этому необыкновенному человѣку. Очень трудно, тѣжело, мучительно, но это моя сфера¹⁾. Ему же Кулишъ прямо говорилъ: „кн. Черкасский сдѣлалъ премудрое дѣло, пригласивъ меня въ сотрудники“²⁾. Впослѣдствіи, на склонѣ лѣтъ, вспоминая объ этой живой и радостной порѣ своей служебной дѣятельности, Кулишъ писалъ д-ру Цавликѣ: „Самихъ „Административныхъ Постановлений Царства Польскаго“ выдаю щід своею редакціею (у російскому перекладі) більше 60 томивъ за недовгий час побуту моего въ Варшавѣ“²⁾. Кулишъ признавалъ это время своей дѣятельности не только плодотворнымъ, но и наиболѣе производительнымъ въ смыслѣ необычайного напряженія энергіи. Но дѣйствуя столь энергично въ учредительномъ комитетѣ, Кулишъ работалъ и для В. А. Арцимовича, издавшаго тогда матеріалы для устройства мѣстной администраціи и пожелавшаго воспользоваться для этой цѣли литературнымъ талантомъ Кулиша и его основательнымъ знаніемъ польского языка. Эта послѣдняя работа, будучи хорошо оплачиваема, снова внушила Кулишу желаніе и надежду совершить путешествіе по Западной Европѣ, возобновлявшуюся при каждомъ удобномъ случаѣ.

XLVI.

Разсказъ о послѣдующихъ затѣмъ фактахъ заимствуемъ изъ слѣдующей собственно-ручной замѣтки Кулиша: „Отдыхая въ Парижѣ отъ служебныхъ трудовъ и противорѣчій, узналъ я

¹⁾ «Кievskaiia Starina», 1898, I, 86.

²⁾ См. также «Кievsk. Star.», 1898, I, 86; также «Kievskuyu Star.», 1898, VII—VIII, стр. 141, 143 (вторая пагинація).

иезъ газетъ о смерти Н. М. Милутинъ и вернулся въ Варшаву до срока. Тамъ не засталъ я уже князя Черкасскаго. Зная, что безъ поддержки Милутинъ не устоитъ ему въ борьбѣ съ намѣстникомъ, графомъ Бергомъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ и вышелъ въ отставку“.

Затѣмъ разсказывается Кулишъ въ письмѣ въ Л. М. Жемчужникову: „Первымъ моимъ дѣломъ было заявить, что служить больше не желаю и прошу дать мнѣ содержаніе, обѣщанное Его Величествомъ чиновникамъ, которые останутся за штатомъ. Вместо исполненія моей просьбы, меня прикомандировали къ Учредительному Комитету съ уменьшеннымъ окладомъ жалованья. Это устроено Соловьевымъ, который давно купилъ Берга самыми подлыми подачками его жадности по увеличенію его майоратныхъ владѣній, а устроено потому, что въ бумагахъ Милутинъ найдены мои письма, въ которыхъ я, по словесному съ нимъ условію, представлялъ, какъ Соловьевъ мѣшалъ мнѣ дѣлать дѣло по должностіи чиновника особыхъ порученій, и вслѣдствіе которыхъ Милутинъ не разъ были исправляемы высочайшія повелѣнія для направленія порученнаго мнѣ дѣла въ указанную мною сторону. Соловьевъ, увидѣвши, что игралъ между мной и Милутиномъ роль пошлого бирократа, рѣшился мстить мнѣ, сколько это возможно для чиновника, и вотъ почему насильно привлекъ меня подъ свое начальство“.

„Въ это самое время галицкіе сейинасты прислали мнѣ патріотическій адресъ на украинскомъ языке. Онъ былъ перехваченъ нѣкіимъ—Витте, малымъ крайне ничтожнымъ, и сообщенъ Соловьеву. По докладѣ намѣстнику, Соловьевъ предложилъ мнѣ: или отречься печатно отъ всѣхъ моихъ украинскихъ убѣжденийъ, какія когда-либо были выражены мною въ литературѣ, или оставить службу. Я отвѣчалъ: что, несмотря на мое бывшее украинофильство, правительство удостоило меня своего довѣрія и довольствуется тѣмъ, что я все свое время отдаю службѣ, соблюдая всѣ его интересы, а требованіе отреченія сочинено имъ самимъ отъ лица правительства. Я прибавилъ, что

даже графъ Бергъ не способенъ предложить мнѣ подобный поступокъ, который опровергъ бы мое имя, не принеся пользы правительству, и что тогда только повѣрю ему, Соловьеву, что требование исходить отъ намѣстника, когда намѣстникъ прішлетъ мнѣ его за своею подписью.

Результатомъ этой контраверсіи было увольненіе меня отъ службы безъ прощенія, якобы по болѣзни".

Въ раньше цитированной собственноручной замѣткѣ Кулиша въ болѣе сокращенномъ видѣ изложено то же самое и затѣмъ слѣдуетъ: „Я уѣхалъ за границу. Тамъ напечаталъ я во Львовѣ переводъ на украинскій языкъ Моисеева Пятикнижія, стихотворный переводъ Псалтири, такой же переводъ Пѣсни пѣсней, а въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ галичаниномъ, докторомъ Шулюемъ, перевелъ и напечаталъ по-украински Новый Завѣтъ.

Возвратясь въ Россію, занялся я изученіемъ польско-русской старины и издалъ три тома „Исторіи возсоединенія Руси“ да одинъ томъ „Матеріаловъ“ къ нимъ“.

Такимъ образомъ въ половинѣ 1867 года снова появились тучи на горизонте служебной дѣятельности Кулиша и столь счастливо, повидимому, устроившаяся карьера порвалась, благодаря интригамъ Соловьева. Въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ Чуйкевичу находимъ нѣкоторыя любопытныя подробности, относящіяся къ исторіи препирательства его съ Соловьевымъ: „Я еще разъ былъ у намѣстника по дѣлу съ Соловьевымъ—для врученія ему письма, которое онъ поручилъ мнѣ написать. Письмомъ онъ остался доволенъ, а когда я поблагодарилъ его за защиту, то онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Вѣдь я желалъ, чтобы вы продолжали службу. Вы очень трудолюбивы и способны. Я вѣдь умѣю это дѣлать. Не знаю, какъ устроятся дѣла, но вы понимаете, что мнѣ такие люди нужны“. Всего важнѣе въ этой аудіенціи было то, что о Соловьевѣ не было сказано ни единаго слова, а вѣдь онъ игралъ роль моего начальника. Такимъ образомъ я получилъ полное удовлетвореніе за грубую выходку этого обскуранта... Дѣла служебные находятся здѣсь въ переходномъ со-

стоянії. Я кое-что работаю, сидя дома, по редакціонной части. Соловьевъ боится присыпать ко мнѣ бумаги или пригласить меня къ себѣ домой по дѣламъ, потому что видъ мой для него по истинѣ ужасенъ, какъ для оставшагося въ дурняхъ, и при томъ онъ теперь знаетъ, какимъ тономъ я бы сталъ говорить съ нимъ".

Но Соловьевъ, какъ мы знаемъ, не задумался поразить Кулиша извѣстнымъ намъ безпощаднымъ орудіемъ. Ни мало не колеблясь, Кулишъ рѣшилъ предложенный ему выборъ и, подобно Тургеневскому Рудину¹⁾, послѣ вѣсколькихъ лѣтъ сравнительного материального благосостоянія, предпочелъ котомуку нравственному униженію, и снова сдѣлался безпріютнымъ скитальцемъ, частью же скромнымъ обитателемъ глухого малоруссійского хутора. 30 октября 1867 года онъ получилъ офиціальное увольненіе по болѣзни отъ занимаемыхъ имъ должностей.

Приведемъ здѣсь разсказъ объ этой порѣ жизни Кулиша одного изъ его друзей: „Узнавъ, что Кулишъ и Бѣлозерскій состоять на службѣ въ Варшавѣ, я отправился въ Варшаву и представилъ Кулишу одно изъ первыхъ моихъ произведеній для просмотра и для передачи въ Галицію, въ редакцію малорусскаго журнала „Правда“. Кулишъ въ это время потерялъ мѣсто директора духовныхъ дѣлъ и состоялъ членомъ комиссіи по переводу польскихъ законовъ. Онъ получалъ жалованье въ 1500 р. Я нашелъ его въ небольшой, но очень опрятной квартирѣ. Ему въ то время было не болѣе 45 лѣтъ. Съ виду онъ былъ еще молодъ, съ блестящими острыми глазами, но страдалъ кашлемъ и жаловался на болѣзнь груди. Года черезъ два доктора

1) Сравненіе это, быть можетъ, было бы оскорбительно для памяти Куляша, человѣка не только идеи, но и энергичной и живой дѣятельности, но мы здѣсь имѣемъ въ виду преимущественно слова Тургенева: «Хорошо тому, у кого есть теплый уголь... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!», — и еще, что Рудинъ при своихъ блестящихъ дарованияхъ умѣлъ остатися нищимъ.

послали его на зимній сезонъ въ Венецію. Двѣ зими сряду онъ проживалъ въ Венеціи, а лѣто проводилъ въ Вѣнѣ, занималсь переводомъ Новаго Завѣта съ еврейскаго языка на украинскій. На столѣ лежала стопа исписанныхъ листовъ перевода, которымъ онъ, по словамъ его жены, добрѣйшей Александры Михайловны, занимался аккуратно каждый день. Зашла рѣчь о пророчествахъ, о лицѣ Іисуса Христа. Я полюбопытствовалъ прочесть эти мѣста, чтобы убѣдиться, не сдѣлано-ли какого-нибудь искаженія въ пророчествахъ Даніила о седминахъ, въ пророчествахъ Исаіи, Захаріи и проч., тѣмъ болѣе что Кулишъ перевелъ эти мѣста стихами, какъ они написаны стихами въ еврейскомъ оригиналѣ. Я началъ перелистывать рукопись, отыскивая эти мѣста.

— „Навіщо ви шукаете? Я вам і такъ йіхъ прочитаю“, сказавъ Кулишъ и прочиталъ мнѣ на память всѣ пророчества въ стихахъ. Я спросилъ его, какъ онъ перевелъ болѣе важные псалмы. Онъ опять началъ читать мнѣ наизустъ эти псалмы одинъ за другимъ, переведенные стихами, какъ будто онъ выучилъ ихъ предварительно на память отъ слова до слова. Онъ ихъ не училъ; только перевелъ—и затвердилъ до буквы. Память Кулиша поразила меня. Дѣйствительно, память у него была феноменальная, какъ у индузовъ браминовъ, о которыхъ пишутъ, что еслибы по какому-нибудь случаю пропала вся санскритская литература, то ученые индузы восстановили бы ее всю по памяти. Въ Krakovѣ на вокзалѣ, по дорогѣ въ Вѣну, у Кулиша украли саквояжъ, въ которомъ находилась рукопись псалтири, переведенной стихами. Пріїхавъ въ Вѣну, Кулишъ восстановилъ утраченный переводъ почти по памяти. „Це для єго було нетрудно“, говорилъ мнѣ потомъ Бѣлозерскій: „въ єго така память, що було въ школи вінъ вчити стихи, заданні на урокъ, передъ приходомъ учителя въ класъ: разъ прочитав, тай налить на память. Въ Відні Кулишъ загаяв якійсь тамъ час тільки на писання псалтирі, та й годи“.

О службѣ Кулиша въ Царствѣ Польскомъ находимъ слѣдующія офиціальная свѣдѣнія въ выданномъ ему въ 1875 г.

аттестатѣ изъ Департамента общихъ дѣлъ Министерства путей сообщенія: „Определенъ въ учредительный Комитетъ въ Царствѣ Польскомъ съ назначеніемъ состоящимъ при комитете 1864 г. декабря 23; получилъ темно-бронзовую медаль въ памятьпольскаго мятежа 1863-4 г. и въ 1865 г. по всеподаннѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго объ отлично усердной и полезной службѣ, засвидѣтельствованной министромъ Государственныхъ имуществъ и намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ 10-го іюна 1865 г. Высочайше повелѣно: виновность Кулиша по дѣлу объ Украйно-Славянскомъ Обществѣ, за которую онъ былъ выдержанъ въ крѣпости и потомъ высланъ на службу въ Тулу, съ учрежденіемъ вадъ нимъ строжайшаго полицейскаго надзора, не считать препятствіемъ къ производству его въ слѣдующіе чины, равно къ представленію ему всѣхъ прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ, кромѣ ордена Св. Владимира 4 степени за выслугу лѣтъ и звака отличія за безпорочную службу“. Едва прошелъ годъ съ начала службы Кулиша въ Варшавѣ, какъ онъ получилъ серебряную медаль за труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, а вскорѣ ему была выдана награда 1200 р., отъ князя Черкасскаго, человѣка также высокочтимаго имъ до послѣднихъ дней (Черкасскаго, благородной памяти котораго, какъ намъ известно, онъ предполагалъ посвятить свой послѣдній крупный историческій трудъ: „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“), приглашеніе занять должность директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ, гдѣ впрочемъ оставался недолго, продолжая въ это же время свою службу при учредительному комитетѣ.

XLVII.

Въ 1868 году Кулишъ совершилъ заграничное путешествіе; зиму онъ провелъ въ Италии, а съ наступленіемъ тепла переселился въ Германію, гдѣ особенное для него значеніе имѣлъ осмотръ Дрезденской галлереи¹⁾. Онъ продолжалъ въ заграничныхъ архивахъ свои работы по собиранію матеріаловъ для составленія „Малороссійскаго словаря“ (въ Прагѣ, Вѣнѣ, Венеції); занимался псалтириемъ. Любопытно, что Кулишъ предавался притомъ тщательному изученію комментаріевъ, полагая, что „для читателей нашей Библіи необходимо иметь оеобое изданіе „Пѣсни Пѣсней“ съ комментаріями, чтобы не впадать вмѣсто обыкновенного мистицизма въ соблазнъ на счетъ этого драгоценнаго произведенія древней еврейской словесности. Замѣчательны слова Нибура, которая онъ сказалъ молодому пастору, сожалѣвшему, что въ библейскій канонъ приходится включать любовныя пѣсни: „Чтѣ касается до меня, то я бы считалъ Библію неполною, еслибы изъ нея исключить выраженіе самыхъ глубокихъ и сильныхъ чувствъ въ человѣчествѣ“.

¹⁾ Любопытенъ взглядъ Кулиша на Сикстинскую Мадонну, въ которомъ живо отразилось его тогдашнее настроеніе. «Такія лица есть у насъ изъ Україны. Этотъ типъ очень распространены между сельскими маленькими девчатами. Удивительное выраженіе лица. Ни одна гравюра его не передаетъ, и живописныекопіи также слабы. Во крайней мѣрѣ и ни одною не былъ доволенъ. Выѣстъ полуудѣтское спокойствіе и грусть о много-испытанномъ, какая бываетъ только у человѣка, который много видѣлъ всякаго зла на землѣ. Или это мнѣ такъ кажется. Теперь я особенно полонъ чувствомъ зла, которое мнѣ приходилось видѣть въ разнообразныхъ его проявленіяхъ: *Questa vita noiosa. Non e degna de si gentil cosa!*» Въ лацѣ Мадонны есть увѣренность, что міръ пойдетъ за нею слѣдомъ; она какъ будто оставила міръ въ увѣренности, что для него ничего не сдѣлада. Въ самомъ дѣлѣ, кто сдѣлалъ что-нибудь для мира вообще? *Можно сдѣлать что-нибудь для немногихъ, но не для міра*.

„Ма̄й надобно жить долго“, говорилъ Кулишъ,— „не для одного только того, чтобы выполнить программу моихъ литературныхъ занятій, но гораздо болѣе для того, чтобы подготовить продолжателей моихъ работъ“. А „жизненное дѣло“ Кулиша принимало все болѣе широкіе размѣры, осложняясь его новыми отношеніями къ русинамъ: „Львовскіе русины, отстаивающіе русскую народность противъ посігательства полонизма, не ожидаютъ прибытія въ Львовъ генерального агента Лондонскаго біблейскаго общества по дѣлу о разсмотрѣніи экспертами перевода Моисеева Пятикнижія“. Всё это было связано съ тогдашнею дѣятельностію Кулиша и показываетъ его возрастающій интересъ къ русинамъ подъ вліяніемъ невозможности посвящать свои силы и свои пламенныя идеальные стремленія горячо любимой Українѣ и разочарованія въ друзьяхъ украинофilaхъ.

Въ дорогѣ Кулишъ серьезно заболѣлъ отъ переутомленія вслѣдствіе многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ и ежедневныхъ тревогъ и слегъ въ Прагѣ, гдѣ, находясь подъ страшной угрозой приближающейся смерти, онъ отдалъ въ Пражскій національный Музей многія бывшія съ нимъ цѣнныя бумаги и въ томъ числѣ письма къ Гоголю А. С. Смирновой, за что въ восемидесятыхъ годахъ онъ заднимъ числомъ не разъ подвергался въ печати сурожимъ упрекамъ со стороны дочери послѣдней¹⁾.

Въ Прагѣ Кулишъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ: „Чехи“—писаль онъ Н. Д. Бѣловерскому—„такъ любезны, что ставить иногда въ затрудненіе. Напримѣръ, я выѣзжаю въ Дрезденъ въ 8 часовъ утра и уже меня провожаютъ на желѣзную дорогу, чтобы облегчить мнѣ весьма обыкновенные хлопоты. Противъ обыкновенія мнѣ предлагаютъ братъ сколько угодно книгъ не только на городскую квартиру, но даже и на дачу, еслибы я рѣшился жить за городомъ. Квартиры ищутъ мнѣ гуртомъ и проч. Въ Прагѣ Кулишъ посѣтилъ Палацкаго и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей.

1) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, II, 243 стр., 2 примѣт.

По возвращении изъ за-границы Кулишъ былъ въ томъ же 1869 г. избранъ почетнымъ мировымъ судьей города Борзны, но оставался на этой службѣ самое непродолжительное время: ¹⁾ ни его историческая занятія, ни условія матеріальная не позволяли ему остановиться надолго на такого рода служебномъ поприщѣ. Мы знаемъ, что его всегда страшила перспектива хуторского прозябанія, но теперь еще больше, чѣмъ прежде, потому что розовыя мечты молодости остались уже далеко позади; уже нѣсколько лѣтъ раньше Кулишъ добродушно и горько шутить надъ своимъ былымъ оптимизмомъ, хотя онъ оставался оптимистомъ, лишь *въ меньшей мѣрѣ*, до конца жизни. Въ числѣ другихъ надеждъ не осуществились (или осуществились, но не надолго) и упованія на лучшія матеріальные условія, и Кулишъ, задолжавъ еще съ начала 60-хъ годовъ, не могъ расплатиться съ своими долгами. Что касается ученыхъ трудовъ Кулиша, то они мало-по-малу принимаютъ иное направлѣніе. Въ бытность свою въ Варшавѣ, работая въ архивахъ, Кулишъ мало-по-малу выработалъ себѣ новая возврѣнія относительно роли козачества въ малороссійской исторіи. Быть можетъ, онъ слишкомъ увлекся встрѣтившимися ему при изученіи такихъ историческихъ документовъ неблагопріятными для козаковъ данными, но въ душѣ его началась тяжелая борьба между прежними вѣрованіями и позднѣйшими убѣжденіями. Изъ-за измѣнившихся убѣжденій ему предстояло порвать отношенія и съ прежними друзьями. Работая надъ „Исторіей Возсоединенія Руси“, Кулишъ все больше отдался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Сначала Кулишъ стремился и своихъ друзей склонить къ принятию новыхъ своихъ возврѣній, но ему не удалось передать имъ свои убѣжденія, слѣдствіемъ чего постепенно явилось охлажденіе къ нему Костомарова, Мордовцева, Жемчужникова, Гатцкука и другихъ ²⁾). Трудно указать въ точности на

¹⁾ См. между прочими письма къ Хильчевскому, напр. „Киевская Старина“, 1898, I, стр. 103.

²⁾ Впрочемъ эта разнѣ не отражалась на личныхъ отношеніяхъ и напр. въ 1876 г. Кулишъ часто бывалъ у Костомарова въ Лоскут-

основаніи писемъ, когда началось охлажденіе Кулиша къ Костомарову. Въ серединѣ 60-хъ годовъ мы еще видимъ ихъ самыми задушевными друзьями. Однажды, напр., Кулишъ писалъ: „Я былъ такъ утомленъ, что былъ въ силахъ только съѣздить утромъ къ Костомарову. Проговорили все утро; потомъ онъ просилъ меня въ четыре часа обѣдать. Мнѣ хотѣлось на покой, но онъ такъ усердно просилъ, что я пошелъ еще разъ къ нему“.

Къ этому времени у Кулиша сложилось убѣжденіе въ превосходствѣ великокорусскаго элемента надъ малороссійскимъ и началось отрицаніе его прежней идеализаціи козачества. Разойдясь во взглядахъ съ Л. М. Жемчужниковымъ и замѣтивъ съ его стороны охлажденіе послѣ одного своего рѣзкаго отзыва о Шевченкѣ, Кулишъ почувствовалъ потребность въ чистосердечной исповѣди передъ своимъ прежнимъ другомъ и въ этой исповѣди такъ объяснилъ происшедшую въ его взглядахъ перемѣну: „Во времена оны я самъ указалъ вамъ на книгу Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ на послѣднее слово русско-украинской исторіографіи,—въ Варшавѣ открылась вся ея несостоятельность. Когда прѣхалъ туда Костомаровъ, я не скрывалъ отъ него своего мнѣнія, только выразилъ его въ формѣ указаній на слабыя мѣста, требующія обработки по неизвѣстнымъ ему источникамъ. Источники эти были ему частію вручены, частію указаны какъ нельзя обстоятельнѣе. Онъ былъ очень обрадованъ, и я увѣренъ, что не притворно. Онъ обѣщалъ въ третьемъ изданіи своего „Богдана Хмельницкаго“ воспользоваться и печатными книгами, и рукописями, которыя, по моему мнѣнію, должны были привести его къ иному воззрѣнію на козачество. Но онъ не воспользовался ничѣмъ, а выпустилъ 3-е изданіе „Богдана Хмельницкаго“ съ прибавкой новыхъ нелѣпостей въ родѣ того, что, „козаки были

ной гостиницѣ въ Москвѣ и они встрѣчались также у Жемчужникова. Съ Гатцукомъ же у Кулиша былассора вслѣдствіе неисполненія первыхъ условій при печатанії «Исторія Воссоединенія», о чёмъ ниже.

единственными борцами за вѣру православную и народность русскую. Это подлинныя слова, служащія основаніемъ его книги“... Въ Варшавѣ же, по признанію Кулиша, усилились его сношенія съ русинами, на поддержку изданій которыхъ онъ тратилъ тогда большія суммы, пока ему позволяли это дѣлать занимаemыя имъ должности и получаемое большое жалованье. Кулишъ вспомнилъ далѣе въ томъ же письмѣ къ Жемчужникову о поданной имъ запискѣ Милютину и кн. Черкаскому относительно необходимости перехода Галиціи подъ власть русскаго императора. Когда же все порвалось вслѣдствіе интригъ Соловьева, Кулишъ принялъ за переводъ для русиновъ Бібліі Ветхаго и Новаго Завѣта и напечаталъ Моисеево Пятикніжіе и четырехъ евангелистовъ и усиленно поддерживалъ журналъ „Правда“.

Итакъ, одной изъ главныхъ причинъ, подававшихъ поводъ Соловьеву къ нападеніямъ на Кулиша, были завязавшіяся тогда отношенія его съ галицкими русинами. Разочаровавшись въ своихъ землякахъ малороссахъ, онъ постепенно перенесъ симпатіи на Галичину и завелъ сношенія съ журналомъ „Правда“.

„Уже въ 1865 г.“, говорить г. Конисскій, „прощаясь, Кулишъ совсѣмъ мнѣ познакомиться въ Львовѣ съ его „другомъ“, профессоромъ Головацкимъ, къ которому и далъ мнѣ рекомендательное письмо. Когда, по прїездѣ въ Львовъ, я познакомился съ Головацкимъ и съ людьми противоположныхъ ему взглядовъ, которые также считали Кулиша своимъ другомъ, я понялъ опасность положенія его. Такъ и случилось: Головацкій—не знаю какимъ образомъ,—досталъ одно изъ писемъ Кулиша въ Львовѣ къ человѣку изъ лагеря, противного Головацкому, куда-то представилъ это письмо... и Кулишъ въ 1867 г. былъ уволенъ“.

Междудѣньемъ въ своихъ письмахъ къ Хильчевскому Кулишъ разсказываетъ объ усиленныхъ занятіяхъ еврейскимъ языкомъ и о томъ, что онъ печатаетъ въ „Правдѣ“ псалмы и пѣсни Моисеевы и занимается переводомъ Бібліі. „Очень ошибаешься, друже Иване“,—говорилъ онъ,— „воображая, что, живи

я на родинѣ, я могъ бы имѣть благотворное вліяніе на моихъ земляковъ; перебравши въ жизни много людей, я пришелъ къ заключенію, что моихъ земляковъ, т. е. представителей интеллигентіи, надобоо предоставить ихъ ничтожной судьбѣ¹⁾). „У васъ въ Кіевѣ не понимаютъ“,—говорилъ Кулишъ въ томъ же письмѣ, „что теперь тамъ (т. е. въ Галиції) вся суть русскаго вопроса, т. е. коренного русскаго“²⁾.

О потерѣ Кулишомъ мѣста въ Варшавѣ и его сношеніяхъ съ галичанами г. Левицкій сообщаетъ слѣдующее: „Въ то время національное возрожденіе въ Галиції входило въ силу: въ Львовѣ издавалась довольно большая газета „Слово“ на довольно чистомъ малорусскомъ языкѣ, а не на томъ старомъ галицкомъ языкѣ, на которомъ прежніе піти брацали свои напыщенные оды. Противъ этого національнаго литературнаго движения въ Галиції началась агитация изъ Россіи въ пользу русскаго языка. Многіе галичане говорили мнѣ въ Львовѣ, что вся редакція „Слова“ была куплена за 15000 р. вмѣстѣ съ профессоромъ Яковомъ Головацкимъ... Въ то же время „Слово“ неожиданно измѣнило фронтъ: вместо малорусскаго языка стало выходить на старомъ галицкомъ, такъ называемое теперь „язычіе“—этотъ послѣдній отголосокъ старого малорусскаго языка кіевскихъ ученыхъ XVII в., выработанного изъ церковно-славянскаго съ низшимъ этажемъ малорусскимъ. Такъ какъ Кантемиръ и Ломоносовъ заимствовали этотъ кіевскій книжный языкѣ, „вычистивъ“ его, по словамъ Тредьяковскаго, т. е. выбросивъ изъ него малорусскій элементъ и полонизмы,—то естественно, что это „язычіе“ все-таки было ближе къ нынѣшнему русскому языку, чѣмъ чистый народный языкъ „Слова“, и по-рядочно таки смахивало на русскій языкъ. Молодые галичане

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898, I, 90—91.

²⁾ Изъ писемъ Кулиша въ С. Д. Каменецкому мы видимъ, что еще въ 1864 г. у него были сношениа со Львовомъ («Кіевская Старина», 1898, VII—VIII, 135); подробнѣе см. «Кіевская Старина», 1898, X, стр. 83—117; тамъ же его соборное посланіе галичанамъ.

заявили протестъ противъ „Слова“ и начали сперва издавать журналъ „Мету“, а потомъ „Правду“—опять на чистомъ народномъ языке. Они послали въ Варшаву сочувственный адресъ Кулишу. Адресъ попалъ въ руки не къ Кулишу, а къ графу Бергу. Между ними вышло недоразумѣніе, и Кулишъ оставилъ службу“.

„Бергъ предложилъ Кулишу печатно отказаться отъ украинофильскихъ симпатій, угрожая въ противномъ случаѣ „котомкой“, т. е. отрѣшеніемъ отъ должности. Кулишъ выбралъ „котомку“¹⁾.

„Изъ Варшавы“—продолжаетъ г. Левицкій—„Кулишъ выѣхалъ на зиму въ Венецію по совѣту докторовъ. Двѣ зимы онъ провелъ въ Венеціи, а лѣтомъ проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ я его встрѣтилъ черезъ два года. Онъ жилъ на предмѣстіи Вѣны, занималъ одну маленькую чистенькую комнатку съ постелью и молокомъ на завтракъ, съ платою по восьми гульденовъ въ мѣсяцъ. Въ это-то время Кулишъ съ Пулюемъ занимались переводомъ Нового Завѣта съ еврейскаго на украинскій языкъ“.

XLVIII.

Все это происходило въ концѣ 60-хъ годовъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ, когда, во время своихъ странствованій, Кулишъ уже оставлялъ Чуйкевичу и другимъ друзьямъ свой львовскій адресъ. Чуйкевичъ не могъ скоро стать на новую точку зреянія Кулиша и, не понимая теперь его взглядовъ и цѣлей, довольно безцеремонно, по старой дружбѣ, называлъ его поѣздки „празднопатательствомъ“²⁾, но Кулишъ, напро-

¹⁾ Ср. разсказъ о томъ же Кулиша въ статьѣ г. Лободовскаго въ «Кievskoye Starinѣ», 1897, IV. 172.

²⁾ Это выраженіе совсѣмъ не идетъ къ Кулишу, даже въ шутку, такъ какъ онъ былъ человѣкъ необычайного трудолюбія, никогда не терявшій времени даромъ. Въ одномъ письмѣ къ Хиль-

тивъ, хотѣлъ и его втянуть въ это „праздношатательство“, зовя его купаться въ морѣ, совѣтоваться съ знаменитыми заграничными докторами. Соблазнительно рисуя ему дешевизну и удобства заграничной жизни, Кулишъ совѣтовалъ ему направиться первоначально въ Львовъ, притомъ непремѣнно говорить на языкѣ предковъ и вмѣстѣ предостерегалъ, что по системѣ Каткова тамъ развелся „страшный іезуитизмъ“; далѣе онъ звалъ его съ собой въ Прагу и наконецъ въ Венецію.

Отъ послѣдней Кулишъ былъ особенно въ восторгѣ¹⁾: его поэтическая, чуткава ко всему изящному, душа не могла не оцѣнить обаянія этого единственного въ своемъ родѣ и въ цѣломъ мірѣ города; но его описанія Венеціи въ дружескихъ письмахъ такъ увлекательны и полны красокъ, что мы позволимъ себѣ привести изъ нихъ небольшой отрывокъ: „Въ васъ вода замерзае, а ми тутъ мовъ въ раю. Соляце сяе, вода коло мармуровихъ берегівъ не ліетца, вітерецъ ледве-ледве подихае; у ночі місяцъ купаетца въ морі середъ огниківъ, що горинають або зъ лихтарівъ изъ беріжнихъ, або зъ гондол, що туда и сюда плавають. Ще жъ до того въ усіхъ кутківъ вечорами грають та співають; то на світі жити дуже любо—не такъ, якъ у нашій сумній та запакощеній Українії“. „Тамъ ганяють кіньми мов скажені, а тутъ ходишъ собі скризъ якъ по світлиці, ни князка не поба-

чевскому онъ говорить: «Докторъ, осмотрѣнъ мене весьма тщательно объявилъ, что мнѣ можно работать еще 25 лѣтъ. Работаю и постоянно—это нормальное мое состояніе. Иначе я бы уронилъ отъ скучи. Нѣть Бога, кроме Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Нѣть жизни виѣ труда, а я—черезъ часть послѣ праздной бесѣды уже скучай». («Кіевск. Стар.», 1898, I, стр. 96).

1) Но карнавалъ произвелъ на него самое непріятное впечатленіе; онъ называетъ его въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому „гнусныи“, „пошлыи“, „богоопротивныи“, а также замѣчає, „что российскія балаганныя забавы—роднина чада италіанскимъ карнаваламъ, и удивительно, какая толпа дураковъ на свѣтѣ!“ (Ср. отзывъ о карнавалѣ въ письмѣ къ Хильченскому („Кіевск. Стар.“, 1898, I, 98).

чиш, ні гикання не почуєш. Тут живеш як дома и вже че-резъ те одно що ти forestiere, усі тебе раді на рукахъ носити. Так провів би день за днем днів тисяч з десять, чи скільки доли мині судила". „Тамъ далеко въ самомъ разгарѣ идетъ франко-пруссая война, тамъ неистовствуютъ темныя силы милитаризма, а здѣсь душа наслаждается тишаной и райскими красотами природы".

Но не смотря на все это, сердце патріота обращалось на съверъ, какъ къ магниту, и жаль ему становилось среди блеска Венеції „бідолащеного люду" українскаго, такъ что въ концѣ письма онъ говорить уже: „Оттак то в сій Венеції жити та по Україні тужити! Сонечко любе та море синеньке, тільки од вас і пільга серъю сумному. Дивися на ваше ігранне вкупі, та й не надивися, та й хочецца ростопитись таким золотим туманомъ, як ви собі из ранку висновуєте. Колиб же то так можно"!

XLIX.

Но всему бываетъ конецъ, и отъ волшебнаго обаянія чудесами итальянскаго неба пришлось вернуться къ петербургскимъ туманамъ и прозѣ монотоннаго будничнаго существованія. Кулишу была обѣщана служба по министерству путей сообщенія, но товарищъ министра долженъ былъ дожидаться возвращенія министра, графа Бобринскаго, и Кулишъ счель за лучшее вновь обратиться къ протекціі своего друга Л. М. Жемчужникова, который могъ дѣйствовать въ его пользу черезъ своего старшаго брата Владимира; при томъ онъ просилъ рекомендациіі въ слѣдующихъ выражениихъ: „Скажите ему, что этотъ человѣкъ" (т. е. самъ Кулишъ) „работаетъ прилежно, прямитъ (sic) интересамъ службы, какъ слѣдуетъ, и что, моль, такихъ людей слѣдуетъ привлекать къ дѣлу на пользу общества и государства. Виктора Антоновича нѣть въ Петербургѣ, а то бы и онъ могъ свидѣтельствовать, что онъ вовсе не ищетъ тот-

часъ жалованья, „имѣя собственные ресурсы для существованія въ Петербургѣ“, — „покамѣсть“ — говорилъ онъ — „меня узнаютъ на дѣлѣ, стою ли я куска хлѣба“. Просьба Кулиша была исполнена, и братъ Л. М. Жемчужникова выхлопоталъ ему у Бобринского 3000 годового содержанія.

Но, устроившись въ материальномъ отношеніи, Кулишъ страшно страдалъ въ нравственномъ, вслѣдствіе разлада съ Костомаровыемъ, о которомъ онъ такъ писалъ тому же Л. М. Жемчужникову: „Я подвергся наибольшему оскорблению, какое когда-либо испытывалъ. Костомаровъ, которого я съ такимъ усердіемъ направлялъ на документальную дорогу исторіографіи, сталъ меня третировать съ величайшимъ благоволеніемъ¹⁾. Не могу иначе выразиться. Когда я посѣщалъ его, онъ обходился со мною благосклонно, отнюдь не вдаваясь въ бесѣду о предметѣ, составляющемъ предметъ обоюдной нашей специальности; во все время новаго моего пребыванія въ Петербургѣ онъ ни разу у меня не былъ, ни единаго разу, бывая черезъ день у Кожанчикова (sic) и весьма часто у жившаго напротивъ меня Мордовцева. Я съ своей стороны сталъ бывать у него рѣдко, наконецъ, и совсѣмъ его оставилъ... Отрѣзанный отъ міра и теряя нелѣпѣйшія притѣсненія по службѣ, я зналъ только Императорскую Чубличную библіотеку да свою квартиру“. Такимъ образомъ, Кулишъ снова съ разбитымъ сердцемъ — былъ ли онъ правъ или виноватъ — замкнулся и зажилъ аناхоретомъ²⁾.

¹⁾ Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ о „Крашанкѣ“ Кулиша говорить: „Въ 1874 году г. Кулишъ *неожиданно* для всѣхъ измѣнился. Не показывавшись до того уже нѣсколько лѣтъ съ своимъ именемъ, онъ явился съ сочиненіемъ, носившимъ название: „Исторія возсоединенія Руси“ („Вѣстн. Евр.“, 1882, VII, стр. 129), но лично для него *перемѣна* во взглядахъ Кулиша не была неожиданной.

²⁾ О тогдашнемъ состояніи офиціальной науки въ Россіи Кулишъ былъ невысокаго мнѣнія: „Россійское Общество“ — говорилъ онъ — „не скоро станеть на ноги послѣ пониженія всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи сообразно господствующему нынѣ въ правительственныхъ сферахъ іезуитству. Лучшіе умы нынѣ въ Россіи роza obrubemъ науки и литературы“.

Желая забыться въ работе, онъ предпринялъ было труда о церковной унії, „на которую“—говорилъ онъ—„я им'ю взглядъ не костомаровскій“, но, такъ какъ та же мысль приходила ему уже раньше, то онъ имѣлъ неосторожность увезти тогда съ собой относящіяся къ этому вопросу свои книги за границу, гдѣ, однако, по собственному сознанію, и не развернулъ ихъ. Поэтому онъ рѣшилъ выписать вновь эти книги и погрузиться въ работу, стараясь отгонять отсюда беллетристическая искушенія на томъ основаніи, что „это сдѣлаютъ многіе, а Несторомъ нашишь украинскаго вопроса могу быть одинъ я“. Въ то же время въ „Вѣстникѣ Европы“ печатался его обширный трудъ о колонизаціи, который долженъ былъ служить и началомъ большого исторического труда, въ который войдетъ и церковная унія“. Но, кроме того, какъ видно изъ одного письма къ В. В. Тарновскому-сыну, Кулишъ въ началѣ 70-хъ годовъ издалъ въ Львовѣ малороссійскій переводъ книги Іова, а въ Вѣнѣ—четвероевангеліе и быть занять переводомъ Псалтыри и вообще Священнаго Писанія.

L.

Съ 1870 г. Кулишъ постоянно стремился поселиться въ Мотроновкѣ. Онъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: „Ограничиваюсь однимъ хуторомъ и въ немъ сосредоточиваю всю свою дѣятельность, да и то все хозяйство предоставилъ я Александрѣ Михайловнѣ, а самъ знаю однѣ книги“. ¹⁾ Но въ 1871 г., какъ мы знаемъ, онъ опять былъ заграницей, а по возвращеніи снова началъ думать о жизни на хуторѣ, для чего предпринялъ планъ покупки Мотроновки, а чтобы имѣть возможность исполнить его, снова сталъ думать о службѣ. „Мотроновка“—писалъ онъ Хильчевскому въ 1872 г.—„будетъ куплена: для этого я

---

¹⁾) „Киевская Старина“, 1898, 1—100.

готовъ, на худой конецъ, запрятать себя въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, гдѣ, при всей враждебности къ моему геномаштбѣ, дадутъ мнѣ хорошее жалованье. Къ этому жалованью я въ тотъ же годъ прибавлю другое такое же своимъ первомъ, пошившись въ переводчики, компиляторы, публицисты и т. п., на что теперь, изъ-за своей Біблії, смотрю съ пренебреженiemъ, равно какъ и на канцелярскую работу. Но это будетъ, повторяю, на худой конецъ. Покам'єсть я им'ю свои ресурсы въ виду".¹⁾ Хильчевскій старался охладить нынѣ Кулиша, доказывая, что для покупки хугора понадобится столько денегъ, что Кулишъ едва могъ бы покрыть расходы не ранѣе двадцати лѣтъ, на что послѣдній отвѣчалъ: „если бы я долженъ былъ уплатить и 20 тысячъ государственными ассигнаціями, то и тогда для этого нужно было бы не двадцать, а только пять лѣтъ. Мнѣ на первый разъ могутъ дать жалованья штрафомъ 1500 р. въ годъ”. Но раньше надо было предпринять новую поездку заграницу для печатанія Бібліи, рѣшивши, однако, простоять дѣло, „еслибы понадобилось вернуться на время домой, для веденія земельныхъ дѣлъ”... „Засяду да примусь работать и надъ Бібліей и—если будутъ промежутки—надъ историческими этюдами”.²⁾ Действительно, скоро пришлосьѣхать обратно вслѣдствіе ссоръ между братьями Бѣлозерскими, которые раздумали прода-вать Мотроновку.

Въ 1873 г. Кулишъ отправился въ Петербургъ и безъ всякой протекціи явился къ товарищу министра путей сообщенія, „котораго не зналъ и имени не слышалъ”. „Онъ же”,—говорить Кулишъ—„меня по слуху или по печати зналъ, а потому принялъ меня дружески и выразилъ всаческую готовность мнѣ содѣйствовать”.³⁾ Товарищъ министра (г. Селифонтовъ) позна-комилъ Кулиша съ начальникомъ статистического отдѣла Головачевымъ, известнымъ авторомъ книги „Десять лѣтъ реформъ”,

¹⁾ Тамъ же, стр. 110.

²⁾ Тамъ же, стр. 113.

³⁾ Тамъ же, стр. 117.

,,которому графъ Бобринскій поручилъ сформировать личный со-
ставъ отдѣла“. Головачевъ прекрасно обошелся съ Кулишомъ и
своимъ умомъ и характеромъ произвелъ на него самое благо-
приятное впечатлѣніе, такъ что Кулишъ потомъ сравнивалъ его
во многихъ отношеніяхъ съ Плетневымъ,¹⁾ но могъ ему пред-
ложить только 1500 р. жалованья до утвержденія новыхъ шта-
тотъ, которое должно было послѣдовать съ начала слѣдующаго,
1874, года. Условіе это съ радостью было принято Кулишемъ,
которому при томъ было тѣмъ болѣе пріятно, что „графъ бла-
годарилъ Головачева, что вслѣдъ за нимъ въ министерство
идутъ просвѣщенныи люди, какъ Кулишъ“, и еще въ виду того,
что, „независимо отъ этой службы, Костомаровъ старался сдѣлать
Кулиша членомъ археографической комиссіи, съ полученіемъ въ
годъ 1500 р. въ видѣ награды за редакціонные труды.²⁾ Ку-
лишу скоро весьма пригодилось его знаніе иностранныхъ язы-
ковъ и ему было поручено изданіе журнала Министерства Пу-
тей Сообщенія. Графъ Бобринскій и Головачевъ высоко цѣнили
въ немъ человѣка съ головой и ревностнаго и толковаго сотруд-
ника. Казалось бы, для Кулиша должна была настунуть снова
счастливая эра, но этого не случилось, прежде всего потому,
что было отложено учрежденіе новыхъ штатовъ, а главное—
вслѣдствіе перемѣны части высшаго служебнаго персонала ми-
нистерства. Сначала, склонный всегда къ оптимизму, Кулишъ
не могъ себѣ представить никакихъ досадныхъ помѣхъ на но-
вомъ, столь счастливо начатомъ поприщѣ, и нѣкоторое время у

¹⁾ Кулишъ о немъ отзыкается такъ: «Онъ любезнѣйший по при-
родѣ господинъ, и семья у него самая симпатичная, такъ что между
ними чувствуешь себя какъ дома. Это напоминаетъ мнѣ времена
«Плетневскія» (тамъ же, стр. 121). О Плетневѣ же Кулишъ отзыкался
по прежнему восторженно и въ сочувственномъ отношеніи къ нему
вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровыи, который въ своей статьѣ «П. А. Ку-
лишъ и его послѣднія литературнай дѣятельность» почти во всемъ
расходится съ Кулишемъ, но его отзывъ о Плетневѣ находитъ пре-
краснымъ и вѣрнымъ (См. „Кievsk. Star“ 1883, I, стр. 225).

²⁾ Тамъ же, стр. 118.

него продолжалось шутливое препирательство съ Хильчевскимъ, которому, въ отвѣтъ на его сомнѣнія, Кулишъ отвѣчалъ заявлениемъ самыхъ широкихъ надеждъ, обѣщаю выхлопотать и ему черезъ Головачева прекрасное мѣсто на Курско-Киевской или Киево-Брестской желѣзной дорогѣ, а относительно собственныхъ дѣлъ Кулишъ держался полной увѣренности, что все будетъ хорошо и удачно. Но въ іюнѣ 1874 г. въ его перепискѣ слегка промелькнула первая тѣнь опасенія за будущее. „Въ послѣднее время“—писалъ Кулишъ—„вѣсы начали склоняться въ нашу сторону, а то ходили по городу слухи, приводившіе насъ въ уныніе. Если бы министръ, недовольный торжествомъ неправды, не захотѣлъ служить больше, то и намъ сдѣлалось бы жутко. Переѣхать покамѣстъ на нашей сторонѣ, и выразился порадовавшею насъ замѣткою въ газетахъ, что нѣкій изъ сильныхъ земли „оставляетъ Петербургъ и ёдетъ лѣчиться“. Да процаѣтъ его чрево, лишь бы не мѣшалъ намъ дѣлать дѣло и хотя сколько-нибудь защитить казну отъ расхищенія не тысячами, а цѣлыми миллионами“. ¹⁾ Еще годъ впрочемъ Кулишъ пробылъ въ Петербургѣ, работая надъ „Исторіей возсоединенія Руси“, трудомъ, который, по его словамъ, „былъ проникнутъ идеей сліянія русскаго народа“. ²⁾ Трудъ этотъ былъ задуманъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ (предполагалось девять томовъ). Издание его взяло на себя Товарищество Общественной пользы. ³⁾ Но Кулиша уже вновь тянетъ въ Могроновку. „Добьюсь ли я чего въ Петербургѣ“—говорилъ онъ—“и какой цѣной—неизвѣстно, а тутъ зимою вдоволь начитаешься, а лѣтомъ налю-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 131.

²⁾ Тамъ-же, стр. 136.

³⁾ Сначала Кулишъ сталъ печатать въ типографіи Гатцукса, съ которымъ очень сошелся (было даже предположено, что Кулишъ будетъ редактировать «большой календарь» Гатцукса), но у послѣдняго произошелъ пожаръ въ типографіи, послѣ которого онъ сталъ сильно урѣзы-вать плату своихъ сотрудниковъ.

буешься зеленою, цвѣтами и животными".¹⁾ Теперь онъ уже окончательно вступилъ на туть путь въ своихъ историческихъ изслѣдованияхъ, на которомъ оставался до конца жизни, совершенно разошедшихъ съ Костомаровыми; его онъ называлъ уже „иноцеменникомъ“ (въ смыслѣ великороссъ) и которому вслѣдствіе того приписывалъ непониманіе исторіи. „Почему истинѣ не быть на моей сторонѣ?“—писалъ онъ. „Не потому-ли, что я одинъ противъ многихъ? Когда же это бывало, чтобы истина въ своемъ откровеніи избирала большинство? Общественное мнѣніе устанавливается въ средѣ умовъ пассивныхъ“. „Вы хотите“, продолжалъ онъ, обращаясь въ лицѣ Хильчевскаго къ сторонникамъ взглядовъ Костомарова,—„чтобы было двѣ истины, а она только на одной сторонѣ. Если моя книга неправда, зачѣмъ ее читаютъ? Если же я не ошибся въ изображеніи моего народа, то зачѣмъ читать его карикатурную исторію? Ты хочешь совмѣстить несовмѣстимое—иноцеменника съ туземцемъ“ и наконецъ, „лучше думать правду въ одиночку, чѣмъ ораторствовать передъ публикой, потерявшей чутье къ своему настоящему и прошедшему“. Отсюда у Кулиша является желаніе уединиться отъ житейской суетолоки и всецѣло посвятить себя чтенію и историческимъ трудамъ: „Слава Богу, что я могу, ничѣмъ не занимаясь обязательно, читать и читать; этого удовольствія я не испытывалъ давно, находясь постоянно въ борьбѣ съ житейскими мелочами“.²⁾ Въ то же самое время Кулишъ на вопросъ И. И. Бѣлозерскаго по поводу слуховъ о томъ, что онъ „намѣренъ издавать журналъ съ цѣлью противодѣйствовать украинофильству“, отвѣчалъ, объясняя недоразумѣніе: „насколько въ украинофильство вошло ложныхъ фактовъ и понятій, настолько я долженъ ему противодѣйствовать. А то какъ же? Люди создали себѣ въ умѣ небывальщину, да такъ ее и проповѣдывать изъ рода въ родъ!“... „Умственная лѣнъ малорусской и червонорус-

¹⁾ «Кievsk. Star.», 1898, I, стр. 140.

²⁾ „Кievskaa Starina, 1898, 1, стр. 141—142.

своїй молодості рукооплещеть идеаламъ дикої фантазії и не хочеть видѣть іншихъ путей къ возведенію русской народности къ благотворному значенію“.

Подъ вліяніемъ такого настроенія Кулишъ и удалился въ свой хуторъ и началъ вести замкнутый образъ жизни: „нечитаныхъ книгъ“—говорилъ онъ—„у меня горы, и мнѣ гораздо пріятіѣ быть читателемъ умныхъ книгъ, нежели писателемъ для недоумковъ“. Свой новый образъ жизни онъ описывалъ такъ: „Я, въ качествѣ туриста, лѣнясь, читаю что-нибудь въ постели, доколѣ не сдѣлается совсѣмъ, что кофе меня ждетъ, послѣ кофе запираюсь въ своей комнатѣ и нѣсколько часовъ изумляю міръ своимъ глубокомысліемъ, которое, однакожъ, прерываю по временамъ, или для того, чтобы освободиться отъ кошачьихъ просьбъ, или вспомню вдругъ, что цуцыкъ Бовкунъ еще не позавтракалъ, а іной разъ, видя, что Александра Михайловна хлопочетъ въ саду, соблазняюсь сіяніемъ солнца и соловицкими пѣснями, которыя лучше всяческаго глубокомыслія“¹⁾).

Это отшельническое пустынножительство и отрѣшенность отъ міра печали и слезъ помогло ему съ stoическими хладнокровіемъ перенести неистовыя нападенія Каткова и Аксакова, которыхъ могутъ быть оставлены нами въ сторонѣ.

LI.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Кулишъ оставилъ Петербургъ, приготовивъ къ печати третью часть „Історії вовсеноєнія“. Онъ окончательно разошелся съ Костомаровыми, съ которымъ провелъ въ послѣдній разъ время въ Лоскутной гостиницѣ въ Москвѣ въ 1877 г. Въ это время онъ переселился было въ древнюю столицу, приглашенній А. А. Гатцукомъ, которому онъ помогалъ въ изданіи его „Газеты Гатцуга“ и долженъ былъ, какъ предполагалось, сдѣлаться его сотрудникомъ или даже со-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 143.

редакторомъ по изданію „большого“ календаря (въ отличіе отъ общераспространенного и дешеваго, такъ называемаго „Крестнаго календаря).¹⁾ Гатцукъ, вызывавъ къ себѣ Кулиша, принялъ его съ распластертыми обѣятіями и мечталъ заключить съ по-вымъ своимъ компаньономъ самый тѣсный литературный союзъ. Ихъ дѣйствительно связывала общая обоимъ любовь къ Малороссіи, но затѣмъ это были двѣ совершенно несходныя натуры: Кулишъ былъ идеалистъ и—если угодно—мечтатель, конечно, въ благородномъ смыслѣ этого слова; Гатцукъ—практикъ до мозга костей, умный и весьма образованный, но прежде всего дѣлецъ и предприниматель. Гатцукъ видѣлъ или желалъ видѣть въ Кулишѣ талантливаго журнального работника, способнаго придать блескъ его изданію, Кулишъ возлагалъ на Гатцуга надежды въ смыслѣ товарищества въ пропагандѣ излюбленныхъ имъ идей. Скоро выяснилось, что они совсѣмъ не подходили другъ къ другу. Понятно, что они скоро разочаровались одинъ въ другомъ и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, страшно поссорились. Кулишъ горько жаловался въ письмахъ на Гатцуга, что „при его неправильности онъ истреблялъ мое время безсознательно такъ, что работа, требовавшая двухъ часовъ въ сутки, нерѣдко поглощала цѣлые дни совершенно попусту; то опаздываетъ присыпать газеты, то неизвѣстно куда самъ дѣнется, то спить, когда надо дѣлать дѣло“. Ко всему этому присоединились и денежныя недо-разумѣнія.

И въ эту-то тяжелую для Кулиша пору, когда два историка, онъ и Костомаровъ, снова много и часто бесѣдовали другъ съ другомъ, но когда отношенія ихъ едва удерживала только тѣнь былого единодушія и разногласіе въ историческихъ вопросахъ все сильнѣе давало себя знать,²⁾—чувствуя потребность въ

¹⁾ Въ письмѣ отъ 5 іюля 1874 г. къ Хильчевскому Кулишъ сообщаетъ: «Печатаю Гатцуковъ рублевый календарь на 1875 годъ въ Петербургѣ. Его кошѣ, мои труды» („Киевская Старина“, 1898. I, стр. 131).

²⁾ Съ „осени“—сообщалъ Кулишъ въ 1877 г. Бестужеву-Рюмину—„мы работали въ архивѣ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но я отъ Томъ 74.—Іюль-августъ, 1901.

научныхъ симпатіяхъ и отзывѣ о своемъ новомъ труде авторитетнаго и безпристрастнаго историка, Кулишъ обратился къ высокоталантливому профессору петербургскаго университета К. Н. Бестужеву-Рюмину, пославъ ему свое изслѣдованіе въ рукописи, и прося его, въ случаѣ согласія во взглядахъ и одобренія, принять на себя нѣкоторыя хлопоты по устройству дѣлъ съ типографіей и по заключенію съ ней условій. Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, по своему обыкновенію, отнесся къ собрату съ самыми живыми и сердечными участіемъ, высоко при томъ цѣнія и его дарованія и любовь къ наукѣ, къ труду и къ истинѣ. Въ почти восторженныхъ выраженіяхъ отозвался онъ о сочиненіи Кулиша и съ свойственными добротой и обязательностью взялъ на себя даже практическія хлопоты по этому дѣлу, но энергично отговаривалъ его отъ полемики съ людьми разномыслящими, т. е. главнымъ образомъ съ Костомаровымъ.

Первые сношенія Кулиша съ Бестужевымъ начались еще раньше, вѣроятно когда послѣдній еще жилъ въ Петербургѣ, такъ какъ въ первомъ же извѣстномъ намъ письмѣ къ Бестужеву Кулишъ ссылается уже на выраженную имъ готовность помочь въ предпринятомъ труде; въ этомъ же письмѣ Кулишъ просилъ его снестись съ типографіей Товарищества „Обществен-

времени до времени сообщалъ ему о своихъ изысканіяхъ и всегда находилъ его въ оборонительной позиції. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву вторично, я во время нашего свиданія не сказалъ ему о своихъ умозаключеніяхъ ни слова, точно какъ будто и не занимался исторіей русскаго юга—и онъ ни разу не заговорилъ о предметѣ моихъ занятій". Въ это время Костомаровъ уже приготовлялъ полемическую статью противъ Кулиша «О козакахъ», напечатанную въ мартовской книгѣ Русской Старины за 1878 годъ. П. И. Костомаровъ расходился съ Кулишемъ также по вопросу о переводѣ произведеній Шекспира на украинскій языкъ, находя этотъ трудъ не нужнымъ для образованыхъ малороссовъ, которые всѣ достаточно владѣютъ русскимъ языкомъ—но, конечно, допускалъ значеніе этихъ переводовъ для галичанъ; дѣятельности же Кулиша, посвященной галичанамъ, онъ также не сочувствовалъ. (См. «Кіевск. Стар.», 1883, I, статья «Ш. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность стр. 222 и пр.).

ная Польза“ и предложить въ какой-нибудь журналъ одну главу изъ его монографіи подъ заглавиемъ „Западная наука и православіе въ эпоху Іова Борецкаго“, прибавляя при этомъ: „впрочемъ я покорнѣйше прошу васъ обѣ этомъ только въ такомъ случаѣ, когда бы вы признали полезнымъ такъ распорядиться въ интересахъ идеи, а не въ интересахъ автора. При томъ, если для журнала понадобилось бы сократить ее больше, чѣмъ для отдельного изданія, то я совершенно отказываюсь отъ выраженного мною желанія“. Бестужевъ же отвѣчалъ ему: „Прочель все вами присланное. Въ цѣломъ картина выходитъ очень рельефная, и неожиданно выходитъ на первый планъ много такого, что затушевалось историками: такъ совершенно иными являются русскіе въ польскихъ кафтанахъ въ родѣ Жолкѣвскаго. Блестящая глава о плѣнныхъ въ Турціи, вѣроятно, обратитъ на себя общее вниманіе историковъ. Вообще, благодаря тому, что всѣ интересы исторіи не сосредоточиваются на однихъ козакахъ, а обращено вниманіе и на другія стороны, исторія Руси Западной выясняется значительнѣе“.

Теплый отзывъ Бестужева-Рюмина побудилъ Кулиша вступить съ нимъ въ болѣе интимныя отношенія, поощряемыя благородной готовностью профессора относиться съ полнымъ участіемъ къ дѣламъ и интересамъ собрата по наукѣ. Бестужевъ-Рюминъ старался между прочимъ удержать Кулиша отъ излишней полемики, совѣтуя ему возражать фактами въ самой книгѣ, но не вступать въ пререканія: „Прочитавъ ваши часто вдохновленные страницы, я думалъ, что здѣсь нерѣдко зерна полнаго пониманія, а потому слѣды полемики очень грустны, тѣмъ болѣе что, при неразвитости нашего общества, на нихъ накинутся прежде, чѣмъ на что-нибудь другое“. Въ виду такого расположенія къ нему Бестужева, Кулишъ даже надѣялся при его содѣйствіи вновь устроиться на нѣкоторое время въ Петербургѣ для того, чтобы расплатиться съ главнымъ тогданимъ своимъ кредиторомъ А. А. Гатцукомъ, одно время, какъ сказано, чрезвычайно сблизившимся было съ Кулишомъ и перезвавшимъ его въ Москву для совмѣстной дѣятельности въ основанной имъ газетѣ, но по-

томъ скоро разорившимъ съ нимъ и даже подавшимъ на него жалобу въ нѣжинскій окружной судъ. Въ эту пору Кулишъ называлъ Бестужева своимъ „единственнымъ цѣлителемъ“; онъ даже просилъ его прискать ему какую-нибудь должность, говоря: „Я полагаю, что найти мнѣ должность легче для васъ, чѣмъувѣрить нашу интелигенцію, что козаки были добычники“. Черезъ Бестужева-Рюмина Кулишъ вступилъ въ сношенія съ знаменитымъ французскимъ ученымъ Рамбо, который, подъ впечатлѣніемъ лестной рекомендациіи петербургскаго профессора, захотѣлъ было ознакомиться съ историческими трудами Кулиша, чтобы было вполнѣ возможно благодаря его знанію русскаго языка. Рамбо вынесъ съ своей стороны самое выгодное мнѣніе о дарованіяхъ Кулиша и достоинствахъ его ученыхъ трудовъ; въ своей перепискѣ съ нимъ, онъ высказываетъ готовность всесторонне помогать ему въ его начинаніяхъ, но это благое желаніе ему не удалось осуществить, такъ какъ Кулишъ поставилъ его въ нѣкоторое затрудненіе, выразивъ желаніе видѣть, благодаря его содѣствію въ сношеніяхъ съ переводчиками и типографіями, нѣкоторая изъ своихъ главныхъ работъ на французскомъ языкѣ. Желаніе это было, конечно, очень непрактично и далеко не согласовалось съ дѣйствительными условіями: въ самомъ дѣлѣ, Рамбо въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, отдавая полную дань уваженія Кулишу, какъ талантливому историку, въ то же время долженъ былъ указать ему на совершенную невѣроятность успѣха среди французскаго общества многотомныхъ и серьезныхъ трудовъ по исторіи Малороссіи, когда такие труды не пользуются популярностью даже и въ русской читающей публикѣ, стѣдовательно тѣмъ болѣе совершенно не могутъ быть доступны для французовъ, мало знакомыхъ съ исторіей Україны въ самыхъ общихъ чертахъ. Притомъ для французовъ, страдающихъ недостаткомъ элементарныхъ знаній о Россіи и Малороссіи, естественно должны быть вполнѣ непонятными различія между московской или украинской точкой зрѣнія на данные вопросы, тогда какъ ясное пониманіе этого различія уже предполагается въ самомъ изложеніи въ книгахъ Кулиша. Понятно, что Рамбо былъ

безусловно правъ, съ чѣмъ и долженъ былъ Кулишъ согласиться. Факты и соображенія, имъ приводимые, были слишкомъ убѣдительны; такъ онъ ссылался, напримѣръ, на то, что даже для „Войны и мира“ Толстого, романа въ значительной степени касающагося событий французской исторіи и въ которомъ есть между действующими лицами французы, хотя нашелся переводчикъ (до того времени), но не нашлось ни одного изданія.

Любоцѣнто при этомъ, что Кулишъ, вооружаясь противъ иллюзій, распространяемыхъ по его мнѣнію, сочиненіями украинофиловъ относительно значенія и исторической роли козачества, больше всего былъ склоненъ обвинять Шевченка, который, по его словамъ, „долго, дольше самого Костомарова, загораживалъ дорогу къ уразумѣнію международныхъ отношеній Польши, Малороссіи и Россіи“¹⁾). Планъ собственного труда обозначался тогда въ умѣ Кулиша въ слѣдующихъ чертахъ: „Хмельницкій“— говорилъ онъ—является у меня уже въ третьемъ томѣ; въ четвертомъ опредѣляется въ изображеніи его среды, какъ характеръ, а съ пятаго тома начинается уже Хмельницина, которою воєсоединеніе окончится“. Любопытны также соображенія, по которымъ Кулишъ избѣгалъ печатать свой трудъ въ Кіевѣ: „тамошній цензоръ могъ бы уничтожить всѣ тѣни, брошенныя мною на духовенство для возвышенія блеска святыхъ его сторонъ, и живопись превратилась бы въ иконопись“. Но, въ свою очередь, и самъ Кулишъ опасался, отдавшись отъ центровъ культуры, впасть въ какую-либо односторонность, о чёмъ весьма довѣрчиво и откровенно говорилъ Бестужеву-Рюмину, выразившему свое задушевное сочувствіе по поводу положенія, въ которомъ онъ находился: „Ваше „грустно!“ я вполнѣ понимаю. Поймите же и вы невозможность въ изолированномъ и отверженномъ положеніи

¹⁾ Съ Костомаровымъ Кулишъ разошелся тогда до такой степени, что Костомаровъ написалъ противъ него полемическую статью въ „Русской Старинѣ“ подъ заглавиемъ: «О катацахъ» (1878, III, стр. 385—402). См. также статью Костомарова въ „Кіевской Старинѣ“, 1883, т. I, стр. 221—234.

сохранить свое достоинство человѣческой мысли и ея выраженія. Вы знаете, чѣмъ кончаются самые талантливые живописцы, подвергнутые долголѣтнему заключенію". Кулишъ горько жаловался на невыгоды своего положенія хуторянина, благодаря которому для него были недоступны библіотеки и бесѣды съ специалистами. О своемъ разладѣ съ представителями администрації Кулишъ говорилъ такъ: „Мнѣ запрещено издавать въ Кіевѣ журналъ, тогда какъ главному управлению по дѣламъ печати слѣдовало бы умолять меня обѣ этомъ, чтобы излечить мѣстную интелигенцію отъ такого недуга, въ какой впалъ, наконецъ, и Драгомановъ". То же онъ высказывалъ по другому поводу, говоря мимоходомъ, что „за невозможностью пребывать въ центрѣ просвѣщенія, согласенъ жить на окраинѣ, но не въ глупи, гдѣ никому неѣть дѣла ни до возсоединенія, ни до сепаратизма".

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕРЕДЪ ТЕМНОЙ НОЧЫ.¹⁾

Посвистъ.

ЧАСТЬНА ТРЕТЬЯ.

Левантына.

I.

Левантына не знала, куды саме ій иты. Ишла уъ сусидне село,—може знайде тамъ роботу. Теперь жныва, то скрізь рукъ треба. До села було тильки п'ятнадцять верстовъ, и вона вступыла въ ёго ще до снидання. Промынула кильки першихъ двориивъ и спынлася передъ велыкою, на два половыни, новою хатою, зъ дворомъ, забудованымъ по хозяйському зробленымъ повиткою, возивнею й хливамы. Середъ двору стоявъ запражжный кінь.

— Мабуть заможный господарь жыве,—подумала дивчына.—Зайду до ёго.

Несмилыво вступыла у двиръ, и саме въ ту мыть зъ хаты выйшовъ господарь, кремезный, просьвый чоловикъ зъ коротко шидstryженую шпычакуватою бородою, зъ кудлатыми бровамы. Лагодывся сидаты йихаты на цоле и вздривъ Левантыну.

— А чого тоби, дивчыно?

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 6.

Вона нызенько вклонилася, здоровкаючися, і тримтячымъ голосомъ сказала:

— Роботы шукаю... Чы не треба вамъ наймычки?

— Роботы? А звідкиля жъ ты?—спытавъ господарь, позыраючи на неи веймовирными очима зъ пидъ кудлатыхъ бривъ.

— Зъ Дыбливъ.

— А чыя жъ ты?—и такъ винъ выпытувавъ про все въ Левантывы, роспытаўшися ѹ про те—черезъ ѹ кинула хазяицъ. Вона сказала, ѹ занедужала, а тымъ часомъ хазяи взяли и иншу наймычку. Хазяинъ ѹ подывився на іи билетъ,—видымо пысьменный бувъ,—вернувъ ёго, а тоди сказавъ:

— То що, заставайсѧ хочъ и въ нась... Роботы теперъ багато... Дамъ тоби три карбованци на мисяць.

— Дядьку, а теперъ же дорожче роблють,—насмилилась озватыся дивчына.

— Може де ѹ роблють, да ѿ чы, пошукай—поки ёго знайдешъ тієи дорожкои цини! А тутъ робота готова.

Подумала Левантына: и справди,—поки ѹ єго знайдешъ! Може довго ѹ попоходышъ. Згодылася.

— Иды жъ у хату та снайдай та пойидемо заразъ на поле!

Пишла Левантына въ хату. Немолода жинка поралася тамъ.

— Оде, стара, несподивано Богъ пославъ наймычку,—озвавшися до неи хазяинъ.—Давай ій снидаты та визьму іи на поле.

Хазяйка прывитала іи ласкаво, посадовыла снидаты.

Потимъ пойихали на поле...

И не счулася Левантына, якъ промынувъ мисяць на роботи въ Бовкунивъ (такъ звалися си люде). Праця була тажка, якъ звычайно по селяхъ у жныва, та Левантына хочъ и була соби утла й тендитна, але не боялася ніякої праці. Хазяи и хазайськи сыни й дочка, бачучы, ѹ вона добра робитныца, а дивчына звычайна й соромляжа, були до неи добри. А що за

працею не геть було колы й думаты про щось иише, оприче роботы, то Левантына такы трохы заспокоилася й на серци,— ве такъ неначе сталы іі дошкуляты оти кляти думкы про мынули лыха та зла. Про подію у Чорному Яру и про все, що потимъ у Дыбляхъ сталося, вона ничего не знала—се зробылося вже писля hei. Тутъ сёго ничего не було чуты. Левантына думала, що й довго жытые въ Бовкунивъ, але помыллась.

Одного разу, якъ уси сидилы за сиданнемъ, рыпнулы двери, и въ хату ввійшла якась дивчына:

— Здорови булы! Ось и я вернулася.

— Г'е! Параска!—зрадилы хазли.

Выявилось, що тая Параска, се—Бовкунова наймычка. Занедужала въ неї маты, такъ вона й пишла на який часъ до-дому, а теперъ маты подужчала, то вона й назадъ.

Левантына зоставалася ни въ сихъ, ни въ тыхъ, бо господари знову бралы Параску. Вона не вдержалась:

— Чомъ же вы, дядьку, не сказали, що у васъ наймычка е? Може бъ я тоди у васъ и не стала, а де-инде шукала служби.

— Эге, дивчино! Того жъ я й не казавъ, що ты тоди не стала бъ, а мени,—сама бачышъ,—рукъ було треба, ажъ кричало,—по щырости визказавъ Бовкунъ.—Ta не журысь! Я оце завтра йиду въ городъ, а въ мене тамъ е родычъ, братъ у першихъ, бакалею торгуе... Я оце якъ бувъ у ёго, даќь винъ мени казавъ, що ёму треба наймычки. Йидьмо завтра въ городъ, то я тебе одвезу до ёго: може винъ не знайшовъ ище дивкы, то тебе визьме. А не визьме винъ, то визьме хто ииший: у городи людей багато.

Чы въ городъ, то й у городъ!—подумала соби Левантына. Вона тамъ зроду не була, даќь ій трохы страшно було туды йихаты, але жъ тамъ бувъ заробитокъ, а тутъ уже видбулы жныва, то не дуже треба найманыхъ рукъ. Вранци пойихала зъ Бовкуномъ у городъ.

Чомусь той городъ здався ій не такимъ пышнымъ, якъ вона думала. Таки будынки вона бачыла и въ панивъ у своему

сели, тильки що тутъ ихъ було дуже багато: дерев'янихъ, кам'янихъ, сирыхъ, білихъ, жовтыхъ... такъ и мыгають увъ очъ... Та все одынъ до одного попртуловани—ни гордывъ, ни садківъ. По вулыцяхъ сновыгають салдаты та паны, лаються якись москали; визъ торохтуть по каминю та пидкыдае по амкахъ—ажъ не всыдышъ. Не подобалося те все Левантыни.

— Тиру!—прыпинивъ Бовкунъ кони.

Сталы билия невелычкои крамныци.

— А ну злазъ, Левантыно, бо оце вже мы й прыйихалы.

Бовкунъ прыв'язавъ кони до лыхтарного стовпа и вдвохъ увийшли въ крамныцю.

Крамныця була пидхожа до тіei, що Левантына бачыла і въ себе на сели, тильки бильша. По ій крутывся хазинъ, Степанъ Ивановычъ Квасюкъ, чы то пакъ—Квасюковъ,—се вже такъ винъ себе теперъ звавъ. Чорнявый, зъ банькатымы очыма, зъ пидстриженою по городянському боридкою, не дуже гарний зъ себе, та й не поганый.

— Здоровъ бувъ, Степане Ивановычу!—прывітався гість.

— А, здрастуйте, здрастуйте, Платоне Грыгоровычу! Зайиздить же въ дверъ,—чого вы на вулыци сталы?—запрохувавъ хазинъ.

— Нема колы, треба на базарь поспишатыся, видказавъ Бовкунъ.—А ось я, колы хотите, дивчину вамъ прывізъ. Чы може вже нанялы соби?

— Ни, ни, ще.

— Да въ оця хоче у васъ статы. Служыла въ мене мисаць,—добра робитныця. Я й дали бъ зоставивъ, та не можна,—и винъ почавъ розказуваты, черезъ вишо мусывъ Левантыну видислаты. А Квасюкъ тымъ часомъ поглядавъ на неї своїми банькатымы очыма, і Левантыни чомусь не подобався той поглядъ.

— А яку цину визьмешъ, дивчино?—спытавъ винъ.

— Три съ половиною на мисаць,—несмільво сказала Левантына.

Въ городи жылы по четыри та по пять карбованцівъ, але Квасюкъ побачывъ, що Левантына того не знає, и скавъ, що бильшъ якъ трь карбованци не дастъ, та що щобъ вона й на свой одежи була. Левантына не довго думала й поедналась. Квасюкъ забравъ у неї пашпортъ и одививъ іи въ кухню до своеї жинки.

Квасючка, высока й худа жинка, дуже стариша за свого чоловика, глянула такымы сердитымы очима на Левантыну, такъ до неї озвалась, що въ тієї ажъ у души похололо.

— Боже мій!—думала вона.—Яки жъ тутъ непривитни люде! Якъ я тутъ жытъму?

Хазяйка заразъ же поставила іи за роботу до печи. Кильки разивъ налаяла, що селючка и вичого не тямить, хочъ Левантына робила все якъ треба. Левантына ій неподобалася, бо була молода й гарна. Квасюкъ бувъ на десять роківъ молодшій за жинку и оженевся зъ нею черезъ гроши. Ти гроши винъ давно забравъ соби до рукъ, завивъ на ихъ сю крамницю, а жинкою почавъ поштуркувати. Вона ёму вже напрыкрылася, бо була стара й негарна. Якъ винъ наймавъ молоду наймычку, то Квасючка лютувала и сильувалася вытрышкати іи геть усякими прычепками та знущаннемъ. Волила бъ старыхъ наймычокъ, бо до тыхъ цей клятий бабій не вязь бы. Але Квасюкъ проганявъ старыхъ такъ саме, якъ вона молодыхъ. И черезъ те въ ихъ у хати завсигда кипило, якъ у казани.

Того жъ вечора вона сказала чоловикови, що Левантына селючка, ничего не тямить, то вона іи видишле. Але Квасюкъ зновъ уже черезъ що се.

— Не вередуй!—крикнувъ.—Черезъ тебе наймычки не вдержышъ. Що мисаця нова. Одишлешь цю,—зостанешся зовсимъ безъ наймычки, бо віакои тоди не найму.

— Про мене краще безъ наймычки, нижъ изъ такою, якъ ся!—кричала розлютована Квасючка, бо въ ихъ ще ни однou наймычки не було такою чепурною, якъ ся.

— Та мени байдуже до тебе,—чортъ тебе беры, хочъ бы й сама все робыла—якъ кобыла здорова! Даъ же не поро-бышъ усёго сама, то мени черезъ твои вереды кумерціи вредъ буде.

— Кумерціи вредъ! Якъ разъ тоби кумерція въ голови! Знаю чого треба! Даъ я за тобою и въ ночы слишкомъ ходы-тыму.

Двое дитей--хлопець шесты рокивъ и дивчына семы—по-прокыдалыся и слухалы сварку, слухалы не вперше. Не зва-жаючи на ихъ, Квасючка кричала:

— Я тебе въ ночы зъ постели не пущу! Не думай, що тоби пособыться, колы ты іи заставыши.

— Тю на тебе, скажену! Я тоби кажу: одпрашивъ цю дивчыну,—я іи знову,—тоби на злисть—изнайду, а тебе зъ хаты выжену,—иды геть икъ твоему дурному батькови, що пустывъ на свить таку прышелепувату дочку!

Квасючка замовила, памъятаючи, що вже одного разу чо-ловикъ іи выгнавъ бувъ, а батько не дуже прывитавъ, то іи довелось вертатися до-дому й корытыся чоловикови. Вона знышкала, але наважылася такъ дошкуляти Левантыну, щобъ та, не втерпивши, сама втекла.

И справди дошкуляла. Левантыни просвітку не було за роботою, за лайкою, та за штурханцями. Сердыта Стручыха була така добра проты цiei худои якъ суха тараня, носатои, рудои крамарки, роснalenoi заздристо й невирою до чоловика. Левантына мусыла вставати вдосвита, якъ ще темно було, а лягала о пивночи,—и увесь день на роботи. И що ни зробить, якъ ни ступыть,—усе було не такъ, усе не до ладу, за все гриманне, а то й штурханець межы плечы. Квасюкъ же бувъ до неї добрый и, якъ не було жинки, то все такъ поглядавъ на неї, якъ китъ на сало. Левантыни видъ того погляду ста-вало такъ моторошно, що вона тоди бажала, щобъ швидче по-вернулася Квасючка зъ своєю лайкою. Вона сylкувалася не стриватися зъ нымъ на самоти, а винъ робывся до неї ласка-вийшій та ласкавішій и нышкомъ сylомиць пхавъ ій у руки

кильки разивъ цукеркы зъ крамныци. Левантына любыла ласощи, але си цукеркы було ій чогось гыдко йисты, и вона виддавала ихъ дитямъ, або выкыдала. А одного разу хотивъ подараваты ій гарну червону стричку. Вона не взяла и втекла видъ ёго.

Промынувъ мисяць. Левантына стомылася такъ, що наважылася кынуты службу и сказала про се хазлинови. Той здыувавася:

— Чого? черезъ що?

Вона почала казаты, що дуже важко жыты, що николы спочынку нема, сама лайка, а то й бійка. Але Квасюкъ ніякъ не хотивъ іи пускаты.

— И не выгадуй! и не выдумлюй! Що се ты? Яке жъ ты маешь право кынуты мене безъ наймычы? Мусыпъ буты, ажъ покы я нову знайду. А що тоби важко, дакъ сёго бильше не буде.

Мусыла Левантына зостатыся, и справди ій покращало: хазайка вже не годувала іи потылышыкамы и менше лаяла, хочъ позырала на неи ще лютишымы очымы, бо якъ засварывся зъ нею чоловикъ за Левантину, то ажъ попобывъ іи.

Але самъ Квасюкъ почавъ чепляться дужче. Скоро Квасючка одыхнеться зъ дому,—винъ заразъ посадыть дитеи у крамныци, а самъ до неи та й почынае пидлабузнюваться. Одного разу хотивъ обнаты, дакъ вона ёму такого стусана дала, що ажъ поточывся.

— Оде, яка сердыта!—каже, немовъ ласкавенько, а въ самого бандыкти очы такъ и зайнялыш.

— Не въязнить, дядьку,—закрычала Левантына,—бо ій бо втечу!

— Дурна ты!—видказавъ Квасюкъ, знову пидходючи до неи та застушаочы ій дорогу такъ, що вона опынилася ажъ у кутку биля печы.—Чого тоби тикаты? Не будь тата сердыта до мене, то я тебе якъ лялечку водытыму, а жинка не посміє надъ тобою верховодыты. Любытыму тебе такъ, що ажъ!..—И ёго нахабни очы зажеврилы, виываючыся въ неи.

— Не займайте мене, бо кричаты!

— Ото жъ такы! Чы я звиръ який, чы що, щобъ одъ мене кричаты! Та я й не займаты тебе, колы ты не схочешъ. Я до тебе добрый, то й ты будь до мене добра.

Левантына почала соваты рогачемъ у печы, а винъ тымъ часомъ ущипнувъ іи за руку.

— Отъ одійтить, дядьку, бо ій бо оцымъ рогачемъ такъ и дамъ!—скрыкнула вже зовсімъ сердито Левантына.

— А я рогачъ у тебе видниму, а тоди тебе поцилую.

— У васъ е жинка,—іи ѹ цилуйте, а не мене!

— Стану я таку погану цилуваты!

— А на що жъ бралы?

— Бо дурный тоди бувъ.

— Ну то будьте жъ теперъ розумни та не въязнить до мене.

Въ другій хати почулася Квасюччына хода, и Квасюкъ зныкъ зъ кухні въ дваръ.

Прыиде Левантына въ крамныцю чогось узяты въ хазяйство,—винъ ій зновъ те співае. Вона вже була рада, что Квасючка не допускала іи до крамныци, а сама туды ходыла. Да тэ мало пособляло, бо винъ завсігды такъ прырозуміе, щобъ де саму ій застукаты.

— Дядьку,—казала Левантына,—колы вы до мене чепляетесь, то давайте мени рощотъ!

— Не дамъ!

— То я втечу,—хай вамъ и гроши зостаються.

— Не втечешъ, бо въ мене твій пашпортъ, а безъ пашпорту тебе заразъ у поліцію визьмуть.

Левантына бачыла, что вона въ неволи, и все думала, якъ бы зъ тієї неволі вyzволытися, и не могла ничего выгадаты.

II.

Якъ хазяинъ выходывъ чого зъ крамныци, то замисто ёго сидила хазяйка, а якъ и хазяйки не було, або було ій николы,

то на другой мисаць службы Левантынои, Квасюкъ ставъ посылаты туды Левантину. Замкне шухляду зъ гришмы та й посадыть дивчыну, покы самъ увійде. Згодомъ, прывчывпсыя, вона було часомъ де що й продастъ иноди—таке, що ёму цину знае.

Одного разу вона сидила отакъ у крамныци, колы ввійшло щось. Бувъ осинній хмарный вечиръ, а скучи Квасюкы шкодувалы рано свитыты,—у крамныци було по-ночи,—и Левантинна тильки й побачыла высоку постать якогось чоловика въ пальти.

— А дайте мени чвертку табаку!—попрохавъ покупець.

Левантинна здригнулася вся, всією своею истотою.

Передъ нею стоявъ Романъ.

И винъ цизнавъ іи и спынныя здывованый, навить уражений, не знаючи що казаты. Та швидко схаменувся.

— Левантинна! чы ты ба! Якымъ се ты робомъ тутъ опынилася?

Вона стояла передъ нымъ нерухома и щось не давало ій дыхаты, не давало говорыти.

— Служышъ тутъ, чы що?

— Служу...—ледви вымовыла вона и въ сю мыть увійшовъ Квасюкъ.

Романъ заразъ же кынувъ розмовляты зъ Левантинною, и вона пішла зъ крамныци. Але Квасюкъ, увиходючы, дочувся, якъ вони розмовлялы, поклыкавъ згодомъ Левантину и почавъ іи допытуватыся—хто сей парубокъ и черезъ що вона ёго знае. Вона сказала, що зъ одного зъ пымъ села.

Здавалася зовсімъ спокійною, хочъ уся холодила. Дождала ночи якъ Бога, щобъ востати самій. Зосталася, та не полекшало. Не могла заснуты. Все мишуле, все тяжке й болюче встало, ожыло новымъ життемъ и пеклі іи, мордувало.

Прысагання, божиння и тоди зрада и ганьба, неслава, соромъ!.. А винъ жыве тутъ, никуды не пойхавъ, гарно вбраний... жыве добре мабуть... и покынувъ іи, забувъ, мовъ то не винъ прысягався, не винъ занапастывъ ій жытте!..

На що доля знову имъ зустритися судыла? Краще бъ вона ёго не бачыла, не чула про ёго ничего,—тоди бъ вона думала; що може винъ умерть, або живе десь далеко, у злыхъ, у гори, и ничымъ не може ій пособыти. Тоди бъ ій було лекше. А теперъ!..

Пекучий жаль обнимавъ іи за молодымъ занапашеннымъ життемъ... жаль на себе й на ёго... зрадника!..

Самый жаль на ёго. Якъ бы вона могла ёго клясты,—може бъ ій було лекше. Але вона не могла.

Вона казала соби, що не любить ёго бильше писля того, якъ винъ такъ зъ нею зробивъ, але вла, зненависть не було въ неї до ёго.

А си згадки, си про克莱ти згадки мынулого, недовгого и такъ страшно розбитого щастя!.. Це жъ усе мынуло, ёго немає і не буде вже николы... На вищо жъ ій згадується, якъ ёго очи зазиралы ій у вичи пры мисяшному сляви?.. бачить сей поглядъ... чує ёго палки уста на своихъ устахъ... и якъ ёго дужи руки, обнявши іи, забравши іи всю, цилкомъ, прыгортають такъ могуче и такъ болюче-солодко!..

Бездасна кыдалася по лижку, сонъ утикъ одъ неї далеко, зляканый палкымъ неспокійнимъ образамъ... образы мынулого щастя мишалися зъ образами перебутои ганьбы й сорома... ишли одынъ за однимъ, якъ хвили въ ричци, и не було въ неї силы прыпынити ихъ, прогнати видъ себе и хочъ на мыть угамувати сю муку.

И довго се діялось...

Кризъ маленьке виконце вже починало сирити першимъ уранишнимъ свитомъ. Чуты було, якъ хотися уже пройхавъ улыдею, а Левантына ще не спала, знеможена безъ краю своими думкамы. Лежала, заплющывши очы, а ёго очи стояли передъ нею и дывились, дывились на неї... пыльно нерухомо... таки велыки... ажъ горятъ на чорному Романовому облыччи... Яке воно страшне стало!.. А очы все бильшають и все наблыжаються и печуть іи, печуты!.. Хоче скрыкнуты,—не може, хоче ворухнутыся,—не здужае. А вони вже печуть ажъ у

саме серце, ажъ у саму середыну серця, и ёго страшна рука, чорна така, якъ и облычче, бере іи бидне серце и стыскае дуже, дуже и хоче вырваты зъ грудей...

Крыкнувшы, зирвалася на ривни ногы и стала середъ хаты, вся тремтючи.

То бувъ сонъ, що на мыть одну до неї злетивъ, але який же страшныи сонъ!..

Стояла и тремтила.

— Левантыно! чого высыпляешся? На базарь треба!— озвалася зъ другои хаты Квасючка.

Левантына скаменулася. Провела тремтякою рукою по чолу и стала вбиратыся.

Убралася, взяла кошикъ и выйшла. На двори вже було зовсімъ видко, скрізь ишли на базарь люде.

Ледви завернула за ригъ своеи вулыци на другу,—передъ нею ставъ Романъ.

Зъ несподиванки злякалася такъ, що ажъ спынилася, и на мыть чорне облычче зъ мынулого сна промайнуло передъ нею, та заразъ же й зникло, бо жывый Романъ ни трохы не нагадувавъ тієи страшнои прымары. Винъ стоявъ передъ нею зъ бильмъ выкоханнымъ облыччемъ, ще чепурвишымъ, нижъ воно було на сели, и всміхався:

— Здорова була, Левантыно!

Винъ выдымо дожыдався на неї, стоявъ тутъ иоки вона выйде.

— Здоровъ...—одказала вона, не дывлючись на ёго.

— А що, не сподивалася мене заразъ бачити?

— Ни...

— Дакъ ты служышъ у городи... Та чого жъ мы стали? Иди, куды йдешъ, а я трохы пройду зъ тобою... Дакъ давно служышъ?

— Третій мисаць...

Вона видказувала тихо, спустивши очы до-долу, йдучи зъ имъ поручъ.

— Сторія! Отъ не сподивався!.. Якъмъ-же се ты робомъ потрапила сюды?

Винъ ще пытається!..

Але перемогла себе и видповідала, сълкуючыся говорыти спокійно:

— Якъ умерла... наша дочка... то я й не схотила вже зоставатися въ своему сели... и пішла по наймахъ...

— Дакъ дочка була... вмерла!..—сказавъ Романъ, трохи помовчавши.—Ну, царство ій небесне!.. Се вона й добре зробила.

— На що ты такъ кажешъ, Романе?

— А хыба бъ краще було, якъ бы вона зав'язала тоби свить?

— Не вона мени зав'язала свить, а... мій дурний розумъ та... ты, Романе...

— Отъ же й не нападайся на мене! Хыба я про тебе не думавъ? Може бъ я бигцемъ до тебе бигъ, дакъ чого жъ бы я побигъ? Бывся якъ рыба объ лідъ, бувало таке, що й голодный по кильки день сидивъ... Чы я бъ тебе на голодуванне мавъ клыкаты? У мене хата була така—садъ на ничъ, а на день—базарь та вулиця. Куды бъ же я тебе взяль? Оде не давненько тильки пощастило службу таку-сяку знайты, думавъ: розжывусь трохи, а тоди вже й до тебе звистку подамъ, щобъ приходила.

— Невже ты думавъ мене клыкаты?—спыталася Левантына и радіочы, и виры не ймучы.

— Ну, оттако! А то жъ якъ? Хыба ты думаешъ—я який?

И винъ почавъ ій розсказуваты, що винъ за нею журывся, та якъ винъ шукавъ роботы та бидувавъ, и скрізь прыбільшувавъ свое лыхо та ростягавъ ёго на довшій часъ.

— А з Боже жъ тебе дожыдала на Риздво!

— Ну й чудна ты! Якъ же бъ я до тебе прыйшовъ, колы мене дома злодіемъ изроблено?

— Дакъ хочъ бы звисточку подавъ—де й що ты, щобъ я хочъ знала.

— Ну й чудна ты! Ну й яку бъ я подавъ тоби звисточку? Що голодный, та холодный? Не стойти того дила! А то ще й такъ сказаты: пе хотивъ озыватыся, щобъ на сели Денысь та волосни не довидалыся де я,—воны бъ же мене тоди заразъ у холодну запакували, а то й у тюрягу. Хыба жъ я дурный, щобъ лыхови въ цельку лизты?

Левантыни все, що винъ казавъ, здавалося правою. Да тильки гирко, що воно такъ усе зробилося.

— А щожъ ты теперъ робышъ, Романе?—спыталася вона.

Романъ загомонивъ швидко, мовъ поспишаючися мерщій промынуты се питанне:

— Та бачышъ, я тутъ на служби служу... Тутъ, знаешъ есть такой лисный складъ, дакъ я тамъ... за прыкашыка... Не дуже гарно жыты, ну, та ничего соби.

Сю казку винъ усимъ розсказувавъ, хто не знавъ ёго.

— Огутъ недалечко й жыву,—у Ривчакахъ... Прыходь колы вѣбудь!..

Левантына махнула рукою. Мынулося! Буде вже й того, що зазнала.

Винъ почавъ упевнаты, що зовсімъ лыха ій не хотивъ, що робивъ зъ нею по щиросты. Говоривъ ласкаво, прыхильно, и Левантыни здавалося, що передъ нею ожывавъ той давній Романъ, якого вона такъ кохала...

А винъ усе прохавъ прыйти до ёго.

Що винъ выгадує? Хыба вона яка, щобъ до парубка въ хату йти? Да й колы бъ вона йшла? Ій просвітлої години нема за роботою.

Але винъ не покидавъ свого. Колы до ёго прыйти не хоче, то нехай випроситься въ хазайки въ недилю. Вони писали бъ удвохъ на прохідку,—отъ хочъ бы въ городський садъ... Винъ ій такъ багато має розсказаты. Вона ёго робить виннимъ, а винъ невинепъ,—треба жъ ёму вypравдатися... бо винъ і любить и не хоче, щобъ вона такъ про ёго думала.

Вона мовъ того не чула.

— Куды се мы зайшли? Отъ, я за балачкамы замисто базарю Бо'зна куды пишла.

— Поспіешъ ище на базарь!

— Не можна,—хазяйка лаитыме.

Вони повернули до базарю, и винъ ще трохи іи провивъ, усе просюочи выйти. На пры кинци сказавъ, що въ недилю ввечери, годинъ у цять, дожидатися іи коло воритъ миського саду, и зъ тымъ пишовъ.

Вона не видказала ёмуничого. Але ввесь тиждень думала про се. Пити, чы не пити? Писля того всёго, що винъ ій заподіявъ? И чого? Винъ клыкає іи, але ни словомъ не озвався—що теперъ думае робыты! И чого жъ вона пиде?

Чудна вона. Стрилася зъ имъ разъ на вулицы на якусь тамъ часынку и хоче, щобъ уже все зробилося. Може жъ винъ на те й клыче іи, щобъ це все розсказати да порадыться, якъ зробыты.

Думки хылялися туды й сюды. Не знала на чому стати и рада була, думаючи, що однакъ хазяйка іи не пустить. Та зовсімъ несподивано сталося інаже. Въ субботу прыйхавъ зъ свого хутора хазяйчынъ батько и забравъ дочку до себе та й надовго: іи мати занедужала.

Въ недилю Левантына не мала за думкамы спокою зъ са- мисинъкого ранку. Просытися, чы не просытися въ хазяйна? Сей певне пустить. Ни, мабуть не треба. Колы Романъ не зводить, а справди по щиросты хоче що зробыты, то зробить, а ій нема чого назустрічъ ёму бигти.

Може й такъ, а може й не такъ. Якъ теперъ вона не выйде, винъ подумае, що вона й зовсімъ одкынулася видъ ёго, та й облышить усе. И впустить вона зъ рукъ те, що могла бъ мати.

Врешти надумала: выйду, чы не выйду до ёго, а попросюся въ хазяйна. И справди попросилася погуляти, подавши ввечери самуварь. Квасюкъ, бажаючи прыдобрытися до неї, заразъ же пустывъ, тильки наказавъ не довго ходити.

Прынявши самуварь, Левантына вбралася въ що було краще и цишла зъ дому.

Выйшла на вулыцю, а все зъ тією думкою, що може выйде до ёго въ миський садъ, а може й ни.

Номалу йшла вулыцями, не дуже й дывлючись куды йде, и опынилась передъ мережчатою брамою великого саду.

Видчыныла браму и ввійшла.

Въ саду никого не було. Почалася вже осинъ, накрапали часомъ дощи, и городяне кынули ходыты въ цей садъ, що розрісся ажъ на краю города, а товклися по посыпанихъ пискомъ стежкахъ бульвару въ середыни миста. Не було никого й сёгодни, хочъ на двори була й година.

Передъ Левантину лежала стежка, що вгавялася въ глыбъ гаю гарныхъ великихъ деревъ. Постояла трохи и цишла нею.

І видразу голось знаёмый промовыть надъ ухомъ:

— Спасыби, серденько, що прыйшла!

Винъ уже йшовъ биля неи, выйшовши зъ маленької стежечки збоку. Обвивъ іи станъ рукою, але вона тихо вyzволилася зъ тыхъ обіймивъ, і вони цишли поручъ пидъ ряснимъ верховиттемъ старыхъ високихъ деревъ. На двори вже смеркалося, і на стежци було темно.

Дійшли до якоись будивли.

— Отутъ я ночувавъ, якъ не було грошей на ночлижний,—показавъ на будивлю Романъ.

— Бидненкій!—промовила Левантинна і скотила подивытися въ середыну.

Романъ одигнувъ гвіздокъ той, що имъ забыто було дверци, і вони ввійшли въ порожній партеръ. Передъ Левантину ледви мрили въ темряви стини, а тамъ, у тій чорній паші, де була сцена, якись стовпы... Вони пидійшли бlyжче до мисця, де бувъ оркестръ, хода ихъ гучно озвалася по дощаному помосту, котилася луною туды, въ темряву, і щось тамъ затришало,—мабуть двери зарыпили...

— Ухъ, якъ страшно!—скрикнула Левантинна і несаможить прытулилася до Романа.

Винъ знову хотивъ іи обніяти, але вона заразъ же повернулася й выбигла зъ театру.

— Боже!.. И якъ тоби не страшно було тутъ ночуваты!— промовила вона, идучи зъ имъ дали стежкою.— Я бъ зроду не лишила сюди,—краще бъ на вулыци!

— На вулыци поліція не дозволить, то доводиться ховатися туды, куды вона не вазирає.

И винъ знову почавъ розсказувати про свое мынуле жытте въ гробди, багато прыбriхуючи, и казавъ, що винъ іи любить и николи не покидавъ любиты. Вона слухала те, и ій згадувалося, якъ винъ покинувъ іи на поталу, на глумъ людямъ, але вона заразъ-же проганяла видъ себе ци згадки, и вони знивали, а вона впывалася ёго солодкими словами... Винъ малювавъ ій краще жытте. Казавъ, що незабаромъ хазянъ дастъ ёму липшу посаду, винъ одбиратиме ажъ трьста рубливъ на рикъ, и тоди вони могтымуть жыты вкупи.

Левантyni здавалося, що вони могли бъ жыты вкупи й теперъ, прынаймни теперъ-же звинчаться, але вона се тильки подумала, а чомусь не сказала...

Въ саду було таємничо и тихо, високе склепинне зъ витьсхылялося надъ имъ такъ захистно-прыхильно, и вони були тильки вдвохъ, и вона такъ хотила ёму варити. И сама не помитила, якъ ёго рука обняла іи за станъ, и дивчина вже не пручалася. Вони йшли, близько-блзыко прытульвшись одне до одного. Якась солодка знемога почынала опановувати іи всю видъ цёго доторкання, видъ ёго ласкавого голосу... И ёго губы нахильились до іи устъ, и, заплющувши очи, вона видповидала ёму на поцилуное.

И видразу розгорнулися вгори виты, и темне, човажне, високе небо глянуло на ихъ своїми очима-зорами. И сей поглядъ мовъ сразу розигнавъ Левантyniны мары. Вона вирвалася видъ Романа, видскочила и, простягши попередъ себе руки, мовъ хотила видъ ёго оборонитися, скрикнула:

— Ни, Романе! ни! Не займай мене!.. Не хочу!.. Зроду не хочу!..

Вона вся трептила. Ще разъ сказала „Не хочу“! и пишла швидко, мало не побигла, назадъ, мовъ боячысь ёго, мовъ утикаючи видъ ёго. Винъ поспишався слидкомъ за нею, кажучы, що вона дурна, що нема чого боятыся. Але вона йшла хутко,ничого не кажучы, не дывлючысь на ёго.

Незабаромъ выйшли зъ саду. Левантына мовъ заспокоилася, пишла тыхше. Романъ почавъ говорыты про иншее, рассказувавъ дивчыни, що винъ бувъ у театри, и якъ тамъ гарно, и що то театръ. Вона спершу тильки слухала ёго, потымъ почала й роспытуватыся, зацікавыўшыся. Про те, що було въ саду, вже бильше не згадувалы.

Винъ повивъ іи до-дому іншымы вулыцямы, не тудою, кудою вона йшла. Якъ проходылы прозъ одынъ дверъ, винъ показавъ на невелычку хатку:

— Огутъ я жыву.

Левантына ничего не сказала, тильки швидче пишла дали, мовъ боялася, щобъ винъ не повивъ іи до себе. Якъ выйшла на свою вулыцу, попрохала ёго не йти вже за нею и швидко дійшла до-дому.

Вертаючися Романъ одъ неї, сердывся, що ёму такъ не паштало. Але це ще бильше росплювало ёго. Винъ зовсімъ не сподивався, що Левантына буде така вперта. Думавъ, що якъ у городи, сама соби, то ще краще... Беры, каже, та винчайсь... Туды къ чортамъ! Саме теперъ ёму женитись та дітей заводити!

Але нехай не брышкае! Ёго рукъ не мыне.

І винъ почавъ учащати въ крамныцю—чи не побачить Левантыны. Але Квасюкъ помитывъ, що сей парубокъ не дурно зробився охочый у ёго купуваты, и не ставъ зовсімъ покыдати въ крамныци Левантыны. Романъ почавъ тоди стерегти дивчыну на вулыци въ той часъ, якъ вона мала йти на базаръ. Вона знала де и боялась тыхъ зустричивъ, разомъ и бажала ихъ. Першъ, нижъ вийти зъ хвирткы, страхуючись, позирала, чы нема де Романа, обходила іншымы вулыцамы, а не стривши

его, почувалась такъ, мовъ іи надія одурила... и сама гнивалася на себе за те почуванне...

Але иноди ёму щастыло переняты іи. Тоди винъ проводывъ іи до базарю, сylкуючися спершу завесты дивчину на яки ииши вулыци, щобъ довше ходыты. И все такъ гарно до неи говорывъ и прохавъ выйти...

Якъ бы вона не бачила ёго, то ій бы лекше було, вона бъ ёго потроху забувала. Але оци зустричы, оци втикання видъ зустричывъ и жаль за имъ, оци розмовы й думки, думки, думки про ёго та про ёго слова—не давали ій спокою.

Лыхо було Левантини зъ Романомъ, а ще гирше зъ Квасюкомъ. За имъ не було ій просвітку. Видколы Квасючка пойихала,—въязъ до неи якъ шевська смола, лизъ обнимати й цилувати іи. Вона звичайно штовхала ёго, втикала зъ хаты й сидала на двори, ажъ поки винъ ийшовъ знову до своеї бакалії. Добре хочъ те, що не мигъ довго сидити въ своїй хати.

Вночы вона защипала на защипку двери зъ кухни въ світлици. Але одного разу прокынулася, почувши биля себе когось. Зхопилася зъ просоння якъ божевильна.

— Не лякайсь! не лякайсь! се я...—озвався знамінний гыдкий ій голосъ, и вона почула на соби ёго руку. Зирвалася зъ лавы та зъ хаты. Перебигла дверь и заховалася ажъ у другому кинди ёго за сажнями дровъ.

Була боса, въ самій сорочці та въ лыхенъкій спідниччыни.

Вона сидила тамъ довго, третмючи зъ страху й холоду, цокотючи зубами. Сидила, ажъ поки подубили зъ холоду ноги, и всю іи мовъ трясця трусыла. Тоди догадалася злизти на горыще надъ кивицю и закопатися въ сино. Тамъ зогрилася и, дримаючи та прокыдаючися, пролежала до ранку.

Бранци, тильки руянула дверыма въ кухню, Квасюкъ заразъ же й вийшовъ зъ другої хаты.

— Де се ты валасаешся по ноцахъ? Давно треба по хазяйству поратыся, а вона бигає!

Такъ говорывъ, мовъ бы самъ ничего й не зробиъ, а вона була винна. Не стала зъ имъ спречатися, тильки сказала:

— Оддайте мени пашпортъ та зароблени гроши, то я пиду видѣ вастъ.

Винъ зареготався.

— Чы ты ба, яка розумна!.. Хазайка пойихала зъ дому, а вона буде роштуваться, безъ робитныци хазайство покыдаты! Давъ бы я ій гроши й пашпортъ! Ничого не дамъ! Колы хочешъ иты—иды соби така, яка есть, то посыдышъ у полыці, та по этапу до-дому пошлють.

Левантына боялась волыці та этапу. Вона згадувала, якъ одну зъ ихъ села дивчыну прыведено до-дому по этапу. Боже, якого сорома було! А скильки назнущались зъ бидолашнои въ полыці!

— Чого ты, дурна такъ злякалася?—казавъ дали Квасюкъ.—Ну, колы ты така низка, то я тебе бильше й не займатыму. Жывы соби,—я до тебе й не доторкнуся.

И почавъ божытыся й прыснагатыся, що не займатыме. Вона не знала, чы вирыты ёму, чы ни. Якъ бы не той пашпортъ та гроши, то заразъ бы втекла. А такъ—що вона робытиме?

Зважылася зостатыся, але того жъ дня купыла за свои гроши кильца до дверей и замокъ, бо защипку можна було видкынуты зъ Квасюковои хаты въ щилину. Прыкрутила кильца и замыкала на ничъ двери, але не могла спокійно спати. Разъ-у-разъ прокыдалася, бо ій усе марылося, що хтось увиходить до неї.

Стрившыся Левантына зъ Романомъ, похвалилася, що ій погано жыты, що хазяинъ до неї въязне.

— Даекъ що? Кыдай тутъ та ставай на иншу службу!—порадывъ той.

— Якъ же я кыну, колы винъ ни пашпорта, ни грошай не виддае?

— Погана сторія: безъ пашпорта никто не прыйме!.. Ну, а ты такы кидай та й переходь до мене жыты. А тымъ часомъ пожаліємося въ полыцію, що винъ пашпорта не виддае. Поки пашпорта видберешъ та службу знайдешъ, то жытымешъ у мене.

Левантына не прыставала на це и все думала що ёго робити. Правда, ось уже кильки день хазяинъ іи не займае, але хто ёго знае, якъ воно дали буде.

И справди, дали не булоничого гарного. Квасюкъ нышкомъ высмикнувъ зъ дверей кильце и знову ёго застромивъ,—абы держалося. Левантына не помитила цёго.

Вночы винъ поіхнувъ двери, кильце выскочило, и винъ увійшовъ у кухню. Левантына почула це вже тоді, якъ винъ обхопивъ іи рукамы. Вона скрыкнула, прокинувшись, и скопилася, але винъ заразъ же знову звалывъ іи на лижко. Вона почала видбываться зъ усієи силы, але тієи силы було мало, щобъ подужати здорового чоловіка. Вона вже знемогала въ останній боротьби. Ёго гыдка пыка лежала па іи облыччи. Сама не знаючи якъ, вхопила ёго зубами за щоку и стиснула зубы такъ дуже, що винъ скрыкнувъ зъ болю и рознявъ руки. Вона видопхнула ёго и чула, якъ винъ упавъ до-долу, загрюкотивши. За мыть вона вже була на двори. Страхъ такъ опанувавъ іи, що вона выбигла зъ двору на вулицю и тильки тамъ лишила тыхше.

Ішла вулицею и вся труслася зъ страху, зъ турботы, зъ холоду. Писля першого випадку зъ Квасюкомъ вона спала за всігда вбрана, але була боса, и холодъ дошкаявъ ій у ноги. Пишля швидче вулицями безъ ніякої мети, не знаючи що робити. Було вже не рано. На порожніхъ пивтемныхъ вулицяхъ доторяли лыхтари, ледви блымкаючи. Де-не-де блукали стукачы, розганаючи свій сонъ, калатаючи въ калаташку; а де-яки вже спали, прихильвши до дверей на якому рундуцку.

Левантына йшла, все йшла вулиці за вулицею, безъ ніякої мети, аби не стояти, аби йти. Ходила такъ довго, ажъ поки втомилася и сила на ослинчуку пидъ чимись воритмы, пидобгавши пидъ себе задубили зъ холоду ноги. Не довго посыдила, бо заразъ же стукачъ прогнавъ іи звидти.

— Іди, йди! Багато васть тутъ такихъ валасається! Не огинайсь, бо свисну, то прыбіжыть городовий,—забере въ польцю.

Левантына пишла дали. Переяшла кильки кварталивъ и знову прытулышась уже на рундучку. Тутъ посыдила трохъ довше, бо стукачъ зъ цёго кварталу десь заснувъ. Але врешти такы прогнавъ, ще й выляявъ шогано. Ходыла тоди знову зъ вулыци въ вулыцю, абы якось доблукаты до свиту. Хочъ не знала що вона мусыть робыты й свитомъ.

Вернутыся до Квасюка? Але тильки подумала про це, то всю іи почало трусыты. Краще зъ голоду вмерты, замерзнуты, нижъ одъ ёго пропасты!.. Циты зранку жъ найматыся, статы на точку? Хто жъ іи тамъ визьме босу й простоволосу, ще й безпашпортну? Вернутыся до-дому въ свое село? Але туды іи такъ само не навертало, якъ и до Квасюка. Та иоки вона діде, то й задубіе на дорозі.

Думкы мучылышы іи такъ same, якъ холодъ та втома. Вона вже кильки ничъ спала дуже потроху и теперъ почувала, що сонъ такъ и хыляе іи—отъ-отъ упаде й засне на вулыци. Зъ усіем сылы бадёрыла сама себе и все йшла, йшла...

Все вулыци, вулыци, вулыци... Мертві вулыци... Таки чужи, якъ и люде... Ни душечкы риднои...

Яка одынока, яка покынута!.. На всёму свити!..

Безъ помочы, безъ надіі.. Хочъ бы де куточекъ теплый!.. Хочъ бы людина добра!.. Тильки вулыци темни, холодни и щось торохтыть-торохтыть-торохтыть...

Спиткнулася и трохы не виала. Вона спала, йучы. Не спала, а такъ—голова туманіе... Люде йидуть на базарь—торохтать. Уже почынае свитаты.

Хочъ бы прыхылытыся! Куды вона йде?.. Охъ, якъ тяжко,—все тило болыты!.. И душа... Хочъ бы и вмерты.. Хочъ зъ мосту та въ воду—онъ зъ того мосту.

Зйшла на ёго, перехылылася черезъ поручата. Дывилася внызвъ.

Сира нечыста вода плыве линиво, заспано пидъ уранишнимъ туманомъ... Така холодна, негарна... Дали, дали!..

Зовсімъ уже выдко, по городу метушаться люде. Де се вона? Неначе вона тутъ була, а ве пизнаё... Стала й дывилася.

Хатки й поганенъки обшарпани будыночкы тыслыся въ яру по-пидъ глынястою кручею. Згадала: се Ривчакы... Ти, де Романъ... Чы не ёго це й хата?..

Тепло у ёго въ хати... Питы бъ туды, бо тамъ тепло... И заснуты можна...

Хытаючыся перейшла дверь ишла въ хату.

III.

Романови зъ товариствомъ останними часамы не щастыло. Чишли воны въ Дыбли и зовсімъ уже налагодылыша вывесты пару добрыхъ коней. Колы тутъ нечыста нагнала гуртъ пьяныхъ перезвянъ, и вся справа ляснула. Ажъ до свиту куёвдышася перезва на тій вулыци, де булы кони, и на бlyжчыхъ, а товарышы мусылы сидиты, прытаившися въ сutoчкахъ. Добре попотрусылыша, боячыся, ѩо ихъ тамъ побачутъ, а вже якъ бы побачылы шыни чоловики, то певне, ѩо жывыми не пустылы бъ. Ледви пощастыло по-малу-малу выбраться звидты та вынестицилу душу.

Писля цёго, трохи згодомъ, Левдикъ зъ двома хлонцами подався въ Ришакы, и имъ дуже добре пощастыло вывесты трое коней. Але заразъ же за селомъ норовиста коняка скынула Лукаша и втекла въ поле. Мусыль винъ плуганышася въ городъ пишки, а ти двое пойихалы, ѩобъ одвесты коней до Гапона. Та имъ на лыхо на двори бувъ туманъ такый густый, ѩо воны зблукатышася, проблуквали всю ничъ, не потрапылы до Гапона, а зайихалы въ Чорноусъ и ажъ тоди схаменулися, якъ побачылы передъ собою хаты. По вулыци вже вешталышася люде и заразъ же ихъ прыпынылы. Спершу чорноусци подумали, ѩо се просто соби зъ якои слободы люде зблукалышася, почали ихъ роспытуваты видкиля, та куды, та чого йидуть. Ти щось не такъ одказали, щось наплутали,—воны ихъ у волость, почали допытуватыся, а ти ще бильше плутали, и выявылося, ѩо се коноводы. Быто ихъ дуже, а потимъ одвезено до тюрмы.

Товарыство не боялося, что воны выкажуть на суди иныхъ: то добри хлопци и цёго не зроблють. Але жъ ихъ замкнуть найменше на рикъ до тюрмы, а то такъ и зашлють, бо воны вже не вперше въ суди, а товарыство тоди втрачае двохъ добрячыхъ робитныківъ. А друге—здобычъ выскочила зъ рукъ ще разъ.

Писля цёго отаманъ зъ Романомъ та зъ Лукашемъ знову подалыся въ Дыбли, але й сёго разу нещасліво: перешкодылы стукачи, бо всю вічъ ходылы по вулыцахъ, не даючи пидстуپытися ни до одного двору. Бо хочь п'яни перезвяне и не дoгледылъсі тоди коноводивъ, але шотимъ у-день люде побачылы, що по городахъ походжено, и ходыло щось чуже. Догадалысь, яки то гости булы, и додалы варты.

И се вже такъ два мисяці товарыство сидило безъ заробітку. Пообийдалыся й пообносювалыся такъ, що вже дали никуды. Тильки Ярошъ жывъ, якъ попереду, бо винъ завсигды пывъ по троху и не дуже шынкуваць гришмы, якъ воны ёму потраплялы до рукъ. Черезъ те вси теперъ до ёго прыходылы позычата грошей, и винъ пособлявъ товарышамъ по-троху. Саме за такою позычкою зайплы до ёго ввечери Натрокль Хвыгуроўскій та похмурый Кучма. Сидылы, нарикаючи на лыхи часы, колы почулы, що хтось ище йде, и незабаромъ у хату вскочыў новы гисть—Лукашъ.

Винъ бувъ ще обидранішыі, нижъ попереду, а на довгихъ ногахъ не було чобить: винъ уже давно ихъ пропывъ „зъ гора“ и теперъ ходивъ такъ, що одна нога була въ резиновій калоши, а друга обгорнена онучкою та увязана мотузкомъ. Дарма, що такъ, а бувъ веселый, ускочыўши, махавъ рукамы й выгукываць:

— Здрастуйте вамъ! Чого пожурылъсі? Диля—первый сортъ—крычавъ винъ п'яннымъ голосомъ и брязнувъ на стиль килькома срібными грошынами, що воны ажъ роскотылъся по столу и дви впало додолу. Переляканы дытына заплакала въ колысци, и блида й мовчазна Ярошыка нахыллась надъ нею, щось дытыни шепочучы, голублючы іи. А Лукашъ ставъ посе-

редъ хаты зъ шапкою на потылыци, руки въ бокы, и всмихався безглазымъ пьянымъ усмихомъ.

Ярошъ изъ Кучмою гланулы, дывуючысь на ёго, а Патрокль Хвыгуроўскій пиднявъ ти монеты, що попадалы додолу.

— Чы ты ба!—скрыкнувъ,—глянте лышъ: карбованець и тры четвертакы! Де це ты добувъ, хлопче? Може въ кого „затубывъ“?

— Охвá! Якъ уже я, то и не можу добуты! Пальто було першы сортъ, а дверы лакей не замкнувъ, а я пальто надивъ та й чишовъ на базаръ, якъ панъ.

— Еге! Лукашъ старовынку згадавъ, свое давне ремесцво.

— А чымъ старе мое ремесцво ногане?—пытавъ задерыкувато Лукашъ.—Отъ вы зъ своимъ новымъ безъничого сыдьте, а я зъ заробиткомъ.

— Велычается!—гарыкнувъ похмурый Кучма.—Поцунывъ якесь дранте та й радый. Чортъ вить що!

— Чого жъ вово—чортъ вить що?—пытавъ ображенный Лукашъ.

— А того, що чортъ вить що та й годі! Наше дило старовицьке, вильне... Вывивъ коня, сивъ на ёго—якъ майнувъ полемъ-степомъ... гей!.. А то лазъ по викнахъ, та вытагай манаткы! Иху!..

Кучма плюнунувъ и сердыто одвернувся. Винъ бувъ старый коноводъ и не любывъ лыгатыся зъ звычайнмы мисъкымы злодіячкамы, що жылы зъ дрибной крадижкы.

— Та годі вамъ сперечатыся!—перепынывъ Ярошъ.—Колы Лукашеви пощастило, то й гараздъ.

— Нехай лышъ становыть могорыча!—озвався Патрокль.

— За першы сортъ!—крикнувъ Лукашъ. Ухсынвъ гроши й метнувся зъ хаты.—Въ одынъ ментъ буде!

— Чуешъ, Лукашу!—гукнувъ ёму наездогинъ Ярошъ.—Поклычъ тамъ по дорози Романа!.. Чуешъ? Отъ же мабуть не почувъ бисивъ хлопець,— побигъ якъ скаженый... Ну, покы нема Лукаша, то розкажы, Патрокле Степановычу про Левдыка! — звеливъ Ярошъ.—Бачывъ ты Лазька?

Лазъко—то бувъ рештанть, що ходывъ зъ тюрмы на роботу въ гродъ, черезъ ёго Левдыкъ подававъ про себе товары·шамъ звистки.

— Бачывъ... Я й забувъ пакъ росказаты... На бульвари винъ робывъ... Пишовъ и я на бульваръ: ципочекъ у руки та й иду соби—отъ, кавалеръ на прогуланку,—туды·сюды паличкою крутю... А вони эмки копаютъ, щобъ дерево садыты. Ну, я сивъ ва ослони заразъ биля Лазъка—одночываю бъто. И винъ мене бачыть, и я ёго бачу, та проклятый салдатъ стырчыть... А, канись пекельный! Хочь бы тебе трычи Тартаръ поглотывъ!.. Одначе дывлюсь—одходыть, одходыть салдатъ геть дали... Тоди вже Лазъко й сказавъ!.. Чепляються до Левдыка не за сами Рипакы, а ще й за Рижкивку,—памъятаете,—винъ тоди ходывъ? Дакъ каже,—треба, щобъ хто посвидчывъ, що ту ничъ винъ дома бувъ.

— Онъ якъ! Треба свидка... Кого жъ бы то?..—замисливъ Ярошъ.

— А кого жъ? Хведорченка!—порадывъ Кучма.

— А й справди! Дакъ я завтра зайду до Хведорченка,—звелю ёму, щобъ готовый бувъ до слідствувателя йти, а Патрокль Степановычъ пиде знову на бульваръ та перекаже Левдыкови.

— Гараздъ!—одказавъ Хвытуровський.

Се була звычайна справа: коноводамъ, якъ вони потрапляли до тюрмы, треба було такихъ свидкivъ, щобъ виправили ихъ. Здебилішого имъ щастыло переказувати товарышамъ, чого саме имъ треба, а ти постачали свидкivъ зъ своихъ же людей.

Тымъ часомъ прыйшовъ Лукашъ зъ двома пляшкамы й зъ закускою, а за имъ и Романъ. Стиль заставляли пляшкамы, чаркамы, тарилкамы, заложилы всякою йижею. Патрокль, не гаючысь, одиткнувъ поломаною двохзубою выделкою пляшку й нальвъ. Почалы пыты й йисты.

Побачыши, скильки привесено горилки, Ярошева жинка подала мерцій на стиль усе, що треба, а сама, поки ти пылы

й закусовали, нышкомъ узяла дытыну, выскочила зъ хаты та й подалась до сусиды. Вона звычайно такъ робыла, якъ Ярошъ гулявъ. Винъ пывъ не часто, але падъ часъ велыкои гулянки бувало, що й добре выпывавъ, и тоди бывъ ій нивечывъ тяжко за те, що вона завсигды гребувала ёго диломъ и товарыствомъ.

— А чулы, що вже Мыкыта выйшовъ зъ острогу?—попытавъ Романъ.

— Хыба? Ни, нечувъ,—одмовывъ Патрокль.

— Выйшовъ?—спытавъ злисто Кучма.—Шо жъ, оце ёму й мынеться?

— Ни,—видказавъ Ярошъ,—такъ не мынеться. Треба накараты. Отъ зберемось гуртомъ та порадымось, що зъ имъ робыты.

Мыкыта—се бувъ такожъ коноводъ зъ ихъ товарыства. Ёго пімано, суджено, и винъ выказавъ ще на килькохъ душъ—ти й доси видбували кару въ острози. Звычайно коноводы не прощаали такои зрады.

— Треба такъ накараты,—говорывъ Кучма,—щобъ уже бильше не мигъ такого робыты. А то теперъ страху ніякого нема. Въ старовину не такъ було,—въ старовину строго було.

— Ну, а якъ же въ старовину каралы?—спытавъ Лукашъ.

— А такъ!.. Одного разу... давно було... годъ десять... Тоди въ нась бувъ отаманомъ Хоменко—отъ запальній бувъ!.. А гніздо въ нась було пидъ Борзною. Дакъ одынъ на суди и прошкодывся такъ, що черезъ ёго двохъ у Сибирь заслалы. Ну мы підождалы, поки винъ выйшовъ зъ острогу. Выйшовъ винъ й не подає знаку, а самъ на Черниговъ побрався. А отаманъ каже: Невже жъ оце винъ и втече нашыхъ рукъ? Не попустимо, хлопци! Ну заразъ двое й обизвалось: одынъ та ще другий, молодый бувъ хлопець Грыцько... а здоровый бувъ, якъ туръ!..—Мы ёго, кажуть, прыставыли. И прыставыли!

— Та якъ же вони ёго прыставыли?

— А такъ, що на дорозі переняли. Переняли та назадъ руки скрутили та рота ганчию заткнули, та й ведуть... До-

вела до нашего ярка... бувъ тамъ у насъ такой ярокъ, що мы въ ёму збиралыся... Одынъ же побигъ товарыство клыкаты, а Грицко берегты застався.

— На що товарыство?

— Щобъ судъ бувъ... Не хотили сами порядкуваты... Ну, збигавъ... Мало не все товарыство зибралося. Стало кружка, а ёго посередыни... Одиткнули ёму рота,—кажы, колы хочешъ!.. А винъ стоить проты мисяца—билый, билый та трусьться...

— Ну?

— Ну й присудылы!..—и Кучма выхылывъ чарку.

— Що жъ ёму зробылы?

— Що зробылы, те зробылы, а тильки вже бильше никого не паскудывъ!.. Якъ закопали на тому жъ мисти, то такъ и зогнывъ,—никто й не шукавъ... А хочъ бы й знайшли, то никто бъ не выказавъ, бо вси булы хлопци добри та й булы вси... по черзи коженъ бравъ кіёкъ та й бывъ... щобъ усимъ выннимъ буты...

— И вы тамъ булы?—спытавъ Лукашъ.

— Може и бувъ, а може й ви,—одказавъ Кучма, нальваючи нову чарку.—Такъ устаровыну було! А теперъ роспusta пишла, никто не шануеться, никто честы не знає: выказавъ на товарыша та й правъ и ходить соби по воли, мовъ и ничего не зробывъ. Хиба що шопобують иноди, та й то не дуже...

— Ну, не дуже то й теперъ простымо!...—стыха, але гостро промовывъ Ярошъ, и ёго холодни зли очы бlyснулы.

— Ни, що не кажы, а въ старовыну не такъ було!—зновъ правывъ свое Кучма.—Тоди ты знатъ, що ты въ товарысти воинъ и що вси за тебе якъ одынъ стоять! По правди робылы! А теперъ такого вже нема... И того не було, щобъ коноводъ поганывъ руки палитомъ якимъ, або що. Тєди коженъ знатъ—наше дило степъ! Тамъ ты соби вильный,—шукай витра въ поли! Та й коноводы жъ яки булы! Хоменко, отаманъ, дакъ той разъ за однуничъ самъ вышивъ п'ятеро копей!.. Ото люде!.. А теперъ що? Пху!.. Дрибнодухи вси!..

Кучма вже здорово выпивъ, а выпивши, винъ завсигды выхвалявъ старовину, що якъ то добре тоди було, и лаявъ молодыхъ...

— Брехня! — гринувъ кулакомъ по столу Патроклъ, ажъ пляшки й чарки задзвенили. — Брехня! Е й теперъ таки коноводы—орлы!

— А де жъ ты ихъ бачывъ? — спытавъ, глузуючи, Кучма.

— Де? На Кубани!

— А хыба ты тамъ бувъ?

— О, стульстусь малоумный! Да ты спытайся—де я не бувъ!

— А ну жъ, ну, розкажить про Кубань! — опрохавъ Романъ.

— Слухайте! Почну ав ово, зъ початку. Отъ якъ турнули мене зъ кондукторивъ, заходився я торгувати. Голки-шпыльки, пундышы-мундышы, табачокъ-сиричокъ—атъ, чортъ зна що! Бачу, що воно не пидходить ни до моого імены, ни до моєї хвамылії, ни до мене самого. Бо ім'я въ мене геройське, хвамылія—образець, та й самъ я такий, що хочъ заразъ иди троянцівъ воювати! А тутъ голки-шпыльки!.. Чортъ зна що! Лыквидація и аквавита.

— Що, що? — пытали Романъ та Лукашъ.

— Азинусы й стульстусы! Те, що продавъ свою бакалію, а гроши, зъ горя, прогулявъ. Ну, зоставсь у мене въ кышени, якось завалився, карбованець. Подывивсь я на ёго: Ге-ге, братику, зъ тобою довго не проживешъ!.. Ни, тисно тутъ жити!.. Махну на Кубанськи степи! Хочъ изъ черкесомъ буду быться, —усе лучче, нижъ изъ п'янициами въ трахтири.. Ну, иду до знакомого кондуктора: пусты на Кубань! Посадовивъ у кондукторську, а на другий поїздъ другому кондукторови здавъ... Отъ я вже й на Кубани... — Добра штука Кубань, да тильки бида, що й останніго карбованця въ дорози пройивъ. Найнявся до одного багатого пана, а въ ёго табунщыкъ Артемъ Гайдя. А ви знаете що воно тамъ табунщыкъ? Чортъ, а не чоловикъ! Якъ вирветися у широкий степъ зъ орканомъ у рукахъ, дакъ винъ тамъ орелъ! Скаженого коня-неука піймавъ, сивъ на ёго,

стыснувъ колиньмы—эхъ! ажъ степъ гудѣ! Кинь бѣе и передомъ и задомъ, та де ёму скынуты Артема! Зъ скаженого—овечкою стане! А вже ничья чужа коняка не стривайся зъ Артемомъ у степу—ёго буде. И было въ нась товарыство добрѣ: шестеро нась, та таки!.. Одного разу тринадцатеро коней вывелы, за одну ничъ за двисти верстовъ перекынулы, продалы и въ обидъ другого дни дома булы.

— Ну, та невже?—почулыся здывовани голосы.—Та якъ же се вы зробылы?

— Уже зналы якъ!.. Эхъ, отамъ справа! тамъ коноводъ не злодіячка—такій, що передъ полыцію трусыться, якъ отъ мы, клапоухи азинусы. Тамъ винъ никого не боиться, а ёго вси бояться. Выйдемо на ярмарокъ—гуляй душа безъ кунтуша!.. Моремъ коло нафъ горилка, танци, музыки биля ятки на майдані, а люде збираються, а дивчата задывляються!.. Ахъ, сто чортівъ!.. А мы гуляемо, гопака вытынаемо, до дивчать залыпаемось, та велычаемось, та хвалымось—якъ коней перемкнулы та яки булы кони...

— Ну, це вже брехня!—перепынавъ Кучма.—То бъ то стали розказуваты де кони бралы? Та заразъ бы й васъ самыхъ забралы.

— Суса тупорылого у хвистъ иопилувалы бъ, а нась не забралы бъ! Тамъ не на нась, а видъ нась страхъ бувъ. Тамъ па всю округу звисно—что такій Артемъ Гайда, а ёго зроду никто не зайдме, люде шапки ёму скыдають, бо бояться. А панъ ажъ просить: оставайся въ мене, Артеме, житы! Бо панъ знае, що якъ у ёго свій коноводъ житые, дакъ цили будуть кони свои, а до чужыхъ ёму байдуже.

— Оттамъ житте!—скрыкнувъ Романъ.

— Вильне, веселе житте!.. Колы, бувало, й нападутъ на нась, дакъ мы зналы, якъ оборонятися... Разъ якъ застували нась въ очеретахъ!.. Два дни оборонаялися... рушныця добра въ Артема була и пытоли въ мене... Воны до нась посунуться, а мы—бахъ! Воны й заховаються, бо кулька не дулька,—якъ уразить, то заболить. А на третій день умкнулы видъ ихъ, ще

й зъ киньмы... Го-го-го! Ажъ степъ застогнавъ, якъ у копыта вдарылы!.. Гей, роскишъ-воля!.. Сто чортивъ!..

И винъ знову гринувъ кулакомъ по столу. Станъ ёму выпростався, вся ёго кудлата велыка постать дывно видминалася пидъ упливомъ згадокъ про мынуле, дыкою степовою силою справди повіяло видъ неи. И облычче сёго п'яныци й злодія мовъ осияль якийсь світь, очы ёму заблыщали дывнимъ бlyскомъ...

Вси глядилы на ёго зчудовани. Романъ увесь часъ слухавъ, втупывши въ ёго свои палки очы, боячися словечко згубыты. И якъ ударывъ постолу здоровенный Патрокливъ кулакъ, парубокъ уразъ такъ и кынулся й скрыкнувъ:

— А що жъ справди? Хыба жъ и мы не люде? Хыба жъ уже якъ мы, даκъ и не зумімо ничего зробыть? Да я вамъ таку штуку вшкварю, що на всю губернию бахну, а въ кышеняхъ гроши забрижчатъ! Хочете? Завтра въ Дыбли и п'ятеро коней визьмемо.

— Ну, ну, ты не дуже зарывайса!—промовывъ Ярошъ не-прыхильно.—Бачылы вже якъ тамъ браты!..

— А я вамъ кажу, що вовзьмемо! Слухайте! Била мого батька живе сусида Струкъ. А въ ёго на шишли клуния. И такъ вона стоить, що зъ усёго села іи выдко. Ну, я запалю вамъ клуню, народъ побижыть ва пожежу, а вы тымъ часомъ въедете кони.

На хвилыну вси стыхлы, а тоди вразъ—Ура!—зарепетувалы Патрокль, Кучма й Лукашъ.

— Тыхше! Цытьте! Зъ вулыци почують!—прыпынянь Ярошъ.

— Дарма! чортъ ихъ беры! Нехай чують!—не вгававъ Патрокль.—Романе! братику! амикусь любезный! дай я тебе поцилу!

И ёго величезни ланы обхопылы Романа, а щетыняста пыка притислася до парубкового облычча.

— Выпыймо жъ!.. Выпыймо жъ ище!..—

И винъ пывъ самъ, наливаю Романови.

— Отъ такъ молодецъ!.. Це понимаю!..—Щобъ наша слава не пропадала!.. А, прокляти дерін!—репетувавъ уже зовсімъ п'яній Патрокль.—Вы ради бъ нась у ложци води вточнити, бо мы злодії, а вы чесни! Брешете! Самы вы злодії, усе по закону крадете. А мы не злодії!.. Треба йисты,—прыходымо й беремо!.. Такъ, беремо!.. И воюемось зъ вами!.. Вы нась убываете, а мы зъ вами воюемось!.. Хто подужає!.. Я, Патрокль Хвыгуроўскій, кажу вамъ: кто подужае, той и правъ. *Homo homini lupus est.* А хто воюе, той—герой!.. А вы чортъ зна що, мужлаи!.. А я—Патрокль Хвыгуроўскій... Патрокль—герой, Хвыгурा—образець...

И ёго п'яна голова вже схylалася на стіль.

IV.

Романъ хочъ и лигъ звечора п'яній, але хазяи, клопочучись пидъ вікномъ, забудыли ёго дуже рано. Ледви прокинувся, згадавъ про вчорашній свій замиръ, і думка про се нове дило вже не дала ёму спати. Ёму не лежалося. Винъ скопывся, одягся... Въ цю мить почувъ, що хтось береться за двери и хоче до ёго вийти. Двери видчыныlyся.

— Левантына!..

— Романочку! братику! Не займай мене!.. Дай мени видочыты!.. Я видъ хазяина втекла. Всю ничъ блукала... Не зайдай мене!.. Забожься, що не зайдешъ!..

— Огъ ій бо й не торкнусь! Та нехай мене хрестъ побъе, колы зайду!..—забожьвся швидче Романъ, израдивши.—Иди, та лягай спати! Огъ бидолошна!..

Ёго маленька світлычка перебыта була въ ківці, і за тією пересичкою шылёвошною винъ спавъ. Туды винъ і повивъ Левантину. Вона виала на лижко і заразъ-же заснула. Винъ постоявъ, подывився на неи, усміхнувшись, тоди зачынавъ за нею двери въ світлыцю і пішовъ зъ дому, замкнувшы кватирю.

Ишовъ вулыцею такий задовольненый та радый. Сама прыбигла! Ну, нехай высниться,—однакъ вона ёго руку не міне.

Та теперь ёму й не до неи. Адже винъ учора забожывся, що сёгодни пидуть у Дыбли. Треба вмовытись, щобъ хлопци були готови.

Винъ пишовъ до Яроша, але того не було дома. Не знала й жинка куды пишовъ. Романъ зазирнувъ до „чайной“,—и тамъ ёго не знайшовъ. И де винъ у черга подився?

Романъ пишовъ блукаты по гброду по всякихъ закуткахъ, де мигъ зустрити Яроша. Нихто ниде ёго не бачывъ...

А Левантына тымъ часомъ спала. Спала довго, до пизнёго обиду. Щось ії врешти збудило. Росплющила очы, глянула на хату и спершу не могла врозумити де вона. Чы се неничъ? У маленькій комирчыни темно. Ни, онъ кризъ не зовсімъ прыхилени двери выдко щилину свиту. Чы се ій сныться? Ба ни, за дверыма щось гомонить... Романивъ голосъ... Видразу згадала все.

— Я въ тебе двичы бувъ и скривъ тебе шукавъ,—казавъ комусь Романъ.

— Ходывъ до Хведорченка, щобъ за свидка бувъ,—одповидавъ хтось невидомый.

— А я пакъ и забувъ за се... Ну, а въ Дыбли хлопци готови?

Дыбли? Левантыныне село?

— А хыба тавы ты думаешъ?—пытаўся незнамій голосъ.—А якъ не пощастиТЬ?

— Ще й якъ пощастиТЬ!—одказавъ Романъ и почавъ успіннати свого гостя: росказувавъ усе, якъ треба зробити, доводывъ...

Спершу Левантына мало що розумила. Але де дали все выражнише й зрозумилише выявлялося ій те дило, яке мало статыся...

— Я васъ покыну въ ярку,—сказавъ нарешти Романъ.—Якъ запалю, то вы трохи перечасуйте покы народъ згвалтується та побижити на пожежу. Тоди вже й вы... Найкраще берить у третій хати зкраю по ливій перій—се Панасть Гаманъ,—у ёго дуже добри кони—трое. Оде трёмъ и буде робота. А скильки всіхъ насъ буде?

— Оприче тебе,—пъятеро.

— Отъ и добрѣ. Дакъ тымъ двомъ накажы, щобъ силы ажъ биля млына. Знаешъ? Тамъ сїме коло млына у Середенка кони—велыка хата, а биля неи тополя... Уси люде й сторожи будуть на пожежи, то вильно вамъ буде.

— Гляды, самъ не попадись!—перестерегавъ гистъ.—Бо теперь воны знаютъ хто въ ихъ кони бравъ, то пыльнуваты-мутъ тебе.

— Чортового батька попадуть мене!—видказавъ Романъ.— Я знаю куды тикаты... Атъ, чортъ!—схаменувся винъ.

— Чого ты?

— Та я й забувъ, що мы не сами въ хати.

Винъ пидійшовъ до дверей и зазирнувъ у щилыну.

— Ни, спыть.

— А хто тамъ у тебе?

— Дивка одна.

— Чортова тинъ оцей Ромавъ! Чомъ же ты не сказалъ? Отъ розязва! Усимъ бы ты мастакъ бувъ, якъ бы тильки не такъ панькався зъ бабамы. Ну що, якъ чула?

— Ни вона такъ спыть, що не почуе.

— Ходимъ у синя, або що!

Воны выйшли и размовляли довгенько ще въ синяхъ. Тоди Романъ вернувся въ хату, мабуть по шапку, и кудись у двохъ пишлы.

А Левантына чула вже досыть, щобъ зрозумити все.. Теперь вона знала чымъ зробився Романъ и хто бравъ у ихъ на сели кони... Коновоцъ!.. Злодій!..

Боже едный! За що Ты такъ караешъ ій? Покаравъ коханнемъ, покаравъ и коханимъ!..

Злодія покохала!..

Тяжкимъ болемъ проймало ій душу, розривало серце. Мало вона зазнала, дакъ ще се!..

Зирвалася зъ лижка: тикаты! Тикаты звидсы!

Побигла до дверей, торкнулася до ихъ,—дверы булы замкнени. Клынулася до винна,—воно не видчыналося.

Вона сидила якъ у тюрми.

Вона жъ мусыть тикаты видсиля швидче, швидче! Мусыть бигты въ свое село, перестерегти Струка, перестерегти людей, щобъ береглися, щобъ запобигли лыхови. Вона повинна сказати...

Що скказати?

Що Романъ злодій, палій? И ёго визьмуть до тюри, судити, може й на Сибирь зашлють... И вона пошле ёго на Сибирь?

Ця думка видибрала въ неї вразъ усю ту силу, що була прокинулась. Знеможена видразу, сила и схильилась на стилъ.

Не вважаючи на все, що було, у неї въ серци завсігдя жеврила іскра кохання до Романа и останними днями ся іскра розгорялася все бильше й бильше. Эге, вона теперъ такъ добре, такъ выразно почувала, що вона ёго кохає, що вона николи не покидала ёго кохати.

И вона пошле на Сибирь того, кого кохає!

Того, кого кохає? Ни! Вона кохала Романа, хочъ и гришного проти неї, але чесного парубка, а не коновода, не злодія, не палія! А теперъ вона вже ёго не...

Але жъ ни! Вона ёго любить, любить такого, якъ винъ есть, и не може вyrвати, вyкинуты зъ себе того!

Любить! А ви що жъ вона ёго любить, що зъ тієї любови буде? Хыба винъ буде ій дружиною? Хыба вона пиде за злодія, за палія?

Що жъ ій робити? Що?!

Ухопилася за голову рукамы. Голова палала, розскакувалася одъ думокъ, але не давала порады.

А може... Були всяки гришныки та й каяльсь... Чому жъ бы Романъ не мигъ покаяться и знову чеснимъ зробити?

Вона ёго прохатиме, благатиме, вона ёму руки цилуватиме, аби тильки винъ не робивъ того, не йшовъ туды, покинувъ своихъ товаришівъ!.. Вона благатиме ёго доты, ажъ поки винъ послухається іи, поки не все, и тоди вони будуть знову щасливи...

А якъ же не послухається?

И щось почывало ій казаты, што даремна іи надія, што не мае вона такои силы, щобъ вырваты Романа зъ того багна, въ якому винъ опынывся. Вона сылкувалася задавыты сей голосъ, та не могла...

Чы послухаешься, чы ни, а вона ёго благатыне. Колы не пособить, то тоди—дійся воля Божа! Вона вже ничего не здоліе тутъ зробыты.

Якъ то? То винъ тоди пиде, пидпалыть село, обкрадаты-
муть людей? И вона те знатыне и ничымъ не перешкодыть то-
му, не обороныть людей? Та хыба жъ тоди не впаде й на неи
той грихъ? Люде кыдаются въ полумъе, рятуючи людей, а во-
на не обратуе ихъ, хочъ ій и въ полумъе не треба кыдатыся,
а тильки побигты въ Дыбли й сказаты...

Грихъ, страшенній, непрощеный грихъ—за для свого ко-
хання попустыты занапашаты людей. И вона хоче зробыты сей
грихъ?

Але жъ Боже мій!.. Вона жъ ёго любыть!

Былась головою объ стиль, не знаючи якъ поеднаты ко-
ханне въ повышенію, въ тымъ, чого вымагало сумлинне.

Врешти наважылася. Вона благатыне ёго, а колы винъ не
послухаешься, побижыть у Дыбли.

Сымъ трохы заспокоилася. Та не надовго. Бо нова думка
знову розбыла ввесь той спокій?

Колы вона скаже ёму, што все знае, то винъ же не пу-
стыть іи зъ хаты, зъаже іи замкнє... Якъ же вона тоди поби-
жыть у Дыбли?

И мучылась ціею новою думкою довго...

Врешти зачула, якъ брязкае на дверяхъ замокъ. Утекла
въ темну хатчыну и сила на лижко.

Увійшовъ у хату, видыхлыў до неи двери.

— Устала вже?

Сивъ на лижкови биля неи.

— Отъ уже не сподивався, щобъ ты до мене прыйшла
сёгодні! И въ голову соби того не клавъ. Якъ же сесталося?
Що тамъ зъ хазяйномъ?

Вона почала росказувати — все, якъ було...

— О, дурненьке, дурненьке! Чого жъ ты просто до мене не прыйшла?

— Та... адже прыйшла...

Винъ обнявъ іи й поцилувавъ. Першый рухъ іи бувъ — випручатися. Але заразъ же вона прымыла сама себе и скорилася ёго поцилункови одному, другому. Винъ радивъ зъ цієї несподіваної ласки, вона це бачила, и нова надія прокинулась у неї: вона *цымъ* не пустить ёго видъ себе.

— А я тоби йисти прынисъ. Хочешъ? Ходимъ!

Вийшли вдвохъ. Настоли лежали пироги, ковбаса, хлібъ, яблука. Надіючись Романъ на здобичъ, позичивъ грошей у Яроша.

— Я тутъ въ одного чоловика харчуюсь, да сёгодни хочу зъ тобою обидати, да і оде й прынисъ того-сёго.

— Спасиби, мое серденько,

Посидали за стілъ. Винъ йивъ добре. Йи шматокъ не йшовъ у горло, та смутила себе йисти.

Вона тулилася до ёго, зазирала ёму въ вічы, всміхалася, хочь у неї холодилы й тримтили руки. Вона зажывала всіхъ хитрощівъ, на яки була здатна, бо се бувъ останній спосібъ затримати, вдержати ёго, зберегти ёго за для себе. И зважилася ити до краю... Сёгодни не пустить ёго, а тамъ... побачить що робити.

Короткий осінній день уже наблизився до вечора, якъ вони пообідали.

— Якъ мени гарно, Романочку, що мы вдвохъ и будемо вдвохъувесь день сёгодни... Адже не проженешъ мене, коли я зостануся въ тебе ночувати?

— Чого бъ то я тебе проганявъ? Та я такий радий!.. Шкода тильки, що мени не доведеться сёгодни дома ночувати. Оде скоро треба вже йти.

— Чого? Куды?

— Хазяинъ посылає... На машину треба...

— На довгो?

- Завтра вдень вернуся.
 — Ой, Романочку! Якъ же я сама буду? Не йизды!
 — Не можна, Левантыно: хазяинъ велыть.
 — Отъ, велике лыхо, що хазяинъ велыть! А ты занедувавъ та й не можешъ йихаты.
 — Ни, ніякъ не можно.
 — Романочку! голубчыку! бративу! Не йиды! Зостанься зо мною! Будь зо мною увесь день сёгодни, всюничъ!
 — Завтра буду ввесь день и всюничъ и завсегды потимъ.
 — Що завтра! Сёгодни я хочу!

Вона обвылась кругъ ёго якъ хмелыночка, зазирала ёму въ вичы, цилувала ёго, обсыпала ёго ласкавыми закохаными словами чаривными, обхоплена непереможнимъ, мало не божевильнымъ бажаннемъ затриматы ёго, не пустыты... Іи роспленій, знеможеній думкамы голови здавалося чомусь, що въ сій ночи вся сила, абы тильки винъ сёгодни зоставсь, абы сёгодни, а тоди вже все, все добре буде!

Николы ще вона зъ имъ не була така,—навить тамъ, на сели. У ёго туманила голова.

— Не можна, серце!.. Прымивъ бы,—все зробивъ, але сёго не можу.

— Який недобрый!.. Зостанься, Романочку, серденько дороже! Що хочъ зо мною робы, цилуватыму тебе, мылуватыму тебе, тильки не ходы сюничъ!

— Та що се тоби сяничъ така дорога? Чого се такъ?

— Такъ хочу! Хочу, щобъ ты ни зъ кымъ сёгодни не бувъ, тильки зо мною! Мы таки щасlyви, таки щасlyви будемо, якъ що ти зостанешся зо мною сюничъ. И теперъ, и потимъ щасlyви будемо!

Винъ прыгортавъ іи, цилувавъ, але вырвався врешти.

— Годи! Треба йты!

Вона такъ и прыпала до ёго.

— Не ходы! Не пущу! Зоставайся зо мною!

И цилувала ёго беъ линку, сulkуючыся тымы поцилунками спъянны ёго, прымусыты забуты про все, зостатыся въ нею.

— Колы зостаешся сю ничъ зо мною,—буду твою, не пиду видъ тебе. А пидешъ,—утечу заразъ. Сю ничъ! Тильки сю ничъ!

Въ цихъ, стильки разивъ уже сказанныхъ, словахъ „сю ничъ“ чуты було стильки благання й натыску, що Романъ почавъ прыслушатыся до ихъ пыльнише. Винъ ще державъ іи въ себе, якъ малу дытыну, на коливахъ, цилувавъ ій очы, губы, шию, голова ще туманила, а вже якась непевна думка ворушылась тамъ. И видразу винъ повернувъ іи облыче до себе.

— А ну, глянь мени въ вичы!

Вона глянула.

— Левантыно, ты не спала тоди, якъ я приходывъ уперше!

Вона почервонила вразъ, пімана на гарячому вчинку.

— Дакъ онъ воно що!—Винъ ссадывъ іи зъ колинъ.—Що жъ ты чула?

Все загынуло, все!.. Тильки одно зостається...

Вона кынулася передъ нымъ навколишкы, обхопыла ёго колина руками.

— Романе! братику! риднёнъкый! не роби сёго!.. Не ходи зъ имы!.. Не занапащай людей!.. Не занапащай своеи душы!.. Покынь ихъ!.. тыхъ, недобрыхъ!.. Забудь усе те!.. Будемъ чесно жыты!.. По викъ вичный не розлучуся зъ тобою!.. Тильки не ходы!.. Втечемо видъ ихъ!.. Утечемо заразъ!..

Романъ уставъ, одиравъ іи руки видъ своихъ колинъ и видійшовъ.

— Годи чортъ батька зна що потякаты!

— Ни, Романочку, не кажы такъ!—Вона лизла за нымъ навколишкахъ, чепляючись за ёго.—То жъ грихъ!.. Пидпалыты!.. Красты!.. Боже мій!.. Чы я жъ думала?.. Не пущу тебе!.. Покайся!.. Треба, Романочку, покаятися, спокутуваты свій грихъ!..

— Геть!

— Не видыхай мене!.. Мій братику! Мій риднёнъкый!.. Ты жъ мени мылымъ бувъ!.. Я жъ тебе якъ душу любыла!.. Я жъ тебе благаю!.. Та помылуй же ты себе!.. Та помылуй же ты й мене!.. И людей же! Вони жъ не вынни!.. Хыба жъ не

можна зъ иштого жыты?.. Мы будемъ працюваты, заробляты...
Я робытыму... нбчы не спатыму... Романочку!.. Ромапочку!..

И не пускала ёго колинъ зъ рукъ, дывалася на ёго знызу,
благаючи словамы, очымы, слёзамы...»

— Левантыно! Не дурій! Устань заразъ! Слухай, що я
тоби казатыму!

Вона пидвелася.

— Що ты чула,—щобъ тильки ты сама ёго
чула й бачыла. Щобъ никто бильше! Колы жъ ты хочъ однымъ
словомъ кому пробовкнешся, хочъ натякнешъ, то задавлю,
оцымы своимы рукамы тебе задавлю и крыкнуты не дамъ!

Стыснувшы кулакы, увесь трусячыся зъ гнивá, винъ стоявъ
передъ нею такый страшный, нелюдський... А іи мовъ гримъ
побывалы ти ёго слова, однималы въ неи мову, рухы...

— Чула?

— Чула...

— Гляды жъ! Або мовчы, або на свити не жытымешъ!
Шамъятай: се не жарты! Я не вмію жартуваты. Зоставайся
тутъ и сыды до завтрёго. Тикаты ве думай! Я тебе замкну и
накажу хазяинови, щобъ доглядавъ... Колы бъ тильки здумала
втекты, то винъ тебе зъяже: у ёго ключъ одъ хаты буде. Ро-
зуміешъ?

— Розумію...

— Ото жъ колы хочешь на свити жыты, то сыды ныш-
комъ. Не сыдитымешъ,—задавлю и въ ричку вкыну. Ну, маршъ
туды въ закамарокъ и не смій видтия выходты!

Слухняно пишла. Винъ зачынывъ за нею двери и зам-
кнувъ ихъ на замокъ. Самъ ище щось уязвъ и пишовъ зъ
хаты. Левантына чула, якъ винъ замкнувъ и други двери.

Прыслухалася до того, якъ пишовъ. Сыдила на лижкови
прятничена, зламана усимъ тымъ, що сталося. Чы могла жъ
вона сёго сподиватыся! Винъ, Романъ, похваляется задавыты іи!
Винъ—пропащый злодій.

Все, что было въ неи въ души гарного, ясного, кўпчылося
въ іи згадкахъ про того давнёго Романа зъ первыхъ днівъ

кохання. И винъ ростоптавъ те все немылосердною и нечыстою ногою!..

Думка знову верталася до подій сієї ночи. И що жъ се воно буде? Винъ запалить село, погорять люде, пограбують ихъ. И вона ничымъ не може запобигти лыхови!..

Вона схопилася въ мисця. Та не можна жъ такъ!.. Вона буде кричати, стукати, поки ії випустять,—тоди побіжити...

Але жъ винъ оддавъ хазяинови ключъ. Хыба жъ ії хазяинъ випустить? Ни, не такъ, а треба нышкомъ утекти.

Але жъ ії двичи замкнено!

Вона пидійшла до тоненькихъ шылевошныхъ дверей и поторсала ихъ. Зъ того боку биля ныхъ були кильця, замкнени невельзькимъ замкомъ,—се було видко, бо двери трохи видхильялись,—вона могла просунуты въ щіліву палець.

Левантына въ усiei сылы натыснула на двери плечемъ разъ, удруге, втрете, силкуючися, чы не вyrве такимъ робомъ кильця. Двери трищали, але кильця не вyrывалися. Вона спытуvala ще кильки разивъ, напружуючися що-сылы, але ничего не пособилося. Задыхана, сила знову на лижко.

Якъ бы въ неi тутъ було щось—сокира, молотокъ,—вона бъ тоди знала що зробити. Почала нышпорити по закамарку, мадаючи въ темряви руками, але не знаходила ничего. Врешти писля довгои шуканины, ажъ у далекому кутку, пидъ лижкомъ, налаапала якусь зализну ричъ. Вytягла ії на свitъ до дверей: се були стари обценъкы.

Левантына спробувала просунуты ихъ кризь двери, але вони не пролазили. Повернула тонкымъ кинцамъ и змогла зложити ихъ у кильце. Тоди почала росхитувати ёго. Робити було дуже незручно, кильце хыталось вельмы мало, але таки хыталось. Ще трохи такои роботы, и кильце вysкочилозъ дверей. Двери видчынілісь, Левантына була въ другiй хати.

Кынулась до другихъ дверей. Але си вже не на кильцяхъ замыкалися. Важки, дебели двери зачинени були щильно и замкнени мабуть на засувъ, або що. Левантына поторсала, але ничего не зрушыла ихъ.

— Буду штовхаты плечемъ,—подумала соби,—а може видхылуться хочъ трохы, щобъ просунуты обценъкы.

Почала штовхаты, силкуючись яко мога тыхше робыты. Спершу натыскала не посмишающись, але въ усієи сылы. Двери стоялы нерухомо. Почала тоди штовхаты палкише, бьючи объ двери своимы пличмы, оббываючи ихъ до сынякивъ, до кровы пидъ рукавомъ сорочки. Забула, що іи можуть почуты, и была на одчай плечыма, ливтамы, мало почувавочи въ запали биль, сама розуміочи, що се не пособляе, але не можучи покынуты, бо хочучи вырваться въ цієи тюрмы. Былася объ мицни двери, якъ пташка-невильныця бъется объ невблагани краты клиткы-тюрмы.

Брешти, знеможена, знесылена, спынилася, похыльвшиесь на ти двери, важко дыхаючи. Побыти плечы й ликти дуже болилы. Видпочывала такъ кильки часу:

Кризъ невелычке вікно бачыла, що на двори вже смеркалася. Пидішла до вікна и стала ёго оглядаты.

Шыбы булы таки маленъкі, що якъ бы выдавыты одну, то не можна булобъ пролисты, а зроблено вікно було такъ, що не видчынялося. Поламаты ёго?

Чы вона подужае те? А колы бъ и здолила, то почують же хазяй, якъ трищатыме вікно, бряжчатымутъ побыти шыбы. Почала роздывляться въ вікно на дверь и побачыла передъ собою якусь замкнену шону, чы возивню. Людей не бачыла щобъ ходылы. Але можуть поблизу ходыты, отутъ заразъ такы, то й почують іи.

А якъ бы все вікно выпхаты,—може бъ се тыхше було?

Воно було прыбыте знадвору гвіздкамы. Але гвіздкы ти давно вже поиржавили, и якъ Левантына натыснула па вікно въ одного боку, то воны поламалыся, и вікно заразъ-же почало выпираться зъ лутокъ.

— И якого тоби чорта треба?—гримнувъ пидъ вікномъ просто Левантыны сердый товстый голосъ.

Дивчына вмыть захылышася за стину и стояла вся похоловшы, тремтючы. Се жъ побачылы вже іи, се жъ хазяйнъ!

— Ходы поночи, вышукуй! Чортъ батька зна що! — казавъ той голосъ знову, и Левантына почула, якъ забрязкавъ замокъ била возивни.

— Та вона тутъ скраю заразъ и лежыть,—одповидавъ жиночый голосъ.

Левантыни полекшало: се не до неи, се мабуть хазяинъ зъ хазайкою щось изъ возивни беруть. Прыслухалася, якъ вони видимкнулы, ввійшли въ возивню, сперечуючися знайшли якусь ричъ, замкнулы и писли геть. Все знову затыхло.

Перечасувавши Левантына трохи, знову заходылася била викна. Обережно, помалу натыскаючи, вона вихытала викно зъ лутокъ такъ, що могла въ щильну просунуты руку спершу зъ одного боку, тоди зъ другого. Виняты викно и поставыты ёго на землю на двори було вже тоди лехко.

Тымъ часомъ на двори вже зовсімъ стемнило. Прыслухалася одну мыть, чы не чуты кого, и лехко й обережно вилизла зъ хаты въ дверь.

Тремтючи зъ страху, що зустрине заразъ когось, вийшла зъ хаты. Въ двори никого не було и никто не беригъ іи, бо то Романъ збрехавъ, що виддастъ влючъ хазяинови. Перейшла дверь хутко й опинилася на вулиці.

Вона биглабъ, та боялась, що іи прыпинить, догадаються, що тикає. Але писла такъ швидко, якъ могла, сylkуючись ити въ темряви вулицу, и незабаромъ була за мистомъ.

Спинилася на хвилыну передыхнути и побигла по дорози до Дыбливъ. Пробигла верстовъ зд дви.

И вразъ думка одна прыпинила іи: та й вони же цимъ шляхомъ итимуть. Що, якъ важенуть іи? А що якъ вони вже попередъ неи? Що, якъ вона спизнилася?

Вона знала іншу дорогу: черезъ лисъ, тоди черезъ байракъ. Ся дорога була корочча дуже, але туды никто не йиздывъ, бо не було шляху, тильки ходылы люде вузенькою стежкою. Левантына тежъ нею ходыла, але вдень, зъ людьми, а теперъ... Ити вночи лисомъ—се було занадто страшно.

А йты тутъ, то зновъ: або вона спизнѣться, або іі воженуть, Романъ піймае іі,—и що тоди буде?

Глянула ливоручъ,—тамъ лисъ чорнивъ темною похмурою хмарою на кинци неба. Збочыла зъ шляху и побигла туды.

Поки бигла полемъ,—було ничего. Але якъ пидійшла до сёго, вночы такого понурого, лису, обявівъ іі страхъ. Вона знала куды йты, вона стояла на початку стежки, але ця стежка втопала въ таку чорну й страшну темряву, що въ бидной Левантыни стысгалася передъ нею серце.

Але вагалася не довго. Перехрестылася и вступыла въ лисъ.

Тутъ уже не бигла, бо разъ, що втомилася, а вдруге, що боялася збиты зъ тропы й зблукатися. Але йшла швидко поміжъ величезными стовбурами старого лису. Зридка тильки розрвалося вгори посплутуване гилле, и тоди видко було іі клаптикъ неба зъ двома-трёма зирками. Зважылась не дывитися на бикъ, не прыслухатися, а все йты, йты...

Але очы не саможити зазиралы иноди вбикъ, уха ловили таемнычий голось великого лису. А винъ озвывався тыхыми шептами, шелестами й зитханнями, и коженъ такий згукъ одбывався голосно, гостро въ напруженому вуси бидолашної дивчыны.

Вона все йшла. Осинъ уже струсyла зъ деревъ частыну ихъ літнёго вірання и насыпала на землю мякій кылымъ мертвого листя. Левантыни добре було ступаты по стежци, хочъ вона часто боляче была свои боси ноги объ невидне іі коринне. Та вона на те не зважала и все йшла.

Часомъ передъ очыма мріялъсь якись чорни величезни постати, часомъ іі здавалося, що отъ-отъ засвітуються передъ нею. два свички вовчыхъ очей... Вона тоди заплющувала свои очы...

Вона часто ходыла въ цей лисъ зъ дивчатами по ягоды, якъ жыла въ наймахъ у близькому виду лису сели, и добре ёго знала. Колы бъ не се, то зблукалася бы давно.

Врешти ій здалося, що вже підходить до краю. Тоді, сама не знаючи черезъ що, вразъ винулася бигти, розбиваючи до крові ноги, обдряпуючи соби гилкамы руки, облычче. Бигла, бо гнавъ іи великий страхъ,—ажъ поки вискочила на поле. Втомлена впала на землю и трохи полежала, видпочиваючи. Але не довго. Зирвалась и пишла знову. Та не пишла вже черезъ байракъ, а збочила праворучъ и вийшла знову на шляхъ. Се було трохи дази, але жъ байракъ бувъ ій ще страшнишій за лісъ.

Ноги починали дуже болити, але вона не смила спынитися. Кожна хвильна вгайви могла занапастити всю справу. Треба йти и хочъ трохи, тыхше. Скильки ще ій зосталося? Верстовъ чотири?

Ішла... Щось замрило ливоручъ. Оде-жъ и байракъ підъ Дыбламы. Ще верства, и вона въ сели.

Що се?

Темне осинне небо захеврило зкраю, тамъ, надъ селомъ. Се мисяць виходить? Эге, мабуть мисяць... Такъ ни жъ бо, мисяць не звидтия сходить... Усе бильше и бильше... Богнани пасма вибываються вгору, стриляють по небу. Пожежа!..

Левантына скрыкнула якъ несамовита и побигла назустрічъ страшному червоному промітту...

V.

Ярошъ таки трохи боявся тієї штуки, що выгадавъ Романъ. Дыбляне стали вже таки зли на коноводивъ и такъ ихъ пильнували, що було небезпечно такъ скоро туды потыкатися. Але Патроклови Хвыгурковському та и усёму товариству до вподоби припала тая выгадка. Патрокль, трохи выпивши зъ вечора, всю дорогу, поки йшли до Дыбливъ, бувъ страшенно веселый, смишивъ товаришівъ своїми жартами и лайками и все зачинавъ похмурого чогось отамана. Але той мовчавъ на всі єго выгадки. Подилилися вони такъ: Ярошъ зъ Патрок-

ломъ та зъ Лукашемъ въ одному гурти силы въ ярку, чыгаючи на трое коней Панасовыхъ Гамановыхъ, а Кучма зъ однимъ хлонцемъ заховався биля млына, взявшы на свій пай пару Седренковыхъ. Романъ, пидпалывши, повыненъ бувъ заразъ-же тикаты въ гродъ.

Трёмъ у яру було дуже добре сидиты, бо не выдко було ихъ никому, але воны бачылы той шпыль, де мала буты Струкова клуя и звидкы Романъ повыненъ податы имъ свое вогнёве гасло. Хочъ отаманъ и не дозволявъ розмовляты, але въ голови въ Патрокла ще гуло видъ горилухы, то й языкъ у ёго ніякъ не хотивъ одпочываты, а все шепотивъ щось до Лукаша. Той шырхавъ зо смиху, а розлютованый Ярошъ нарешти не вытримавъ:

— Отъ якъ дамъ тоби шкворинемъ поб-голови, то ты швыдко змовкнешъ!—прошепотивъ винъ, штовхнувши тымъ шкворинемъ парубка въ бикъ.

Тоди обыдва замовкы, знаючи добре, що зъ отаманомъ не завсигды можна жартуваты, бо часомъ заробыши за жарты такого, що й до вику згадуватымешъ.

Вси сидили мовчкы, вступывши очы въ той бикъ, звидкиля дожыдались ознакы.

Сидючи такъ довгенько, помититы врешти, що имъ стало выдко далеки вербы на почервонилому неби. И незабаромъ жаркѣ полумъе вдарыло вгору, осиваючи куны сонныхъ хатъ и деревъ. Скризъ по селу загаласувалы, забигали люде, загавкалы собаки. Спершу крыки й тупотняву чуты було й поблизу, але згодомъ усе вщухло тутъ, и тильки тамъ, де ясно шугало вгору полумъе, чуты було невгавный поплутаный галасъ людського стовпыша. Коноводы зрозумили, що люде зъ близькихъ до краю вулыць уже побиглы на пожежу.

— А ну лышъ!—промовывъ тыхо Ярошъ.—Та швыдко!..

Мало не бижучы, перейшли невельчкый клапотъ выгону видъ яру до першихъ хатъ. По ливій перій третя хата скраю— Панасъ Гаманъ.

Швидко й мовчкы ввійшли въ покинуті видчывенныи ворота, вступыли въ дверь. Велика повитка зъ киньми була передъ ними. Въ двори никого не было, тильки собака выскочила зъ підъ хаты и кинулась, загарчавши, просто на Яроша. Винъ убивъ іи за однімъ махомъ, розвивши ій голову шкворинемъ. За одну хвільну винъ своею дужою рукою, заложивши за прыбои шкворинъ, одирвавъ ихъ и киніця видчывилася. Лукашъ изъ Патрокломъ убиглы въ середину и не довго барылься, вывивши троє коней. Скочылы на ихъ и булы всі вже за воритмы.

— А ну прыпustы!—сказавъ отаманъ.

Але въ сю мыть сталося несподиване.

Четверо людей вийздило верхы зъ поля въ вулыцю. Се noctlijanе, побачивши зъ лукы пожежу, кинулись у село.

— Хто йиде?—гукнувъ передній.

Ярошъ ударывъ свого коня, и трь злодіі мовчкы проскочылы прозъ noctlijanъ. Ти не видразу розибрали що це, а зрозумивши, погналы за ими слідкомъ, гукаючи:

— Ловы!.. злодіі!.. коноводы!..

Ярошъ бывъ коня бевъ жалю шкворинемъ, а Лукашъ та Патрокль шмагалы своихъ нагаямы. Кони биглы зъ усієи сильи. Але відко було, що въ noctlijanъ кони краци, чы не таки потомлени. Вони насидалы на шыю коноводамъ, ось-ось наздоганялы ихъ. Ярошъ озыриувся й побачивъ, що даремна ричъ утикаты. Треба було іншымъ робомъ ратуватися.

— Пускай кони!.. самы—въ яръ!—крыкнувъ до товаришивъ

Саме добигалы до яру. Стрыбнулы на одчай душы до-долу. Кони порснулы въ поле, а за ними й noctlijanе.

Тroe коноводивъ попадалы на землю трохы не пидъ копыта конямъ, та, на ихъ щасте, тильки Лукаша зачепивъ кинь заднимъ копытомъ. Попадалы саме надъ краемъ и, не встаючи, не можучы вдержатися, покотылься внызвъ у яръ. Та имъ сёго й треба було. Спинялыся ажъ на дни и заразъ же посхоплювались на ноги. Не чулы, що й забылься, хочъ гуп-

иувся коженъ здорово. Але булы цили, ничего не поламалы соби.

— Яромъ дали!—звеливъ Ярошъ.

Побиглы яромъ и думалы бижучы, що кудысь же той яръ выходыть, то туды й воны выйдутъ. Пробигшы чымало, почулы, що въ ихъ пидъ ногамы вже не земля, а каминне. Яръ выжчавъ, глыбшавъ и вразъ воны опынылыся въ явійсь камъяній ями, а передъ нымы стримко й, высоко, якъ кручи, стоялы камъяни стини глыбокого яру, и ніде не було выходу.

Задыхани втикачи спынылыся.

Воны піймалыся въ пастку, не знаочы сёго проклятого зрадного яру.

— Назадъ! Может ще встыгнемо выхопытыся!—крикнувъ Ярошъ.

И вси трое повернулы назадъ и побиглы скильки сылы. Не перебиглы й половыны яру, ажъ передъ нымы зачорнило кильки верхивнихъ и людськихъ постативъ пишо. Се двое вочлижанъ, побачывшы, що коноводы вскочылы въ яръ, покынулы гнатыся за киньмы, лышаочы ихъ двомъ своимъ товарышамъ, и вернулыся до яру. До ихъ тымъ часомъ набигло кильки чоловика въ села, почувши ихъ гуканне, бо увесь часъ воны ве покыдалы лементуваты, склыкаючы людей.

Не сподиваючыся того, коноводы такъ и наскочылы на ихъ у темряви.

— Бый! бый! воны!..—загукано вразъ, и кильки кійкивъ гупнуло по плечахъ и по рукахъ коноводамъ. Воны видскочылы назадъ, повернулысь и, якъ захоплени въ суточкахъ звиры, не знаочы вже зъ одчаю що робыты, побиглы видъ ворогивъ зновъ туды, въ камъяній кутокъ яру.

Теперь селяне булы певни, що воны видъ ихъ не втечутъ. Въ цёму яру панъ бывъ колись каминъ на свою камъяныцю та й выбывъ оту глыбоку яму зъ кручуватымы стинамы. Звидты вже не выскочыши.

Галасуючы, побиглы вси слідкомъ за коноводами.

А ти вскочылы зновъ у ту яму и постали нерухомо, щобъ хочь передыхнуты.

— Отъ колы такъ пропалы! — промовывъ Лукашъ.

— Ну, ты! патякай!.. — вызвирывъ на ёго Ярошъ.

Хмары розійшлися и зъ-за ныхъ вызыраувъ мисаць, осяваючи все навкругы. Втикачи булы середъ набытого дрибного й великого каминя. Деяке було поскладане сажнямы, деяке згорнене просто купамы. Въ одному мисци, мало не била само стини, каминне було наложене стовпомъ сажнивъ на пивтора. Патрокль глянувъ на ёго.

— Берить каминне, накыдайте, щобъ можна було злисты на це! — скомандувавъ винъ.

— На що? — спытавъ Лукашъ.

— Стультиуска чортивъ! Бери швидче! — и винъ загрибъ своимы лапыщамы цилу купу каминя и потагъ до стовпа, мурующы тамъ немовъ схидци. Лукашъ пособлявъ ёму.

Та тильки почалы робыты, а вже дыбляне набиглы, махаючи кійкамы й ломакамы та гукаючи:

— А, бисовы шкуродеры, попалысь!..

Биглы просто на коноводивъ. Имъ не видко було за стовпомъ що робылы Патрокль та Лукашъ, але воны бачылы Яроша. Вытягши зъ халавы великого ножа, винъ державъ ёго въ ливій руци, а въ правій бувъ на поготови зализный шкворинъ. И якъ селяне, зъ разгону набигши, булы видъ ёго за трь-четыри ступни, винъ скрыкнувъ, стрыбнувъ напередъ и вдарывъ передніго своею простою, але въ ёго рукахъ страшною зброю. Чоловикъ ойкнувъ, захытався... Ярошъ одскочывъ. Селяне тежъ на мыть подалысь назадъ, одбиглы, але заразъ же скаменуясь.

— Дакъ вы такъ! — загукалы розлютовани. — Бый ихъ! Бый на смерть!..

И воны вынулись зновъ съ пиднятыми вгору кійкамы.

— А, падлюки, псы! — ревнувъ страшный Патрокливъ басъ, и ту-же мыть здоровезна постать выскочыла попередъ Яроша, широко розмахнулася рукою и пошпурила важку каминюку.

Однъ зъ селянъ скрыкнувъ, ухопывшия рукамы за жывитъ, та такъ и сиѣ на землю.

— Разъ! — ревнувъ Патрокль. — А оце вамъ два! — Нова каминюка прымусыла селянъ одбигты ще дали.

— Назадъ, канисы кудохвосты, бо и ребра й зубы вамъ сокрушу! — гукавъ Патрокль. — Беры й ты, отамане! Чого стоишъ дурно?

Ярошъ и соби жбурнувъ каминюку, але заразъ-же скрыкнувъ:

— Бережысь!

Ледви встыглы заховатыся за каминне, бо селяне кынулы на ихъ кійкамы й ломакамы. Луснулы й затрищалы объ камъянни купы кійки, роскыдаочы дрибне каминне, але шкоды коново-дамъ не зробылы ніакои.

— Кыдайте! чортъ васъ беры! Вашымъ ломаччемъ вамъ же й гдоловы порозбываємо, — гукавъ на своихъ ворогивъ Патрокль.

Хмара знову набигла на мисаць. Потемнило вразъ. Селянамъ стало зовсімъ не видко коноводивъ. Певни булы, що ти не втечутъ зъ глыбокой ямы, але не моглы добраты розуму якъ ихъ узяты. Зналы й бачылы, що коноводы, не сподиваючысь мылосердя, боронытымуться до загыну, и двохъ селянъ добре вже було вдарено каминнемъ, а третій бувъ увесь у кровы писля Ярошевого шкворища. Кынутыся на ихъ у темряви, да��ъ ще й гиршого добудешъ.

— Побигты въ село по рушныцю та й постріляти ихъ! — радывъ хтось.

— Уцилишъ у темряви!

— А хочъ и вцилишъ, да��ъ на Сибирь пидешъ. Треба жывцемъ узяты та даты такого гарту, щобъ острогъ ихъ живыми вяявъ, та живыми не выпустывъ.

— Даڪъ пидождемо до свиту.

— А тамъ село горыть!

— То не зъ нашого краю.

— А тамъ и до насъ діде, якъ не погасють.

— Витру нема.

Врешти наважылысь послати парубка верхы на село, щобъ подывывсь якъ тамъ пожежа, а колы можна, то ѹе й людей на помичъ поклыхавъ. Шевни булы, шо пожежа до ихъ хатъ не дійде, и малы вартуваты до ранку: по выдному зручнише буде браты.

Ледви парубокъ побигъ, колы вразъ одна каминюка, друга, третя гупнула поблизу селянь.

— Чы ты ба! знову кыдають чорты!

— Хай кыдають,—сюды не сягнуть.

А каминне все гупало. Никого, шо правда, не зачинало, але все падало...

А це коивъ Патрокль.

Покы ото мужыки радылыса, и коноводы не гаяллы по дурному часу и наскладалы цили схидци вгору на камъяный стовпъ.

— А ну скочъ, хлопче, на каминне,—звеливъ Лукашеви Патрокль,—чи сягнешь рукою ажъ на гору, до берега!

Лукашъ скочывъ.

— Зъ аршынъ не стае.

— Дурныця! Нà каминня, беры, муруй тамъ!.. Ни, не такъ! Ты, Яроше, подавай ёму каминне, а я шпурлятыму на той плебсъ свынячый, щобъ не помитывъ нашои роботы.

И ото почалася кыданына. Патрокль зовсимъ не смыкався влучаючи, та й не мигъ бы сёго зробыты, бо селяне стоялы досыть далеко и було темно. Ёму не того й треба було: винъ кыдавъ, абы ти зналы, шо воны въ ями, и думалы, шо воны тильки те й роблють, шо каминне кыдають. Швыргавъ и до кожного разу додававъ словами:

— Оце тоби галушка у твій свынячый ротъ! Що? подавывся?—А оце тоби крашанка межы очи въ лобъ,—бодай тоби зъ ёго твои чортови слипакы повылазылы!—Маєте ще, азинусы,—ось!..

— Готово!—озвавсь Лукашъ стыха.

— На гору, братця!.. Та ждить мене тамъ,—я заразъ.

И вхопывши два здоровенни каминюки, Патроклъ выскочивъ зъ ямы, надбигъ у темряви блыжче до своихъ ворогивъ и кынувъ одну каминюку за другою. И мабуть когось улучывъ, бо середъ селянъ крыкнуто. Патроклъ засміявся, мурчачы соби стыха:

— Що? до смаку прыпала? Ну, грызить соби на здоровле, цуцыкы слыняви! Не выскалуйте зубивъ, люпусы задрипани, бо не вкусыте!

Мурмотавъ и вылезывъ на гору.

— Огамане?

— Тутъ.

— Гайда!

Але въ сю мыть хмари знову розирвалися, и зрадливый мисяць сяйнувъ на втикачивъ. Крыкъ счынывся середъ селянъ.

— Тикаютъ! тикаютъ! Ловы!..

Полемъ затупотило тры пары моторныхъ нигъ, а слидкомъ за втикачами, выдыраючыся зъ яру на гору, кынувся гуртъ селянъ....

VI.

Стручыси не спалося. То думки всяки розганиялы сонъ, то блохи напосидалыся. Вона крутылася по полу, штовхала чоловика, сердючыся, що винъ такъ спыть, ажъ хроне. Уже вона передумала й те, скилькы въ ихъ хлиба на сей рикъ буде, и скилькы полотна вытчется зъ того прядыва, що натипала, и догадувалася, яке тела прыведе іи влюбленыця Лыска. Уже іи почынала знову дратуваты вchorашня сварка зъ зызоокую Юхымыхою и вона жалила, що не встыгла усёго ій выказаты... Сáме на цёму на двори загавкала собака.

— Чого се Шарка гавкае? — подумала Стручыха. — Вона по дурному николы не гавкае.

Хочъ Шарка гавкала звычайно по багато разивъ на ничъ, абы зачула, що десь озвалыся собакы, та Стручыси

кортило збудыты чоловика, и вона почала штовхаты ёго въ бикъ.

— Мусю! Мусю! Чы ты чуешъ?

Мусій ничего не чувъ и черезъ те не озвавася. Се вже зовсімъ росердило Стручыху. Вона торсонула ёго такъ, що мусивъ почуты.

— Одчепись, Охриме, не замай мене! — пробубнивъ зъ просьоння Струкъ.

— Який я тоби Охримъ? Уставай, бисова сонюго! Чы не чуешъ хыба, якъ Шарка гавкае? — и вона такъ ёго стусонула въ ребра, що винъ ажъ скочився.

— Га? Що? що тамъ таке?

— Шарка гавкае.

— Що?

— Шарка гавкае, я тоби кажу.

— Гавкае, кажешь?

— Ажъ залывается.

— Добра собака!.. Нехай же гавкае, спасыби ій!..

И впавъ сонный.

— Це мени лыхо, а не чоловикъ! Тильки бъ спавъ, а нема того, щобъ свого добра доглянути! Це не хазяинъ, а якась колода, якась сплюга ошивнична!.. Та ёго й ломакою не зведешъ, якъ розиспяться!..

А Шарка тымъ часомъ гавкала дужче, и Стручыха вже й справди почывала цикавытыся нею. Не диждавшися Мусія, вона, якъ була боса й роздягнена, такъ и выскочила зъ хаты.

Въ двори не було никого. Побачивши хазяйку, Шарка загавкала ще дужче и побигла до перелазу на тикъ. Стручыха й соби за нею. Шарка зип'ялася на перелазъ и гавкала туды. Стручыха зазирнула на тикъ. И тамъ никого. Скырти хлиба чорнили середъ току якъ и попереду, за ими клуня вытикалася своимъ верхомъ. И видразу Стручыси здалося, що тамъ зъ-за скыртивъ, коло клуни, чы що, блыснувъ якысь дгњукъ... Сирникъ може хто засвityвъ, або що...

— Злодій хлібъ крадуть! — подумала жінка и прожогомъ ускочила въ хату.

— Вставай, проклятый лежню! Злодій!..

Вона вхопила чоловика за ноги и въ одынь ментъ истягla ёго мало не зовсімъ зъ полу. Винъ уразъ проکинувся зъ та-кої нисподиванки.

— Тю, дурна! Чого ты?

— Злодій хлібъ крадуть.

— Ну?! — винъ такъ и похолосъ.

— Чого ставъ? Біжы швидче!

Вони вискочыли вдвохъ зъ хаты и винулися до перелазу.

Замісто злодіївъ вони побачыли на току вогонь. Теперъ уже видно було, якъ винъ вибувався зъ пидъ стрихи и червоними пасмами бигъ по соломъяній клуни.

— Ратуйте, люде добри!.. Пожежа!.. — кривнувъ Струкъ и винувся на тикъ. Але заразъ же заплутався у якісь хмизъ и впавъ. Устаючи, винъ чувъ, якъ ёго жінка гукала вже въ Сывашевому двори: „Ратуйте!“ и грюкала въ вікно, ажъ шыбки бражчали. Потимъ побигла по вулиці, стукаючи въ вікна й кричучи:

— Ратуйте!.. Горымо!.. Ратуйте!..

Струкъ тымъ часомъ пидбигъ до клуни. Увесь задній ригъ і вже горивъ, полахкаючи полумъемъ та дымомъ. Вже ажъ пидбигши до полумъя, Струкъ зрозумивъ, що не може нічого зробити, бо прыбигъ зъ порожнimi руками. Метнувшись назадъ по воду. Вхопивъ у хати видра, збудивъ дочку й наймычку, що спали въ синахъ.

Тымъ часомъ Денись та Зинько, проکинувшися видъ Струченого грюкоту й крику, повискаювали зъ хаты. Зирнувші на тикъ, вони побачили на своїй клуни одсвіть одъ Струкової пожежи и подумали спершу, що горить ихъ власна клуня. Але надбигши до половины току, побачили, що помылилися: садки Сывашівъ та Струківъ, що були міжъ двома клунями, видно було наскризь отъ пожежи на току въ сусиды. Похапавши видра зъ водою, брати винулися до Струка.

Прыбиглы на пожежу разомъ зъ нымъ и выхлюпнулы на вогонь вси трое по видру воды. Бухнуло вгору дымомъ, але за мыть вогонь загравъ ще дужче, ясно осяваючи тикъ, дворы, вулыцю. Провулкомъ, вулыцею й городамы вже скризь збигався народъ, збудивши ся видъ Стручышного лементу. Бильша частына бигла зъ видрамы, хто зъ сокирою, а хто й зъ порожними руками. Почався крыкъ, плачъ, метушна. Де хто метшувся по пожарку. Стручыха бигала й голосыла. Сгрукъ ходывъ одъ чоловика до чоловика й благавъ:

— Люде добри, поратуйте! Тамъ же мій хлібъ!.. И на току хлибы!.. Мы жъ у старци пидемо!..

Але що моглы зробити си люде? Бигалы, носилы видрамы воду, хлюпалы на вогонь, а винъ горивъ усе дужче. Суха солома, якъ порохъ, бралася вразъ огнемъ, скоро винъ до неї доторкався. Пожарки все не було.

Тымъ часомъ Денысь кинувъ гасыты, бо вже й безъ ёго народу товнилось багато, та й сипнувъ свата Манойла за рукавъ:

— Треба паліивъ шукати. Це немынуче пидпалъ.

Горило такъ ясно, що скризь було видко якъ у-день. Вони почали дывитися, чы не видко де слидивъ. Биля самой клуни вже ничего не можна було розибрать, бо скризь позатоптували люде. Вони видійшли трохи дали—Денысь до горбдивъ на нызъ, а сватъ Манойло до садка—и почали прыдывлятися.

— Ось! ось!—крыкнувъ уразъ Манойло.

Денысь пидбигъ до ёго. На сырій видъ осиньои вахкосты земли выразно вытыскалися слиди пары городянськихъ чобить на крывый копиль, зъ высокыми корками.

У Деныса й очы засвітилися, якъ винъ побачивъ ихъ. Винъ побигъ до-дому и прынисъ лыхтаръ. Пыльнуючи слиду, пишлы за имъ ажъ до перелазу въ Струкивъ садокъ. Зазирнулы черезъ перелазъ—слидъ и тамъ. Денысь, поспишаючись, перескочивъ черезъ перелазъ, вони перешли увесь Струкивъ садокъ, тоди Сывашивъ и врешти перелизлы на Сывашивъ тикъ. Слиць йшовъ черезъ тикъ наче до воритъ, що булы зъ току

въ провулокъ, але тоди выразно завертаў до Сывашевои клуны, обходыў іи кругомъ и зныкаў передъ воритымы въ неи. Въ клуни хлиба вже не було, вона була незамкнена, але Денысъ добрэ памъятаў, што винъ замісто замка заложыў килокъ. Теперъ килочокъ було вытягнено, выдко було що ворота видчынювано.

— Бачыте?—пошыпкы казавъ Денысъ.—Винъ тутъ. Хотивъ утекты воритымы въ провулокъ, та мабуть або нась изъ Зинькомъ на току побачыў, або вже люде провулкомъ биглы, даць винъ завернуўся та сюды й скованався. Я постою тутъ, а вы бижить людей клычте.

Манойло побигъ, а Денысъ накынуў знову ворота и заложыў килкомъ. Винъ бувъ цилкомъ певный, што піймавъ злодія, и боявся, щобъ той, одразу выхопыўши, не втикъ у ёго зъ рукъ.

Манойло повернуўся незабаромъ, ведучи за собою чоловіка п'ять людей.

— А що? де? якъ?—пыталися вси.

— Тутъ вовчыкъ! Піймався!—казавъ Денысъ.—Увиходьте обережно, щобъ не выскочыў.

Не дуже видчыняючи ворота, вси поввиходылы и знову ихъ зачыннылы. Тоди почали обдывлятися скрізь у клуни. Никого не було выдко.

— Шукайте въ соломи!—сказавъ Денысъ.—Світить лышъ!

Почали роскыдати солому, топтаться по ій,—никого не було.

— Що за знакъ? здывувалыся люде.—Отъ же чы не помылывся ты, Деныс?

Але Денысъ певный бувъ, што не помылывся.

— А отъ ходить туды!—сказавъ винъ и повивъ людей у найдальший кутокъ, де такожъ лежала купа соломы. Манойло прысвітывъ, а Денысъ одкынуў верхній шаръ соломы. Передъ шукачамы зачорнила людська спына й голова. Чоловікъ лежавъ ныць, урывши въ солому, скованы облычче въ руки.

— А ну лышь уставай! — крыкнувъ Денысъ и вдаривъ не-видомого чоботомъ у бикъ.

Той здригнувся, але не вставъ.

— Треба ёго звесты, — сказавъ Тонконоженко и вдвохъ изъ Денысомъ ухопывъ человека пидъ груды, зводючи ёго на ноги. Невидомый не пручався, але й не встававъ, а бувъ здоровый, и воны вдвохъ ледви здужали поставыты ёго. Винъ стоявъ, але не видтулявъ видъ облычча рукъ.

— Чы ба! неначе дивка на сватанни, — засоромыvся! — сказавъ Денысъ. — А ну бо покажиться панычу, яки вы есть!

И винъ вразъ ирвонувъ ёму руки видъ облычча.

Тоди видстуцывъ ураженый: передъ имъ стоявъ Романъ.

— Э-ге-ге! та се Романъ! — скрыкнувъ Манойло, а за имъ и иинши люде. — Дакъ онъ хто! Ну, вовчыку-братику, теперъ попався!

— Чого вы до мене прыченылъсь? — озвався Романъ хрыпкымъ голосомъ, дывлячися несамовитымъ поглядомъ. — Що я вамъ изробивъ? Я вичого не знаю... Я прыйшовъ у село и тутъ хотивъ заночуваты...

— Добре! добре! Колы ты не знаешъ, то мы тоби покажемо, що ты зробивъ. Ходимъ лышь!

Кильки руки ухопыло ёго мицно и потягло зъ клуни до пожежы.

Винъ не пручався, йшовъ, перелазывъ черезъ перелазы, але часомъ казавъ:

— Пустить мене до батька... Я прыйшовъ до батька и заночувавъ у клуни...

— Эге! — глузували зъ ёго, — бувъ бы жъ у хату йшовъ, а не въ клуню!.. Колы за батька озвався!.. А то такъ не зная, чы е въ ёго батько.

Якъ воны пидводылы Романа до пожежы, то вже всю клуню обнимавъ огонь и вона палахкотила до темного неба величезнымъ огнянымъ стовпомъ. Маленька пожарка брызкала на неи тоненъкою течійкою воды, и та вода, ничего не погасывши, заразъ же бралася парою и зникала, вкупи зъ дымомъ у по-

витри. Кильки душъ чеплялы двома гакамы за клуню, сълкуючыся іи ростягты, але ничего не пособлялося, бо сухе пересыпане соломою дерево горило, упавши купою на землю.

— Бережься! Бережься!..—роскошылся середъ стовыща перелякани голосы.

Пидгорили кроквы затрищали зъ одного боку, вся покривля вразъ скрывалася на бикъ, посунулась однимъ прычилкомъ унызъ, спыналася на хвилыну, потимъ страшенно затрищала зъ другихъ бокивъ и провалылась на нызъ, у середыну, розвавлявши стины стодоли. Бухнувъ дымъ чорною хмарою, покрывающы собою й полумъя; на вси бокы повіяло ряснымъ дощемъ величезныхъ искоръ, шматкивъ горючои соломы, розыдающы ихъ на людей и по за людей. Стовыще опынилося середъ завирюхы дыму й искоръ, залементувало, закрычало й шарахнуло видъ клуни геть. Але полуумъя вже знову звялося високо, жарко лыжучы чорни челюсты вночышнёго темного неба. Дымъ розвявся, и люде знову насунулы бlyжче, галасуючы, клопочучысь и ничего путнёго не роблючы, безсыли щось изробыты. Въ цю мыть по-задъ ихъ загукано:

— Пустить! Пустить!.. Палія ведемо.

И прозыкаючыся по мижъ натовпомъ, купка лыдей вытягла Романа ажъ до самого вогню.

— Хто се?.. Хто?.. Романъ!.. Сывашенко Романъ!—почувся крыкъ, и люде, зацикавлени й разютовани, насували бlyжче, щобъ подмытытыся на зложиця. Тонконоженко зъ Манойломъ поставылы Романа саме передъ огнемъ. Старый, увесь сывый, дидъ Карпо стоявъ передъ Романомъ.

— Романе!—сказавъ винъ, показуючы на пожежу,—чытвій то грихъ?

— Ни.

— А хто жъ бы то зробивъ, колы бъ не ты? Прознайся, твій то грихъ?

— Ни.

Вразъ, зовсимъ зъ другого боку, почулыся якись крыкы и скудовченый, задыханный чоловикъ выбигъ на передъ, репетуючы:

— Кони поведено!.. Кони!..

— Кони?.. Яки кони? Шо ты кажеши?—озвалось навкругы.

— Троє коней... У Панаса... Вывелы та й подалысь...

Наши побиглы верхы навздогинъ.

Люде на мыть затыхлы. Тоди мовъ бура вдарыла своимъ дужымъ крыломъ по хвыляхъ, и заревлы воны, зашумилы,— такъ у-разъ озвалось, загаласувало, зементувало, лютуючи, стовпыше:

— Даць онъ воно що!.. Одынъ палить, а други тымъ часомъ кони ведуть!.. Убыть ёго!.. Якъ собаку!..

Розлютована юрма насукала на Романа, а двое здоровеныхъ чоловикивъ мицно держало ёго. Червони видъ полумъя облычча, повырачувани страшни очы, стыснены въ кулакъ руки... ше мыть—и кынулышь бы вси, щобъ розирваты того, кто теперь не мавъ уже сылы ни шкодыты, ни боронытыся.

Але дидъ Карпо, махнувъ рукою:

— Стрывайте, стрывайте!—гукнувъ на людей.

На мыть уси спынылыся, а винъ знову почавъ пытаты Романа.

— Романе! Прзынайсь хочъ теперь! Твоє се дило?

Романъ одну мыть мовчавъ... Якъ бlyскавка швидка, промайнула въ ёго въ голови думка: Выявылосъ!.. Колы признаеться,—може не катуватымуть. И винъ промовывъ хрыпкымъ здавленнымъ голосомъ:

— Мое... Выненъ...

И вразъ учмылося щось незрозумиле й несподиване, щось безъ мири не людське.

Натовпъ знову сколыхнувся, залементувавъ, завывъ... Десятки рукъ простяглыся до Романа, вырвалы ёго въ тыхъ, кто державъ, и штовхнулы, мало не кынулы ёго туды, прссто въ полумъе.

Чоловикъ пирнувъ въ огонь, щезъ у ёму, и тильки страшный крикъ озвався звидтиля.

Але за мыть винъ уже высочывъ назадъ, дымлючы, тліючи одежею, волоссемъ.

Але стривъ передъ собою несамовити по-звирячому люти облычча, и дужи немынучи руки знову кышулы ёго въ пекло.

Винъ такъ саме выскочишъ удруге. Винъ уже горивъ.

— Скажени! Що вы робыте?—скрыкнувъ Карло и, вхопивши видро воды, вылывъ на Романа. Одежа цогасла, тильки дымила.

Бездласный стоявъ и трусывся зъ болю, зъ нелюдського страху.

— И правда,—озавася хось,—на що ёго палыть? Тильки одвичать будемо.

— А що жъ, помылувати ёго, чы якъ?—крычали инши.

— Намъ треба, щобъ винъ свое товарыство выказавъ, щобъ гниздо вовче выдушиты.

— Правда! Правда!

— Ну даекъ чого жъ вы дывытысь? Розуйте паныча гарненько та цогрійте ёму панськи нижки—поки прызнаеться.

Ще порадыкъ не доказавъ до краю, а вже въ Романа стягнено обгорили чоботы, хтось разгребъ купу жару. Четверо людей ухопыло недогорилого чоловика и поставыло босымы ногамы на жарь. Мордованный пручався, одбывався, зывався якъ вужъ у рукахъ у своихъ ворогивъ, але въ натовпу була бильша сила, нижъ у ёго самого. И въ той часъ, якъ ногы ёму горили, ёго страшны зъ муки очы бачылы передъ себе спокійну Денисову постать...

— Прызнавайся! Ты попереду кравъ кони?

— Я.

— Хто въ тебе товарыши булы?

— Я самъ! Все, що у вась було попереду крадене, все то я самъ!.. Всё!.. Никого товарышивъ не було!.. Пустить мене!.. Пустить!..

Те страшне „Пустить!“ покотылося далеко, и ёго почувъ Зинько. Такъ трапылося, що винъ саме въ цей часъ бувъ далеко,—то коло хаты, то биля стогивъ, укрываючи ихъ мокрыми ряднамы, и ничего не знаявъ про Романа. Почувши теперъ те

нелюдське „Пустить!“, винъ кынувся кризъ натовпъ, роскыдающы, веляючы людей.

Романъ, босымы ногамы на жару бывся въ рукахъ у своихъ кативъ, а Денысъ стоявъ противъ ёго и мовчы дывывся.

Однимъ скокомъ Зинько штовхновъ двохъ одъ Романа, а двое другихъ, въ несподиванки, пустылы мордованого зъ рукъ. Винъ выскочывъ зъ жару.

— Кaine проклятый! — крикнувъ Зинько на Деныса, — брата вбываешъ! А вы, дошогубы! — повернувшись до людей, — катюги! Що вы робыте? Чы вы забулы Бога й совисть? Геть, звиры люти, бо иершого, что ёго займе, я самого кыну въ полумъе!

Вражене стовпыще на мыть прытыхло. Але тильки на мыть.

— Що вы ёго слухаете? Такого вовдюгу жалиты? Печить, покы выкаже всихъ!

И зновъ штовхнулы Романа, и винъ упавъ рукамы просто на жаръ...

И вразъ стовпыще мовъ разбылось на двоє, пропускаючи когось, кто быгъ сюды, мовъ ёго гнала якасъ надмирна сыла. Дивчына задыхана, зъ розмаяннымъ одъ довгого й швидкого бигу волоссемъ, выскочыла передъ пожежу... Романъ пидводясь зъ огню... Дыки очы, зминене тяжкымъ болемъ облычче, почернила голова й руки, си страшни попечени, пошмугляни въ боротьби кривави руки, а зъ ихъ высила обгорила шкура...

Голосъ вырвався зъ грудей зъ надлюдською силою, покрываючи и гоминъ стовпыша, и гуготъ пожежы однимъ несамовитымъ, божевильнымъ крыкомъ, и дивчына впала якъ мертваго долу, пидъ ногы стовпышеви.

. ЭПИЛОГЪ.

Тroe суддивъ, прокуроръ судовый и секретарь посидали за довгий стілъ, покрытый червонымъ сукномъ. Ливоручъ одъ ихъ, на двохъ мякихъ канапахъ, сидилы прысяжни. Просто суддивъ, за ба-

ріеромъ, посила публика, кильки панночокъ и павій, що, не вдовольняючися зъ эротично-патологичныхъ друкованыхъ повистей, прыйшли, чы не пощасть послухати ще кращихъ зъ жывыхъ устъ на суди; двое-трое панычівъ, якійсь репортеръ, кильки мищанъ... Праворучъ стояло зроблене зъ дерева щось пидхоже до кліткы зъ двома загородкамы; въ одній було ще порожнє, а въ другій, зинершись на пультъ, сидивъ оборонецъ одъ суду.

Звелено ввесты обвыноваченыхъ.

Первый увійшовъ высокий кремезный чоловикъ у сирій рештанській куцыни, зъ чорною, въ тюрми зрослою, бородою. Увійшовъ и ставъ рівно, выпроставшись якъ салдатъ на муштри. Сылкувався триматися непорушно, але ёго очы турботно перебигали видъ суддивъ до присяжныхъ и знову до суддивъ.

За имъ увійшла дивчына. Насунута напередъ била хустка ледви давала бачыты худе змучене облычче; іи очы дывилыся до-долу, и довги вії выразно лягалы на билыхъ якъ биль щокахъ. Нервово закрывала свои схудли груды гыдкою сирою рештанською свытою.

Пытають ихъ про имъя. Ёго звуть Романъ Сывашъ, іи—вона каже: Левантына, судда управляет—Валентына Тополивна.

Выбрано присяжныхъ: двое мужыківъ, четыри мисъки крамари, а то якись панкы-урядовци. Секретарь чытае про обвыноваченыхъ—чымъ воны винни.

Розказується усе поряду, якъ Романа Сываша піймано на пидпали, якъ самъ винъ прызнався въ злочынстві та ще й у тому, що кравъ кони. Мають судыты ёго за пидпалъ и за кони.

Валентына Тополивна пособляла ёму. Се було выдко ось изъ чого. Вона мусыла буты въ городи, у хазяина въ найманахъ, а опынилася въ Дыбляхъ, на пожежі. Тамъ іи такъ уразыло мордування надъ Романомъ Сывашемъ, що впала непрятомна и зъ мисаць була писля того хвора. Досліджуючи справы Сывашевои, слідчий натрапивъ на сю подію и выяснивъ, що Тополивна була коханкою Сывашеви, що іи бачено разъ-у разъ

изъ имъ, що вона жыла въ Струкивъ, була зла на ихъ, бо воны не виддали ій усихъ заробленыхъ грошей; знаючи все въ двори у ихъ, могла провесты туды Сываша на пидпалъ. Дійшовши до цѣго высновку, слизчый звеливъ забраты Тополивну до тюрмы, скоро вона одужала, и оце теперъ мають ії судыты.

Романъ Сывашъ каже, що винъ выненъ, але самъ винъ, бильше никого зъ имъ не було. Хочъ ёго тоди мордовано такъ, що потимъ два мисяци въ ликарни гбено, але й тоди, и теперъ винъ каже одно: тильки винъ самъ и выненъ, бильше никто.

Левантына Тополивна каже ледви чутнимъ голосомъ, що вона не винна.

Прыводють свидкивъ. Середъ ихъ нема ни одного, хто мигъ бы сказаты щось доброго про Романа або про Левантину. Слизчый дбае про те, щобъ обвыновачено, а не про те, щобъ выявлено невынинистъ тыхъ, кого винъ посылае въ судъ.

Першый свидокъ—Денысь Сывашъ. Судъ каже, що винъ може не свидчыты, бо винъ братъ обвыноваченому, але Денысь самъ того хоче. Винъ почывае росказуваты про брата, якъ тойничого не робывъ, обкрадавъ усихъ и врешти пидпалывъ. Оповидае всю подію зъ пожежею, але каже, що Романа никто пры ёму не мордувавъ, що самъ винъ признався въ своихъ злочынствахъ. За имъ идутъ інши свидкы, селяне зъ Дыбливъ, и вси воны кажуть те, що й Денысь. Про Левантину вси говорють, що вона справди була коханкою Романови, мала видъ ёго дытыну, пишла слизкомъ за имъ у гбродъ и вернулася на село тієи жъ ночы, що й Романъ.

Писля селянь — городяне. Се найсампередъ Квасюкъ. Винъ каже, що не одынъ разъ бачывъ, якъ Романъ приходывъ до Левантини, бачывъ, якъ вони вдвохъ по гброду ходилы, а за ничъ передъ пожежею Левантину втекла видъ ёго не знаты зъ чого. Квасючка свидчыть, що Левантину була дивчына негарна, гуляща, ливыва; що якъ вона покынула ихъ, то чымало де-чого въ хазайстви не стало.

— Бога бійтесь, хазяйко...—почынае щось Левантына, але найстарший суддя спыняе іи, кажучы, що вона може пытаты свидківъ тильки черезъ ёго. Левантына не разуміе, змовкае и вже бильше не пытаеничого, а тымъ часомъ свідчыть той хазяинъ, де Романъ на кнатаери бувъ, що бачыў Левантыну въ Романа вранци—лыбонь вона въ ёго й ночувала.

Якысь прысяжныі пытаются въ Левантыны—чого вона опынилася тієї ночы въ Дыбляхъ? Вона каже, що хотила перестерегты про пожежу.—По чому же вона про це знала?—Довидалась видъ Романа.—А чого вона була въ Романа?—Вона червоніе й мовчыть. Присяжныі судди певни, що вона все брёше.

Почынае говорыты прокуроръ. Ёму лехко обвыновачуваты Романа Сываша, бо выдко ёго провыны. Але якъ на ёго думку, то й Левантына не може быты невынною. Зопсована ліныва дивчына покыдае однихъ хазяивъ, покыдае другихъ, охоча до того, щобъ и чуже заняты, вона заходить соби такого жъ коханця, якъ и сама, иде за имъ слідкомъ у гродъ и хоче живе окремо, але разъ-у-разъ изъ имъ бачытся, а времіти й пособляе ёму въ страшній злочынській події—запалыты село, щобъ покрасты кони. Що жъ до іи певиціння, мовъ бы то вона прыбигла на село перестерегты про пожежу, то, знаючи все інше, мы можемо тильки дывуватыся тій безсоромности, яка дозволяе ій такъ нахабно перекручуваты правду. Выдко цилковыто зопсовану душу, и не можна таку небезпечну громаданству людыну лышаты на воли, щобъ вона могла й дали шкодыты людямъ. Не можна видлаваты нашъ безпорадный убогий народъ на хыжацтво цимъ ворогамъ людського добробуту. Паліи й коноводы, сенайбильши вороги нашему мужыкови, и кому дороге ёго щасте, кому дорожа мужыцька кривава праца, той мусыть обвыноваты не самого Романа, а й Левантыну, бо скількы зъ погляду вона невынна й гарна, стилькы вона злочынниця въ души. Чerezъ те винъ сподивається, що прысяжни не дадуть ніякои пильги имъ обомъ. Винъ говорыть гарно, малёвнычо, зъ зачаломъ и сидзе вдоволеный зъ себе, ражуючи самъ соби, що колы пры-

сяжни послухаються ёго, то Сывашъ пиде на каторгу, а Левантына на засланне въ Сибирь.

Встає оборонець. Винъ самъ (думкою) за малымъ не цилкомъ згожувався зъ прокуроромъ що до провынъ обохъ обвивоченыхъ, але має обороняти ихъ и говорити проти прокурора, то й говорить, сylкуючися зкористуватися зъ усёго, зъ чого можна, щобъ якось выправити тихъ, кого боронити.

Пытають обвивоченыхъ, чы не скажуть ще чого. Романъ мовчить, Левантына говорить тильки:

— Яничого не знаю... Яничого не робила... и змовкає, плачуучи.

Говорить довго найстарший суддя. Каже, що хоча Романа й помордовано, але за се винни видбутуть належну кару, а присажныхъ се мордуванне не повинно спиняти, коли бъ воны скотили обвивчати Романа: се мордуванне не есть обвивочоному кара, бо воно беззаконне, черезъ те ёго не можна рахувати, ёго передъ закономъ нема, а треба Сывашеви накинуты кару законну...

Выходять присажни, судъ, зъ половыни й публика. Романъ та Левантына востаються тамъ, де й були, и коло ихъ два солдаты зъ шаблями.

Левантына сидиа знеможена. Вонаничого не зрозумила зъ усiei цієи судової справи. Розумила тильки, що іi хочуть покарати. Але вона сидиа у тюрми, и тамъ ужъ ій росказано що значить, коли присажчи визьмуть паперъ и пидуть у свою хату.

Вона має ждати присуду.

Вона ёго дожидала вже п'ять мисяцівъ у тюрми. Ц'ять довгихъ страшнихъ мисяцівъ.

Тяжко видбувати кару навить за зроблену провыну. Ще тяжче видбувати іi невинному. А надто тяжко, а страшно якъ загинуть душы—видбувати іi видъ людей за те, що скотивъ пособити людямъ.

Левантына видбувала іi за це.

Вона все житте видбувала кару.

Малою—якъ була попыхачемъ·байстрючкою, ображуваною
й кривдженою.

Дорослою сыротою,—тыняючися по наймахъ, зазнаучы тяж-
кои роботы, бійки, лайки и того, що гирше за все це.

Коханкою,—виддавши все тому, хто занапастывъ іи.

А врешти теперъ,—схотивши обороныти людей видъ
ворохого заходу.

Це бувъ кинець и винець іи земныхъ прыгодъ, найдыща
болюча нота въ тужлывій писни іи змученнего жыття.

Найдыща и останнія.

Гостро вдарывъ дзвоныкъ.

Сповынлась світлиця людьми.

Ввійшли прысяжни.

Вони обвывноватылы Романа, а Левантину... Вони булы
добри: вси, оприче одного, булы певни, що вона вынна, не може
не буты вынва, але пожалили іи, помылували...

Але що ій зъ того?

Вона вернулася до тюрмы, щобъ скынуты рештанську
одежу, и скоро дійшла до свого мисця, що на ёму промучилася
убываючи свое тило й душу, п'ять мисацівъ, упала и не могла
встать. Занедужала тяжко и вже не звелась на ноги николы.
Зинько, прыйхавши по ней зъ села, нэ побачыў навіть іи
могилки.

Умерла середъ похмурыхъ огыдныхъ стинъ зъ кгратамы.

Ни одынь соняшний промінь не осяявъ ій облычча въ часъ
смертный.

Ни одна ридна щыра рука не стыснула ій руки.

Надъ нею схылышысь тильки попсовани неволею й грихомъ
облычча.

Се булы облычча такихъ безщастныхъ, якъ и вона... хочъ
и не такихъ прекрасныхъ и чистыхъ душою.

Тыхо и тяжко и сумно безъ миры затыхала й затыхла
писня покривденого людського жыття.

Безъ сонца затыхла, и те, що творыло ту писню, схова-
лося въ земли підъ невельчкою могилкою на острожному кла-
довищу.

Безъ сонця вмерла дивчина, и тильки іи могилку цилує сонце.
 Воно свитить ясно и добрымъ, и злымъ; свитить и на іи могилку, и Романови въ далекому Сибиру, и тымъ, що видбувають кару за ёго мордуванне, и тымъ, кого судить, и тикъ, хто судить. Сле однаково и надъ хатами, и надъ городянськими будынкамы— скрізь, де люде зробили соби зъ широкого й ясного свиту тисний свитъ неволи й темрявы, звирячои боротьбы за шматокъ хлиба, за право жити—тамъ, де щедра рука могучої прыроды розмыла багатство життя и способивъ до життя, и де люде сялкуються всима можливими заходами завдати одынъ одному яко мога бильше мукъ, неволи й крыводы.

Думки про се не покидають и Зинька.

Сумно теперъ у Сывашевій сім'ї.

Деніса вже тамъ давно лема: не могли простыти ёму, що не оборонивъ Романа, самъ оддавъ на мордуванне. Жыве Денісъ окремо, багатіє. Старий батько згорбився, билій якъ молоко зробився, за малый часъ зовсімъ постарився. Осумнивъ и Зинько и, вкуши зъ батькомъ та зъ матиррю, часто згадує и Левантыну бидолашну, и безщасного Романа, що блукає въ холодному Сибиру, нудьгуючи за риднимъ краемъ. И думає Зинько про те, чы то Божа воля, чы то люде самы такій ладъ про мижъ себе завели, що якъ кому такъ и гарно середъ ёго життя, а якъ кому, даць ніякъ не можна. И треба бъ, щобъ краще зробити, та якъ?

Думає по простому, по мужыцькому, але ёго думки займають вглыбока те, що не дає спокою всимъ чеснимъ душамъ, всимъ благороднимъ серцямъ, намученимъ загадкою людського життя, натомленнимъ прадею за для здійстнення людського щастя...

В. Гринченко.

У Чернігови, 1900.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе) ¹⁾.

22. Позорное клеймленіе прелюбодѣевъ.

Просматривая протоколы козацкихъ судовъ, легко прійти къ мысли, что изъ всѣхъ заповѣдей Моисеева десятословія въ старой Малороссіи чаще другихъ нарушалась седьмая. Среди тогдашнихъ уголовныхъ дѣлъ едва-ли не самый значительный процентъ составляютъ дѣла о прелюбодѣяніи. Между тѣмъ самая многочисленность такихъ дѣлъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ порокъ отнюдь не пользовался привилегіей безнаказанности; напротивъ, и тогдашніе суды, и общественное мнѣніе съ патріархальною строгостью относились ко всякимъ проявленіямъ разврата и распущенности. Строже всего каралось чужеложство: мужчина за это присуждался къ смертной казни, а женщина — къ сѣченію у позорного столба на базарной площади и къ расторженію ея брака, если только ничего не имѣть противъ этого ея невиновный мужъ ²⁾). Простое прелюбодѣяніе, т. е. связь между свободными отъ брачнаго союза лицами, также иногда каралось смертью, но чаще—сѣченіемъ на площади, выставленіемъ у позорного столба, изгнаніемъ изъ

1) См. Киевск. Стар. 1901 г. № 5.

2) Подробнѣе объ этомъ—см. выше, очерки 12 и 13.

города, и въ рѣдкихъ случаяхъ—денежнымъ штрафомъ. Въ интересныхъ запискахъ извѣстнаго путешественника Павла Алеппскаго, дважды посѣтившаго Малороссию при Богданѣ Хмельницкомъ, упоминается еще объ одномъ родѣ наказанія за прелюбодѣяніе. „Намъ говорили,—пишетъ онъ,—что всякий разъ, какъ поймаютъ въ этой козацкой странѣ въ прелюбодѣяніи мужчину и женщину, тотчасъ собираются около нихъ, обнажаютъ ихъ и садятъ какъ цѣль для пушекъ; это у нихъ неизмѣнныи законъ, и никогда никто не увернется отъ этого наказанія“. Но такого наказанія, т. е. разстрѣланія изъ пушки, не существовало, и въ данномъ случаѣ Алеппскій впалъ въ невольную ошибку. Очевидно, ему говорили о привязываніи виновныхъ къ позорному столбу или, то же, о приковываніи къ пушкѣ, а онъ могъ переиначить слышанное. Достойно вниманія, что въ концѣ XVII ст. въ Малороссии жива была еще въ народѣ память о необыкновенно суровой карѣ за чужеложство, очевидно практиковавшейся въ болѣе раннее время, когда населеніе не знало еще другого суда и „права“, кромѣ своего, „громадскаго“,—именно о закапываніи виновныхъ въ землю заживо. Въ одномъ процессѣ '1693 г. есть упоминаніе о томъ, какъ мать предостерегала любовника своей замужней дочери, чтобы онъ никому не проговорился объ этой связи: „бо якъ дознається про те старшина, то шевно черезъ те, що у тебе своя жова, а у дочки мої мужъ єсть, будете обое на ростани (т. е. на перекрестной дорогѣ) укоопанії“. Въ этихъ словахъ звучитъ не только память о быломъ, но и увѣренность, что этотъ стародавній обычай еще можетъ имѣть примѣненіе.

Но судебныя кары, какъ бы ни были суровы, могутъ обуздывать развратъ въ его наружномъ проявленіи, но не въ силахъ преслѣдоватъ его, когда онъ скрывается подъ покровомъ тайны и потому легко ускользаетъ отъ самого бдительного полицейского надзора. Но, какъ мы уже упоминали ¹⁾, въ то патріархальное время правосудіе въ борьбѣ съ преступленіями имѣло дѣятель-

¹⁾ См. выше, очеркъ 2.

наго союзника въ лицѣ самого общества, вѣрнѣе—всей народной массы, неусыпный контроль которой надъ каждымъ изъ своихъ членовъ служилъ могучимъ средствомъ противъ размноженія всякаго рода преступленій. Для этого всевидящаго и всепроникающаго контроля нѣтъ и не можетъ быть ничего тайного, сокровенного. Извѣстно, какъ трудно и теперь еще въ условіяхъ сельской жизни укрыться отъ постороннихъ глазъ малѣйшей любовной шашнѣ, самому осторожному роману. Но современная народная масса, долгимъ опытомъ отъученная отъ внимательства въ чужія дѣла, цинично пассивно относится къ творящимся на ея глазахъ безобразіямъ и ограничивается лишь пересудами по поводу ихъ, а въ иныхъ случаяхъ и это дѣлать опасается. Не то было въ XVII ст., когда народные понятія о дозволенномъ и недозволенномъ въ сущности и были правовымъ кодексомъ, обязательнымъ и для суда. А прелюбодѣяніе въ глазахъ народа искони почиталось тяжкимъ грѣхомъ, оскорбляющимъ Бога, навлекающимъ гнѣвъ Его и потому подлежащимъ строгому преслѣдованію. Поэтому всякій, кому было вѣдомо о чьихъ-либо безнравственныхъ поступкахъ, имѣлъ право прійти въ судъ и открыто выступить съ обвиненіемъ, паматуя лишь объ одномъ, что отъ него потребуютъ представленія неопровергнутыхъ уликъ, въ противномъ случаѣ онъ будетъ признанъ „потварцею“, клеветникомъ, и долженъ подвергнуться такому наказанію, какое по закону угрожало оговореннымъ имъ лицамъ. Чтобы запастись такими уликами, обычай давалъ обвинителю подстеречь подозрѣваемыхъ въ преступной связи и, пригласивъ свидѣтелей (а еще лучше—предупредивъ мѣстный урядъ), накрыть на мѣстѣ преступленія („застаты на злому учынку“) и при этомъ обрѣзать обоимъ полы бѣлья или платья. Пойманные немедленно препровождались на урядъ для заключенія подъ стражу, а отрѣзанные куски платья представлялись въ судъ въ качествѣ „лица“, или „признаки“, считавшейся непререкаемой уликой въ дѣлахъ этого рода. Кто возбуждалъ обвиненіе, не запасшись такой уликой, тотъ, въ случаѣ запирательства обвиняемыхъ, всегда проигрывалъ дѣло;

наоборотъ,—кому обрѣзали полы, тѣ нічѣмъ уже не могли „отвестись“ отъ обвиненія, ибо въ крайнемъ случаѣ обвинитель совмѣстно съ свидѣтелями, „якіе булы при застатьи“, могли „присагою довести“ справедливость обвиненія и этимъ окончательно „поконати“ виновныхъ; но до присаги дѣло рѣдко доходило.

Ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ нѣть и помину о такомъ способѣ клеймленія лицъ, уличенныхъ въ прелюбодѣяніи. Несомнѣнно, это чисто мѣстный, народный обычай, какихъ много было выработано вѣковой практикой народнаго суда, но далеко не все они впослѣдствіи были санкционированы Статутомъ. Въ этомъ обычай нужно различать двѣ существенные черты: добываніе „лица“ и клеймленіе захваченныхъ на преступленіи. „Лице“, т. е. поличное, играетъ весьма важную роль въ южнорусскомъ обычномъ правѣ. Лит. Статутъ трактуетъ о важности „лица“ лишь въ дѣлахъ о кражѣ и разбоѣ¹⁾, но въ практикѣ обычнаго права его примѣненіе можно указать почти во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ; такъ, напримѣръ, убийцу привязывали къ трупу убитаго и оставляли въ такомъ положеніи до суда, чтобъ имѣло значеніе „лица“. Въ тѣсной связи съ „лицемъ“ находился обычай „личкованья“; о немъ иѣть и упоминанія въ Статутѣ, между тѣмъ мы встрѣчаемъ его именно въ практикѣ статутовыхъ судовъ въ право-бережной Малороссіи. Если владѣлецъ отыскивалъ украденныхъ у него или сбѣжавшихъ домашнихъ животныхъ, а тотъ, у кого они оказались, не хотѣлъ выдать ихъ безъ суда, то въ такихъ случаяхъ приглашался возный, и въ присутствіи свидѣтелей животные подвергались „личкованію“, т. е. имъ надрѣзывали уши (лошадямъ) или лапки (птицамъ) и это „личко“ (отрѣзанныя части) вручалось возному для храненія „до права“, что, очевидно, дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы животныя, о которыхъ

¹⁾ Статутъ 1588 г., разд. XIV, арт. 3, 5, 7 и др. и разд. XI, арт. 31 и 32.

шель споръ, не были подмѣнены другими¹⁾). Подвергали „личкованію“ и преступниковъ, т. е. отрѣзывали имъ одно или оба уха, но это уже было однимъ изъ видовъ позорного наказанія за воровство. Малорусскій народный обычай отрѣзыванія поль у лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣяніи, одновременно совмѣщалъ въ себѣ и признаки „лица“, т. е. преступленія, и „личкованіе“, т. е. клеймленія съ цѣлью лишить преступниковъ возможности замѣнить себя на судѣ другими лицами²⁾), и наконецъ—позорного наказанія. Послѣдній характеръ этотъ обычай удержаль до конца своего существованія, т. е. почти до нашихъ дней. Еще лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ въ глухихъ углахъ Малороссіи нерѣдко водили по селу въ позорной пропцессіи лицъ, захваченныхъ на прелюбодѣяніи, предварительно обрѣзавъ имъ „нелену“, т. е. передній подолъ сорочки.

Весною 1694 года въ с. Ивоинцахъ, что близъ Полтавы, распространился слухъ, что къ мѣстной козачкѣ-вдовѣ Педорѣ Пилипихѣ „що-вечора“ ходить козакъ Васыль Кибаленко. Дoshelъ этотъ слухъ и до Ивоинецкаго атамана Руденка, и вотъ онъ заходитъ поздно вечеромъ къ мѣстнымъ жителямъ Юрку Коломійченку и Федору Уласенку и говорить имъ:

— Пидите и пїмайте Пылыпыху зъ Кыбаленкомъ, бо теперь, якъ люде повидаютъ, певне застанете обохъ на сквернимъ учынку. Я вамъ и третёго осавульця до того приダмъ.

Пошли они втроемъ на дворъ къ Пилипихѣ, посмотрѣли въ хату—тамъ никого не оказалось. Подошли затѣмъ къ „ко-мбрѣ“—слышно, внутри кто-то шепчется.

— Такъ и есть! рѣшили соглядатаи: Це жъ Недора зъ Васылемъ. А ну, Юрку, свиты лыхтарь (фонарь), та будемо вы-сажуваты двери.

¹⁾ Актовая книга Луцкаго гродскаго суда 1573 г., № 2047, л. 378.

²⁾ Весьма возможно, что захваченные прелюбодѣи и на судѣ представали съ отрѣзанными подолами, хотя прямого указанія на это въ актахъ мы еще не встрѣтили.

Подошли съ фонаремъ — и что же? Дверь оказалась запер-той снаружи висячимъ замкомъ. Оторопѣли на минуту согляда-таи. Какъ же такъ? Въ коморѣ какъ-будто есть кто-то, а на дверяхъ виситъ замокъ! Ужъ не почудилось ли имъ, будто тамъ кто-то шептался? И хотѣли было уходить ни съ чѣмъ, но Педора сама себя выдала. Узнавъ по голосамъ приведшихъ и догадываясь, зачѣмъ они пришли, она начала бранить ихъ:

— Або я якая неднота, що до дому мого ходыте мене перестеригаты?

Теперь посланцы уже не сомнѣвались ни въ чемъ: если Педора какимъ-то чудомъ оказалась въ запертой снаружи коморѣ, то навѣрное она тамъ не одна.

— А ну, Юрку, бижы за сокырою та будемо выстановляти двери.

Видя, что дальнѣйшее запирательство приведетъ лишь къ тому, что ей напрасно сломаютъ дверь, Пилипиха перемѣнила тонъ и стала просить:

— Люде добри! Не псуите дверей, а визьмите въ хати за мысныкомъ ключъ.

Достали ключъ и вошли въ комору. Тамъ оказалась не одна хозяйка, но и Васыль Кабаленко. Имъ обоимъ тотчасъ обрѣзали полы платья.

— Люде добри, змылуйтесь! Нате вамъ пивчвартъ золотого, тилко не ведить насъ до старшыны.

Тѣ обѣщали отпустить ихъ съ мирою и никому не говорить о случившемся, но, получивъ деньги, обманули и отвели „до сильского ратушу“. А на другой день Пилипиха съ Кабаленкомъ подъ стражей были доставлены въ Полтаву и предстали предъ полковымъ судомъ.

Судьи допросили свидѣтелей „поединцемъ“ (отдѣльно каждого) о томъ, какъ именно были „въимани“ подсудимые, и тѣ согласно рассказали обстоятельства дѣла и при этомъ „презентовали“ суду „лице“, т. е. отрѣзанные полы. Были спрошены и подсудимые:

— Для чого бы такъ, на Пана Бога и на карность посполитую не уважаючи, допустилъся злого порубства?

Педора Пилипиха отвѣтила:

— А що-жъ, панове, грихъ мене спиткавъ: хотила-мъ онога Васыля за мужа поняты и для того ёму припустилася на грихъ, за которымъ власне зъ тыжденъ жыла. Вильно вамъ, панове, що хотиты зъ намы чынты: проступылъсъмо Богу и карности годни есьмо.

Василь Кибаленко ничего не сказалъ въ свое оправданіе.

Судъ постановилъ декретъ: „запобигаючи, абы впередъ Кибаленко и Пильпиха булы одъ злого повстагнени (удержаны) и до спросностей злыхъ не удавалъся, наказуемъ оныхъ значною публикою, то есть столповымъ вязенямъ, обохъ скраты, пры заплаченю вины належытои панской и врядовои“.

Итакъ, не смотря на суровыя кары закона и всеобщій надзоръ, презирая страхъ ежеминутно грозившаго позора, находились все-таки женщины (о мужчинахъ скажемъ послѣ), отваживавшіяся на крайне опасный въ то время путь любовныхъ увлеченій. Но это не были жрицы свободной любви. Не склонность къ разврату или половая распущенность, а несовершенства тогдашняго семейнаго и общественнаго строя чаще всего толкали ихъ на эту опасную дорогу. Это были на первомъ планѣ—вдовы. Извѣстно, каково безпомощное положеніе вдовы въ теперешнемъ крестьянскомъ быту; не лучше была ея участь и въ старое время. Эта горькая беспомощность и понуждала вдову всѣми мѣрами найти себѣ мужа, и ее не трудно было обольстить, посуливъ ей законный бракъ. Не знаемъ, какихъ именно лѣтъ была Педора Пилипиха, когда затѣзала романъ съ Кибаленкомъ; но вотъ предъ нами вдова—пожилая женщина, однако и она прибѣгла къ тому же опасному средству, чтобы только залучить себѣ мужа, хотя бы и невѣнчанаго.

23. Вдова, не получившая дозволенія вступить въ четвертый бракъ.

Въ январѣ 1694 г. пришелъ въ ратушу полтавскій житель, козакъ Дорошъ Андрющенко и говорить бурмистру:

— Колы бъ послати до удовы Мартыныхы Криворотой миськихъ слугъ, моглы бъ воны зъимати еи на чужолозти, бо видаю певно, что у неи Иванъ Трохименко, сердюкъ піхотного полку пана Кожуховскаго, нооче.

Бурмистръ доложилъ объ этомъ войту, и тотъ далъ дозволеніе послать: Семена, сторожа арматного, Гнылку, „воротнаго“ замкового, и Леська „асаульца“; это и были „слуги мѣскіе“, состоявшіе въ распоряженіи магистратскаго уряда и нерѣдко исполнявшіе полицейскія обязанности.

Въ полночь эти слуги, вмѣстѣ съ Андрющenkомъ, отправились въ домъ Мартыныхи, отбили дверь и нашли сердюка Трохименка на чердакѣ, босого и „въ едній кошули“, а его жупанъ и „чоботы“ оказались „на лижку“ (кровати) Мартынышиномъ. Ему дали одѣться, затѣмъ обрѣзали обоимъ полы платья и отвезли въ ратушу.

На другой день интересная пара предстала на судь. Мартыныху Криворотую спросили:

— Чому бъ ты такъ, не памятаючи на боязнь Божью и на карность послопыту, важылася пры старости літь своихъ до такои спросносты удатыся? И одъ которого часу зъ тымъ Сердюкомъ, пополняючи таковый грихъ, ты жыла?

Мартыныха „безъ усякого запріняся“ (запирательства) призналась:

— А що жъ, панове, грихъ мене спіткавъ тяжкий. Прсыда я пречестнаго отца протопопу полтавскаго, щобъ мене зъ запорожцемъ четвертымъ бракомъ звинчавъ, але ёго мылость отедь протопопъ въ тымъ мени пречывъ (отказалъ). Одъ того часу я, не памятаючи на Пана Бога и встыду людскаго не дбаючи, прыпустылася сёму Иванови, піхотынцеви, до пополненія чужолозти, и вже тому недиль, зъ четыри есть, якъ

стала жити зъ нымъ въ спросности, такъ беъпечне, якъ бы зъ своимъ мужемъ, чого Господь Богъ мени, неужытій, не терпачы и моимъ злымъ диламъ, рачывъ мене выдаты на тажкую публику (позоръ). Вольно вамъ, панове, худобою мене карайте, тилько такій публіци не давайте, якои я годна.

Но судъ не уважилъ этой просьбы и, слѣдя „выразному самого добродія его милости иана полковника (Герцыка) росказавю“, постановилъ декретъ: „Мартыныху Крыворотую и Ивана Сердюка публице въ понедилковый торгъ до стовна даты (т. е. въ базарный день выставить у позорнаго столба), якою карньюю обохъ наказавши, одпустыты“, взявъ съ нихъ „вину панскую и врядовую“.

Слѣдуетъ отмѣтить любопытную подробность. Домогаясь вступить въ четвертый бракъ, вопреки церковнымъ правиламъ, Мартыныха имѣла опору своему домогательству въ дѣйствовавшемъ законѣ и обычай. Въ Магдебургскомъ правѣ обѣ этомъ прямо сказано: „Вольно каждому жениться столько разъ, сколько пожелаетъ, пока безъ жены оставаться не можетъ или не хочетъ, хотя бы ихъ умерло у него три или четыре; такъ точно и женщинѣ, по смерти мужей своихъ, вольно пойти замужъ за иного“¹⁾). Въ правобережной Малороссіи (именно на Волыни) въ XVI—XVII вв. можно указать нѣсколько примѣровъ четверобрачія и даже пятибрачія, не вызывавшихъ никакого протеста со стороны духовенства. Но въ лѣвобережной Малороссіи духовенство, какъ видно, старалось противодѣйствовать этому обычаяу, что и порождало грѣховные эксцессы вродѣ того, за какой Мартыныха понесла наказаніе.

24. Вдова и компаньецъ.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ войско являлось элементомъ болѣе или менѣе разрушительнымъ по отношенію къ

¹⁾ Speculum Saxon. albo Prawo Saskie u Magdeburkskie, Павла Щербича, подъ словомъ: Małżeństwo.

чистотѣ семейныхъ нравовъ, спокойствію домашняго очага, женскому цѣломудрію. Собственно малороссійское войско, то есть городовое козачество, меныше другихъ виновно въ этомъ, такъ какъ оно состояло изъ людей осѣдлыхъ, семейныхъ, оставлявшихъ свой домашній очагъ лишь изрѣдка, во время походовъ. Но и въ Малороссіи существовали полки, не распускавшіеся и въ мирное время и рекрутировавшіеся преимущественно изъ бездомной и бессемейной голытьбы; это были такъ называемые „охотницкіе“ или „компанѣйскіе“ полки, конные и пѣши, располагавшіеся постоеемъ по селамъ и городамъ гетманщины. Эти „компанѣйцы“ и являлись по большей части героями сельскихъ романовъ. Оставляя обыкновенно въ покой замужнихъ женщинъ, такъ какъ за нихъ было кому вступиться, они направляли атаку преимущественно ва вдовъ, горѣвшихъ желаніемъ выйти замужъ и имѣвшихъ какія-либо материальныя средства. Какъ ни престарѣла была Мартына Криворотая, но и она, какъ мы видѣли, нашла себѣ обожателя въ лицѣ компанѣйца,—такъ мало разборчивъ, очевидно, былъ этотъ бездомный народъ.

Весною 1697 года одинъ изъ компанѣйскихъ полковъ расположился постоеемъ въ полтавскомъ полку. Нѣсколько козаковъ изъ хоругви и. Ростковскаго ¹⁾ было поставлено въ с. Мильцахъ, близъ Полтавы. Одинъ изъ нихъ, Кирикъ Лещенко немедленно свель близкое знакомство съ бездѣтной вдовой Параскою „Тубулцевою невисткою“. По цѣлымъ днямъ они вмѣстѣ пьянствовали то у нея въ домѣ, то по корчмамъ, благо у Цараски были достаточныя средства для пьянственной жизни и не было близкихъ родичей, которые удержали бы ее отъ такого легкомысленного поведенія. Но въ домѣ у нея жилъ нѣкто Марко, въ званії „господаря“, завѣдывавшій ея хозяйствомъ и, кажется, имѣвшій виды сдѣлаться со временемъ полнымъ „господаремъ“ и мужемъ легкомысленной вдовы. Оближеніе ея компанѣйцемъ было ему не по душѣ, и онъ сначала донесъ „о Парас-

¹⁾ Ил. Ростковскій былъ хорунжимъ въ конномъ охотницкомъ полку Ильи Новицкаго.

чиномъ нестатку и зломъ мешканю" ей деверю, Микитѣ Кри-
вому, чтобы тотъ ее „въ томъ построфовалъ“ (сдѣлалъ выго-
воръ, обличилъ), но Микита отказался это сдѣлать въ томъ
убѣжденіи, что она его не послушается. Тогда Марко сталь
рассказывать стороннимъ людямъ о связи Параски съ Кири-
комъ компанѣйцемъ, наконецъ отправился въ мѣстному свя-
щеннику о. Зѣновію и сказалъ:

— Панотче! Подобно, у васъ никого живого въ сели не-
машь, що такимъ нециномъ допускается въ спросности (въ
непотребствѣ) бродыты. Учора Параска презъ цілый день пер-
вій у корчми пыла зъ Кырыкомъ, де онуу Кырыкъ нещадно и
побывъ, якого бою терпливе зносила, нибы отъ мужа своего,
потимъ прыйшли до дому и пьюочы долягома, тамъ и заночо-
вавъ Кырыкъ. И теперъ обое пьють, певно и ночуватымутъ
вкуши. Колы бъ вы, панотче, дозволыны ихъ зловыты на такому
учынку, я бъ и часъ показавъ, колы ихъ застата.

На это о. Зѣновій отвѣтилъ:

— Не моя то ричъ, сыну, до того интересоватыся; тое
можутъ учынты тіи, кому прылышно.

Но бывшій при этомъ пономарь Михайло былъ другого
мнѣнія объ этомъ предметѣ. Онъ позвалъ мѣстного осавульца,
пригласилъ еще двухъ свидѣтелей и убѣдилъ ихъ отправиться
„ловыты Параску на злому учинку“. Марко ввелъ ихъ тихонъко
въ домъ, замѣгъ свѣчу — и они точно застали хозяйку съ ком-
панѣйцемъ въ одной комнатѣ, но спящими на разныхъ мѣстахъ.
Въ виду этого они не рѣшились рѣзать имъ полы, а только
связали и привели ихъ въ сельскую ратушу. А на другой день
ихъ представили въ полтавскій полковый судъ.

Здѣсь свидѣтелей подвергли „каждого зъособно“ допросу:
„якъ тую пару піймалы и якымъ способомъ: на учынку, чы
на розныхъ мистахъ побрали“? и они согласно показали слѣ-
дующее:

— Одъ того часу, панове, якъ компанія въ полку нашему
стала и козакивъ четырёхъ и въ наше село на станцію дано,
Кырыкъ Лещенко зъ Параскою, Тубулцевою невисткою, зчаста

пидпываючи по корчмахъ, взявъ таке зъ нею обознаня, що не пильнуючи своеи господы, завше почуетъ у Параски; о кото-
рыхъ повисты носилыся такі, якобы той Кырыкъ зъ Параскою
въ спросности гриховній живеть. Теперь зась, колы Марко до-
нись о такомъ ихъ мешканю видаты ризнымъ людямъ и свяще-
ныкови отцю Зиновію, аби ихъ велено було зловыты, за пов-
торнымъ ёго, Марковымъ, даньемъ знаты, прыйшли-сьмо у ночи
до двору Парасчыного, и учувши Марко нашъ приходъ, одчы-
нивъ двери синніи и сказавъ, що вкупи почують обое. Увой-
шедши у хату, велили-сьмо свичку засвітити, и скоро свичка
була засвичена, взялъсьмо Кырыка въ едній кошули и босого
на землі съдачого, а вона була на постели. Не встыгнувшы и
кибалокъ¹⁾ ухватыти, лежачыхъ на лави, ведле Кырыка, купно
зъ плахтою и запаскою, Параска умкнулася зъ хаты простово-
лосая; еднакъ оную тамъ же взявшы, далы-сьмо йій такъ ки-
балкы, яко и плахту зъ запаскою, щобъ убралася, и повязавши
обохъ, привели тамъ же, у Мыльцяхъ, до ратуша, а теперъ
ихъ и сюды прыпроводыли-сьмо.

Спросили и Марка, „за чимъ извищеннамъ тое поимання
сталося“, но онъ почему то сталъ вилять и даль такої уклон-
чивий отвѣтъ:

— Я про те, панове, досконале не видаю, чы есть межъ
ними який учынокъ злый, або нить. Тилко правда, що той
Кырыкъ що дні зъ нею такъ у корчмахъ пываєть, якъ и въ
дому гуляючи зчаста почуетъ, якобы маючи межи собою на-
миреніе въ станъ малженскій сочетатыся. А щобъ ихъ тепрь
побрano на еднимъ мистци и будто за моимъ извищеннамъ,—
то неправда: бо винъ, Кырыкъ, въ пекарни зо мною почувавъ,
а Параска въ другій хати була такъ зъ запаскою и плахтою,
якъ и зъ кибалкою; также и постели пидъ Кырыкомъ жадної
не було, кримъ курты штаметової Парасчыної, якую винъ
самъ, п'янный, взявши на столи, поставивъ соби доли. И знаты

¹⁾ Кибалкы, чаще въ единств. ч. кибалка — головной уборъ замужнихъ женщинъ.

я о Парасчинимъ мешканю отцю Зиновію а ни Микути Кривому не дававъ.

Но тутъ выступилъ Иванъ Мостовий, въ домѣ котораго проживалъ о. Зиновій, и энергично сталъ уличать Марка, что онъ самъ приходилъ къ священнику и домогался, чтобы велѣно было „зловыты Параску и компаніїца на учынку“, но о. Зиновій уклонился отъ этого.

Спрошены были наконецъ и сами обвиняемые: грѣшили ли они противъ седьмой заповѣди? Параска съ Кирикомъ „въ томъ прѣлися“ (отрицали это), утверждалъ, что „межи ними жадного не было учынку“, но не скрывали того, что имѣли намѣреніе вступить въ законный бракъ; „та и теперь (прибавили они), по неважъ такъ сталося, что такій попалъсъмся публіци, едно другого опустыты не хочемо, але циле соедынытыся малженствомъ готови-сьмо“.

Судъ, „познавши вину оскаржоныхъ—едно зъ повистій людскихъ, другое—ижъ и самы поймавши, хотячи той свій злый учынокъ покрыты, за малженство теперъ вже сягають“, тѣмъ не менѣе воздержался пока отъ окончательного приговора—вѣроятно, въ виду отсутствія „лица“ (личнаго) и засирательства подсудимыхъ,—и „поступуючи поддугъ права посполитого“, велѣлъ четыремъ свидѣтелямъ, схватившимъ обвиняемыхъ, учинить формальную присягу въ томъ, что они „не зъ злости якои, або не зъ ненависти“ возбудили это дѣло, и что „на учынку ихъ застали“. Присяга была отсрочена на четвертый день.

Въ назначенный срокъ всѣ свидѣтели, согласно обычаю, „положивъ каждый два пальца великихъ на св. крестъ“, не колеблясь выполнили присягу,—и судъ немедленно постановилъ декретъ: „абы Параска зъ Кирикомъ, яко вшетечники (прелюбодѣи), за такой свій злый учынокъ“, были выставлены на рынкѣ у позорнаго столба и затѣмъ съ изоворотомъ прогнаны изъ города, „а Марко, за фальшивое свое свидоцство, абы отнись кievью карность“.

Можетъ быть, нась спросять: почему же судъ такъ упорно игнорировалъ заявленіе подсудимыхъ объ ихъ намѣревіи сочетаться законнымъ бракомъ, тогда какъ современный народный судъ (волостной) въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно самъ понуждаетъ провинившихся покрыть честныімъ вѣнцомъ свой гдѣхъ? Отвѣчаемъ: потому что Магдебургское право принципіально не одобряло браковъ между лицами, впавшими въ грѣхъ прелюбодѣянія. Въ *Speculum Saxonum* прямо говорится: „если бы кто взялъ въ замужество женщину, съ которой раньше явно чужеложилъ или ее изнасиловалъ, тотъ никогда не можетъ имѣть отъ нея дѣтей честнаго ложа“, т. е. дѣти, родившіяся отъ такого брака, должны считаться незаконнорожденными¹⁾. Конечно, это предписаніе не могло имѣть обязательной силы для южнорусскаго населенія, руководившагося въ брачныхъ дѣлахъ церковными правилами и своими обычаями, и судъ не имѣлъ власти воспретить прелюбодѣямъ сочетаться бракомъ, но онъ никогда не покровительствовалъ и не поощрялъ подобные браки. Въ этомъ можно видѣть одинъ изъ факторовъ вліянія чужеземнаго кодекса на правовые понятія малорусской старшины.

25. Обезчещенная вдова.

Обрѣзать кому-либо полы—значило заклеймить это лицо такимъ несмыываемымъ позоромъ, что право и обычай дозволяли прибѣгать къ этому средству лишь съ крайнею осмотрительностью, по отношенію къ несомнѣннымъ прелюбодѣямъ, виновность которыхъ должна быть затѣмъ доказана передъ судомъ. Но находились легкомысленные люди, полагавшіе, что разъ женщина ведетъ себя „нестатечно“, напримѣръ—напивается до безчувствія, пьяная шатается ночью по корчмамъ, пристаетъ къ мужчинамъ и т. под., то ее уже за одно это можно было клей-

¹⁾ *Speculum Saxon.* lib. 1, artic. XXXVII.

мить такъ, какъ обыкновенно клеймили уличенныхъ прелюбодѣевъ. Такъ думали и поступали обыкновенно легкомысленные „молодыки“ (парни), подобно тому, какъ и нынѣшніе сельскіе „парубки“ иногда необдуманно позорять ославленную „нечестивою“ дѣвушку или вдову, смазывая дегтемъ ворота ея двора, за что и платятся передъ судомъ. Не проходили даромъ такие проказы и „молодыкамъ“ въ стародавніе годы.

Въ 1689 г. въ сотенномъ городѣ Кобелякѣ, во время ярмарки, одна вдова Марья Климыха такъ много пьянствовала, день и ночь волочась по шинкамъ, что когда утромъ сынъ ея отправился разыскивать пропавшую мать, то нашелъ ее гдѣ-то за городомъ валявшуюся въ безчувственномъ состояніи и съ обрѣзанными полами. Очнувшись, она съ трудомъ могла припомнить, что наканунѣ, ночью, какіе-то „молодыки“ вызвались проводить ее, пьяную, домой, и вѣрно это они такъ грубо и жестоко посмѣялись надъ ней. Тяжело было бѣдному сыну перенести материнскій позоръ, и онъ, разузнавъ, кто именно были эти „молодыки“, и заявивъ о томъ мѣстному уряду, повезъ мать въ Полтаву и заставилъ пожаловаться полковому суду.

При разборѣ дѣла Марья Климыха такъ повѣдала о постигшемъ ее несчастіи:

— Панове! Въ теперешнімъ року, на день св. Параскеви (14 окт.), о ярмарку Кобеляцкимъ, смеркомъ, пидылайа будучы, ишла я къ дому моему, ажъ тутъ зустрілься зо мною Грыцько Бурмистренко зъ Сыроватченкомъ и зъ іншымъ товарыствомъ. Я, повирывши имъ, яко знаемымъ, пишла зъ нымы. Воны жъ взялы мене, човелы за мисто (за городѣ), за пидваркы къ Билыкамъ, и затулывши ротъ, що хотилы справovalы впетечный смертельный грихъ, и семярягъ на мени два пидризали и кынулы за мертвту. Було жъ ихъ тамъ много, але я тилко отыхъ реченыхъ двохъ памятаю.

Тутъ изъ толпы обвиняемыхъ „молодыковъ“ выступилъ Степанъ Сыроватченко и такъ сказалъ:

— Чому жъ то, Клымыхо, обмыльне говорышъ? Аже жъ ты, барзо пизно цючы за мистомъ, молодыкивъ циловала; мо-

лодыкы жъ на улыци зосталы, а ты мене сама у яръ повела. Тоди я, варуй (храни) Боже, жадного гриху не строячи,—бодай мене жывого червы иззилы и нехай я гиршои напасты не уйду!—и крви тоби не розливавъ,—нехай мене Богъ на души и на тили убеть! А тилко то моя нестатечность, що я тоби своеволне семягъ дви пидризавъ, видачы твою нестатечность, що пидъ часть ярмарковый у ночи по корчмахъ волочышся и молодыківъ цилуешъ, и тое учынывъ я тоби безъ пополненя вшетечного гриха. А молодыкы, на которыхъ ты безчестя наволикаешъ, яко то на Грыцька Бурмистренка и на іншихъ, воны зо мною не булы: я самъ обризаю тоби полы обохъ семягъ, моя въ тимъ вына, а не чія іншая.

Судъ далъ полную вѣру этому чистосердечному признанію и, устранивъ вовсе обвиненіе въ изнасилованіи, призналъ виновнымъ одного лишь Сыроватченка въ томъ, что онъ „важывся своевольне постуыты, вризуючи полы ночнымъ способомъ“, и за это велѣль ему „погодыты Клымыху, навязки йій давшы висимъ копъ“, и сверхъ того вернуть ей „правныи наклады“ и заплатить судебный доходъ въ пользу полковника.

26. Обманутая шинкарка.

Гораздо чаще, нежели вдовы, въ дѣлахъ о прелюбодѣянії фигурировали шинкарки. Съ одной изъ представительницъ этой профессіи мы уже встрѣчались въ лицѣ полтавской шинкарки Гапки, кружившей голову женатому человѣку и безпутьно погибшей отъ его рукъ¹⁾). Не мѣшаетъ ближе познакомиться съ этимъ интереснымъ типомъ, воспѣтымъ и въ козацкомъ эпосѣ въ лицѣ известной „Насти Горовои, шинкарки молодой“.

Въ старой Малороссіи, при изобиліи и дешевизнѣ хлѣба и полной свободѣ винокуренія, выкуривалось очень много спирта, а для его распродажи существовало безчисленное количество шин-

1) См. очеркъ № 7.

ковъ. Старшины и простые „заможные“ козаки, мѣщане и духовенство, цехи и братства, а паче всѣхъ монастыри—другъ передъ другомъ старались заводить какъ можно больше корчемъ и „шинковыхъ дворовъ“ въ городахъ и селахъ, на большихъ дорогахъ и перевозахъ. Попытки гетманского правительства ограничить этотъ промыселъ введеніемъ арендъ вызывали общее озлобленіе и при Мазепѣ были оставлены. Благодаря конкуренці, водка, медъ и пиво продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ; но такъ какъ каждый предприниматель продавалъ въ своихъ шинкахъ лишь напитки собственного производства, то и при дешевыхъ продажныхъ цѣнахъ промыселъ этотъ оказывался все-таки очень прибыльнымъ. Та же конкуренція понуждала предпринимателей проявлять особенную заботливость относительно выбора лицъ, которымъ поручалась продажа напитковъ, такъ какъ отъ ихъ ловкости, умѣнья обойтись съ потребителями и даже привлечь ихъ въ большей или меньшей степени зависѣла прибыльность предприятия. При тогдашней многочисленности шинковъ, на службѣ у питейного дѣла состоялъ не менѣе многочисленный классъ людей, спеціально посвящавшихъ себя этой профессіи; но въ то время, какъ въ Великороссіи этотъ промыселъ создалъ характерный типъ „сидѣльца“, въ Малороссіи женщина оттерла на этомъ поприщѣ мужчину, и „шинокъ“ сдѣлался областью почти исключительного господства „шинкарки“. Помимо того, что украинская женщина вообще болѣе способна къ торговому дѣлу, нежели мужчина, это предпочтеніе женского труда отчасти обусловливалось еще и специфическими свойствами данной профессіи. Малорусскій шинокъ того времени не былъ лишь винной лавкой, но исполнялъ немало и другихъ функций. Въ воскресные или праздничные дни сюда, какъ въ народный клубъ, сходились не одни пьяницы, но и степенные люди, мужчины и женщины, повидаться съ пріятелями, узнать новости, поглядѣть на людей; даже духовныя лица, какъ мы видѣли,¹⁾ не считали зазорнымъ заходить въ шинокъ для прія-

•

¹⁾ См. очеркъ 6-й.

тельской бесѣды. Прѣзжіе или прохожіе, нуждавшіеся въ ночлегѣ или въ отдыхѣ, то и другое находили въ шинкѣ, ибо онъ служилъ обыкновенно и постояннымъ дворомъ. У кого не было своего семейного угла, кто тяготился одиночествомъ, кого грызла „журьба-печаль“, тотъ также шелъ въ шинокъ, чтобы размыкать на людяхъ тоску, затуманить голову хмѣлемъ или же утѣшиться ласковымъ взглядомъ чернобровой шинкарки, какъ поется въ одной чумацкой пѣснѣ:

Журба мене зъ нигъ валае,
А я зъ тузы та зъ печали
Пиду въ корчму загулаю,
Шинкарочку одвидаю.
—Шинкарочко молода,
Усыпъ меду ще й вына,
Усыпъ меду ще й горилки—
Теперъ въ мене нема жинки!

Наконецъ, прохожіе козаки, проѣзжіе чумаки, „мандро-ванные дѣяки“, „волочащіеся чернепы“—весь этотъ народъ одинаково умѣлъ цѣнить какъ доброкачественность напитковъ, такъ и ласковость шинкарки. Чтобы угодить столь разнообразнымъ гостямъ и посѣтителямъ, требовалось немало ума, женской изворотливости и известная доля беззастѣнчивости. О правилахъ строгой правственности, обязательныхъ для всякой другой женщины, не могло быть и рѣчи по отношенію къ шинкаркѣ: всѣ считали ее „нецптою“, способною на дурныя дѣла. И точно, судебные акты даютъ немало указаній на то, что шинкарки нерѣдко находились въ связи съ „нетягами“, „прибышами“ и другимъ темнымъ людомъ, припрѣтывали у себя „злодійскую“ добычу и помогали сбывать краденое; а по свидѣтельству современника, известного стихотворца Климентія, многіе корчменыя дома „въ градѣхъ, а наипаче где въ поляхъ“, вдали отъ урядового надзора, представляли настоящіе блудные притоны¹⁾.

¹⁾ Основа, 1861 г., январь, стр. 193.

Понятно, что за такую профессию, пользовавшуюся въ обществѣ самою дурною репутациею, не могли браться женщины, сколько-нибудь дорожившія добрымъ именемъ; сюда шли лишь тѣ, кому въ этомъ отношеніи нечего уже было терять: покинутыя мужьями жены, опороченные вдовы и „покрытки“, т. е. незамужнія женщины, прижившія дѣтей. Изъ нихъ лишь самыя легкомысленныя могли болѣе или менѣе продолжительное время находить прелесть въ безшабашной корчменной жизни, съ ея вѣчною сутолокою, пьянымъ весельемъ и грязными амурными приключеніями; большинство же, предаваясь даже всѣмъ излишествамъ и порокамъ, стремилось вырваться изъ этой нездоровой атмосферы и вернуться на путь честнаго, хотя-бы и тяжелаго труда. Лучшимъ и едвали не единственнымъ средствомъ къ этому считалось замужество; только подъ защитою мужа, въ званіи „мужней жоны“, бывшая шинкарка могла вернуть утраченныя ею права честной женщины.

Искала для себя мужа и полтавская шинкарка Хвенна и думала, что наконецъ нашла его въ лицѣ нѣкоего Грыцка Бондаренка, безпутнаго забулдыги, котораго Хвенна поила и кормила, жупаны ему, справляла, вѣра его обѣщаніямъ взять ее въ замужество. Это легкомысленное довѣріе давно уже перешло должностные границы, а Грыць все откладывалъ „весилья“. Убѣдившись наконецъ, что она сдѣлалась жертвою обмана со стороны бессовѣтнаго пройдохи, Хвенна не побоялась сраму и прибѣжала въ полковый судъ (въ февралѣ 1691 года).

— Чанове! — жаловалась она, — любо (хотя) той Грыцько мени кгвалту жадного до чужолозства не чынывъ, однакъ уже зайшовъ третій мисаць, якъ зійшлысьмося на той грихъ, бо винъ пиднявся бувъ взяты мене за жону. Которымъ словами его я успевалиши, була ёму поволна, и черезъ немалый часъ мешкавъ винъ, Грыцько, зо мною, не безъ того, щобъ и дытыны мени не прыплодывъ. А теперъ, якъ бачу, смихъ той зъ мене учынившы, ни на що мене зводыть. Прошу зъ онога Грыцька, якъ мылость ваша уважыте, святои справедливости».

Скоро на судъ былъ „припрожаженый“ и Грыцько Бондаренко. Сначала онъ „тыхъ нестатечныхъ своихъ поступкивъ таився“, но когда суды приказали было его „подъ кіевое карання дати“, Грыцько сталъ виниться:

— Правда то есть, панове, гришывъ я зъ тою Хвенною молодыцею одъ того часу, якъ и вона говорыть,—тыхъ своихъ нестатечныхъ поступкивъ не могу ся затаиты. Есть и тое, що я оную Хвенну пиднимався за жону взяты; а колы такъ сталося, що слово свое одміннывъ, воли есть ваша що хотиты чыниты.

Грыцько, повидимому, полагалъ, что судъ обяжеть его жениться на шинкаркѣ, и съ фаталистическимъ равнодушіемъ рѣшилъ уже подчиниться этой непріятности. Но каковъ былъ его ужасъ, когда объявленъ былъ слѣдующій декретъ: „пovскромляючи тое, абы ся люди спросными и такъ нестатечными поступкамы обходыты не смили, прыказуемъ декретомъ нашымъ, абы оный Грыцько Бондаренко посередъ миста смертне кіамы бувъ бытый за такое свое значное проступство“.

Протоколъ умалчиваетъ о томъ, какъ сама Хвенна отнеслась къ этому суровому вердикту, но безъ сомнѣнія онъ не удовлетворилъ ее. Не гибели своему безпутному Грыцю она пришла сюда добиваться, а лишь того, чтобы его понудили исполнить обѣщаніе. Но мы уже знаемъ, какъ малорусские суды, подъ вліяніемъ ідей Магдебургскаго права, несочувственно относились къ браку, которому предшествовало прелюбодѣяніе.

Все жъ таки данный приговоръ былъ безмѣрно суровымъ. Такимъ онъ показался и многимъ изъ присутствовавшихъ, и они стали просить, „абы Бондаренко посередъ миста не бувъ караний“. Судъ немедленно измѣнилъ приговоръ: „давши мистде прозби людей зацныхъ, даровалысьмо оного Грыцка тымъ годнымъ (заслуженнымъ) караннямъ, однакъ панская и наша врядовая вына плачена маеть быти конечне“.

Удивительно, что Хвенна оставлена безъ всякаго наказанія. Это едвали не единственный случай, что истица въ подобной „справѣ“ ушла изъ суда не наказанной.

27. Мельникъ и шинкарка.

Село Брусія, близъ Полтавы, славилось водяными мельницами на р. Ворсклѣ. Если гдѣ-либо въ предѣлахъ полтавского полка возникалъ споръ по поводу неправильнаго устройства водяныхъ мельницъ, задержанія воды и т. под., то судъ чаше всего посыпалъ туда, въ качествѣ экспертовъ, Брусійскихъ мельниковъ, какъ специалистовъ, „добре на водномъ строеніи знающихъ“. Но за мельниками, или „мырошныками“, вообще въ Малороссії издавна установилась репутація людей „добре знающихъ“ и въ другомъ искусствѣ—въ ловеласничествѣ, въ умѣніи сводить съ ума молодыхъ вдовъ и легкомысленныхъ „мужніхъ жонъ“. Брусійский мельникъ Кондратъ своимъ поведеніемъ достаточно оправдывалъ эту репутацію. Все село говорило о его черезчуръ близкихъ отношеніяхъ съ мѣстной шинкаркой Гапкою, молодой—не то вдовой, не то „безмужней женой“, такъ какъ въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ ни она сама, ни кто другой не могли съ точностью сказать, гдѣ именно „валасается“ (шataется) ея законный мужъ и существуетъ ли онъ еще на свѣтѣ. Были у Кондрата озлобленные соперники, засаживавшіеся на него по ночамъ и горѣвшіе желаніемъ обрѣзать ему полы и надѣлать сраму; но хитрый мельникъ былъ остороженъ и не давался легко въ руки. Вырвался было сгоряча козакъ Иванъ Забила и сталъ передъ судомъ обвинять Кондрата, что онъ съ Гапкою „вшетеченьство пополнялъ“, но судъ потребовалъ отъ обвинителя „слушныхъ доводовъ“, именно—„полъ вризаня показаты“, и такъ какъ Забила не представилъ такихъ „доводовъ“, то его присудили за клевету „еднаты“ Кондрата, и это ему не дешево стоило. Съ тѣхъ поръ Забила поклялся—не давать своимъ очамъ сна, ни вѣждамъ дреманія, пока не урѣжетъ полы Кондрату и не вернетъ съ лихвой понесенные изъ-за него убытки.

Какъ ни береглись Кондратъ съ Гапкою, имъ не удалось таки укрыться отъ мстительного ока ихъ преслѣдователя. Какъ-то, въ декабрѣ 1688 года, сошлись они для свиданія въ чу-

жомъ погребѣ и подперли дверь надежнымъ коломъ,—а черезъ не сколько минутъ Забила привезъ сюда толпу людей, во главѣ съ мѣстнымъ атаманомъ. Кондрату и Гапкѣ обрѣзали полы и связанными отправили къ сотнику.

На судѣ Забила торжественно „презентовалъ лицо“: кусокъ Кондратового „кожуха“ и полу изъ Гапчиной сорочки, и домогался, чтобы ему были возвращены убытки, „что передъ тымъ утративъ, еднающы Кондрата“.

Спросили Гапку: „Чы ты мила той грихъ зъ Киндратомъ пополняты?“

— А що жъ, панове—винилася она—любо жъ то и теперь мію мужа и не видаю, де винъ по ризныхъ мисцахъ туляется; а що грихъ вшетечный зъ Киндратомъ пополняла, такъ есть и було, бо винъ мивъ мене за жону взяты. Билшъ мене ни о чимъ не пытайте.

Кондратъ также не отрицалъ связи съ Гапкою, но утверждалъ, что въ погребѣ, гдѣ ихъ схвачено, ничего предосудительного не происходило. Въ виду этого, судъ велѣлъ на мѣсть, въ Брусії, произвести дознаніе, „хто бъ досконале видавъ о зловеню Кондрата на чужолозствіи зъ Гапкою“. Тамъ были допрошены свидѣтели, изъ коихъ Лесько мельникъ, пріятель Кондратовъ, показалъ:

— Киндратовыхъ дій не бачывъ, але кгвалтъ чувъ и шынкарку простоволосую бачывъ.

Другой свидѣтель „вызналь:“

— Киндратъ, пры пойманю въ погреби, въ убраню якъ въ кайданахъ ходывъ по погребу.

Остальные свидѣтели прибавили ко всему этому, что Кондратъ, „пры пойманю, еднавъ Забилу: дававъ ёму десять таляривъ, не допускаючи до уряду“.

Судъ справился съ закономъ и въ книгѣ „Порядокъ“ (часть IV, листъ 139) нашелъ предписаніе, что уличенные въ данномъ проступкѣ—„которыи убогшіи суть, выгнанемъ зъ поспольства каракан мають быти, а богатшіи—виною пѣнажною“, и на этомъ основаніи постановили декреть: „поневажъ Кондратъ мелныкъ

каранемъ смертелнымъ дарованъ, міетъ Ивану Забили утрату его нагородыты, на чимъ бы той шкодовавъ, а особливе выну панскую міетъ платыты, а вшетечныцю Гапку велики-сьмо зъ миста вынудыты“, т. е. подвергнуть позорному изгнанію изъ города.

---

28. Грѣхъ съ кумою.

Въ маѣ 1688 года прибыли изъ села Ивашекъ, близъ Полтавы, мѣстный атаманъ Иванъ Пушкаренко съ „товарыстомъ“, жителями Ивашковскими, и подали полковнику Федору Жученку слѣдующу „атестацію“:

„Милостивай добродію нашъ, пане полковнику полтавскій! Подъ сумленемъ душъ нашихъ повидаемо, что Петро, зять Дмытровъ, содомскій и Богу мерзкій учыновъ черезъ многіе часы зъ Тетяною Павловною, кумою его, пополняющы, строилы, о чимъ давно видомо вамъ було; а теперь Богъ объявывъ ёго, Петра, съ кумою ёго Тетяною грихъ, которыхъ піймано на горищу, и взялы мы прызнакъ зъ Петра кожухъ, а зъ Тетяны плахту, обохъ давши до вязеня сильского. А теперь того вшетечника и вшетечныцю передъ вами становымо“.

Полковникъ передалъ эту „атестацію“ въ судъ, гдѣ она при разборѣ дѣла и была въ слухъ всѣмъ прочитана, послѣ чего атаманъ предъявилъ суду „прызнакъ“, или „лыце“, т. е. кожухъ и плахту. Суды поинтересовались узнать: какимъ же именно способомъ „Богъ объявывъ“ столь тяжкій грѣхъ кума съ кумою? Тутъ выступилъ почтенного вида старикъ Мартынъ Кушниръ и сказалъ:

— Панове! Якъ мене бачыте подейшлого въ літахъ моихъ, и готовуюся я въ дорогу поклонытыся мисцямъ святымъ Кіево-ческимъ, то Боже дай, щобъ я съ той дороги не вернувся, колы бъ то на Петра и на куму ёго несправедлыво мавъ повидаты, але самую истину. Ишовъ я зъ женою мою, и Кулыхыча стара зъ нами йшла, и колы прыходылы мы до тієи пусткы,

ажъ бачымо—Тетяна, кума Петрова, съ горища скочыла. Тоди моя Кулына мовыла мени: „Стань, Мартыне, на прысьпу и глянь, чы нема тамъ на горищи нашои куркы“. Я глянувъ, ажъ тамъ лежыть Петро на постели и прыкрыўся кожухомъ. Тоди Петро почавъ насъ слезне просыты: „Сусиды мои мылны, покрыте по мени той грихъ сей разъ“. Мы бъ и покрыли, такъ уже на тое позорыще зибралось багато людей, що трудно було того покрity“.

Обстоятельства дѣла были ясни, обвиняемые не отрицали своей вины и лишь молили о милосердії, поэтуому судьи приступили къ составленію декрета. Всъ они согласны были въ томъ, что къ данному проступку слѣдуетъ отнести съ особеною строгостью, „не допускаючи плюгавого того вшетеченства въ сродстви плодыты и поскромляючи той содомскій грихъ“, поэтуому рѣшили примѣнить 73-ї артыкуль Права Цисарскаго и артыкуль изъ книги „Порядокъ“ (часть 4-я, листъ 131), гласящій: „чужоложникъ мечемъ абы быль каранъ, а чужоложница у пронкга (позорнаго столба) абы быта була и одъ права малженскаго одсужена“. Но тутъ подняли громкій плачъ дѣти Петровы, которыхъ было у него много, и между ними находились и совсѣмъ „недорослыи“, лѣтъ пяти-шести. Призадумались судьи, услышавъ этотъ горкій плачъ: съ кѣмъ же останутся эти жалкіе сироты, у которыхъ не было матери, а теперь хотять отнять у нихъ и отца? И „зглянувшись на плачливіи прозьбы дитей Петровыхъ“, судъ „учинилъ его вольнымъ одъ смертной карности“ и „вынайшовъ другой артыкуль изъ того же права, гласящій: „убогше выгнанемъ зъ поспольства, а богатшіе ви-ною пѣнажною карани быти мѣютъ“. Къ послѣднему взысканію и были приговорены „Петро вшетечникъ зъ кумою єго, вшетечницею“.

Любопытно, что съ той поры эта Тетяна Павловна,—очевидно „покрытка“, не имѣвшая иного прозвища, кроме отчества,—навсегда получила насыпливое прозвище Кумы, сдѣлавшееся для нея фамильнымъ. Два года спустя въ актахъ полтавскаго полкового суда записано, что приходила „Тетяна,

по прозвищу Кума" жаловаться на нѣкоего Василія Бута, который обманненымъ увѣренiemъ, будто женится на ней, склонилъ ее къ блудному сожительству, „приплодилъ“ ей дитя, а теперь отказывается исполнить обѣщаніе. Слѣдствіемъ былъ удостовѣренъ фактъ сожительства Бута съ жалобщицею, но такъ какъ онъ заявилъ, что не хочетъ „тои вшетечници за жону собѣ мѣти“, то судъ приговорилъ „оного Бута виною панскою и врѣдовою скарати, такъ тежъ и тую вшетечницу Татьяну Куму, по неважъ первѣй зъ кумомъ грихъ смертельный плодила и поймана була на вшетеченстви, а теперъ зъ Василемъ Бутомъ“. Очевидно, у этой Кумы имѣлись достаточныя материальныя средства для двукратной уплаты судебныхъ „винъ“, иначе ее, какъ неисправимую грѣшницу, подвергли бы позорному наказанію и „выгнаню зъ поспольства“.

---

29. Кишинѣскій Донжуанъ.

Въ сотенномъ городѣ Кишинѣкѣ должность городового атамана занималъ долгое время „значный“ козакъ Степанъ Москаль. Имѣлъ онъ и другую, болѣе шляхетскую фамилію—Раецкій, но въ Кишинѣкѣ всѣ его именовали „Москаль“ или даже „Москалецъ“, да и самъ онъ обыкновенно подписывался этою фамиліею, вѣроятно указывающею на великорусское происхожденіе его рода. А нужно знать, что Степанъ Москаль, или Раецкій, былъ не только грамотнымъ (иначе не быть бы ему атаманомъ), но и торидочно таки вышколеннымъ и хорошо начитаннымъ грамотѣемъ, какъ можно судить по его письму. Былъ онъ уже не молодымъ человѣкомъ, имѣлъ взрослыхъ сыновей, нажилъ кое-какое добро и пріобрѣлъ такое неограниченное вліяніе на слабаго сотника, что фактически самъ правилъ сотнею, при чемъ позволялъ себѣ разныя злоупотребленія, за которыхъ въ началѣ 1693 г. попалъ подъ судъ, сидѣлъ въ Полтавѣ въ тюрьмѣ и избѣжалъ наказанія лишь тѣмъ, что далъ полковому суду торжественное обѣщаніе пойти въ монастырь. Получивъ свободу,

Томъ 74.—Іюль-августъ, 1901.

I—13

Москаль не спѣшилъ исполненiemъ невольнаго обѣта, а занялся приведенiemъ въ порядокъ своихъ „господарскихъ“ дѣлъ, изрядно разстроенныхъ послѣднимъ процессомъ. Онъ занялся барышничествомъ, сталъ ѿздить по ярмаркамъ и надѣялся, что, при своемъ умѣ и ловкости, онъ скоро поправитъ свое состояніе. Но недогадливый Москаль позабылъ о томъ, что въ его прошлой жизни накопилось слишкомъ много темныхъ дѣлишекъ, которыхъ оставались скрытыми лишь до тѣхъ поръ, пока онъ былъ въ силѣ, пользовался значеніемъ и всѣ его боялись, но теперь ничто не мѣшало имъ всплыть наружу. Такъ и случилось.

Въ началѣ іюля того же 1693 года въ Кишинѣвскій сотенныи судъ пришелъ мѣстный козакъ Василь Шабалда, „зять Цетрациинъ“, и сталъ жаловаться:

— Панове вряде и вы, пановое товарыство! Сталася въ дому моемъ, безъ бытности моей, шкода въ чистъ святого апостола Фыліпа, о святылю чудотворци Николаю, що нема висты де ся подило намысто зъ кимнаты, каралевое, червоное, зъ трёма червоными золотыми полталярковыми, за якое намысто жона моя матку свою рожоную не разъ и не два укаряла, думаючи, що вона взяла и дитямъ дядьковымъ дала, и дивку Васылышину крамарчину хотила до права позываты. Я тежъ и самъ, вельмы по тій шкоди жалуючи, одъ того часу и по сее время терпивъ и державъ на пыльномъ баченю, чы не мигъ бы я де тое намысто пизнаты. А теперь я перечувъ, якъ пидъ часъ ярмарку, бувшио въ насъ, въ Кишинѣци, Грыцко Гречыненко, пьючи съ товарыствомъ, въ якоись прычныи проговорывся, що „бачивъ я, каже, тое намысто у Степана Москаля, якъ винъ пивъ у братерскимъ дому, на кануни“. Чувши тую мову одъ Гречыненка, Савка Гороховский прыйшовъ до моего дому и сказавъ мени. Я, тое одъ Савки почувши и вельмы съ того обрадованыши, освид чаю тую мою крадижъ, теперь прослынившуюся, мылостямъ ва шымъ и прошу святои справедливости“.

Судъ приступилъ къ слѣдствію. Былъ призванъ Грыцко Гречыненко и спрошено: видѣлъ ли онъ пропавшее монисто у

Степана Москаля и когда именно? Грыцько, „Божий на себе взываючи срокгий декреть“, если скажетъ неправду, показалъ:

— Выдилемъ, панове, тое намысто такимъ способомъ. Бувъ я въ той чась канунныкомъ¹⁾ и колы выйшовъ съ погреба, тогда и Степанъ Москаль ишовъ зъ надвірья, а кынувшись до своеи кишени, вынявъ зъ онои намысто Васылевои господыни (жены жалобщика). Еднакъ, не смивъ я ёму, Москалцеви, говорытыничого, а давши товарышови своему медъ зъ конвою, ишовъ до господы. Незабаромъ знову повернулемся въ домъ братерский, а мешкаючая въ томъ же двори старушка сказала мени: „тутъ, прави, показувавъ Москалецъ намысто Васылышыне; чы ты, прави, не бачывъ?“ Я хочъ и бачывъ, а сказавъ ій: „Ни, не бачывъ“. Чотимъ тая старушка сказала: „Москалець, носачы тое намысто, говорыть: „Оттакъ козакъ добувся у Шабалыхы! Тилько дайте мени ножа: пійду и другіи еще зъ шыи одрижу“. Я, почувши тыи слова одъ бабы, не отказуючи ійничого а ни пытаючись еи обѣтое, свое орудовавъ, на що бувъ отъ братства прыставленъ“.

Призвана была „старушка“ Євдокія и спрошена: видѣла ли она монисто Василишино у Степана? Она такъ „посвѣдчила“:

— Панове! Часу того, якъ бувъ канунъ братерскій, единого разу и Москаль пывъ на оному кануни дней зъ пять и якось, прыйшовши у хату, показуетъ намысто и говорыть: „Добувъ я тое намысто у Шабалыхы“, и просить у Даця Сыдоренка ножа, щобъ пійти до Васылыхы и другое одризати. Я тежъ, мало не що-дня буваючи у Васыля, познала, чо то есть истинное Васылышыне намысто, и говорила Гречепкови Грыцькови, чы не бачивъ и винъ того намыста. На завтрашній день, почувши, чо Васылыха матиръ свою за тое намысто ганыть, а дивку Крамарчыну хотеть до права прытягнуты, упоминала-мъ (уговаривала) еи, Васылыху, такъ мовячи: „Васылыхо, не гриши на матку и дивки не турбуй.“ А хочай и знала-мъ про те намысто, чо зостаеть у Степана Москаля, тилько жъ, боячись ёго, бо

¹⁾ Т. е. распорядителемъ по продажѣ канунныхъ напитковъ.

бувъ винъ въ той чась атаманомъ городовимъ, видаючи о своимъ убожестви, не сказала про тое.

Тѣмъ и ограничилась первая „инквізиція“, такъ какъ Степана Москала не было на ту пору въ Кишинѣ.

Когда онъ „прыбувъ зъ дорогы“, его жена Киліана, съ которой у него были вѣчные нелады, съ нескрываемымъ злорадствомъ оповѣстила его о томъ, что происходило въ судѣ. Степана какъ громомъ поразило это извѣстіе. Вѣдь Шабалда, его жена Вуцька (Евдокія) и жившая съ ними теща Ганна Петращиха¹⁾—это были первѣшіе его пріятели. Правда, съ самимъ Шабалдой у него нерѣдко происходили пререканія: какъ напьется онъ до невмѣняемости, такъ и начнетъ, бывало, приставать къ Степану: „мовять люде, що ты зъ мою женою чужоложышъ“, и при этомъ лѣзетъ въ драку; но пропрѣжившись, первымъ приходить мириться. Впрочемъ, Василь Шабалда рѣдко и дома бывалъ: онъ занимался прасольствомъ и почти всегда находился въ отлучкѣ. Но съ Вуцькой Шабалдыхой и ея матерью Степанъ былъ въ тѣснѣшей дружбѣ. Обѣ онѣ были веселаго, беззаботнаго нрава, охотницы пображничать, „зъ ничевя“ устроить бенкетъ, созвать „бѣсиду“,—такъ для Степана во всей Кишинѣ не было лучшаго пріюта, какъ въ ихъ домѣ: тамъ онъ, по ядовитому выраженію Киліаны, „и напыся, и наився, и спаты уклався“. И вотъ теперь эти милые пріятели хотятъ устроить ему скандалъ, опозорить предъ всей Кишинѣй, публично обвинить его—въ чемъ же? въ кражѣ какого-то „намыста“! Вѣдь онѣ же знаютъ, какимъ путемъ оно ему досталось. Глупый Шабалда, точно, невѣдаетъ ничего и, пожалуй, радъ теперь свести съ нимъ счеты по старымъ подозрѣніямъ; но какъ же Вуцька и ея мать допускаютъ его до этого? Неужели онѣ разсчитываютъ на то, что онъ, Степанъ, не осмѣлитъся на судѣ разсказать по правдѣ, какъ ему это намисто досталось? Или это старая Петращиха мстить ему за то, что, поссорившись какъ-то съ нею въ пьяномъ видѣ, онъ при

1) Та самая, о которой идетъ рѣчь въ очеркѣ № 5.

всей честной компании сбилъ съ ея головы очишки? Старая вѣдьма ужасно тогда разъярилась и поклялась передъ образомъ, что вовѣкъ ему этого не простить. Степанъ рѣшилъ, что завтра же отнесетъ ей купленный въ Миргородѣ гостиницъ и напрямикъ объяснится съ нею и съ Вуцькою, чего онѣ хотятъ отъ него; да надо будетъ возвратить Вуцько и это глупое намысто.

Но на утро, не успѣль еще Степанъ хорошенько „поснидать“, какъ за нимъ пришли „асаульцы“ и стали торопить его:

— Иды, мосьпане, до ратуша: тамъ уже урядъ засивъ для докончения твоей справы съ Цетращишнымъ зятемъ.

Пришелъ Степанъ въ ратушу, а туда набилось уже столько народа, что и онъ съ трудомъ протиснулся. Видно было, что затѣянный Шабалдою процессъ заинтересовалъ весь городъ. Тутъ было наперечеть все „значное товарыство“ Кишинѣское, „славетное мѣщанство и всечестное духовенство“; каждому хотѣлось послушать, какъ будуть судить вчерашняго атамана за кражу намиста у своей же пріятельницы. Сколько здѣсь было недавнихъ друзей и „щирыхъ“ пріятелей павшаго атамана, которые, бывало, заискивающими глазами ловили его взглядъ, наперевѣрвъ спѣшили сказать ему „добрыденъ“! Теперь же съ нимъ здоровались нехотя, точно стыдились его знакомства.

Началось слѣдствіе. Призваны были прежніе свидѣтели и вторично допрошены въ присутствіи обвиняемаго. Грыцько Гречиненко показалъ:

— Мои ласковыи панове! Якъ первой говорилемъ, такъ и теперь, при самомъ Степану, правдыве повидаю, що выдилемъ у Москальца намисто червоное, тилько жъ єму, Степанови, ничего не говорылемъ. Поты моего свидителства.

— Другой „свидокъ“, Евдокія старушка „такъ ему, Москвалеви, у вичи говорыла“:

— Степане! Богъ мене скраєтъ, колы я на тебе кламлыве говорыла; але правдыве повидаю, що выдила-мъ тое въ тебе намысто тогди власне, якъ прыйшовъ ты зъ дому Васылевого. Того часу и господыня твоя стояла пидъ викномъ Васылевымъ зъ Игнаткомъ (сыномъ), зазыраочы въ хату.

Теперь судьи обратились и къ Степану:

— А що, мосьпане, на такіі слушне на тебе показуючіся доводы що ты маешъ одвітувати и чымъ одводитися?

Степанъ видимо растерялся; не успѣвъ предварительно переговорить съ женою и тещою истца, онъ совсѣмъ не зналъ, какъ ему оправдываться. Сначала онъ „прысягався“, что моль „я того не видаю“, но когда свидѣтели стали уличать его, онъ не выдержалъ роли и вдругъ „передъ всимъ товарыствомъ“ началь просить Шабалду прекратить дѣло, „обовязуючись тое намисто заплатити“. Это было равносильно открытому сознанию въ кражѣ. Такъ это и поняли суды и присутствовавшая публика. Шабалда ловко воспользовался промахомъ противника и, отказавшись мириться съ нимъ, попросилъ судей занести въ протоколъ выраженное Москалемъ обязательство уплатить ему стоимость пропавшаго мониста. Суды исполнили его желаніе и, признавая данное дѣло себѣ неподсуднымъ, составили протоколъ, ствердили его „звыколо мѣскою“ печатью и вручили „новодовой сторонѣ“ (истцу) для представлениія „до зверхнѣйшого суду“, полкового полтавскаго.

Получивъ эту „атестацію“, или „ипквѣзицію“, Василь Шабалда тотчасъ же отправился въ Полтаву, а черезъ нѣсколько дней оттуда на имя Кишиньскаго сотника полученъ былъ полковничий приказъ арестовать Степана Москаля и препроводить его въ Полтаву „до турецкого вязеня“.

Это означало, что въ Полтавѣ не забыли его прежнихъ „злыхъ учинковъ“, и не предвѣщало ему ничего доброго. Предварительный арестъ обвиняемаго практиковался обыкновенно въ „горловыхъ справахъ“, то есть въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, когда подсудимому могъ угрожать смертный декретъ; но по тогдашнимъ законамъ можно было казнить преступника и за простую кражу. А на милосердіе судей Степанъ не могъ разсчитывать: онъ хорошо помнилъ, какихъ усилій стоило его пріятелямъ—сотникамъ, съѣхавшимся въ Полтаву для обычнаго поздравленія папа полковника съ „великоднми святками“, выпросить ему прощеніе, и какъ послѣдній неохотно уважилъ ихъ

ходатайство. Теперь и обѣтъ иночества не спасетъ его. Но если ужъ суждено ему не сносить головы, то лучше и достойнѣе испить смертную чашу въ искупленіе дѣйствительныхъ грѣховъ своихъ, которыхъ такъ много на его совѣсти, а не болтаться на „шибеницѣ“ въ качествѣ презрѣннаго „злодія“, польстившагося на какую-то глупую «цяпку». Много тяжкихъ грѣховъ совершилъ онъ на вѣку, но отъ воровства все-таки Богъ миловалъ его. И Вудька Шабалдыха, и ея мать хорошо это знаютъ, и если теперь безсовѣтно взводятъ на него „злодіство“, желая погубить его, то дѣйствуютъ такъ лишь въ томъ разсчетѣ, что у него не хватитъ смѣlosti откровенно разсказать на судѣ, какъ ему досталось это злополучное „намысто“. Правда, ему придется при этомъ повиниться въ другомъ, болѣе тяжкомъ и позорномъ грѣхѣ, о которомъ никто не знаетъ и за который тоже ожидаетъ его смерть, но зато онъ очистить свою совѣсть, чистосердечно покается предъ Богомъ и предъ людьми въ дѣйствительномъ прегрѣщеніи и оправдается въ томъ позорномъ поступкѣ, который ему безсовѣтно приписываютъ. А можетъ быть панъ полковникъ и остальные судьи, видя его чистосердечное раскаяніе, смируются надъ нимъ. А ужъ Вудька и старая Петращиха на вѣрное „сказятся“ отъ влости и срама, когда онъ разскажетъ всю правду.

Съ такими мыслями Степанъ легче переносилъ и тяжкое «вязеніе», а отправляясь въ Полтаву наказать женѣ не возвращать Шабалдыхѣ „намыста“, а оставить его у себя, какъ свою собственность.

— Хай уже воно тоби на подзвиня! не приминула и въ эту минуту уколоть мужа безсердечная Киліана.

Она не высказывала нималѣйшаго участія къ его злосчастному положенію и хотя разливалась въ слезахъ и громко причитывала, провожая Степана, во при этомъ кляла его всѣми „проклѣнами“ за то, что своими „злыми учинками“ онъ довелъ семью до позора и разоренія. Сыновья тоже угрюмо простились съ отцемъ.

Сидя въ полтавской „вязыни“, Степанъ Москаль задумалъ изложить письменно свою исповѣдь, въ формѣ „суппльки“ на имя полковника Павла Семеновича Герцыка. Приводимъ этотъ документъ въ подлинникѣ, лишь съ незначительными текстуальными измѣненіями, именно съ устраниенiemъ немногихъ слишкомъ книжныхъ словъ и выраженій и съ замѣной тогдашняго безсистемнаго правописанія фонетическимъ.

„Мосци пане полковныку полтавскій, мой велде ласкавый пане и найласкавшій добродію!

„Хочай вже явне гришныкомъ черезъ искони вселукавого и во мыру дійствуючого врага дывола, якъ выдите, ставъ я, однакъ, на Бога маючи надію, и вашої мылосты, пана и добродія моего, не отчиваюся ласки, а паче Божои, который прыйшовъ въ мыръ не призвати праведныхъ, а гришныхъ на покаяніе. Такъ и я, міючи уфность (увѣренность) въ Бози, велде покорно кланяючись, прошу слезно вашои, добродія, мылосты, абы и мене, недостойного и паче всіхъ окаянного гришнико (выслушавши моего доводу, якимъ початкомъ стався съутокъ гриха) помыловано. А то, мій мылостивый пане, було такъ. Сѣго року прошлой зими, на день святителя Христова Николая, бувъ я въ дому братерскимъ на меду, видкиль пишовъ до Жадана, кума свого, просыты на медъ. Ажъ тутъ Вуцька Шабалдыха Васылыха невидомо куда иде и просить мене, абы ій давъ талира грошей: „куплю, мовытъ, соби золотна на кошулю“. Я ій ничего иншого не одказавъ, тилько веливъ себе на тимъ мистцу, де и просыла, пождати. Прыйшовши зась до Литовки шынкарки, которая въ мене брала медъ, заставъ тамъ и жону мою Кыліяну и пысаря городового, що пылы горилку. Казавъ я Литовци, щобъ одличила талира. Пытгае мене жона моя: „на що ты стильки грошей берешъ?“ Я ій одказавъ: „Що тоби до того? Тоби того не потреба пытати“. Однисъ я талира Васылыша, а вона, взявши того талира зъ рукъ моихъ, казала мени изъ собою до своеї хаты пійти, и тамъ заразъ зъ нею, Вуцькою, запамятавши страхъ Божій, вчыныли спросний (мерзкій) грихъ. Тоди жъ, въ своїй господи, Вуцька зняла зъ руки моєї

сегнить (перстень съ именною печатью) щырозлотный, а я зъ неи знявъ намысто, яке того жъ часу и показувавъ Грыцькови Гречыненкови въ братерскмъ кануни и баби тій, якая въ тимъ двори мешкаеть. Прыйшовши жъ додому, похвалывся своїй жони, мовячы: „Отсе жъ, Кильяно, я и князь, да вже перстня нема—отдавъ Шабалдysи“. На другый день Кильява посыпала Лытовку до Шабалдыхы, абы вернула перстень, а потімъ, не вдергавшись, и сама пишла; ажъ іи стритыда Лытовка и показала перстень и два золотыхъ грошій, що Вуцька Шабалдыха дала. Довго жъ вона, Вуцька, терпила, не правлячи въ мене того намыста. Ажъ сымы вже часамы первой Вуцька упомыналася оного намыста у мене,—отказавъ ій, що нема; а вдруге сама Петрацьха пидъ своею вже хатою пытала про те намысто; я тежъ отказалъ и старій, що того намыста немає въ мене. Тоди просылы мене обыдви, абы того никому не открывавъ. Видала про те и жона моя; тилько жъ для того те намысто тайлышъмо, що то есть ричъ не меньшая (т. е. цѣнна), и до того господарства свого щадичы. А оде вже недавнёго часу Грыцько Гречыненко и баба тая, которымъ я на кануни намысто показувавъ, пидпывши, вызнали Гориховському, а Савка Гориховській отказалъ тое слово Гречыненково Васылеви Шабалди, Василь же Шабалда, чувши тое одъ Савки, бигавъ ажъ до Зинькова за Гречыненкомъ пытаты, а прыбувши зъ Зинькова, презентовавъ тее прызната на урядъ. У якимъ признатю чувъ я, що просывъ яко бы то я у Дацька Сыдоренка ножа и ходывъ зъ ножемъ до Вуцька за другымъ намыстомъ. А я не чуюся въ тимъ, щобъ мавъ въ кого ножа прохаты и ходыты зъ ножемъ вдруге, и черезъ те повонпывъ я прызната Гречыненкове и прытаився того першого разу, що намыста не бравъ. А раніше я зъ нымъ не таився; и господыня моя, міючи жаль, що я зъ нею не бытковавъ, сказала мени: „що то есть за намысто?“ и я передъ нею не таився.

„Въ якій мири маючи вышеписаныхъ злостей, вже не чывю себе свободнымъ. А що неправедно на мене клеплють и злодійство вернутъ, въ тимъ поледаю (поручаю) себе вашій пан-

скій мылости на выводъ и въ тимъ слезно прошу: якъ маесте^{вы-}
сокій розумъ и мылость, помылуйте мя по великій своїй мылости. Бью чоломъ. Слуга и подножокъ Степанъ Москаль“.

Эта „супплика“ не произвела на полковую старшину того впечатлѣнія, на какое авторъ разсчитывалъ. Тамъ, видно, давно составили о немъ опредѣленное представление, какъ о лживомъ и порочномъ человѣкѣ, и не повѣрили искренности его раскаянія, а признаніе въ новомъ преступленіи еще болѣе повредило его репутациі. Впрочемъ, самъ полковникъ, на милосердіе котораго почему-то разсчитывалъ Степанъ, былъ занятъ въ это время другими дѣлами и не могъ принять личного участія въ судѣ надъ нимъ; свои предсѣдательскія полномочія онъ передалъ полковому обозному Адаму Ненаденку.

Судъ происходилъ 24 и 26 іюля того же 1693 года. Къ этому времени были вызваны изъ Кашиньки истецъ Василь Шабалда съ женою и тещею и свидѣтели. Оттуда же прибыла жена Степана Москаля съ сыновьями и нѣкоторые кишинѣцкіе обычаватели—одни изъ любопытства, другіе же съ особыми цѣлями. Приступивъ къ разсмотрѣнію дѣла, суды прежде всего отмѣтили „зелживость“ обвиняемаго, усмотрѣнную ими въ томъ, что на предварительномъ слѣдствіи онъ обязался уплатить Шабалдѣ стоимость украденного у его жены или инымъ способомъ ему доставшагося мониста, а между тѣмъ доселѣ этого не исполнилъ. Затѣмъ послѣдовала интересная сцена очной ставки Степана съ Вуцькою Шабалдыхою. Первому было предложено, „абы онъ Евдокії Патрашковни у вичи тое говорывъ, якъ и въ супплици подавъ“—какимъ способомъ добылъ онъ ея монисто. Степанъ смѣло началъ:

— Мои мылостивыи панове! Вольно вамъ за такой мій тяжкий грихъ, що я не еднократне чужоложивъ, и смертельне мене удекретоваты, чого я уже и годень, бо обитныю тую, яку передъ страшнымъ маестатомъ Божымъ духовному моему обищавъ, прыймуючи въ женою мою тайну святого малженства, шлюбовавъ пры пій заховаты вшеллякую святоблывость, теперь черезъ чужоложство зламавъ, и мешкаючи въ спросности зъ чу-

жымы впетечными (распутными) жонами, ложе жоны мои осквернены. А теперь, передъ мылостями вашими стоячи, такъ говору: намыста того я не кравъ, але для порубства (прелюбодѣяния) и спросности гриха, пополнывшаго зъ Петрашкивною, зъ шиене знявъ, якъ и вона зъ руки мои перстень зняла, доброволне, бо тоди булысьмо едно другому, для злой спопычности (общенія), повольни. А на завтрешній день просыла мене старая Петращиха зъ дочкию своею, щобъ я того намыста никому не объявлявъ, „бо (мовыть) то меншай ричъ есть намысто, а якъ довидается про те старшина, то певне черезъ те, що у тебе своя жона, а у дочки мои мужъ есть, будете обое на ростани укопани,¹⁾ та и худоба въ обохъ пропаде“. Я такъ и учывывъ на ихъ прозьбу, никому про те намысто не объявлявъ. А колы теперь воны на мене злодійство звернулы, то, хочъ моя жона, може, й вернула вже черезъ урядъ те намысто, однакъ я до злодійства не знаюся. Богъ мене нехай скараетъ и на души, колы говору неправду!“

Туть не сдержалась старая Петращиха. Она схватила зятя за руку, стремительно ринулась къ судейскому столу и заголосила.

— Наши мылостиви панове! Невправду той смердячый песь Степанъ Москалець на мою дочку а на жону Васыля, зятя моего, говорить. Власный винъ есть тому нашему намысту шкодца, бо те намысто зъ кимнаты въ нась вкрадено. А щобъ Евдокія таке зъ винъ чынила, тому трычи брехна! Це винъ зъ своеи запамяталости та зъ гниву па нась говорыть, щобъ того злодійства позабуты.

То же самое, хотя и безъ материакой запальчивости, подтвердила и Вуцька. Но Степанъ съ бѣшенствомъ перебилъ ее:

— Собако нечыстая! Сама жъ мене пидвела есы на те, що я таився. Мужъ твій Васыль, правда, про те не видае, бо на

¹⁾ Т. е. заживо закопаны на перекрестной дорогѣ. Любопытное указаніе на существовавшій нѣкогда въ Малороссіи родъ казни для прелюбодѣевъ.

той часъ и дома не була. А я съ тобою мавъ сполкованя першый разъ, якъ жупанъ до васъ прынисъ, а вдруге пополнывъ съ тобою, враже, нечестыи грихъ, колы вже завела есы мене до своеи господы; тоди жъ я и намысто съ твоей шни знявъ. Нехай за тобою, поганко, матка твоя прысягнетъ, если я не мавъ съ тобою сполкованя. А мужъ твій ничего не видае, бо по дорогахъ завше волочится.

— А юкъ, и прысягну, колы урядъ звелыть,—неувѣренно отозвалась Петращиха.

Такъ какъ Литовскій Статутъ допускалъ такой способъ доказательства, при отсутствіи другихъ, болѣе убѣдительныхъ, то суды объявили Петращихъ, что она можетъ, если желаетъ, „сомненямъ своимъ за дочку поправыты“. Но она видимо смущилась и объявила:

— Я маю прысягнуты въ тимъ, що сама не видаю, чычынала що моя дочка. Нехай липше зять мій прысягае за жону свою.

Но Василь Шабалда замялся еще больше и сказалъ:

— А юкъ, панове, чуючи одногласную ричъ Москалеву, не могу и я прысягнуты за жону свою, бо никто ничіёго поступку не видаеть, а звлаща я маю и дома буваю. Нехай вона псу жона, а не мени: я теперъ еи цураюсь!—и съ этими словами онъ въ гнѣвѣ выбѣжалъ изъ ратуши, а за нимъ побѣжала Петращиха. Этотъ комическій эпизодъ вызвалъ неудержимый смѣхъ среди присутствовавшихъ. Степанъ Москаль злобно торжествовалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Шабалда, видимо успокоенный, возвратился въ залу и заявилъ, что хочетъ прысягнуть за жену; но суды отказали ему въ этомъ, мотивируя отказъ тѣмъ, вонеरвыхъ, что онъ „зъ ратуша побигъ съ права, а друге—що мужови непрылычно въ такій справи прысягнуты“.

Судъ поспѣшилъ положить этой скандальной „справѣ належити конецъ“ и объявилъ декретъ: „абы за тое намысто и правные наклады було нагорожено Васылеви Шабалди осмъ копъ гротей зъ Москалцевои худобы, который чи тое намысто

укравши, чи тежъ черезъ сполечность зъ Петрашкового гриха мивъ у себе и не вернувъ". Собственно говоря, судъ какъ-бы уклонился отъ рѣшенія дѣла по существу, считая его маловажнымъ или недостаточно выясненнымъ, и перешелъ къ разбору дѣла, героемъ которого являлся тотъ же Степанъ Москалецъ.

Изъ среды публики вышла немолодая женщина, невзрачнаго вида, бѣдно одѣтая. Она оказалась Вивдѣй (Евдокіей) Дудківной, „удовыцею зъ Кишинѣкъ“, и поклонившись судьямъ, стала излагать свою „скаргу“:

— Панове суды! Нехай я не видаю, чи правду, або ни, говорить той Москаль на Петрашківну, а надо мною, певне мовлю, шыдерства (глумленіе) чынывъ. А то такымъ способомъ. Мешкала я у Кишинѣци, у Грыцька Бутка у сусидахъ, зъ мужомъ ище Гордіемъ, есть тому рокивъ зъ пять. Едного жъ часу Степанъ Москаль, прыйшовши до мене, казавъ такъ: „Вивде, ходы до настъ, на щось тебе моя Кыліяна зоветъ“. Я, розуміючи, що тому була правда, пишла зъ вимъ до ихъ двору и скоро увійшла у дверъ, винъ, Степанъ, не видаю для чого у стайню мене повивъ и тамъ, не говорячи мени ничего, ставъ усlyствовати до гриху спросного. Хочъ я и одмовлялася не чынити того, мовячы, що у ёго своя господыня, а у мене мужъ есть, однакъ винъ мене на то зневоливъ. Нарикала жъ я на ёго, плачучы, що мене, сыроту, на тее пильвивъ; а Степанъ мени и каже: „Однакъ, твій мужъ выненъ мени за сино, то менше єму жъ буде одробляти; а я могу за те па васть оглянутись“. Я одъ ёго стайні пишла и була и въ хати ихъ, и якъ прыйшла видъ ихъ до-дому, гирко плакала-мъ передъ мужомъ моимъ, нарікаючи на ёго жъ, Степана, и на мужа свого, на що винъ мене зъ нымъ до двору ихъ пустывъ. Тоди мужъ мій сказавъ мени: „Не журыся, небого, однакъ вже въ мене мало силы; що жъ маєтъ чынити!“ Було жъ тое, панове, межи намы посередъ дня, зимою, а хочай на той часъ и людей много плуталось мимо дверъ ихъ, тилко жъ для страху не чынила-мъ кгвалту и кримъ мужа билшъ никому не оповидала. И одъ того

жъ разу не мала я зъ нымъ, Степаномъ, сполкованя. А колы вже мужъ мій померъ, мешкала-мъ удовою два роки; а на третій, пройшли осены, передъ Покровою, якъ около города нашого дворы скыдано,¹⁾ тоди и Степанъ Москаль, свій дверъ изъ-за миста перенишы, въ самомъ городи побудовавъ, до якого двору позвавъ мене стайни мазаты и поступывъ мени три возы дровъ привезти за мою працю. Мазала жъ я увесь день, ажъ до засвиченя свички, и за свичкою вже домазувала. Тутъ Степанъ, прыйшовши до мене у стайню, почавъ мене усыловне валья и прыводыти до гриха. Я ёму говорыла: „Степане, змылуйся, теперъ мене не займай, бо видаешь, что теперъ я зостаю удовою, и въ глыну вся умазалася, та й Кыліяна дома знайдустся“. А Степанъ, не даочы мени говорыты, зневоливъ до гриху. Одь того разу я и на сию дытыну зайшла. А колы теперъ для тои дытыни, якій вже часть прыходыть и родытыся, просыла-мъ у ёго безъ суду, щобъ давъ що-небудь, винъ не схотивъ даты и ще й зъ погрозкамы мене отправывъ. Черезъ те, панове, прошу зъ ёго, Степана, справедливости; бо винъ въ Кишинъци не тилко зо мною мешкавъ въ прелюбодіянні, але и зъ тою Лытовкою, що ёго медъ продавала, чужоложъвъ“.

Судьи спросили подсудимаго: „Чы була бъ тому истына, щобъ винъ съ тою Гордійкою або и съ Лытовкою спросне мешкавъ? Москаль взволнованимъ голосомъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, я въ вашыхъ рукахъ зостаю: вильно вамъ якъ хотите мене скараты. Тому есть истына, що я по килькократне зъ тою Лытовкою чынывъ злую сполечность, та и зъ другою, Петрашкиною Вуцькою; а щобъ я мавъ на сию плісгавую Дудживну и помыслиты, не тилько що чынты зъ нею, або усылствовати, Богъ мя на души нехай скараетъ. Тилько мого отъ такои напрасныци выводу“.

¹⁾ Эта была обычная мѣра военной предосторожности въ виду татаръ, приходившихъ въ августѣ 1692 года, вмѣстѣ съ Петрикомъ, къ южнымъ границамъ Полтавскаго полка.

Но впечатлѣніе этой рѣчи было совершенно испорчено, когда неожиданно выступила жена Степана Киліяна съ сыновьями Семеномъ и Яковомъ и, сильно волнуясь, сказала:

— Неймите ёму виры, панове, бо винъ есть власный роспутникъ отъ давныхъ часивъ и прыставъ винъ до мене роспустне и жадной учтывосты въ малженстви святому не заховуючи мешкавъ. Уже колы винъ самъ на себе прызнавъ, що зъ Петрашкивною и зъ Лытовкою злую сполечность мивъ, то цѣвне, що и зъ Дудкивною, и зъ іншымъ вшетечными жонамъ спросность богомерзкую чынывъ. Колы вже Богъ мене вызволить одъ такого збрудня! Вельмы радила-мъ я, колы мужъ мій, за свои злти и недобрыи учынкы найдуючись у вязеню, просытвъ панивъ сотыкивъ всихъ о прычыну (о ходатайствѣ) до пана полковныка и давъ Богови обить у монастырь пойты, колы ёго учынятъ свободнымъ. Отже злый и незбожный чоловикъ и Бога оманувъ, не ставши черпцемъ, певне для вшетеченствѣ. Теперь, мылостыви панове, и я, и сыны мои слевне просыимо, абы одъ такого збрудня зостала-мъ свобода; бо вси его злти дила отдавна видаочы, не оголошала. А повеважъ мене, пры моїй старости, до вичной ганьбы и неславы прывивъ, та и худобы мене позбававъ, не хотячи ему далій того терпіты, прошу, абы винъ, яко не заховуючій прыказаня Божого, не бувъ мени одъ сёго часу въ малженстви участыкомъ и мужомъ моимъ, бо не мужомъ моимъ винъ бувъ, але тыраномъ. Прошу васъ, панове, надъ собою змылованія”.

Эта страстная обвинительная рѣчъ жены противъ мужа, сказанная въ судѣ въ такую минуту, когда рѣшался, можетъ быть, вопросъ о его жизни, произвела на всѣхъ гнетущее впечатлѣніе. Но Киліяна, безъ сомнѣнія, не была столь жестокосердой, чтобы сознательно и намѣренно отягощать участъ мужа. Какъ женщина строгихъ правилъ, она не чувствовала ни жалости, ни состраданія къ беспутному супругу; но отсюда еще далеко до того, чтобы она способна была откровенно домогаться его казни. Ея достоинство добродѣтельной жены было глубоко оскорблено развернувшейся на судѣ яркой картиной беспут-

ства мужа; но еще болѣе, можетъ быть, возмущала ее перспектива тѣхъ материальныхъ жертвъ, какими приходилось эти безпутства окупить, и при томъ изъ состоянія, которое, кажется, привадлежало ей одной. Вотъ и сейчасъ присудили уплатить восемь копѣй Шабалдѣ, могутъ присудить вознагражденіе и Дудкивнѣ, а за ней появятся съ претензіями, пожалуй, десятки ей подобныхъ. Какъ бережлива хозяйка и заботливая мать, она не могла перенести, чтобы изъ-за распутства мужа гибло благосостояніе семьи. Дѣтимъ не нуженъ такой негодный отецъ, а ей и подавно онъ не пуженъ, какъ мужъ. Но какъ отъ него избавиться? Киліанѣ не приходило на мысль опасеніе, что мужъ по данному процессу можетъ поплатиться головой: выкрутился же онъ еще недавно изъ большей, какъ ей казалось, бѣды, и теперь онаувѣрена была, что дѣло кончится крупнымъ штрафомъ въ пользу полковника и судей, какъ чаще всего такія дѣла оканчивались. А вотъ, если бы судъ подвергъ Степана иному наказанію—расторгъ его бракъ съ нею! Въ тѣ времена расторженіе браковъ, какъ мы знаемъ, входило въ компетенцію и судовъ свѣтскихъ, именно полковыхъ и примѣнялось обычно въ дѣлахъ подобныхъ настоящему, при томъ непремѣнномъ условіи, если невинный супругъ добивался этого.¹⁾ О такомъ именно декретѣ и молила слезно Киліана.

Между тѣмъ ея страстная обвинительная рѣчъ противъ мужа, ея негодованіе и живыя улики въ его распутствѣ, помимо ея воли упали тяжелымъ бременемъ на вѣсы правосудія и рѣшительно склонили ихъ въ сторону, роковую для обвиняемаго. Судъ призналъ доказанными слѣдующія „случные доводы“ виновности Степана Москаля: а) онъ „самъ на себе супплѣковалъ, чиначися явнимъ чужоложникомъ“; б) „Вивди Гордійци дытыну прижывъ и хочай крився того, отводячись, будто не чынывъ зъ нею гриха, еднакъ судъ ему не понявшъ виры“; в) „обитъ давши Господу Богу пойты въ монастырь, а не пойшовъ“, г) „самая жона его одстуپуетъ и не хочетъ за мужа миты“. Справившись

¹⁾ См. обѣ этомъ очерка №№ 12, 13 и 14.

съ законами, судьи примѣнили къ данному дѣлу артыкуль изъ книги „Порядокъ“, четвертой части, на листѣ 128, гдѣ сказано: „чужоложникъ мѣеть быти статый“, т. е. усѣченъ мечемъ, и постановили декрѣтъ: „той же карности и Степанъ Москаль зосталъ подлеглымъ“. Претензію Вивди Дудкивны (она же Гордійка) оставили безъ удовлетворенія, а ее самое велѣли „даты до вязеня, нимъ (пока) дытя зродыть“,—съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ особо подвергнуть ее суду и наказанію за прелюбодѣяніе. Относительно Вуцьки Шабалыхи не было сдѣлано подобное постановленіе очевидно потому, что оговоръ ея Степаномъ въ преступномъ сожительствѣ съ нимъ судъ не призналъ доказаннымъ.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.¹⁾

1829—1839 гг.

—

12.

26 октября²⁾ 1832. Екатеринославль.

Почтеннейшая маменька! Случай — и вотъ, какъ видите по надписи, я въ Екатеринославль. Отчасти желаніе увидѣть Федора,³⁾ отчасти другое желаніе или правильнѣе любопытство узнать амперію нашу въ ёя центрѣ; — дрожки запряжены, сѣль и поѣхалъ. Вчера въ 1 часъ послѣ обѣда я увидѣлъ Федора; въ три часа поѣхали по Екатеринославлю, выѣздили весь; вечеръ провели такъ весело, что и до сего времени вслѣдствіе хохота головная боль отзывается довольно чувствительно.

Теперь что вамъ сказать о центрѣ амперіи, въ которой имѣю теперь свое жительство? Довольно того, что я не ожидалъ отъ Екатеринославля того, что увидѣлъ. Прекрасная улица, вдвое шире нашей Сумской, составляетъ основу города. Прекрасные дома лентою тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы. Передъ каждымъ домомъ палисадникъ. Домъ Щекутина прелестный. Я не могу сравнить его ни съ однимъ изъ харьковскихъ, ибо такого дома нѣть въ Харьковѣ; въ петербургскомъ вкусѣ въ два этажа съ половиною — великолѣпное зданьице. Фабричныя зда-

---

1) См. Киев. Стар. 1901 г., № 6.

2) Слѣдуетъ читать: 26 ноября.

3) Ф. С. Евецкаго.

нія, оканчивающія городъ, огромны и также очень хороши. Улица тянется около полуторы версты, угломъ по изгибу Днѣпра. Церквей только три. Новый соборъ строится на горѣ подъ развалинъ потемкинскаго дома; храмъ будетъ превосходный. Мы заходили и въ развалины Потемкинского дома. Какое грустное чувство невольно вселяется при взглядѣ на это разрушеніе.— Въ немъ когда-то Екатерина, Іосифъ,—Потемкинъ угощалъ ихъ столомъ и своимъ проjектомъ обѣ изгнаніи турковъ изъ Европы. Крыши уже разрушены; полы также; но штукатурка еще сохранилась и превосходная лѣпная работа также. Сегодня только что я имѣлъ удовольствіе свидѣтельствовать свое почтеніе добрымъ старикамъ, родителямъ Евецкаго. Прекрасные люди—они приняли меня очень ласково. Послѣ обѣда ѿду обратно. Извините, что письмо будетъ слишкомъ коротко. Фантазировать не хочется, а дѣла писать право нечего; и потому если я скажу вамъ, что я здоровъ, чего и вамъ желаю, то запасъ мой истощенъ, и я долженъ по необходимости окончить письмо...

13.

Барсаровка. Декабря 1-го 1832 г.

Уже декабрь! Я теперь считаю каждый день, и съ каждымъ днемъ подходить ближе радостная минута. Вся цѣль моя теперь—увидѣть васъ, поговорить съ вами. Скоро, скоро! Одно только теперь меня беспокоитъ—Михаилъ Ивановичъ.¹⁾ Ахъ, если бы не было никакого препятствія относительно его отпуска!—Съ этою же почтою вы получите и другое письмо мое: изъ Екатеринославля. Вы вѣрно, милая маменька, не осердитесь на меня за то, что на поѣздку къ Евецкому издержалъ 480 копѣекъ. За то я видѣлъ Евецкаго, провелъ съ нимъ счастливый день, увидѣлъ и обозрѣлъ Екатеринославль; проѣздился, былъ на той сторонѣ Даїпра, видѣлъ развалины потемкинского дома. Въ понедѣльникъ я обѣдалъ у Евецкихъ. Добрые, умные старики. Они приняли меня очень ласково. За обѣдомъ я познакомился со старикомъ Цыхомъ. Предобный стариkъ—нѣмчикъ, забавникъ. Я забылъ

¹⁾ М. И. Кусковъ, дадя И. И. Срезневскаго.

вамъ сказать о пожарахъ Екатеринославскихъ. Уже впродолжение цѣлой недѣли они продолжаются безпрерывно, каждую ночь. Въ числѣ сгорѣвшихъ строеній и синагога жидовская, большое зданіе. Остались только фундаменты, и на бѣду случилось это въ пятницу ночью, наканунѣ шабаша. Законъ запрещаетъ въ это время жидамъ трудиться. Съ воемъ и визгомъ они кружились около пламени, воздѣвая омытыя руки свои къ небу; русские не принимались тушить отъ суевѣрія.—Такая безпрерывная цѣпь пожаровъ, само собою разумѣется, предполагаетъ *поджогу*. Подозрѣваютъ въ этомъ плѣнныхъ поляковъ, живущихъ теперь въ Екатеринославль. Рассказываютъ многіе анекдоты: какъ одному мѣщанину грозилъ полякъ поджечь его домъ, если не дастъ ему денегъ; какъ польскій мальчишка бросилъ въ бочку съ дегтемъ начиненную порохомъ и подожженную сумку, и пр. и пр. Весь Екатеринославль въ страхѣ. Жители учредили изъ себя квартальный обходъ, но ничто не помогаетъ. Пожары бываютъ по большей части рано вечеромъ или часовъ въ 6-ть утромъ. Предъ симъ несчастнымъ временемъ Екатеринославль цирвалъ: безпрестанные балы, конская скачка, поднятіе колокола на колокольню вновь строящагося собора, и пр. О семъ послѣднемъ скажу подробнѣе: когда привезенъ былъ колоколъ на баркѣ, искали подрядчика, который бы перевезъ его на гору къ собору. Никто не согласился менѣе пятьсотъ рублей взять за такой подрядъ: такова гора! Тогда народъ, поставивши колоколъ на полозья, торжественнымъ шествиемъ повезъ самъ своими руками этотъ колоколъ, духовенство и чиновники сопровождали пятитысячную процессію. Даже дѣти и старухи хватались за стоявшую веревку, будто помогая своимъ отцамъ и сыновьямъ. Въ полчаса колоколъ былъ уже на горѣ. Въ двѣ минуты его втащили на верхъ колокольни.—Братъ писалъ мнѣ когда то, что Гулакъ умеръ. Правда ли это? Я въ Екатеринославль слышалъ противное. Вѣрно братъ повѣрилъ ложному слуху, а потомъ забылъ исправить свою ошибку.—Старикъ Цыхъ рассказывалъ, что сынъ его получилъ адъюнкта и магистра, и радовался. Я не хотѣлъ уничтожать его радости ни даже сомнѣніемъ. Но скажи пожа-

луйста, братъ, ужели Гордѣнко¹⁾ и Криворотовъ²⁾ добились магистерства? Если Цыха сбили, то ихъ обоихъ стоило бы сдѣлать истощниками въ университѣтѣ: а сдѣлать ихъ магистрами, удаливши Цыха,—срамъ университету. Если сложить цѣлый легіонъ Криворотовыхъ, то и тогда не составится ни одного Цыха, ни по уму, ни по знаніямъ. Я возвращался изъ Екатеринославля вечеромъ. Матерь играла въ воздухѣ. Я закутался—и заснуль. Кучерь—чудо, лошади—тоже. Летимъ. Я проснулся, когда съѣзжали съ горы къ Днѣпру. Тпру! Кучерь соскочилъ искать дороги черезъ Днѣпъ, наконецъ помощью мужика отыскали—и поѣхали по льду. Вода подо льдомъ гудеть. Ледъ трещитъ, но это вовсе не страшно, провалиться нельзя. Ледъ уже въ аршинъ толщины; а скучно то, что ѿдешь по льду. По Днѣиру ледъ обыкновенно становился шерегомъ. Какъ бы это вамъ разсказать? Легкій ледъ въ началѣ зимы ломается волною,—становится другъ къ другу бокомъ и замерзаетъ постепенно, начиная отъ нижняго порога къ верхнему. И такъ ледъ вдругъ становится толстымъ, во чрезвычайно неровнымъ: одинъ кусокъ льдины выдался, другой впалъ. Когда Днѣпъ станетъ, прокладываютъ дорогу, то-есть чистятъ, чтобы удобнѣе было ѿздѣть; но это не помогаетъ. Щедешь, и безпрестанно гнѣшься то на одну сторону, то на другую. Подъ колею вѣчно попадаетъ льдина,—и такъ тряско надобно ѿхать около двухъ верстъ. Вы не можете себѣ представить, какъ у меня болѣли ноги послѣ такого странствія. Точно будто ихъ перещупалъ кіемъ...

—
14.

7 декабря 1832 г. Барваровка.

Лети, лети время, скорѣй, скорѣй! А вы, душенька маменька, ждите колокольчика. Скоро, скоро...

¹⁾ Григорій Степановичъ Гордѣнко, впо лѣдствіи проф. законовъ полицейскихъ и уголовныхъ Харьковскаго университета († 1849 г.).

²⁾ Александръ Григорьевичъ Криворотовъ, проф. римскаго права въ Харьковскомъ унив. († 1850 г.).

Уже я начинаю приготовляться къ пути. Вчера вечеромъ перебиралъ и приводилъ въ порядокъ тетради. Пересматривая такимъ образомъ свои кипы, я увидѣлъ, что время не совсѣмъ потеряно. Украинская скрипка моя выросла или, лучше сказать, подросла очень примѣтно. Собрание словацкихъ пѣсень тоже увеличилось, ибо и къ намъ въ деревню два раза заходили словаки: разумѣется я не пропускалъ случая. Собственно мои труды также шли не даромъ. Пріѣхавши въ Харьковъ, я буду просить у васъ кое въ чёмъ совѣтовъ, милая маменька. На совѣты чужіе и не могу, и боюсь положиться...

—
15.

16-е дек. Варваровка.

Послѣднее. Слава Богу, слава намъ!

...Какъ увидимся, то я думаю и въ двѣ недѣли я не успѣю пересказать всего,—а какъ писать въ письмѣ, то того не хочется, того не можно, того не ловко, и такимъ образомъ предметы письма уменьшаются въ количествѣ и сходятся къ очень небольшому числу самыхъ глупыхъ мелочей. На прошлой недѣлѣ былъ у насъ засѣдатель. Это лицо довольно аккуратно выражаетъ мѣсто, имъ занимаемое.

Пріѣхавши въ Харьковъ, я когда-нибудь опишу вамъ формально всѣ лица, коихъ лицезрѣніемъ я наслаждался въ здѣшнихъ мѣстахъ, опишу всю этнографію украинскихъ степей самымъ вѣрнымъ образомъ съ прибавленіемъ безчисленныхъ анекдотовъ. Юмористический цѣлый романъ въ рукахъ,—стоить приняться написать,—только не хочется.

Послѣднее время я занимаюсь собираниемъ преданій о запорожцахъ. Въ воскресеніе ожидаю къ себѣ старика—болтуна, который долженъ разскажать многое. Знаете ли, какъ добръ Иванъ Тимоѳеевичъ: слѣдующею весною я пойду по Днѣпру, то водою, то сухимъ путемъ, и обозрю всѣ пороги и острова самымъ вѣрнымъ образомъ, а если вы позволите мнѣ издержать 30 рублей, то буду въ состояніи доплыть до самого Херсона и до Чернаго моря и вернуться назадъ въ Варваровку на почтовыхъ. Туда на баркѣ

почти даромъ. Путешествіе самое веселое. А лѣтомъ непремѣнно поѣдемъ съ вами въ Изюмскій уѣздъ. Я столько наслышался о красотѣ онаго, что грѣхъ не увидѣть его. Но это все зависѣтъ будеть отъ вашего позволенія.

А затѣмъ прощайте, милая маменька, до свиданія.

Из. Ср. 1)

16.

Варваровка. Генв. 17, 1833.

Желаю здравствовать, маменька! Здравствуй, братъ! Уже 4-й день, или 3-и сутки, какъ я въ Варваровкѣ. Михаилъ Ивановичъ уѣхалъ вчера. Все пошло по прежнему, тихо, медленно. Катерина Романовна и Иванъ Тимоѳеевичъ еще лучше со мною. Дѣти любезны. Всѣ обрадовались мнѣ, какъ родному. Я сказалъ Катеринѣ Романовнѣ, что вы позволили ей не только ставить меня въ уголъ, но и совершенно передали ей право маменьки; а вслѣдствіе сего, я, благодаря, говорю ей: *merci, maman!* Дней черезъ 10-ть они будутъ въ Харьковѣ проѣздомъ въ Воронежъ. Вотъ нашъ путь:

— Первая станція была пребезпокойная. Я болѣе шелъ пѣшкомъ. Потомъ лошадь нала. Потомъ въ Мерефѣ съ кибиткой. Я осмотрѣлъ ее: починать было долго. Мы оставили ее и поѣхали далѣе въ Водолаги... Въ Водолагахъ мы отдохнули. Часу въ 8-мъ утра прїѣхали въ Старовѣровку... Въ Константиноградѣ я пролежалъ больной; выпилъ полбутылки краснаго вина и лучше стало. Утромъ прїѣхали въ Новомосковскъ въ другой день, а вечеромъ въ Варваровку. Въ Новомосковскѣ я купилъ экипажъ—да-сь—экипажъ, простите, извините—заплатилъ дорого,—да я купилъ въ надеждѣ, что онъ пригодится,—розвальни за 8 рублей...

17.

Варваровка. Генв. 22, 1833.

... Я не отложилъ намѣренія издавать Альманахъ подъ именемъ „Отрывки“. Содержаніе: повѣсти, путешествія и исто-

1) На послѣднемъ листкѣ письма нарисованъ «Планъ нынѣшняго Варваровскаго помѣстья въ XVI вѣкѣ».

рические отрывки. Если увидитесь съ Петровымъ¹⁾, то именемъ своимъ попросите для меня у него статьи о Сибири; а я ему пришлю обѣщанное по слѣдующей почтѣ²⁾. Теперь никогда писать, а то и теперь бы прислалъ.

Извѣстите, маменька, объ этомъ и Ивана Николаевича; да еще вотъ въ чемъ дѣло. Я хочу напечатать въ альманахѣ своеимъ его отрывки изъ писемъ безъ подписи имени, а звѣздочками. Согласится ли? не сердится ли? Еще маленькая просьба, почтеннѣйшая маменька: сдѣлайте милость, попросите Іосифа Афанасьевича, чтобы онъ сократилъ для меня статью изъ *Annales des Voyages* Мальтебруна о Сѣверныхъ земляхъ, которая поясняетъ карту Зено. Онъ знаетъ. Я думаю, что онъ по добротѣ своей не откажется это сдѣлать, тѣмъ болѣе потому, что эта статья мнѣ очень нужна. Пусть извинитъ, что не пишу къ нему: ей-ей, никогда.

Когда Иванъ Тимофеевичъ будетъ въ Харьковѣ, то сдѣлай милость, братъ, вручи ему мой Телескопъ (2 тома), достань оставленное у Рейпольского, пожалуйста достань. Вчера мы читали Саламанхскаго студента и хохотали.

У насъ весна. Свѣту нѣть, Диѣпры таетъ. Я ѿздилъ верхомъ въ одномъ архалукѣ. Стадо въ полѣ. Кое-гдѣ пробивается молоденская травка...

18.

Варваровка. 27 янв. 1833.

...Хотѣлъ бы вамъ написать какую-нибудь новость, та що робыты?—Немае віякои.—По вечерамъ занимаюсь перепиской

¹⁾ Иванъ Матвеевичъ Петровъ—харьковскій литераторъ.

²⁾ Это обѣщанное были «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сквородѣ», напечат. Петровымъ въ его альманахѣ «Утренняя звѣзда» (Москва, 1836) въ подпись И. С. р. з. к. Варваровка на Диѣпры. 1833, февр. 11. О статьѣ этой есть упоминаніе въ одномъ изъ писемъ Е. И. Срезневской И. И. С—ому; изъ него видно, между прочимъ, что Петровъ просилъ И. И. С—го нарисовать портретъ Сквороды въ свитѣ; вѣроятно, этотъ портретъ и есть тотъ, который былъ напечатанъ въ «Утренней звѣздѣ» и перепечатана въ «Библіографѣ» 1894 г. при заняткѣ моей о письмахъ Сквороды къ Правицкому.

статей альманачныхъ. Недѣли чѣрезъ двѣ пошли въ Москву рукопись уже переписанную. Вы, можетъ бытъ, удивляетесь простотѣ названія моего альманаха: чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Статьи любопытныя. Не угодно ли прочесть заглавіе приготовленныхъ уже? Вотъ оно:

Повѣстія: Вукъ Абрамъ (Евецкаго), Туфли (арабская пов.), Мой дядя (моя), Фермата (Гофмана, пересказанная мною), Вевелинка (предавшіе), Блуждающій жідъ (Шуберта).

Путешествія: Чатырдагъ (Филомафитскаго), Черниговъ (Кулжинскаго), Жители западныхъ Ширинеевъ (Фишера изъ Москвы), Рассказъ бывшаго въ плаѣну у дикарей Сѣверной Америки, о Сербіи; Оссетины (Яновскаго), о Грузіи (Евецкаго).

Смѣсь: О молдавской народной поэзіи, Мысли и замѣчанія; Письма о санскритской литературѣ и языкахъ; о магометанахъ (Ив. Ник. Соколова).

Это еще не все. Если Петрову захочется знать содержаніе, то пусть полюбопытствуетъ. Если можно будетъ, то я постараюсь еще достать повѣстей, дабы сдѣлать альманахъ любопытнѣе... ¹⁾

—
19.

Варваровка. 1833. Середа, 21 февр.

...Вы пишете мнѣ, маменька, относительно Полторацкаго ²⁾ Братъ сказалъ, что я не соглашусь,—а я напротивъ радъ слушаю, разумѣется, лишь бы на такихъ условіяхъ, кои могли бы мнѣ доставить такое покойное житѣе, какъ теперь, хоть и хуже немножко, то ничего. Мнѣ теперь—чудо; одно то, что я не таскаюсь по пансіонамъ; лишь бы вы, маменька, согласились. По немногу, нѣть по многу, я занимаюсь—и наконецъ выслушаю свое. Служба не уйдетъ; а деньги вужны. Одно, что я не подлѣ васъ. Охъ, тяжко мнѣ иногда отъ этого, да что дѣлать! Я увѣренъ, что вы теперь не грустите о недостаткѣ: съ меня и этого достаточно. Я покоенъ, я счастливъ. Это правда, я не

¹⁾ Альманахъ этотъ наисечатанъ не былъ.

²⁾ Полторацкій приглашалъ И. И. С—го на мѣсто домашняго учителя (изъ письма Е. И. Срезневской 10 февр.).

забываю о магистерствѣ, но едва ли въ Харьковѣ. Мнѣ бы хотѣлось такъ распорядиться: поучить нѣсколько лѣтъ, потомъ сыскать компанію за границу, дать въ доктора, да и свинуть опять въ Русь. Мнѣ еще 20 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Если и еще 4 года погуляю, то много. А между тѣмъ есть много времени для занятій, и больше охоты заниматься по волѣ. Впрочемъ все будетъ, какъ Богу угодно. Будетъ то, что будетъ, а будетъ что Богу угодно, какъ сказалъ Хмельницкій. Я положилъ себѣ за правило каждую недѣлю написать какую-нибудь статью,—двѣ недѣли ее поправлять, а на третью отсылать въ журналъ. И это скрѣпляетъ мои занятія, а между тѣмъ главное мое занятіе, любимое—исторія Украины идетъ само собою не въ счетъ. Прошлую недѣлю послалъ въ Телескопъ: О Зендавестѣ.¹⁾ Нынѣшнюю, если успѣю переписать, перепишу о Вико²⁾. Будутъ ли напечатаны, обѣ этомъ братъ меня уведомитъ...

—

20.

Варваровка. 1833, февр. 24.

Не знаю, что и подумать, милая моя маменька, о вашемъ молчаніи на прошлой почтѣ. Такое критическое время какъ теперь невольно наводитъ подозрѣніе. Здоровы ли вы? Не больны ли? Не больны ли отчаянно? Или, можетъ быть, васъ мучитъ боль глазная? Никогда я столько не беспокоился, столько не грустилъ, не призадумывался, не мѣшался въ разговорахъ, не наводилъ скуку на другихъ, какъ теперь, начиная съ прошедшей субботы. Не знаю, что и подумать, какъ и разговаривать! Въ другое время я только жалѣю, что отъ васъ ни строчки, но теперь, теперь, когда вы сами уведомляете меня о повѣтряхъ! Маменька, добрая маменька, ради Бога не пропускайте не одной почты, пока въ Харьковѣ не будетъ все спокойно. Хоть по нѣсколько строчекъ руки вашей,—и съ меня довольно.

¹⁾ «Общія основанія Зендавесты» были напечатаны въ Телескопѣ 1835 г. (т. 28, с. 519—526) съ иодивсью И. С. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833 г. февр. 16.

²⁾ Напечатано не было.

Пусть братъ дописываетъ оставльное. Ахъ, если бъ вы знали, маменька, какъ теперь тяжело мнъ; грущу, и какъ будто по какому-то предчувствію. Конечно у васъ есть медики, близка помошь,—но, пожалуйста, душенька маменька, не болѣйте, будьте здоровы, да не забывайте вашего степняка. Для него лучшее удовольствіе, единственная отрада—вѣсть отъ васъ. Теперь только я почувствовалъ, какъ тяжело разставаться съ родными, какъ тяжело сносить горе отдаленія отъ родной. Нѣтъ, мое опредѣленіе жить подлѣ васъ, неразлучно. Тогда только я спокоенъ, счастливъ. Если огорчу васъ невольно,—вы простите меня; а теперь некому огорчить, некому и приласкать. Просто былинка степная. Однако я расквакился. Можетъ быть вы здоровы. Ахъ, если бы!—Вы получили мое послѣднее письмо и въ немъ видѣ Днѣпровскій. Теперь каждое утро я брошу по берегамъ Днѣпра и снимаю виды. Есть видъ Ненасытнца; видъ пороговъ Звонецкаго и Волошскаго и пр. Понемногу составлю порядочный портфель. Память со степей. Хочу нарисовать видъ Днѣпра, ночь, горятъ степи, Днѣпръ пылаетъ. Если бъ удалось. Жаль, бумаги нѣть хорошей. Завтра воскресенье: ѿду съ Алексѣемъ Ивановичемъ¹⁾ на Вороную. Тамъ живетъ 97-лѣтній стариkъ Гречка. Онъ былъ запорожцемъ, знаетъ много важныхъ неизвѣстныхъ исторій, происшествій. Буду разспрашивать; Катерина Романовна обѣщала зазнать волошку и списать у нея Молдавскія пѣсни съ переводомъ. Это вмѣсто сюрприза...

—

21.

Барваровка. 1833, февр. 27.

Нѣсколько уже дней я зрителъ пожара степей. Зрѣлище для меня совершенно новое и поразительное. Я бы желалъ познакомить васъ, милая маменька, съ этимъ пожаромъ; но что дѣлать,—вы не родили меня ни поэтомъ, ни живописцемъ. Если бы я рѣшился описать вамъ этотъ пожаръ въ красивыхъ періодахъ, то только бы насытилъ васъ своимъ кислорѣчіемъ;

---

1) Сынъ Подольскихъ.

если бы нарисовалъ, то вы бы не поняли. Придется ограничиться однимъ сказаніемъ о томъ, какъ и для чего производятся подобные пожары.

По степямъ днѣпровскимъ растетъ высокая трава, подобная хлѣбу, густая, высокая. Здѣсь называютъ ее *комышемъ, ковылою, тирсою*, какъ угодно. Когда то, въ прежнее бывалое, старинное время этотъ комышъ бывалъ такъ высокъ, что за нимъ не видно было рогатаго скота,—настоящій лѣсъ. Теперь, когда степи населяются все болѣе и болѣе, комышъ увѣзился; но и теперь въ иныхъ мѣстахъ онъ выше $1\frac{1}{2}$ арш. Въ продолженіе цѣлаго лѣта онъ растетъ, зеленѣеть; осенью сохнетъ, и во всю зиму стоять крѣпко на стебляхъ своихъ. Вѣтеръ только играетъ имъ. Весною, когда снѣгъ спадетъ и солнце пригрѣбѣтъ землю, степняки начинаютъ жечь этотъ высохшій лѣсъ комышу, дабы скорѣе росла молодая трава; берутъ пукъ самаго тонкаго комышу, сгибаютъ въ ложку, владутъ огню въ оную,—и, когда пукъ запылаетъ, они начинаютъ поджигать степь, приложивши пукъ къ земль и бѣжа такимъ образомъ перпендикулярно къ вѣтру, по прямой линіи. Полоса запылала, вѣтеръ погналъ пламя, и всѣ степь покрылась вся огнемъ. Она горитъ до тѣхъ поръ, пока сыщетъ себѣ какую-нибудь препону, хотя неборѣшую, дорожку. Если желаютъ, чтобы пожаръ пошелъ далѣе черезъ дорогу, перекидываютъ огонь, и пламя бѣжитъ далѣе до новой препоны. На эти пожары любо смотрѣть ночью. Небо играетъ зарекомъ, пламя и дымъ вьются клубами, Днѣпръ будто горитъ, и волны, переливающіяся透过 porоги, сяютъ мрачною радугою.—И все тихо и все глухо, какъ въ могилѣ, только изрѣдка вой волка пробудить спящихъ собакъ или порывъ вѣтра прервать тихій ропотъ пороговъ, и пороги взбурлять, и вспѣняться волны...

Что то дѣлается съ Госифомъ Афанасьевичемъ? Что подѣливаетъ его око всевидящее? Или оно еще ничего доселѣ не видѣть? Жаль! Я представляю себѣ его отчаяніе. Онъ такъ любить читать и заниматься, а при глазной боли долженъ ограничиваться одними своими мыслями.—Я хотѣлъ къ нему писать письмо, но поду-

малъ, что равно онъ отложитъ чтеніе его, а потому и рѣшилъ подождать его собственной писульки. Тогда напишу зѣло много.—Я теперь, маменька, знаю старину запорожскую какъ свою собственную жизнь. Мало-по-малу и собралъ свѣдѣній очень много. Особенно мнѣ помогъ Гречка, о которомъ я писалъ къ Вамъ въ прошломъ письмѣ. Часовъ пять я провелъ прошлое воскресеніе на Вороной, все разговаривалъ съ стариною, и слышалъ и узналъ очень многое. Гречка былъ самъ запорожцемъ и всему очнымъ свидѣтелемъ,—жалъ, что ему измѣняется иногда память, но въ такомъ случаѣ я его надоумливаю, онъ припоминаетъ, поправляетъ мои ошибки, и дѣло ладно. Гречкѣ 97 лѣтъ. Ему было уже 15, когда онъ присягалъ Петру III-му. Происшествія за его память онъ разсказываетъ чрезвычайно подробно, и что всего любопытнѣе, *по своему*, какъ запорожецъ, съ его вѣрованіями, съ его политическими мнѣніями. Живой памятникъ минувшаго! Скажите, добрая маменька, что пишеть Иванъ Николаевичъ? Упоминаетъ ли онъ когда-нибудь обо мнѣ? какъ упоминаетъ? Вотъ уже два письма я написалъ къ нему: одно до Рождества, другое тотчасъ по прїѣздѣ. И ни слова. Ужели онъ сердится на меня? Ужели я виноватъ предъ нимъ? Я по крайней мѣрѣ желалъ бы знать вину свою. Но такъ темно быть виноватымъ, осужденнымъ,—Богъ съ нимъ, съ добрымъ Иваномъ Николаевичемъ! Я вовсе не заслуживаю, кажется, презрѣнія отъ него; но и навязываться, подбѣгать, льстить—не намѣренъ ни предъ кѣмъ, тѣмъ болѣе предъ Иваномъ Николаевичемъ, котораго я душевно почитаю, люблю и обиженъ многимъ: тогда бы только я былъ тѣмъ, чѣмъ угодно, какъ видно, считать меня теперь Ивану Николаевичу. Я уже не смѣю теперь относиться къ Ив. Ник. ни съ просьбою, ни съ совѣтомъ, ни съ чувствами, словомъ: слова мои только увеличиваются въ немъ худое обо мнѣ мнѣніе, и наскучаютъ ему. Для чего же терять ихъ? Я знаю, что если Иванъ Николаевичъ любилъ меня, то для меня же, изъ желанія мнѣ добра, пользы, счастія; а я могу любить его только для себя. Разница большая.

Прощайте, добрая маменька!—Не забывайте вашего сына.
И. С.

22.

Варваровка. 1833, мар. 15.

... Въ нынѣшнюю недѣлю у насъ пропѣлось нѣсколько са-
мыхъ жестокихъ бравурныхъ арій. Отчасти у меня голова ходе-
немъ ходила.

Алексѣю Ивановичу разрѣшили не быть студентомъ. То была
первая бравада. Ему наскучило учить большиe уроки; онъ объ-
явилъ нѣсколько разъ досаду свою маменькѣ и папенькѣ. Па-
пенька обрадовался, что сынокъ хочетъ идти по батьку. Маменька
вѣроятно сжалилась надъ любимымъ болваномъ, и Алеша всту-
пить прямс въ военную службу. То то будетъ настоящій Кабудъ,
путешествовавшій въ Мекку! Мнѣ было досадно такое рѣшеніе.
Всѣ труды мои пропали. Я представлялъ и то и другое, но,
разумѣется, выслушали, да не послушали. Это обыкновенно бы-
ваетъ, и я только расхохотался. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ,
мое дѣло было сказать; а по расположеію ко мнѣ и Катерины
Романовны и Ивана Тимофеевича, вѣчно допрашивающихъ и
меня, что касается до мыслей,—я не могъ сдѣлать иначе: пе-
реказаль все откровенно. Теперь Алеша развязанъ и пошелъ
ослить, учится прегадко, думаетъ объ одномъ ружьѣ, а объ уро-
кахъ вовсе нѣть думки. Я предварилъ родителей о слѣдствіяхъ
позволенія. Мое предсказаніе сбывается.

Цѣлое семейство мужиковъ, т. е. отецъ и два сына изъ
новокупленныхъ русскихъ, бѣжало изъ деревни, Богъ вѣсть,
куда. То была вторая бравурная арія, которая не кончилась и
доселѣ. Ив. Тим. посыпалъ погоню по всѣмъ дорогамъ, но не
отыскали. И причину побѣга трудно отгадать. Снялись да и
пошли, оставя женъ и дѣтей, вѣроятно, съ намѣреніемъ при
случаѣ взять и ихъ къ себѣ. Были допросы, были арапники,—
все тщетно. Удивляюсь стойкости русскаго народа. Хохолъ ни-
когда не будетъ такъ стоецъ. Розыски продолжаются. Угадываютъ
мѣсто, куда бѣжали. Надобно знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ
есть много панковъ, которые безтрепетно принимаютъ къ себѣ
бѣглыхъ, обременяютъ ихъ работами, и ничего не платятъ,
угрожая судомъ. Но таковъ предразсудокъ: мужику лучше жить

подъ паномъ, нежели у пана по крѣпости. Думаютъ, что бѣглые отправились къ одному изъ такихъ панковъ, который имѣеть хуторъ около Елисаветграда.

Днѣпръ ломаетъ. То третья бравурная арія. Но какова смѣлость народа здѣшняго! Вчера начало ломать ледъ, а третьяго дня и вчера даже утромъ ходили и ъздили! Впрочемъ эта смѣлость искусственная. Ходить въ такое время по льду и ъздятъ только одни Синельниковцы. Баринъ приказываетъ, страшаетъ арапниками,—бѣдняжки ходятъ. Каждую весну потопаетъ синельниковцевъ до 18 душъ. А какъ бы вы думали, кто причиню такого погона бѣдныхъ? Belles maîtresses Синельникова, который живетъ съ ними не какъ султанъ или паша, а какъ нижайший рабъ, не смѣющій ослушаться приказаний своихъ повелительницъ. Синельниковъ покровительствуетъ разврату въ своихъ имѣніяхъ лучше, нежели нашъ государь просвѣщенію.

На этихъ дніяхъ у меня была развалина запорожская, стариkъ лѣтъ 80, бандуристъ. Много я разспрашивалъ его, многое узналъ. Списалъ нѣсколько думъ и пѣсней старинныхъ. Теперь, маменька, я знаю Запорожье не хуже азбуки. Мало по-малу, тихо-по-тиху, да и доползъ. Однако не перестану заниматься. Трудъ мой, почти семилѣтній, не долженъ остаться безъ окончанія или безъ пользы. Начну съ того, что перепишу набѣло аккуратно все свое собраніе. Куча будетъ порядочная!

Прощайте, маменька, прощай, братъ! Да, ради Бога, не забывайте вашего степняка...

23.

Барваровка, 17 марта 1833 г.

Еще почта, и опять отъ васъ нѣть письма. Господи Боже мой! Я настоящій сирота. Неоткуда май получить вѣсти, нечѣмъ порадоваться... Милая маменька, теперь я знаю, что значить любить и какъ я люблю васъ! Можетъ быть я желалъ бы даже быть равнодушнѣе, желалъ бы забыть свое горе,—но нѣть, оно слишкомъ близко къ сердцу, имъ все оно занято. Я плакалъ, читая

слова Вернера: „Богъ и мать, вотъ что должно занимать меня“ и пр. Нѣтъ, Вернеръ не обманывалъ, говоря это. Я это чувствую по себѣ. Письмо, приѣзженное мужикомъ русскимъ съ посылкою—было послѣднее. Пять недѣль прошло,—и хотя бы кто строчку. Ни вы, ни братъ, ни Джуниковскій. Ужели я недостоинъ строчки? Одна только строчка вашей руки, маменька,—съ меня бы и ее довольно. Наконецъ, я прошу васъ на предбудущее время,—не пропускайте ни одной почты, хоть по нѣсколько строчекъ, пишите ко мнѣ, но пишите. Это не составить большого счета. Мнѣ не нужно харьковскихъ новостей и пр. мнѣ нужна вѣсть отъ васъ, о вашемъ здравии,—увѣреніе, что вы не забыли, не сердитесь на меня.

На прошлой почтѣ я писалъ письмо къ Евдокому, чтобы онъ увѣдомилъ меня. Можетъ быть у него лежатъ письма ко мнѣ. Но отвѣта черезъ почту ждать долго. Иванъ Тимоѳеевичъ былъ такъ одбръ, что приказалъ снарядить дубъ, и завтра Романъ переправится на ту сторону, и поѣдетъ въ Екатеринославль. Послѣ завтра поутру я получу отвѣтъ. Ахъ, если бы онъ былъ съ письмами вашими! Нѣтъ, худо, худо на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ, отъ родной матери, матери, которой обязанъ я всѣмъ, всѣмъ, даже чувствомъ любви къ ней! Это чувство невольно... нѣтъ, не доскажу.

Авось либо я буду счастливъ послѣ завтра. Авось, но если нѣтъ... что я долженъ подумать. Лечу въ Харьковъ. Сейчасъ только былъ у меня Иванъ Тимоѳеевичъ. Я ему сказалъ эту мысль свою, онъ согласенъ. Дѣло кончено. Еще почта—и я у васъ.

Прощайте, маменька, не забывайте вашего сына. И. С.

24.

Варваровка, 20 марта 1833 г.

Наконецъ, добрая маменька, наконецъ я успокоился. Третьаго дня я получилъ ваше письмо № 5 отъ 28-го февраля. Съ этою почтою надѣюсь получить и еще одно, а можетъ быть и два. Но, ради Бога, не оставляйте меня, маменька, безъ пи-

семъ вашихъ. Катерина Романовна говоритъ, что я былъ покожъ на больного во все время ожиданія,—и былъ какъ сумасшедшій, когда дождался. Я не помню, чтобы когда-нибудь былъ такъ восхищенъ, какъ получивши это письмо. Но я долженъ признаться, не получая такъ долго письма отъ васъ, я думалъ, быть почти увѣренъ, что уже не увижу съ вами никогда, что я уже сирота, жалкій, беззащитный сирота безъ родныхъ, безъ покрова, одинъ, какъ степная былинка.

Относительно статьи о Сковородѣ, сдѣлайте одолженіе прочтите ее внимательно, пораскритикуйте,—и только тогда отдайте Петрову, когда найдете ее достойною печати. Вѣдь она написана слишкомъ насконо, не болѣе какъ въ два вечера.—Хоть и не будетъ извѣстно, кто сочинилъ, ее, но все лучше, если она не хороша, не печатать ее.

Знаете ли что, милая маменька? Мнѣ кажется—Петровъ не будетъ издавать Альманаха. Пусть братъ провѣдаетъ обѣ этомъ,—и если нѣтъ,—то лучше моей статьи и не отдавать ему, а то у меня черновой рукописи не осталось, а у него запропадетъ. Ее можно будетъ со временемъ исправить, и она будетъ похожа на что-нибудь дѣльное. Это самое меня заставляетъ не приготавлять и другихъ статей, которыхъ обѣщаны Петрову.....

25.

Варваровка. 29 мар. 1833 г.

....Я еще кажется вамъ написалъ, что уже лакомился осетриной. Чудо рыба, если она свѣжая! Мѣсо бѣлое, жирное, питательное, хрящи какъ желе. Пробовалъ и икру—не понравилась, какъ и харьковская, я не нашелъ даже разницы; та же гадость. Но осетрина—чудо. До сихъ поръ поймано только 3 осетра, изъ коихъ одинъ—кашиница, т. е. съ икрою. Кашиница вѣсомъ $4\frac{1}{2}$ пуда, въ томъ числѣ икры неочищенной 1 пудъ и 6 фун., а когда очистили вышло около 30 фун. Два осетра уже съѣдено (въ пять дней), а третій посоленъ, но и тотъ уже начать, ибо теперь по причинѣ холода ловли нѣтъ.

Томъ 74. —Юль-августъ, 1901.

I—15

По Днѣпру только б помѣщиковъ имѣютъ осетриную ловлю... Когда кашницу рѣзали, Кат. Ром. призвала мезя, при мнѣ вынимали икру, при мнѣ икру чистили, при мнѣ разрѣзывали осетра на куски и солили. Я теперь знаю это ремесло; если случится, то и на дѣлѣ покажу свое знаніе...

Такъ вамъ понравилась моя Сковорода, или блинъ, что я спекъ на Сковородѣ! О коллегіумскихъ беспокоиться нечего, ибо моя фамилія не будетъ подписана; а притомъ на все есть цензура. Позволитъ—и дѣло, не позволить—и то дѣло. О Вернетѣ и о дамскомъ башмакѣ тоже думать нечего. Вернетъ самъ это разсказываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, то-есть рассказывалъ, ибо теперь онъ безъ просыпу пьетъ въ Водолагахъ у Дуниныхъ.

Петровъ говоритъ, что у него мало стиховъ. Дѣльно. Если успѣю, то перепишу ему, что у меня есть, и по слѣдующей почтѣ пришлю къ вамъ, а вы передадите пану Петрову; по-трудитесь, добрая моя мама!—Я что-то теперь весель—и самъ не знаю чего. Такъ или потому что съ завтраго гуляю—ажъ-ажъ-ажъ до проводного понедѣлка. Егэ!..

26.

Барваровка. 1833, апрѣля 10-е.

Отправивши къ вамъ, милая маменька, прошлое письмо, я поѣхалъ гулять по Днѣпру на дубѣ, и доѣзжалъ до половины, т. е. до острова Голодайки, около версты отъ берега. Что за удовольствіе! Три рыбалки поютъ свои заунывныя пѣсни, весла шеморятъ водою, мы летимъ. Я вспомнилъ, какъ мы прошлымъ лѣтомъ їздили по Лопани съ Іосифомъ Афанасьевичемъ и братомъ. Что если бы намъ поплавать вмѣстѣ по Днѣпру; мы бы заѣхали на Куной островъ, взошли бы на скалу и полюбовались бы видомъ Ненасытнца: этотъ островъ лежитъ у самого порога, и съ него порогъ кажется настоящею горою. Увидѣли бы, какъ вода, облеченнная мутной пѣной, крутится и переливается по двѣнадцати лавамъ или уступамъ скалъ Ненасытнскихъ... Чудесно!

Но вы вѣрно не пойхали бы, маменька, вы бы побоялись великаго Днѣпра. Нѣтъ, онъ ничуть не страшенъ. Ёдешь, какъ по маслу, легче нежели по Лопани. Разумѣется въ тихую погоду.—А въ бурю—это другое дѣло.

Кавъ жить, а, если жить умѣючи, то въ здѣшнихъ мѣстахъ превесело. Напр. положимъ, что мы имѣемъ хуторокъ у самаго берега Днѣпровскаго; нашъ маленький, уютненький, веселенький, чистенький домикъ стоитъ на склонѣ горы, подъ сѣнью гранитной скалы, окруженнаго дубровою,—здѣсь вблизи нѣсколько хатъ крестьянскихъ, тутъ мельница, здѣсь токъ, здѣсь садъ,—а тамъ пахатныя пола. Все такъ уютно, мирно. Братъ женатъ—на доброй женѣ,—у него дѣтки, подобныя милой моей матине¹⁾; я ихъ учу,—вы съ невѣсткой занимаетесь хозяйствомъ. Братъ философствуетъ на поляхъ. Подлѣ настъ Иванъ Николаевичъ. Онъ тоже иногда учитъ своихъ племянниковъ и племянницъ. Тысячъ пятокъ доходу въ годъ,—и все хорошо. Иногда выѣзжаемъ въ Харьковъ, иногда въ Кіевъ,—и пр. и пр. Мы выписываемъ журналы, газеты; вечерами читаемъ; иногда прѣѣжаютъ сосѣди: тѣ для удовольствія, а тѣ для разнообразія. Я занимаюсь садомъ.. Право не дурно... Но,—мечта,—и очень дурно.

Впрочемъ мнѣ жить изрядно и такъ. Только нѣть васъ, а это хуже всего. На другой годъ ни за что не соглашусь оставаться: лучше менѣе получать, да жить подлѣ васъ, вмѣстѣ съ вами,—вмѣстѣ и горе и радость. Надобно только добиться въ институтѣ, если останемся въ Харьковѣ, ибо брату должно окончить курсъ, а тамъ поглядимъ. Можетъ быть, въ Москву, или куды инше.

До того времени мнѣ хочется приготовить себя какъ слѣдуетъ въ томъ и другомъ: во-первыхъ относительно познаній, а во-вторыхъ относительно литературной извѣстности. Иванъ Васильевичъ²⁾ именно пишетъ, что дабы получить хорошее мѣсто въ Питерѣ, необходимо нужна эта извѣстность. Чѣмъ

¹⁾ Маленькая дочь Подольскихъ.

²⁾ Роксовщенко—университетскій товарищъ И. И. Срезневскаго († 1889).

кто извѣстнѣе, тѣмъ тотъ принимается почетнѣе. Это меня заставляетъ часть трудовъ своихъ удѣлять и на сочиненія и переводы, кои могли бы быть въ печати. Очень немудрено, что и въ Москвѣ такъ точно дѣется.

У насъ рыбная ловля, т. е. осетрина, что-то плоха, до сего времени поймано только 11 осетровъ. Едва ли этимъ и не кончится. Но вы еще не знаете, какъ ловятся осетры здѣсь, и потому я скажу объ этомъ нѣсколько словъ... Все орудіе называется *переметомъ*¹⁾. Этими переметами застанавливается, какъ стѣнами, весь Даѣпѣрь. Когда осетры начинаютъ путь свой, то по необходимости должны встрѣтить сіи преграды на ономъ, и, испуганные, мгновенно поворачиваются назадъ, ласкаютъ хвостомъ въ переметъ и попадаются на крючья. Тогда начинаютъ они ёрзать туда и сюда, сомнутъ весь переметъ, т. е. каждый изъ нихъ по одиночкѣ сведетъ *куги*²⁾ одну къ другой. Рыбалки, это примѣтивши, бросаются къ тому мѣсту, встаскиваютъ переметъ на дубъ, а вмѣстѣ съ переметомъ и осетра, и т. д...

27.

Варваровка. 1833, апр. 17.

При семъ письмѣ прилагается послѣдній отрывокъ второй статьи для Украинскаго альманаха г. Петрова. Думаю, что мои статьи будутъ въ семъ альманахѣ не изъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, по мѣстности. При случайѣ, если вы, милая маменька, увидитесь съ Петровымъ, скажите ему, что если ему угодно попросить у меня, то я могу дать ему нѣсколько отрывковъ стихотворныхъ переводовъ изъ трагедій Кальдерона. Я переводилъ для себя, и только ради скуки вмѣсто прозы стихами. Если онъ меня попроситъ, то могу поправить стихи и прислать къ нему³⁾.

1) Здѣсь представленъ рисунокъ перемета.

2) При объясненіи рисунка перемета сказано, что кугами наз. большія палки, плавающія на водѣ, прикрепленныя къ концамъ перемета.

3) Напечатаны не были.

, Мы получили наконецъ Телескопъ и Молву, которую выписали вмѣсто Сѣверной пчелы. Викторъ Гюго—извѣстіе для Іосифа Афанасьевича—издалъ новую трагедію Лукреція Борджія. Не хвалять; хотя страшныхъ сценъ много. Въ Телескопѣ помѣщена прекрасная повѣсть Бальзака, въ родѣ Дженевры—*День встрѣчи*. Вы помните Дженевру, маменька, бѣдную Дженевру!—Елена, героиня сей новой повѣсти, не хуже Дженевры. До-станьте Телескопъ и вѣрно прочтете со слезами. Только Еленѣ достанется навѣрно отъ васъ. Какъ смѣла, какъ рѣшилась? И что за велиководушіе? и пр...

—

28.

Варваровка. 1833, апр. 27.

Вчерашній день полонъ происшествіями, та chere妈妈; но вы знаете, что значитъ день степной, исполненный происшествіями! Не много болѣе ничего. Вихрь, пріѣздъ засѣдателя и наконецъ разночика, знаменитаго въ здѣшнемъ краю Купріановича. Такой день долженъ конечно почестъся эпохой въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Но какой вихрь! Часа въ два пополудни показалось на противоположномъ берегу Днѣпра сизовато-пыльное облако. Пороги примолкли. Вѣтеръ завылъ,—и облако понеслось съ быстротою молніи поперекъ Днѣпра, будто великанъ Іоптагеймскій; идетъ по вздымающимся волнамъ, и давить волны могучей пятой своей, и вотъ ближе, ближе, и разсыпалось въ дребезги, ступивши на нашъ берегъ,—взрываетъ крыши съ хатъ, хлещетъ снопами соломы, свистѣтъ песчанымъ дождемъ, и рвется, и крутится. Невозможно было выйти надворъ, не жалѣя потерять глазъ. Стулья, стоявшіе на балконѣ моемъ, изволили въ это время танцевать мазурку и потомъ окончили променадомъ вдоль всего балкона. Я хотѣлъ было сначала восхищаться свирѣпой картиной природы, но, когда увидѣлъ пляску стульевъ, столь чудную, столь сходную съ адской пляской духовъ, то не могъ не расхохотаться,—выскочилъ на балконъ, привязалъ паруса къ плясовщикамъ и, вѣжливъ опять въ комнату, долго любовался этимъ неви(да)ннымъ хороводомъ.

Пріѣздъ засѣдателя былъ еще многообразнѣе. Динь, динь, динь! И вотъ показалось два передовыхъ казака,—ждемъ.—Катерина Романовна сидѣла въ это время у меня на балконѣ. Появляется бричка съ колокольчикомъ, запряженная тремя кляченками,—и въ бричкѣ, жидовскаго покроя двѣ жидовскихъ физіономіи, со впалыми, безпрерывно кружащимися глазами, съ усами, съ горбатыми носами, въ халатахъ.

Они пріѣхали производить слѣдствіе по дѣлу арестанта, кото-
раго тому назадъ недѣли двѣ Иванъ Тимоѳеевичъ отправилъ въ
судъ, поймавши въ своей деревнѣ. Катерина Романовна привыкла
засѣдателя; и онъ тотчасъ послалъ *своего писаря* производить слѣд-
ствіе на деревню, и первое дѣло къ отцу этого арестанта, который
принадлежитъ Ив. Тим. Послѣ обѣда Ив. Тим. замѣтилъ это за-
сѣдателю. Тотъ убѣжалъ скорѣе къ своему писарю. Надобно
знать, что засѣдатель обличенъ уже во взяткахъ: на него чо-
даны жалобы. Передъ вечеромъ я съ Митей пошелъ въ де-
ревню, гдѣ производилось слѣдствіе. Засталъ конецъ присяги,
послѣ которой попъ подошелъ ко мнѣ... Между тѣмъ писарь нача-
лъ разспросы. Я замѣтилъ, что это не его дѣло, а засѣда-
теля. Онъ продолжаетъ. Это меня взбѣсило; особенно, когда
начались разспросы о доказательствахъ. Я опять замѣтилъ, что
у мужиковъ по разспросу доказательствъ не требуютъ, какъ слѣ-
дуетъ по законамъ Николая. При томъ же разспросы не у
мѣста. Они должны предшествовать присягѣ. Замѣтилъ ему и
довольно дерзко, что все ихъ слѣдствіе не по закону, что, если
они желаютъ, докажу въ судѣ. Видно, что оба они получили
уже порядочную хабару отъ отца арестанта. Они передрогли,
перекраснѣлись и переблѣднѣлись, когда сказалъ имъ, что не
хотять ли они нового доноса на себя, давая знать, что, по за-
кону Николая, долгъ каждого гражданина давать правительству
знать о безчинствахъ, столь обыкновенныхъ при слѣдствіяхъ. За-
сѣдатель замѣтилъ мнѣ, что при разспросахъ никто не имѣть
права вмѣшиваться. Я отвѣчаю, что разспросы писаря не суть
разспросы, etc. Этимъ кончилась наша перепалка, которая про-
извела порядочную тревогу въ сердцахъ грѣшниковъ. Но что

болѣе всего ихъ изумило, то это то, что я сказалъ имъ, что они противно законамъ производятъ слѣдствіе, не давши знать помѣщику, не получивши отъ него отзыва. Отзывъ былъ между тѣмъ мною приготовленъ и такой отзывъ... Но что распространяться вдаль? Окончилось тѣмъ, что они передо мной расшарвались при прощаньи, а я *du haute de ma grandeur* кивнулъ имъ головою. Катерина Романовна—моя защитница: она говоритъ, что и сама тоже самое сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ, Ив. Тим. также. Итакъ, васъдателю носъ. Хорошо еще, что этимъ кончилось; а если бы меня не уговорилъ Ив. Тим. кончить ничѣмъ, то неизвѣсно съ сею же почтою полетѣла бы бумажка къ губернатору на имя Евецкаго. Я бы сдѣлалъ маленькое благодѣяніе всему дворянству Павлоградскаго уѣзда.

Я увѣренъ, что вы не похвалите меня за горячность. Но я защитилъ бѣдныхъ мужиковъ. Ив. Тим. не имѣть въ семъ случаѣ права защищать ихъ. И деньги, которыми бы они навѣрно приплатились порядочно за свое незнаніе законовъ, остались въ ихъ карманахъ. Во время нашей перепалки мужики стояли за меня и говорили мнѣ, когда я защищалъ ихъ, какъ адвокатъ съ боку припеку:—„Да, да, батюшка, правда твоя, чѣмъ мы докажемъ? Мы люди неграмотные“...

29.

Варваровка. 3 мая 1833.

Новая боязнь, новое беспокойство, новая мука, добрая моя маменька! Представьте себя на моемъ мѣстѣ, и тогда сознаетесь, что какъ ни хорошо мнѣ жить здѣсь, а все худо. О, если бы я могъ, во не дай, Боже, мнѣ испытывать это, если бъ я могъ жить самъ собою безъ всякой привязанности, безъ всякаго чувства въ сердцѣ, кромѣ чувства гнуснаго себялюбія, безъ всякихъ привязанностей, кромѣ одной презрѣнной привязанности къ суетѣ своихъ личныхъ выгодъ,—тогда бы, можетъ быть, я жилъ бы счастливо въ степи Варваровской. Принять, какъ родной, какъ семьянинъ, имѣю все нужное, могу удовлетворять даже нѣкото-

рымъ прихотяиъ своимъ, не нуждаюсь ви мало во времени для занятій науками. Чего бы болѣе? Но я былъ въ тысячу кратъ счастливѣе, че получавши 3000 руб., живши подъ однимъ кровомъ съ вами. И радость, и горе, все было для меня тогда раздѣлимо, все общее. Не за кого было опасаться, не за кого грустить, не по комъ жалѣть. А деньги, могутъ ли онъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ нашимъ? Лишь бы довольство: избытокъ портитъ людей. Не такъ ли? Если бы я могъ оставаться здѣсь и на другой годъ, то не увѣренъ, такъ ли же остался бы привязанъ къ вамъ, не охладѣлъ ли бы я къ родственному счастію. Нѣтъ, маменька! Выгода оставаться, несравненно менѣе выгоды не оставаться. Думаю, что перѣѣздъ мой въ Харьковъ рѣшился. Хотя пожаръ и не совсѣмъ большое горе, по крайней мѣрѣ не несчастіе, однако за нимъ можетъ послѣдовать ваша болѣзнь. Это уже для меня настоящее горе... Ахъ, дай Богъ, чтобы слѣдующее письмо ваше меня разувѣрило въ моей боязни! Жду, не дождусь послѣ завтрашняго дня. Въ Троицу поговоримъ, какъ расположиться, и увидимъ.—Здѣсь я окончилъ свои работы. Для самого себя относительно Запорожья узналъ и досталъ все, что можно было. Катерина Романовна вѣрно будетъ довольна^{мною}, ибо дѣти прошли столько, сколько и въ три года въ пансіонѣ не выучили. 1500 руб. останется въ карманѣ у насть. Я выѣду изъ Варваровки съ познаніемъ порядочнымъ двухъ языковъ: испанскаго и англійскаго, которыми теперь занимаюсь каждодневно, и по немногу успѣваю. Время не потеряно, смѣло скажу. Теперь и въ Харьковъ. Если бы въ Грузію или Москву и съ вами, о, это другое дѣло! Но здѣсь мнѣ незачѣмъ оставаться... Итакъ, у васъ Петровъ бываетъ частенько. Вѣрно, простой человѣкъ. Кстати, надобно въ Троицу познакомиться мнѣ съ Гр. Фед. Квиткой. Такъ? Рылся, рылся въ бумагахъ,—такъ нѣтъ. Представьте себѣ, маменька, почти окончилъ снимокъ портрета Сквороды и чрезвычайно удачно, куда то положилъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, недѣли двѣ тому принадлежало искать и все ищу, и Богъ знаетъ, гдѣ. Такъ совсѣмъ противу Петрова. Хотѣлось бы услужить добромъ человѣку, хоть подлинникъ прислать,—и на

бѣду рѣшительно не приберу памяти. Цѣлый вечеръ сегодня прошелся, перерылъ и книги, и тетради и нигдѣ нѣть. Однако буду рыться. Желалъ бы, чтобы Петровъ не отсылалъ Альманаха въ цензуру до Троицы. Хочется поправить свои статьи хоть въ слогѣ. Писаны слишкомъ наскоро. Для альманаха, конечно, годатся, но, если Петровъ приложить портретъ Сковороды, то вѣдь статья моя будетъ на виду,—и потому обратить поневолѣ на себя вниманіе. Относительно портрета—можно взять его у Ирины Григорьевны. Она вѣрно не откажетъ.—Къ пріѣзду въ Харьковъ отлагаю исполненіе обѣщанія дать Петрову стиховъ. Онъ вѣрно не поспѣшитъ съ альманахомъ, прочетши въ Сѣверной Пчелѣ, Молвѣ и Телескопѣ критики на Альціону и Комету Белы.

Брату поклонъ. Іосифу Смирягину¹⁾—тоже.

Прощайте, милая маменька!

30.

Варваровка. июня 14. 1833.

Боже мой, какія у насъ жары—рѣшительно нестерпимыя! Въ продолженіи цѣлаго дня такъ и ванешь,—радуешься, когда приближается вечеръ, надѣешься на одинъ вечеръ. Въ комнатѣ спать ночью душно. Но если бы вся бѣда была только въ этомъ; въ Таганрогѣ платятъ за пудъ муки 4 рубля,—за пудъ сѣна 2 р. 50 к. Какъ покажется это вамъ?... Ив. Тим. получилъ въ Новомосковскѣ рукопись мою изъ цензуры и распечаталъ; и распустилъ слухъ по Новомосковску, что я печатаю Запорожскую станицу. Это обрадовало одного протопопа, который рванулся писать къ архіерею, охотнику до этой старины самому страстному.²⁾ Мы съ Иваномъ Тимофеевичемъ поѣдемъ въ Екатеринославъ и познакомимся съ нимъ. Ив. Тим. доставитъ мнѣ болѣе 20 подписчиковъ, Кат. Ром. также нѣсколько. Иваненко обѣщаетъ около 50-ти. Я думаю, същу помошью архіерея въ Екатеринославлѣ. Все дѣло въ биле-

¹⁾ І. А. Джуровскій.

²⁾ Гавріилъ Розановъ (съ 1828 по 1837 г.), архіепископъ екатеринославскій.

такъ; вотъ почему и прошу васъ, маменька, попросить Петрова похлопотать о напечатаніи оныхъ по приложенной вдѣсь формѣ. Братъ потрудится, перепишетъ эту форму на особомъ полулистикѣ почтовой бумаги, какъ это письмо. На первый разъ достаточно напечатать 100 билетовъ, а для сего нужно купить дѣсть почтовой бумаги Полторацкаго, маленькаго формата въ полулистикѣ. Тамъ 96 полулистковъ, слѣдовательно не достаетъ 4-хъ пол. Это хоть и на другой бумагѣ, или прикумить. Дѣсть 2 руб. печат.— рублей 8. Да похлопочетъ Иванъ Матвѣевичъ испросить у полицей-майстера или губернатора позволеніе на напечатаніе и въ типографії заставитъ напечатать почице и покрасивѣе. На вкусъ его можно положиться. Это все сдѣлаете дни въ три. И потому я васъ прошу, маменька, по слѣдующей почтѣ и прислать мнѣ 50 экземп. билета въ посылкѣ. А 50 останется у васъ. Имя мое подписать подъ мою руку и печать приложить на нихъ можетъ братъ. Можетъ быть, Петровъ и вдѣсь что-нибудь сдѣлаетъ, или Григорій Федоровичъ, къ которому прилагаю письмо вдѣсь; Иванъ Матвѣевичъ постарается доставить ему. По отпечатаніи билетовъ прошу брата отнести рукопись къ ректору, а потомъ въ типографію—и печатать. А между тѣмъ я буду собирать подписчиковъ. 20 есть вѣрныхъ, слѣдовательно платежъ въ типографію вѣренъ. Если и потребуютъ впередъ рублей до 100, то, маменька, не откажите дать. Каждый корректурный листъ 1-й будетъ, надѣюсь, рассматривать братъ, 2-й—Джунковскій, Петровъ, и если, захочетъ, Квитка, а 3-й прошу васъ, добрая маменька, присыпать ко мнѣ по почтѣ... Хотется, чтобы правильно было напечатано. Печатать 300 экземпл. новымъ цицеро, т. е. такими буквами, какъ Цыхова диссертаци, въ малую 8-у. Петровъ похлопочетъ сдѣлать изданіе красивѣе. На веленевой печатать 20 экземпляровъ. Сдѣлай одолженіе, братъ, сдѣлай тетрадку, и веди счетъ издержкамъ всѣмъ до мелочи самый аккуратный. Это изданіе мнѣ, вѣрно, не принесеть убытку. Прощайте, милая маменька! Шоклонъ Іосифу Афанасьевичу.

Изм. Ср.

Не забудь, братъ, что надобно попросить отлить отдельную букву *й*, а то смотри вмѣсто *й* употребятъ франц. *й*; а другую букву *ї*: такая, кажется, есть. Гдѣ у меня удареніе, смотри, приказывай ставить и въ печати вездѣ. Если хорошо попросишь, то хорошо и сдѣлаютъ.

31.

21 июня 1833 года. Варваровка.

...Ночи у насъ очень прохладны, такъ что я вчера и не рѣшился лечь на дворѣ, а спалъ въ комнатѣ у растворенного окна; и тутъ было холодно. А дни, особенно отъ 11 до 6,—ужасно жарки. И между тѣмъ вѣтеръ почти не перестаетъ,—и какой вѣтеръ! Нашъ степной, крикливы... Дни за три былъ такой ураганъ, какого до сихъ поръ не видѣлъ: людей, шедшихъ по улицамъ въ деревнѣ, чуть-чуть не валяло съ ногъ. Даѣпръ почти весь вспѣнился. Не только противнаго берега, но половины рѣки не было вовсе видно, а другая половина изъ-подъ красноватаго дыма урагана едва была замѣтна...

Васъ, маменька, я буду просить, чтобы вы, если будетъ у васъ Петровъ, попросили бы его похлопотать относительно Запорожской старины. Мнѣ бы хотѣлось первую книжку отпечатать къ прїѣзду Уварова. Петровъ сдѣлалъ бы мнѣ великую милость, если бы потрудился объявить, сообразно билету, о семъ изданіи въ Молвѣ и Сѣверной пчелѣ, и написалъ бы, что желающіе выписать могутъ адресовать съ приложеніемъ денегъ на мое имя въ Харьковъ. Самому этого не хочется дѣлать. Можетъ быть также онъ можетъ что-нибудь сдѣлать относительно подписчиковъ въ Харьковѣ. Гр. Фед. Кв. буду просить лично по прїѣздѣ.—Если Богъ поможетъ, то это изданіе можетъ принести мнѣ рублей до 1000. Кажется, что оно будетъ принято благосклонно. Теперь занимаюсь приготовленіемъ 2-й книжки. На этой недѣлѣ кончу—и тамъ займусь переписью лѣтописи, которую досталъ въ Новомосковскѣ. Напишу къ оной примѣчанія

и если успѣю, то вручу ее Уварову. По вечерамъ работаю для журнала.¹⁾

Покорный сынъ и братъ Из. Ср.

—
32.

Варваровка. 29 июня.

...Вчера я докончилъ перепись второй книжки Запорожской старины, пересмотрю, поправлю, что слѣдуетъ, прибавлю, и по слѣд. почтѣ отправлю въ цензуру. Эта книжка будетъ, кажется, довольно любопытна для многихъ. Всѣ три книжки будутъ стоить мнѣ, по большей мѣрѣ, 600 рублей: за напечатаніе, пересылку и пр. Билеты, кои останутся у васъ, означьте отъ № 51 до 100. Можетъ быть, братъ продастъ нѣсколько билетовъ студентамъ,— Іосифъ Афанасьевичъ раздастъ билета 3, а если постарается то, можетъ быть, и болѣе. Петровъ также. Пріѣхавши въ Харьковъ, буду стараться самъ у Робуша, Рейпольского, Борзенка. Если разойдутся всѣ 100 б., то я въ барышахъ 400 руб. ас., а потомъ по подпискѣ и еще можно набрать. Я отправлю 5 билет. къ Ростковшнѣ, 5 къ Венелину, 5 къ Шпигоцкому. Лишь бы положить хорошее начало, а то пойдетъ дѣло на ладъ. Авось либо Богъ поможетъ! Лишь бы вы, маменька, были здоровы, а то все пойдетъ на ладъ. Еще мѣсяцъ, и я къ вамъ въ Харьковъ...

Изм. Ср.

—
33.

Варваровка. 29 июня.

...Вчера былъ такой жаркій день, что я не зналъ куда дѣваться—я думаю, что градусовъ до 25 доходило, если не болѣе. Ночи, напротивъ, здѣсь холодны. Можетъ быть вы не посовѣтывали бы мнѣ спать на балконѣ, но въ комнатѣ право невозможно:

---

¹⁾ Затѣяннаго И. М. Петровымъ.

духота нестерпимая. Я сплю на своемъ балконѣ; подо мной сиять Катерина Романовна и Иванъ Тимофеевичъ. Съ вечера мы обыкновенно разговариваемъ то про звѣзды,—и я изъясняю Лапласа, каково?—то про Огненную землю, Америку и пр. до безконечности. Наконецъ мнѣ наскучаетъ болтать, я смолкаю, начинаю дремать,—и сквозь дремоту слышу: послушайте, Измаилъ Ив...—вишь, ужъ спить!—И я засыпаю такъ сладко, такъ пріятно, что и вставать бы не хотѣлось.

Сегодня просыпаюсь—день сѣрый, тучи ходятъ по небу, солнце будто пузырь, наполненный газомъ, и вѣтрикъ (это слово у насъ сдѣлалось техническимъ). Къ полуночи дождь, проливной—и шумѣть и гудѣ. Продолжался часовъ 5. Громовой ударъ былъ такъ силенъ, что у меня въ ухѣ взвѣнѣло и голова покачнулась на бокъ... Мы въ это время сидѣли за столомъ. Къ вечеру все стихло, погода прояснилась, и я съ дѣтьми ходилъ купаться... По берегамъ Днѣпра превращеніе: тамъ появились овраги, тамъ нанесло кучи камней, здѣсь отмели... Рѣка—какъ стекло, и солнце переложило пурпуро-огневую дорогу поперекъ Днѣпра. Вы не видали, маменька, этой картины,—вы бы залюбовались!

Днѣпръ ужасно упалъ, по крайней мѣрѣ аршина на 2, и весь усыпалъ камнями, высунувшимися изъ-подъ воды. Это тоже картина оригинальная...

34.

Юля 5-е. Варваровка.

...Мѣсяца два или три Ив. Тим. нанялъ жида лекаря для своей деревни. Вчера пріѣхалъ онъ изъ Чаплей, села гр. Воронцова, и между прочими новостями привезъ слѣдующія.

1. Есть въ Екатеринославль жидовка Мовка, столѣница, богатая, злая жидовка. Былъ базаръ. 9 часовъ утра. Мовка захворала, Мовка не пошла на базаръ со своими кошельками. По базару долго ходилъ какой-то лакей какого-то помѣщика, разспрашивалъ про Мовку, говоря, что баринъ послалъ его раз-

м'януть деньги; и Мовки не сыскалъ, и пошелъ къ Мовкѣ въ домъ.—Я теперица хора и не пиду,—отвѣчала жидовка.—Завтрацка по ютру выбизу на базарь и винису деньги. Сколько? 500 руб. треба твоему барину? Добре, винису.—Лакей ушелъ, и на слѣдующее утро вышелъ на базарь,—явилась и Мовка, и съ Мовкой они пошли къ барину. Къ полудню Мовку нашли подлѣ пристани въ грязи съ перерѣзаннымъ горломъ. Каково? Смертоубийство днемъ.

2. Жила была въ Полтавской губерніи гдѣ-то въ хуторѣ, въдьма Тройчиха. Страшная въдьма. Всѣ окрестные жители боялись ее болѣе, нежели гнѣва небеснаго. Наконецъ, она умираетъ—мѣсяца четыре тому назадъ. Много народу собралось на ея похороны,—и вотъ было ея завѣщаніе: нынѣшнее лѣто не будетъ дождей. Я подрѣзала по нѣсколько перьевъ у всѣхъ пѣтуховъ Бѣлаго царства.—И умерла страшная Тройчиха. Сыскалась другая въдьма Горчиха, вѣроятно изъ добрыхъ: она посовѣтывала народу вырывать у пѣтуховъ обрѣзанные перья и спокойно ожидать дождя.—Глаголють, что предсказанія обѣихъ въдьмъ исполняются: у всѣхъ пѣтуховъ подрѣзаны въ крыльяхъ перья—и идѣтъ дождь. Помѣщики раздаютъ приказы вырывать эти перья—и начинаются ливнѣ дожди. Тоже и въ Варваровкѣ, вѣроятно, будетъ!!!

Къ сей двойцѣ еще одна. Около острова Токмаковки, на Днѣпрѣ, есть казенное село Токмаковка. Недавно, съ мѣсяцъ, тамъ жило одно бѣдае семейство, въ бѣдной хатѣ,—и въ одну ночь все перемерло. Народъ испугался, подумалъ, что чума, и далъ знать суду. Судъ явился и заложилъ хату. Прошло нѣсколько времени,—начали замѣчать, что по ночамъ въ той хатѣ свѣтится огонь. Странно! И между тѣмъ каждую ночь и всю ночь тоже и одно! Народъ собрался въ громаду и началъ разсуждать. Наконецъ явился ницій, кому сдѣлали предложеніе провести ночь въ той хатѣ. За кусокъ хлѣба ницій согласился и пошелъ въ хату, и легъ подъ лавку, и самимъ спокойнымъ сномъ сытаго человѣка заснуль подъ лавкой. Ночью крякнулъ, лупнулъ глазами,—глядѣ:—на столѣ свѣча, за столомъ три старика съ длинными сѣдыми бо-

родами, со страшными взглядами, облокотившись разговариваютъ такъ между собою:—одинъ говоритъ: Грѣшатъ нечестивцы! Пора кару послать!—Другой говоритъ: Грѣшать нечестивцы! И халандра не усмирила. Надобно моръ, чуму!—Третій говоритъ: Грѣшать нечестивцы! Надобно голодъ, язву. Пусть пропадетъ весь ихъ скотъ и отары; пусть согнется и сгоритъ все ихъ имущество! И потомъ гибель и смерть, ужасная голодная смерть.

— А ты, чего здѣсь?—обратились они къ нищему, лежавшему подъ лавкой.—Ты слушалъ? Хорошо. Ты выслушалъ, иди и повѣдай нечестивцамъ, да смирятся, иначе—кара небесъ, гибель.

— Но мнѣ не повѣрять, панове. Меня посадятъ въ тюрьму, все тѣло мое избороздятъ внатомъ, и безъ голода изморятъ голодомъ, и безъ мора предадутъ поносной смерти.

— Тебѣ не повѣрять! Пусть такъ! Надобно сжалиться надъ нечестивцами. Сложи накрестъ руки. Вотъ знакъ нашъ—тебѣ повѣрять.

Ницій скрестилъ свои костлявые руки—и руки приросли къ плечамъ, и онъ вышелъ, самъ не зная какъ, изъ хижины, иходитъ, и поучаетъ. Къ хатѣ никто не смѣеть прикоснуться...

35.

Среда 11 числа июля 1833.

...Вотъ и еще одно сказаніе подъ стать къ прежнимъ: Три бабы, три старыхъ дряхлыхъ бабы шли изъ Воронежа, гдѣ поклонялись св. Митрофану, и завернули въ Киевъ. Св. Митрофанъ не сподобилъ ихъ причаститься св. Таинъ въ храмѣ своемъ, и потому они отправились на поклоненіе старымъ угодникамъ. И вотъ они уже перешли черезъ Даѣпръ, и вотъ приготовляются идти на гору Киевскую, какъ вдругъ у одной изъ поклонницъ подкосились ноги, и она по колѣна загрузла въ землю. „Часъ смерти моей приближается. Идите, бабушки, къ отцу Илларіону и скажите ему, чтобы меня пришелъ исповѣдать. Я кающаяся грѣшница“.—Отецъ Илларіонъ послѣшно взялъ св. крестъ и от-

правился подъ гору, прочелъ молитву надъ умирающей и началъ исповѣдывать. „Каюсь“, говорила старуха, „три грѣха, три тяжкихъ грѣха лежитъ на сердцѣ моемъ. Помолись обо мнѣ св. угодникамъ Христовымъ. Я убила своего свекра, заморила голодомъ свекровь, отравила ядомъ мужа. Господи помилуй!“— И, сказавши это, погрузилась въ землю по грудь. „Охъ, отецъ Илларіонъ! Есть еще на душѣ моей и еще одинъ грѣхъ.—Говори какой!—Есть еще грѣхъ.—Что же, кайся!—Есть еще грѣхъ, но я не признаюсь въ немъ ни самому Спасителю“. Страшно захохотала, ее обхватили корчи—и она вся исчезла подъ землей...

—
36.

Варваровка. 17 июля.

Не знаю, послѣднее ли или предпослѣднее письмо пишу въ вами, милая маменька, но, кажется, черезъ двѣ недѣли и много черезъ три, буду у васъ. Дай Богъ скорѣе. Съ нетерпѣніемъ жду счастливой минуты, когда васъ увижу. Право, мнѣ ужъ наскучило жить въ степи, и очень радъ, что не останусь на слѣдующій годъ, который, какъ можно заключить по неурожаямъ, будетъ здѣсь ужасенъ. Мѣсяцъ пройдетъ, и у мужиковъ уже ничего не останется хлѣба: весь будетъ сѣденъ; одна надежда остается на гречу и просо. Пока онѣ обѣщаютъ изрядный урожай,—но Богъ вѣсть.

Говорятъ, что гдѣ-то около Кієва или гдѣ-нибудь въ другомъ меѣстѣ явился какой-то пророкъ, который предсказываетъ голодъ и моръ. Конечно, это побасенка; но безъ несчастій не обойдется, особенно здѣсь въ Новороссії, гдѣ народъ такъ лѣнивъ, беспеченъ.

Сегодня пріѣзжалъ чиновникъ изъ суда съ запросомъ, можетъ ли Ив. Тим. прокормить своихъ крестьянъ,—и съ приглашеніемъ пожаловать на сеймъ уѣздный, на которомъ будутъ совѣтваться, какія предпринять мѣры для предупрежденія готовящагося бѣдствія. Наши благочестивые помѣщики умѣютъ пользоваться

случаемъ: Синельниковъ продаєтъ своимъ мужикамъ хлѣбъ по 25 руб. за четверть; какая милосердная цѣна. Бразель—по 700 руб. стогъ сѣна, а иногда и по 1000...

Ожидая скораго пріѣзда въ Харьковъ, я что-то плохо работаю. Только что читаю. Займусь ужъ въ Харьковѣ.

Если братъ рукописи не относилъ къ ректору, то и не нужно. Я самъ, пріѣхавъ, отнесу. Думаю бывать у Кроненберга почаще на всякий случай. Впрочемъ черезъ годъ, если Богъ дастъ, въ Питеръ. Пора служить,—и, кажется, по статской службѣ. Лишь бы получить мѣстечко съ хорошимъ жалованьемъ; съ меня и довольно. Я чиновъ не ищу,—ибо не смогу съ ними управляться. А получивши мѣстечко,—я дойду до чего хочется дойти: вѣрю, что все къ лучшему, вѣрю, что и мое отъ меня не ускользнетъ. Безъ сомнѣнія, не безъ трудовъ,—и не скоро,—да все, Богъ дастъ, дойду—и еще прежде доѣду до Харькова, съ мечтой о чёмъ ложусь сю минуту въ постель, желая и вамъ покойной ночи и пріятнаго сна. Недавно я во снѣ былъ въ Парижѣ; какъ тамъ гадко!

Adieu, маменька! Из. Срезневский.

37.

30 июня 1839. Второго 35 минутъ. Солунницовка.

Вамъ, милая маменька, конечно памятно это имя: не разъ случалось покупать вамъ ягоды у дивчать изъ Солунницовки. Въ ней то мы остановились теперь, отѣхавши уже 12 верстъ отъ Харькова. Что заставило, спросите вы? Погода, маменька, т. е. непогода. Дорога идетъ все песками, ѿхали шагомъ, а между тѣмъ сначала ревѣль вѣтеръ, потомъ свиснуль и дождь; извозчикъ же нашъ, Петро, что-то въ родѣ Байрона; все это вмѣстѣ могло наконецъ заставить насъ обрадоваться возможности остановиться хоть немного отдохнуть. И вотъ мы отдыхаемъ въ домикѣ доброго и ласковаго Кирилла Михайловича Шевченка, который пообѣщалъ мнѣ передать вамъ эту записку. Онъ ѿдѣгъ

Томъ 74 —Юль-августъ, 1901.

1—16

въ Харьковъ. Примите его, маменька, ласково, поблагодарите за гостепріимство... Мнѣ очень радостно, что могу увѣдомить о себѣ черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда изъ Харькова, тѣмъ болѣе, что этотъ отъѣздъ бытъ такъ поспѣшенъ, что я и до сихъ поръ не могу опомниться, не могу вполнѣ вѣритъ, во снѣ или наяву пишу я эту записку...

38.

Суббота 1-го іюля. Ахтырка.

...Опять здравствуйте, маменька, и простите, что только теперь, въ 11-мъ часу утра принимаюсь за перо. Вы согласитесь, что прежде нельзѧ было, когда прочтете, какъ прошло наше время послѣ выѣзда изъ Богодухова. Вотъ какъ прошло оно.— Въ половинѣ 4-го часа вчера мы пріѣхали въ Куп'еваху, и только успѣли отдать прогоны, какъ и опять на телѣгу. Въ половинѣ 6-го мы были уже въ Ахтыркѣ. Въ два часа мы промчались 28 верстъ: нельзѧ было не устать. Къ счастію, въ Ахтыркѣ нась ждали и сдѣлали все, чтобы дать намъ покой. Впрочемъ, мы могли имъ воспользоваться уже довольно поздно. Сначала напились чаю, одѣлись и пошли гулять по городу; потомъ, воротившись домой, отправились къ старику Чудновскому, о. Іоанну, знакомиться, говорили, ужинали. О. Іоаннъ и его дочь дѣвица приняли насъ такъ же, какъ и сынъ, радушно, ласково. Въ одиннадцать легли на мягкия постели и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 8 встали, пошли приложиться къ иконѣ Божіей Матери, воротились пить чай,—и за всѣмъ этимъ прошло два часа. Теперь я остался одинъ и принялся писать.

Что же вамъ сказать обѣ Ахтыркѣ?—Миленкій городъ, украшеннный во всю свою длину (семи верстъ) двѣнадцатью церквами, весь въ садахъ. Есть хорошенкіе домики, есть прекрасная площадь, довольно порядочный гостинный дворъ и т. д. Всего прекраснѣе соборъ Покрова, въ которомъ и икона. Соборъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный, величественный: та-

кого храма въ Харьковѣ нѣть. Снаружи нельзѧ не любоваться его куполомъ съ главою въ 14 аршинъ вышины, спереди и сзади котораго два фонаря съ такими же главами (такъ что весь онъ похожъ на трехмачтовый корабль). Нельзѧ не любоваться его колокольнею легкой, изящной архитектуры. Въ одномъ дворѣ съ соборомъ и колокольней и Чернышевская церковь, маленькая, но прекраснаго фасада. Самый дворъ прекрасенъ, очень великъ, поросъ травою и деревьями и обнесенъ огромною рѣшеткою.

Все это вновь выбѣлено, выкрашено. Внутри соборъ также великолѣченъ и есть роскошныя вещи. Иконостасъ бѣлый съ серебромъ и золотомъ. Престолъ въ главномъ алтарѣ литой, серебряный, огромный. Видѣли и евангеліе въ богатой серебряной оправѣ, длиной съ аршинъ, и столь тяжелое, что любому силачу трудно поднять его, а я могу только приподнять со стороны. Образъ Божіей Матери Ахтырской невеликъ (длиною вершковъ 7, шириною около 6), но чего на немъ нѣть! Между сотнями брилліантовъ, есть и такой, который самъ по себѣ стоить 10.000 рублей. Я надѣюсь все это видѣть опять и подробно описать вамъ. Видъ съ колокольни изумителенъ по прелести...

39.

2-го іюля 1839. Ахтырка.

...Уже двѣнадцать часовъ ночи. Еще день прошелъ въ Ахтыркѣ,—и этотъ день прошелъ такъ, какъ рѣдко, рѣдко проходитъ онъ у меня въ Харьковѣ¹⁾). Досталось и юсть и пить чрезъ мѣру. Впрочемъ, надобно вамъ разсказать прежде, какъ провелъ я и вчерашнее послѣ обѣда, а потомъ уже перейти къ нынѣшнему дню. Вчерашнее послѣобѣда прошло то въ ожиданіи, то въ слушаніи всенощной. Въ 5-мъ часу прїѣхалъ Пресвятыи Мелетій; въ 8 часовъ началось служеніе и продол-

¹⁾ 2 іюля исполнилось 100 лѣть со времени явленія чудотворной Ахтырской иконы Божіей Матери.

жалось до половины одиннадцатого. Соборъ великолѣпно былъ освѣщенъ, и весь полонъ народомъ, половъ былъ даже дворъ церковный, даже и за оградой толпами разсѣянъ былъ народъ. Вечеромъ была иллюминація и вокругъ собора. Стеченіе народа удивительное для меня и для Ахтырки, и между тѣмъ до поздней ночи сѣѣзжались и сходились кучи отовсюду.—Квартиру было такъ трудно достать, что въ лучшихъ мѣстахъ города платили въ сутки по 25 и даже до 100 рублей. Сегодня церемонія началась разомъ въ двухъ церквяхъ: въ Покровскомъ соборѣ архіерей облачился и вышелъ на встрѣчу крестнаго хода, между тѣмъ какъ архимандритъ повелъ этотъ крестный ходъ изъ Успенской церкви. На площади неподалеку отъ собора процесія соединились, и подъ зеленою срубленныхъ деревьевъ происходило водоосвященіе. Потомъ началась обѣдня.—Тѣснота и давка въ соборѣ была страшная. Не только прочему духовенству, но даже и архіерею трудно было найти мѣсто для прохода. Шляповъ, чепчиковъ разнаго покроя и цвѣта и старинныхъ и модныхъ была цѣлая безконечность. Простого народа и вовсе не пускали въ церковь. Изъ знати падобно вспомнить губернатора и предводителя. Изъ знакомыхъ харьковскихъ я видѣлъ Громова, Филомофицкую, Ромашевыхъ, Абазину и т. д. Обѣдня началась въ 11-ть и кончилась въ три часа—молебномъ и крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Еще прежде обѣдни получилъ билетъ на обѣдъ, который ахтырское дворянство вздумало дать по этому случаю, иѣздилъ благодарить предводителя Ахтырскаго. Въ обѣдню я получилъ приглашеніе на закуску послѣ обѣдни, даваемую отъ собранія ахтырского духовенства и тамъ познакомился съ нѣкоторыми изъ дворянъ, а также и съ архіереемъ. Въ 6 часовъ начался обѣдъ и продолжался до 8-ми. Угощеніе было превосходное. Шампанское лилось... и сынокъ нашъ воротился съ обѣда чуть не пьяный. Кстати скажу, что дворянинъ ждуть отъ меня описанія этого праздника и обходились со мною очень хорошо. Завтра надобно сѣѣздить къ нѣкоторымъ... Теперьсонъ клонитъ. Изъ Ахтырки между тѣмъ уже разѣзжаются и вѣрно завтра она опустѣеть.

Прощайте, маменька! Цѣлую ручку вашу. И. Срезневскій.

40.

7-го июля 1839. Ахтырка.

Ахтырка? Измайлуша все еще въ Ахтыркѣ? спрашиваете вы, милая маменька, самихъ себя и удивляетесь. Да, маменька, я все еще въ Ахтыркѣ. Сегодня уже недѣля минуетъ, какъ я пріѣхалъ въ Ахтырку, и до сихъ поръ еще не все кончилъ, что нужно было сдѣлать. И вы согласитесь маменька, это время не было мною потеряно, если узнаете, какъ я провелъ его. Въ пятницу подъ вечеръ пріѣхалъ я въ Ахтырку и познакомился съ виѣшнотью Ахтырки, въ субботу былъ въ соборѣ утромъ, и былъ тамъ же на всенощной архіерейской вечеромъ; въ воскресенье весь день прошелъ за обѣдней, завтракомъ въ домѣ архіерейскомъ, обѣдомъ; въ понедѣльникъ архіерей обѣдалъ у моего гостепріимнаго хозяина, а позднимъ вечеромъ я былъ на дворянскомъ балѣ, во вторникъ послѣ обѣда тотчасъ поѣхалъ въ Каплуновку поклониться тамошней чудотворной иконѣ Божіей Матери и возвратился уже на другой день къ обѣду, вечеромъ въ тотъ же день ѿздилъ въ близъ лежацій монастырь и воротился къ ночи; въ четвергъ занимался списываніемъ нужныхъ бумагъ; сегодня утромъ ѿздилъ въ храмъ Успенія и взялъ по дорожную для дальнѣйшаго пути. Свѣдѣній собрано много. Даже и бандуристъ былъ уже у насъ, и мы успѣли воспользоваться его памятною, сколько могли. Что же касается до чудотворныхъ иконъ Ахтырской и Каплуновской, то я имѣю о нихъ такія свѣдѣнія, какія едва ли кому удастся собрать. И всѣмъ этимъ обязанъ я гостепріимному, доброму, умному, ласковому, незабвенному хозяину нашему о. Іоанну Чудновскому. Онъ принялъ насъ, какъ родныхъ, обходится, какъ съ родными. Мало того что у насъ особый флигель и у меня особенная комнатка—даже въ домѣ мы полные хозяева и цѣлый день проводимъ тутъ. Я пишу это письмо въ кабинетъ о. Іоанна, между тѣмъ какъ Степанъ Семеновичъ¹⁾ срисовываетъ фасадъ собора въ гостиной залѣ, гдѣ

¹⁾ С. С. Третьякъ—супругъ И. И. Срезневского.

дочь о. Иоанна, милая молоденькая девушка разыгрывает увертюру изъ Фра-Діаволо, а старикъ въ смежной комнатѣ, своей спальнѣ, тоже что-то пишетъ. Мой портфейль близъ меня, а съ нимъ и весь мой письменный приборъ. Что касается до свѣдѣній, собираемыхъ мною объ Ахтыркѣ и ея окрестностяхъ, то безъ о. Иоанна я не могъ бы и половины ихъ имѣть. Завтра полагаю все кончить, и послѣ завтраѣхать изъ Ахтырки. Путь вашъ въ Лубны черезъ Гадячъ и Роменъ. Надѣюсь, маменька, что вы напишете въ Лубны ко мнѣ хотя маленькое письмечко: оно будетъ единственное, какое только могу я получить отъ васъ по почтѣ. Изъ Лубенъ я поверну на Полтаву и домой. Болѣе не успѣемъ сдѣлать...

41.

8-го июля 1839. Ахтырка.

Опять здравствуйте, милая маменька, и опять все-таки изъ Ахтырки! Но, наконецъ, завтра, кажется, уже непремѣнно въ путь—въ Зеньковъ, Гадячъ, Роменъ, Лохвицу и Лубны; въ Лубнахъ возьмемъ опять подорожную, и въ Харьковъ черезъ Хороль и Полтаву. Хотѣлось бы окончить весь этотъ путь въ 12 дней, но не знаю. На всякий случай просилъ Ивана Львовича Дзюбина, который взялся доставить вамъ это письмо, выхлощотать мнѣ отпускъ еще дней на пять. Попросите и вы его отъ себя.—Дзюбинъ родомъ изъ Ахтырки. Давно собирался я быть у нихъ въ домѣ; сегодня, наконецъ, встрѣтился съ ними на ярмаркѣ (теперь въ Ахтыркѣ ярмарка—нѣчто въ родѣ нашего базара), и оттуда пошелъ къ нимъ. Мать ихъ прекрасная женщина. Весь вечеръ я провелъ у нихъ, до ужина. Воротившись, говорилъ до сихъ поръ съ о. Иоанномъ.

Ахъ, маменька! Какъ прекрасно жить въ Ахтыркѣ! Превосходный соборъ для молитвы, прекрасный климатъ! Тысячи за три можно купить домикъ довольно хорошенъкій съ большимъ мѣстомъ. Припасы всѣ дешевы. Знакомства, правда, нельзя имѣть

со многими—не стоитъ, но семейства два можно найти. И какъ все тихо, городъ и деревня! Непремѣнно надобно намъѣхать въ Ахтырку вмѣстѣ съ вами. О. Іоанпъ все еще жалѣетъ, зачѣмъ я не привезъ васъ—и я увѣренъ, что вы были бы приняты истинно родственno. Сегодня за столомъ мы пили ваше здоровье. Завтра всѣ собираются провожать насъ до монастыря, версты за три, и тамъ пить чай. Какое прекрасное мѣсто этотъ, такъ называемый, монастырь! Большая гора, съ трехъ сторонъ Ворскла въ лѣсахъ и за нею горы, покрытыя лѣсами, а съ четвертой стороны растягивается огромная равнина; на самой горѣ церковь со старинною колокольнею, и всѣ эти горы поросли деревьями. Виды во всѣ стороны растягиваются далеко и восхитительно хороши. Насъ приняли родственno, хотятъ родственno и проводить...

42.

11-го июля 1839. Село Сары, близъ Гадяча.

Впрочемъ, Амвросій Лукьяновичъ,¹⁾ какъ податель этого письма, объяснить лучше всякой подписи, что мы съ нимъ видались и видались у него же въ домѣ. Я перескажу только, какъ это случилось, или лучше перескажу, какъ прошли всѣ вчерашнія сутки: то были прекрасныя сутки.

Я уже, кажется, писалъ вамъ, маменька, что мы намѣрены были выѣхать изъ Ахтырки 9-го, въ воскресенье, послѣ обѣда и что насъ собираются провожать. Такъ и было; хотя самъ о. Іоанпъ нечаянно заболѣлъ и остался дома, но это не помѣшало другимъ членамъ доброго семейства его исполнить свое обѣщаніе... Дорогу проходили, встрѣтили по дорогѣ бандуриста и велѣли ему идти въ монастырь, а между тѣмъ монастырской священникъ о. Григорій поѣхалъ впередъ съ частію багажа, не помѣстившагося въ коляскѣ, и съ тѣмъ, чтобы приготовить для насъ приемную подъ колокольней. Когда мы прїѣхали, самоваръ почти уже поспѣлъ, и мы расположились въ первомъ этажѣ старинной колокольни и около ее такъ: дѣвицы стали приготавлять чай и все, что въ

¹⁾ А. Л. Метлинскій.

чаю, Федоръ Ивановичъ сѣлъ на землѣ, опершись о стѣну колокольни и сталъ на моемъ портфейлѣ снимать видъ церкви; я пошелъ въ церковь посмотретьъ еще разъ на портретъ отца Товія Надаржанскаго, бывшаго духовника Петра I, а Степанъ Семеновичъ усѣлся въ колокольнѣ за столомъ писать, что будетъ ему говорить бандуристы, занявши мѣсто подлѣ стола на землѣ по-татарски. Это положеніе измѣнилось уже послѣ чаю, когда пошли гулять и любоваться видами. Виды чудесные съ горы, на которой лежитъ монастырь: на востокѣ изъ-за рощъ виднѣется Ворскла, пестрѣющая островами, за нею пески, за ними Ахтырка; на югъ та же Ворскла скрывается на равнинѣ, оканчивающейся отдаленными горами; а западъ и съверъ—горы, покрытыя лѣсами и садами, и между ними опять Ворскла, то скроется за зелень, то выглядитъ прозрачною полоской. Послѣ гулянья мы воротились въ колокольнѣ, пили тости за здравіе живыхъ и за покой умершихъ; сошедши съ горы къ дорогѣ, гдѣ ждали экипажи, опять пили; потомъ простились со слезами,—и наши гостепріимные хозяева повернули налево, а мы направо. То было въ 9 часовъ вечера. Въ 2 часа ночи мы были уже въ городѣ Зиньковѣ за 46 верстъ. Тутъ мы провели ночь. Утромъ я ходилъ на базаръ, нашелъ бандуриста, взвалъ, списалъ нѣсколько пѣсенъ и думъ. Напившись кофе, мы отправились въ Гадячъ. Онъ въ 36 верстахъ отъ Зинькова; въ семи верстахъ отъ него село Сары, гдѣ живутъ родители Амвросія Лукіановича. Кое-какъ уговарилъ ямщика повернуть прямо на Сары, предположивъ уже изъ Саръѣхъ въ Гадячъ. Въ 12 часовъ мы въѣхали на дворъ къ Амвросію Лукіановичу. Спрашиваемъ о немъ; получаемъ въ отвѣтъ—въ Гадячъ.—Спрашиваю о маменькѣ его; говорятъ—дома. Я рѣшаюсь остановиться и ждать Амвросія Лукіановича. Добрая Софія Назарьевна приняла насъ ласково, какъ давно знакомыхъ... Въ 5 часовъ воротился и Амвросій Лукіановичъ; мы гуляли, болтали,—ѣли, пили. Теперь собираемся въ дорогу: Амвросій Лукіановичъ ѻдетъ въ Харьковъ,—мы въ Гадячъ и оттуда въ Роменъ и пр. У монастыря Гадяцкаго мы простимся. Прощайте и вы, маменька! Будьте здоровы, спокойны. Прощайте. Уже скоро, скоро ворочусь къ вамъ...

ГОРОДЯНКА.

(Повисть.)

I.

Била нызенькои, похилои хатыны Мотри Гусаковои зупынлась повозка. Высока, статурна, чорнява дивка стрыбнула зъ повозкы й наче скамъянила.

— Господы! та невже це наша хата?—запытала вона чрезъ хвилыну визныцю, свого ридного дядька по батькови.

— А то жъ чія?—запытавъ и соби, замість видповиди, дядько.

Дивка повела повагомъ очыма видъ сохи до сохи, видъ земли до острішка, по хати, й тяжко зитхнула.

— А чого тамъ зитхаешь?—запытавъ дядько, смыгуючи й соби зъ воза.—Звычайно, праста хата—не генеральськи горныци.

Дивка надійшла блыжче до хаты, синула зачынени двери й мовчкы повернула до повозкы. На облыччи іи видбылася досада. Вона высымкнула зъ серцемъ зъ повозкы соломынку и почала іи кусаты.

— А що? Дверей не видчынышъ? Оце лыхо!—засміявсь дядько.... Побіжы лышень онъ у ту хату та гукны свого хрещеного батька, бо самъ я скрыни не зтягну...

— Не пиду я никуды,— видловила дивчина й видкынувшы геть соломынку, почала выбывати зъ платка куряву. Дядько добре спостеригъ те вражиння, що зробила на небогу батьківська хата, добре зрозумивъ, що діялося въ неї на души, але нарощне не подававъ выду.

— Отъ и гараздъ,— промовивъ винъ весело,— хай скрыня ночує посередъ двору.

— Ни, наче не зналы, що прыйду, наче не сподивалыся: пишли вси геть и хату замкнулы,— протягла па-пивъ зъ плачомъ дивка.

— Про хату намъ байдуже—якось видчинимо, а ось зъ скрынєю що намъ робыты? Ты не хочешъ ити, а мени тежъ не можно покинуты кобылы, бо ты ій рады не дасы безъ мене..... Диты!—звернувся винъ до табунця босои простоголовои дитворы, що вже встыгла оклдьты й дивку, й повозку,— погукайте-но дядька Сыдора—хай зразу йдуть до мене.

Але нихто зъ дитет не ворохнувся: Приська,—такъ прозывали дивчыну,—стягала саме рядно зъ великои бlyскучои скрыни, и диты стежылы, не змыгнувши, за кожнимъ рухомъ цiei дивки у такому гарному убранни, у такихъ дивныхъ чревычкахъ на гудзыкахъ.

— Оглухлы, чы що? Гей ты, вытрышкуватий Дворныченко, або ты, пузатий, бижить мерщій по дядька Сыдора,— грымнувъ Максимъ на двохъ найбильшенькихъ хлопчикивъ.

„Вытрышкуватий“ одививъ на хвилыну свои велыки сири очи видъ скрыни, глянувъ на дядька й знову вытрищився на скрыню; „пузатий“ переступывъ зъ ногы на ногу, засопивъ ще дужче, зитхнувъ нарешти, але тежъ не поступився й на крокъ.

Максимъ плюнувъ на дитет, глянувъ на сонце, що вже високо пидбылося, կынувъ коняци оберемочокъ сина, оправывъ мотузани поводки й, загадавши Присьци позырати на кобылу, що напевне не стоятиме спокійно на такій специ, попростувавъ черезъ городъ до Сыдора.

А тымъ часомъ Приська управилася била скрыни, повыштушувала куряву зъ одежи, зъ червоного лижника, зъ трехъ

'подушокъ у рижнобарвыхъ напирныхъ, зъ усихъ маленькихъ и великихъ пакункивъ, та подалася до хаты. Вона сипнула знову разъ, вдруге двери, обійшла навколо хаты й зазирнула у виконце.

Въ хати не було никого:—сама квочка похожала по хати та водила за собою десяткivъ зо два манесенькихъ жовтыхъ курчать. Приська одiйшла геть и зъ сердемъ опустылася на колодку, що лежала посередъ двору. Дитвора мытту оточила іи; найсмилывиши выступылы напередъ и почалы пошепки робыть де-яки заувагы, показуваты пальцями то на кытыци платка Присьчыного, то на іи перстни.—Диты! А хто зъ васъ знае, де баба Горпина, або Мелашка?—звернулася до нихъ Приська.

Диты переглянулися...

— Пидить воторое, погурайте хочъ бабу Горпину, хочъ Мелашку; скажить, що Приська прыйхала!—обернулася до дітей дивка.

— Мои баба Горпина!—обизвалася дивчынка рокивъ п'яты.—Воны мени бубlyкивъ куплять и макивныкивъ... и се-режки, якъ пойдуть до торгу.

— Де-жъ твоя баба? Чія ты?—запытала Приська.

— Мои баба Горпина. Воны мени бубlyкивъ и макив-ныкивъ прывезутъ... защебетала вдруге дытына, хытаючи разъ-по-разъ русявою голивкою...

— Доки товктымешъ ты мени про макивныки? Я пытаю тебе: чія ты? де твоя баба Горпина?—запытала трохи зъ сердемъ Приська.

— Мои баба... почала було у третте свою писню дытына, але наче засоромившись, опустыла оченята додолу й замовкла.

— Хто твоя баба?

— Що отутъ живутъ,—одказавъ замисть дивчыны якийсь хлопчыкъ зъ гурту.

— Пиды-жъ ты до тієї бабы та поклычъ ихъ сюды,—звернулася Приська до хлопчыка...—Дамъ пряныка,—додала вона, завважывши, що хлопець и въ думци не має бигти по бабу...

Бытому, якъ не пидешъ,—грымнула вона и нахыльлася за лозыною, щобъ посварыться нею на дитей...

Але не встыгла вона й росправытись, якъ дити вже зникли вси до единої, залышавши за собою тильки куряву та слідъ босыхъ воженятъ...

Такий несподиваний выпадокъ роздратувавъ вкрай Приську. Купальне сонце пекло, варило гарячымъ проминнамъ стомлене тило дивки; іи нудило, бо видъ самого города вона не йиланичого; досада на себе, на дядька, на матиръ, сестру, на тыхъ нимыхъ свидкivъ іи горя, що повтикали і залышали іи саму, бильшала въ хвилыни на хвилыну. Якъ на те, Максимъ не вертався, а конячка не хотила стояти, заплутувалася у вижки—треба було нахылятися, розплутувати іи, спыняти...

— Ось и прыйхала! Прытаскалася! Чого мене прынесло сюды? Чого я тутъ не бачила?—докоряла себе дивка, сидаючи изнову на колоду.

Висимъ рокивъ не була вона у ридному сели, не бачила батькivської осели. Висимъ рокивъ пролывуло въ того часу, якъ батько якосъ посадивъ іи въ савки, утушкавъ ридномъ та повизъ у городъ до генеральши. Тоди саме бувъ великий недорядъ, симъ ничего було йисты, братъ, сестри понаймалися по икономiяхъ, за манесёнку плату, батько ходивъ на поденщину мало не за сами харчи, а ій не було пидхожої праця на сели, і батько одвізъ іи у горниди. Найнявъ винъ іи тильки на одинъ рикъ: аби перебуты якъ зиму та заробити хочъ гуртомъ на корову та коня, що винъ новыненъ бувъ продати пидъ цей рикъ недороду; але скінчывся той рикъ—дивчина зохотилася зистатися на другий, потимъ на третій, четвертий і нарешти вибула висимъ рокивъ.

Чымало води утекло за висимъ рокивъ, чымало змишлюся пидъ дахомъ ридної хатыни: батько померъ, старша сестра пішла замижъ, братъ оженивсь, до меньшої сестри, Мелашки, тежъ починали вже навидуватись старосты, але найбильшъ за всихъ зминалася за ци часы сама Приська. Село, досвітки, грища, колишня праця давно зникли зъ пам'яты; сонце, воля,

степы, широки обгорнуłyся туманомъ. Вона выкредыла зъ своего жыття дванадцать роківъ свого дытынства, порвала всякий звязокъ зъ нымы, давно захопылася свитоглядомъ тыхъ веселыхъ, чепурныхъ гладкихъ лакеивъ та поваривъ, що оточали іи висимъ останнихъ роківъ, и давно спостерегла рижныю мижъ безпечнымъ жыттамъ „горнышныхъ“ и неустанными турботами своихъ кревеныхъ.

Тильки перши часы своего жыття у городи дывовалася вона тымъ байдужымъ до усёго и до усихъ наймытамъ, що зъ легкимъ сердемъ вытрачали запрацёвани гроши на рижни прымхи, ласоши та зайви речи. Вона памъятала ще тоді родычивъ, сусидывъ, що збиралы довги роки шагъ до шага, який десятокъ-два карбованця, що видривали видъ сими шматою хлиба, абы якъ вызволыты зъ рукъ глытая клапотъ застановленои земли, або спромогтыся хочъ на поганеньке тягло; прыгадувала звычайни турботы свого батька про оплатки, й тоді пытала веселый гуртъ служокъ:

— Що вы робытмете, якъ прогуляете гроши та не буде на хлібъ?

— Якъ-то не буде на хлібъ?—піднимали дивчыну на смихъ служкы.—Якои мороки й по наймахъ поневиратысь, якъ ще й про хлібъ турбуватысь? За халываю грошай не носытимъ, выбойчаныхъ шараваривъ не справлятимъ, якъ твои дядькы. Несы лышень и ты свого карбованца, то прыймемо до гурту: найисыся й канхветивъ й горихивъ до схочу.

Хочъ і заздристро було дивчыни дывытыся, якъ ласують генеральшыны служкы, хочъ і теклы не разъ гирки, колы іи выгонили геть зъ гурту, але Приська першій рикъ не зважилася одиравати і шага видъ тыхъ грошей, що батько прызначавъ на господарство, і генеральша доручила іи матери пры кияци року копійка у копійку десять карбованцівъ. Але на другій рикъ вона вже рострынъкала де-килько карбованцівъ, на третій батько не доличивъ бильшъ, а на четвертий виддала Приська вже тилько половыну заробленыхъ грошей й до того завважыла батькови, щобъ

не сподивалыся бильшъ на ії допомогу, бо „коженъ служить и заробляє на себе“.

Батько розсердывся, ставъ ій доводыты, що вона повинна пособляти симъи, бо та симъя годувала іи манесенькою, колы вона неспособна була робити, що вона повинна пильнувати про господарство, про свою оселю, бо ще невидомо, де й ій доведеться прыхылти на старисть, або пидъ яку непчастливу прыгоду, голову. Приська заголосила, побигла до генеральши; генеральша ввійшла, умовыла батька залышити въ неи дивку ще на риць; а черезъ риць померъ батько, и Приська выкнула навити думку повернутись колы-небудь на село.

Чого ій справди бракувало у теплій, просторній господи прыхильної до неи пани? Сонечко грило—не палыло, якъ дома на городи або на степу, холодъ не заходывъ зашпорамы, не доходывъ до тила черезъ теплу одягу, витерецъ робывъ тильки холодокъ, и дивка росла, здоровиша, красивиша на велику втиху генеральши, що почынала вже натякати ій на шлюбъ зъ якымъ вродливымъ лакеемъ.

Приська стала надъ усе пильнувати про одягу та шанувати свою вроду. На іи щастя, кревни залышыли іи, не зверталисъ за допомогою и не часто нагадували про свое истнунавання: маты та незамижня сестра забывалися у городъ тильки двичи на риць—передъ Риздвомъ та Великоднемъ, а дядько Максимъ хочъ и одвидувавъ іи частише, хочъ и сварився, и радывъ неразъ покынуты горныци та вчытысь хлибъ пекты, тежъ николы не чипавъ питання про гроши, и колы Приська иноди передавала до-дому видъ ласки троячку, не дякувавъ, а ховавъ мовчки у свій гаманець, мовъ та троячка й не цикава никому. Все йшло, якъ хотилося Присьци; все складалося на те, щобъ не вертатися вже ій на село, та грымула бида несподивана: померла генеральша. Надихали родичи, подильты худобу, розигналы „дармойидивъ“, и Приська опынилася безъ прыстановыща зъ десяткомъ карбованцівъ у кышени, зъ великымъ потребамы, прымхами та ще словою „генеральськои поконівки“, то-бъ то давки не вученои ни до якои праці. Приська оселы-

лась на кватыри, пройдала прыпасени гроши, а пидхожого мисця не траплялося. Тымъ часомъ чутка про цю новыну дійшла до села. Маты не знала, що ій початы: ій и хотилося, щобъ дочка повернулася, и боялася вона нажыты зъ цією городянкою клопотивъ; вона думала, передумувала, радылася, але нарешти цилкомъ поклалася на Максима.

Максимъ запригъ, не гаявши часу, кобылу та побигъ у городъ. Винъ зумивъ скористуватися скрутнимъ становищемъ дивчыны, зумивъ учевныты іи, що на сели не сами „репаны“ хлиборобы, що тамъ поводятся и „благородні“ люде, що таку дивку, якъ вона, радо посватае самъ пысаръ, и Приська послухалася ёго—прыихала.

— Ось тоби й прыйхала! Що я робити тутъ, у цій пустци? Остання хата въ городи краща за цей куринь!—Або родына?... Чы вже жъ такы не можно було хочъ Меланци залишытыся дома на сёгодня? Висимъ рокивъ не була у ихъ, а прыйхала—и съжу, немовъ та собака, на сонці, на куряви,—бубонила сама соби дивка, захышаючись и маленькимъ и величкимъ платкамъ видъ палкого проминня петривчаного сонечка.

Але ось нарешти повернувся Максимъ зъ двома чоловиками.

Чоловики прывіталыся до Приськи.

— Овва! а ты й доси хаты не видчыныла?—засміяўся Максимъ.

— Якъ я не вмію!—прызналася дивка.

— О! у твоей матери хата хытро замыкается: не такъ, якъ у генеральши,—пожартувавъ молодшій зъ двохъ чоловиковъ, и повернувъ кілочокъ завертки. Двери видчынылыся, и якымъ-сь холодкомъ, якымъ-сь свижымъ пахучымъ повіяло зъ хаты. Доливка манесенькои хатыны зъ пидваженымъ посередыни сволокомъ, зъ розложыстою, трохы похыленною на бикъ пичью, була застеляна свижою осокою, потрущена червонымъ васылькамъ та чепчыкомъ; по-надъ вікнамъ, на сволоди высили величезни бадилля холодку, де поховалися вси до однієи муҳы. Всі мыски, горшки, глечыкы стоялы поперевер-

тани, попрыкравши; кочерги, хватки, лопаты—займали и наступинь бильше призначеного задля ихъ мисця: рука щырои, порядної господарки видзначалася на кожній найдрибнішій речі цієї похилой хатыни. У Приськи одлягло трохи видъ сердця... Сталы вносяти скриню. Скриня була важка, неповоротна, и чоловики добре нагрили чубы, поки установили іи на мисці.

-- Та й надбала жъ добра! Чы то може у скрини й не одежа, а каминци ва огирки та капусту?—пожартувавъ изнову молодший зъ чоловиківъ.

— Я Приську хвалю: згадала бачъ, що ненька вже старенька, та й поспишалася на жныва,—мовывъ старишый.

— Хиба справди на жныва поспишалася, Присько? Чы ты жъ бачыла колы жныва? Мени хвалилася одна городанка, що галушки ва вербахъ ростуть, а шонко на верболові; може и ты такъ гадаешь?—не стыхавъ жартувати молодший.

— Эть, годи вже базикаты!—спынівъ ёго Максимъ, завваживши, що Присьци ти жарты не довподобы.—Ходимъ! А ты, Присько, понышпори трохи по полыци, зазирни у пичъ—може знайдешъ що пойисты, а ни, то хочъ хлибомъ пообидай. Я бъ тоби прыславъ чого-небудь, такъ и мои бабы на полі,—а самъ не знайду ничего,—мовывъ винъ до дивки.

Ще бильшій смутокъ обгорнувъ дивчыну, якъ пішли геть дядьки й залишили іи саму въ хати. Перше гарне вражиння зникло: вона прыдывилася краще до хатыни; вона завважила те, що не кинулося ій у вичи въ першу хвильну, и биднистъ та недостатки сталы вyzначатися ще дужче, нижъ охайність та щыристъ господарки.

На покути, підъ товстымъ настильникомъ, лежавъ Окраець чорствою остиюковатої паляныци, на полыци—вchorашній чистий борщъ, на жердоцци—старенька, чолата на одяга. Диливськи икони, об kvitчани жовтыми гвоздыками та васильками, потемнили, злыяли и смутыли головный кутокъ хаты. Клапоть дзеркала, вмазаний въ стинку, обвипаний навколо картинаками зъ канвертивъ та календаривъ, перевкошувавъ видъ й наче дратувавъ того,

хто зважывся бъ подывытыся на свою вроду. Квочка товкалася пидъ ногамы и не давала вильно ступыты й кроку...

Приська прысила на лаву, озырнула разъ, вдруге хату, тяжко зитхнула, а потімъ простлала на полу лижныкъ, пидо. стлала пидъ голову подушку и лягла спочываты.

Важки віі почалы вже заплющуватысь, стомлене тило за-спокоюватысь, геть полынулы гирки думкы останнихъ хылынъ, солодка дримота почала олановуваты дивкою, колы рыпнулы двери, и на порози зъявилася та сама дивчынка, що хвастала сережкамы та макивныкамы... Дытына видчынила двери, стала на порози и де-килька хылынъ, наче засоромлена, хытала своею русявою головкою й не поступавшы напередъ. Приська хотила запытаты, чого ій треба, але дивчынка вже подриботила до по-куття, зопъялася на лаву, простягла руку пидъ настильныкъ й вытягла зъ лідъ ёго окраець паляныци. Здобувшы паляныцю, дытына поклала іи наверхъ настильныка и почала крехтаты.

— Чого ты крехчешъ?.. запытала іи Приська.

— Папкы хочу,—видповила стыха дытына.

— То й визьмы.

— Папкы хочу,—промовыла вдруге дытына.

— Я-жъ тоби кажу: беры,—не комезуй,—буркнула Приська трохы зъ серцемъ.

— Урижте,—попрохала дивчынка.

— Ламай, або й увесь беры та йды, Бога рады, зъ хаты, не клопочы моей головы,—одризала Приська, заплющуючи знову віі.

Дытына якосъ досадльво скрывалася, засопла, закрехтила зъ віі скотылося де-кильки велыхъ крапель...

— Чого ты кыснешъ?—схопылася Приська.

— Папкы хочу,—кризъ слёзы протягla дытына...

— На, беры, подавись нымъ!—скыпила Приська и тыкнула весь окраець дытыни у руки.

— Урижте: гришка папку ламаты,—видповила дивчына.

„Гришка?“ Оцей чорстый, якъ каминъ, чорный, якъ земля, хлибъ гришка ламаты? За кожнu крыхту цёго буханца людына

повынна даты видповидъ передъ Богомъ! Манисенька дытына боится жары Господней за кожну крыхту, що вона ненарокомъ упустить до-долу. Куды вона прыйхала? Куды іи прытаскало?— ромайнуло у Приську въ голови.

— Бери, кажу!—крякнула Приська на дытыну.

Дивчина глянула зъ невымовнимъ жахомъ на скипившу дивку, кинула на стиль паліныцю и майнула на дверь, залишивши синешни двери навстижъ.

Приська подывилася ій у-слидъ, зитхнула й простяглася занову на лави.

II.

Сонечко звернуло вже на полудень, якъ Мелашка та Горына попривязувавши шапки на копахъ, стали убратись до-дому.

Горына зисталася ще на який часъ на левади збирати блекоту у аптеку, жалку кропиву, та що захищає хату видъ русалокъ та видѣмъ, дуже шкодливыхъ у вечирь пидъ Ивана Купала, а Мелашка майнула навпростець до-дому, бо тамъ, на сели, ій було ще чымало дила: треба було склыкати товарокъ, нарвати квитокъ, бурьяну, повиты винки, уготувати очерету, соломы за-для Купального вогнища. Вона поспишалася, і петривчана писня іи вже лунала по селу; але ось та писня раптомъ увирвалася: дивка заважыла росчынени двери у своїй хати, а незабаромъ і замурзану, мокру морду сусидського Рябка била порога.

Мелашка кинулася въ хату: доли валилося черепъя зъ червонои мыску, зъ перевернутои макитры текла по всій хати ричка сыривцю, настильникъ звисывся зъ столу, а по хати бигала сполохана квочка. Серце цырои господаркы забылося, невымовна досада охопыла іи всю, але вона глянула на пиль, зрозумила, хто выненъ у цій вещасливій прыгоди, і забула про новеньку мыску, сыривець, про шкодливого Рябка.

— Приню, голубонько!.. кынулася вона цилуваты сестру.—
Яка жъ я рада, що ты прыйхала!

— Хиба не сподивалася?—запыталася Приська, зазикаючи на здорову, наче збыту дивку, на ії роспалене облыччя, широки плечи, дужи руки.

— И сподивалыся, и не сподивалыся: разъ думалы—що прыйдешъ, вдруге—що не скочешъ... Маты такы певни вже булы, що не прыйдешъ, а я сподивалася тебе, ажъ до обидъ вызырала, чы не бижыть хто зъ села сповищаты насъ? А писля обидъ облышила: „не скоче Приська выдаты города, не скоче йихаты до нась“—журилася я соби вышкомъ...—А ты ось и прыйхала... Выбачъ, сестрыце, що у насъ таке багно въ хати—де той проклятый Рябко попорався,—цокотила Мелашка, пріорно скыдаючи у прышиль запаски черепъя та збираючи ганчиркою сыринець зъ доливки.

— Я такъ мицно васнула, що й не чуланичого,—сказала Приська, складаючи свою постиль на скрыню та солодко позихаючи.

— Ничого, ничего, не клопочися: у насъ йе ще два мысочки,—поспишилася Мелашка заспокоити сестру.—Ото хиба сыривцю шкода—недавнечко цилисенъкій хлібъ запакували... Винъ и палянцю вхопывъ! А, щобъ тоби! Доведется завтра рано дижу вчыннати, у насъ ще й борошно у млыни...

— Де-жъ маты?—перебыла Приська вкрай заклопочену молоду господарку.

— Маты зразу прыйдуть—на левади блекоту збирають,—видповиза Мелашка.

Щось добре знаёме раптомъ прыгадалося Присьци. Це жъ ії маненькою посыдалы колысь по ту блекоту на панську леваду, це жъ вона збирала колысь рижне зилля, копала ножемъ якесь кориння, ризала руки періемъ та радила раденька, що за вторговані въ аптеки гроши маты куплять ій копійчани сережечки, або поганенъкій кисныкъ!

— Невже маты и доси за тымъ зиллямъ побываются?—здывовалася Приська.

— А якъ же! За зилля можна иноди добре вторгуваты: на тому тыжни, наприкладъ, я семыгрывеныка прынесла зъ алтёки.

— Семыгрывеныка прынесла! Добре вторгувала!—засміялася сама соби нышкомъ Приська.

— Чы довго жъ воны будуть того семыгрывеныка по бурьянахъ та колючкахъ збираты?—запытала вона згодомъ.

— Ни, не довго: воны сёгодні поспишатымутся до-дому, бо мени незабаромъ на Купала треба йти. Ты жъ пидешъ тежъ, сестричко, зъ намы? У Макарыхы ѹе гарни гвоздыки та чорнобрывци—я тоби такій винокъ выплету, що ты всіхъ дівокъ нашихъ закрасишъ, а хлопці, якъ дизнаються про тебе, всі до одного позбигаються на нашъ кутокъ... Охъ, Господы, яка жъ я рада, що ты прыйхала! Отакъ пакъ,—перехопила Мелашка сама себе,—ты мабудь, сестрице, голодна?

— Видъ самого города ничего не йила. Шукала, шукала у вაсь на полыци та не пожывилася ничымъ.

— Горенько тяжке! Чымъ-же тебе й прышануваты? Хиба яечню спекты? Десятокъ крашанокъ уготовала до торгу, бо вже другий день немає свитла, а тройко ѹе зайвыхъ—спечу сразу. Ни, не такъ: побіжу на село, здобуду тоби мъякенъку палячычку та молока, а тоді вже й яечню спечу,—сказала Мелашка и, ухопивши манесенъкій глечычокъ, побигла на село.

— Сестрички мои и голубоньки!—хвалилася Мелашка по хатахъ: прыйхала Приська, та така хороша, що й очей ніякъ не одведу: била та повновыда, та така статурна. Не гайтесь, збирайтесь швидче до нашої хаты, а звидтиль пидемо вже й до ставка“.

А поки Мелашка бигала по селу та вихваллялася сестрою, повернулася й Горпина до-дому. За нею всlidъ прыбигла і маненька Санька. Дивчинка почувала себе теперъ смільво: не боялася биля бабы никого, цвиркотила безъ перестанку, і наче не прымичала суворої городянки, що нагримала на неї недавнечко.

— Чія це дытына?—засытала Приська, повитавшись зъ матирю.—Непосыдяча дивчына: то въ хату, то зъ хаты,—увірвалася мени.

— Ой, ни, вона у насъ, спасыби ій, служняна, тыхенька, хазлійновыта дытына,—заступылася за внуку Горпіна.—Це жъ дочка нашої покійної Ганни.

— Хиба Ганна вмерла?

— Вже вісъмый місяць, якъ поховалы мы іи. Хотила була сповистыть й тебе, та вже николы було... Померла, двохъ сирітокъ залышыла. Чоловікъ іи оженыўся й бильшенького хлопчыка пры соби зоставывъ, а Саньку мени покынувъ,—зітхнула Горпіна.

— Така молода, при здоровыи, чого жъ вона померла?—здыволася Приська.

— Господь іи знае: чы вона застудылася, чы вікъ іи вже такій короткій! Я такъ ремствую трохы на неи, що вона не побереглася: на п'ятый день писля того, якъ знайшла дытыну, конопли зъ холодной воды пишала браты, а проте... Господь Мылосердны знае, чого саме вона померла? Казала ій: зверненісь до лікаря, або хочъ до фельшара—не скотила: „сміятымутся“, каже, „люды, що така молода, а по лікаряхъ йиздуть“,—оповідала Горпіна, ривняючи шкарублою рукою заплутане волосся внуучкы, що поклала свою голову ій на коліна та пыльно дывилася у вичи любої бабуси.

— И прырозумиты жъ отакъ: зъ-за жмени конопель померты!—видмовыла на матерыне оповідання Приська.

— Де тамъ тоби жмени? Кіпъ чы не зъ чотыри самой матирки було,—та ще жъ и конопли яки добрачи... Шкода, такъ шкода тієи сердешної Ганни, ажъ серде щемыть, якъ згадаю, та що робыть? Мертвыхъ не вернешъ зъ домовыны, плачъ—не плачъ, не пособытса, треба краще думаты та пыльнуваты про цю сырітку... Ходимъ, дытыно моя, я тебе хочъ причепурю трохы: бачъ, ліка засушена та чорна,—звернулася Горпіна до Санькы и повагомъ підвелася зъ лавы.

Санька надбигла до помыїныци і нахильла надъ нею свій замурзаний, полупаний видокъ. Баба хлюпнула зъ кухля соби у прыгоршню воды та заходылася видшаровуваты й выдъ, й вуха і руки дывчыны. Потімъ вытягla зъ-за комина здоровый гре-бинець, розмочыла сплутане волосся, розчесала ёго і заплела у два манисенъки кискы.

— Кисныка треба бъ дивци, та немае,—пожартувала Горпыва.

— На ось тоби кисныкъ,—мовила Приська, здіймаючи зъ своеи головы чудову, шыроку блакитну стёжку...

— Не треба, не треба—то я пожартувала. Не давай—загубыть, а такои стёжкы й по шісткі копіёкъ не визьмешъ,—заклопаталася Горпына.

Але Санька вже підхватыла стёжку і завязувала на мокре волосся.

— Понивечышъ!—схопылася Горпына.—Давай сюды—я заховаю, хай буде про свято, у церкву...

Санька слухняно скynула стёжку і подала баби. Горпына підійшла бlyжче до вікна та почала ривненько згортати іи.

Приська мовчы дывилася на свою стару неньку та ін глыбоки зморшки на выду, на коряви, наче суковати руки, вай латану карсетыну, руду запаску, на ту стёжку, що тремтила у іи рукахъ і такъ не йшла ни до убрання неньчыногого, ни до всієи цієи хаты, і думала... Невесели булы іи думки...

А дивчата, за прыводомъ Мелашкы, вже наблыжалыся до Горпиной хаты. Купальни писні сталы все выразнише та выразнише довоносцісь, і незабаромъ Мелашка та восьмеро дивокъ, у вінкахъ, у святошимъ убранні увійшли въ хату.

Покы Горпына лагодыла дочци вечерю, а Мелашка доплітала ій вінокъ, дивчата обступылы Приську та бильше дывилыся на „городянку“, нижъ балакалы, бо не знали навіть, якъ до неи і звертатыся.

— Ось тоби вінокъ,—бачъ якій ловкисенъкий; одягайся швидче, та ходимъ!—звернулася Мелашка до сестры, колы та скінчыла вечерю.

— Видчесыся видъ моей души зъ своимъ винкомъ. Чы я тоби коза, щобъ заходылася стрыбаты оце зъ доброго дыва?— засміялася Приська, доручаючи сестры назадъ винокъ.

— Чого жъ тамъ, хай Богъ мылуе, „коза“?—вздывалася Горпина...—Нихто „зъ доброго дыва“ й не плыгае:—на те й Купальныі вечиръ. Не знаю, ляжъ челядъ у городи бавытса, а по селахъ тильки й веселошыць, що зибратысь у гуртъ та одсвяткуваты кожне свято по звычаю.

— Пострыбаты, напрыкладъ,—заяважыла зъ ухмилкою Приська...

— Стыбаты разъ на рикъ: постыбають сёгодни, та вже ажъ черезъ рикъ, хто жывый дижде, стыбатыме. На все ёй свій часъ, все по черзи: веснянка, петривка, купальни писни, волядкы, щедривкы...—доводыла Горпина.

Приська засміялася.

— А що, колы бъ оце я замисть петривкы та защедрувал? Посадылы бъ мене у холодну, чы ни?

— Чого тамъ, хай Богъ мылуе, у холодну? Тоби бъ самій щедривкы у литку на умъ не прыйшли: ты бъ іи й на голосъ не звела,—видповила Горпина зъ незвычайною певнистю въ голоси.

— Чого жъ ты доси не вбираешся?—напалыся дывчата на Мелашку, що наче задубила на мисци зъ винкомъ у руци, та не змыгнувишы, дывилася на чудну городанку, що сміется зъ Купала. Мелашка кынулася у хыжу, убралася и зайдла въ хату запрохаты ще разъ сестру до гурту.

Приська ледве пизнала сестру. Чорна карсетына, облямована червонымъ шнуркомъ, немовъ облыпла коло молодого стану іи; кубова сыня спидныця, трычи пидперезана очковымъ окрайкамы клалася ривнымы расными фалдамы; жовто-гарачый попередныкъ зъ зеленымы квиточкамы по полю, намысто, кисныки, расный винокъ,—все незвычайно лычыло простій, молодій вроди дивчыны.

— Пидемо-бо, Присю!—попрохала Мелашка сестру...—Хай на тебе хочъ челядъ подывытса...

— И не прохай, и не умовляй, бо не пиду ни за що,—видповила уперто Приська.

Мелашка пишла, а Горпина поклыхала Саньку спаты, прыбрала трохи въ хати, розиклала по всихъ вікнахъ жалыву и сила знову на лави.

Розмова съ Приською довго не складалася: маты не знала, що казаты доньци-красуни, а донька літала далеко думкамы та прыгадувала щось.

— Скильки, мамо, у васъ коровъ теперъ?—запытала, нарешти прыгадавши щось, Приська.

— Нема, донечко, и поганенъкои,—видповила Горпина журлыво.

— А де жъ та корова, що у насъ була? Я думала, що вы за ци висимъ рокивъ череду розвели, а вы й останнї позбулися,—здывовалася дивка...

— Моя дитино, що бо ты кажешъ?—ажъ сплеснула рукамы Горпинча.—Де бъ та череда набралася? Мало хиба мени втратъ було? Ганну виддавала—телычку дала; Евтухъ женывся—пару бычкivъ взявъ; батько померъ—тежъ телычку продала, останню тильну телычку продала та сховала Мелашци на копривку, якъ замижъ, дастъ Богъ, йтиме. Ось тоби и череда наша.

— Хиба-жъ вы ничего за цей часъ и не зароблялы?—здывовалася Приська.

— Де бъ мы зароблялы? По чужыхъ людяхъ не ходылы, ниде не наймалыся, бо й била свого хавайстечка було дило, а колы Ганна може яку десятку у строку й заробыла, то й те на господарство пишло,—видповила Горпина...

— Яка жъ вамъ була корысть и господарюваты, якъ ось висимъ рокивъ гуртомъ працювалы та ничего й не прыдбалы?—запытала Приська.

— Чуешъ-же: виддала дочку замижъ, оженыла сына, батька поховала—та ниде й шага не позычала.—За Ганною ажъ 15 сорочокъ дала, два кожушакы, два ватянки, три литнячки—карсетокъ чотыри, пять спидниць, запасокъ три пари, полотна

два сувои,—почала Горпыва личыты та прыгадуваты, що постачыла вона дитямъ.

— И що вы мени по пальцяхъ личыте ти сорочки та літніячки? Наче я не знаю, скільки вони коштують? Подышиться волы такъ, скільки я сама душою прыдбала за ци висимъ роківъ; прыривнайте мою одагу до вашои, та тоді прызвнайтесь краще, що перевели гуртомъ дурнисенько вси ци висимъ роківъ,— мовила ажъ наче зъ серцемъ Приська, видчыняючи скрыю й выкыдаючи звидтиль свое збіжжя.

Рижнобарви платки, платочки, спідници, сукни, попередники, тонисенъкы, якъ павутынка, хустки, били, якъ снігъ настильники, повышывани, повымережувани рушники вкрылы стиль, пиль, лаву. А Приська ще выкыдала зъ скрыни свое збіжжя; де-що падало до-долу, і тоді стара Горпина яхылялася, підіймала упавшу ричъ, вytрушувала іi, обережно складала і подавала донъци.

Підсличувати очи іi багацько де-чого ве добачалы, але вона спостерегла, що Присьчыне збіжжя коштує чымало, й нышкомъ зітхала, шкодуючи даремно, на іi думку, запакованихъ грошей на цей тонисенъкій та немицний крамъ.

Поки Приська спорожняла глыбоку, якъ колодязь, скрыню, повернулася й Мелашка, весела, щасlyва, цілкомъ задовольнена сёгодняшнимъ Купаломъ і Мареною. Вона бигла до-дому немовъ за нею хто гнався, і вже роззвыла рота, щобъ передказаты сестри, якъ тамъ хороше було биля ставка, але на порози зупыналася— і ни пары зъ усть. Ни, николы не доводылося іi бачыты такого чудового краму, такихъ чаривныхъ, рижнобарвыхъ убраны! Щось неначе обирвалося, перевернулося у серца; воно защемило, забылося, замерло... О, Господы! чы то жъ можна і прыривнаты іi вайкраще, великолене убрання до найостаннишої сукни цієи городянки? Ця сама карсетка, той самий жовтогарачый попередникъ, та сама спідниця, що звернули сёгодні увагу товарокъ, наче злынялы, загубили у одну мыть красу. Вперше за іi вікъ почуття якоись неправды, образы, чы свого беззатлання опановало дівчину. Хиба вона меньшъ за Приську пра-

цивала? Але жъ чы можна було ще бильше за неи, Мелашку, працюваты? Хиба вона меньше за сестру не досыпляла? Чы вона ласише за сестру йила? Може гроши даремно переводыла? Ой, ни! не можна було ранише, нижъ вона, Мелашка, вставаты, не можна було пизнише лягаты. Не ласувала вона изроду; за вси часы шага ва витеръ не кынула,—безталанна вона, онъ що!

— Тенеръ ты покажы мени, що у тебе въ скрыни,—звернулася Приська до засмученои сестры.

— Ничымъ добрымъ Мелашчи й похвалытыся,—видповила за Мелашку Горына,—та й нема чому дывуватыся: ты, бачъ, дбала весь часъ про себе, а Мелашка, спасыби ій, працювала на гуртъ, на господарство.

— Ото жъ було бъ такъ и вамъ дбаты кожному про себе,—зауважыла Приська, замыкаючи скрыню.

— Хай Богъ мылуе! Якъ-то можна «кожному про себе»? Попереду мы на старшенькихъ гуртомъ робылы, покы повиддавалы ихъ людамъ, а теперъ, якъ Господь прыбавыть мени вику, то й Мелашчи уготуемо, що слайдъ: мы не ледачылы, не пропывали, не пройidalы, не роскыдалы ни грошай, ни працы своеи даремпо...—мовыла Горына...

— И все жъ такы не зрозумію, що вы збереглы, що вы прыдбалы цію працею?—запытала зъ легенъкою ухмилкою Приська у матери.

— Чы я тоби можу по пальцяхъ переличить, що мы прыдбалы, що загубылы?.. Прожылы, прохарчувалыся всією сім'єю, у холоди не сидилы, голи не ходилы, кутокъ свій не роспустылы, земельку дитямъ и внукамъ прыбереглы,—жылы, одно слово, якъ люде живуть, й помремо, то буде чымъ захваты,—видмовыла трохи ображена Присьчыною ухмилкою Горына.

— Ось,—додала вона згодомъ,—вже й до Мелашки, хвалиочи Бога, старосты кланяются, та я жъ не видмагаюся тымъ, що ни зъ чымъ дивци йты: въ мене й рушники, й сорочки, й рядна и все чисто вже уготовлено... Чы такъ, Мелашко?

Але Мелашка не чула материного пытавня: вона въ думкахъ ривнила свои порепави ноги до Присьчныхъ ніжокъ, обутыхъ у блескучи черевычки, свои чорни руки до билыхъ рукъ городянки; вона прыгадувала всю ту важку прадю, що зазнала мало не зъ пелюшокъ, и почывала зневирятися у порядкахъ и обставынахъ сильського життя. Хто зъ селянъ прыдбавъ стильки, якъ ця городянка? хто зберигъ свое такъ тило, свою вроду? Орышка—перша дівка на сели: чудова жныця, перша щвачка, найкраща пряха, цей молотыкъ и плугатырь пиль часъ прыгоды, та сама Орышка, що не покладає ни въ день, ни въ ночи своихъ рукъ,—що вона прыдбала, поривняючи зъ Приською, чымъ заповнила свою скриню?

— Ну, диты,—зирвала маты невесели думки Мелашки,—лягайте спать! Тоби, Мелашко, завтра хлібъ учиняты, и ты, Присько, высиплайся завтра до схочу—однаково день не робочий.

III.

Приська не встала рано на другий день, не вставала рано й дали. Де-кильки день Горпіва не тильки не докоряла дочки за ії довгий сонъ, а вавпакы, певна, що дочка вси висимъ рокивъ не досыпляла, умовляла Приську выспаться до схочу й берегла іи спокій, якъ умила. Мелашка не меньшъ за матиръ пыльнувала про гостю й не разъ урывала яку годынку видъ коротенькои петривчаноинички та вставала ранишъ, щобъ спекты сестри пырижківъ, перепычку зъ саломъ, або спарыты глечычокъ здобутого ва сели молока. Сусиды тежъ ще до котого часу не судылы городянки, бо „висимъ рокивъ“, мовлявъ,—„не висимъ деньківъ—натомышся у наймахъ“.

Але ось прыпала недиля. У тому сели, де жила Горпіва, перероблалы саме иконостасъ, и въ церкви не правылось. Мелашка умовила Приську піти зъ нею у сусидне село до служби и збудыла іи зъ пивнями. Выйшли вони, тилько на світъ по-

благословылося. Ранокъ бувъ чудовий, свижий, тыхий; сонечко скопылося рано, кинуло своимъ проминнямъ навколо, и раптомъ засияли золотомъ вожки колоски жыта, заблестила самоцвітнимъ каминнямъ кожна росинка, всміхнулася, вправилася кожна стеблик зеленого проса, побадёрнишала та повеселишала видъ того теплого проміння и недоспавша, а черезъ те спочатку похмура, Приська. Вузенька стежка, що вела до сусиднього села, пролягала міжъ високимъ житомъ, вилася по-надъ обмежками и, здавалося, кінця-краю не мала. Напевне, іншымъ часомъ Приська, зауваживши, якъ далеко простягся той степъ, що ій повинно перейти, якъ неясно мріє той осиковый гаїкъ, що вирисъ на пивъ-дорози, повернула бъ, слова не мовивши, назадъ й зареклася бъ ходити и вдруге, але у цей чудовий ранокъ у неї такъ гарно, такъ лагідно було на души, стильки сили почувала вже у тили, що коли визирнула зъ-за зеленої гущавини цвінтаря биленька невеличка церква, Приська не хотила йнятися, що перебигла бильшъ якъ шість гонивъ. Коротенька видправа панъ-отця Ардаліона, подорожъ назадъ тежъ не втомили Приську и вона не тильки не лягла спочивати писля обидъ, а навить гуляла и зъ вечора довше, нижъ завжди.

Така незвичайна бадёристь Приськи впевнила Мелашку, що сестра вже добре видпочила числя наймивъ и здатна до праці на поля. А якъ ій хотилося витягти городянку у поле! Робота тамъ була не погана: добра половина жыта столла у копахъ, пшениця тежъ ще не нагонила, и Мелашка управилася бъ любисенько зъ ненькою безъ допомоги третього женця, але жъ, не зарады своєї користі й клопоталася дівчина, умовляючи сестру вийти у понедилокъ до жыта. Мелашка зауважила те вражиння, що зробила сестра у церкви на челядь, вона постерегла цикави погляди парубківъ, заздрістні зітхання дівчатъ, що наче ажъ йилы очима красуню-городянку у зеленій сукні та билому шовковому платочку, але-жъ чула вона, якъ одинъ дядько мовивъ у голосъ: „за такою жинкою хліба не йисти“, а другий додавъ на увесь цвінтарь: „крупчаткою подавшися“; бачила вона тежъ, якъ поважний дідъ Яківъ огля-

дивъ поважно Приську, зитхнувъ важко й перехрестыся, до-видавшись, що ця городянка—Горпинина дочка, ій невымовно шкода стало сестры.

Довго умовляла Мелашка Приську выйти на поле. Приська сміялася, жартувала, видмагалася, успевняла, що й серпа не вдер-жыть у руци, що ве вміє и не хоче жати; Мелашка доты не одійшла видь сестры, поки та нарешти не згодилася выйти „хочъ подывытись“, якъ люде жнуть.

Приська захопыла заполочъ, шытки, зап'ялася тонисенькою наміткою й певна, що йде тильки „дывытись“ на чужу працю, послідкувала за матирю та сестрою до жыта. Не такъ миркувала Мелашка: вона прыгадала, якъ крала вона ще манисенькою серпъ, якъ хапалася потай видь матери та старшої сестры зризаты тымъ серпомъ хочъ де-скильки бур'явиноў; якай пе бувъ щасливый день у іи жытти, колы нарешти ій до-ручылы окремій серпъ, повелы у поле, колы вона зайняла по-стать и нажала мало не пивъ-копы, и думала теперъ, доручачуючи сестри бlyскучый гострый серпъ: „хай тильки вона выйде на поле, хай тильки побачыть, якъ люде жнуть, то не втер-пить — зохотыться жаты“. Приська прыйняла зъ веселымъ усміхомъ той серпъ, перехрестылася на східъ сонця, якъ ве-лила Горпіна, зризала де-кильки жмень жыта, перев'язала пе-ревесломъ, обквитчала свій сніпъ полёвымъ горошкомъ та ва-сылькамы, увіткнула ёго зъ реготомъ та жартамы у шапку найвышого полукипка, та й обмотала серпъ ганчиркою.

— Оце й годі?—запытала наче ажъ зъ жахомъ Мелашка.

— Хиба мало нажала?—засміялась Приська, вытягаючи зъ пидъ кипъ свои шытки.

— Невже навспрявжки бильшъ не жатымешъ?—запытала Мелашка.

— Невже-жъ ты справди думала, що я жатиму?—перепытала ій Приська...

— Зареклася не жати, чы що?—запытала зъ докоромъ Мелашка.

— Эгэ-жъ, зареклася...—видмовыла Приська, складаючи у купку спони, щобъ було де систы.

— Чому жъ то такъ?—обизвалася Горына..

— Тому, що не дурна...—белькнула Приська.

— Якъ не дурна, то й не толочъ, якъ той дурень, святого хлиба,—скыпила Мелашка и синнула купку спонивъ зъпидъ Приськи... Приська скопылася, плонула на Мелашку й кынула ій де-кильки образлыхъ сливъ.

Мелашка мала тежъ неледачный языкъ до послугъ—завелася суперечка; слово за словомъ, докиръ за докиромъ—и сестры нарешти зрозумили, яка безодня прырва розризняе ихъ, якъ далеко розійшлисъ вони за висимъ рокивъ, и якъ мало надії на те, що вони, дити однієи ненъкы, порозуміються колы-нѣбудь.

Горына цилкомъ спочувала Мелашци, котра, на іи поглядъ, казала городянци дійсну правду; але ій шкода було ѹ Приськи. Ій прыкро було слухаты суперечку дитеї, и вона зважилася перекинуты хочъ легенъкый мисточекъ черезъ ту прырву, що розрізнила сестеръ.

— Цытьте! Не гукайте на все поле, щобъ бува люде не позбигалися. Чого вы сперечаетесь? Ты, Мелашко, не служила въ городи, не знаешьъ, якъ тамъ живется,—Приська тежъ не знає сильського жыття—нема объ чимъ вамъ и змагатыся,—спынила дитеї Горына.

Мелашка видразу стыхла, а Приська не замовкла: вона вже прыдывылася за цей тыжденъ до селянъ, вона впевнилася, що вони марно переводять и лита и здоровья свое, вона знає, що найзаможнишому, найроскишишому зъ селянъ и у сні не увиждаются ти чудови обставини, ти умовы, котрыми корыстувалася вона, Приська—звычайна наймычка, въ городи.

— Де це поводытса, який катъ-господарь прыневоливъ бы васъ старистью цектыся на сонци та трудыты поперекъ? Невже вамъ легше вистояты рачки на отакій специ, нижъ слугуваты панамъ у городи?—скинчыла Приська свою довгу, палку промову.

— Может и ѹе дуже гарни паны, гарни господари, а намъ, селянамъ, немае крашои господарки за свату землю, нема крашого господаря—за Господа Бога,—видповила спокійно Горпина.—Пошли Господь литечко, вродить свята земля—выйдемо мы у поле, знаемо безъ загаду, що намъ робыты, якъ и ѹий, святій землі, и соби догодыты. Попотрудимо попереки тижнівъ зъ висимъ, попоганямо скотынку, позбираемо те, що давъ Господь намъ за нашу працю, позвозимо до хатъ, та ѹи сидимо соби нышкомъ по своихъ куткахъ, ажъ поки знову сонечко не поверне на лито.

— А що вы бачыте, що вы чуете, сидючи по своихъ куткахъ? Чы вы на світъ билій надывяtesя, чы вы людей наслухаетесь за свій викъ?—засміялася Приська.

— Охъ, дытыно моя! Світъ великий—не зйиздити, не сходыты єго—та не нашъ. Нашого тильки и ѹе, що хатына про жыття, та домовына про смерть—про те тильки й треба дбати. Людей есть сыла силою, та то все люде не наши: намъ байдуже про ихъ, и мы имъ непотрибны, а тильки й нашихъ людей—що своя родына та свои селяне,—завважыла Горпина.

Приська засміялася.

— Що вамъ зъ тыхъ селянь? Що вояы вамъ дадуть, на вище воны вамъ, а вы имъ здалыся?

— Те й дадуть, що мы сами даемо имъ: треба порады—порадити, допомогти—допоможуть, розважыти—розважать, у кумы запрохаемо—пидуть, одно слово—не попустять загынуты; не почуватыменшъ себе у своему сели тією былынивою пры дорози,—видмовыла Горпина.

— Отакъ само радытымуть, пособлятымуть, розважатымуть вась и городяне, а кумивъ вже й напевне здобудете крашыхъ у городи, нижъ тутъ...—не спынялася жартуваты Приська.

— Радытымуть, дытыно моя, и въ городи,—мовыла Горпина,—та не въ одно: наймычка дастъ тоби одну пораду, перекупка—другу, пани—третю...

— Ось порадьте мени теперъ, якъ мени до-дому добытыся, бо прамо не всыжу тутъ: душно, пече... Хотила бъ я

знаты, скільки копіекъ заробите вы за день такои пекельной працы,—мовыла Приська, пидводячысь зъ земли и утыраочы намиткою врапли поту на выду.

— Хиба мы личымо колы зароблени копійки? Мы не гроши, а хлібъ заробляемо,—видповыла Горына.

— Та все жъ цікаво перевесты отой хлібъ, що заробляете такъ горкко, на гроши,—завважила Приська.

— Ото-жъ иди на село та й переводъ свои гроши на хлібъ, бо я тоби теперь й шматка хліба не дамъ.—Купуй, багатырко, ласуй на чужу працу, а мы, хвалыты Богови, хліба не купувалы, чужою працею не жывалыся,—скыпила доси мовчазна Мелашка.

Приська спалахнула—почалася изнову суперечка, якъ вате наблызылыша пастухы, поривнялыша зъ Горыною де-яки женци, що верталыша на обидъ до-дому, и кожне слово цієї суперечки облетило незабаромъ все село.

Мелашка дорого дала бъ, щобъ завернуты свои слова назадъ, щобъ впевнити селянъ, що то вона зъ дурного розуму, зъ серця, плескала про сестру нисенитницю, але Приська наче навмысне добывалася худои славы, и зъ кожнымъ днемъ до одного прыкругого прызвища добавлялы ій друге.

Мелашка п'ялася зъ усієи сили, первово хапалася за всяку працу, не дойдала, не досыпляла, зъ ранку до вечора не присидала, та все терпляче сподивалася, що сестра захопиться таки нарешти жыттемъ ихъ маленькои сими, що вона зацікавиться ихъ побутомъ, що принаймни хочъ, шкодуючи сестру та стару венікку, дадастъ своеи допомоги. Горына тежъ все чогось сподивалася, и колы яка кума почынала допытуваты: „доки Приська святкуваты“, впевняла іи, що тому святови прыйде незабаромъ кинець, що дочка незабаромъ опам'ятається та почне робити, „якъ и люде“. Тильки сама Приська розумила добре свое становище, напевне знала, що не згодиться „марно потрачати свого здоров'я“, „не захопиться тією працею“, до котрої заочували іи сестра та мати, „не занапастити свого вику за хліборобомъ“ и здобуде соби неод-

минно такой шматокъ хлиба, якъ-бы мигъ задовольныты і. Вона не тильки розумила все це, але й не крилася ни видъ кого зъ своею метою, дарма що слова іи пе заходылы навколо спочуття, а розмова зъ родыною кинчалась суперечкою.

Якось разъ писля такои суперечкы зъ Мелашкою Приська сидила на лави та нызала намысто. Горпина прысила до неи.

— Ты, дочки, не враждуй на Мелашку,—мовыла вона стыха.—Мелашка—дивка молода, нерозсудлыва; иноди може й зайве що белькне, а ты такы старшенька.

— То що якъ старшенька?—перепыннала Приська матерыну ричъ.—Звелыте може зменышатыся, передкы ій цилуваты? Вы вси за неи заступаетесь, вси против мене, вси на мене нападомъ.

— Хай Богъ мылуе! Хто-бъ на тебе дурно нападався? Судать тебе люде, нарикаю и я иноди на тебе, такъ то жъ, дочки, пе по дурному: Мелашка робыть, якъ не перервется, а ты хиба въ хати прыберешъ, та й годи.

— Неривняйте мене до Мелашкы!—спалахнула Приська.—Не накыдайте мени тієи роботы, що я й до самой домовыны не згожуся робыты! Чому вы не дывылышя, якъ я робыла у генеральши, чому вы не пытали людей, чы дурно я тамъ хлибъ иила? За мною булы й горныци, за мною й генеральшины сукни, за мною и сорочки, за мною всячына, та то жъ и догожала висимъ рокивъ,—годувалы, по четыри карбованцы на мисяць платылы, ще й подарунки робылы...

— Царство Небесне тій генеральши, що выгодувала тебе, а все-жъ, дочки, не викъ чужымъ людямъ годыты—треба колись и самій господарюваты...

— Хай и моимъ ворогамъ такое господарство, якъ оце, не сnyтся... Давытыся чорнымъ хлибомъ, тягаты на плечахъ тенетки, докы на шматки не разпадутся, ни веселошивъ, ни лающимъ не зазнаты—ото все ваше й господарювання. Колы хотите знаты, то я дывлюся на васъ або на Мелашку, ривняю до тыхъ наймытивъ, що зазнала, та тильки дывуюся мовчкы:

де ваши очи, що вы не бачите, на вищо вы перевелися, яке ваше жыття?

— То бъ, на твою думку, и мени слизь було бъ найнятысь?—здывувалася Горына.

— А вже жъ, найнятись,—мовила Приська.

Горына образылася.

— Э, то вже дочки, дурныця, симъ разъ дурныця! То вже, дочки, брешешъ! За таки речи я тоби вже не подакую. Не була твоя маты чужымъ попыхачемъ, та якъ не буде. Якъ гирко не доводылося, та все не куштувала недойидкивъ видъ панського столу; хочъ и черстый хлебъ—та свій; хочъ и похыла хатына, та свій кутокъ; хочъ и поганенъка господаръка, та не налаяна, не осужена!—завважыла Горына.

— Ну я сидить „господарки“ та „господарськи дочки“ надъ кандромъ, я не хочу звыкаты до такого жыття, и не прысылуете, не прыневолыте вы мене до вику,—мовила Приська.

— Кого тамъ слуваты? До чого прыневолюваты?—запытавшися дядько Максымъ, що саме нагодыўся на останні Присьчны слова.

— Не прыневолыте, не прысылуете до чорной роботы,—зъ сердцемъ видказала Приська.

— А я гадавъ, що тієи твоєи дурної писни вже й край забули, що опамъяталася та дякуешь мени за те, що я вятаѓ тебе зъ того болота та показавъ, якъ люде повинни жыты та господарюваты, ажъ ты, бачу, не дуже-то!—мовивъ зъ докоромъ дядько Максымъ.

— „Нате й моихъ п'ять, щобъ було десять“. Чого ще вамъ видъ моєї душы треба? Посміялыша зъ дуркы, обицянокъ вадавалы, симъ мишкивъ гречаної вовни набалакалы, а теперъ ще й докоряете, що не корюся вамъ? Де ти писари, де ти благородни люде, що вы мени заздалегидъ высватували? На вищо вы мене зъ города взяллы? Погыбели моєї захотили?—заплакала Приська.

— Чудна ты, дивко! Подумай сама: за кого бъ я тебе и высватавъ? Чы тебе хто на поли бачывъ, чы твою роботу хто колы похваливъ? Мелашку я высватаю хоть и сёгодни, дарма що вона меньша, а тебе... Кому ты потрибна? Кому й на вищо здалыся твоя врода, твои били руки, колы ты не здатня до працы?—Була въ мене думка высватати тебе за Бондаренка,—несхотивъ тебе.

— Ось якихъ молодыхъ тулыте вы мени! Чы я вамъ не казала, що не пиду до вику за простого мужыка-хлибороба? Хиба я не знаю, якъ вони знущаються зъ жинокъ своихъ?

— А подивись, якъ Бондаренко панькається теперъ зъ своею молодою жинкою. Наче ти голубки живутъ. Зазнаютъ ищастви на свою вику, й роскоши—якъ одынъ день викъ проживутъ!—мовивъ Максимъ.

— Прямо—„зазна роскоши“! Не бачила я, мабуть, яку спидныцю ваша Санька телипае, не куштуvalа, мабуть, пырогивъ ія!—засміялася Приська.

— Бачу, до чого ведешъ ричъ, і та тильки помыляешся ты, небого. Не у тимъ роскишъ, що сёгодни шорстянє, а завтра рядняве, а у тимъ, що завжди йе те, чого треба; не у тимъ роскишъ, що сёгодни вязка бублыкивъ, а въ тимъ, що не голодный... Ты сёгодни, бачъ, прычепурилася, напъяла шорстяну сукню, поснидала бублыками, напылася чаю, спала до обидъ, а я не знаю, у чому ты сидитемешъ черезъ рикъ, якъ живи диждемъ, що йистымешъ та чы переспышъ, чы може за голодомъ та досадою й про сонъ забудешъ?.. Никому, причъ Господа Милосердного, невыдымо, що тебе сподивається, що тоби трапиться та у чихъ рукахъ опынится и скрыня твоя важка, й те добре намысто, що теперъ выжешъ; а за Саньку такъ и объ закладъ можно побитися, що й черезъ рикъ и черезъ десять будуть и пироги на столи, и таки сами спидници, якъ теперъ, колы не кращи. И я тоби поражу...

— Хай воно скажутся таке жыття, якъ Саньчице! Я-бъ швидче соби смерть заподіяла, нижъ згодилася отакъ свитомъ вудыты,—не стерпила Приська и перебыла дядькову ричъ.

— Оце лыхо! А якого жъ,—не у гнивъ вамъ буде, що запытаю,—жыття вамъ забажалося?—засміявлся дядько.—Хиба ты не така сама мужычка, якъ Санька? Покынь краще вси свои выгадки та прымхи! Не морочъ людямъ головы, покынь шукаты того незвычайного жыття, визьмыся гарненъко до пради, то я тоби высватаю чудового парубка,—хазайського сына, одынця у батька...

— И не нагадуйте мени про тыхъ хазайськихъ сынивъ—не пиду я за ныхъ замижъ. Не мужыківъ я цураюся, а хлиборобивъ. Не вси мужыки господарють—їе таки, що й па готови гроши жывуть; отакого мени знайдить, а ни, то одвезти мене краще у городъ—тамъ я сама соби раду дамъ, якъ мени жыты.

— За городъ, дочко, вже не нагадуй: до вику-вичнёго не буде тоби на те мого благословенія,—обизвалась безъ краю сумна Горшына.

— Въ городъ тебе вже никто не пустыть: и таєль великового ума набралася—постачыть на увесь твій виевъ,—додавъ Максимъ...

— Та вже жъ и тутъ нема мени жыття. Кожне пече мене, дорикає, кожень очи выйдає,—заплакала Приська.

— Присько!—звернувшись до неї трохи згодомъ Максимъ.—Не вже ты такы навспрявжки поклала соби не выходити замижъ за хлибороба? Може ты такы одумашся колы-небудъ?

— Доки вы мене допытуватымете, доки дратуватымете?—Сказала, що не пиду за хлибороба, то хочъ зависьте, не зминю на цёму слови!—заголосыла ще дужче дивка и выбигла геть въ хаты.

Л. Яновская.

(Продолжение следуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Практика смертной казни въ старой Малороссії. «1734 году, априлъ 6 дня. Миѣніе войскового генералного суда по дѣламъ криминальнымъ о колодникахъ батуриинскому жителю Матвѣю Сергіенку да жителю Переяславскому Федору Иванову учинено въ нынѣшнѣйшемъ. 1. Поманутій Сергіенко въ распросе показалъ, что онъ хозяина своего, батуриинского жителя Мартина Кащенка, въ дороге, подъ городомъ Лохвицею, самъ собою оссю спящаго убилъ, ради имѣвшихся у него Кащенка девегъ, которое числомъ 8 р. и лошади онаго убитого взялъ онъ, Сергіенко, намѣривалъ ехать въ Полтаву, чтобы пристать къ кому въ службу; и закончалъ былъ онъе девги подъ Лохвицею, въ уроцищи подле Креста. А потомъ, когда его Сергіенка лохвицкіе люди въ дороги запинивъ, привели въ Лохвицу, то онъ, Сергіенко, за привѣтствіемъ жены Кащенковой, съ посланными отъ старшины лохвицкой людми, означенніе денги подле Креста на нивѣ закопанніе сиславъ, отдалъ оной женѣ убитого Кащенка. А о томъ смертномъ убийстве онъ, Сергіенко, въ суде генеральному ис пітки винился и сказалъ, что онъ того хозяина своего Кащенка подланно убилъ зъ своего умислу для того, чтобъ его хозяйскіе пожитки забрать и покористоваться оними; а на то убийство его никто не подговаривалъ и въ томъ помощникомъ никто ему не былъ, а прежде того убийствъ другихъ никому не чинилъ. А сего 1734 году, марта 12 д., глуховскаго Петропавловскаго монастыря намѣсникъ іеромонахъ Варлаамъ и новгородскаго Свѣверскаго Спасскаго монастыря іеромонахъ Петръ Гердель съ іеромонахами катедры Чернѣговской Зосимою и Тихономъ да глуховскій протопопъ Алексѣй Салаховскій, съ прѣтчими священ-

Томъ 74.—Іюль-августъ, 1901.

П - 1

и ико, числомъ восемъ человѣкъ, въ поданномъ въ судъ енералній чебобити просили, чтобъ онаго колодника Сергіенка, которій де еще будучи младолѣтнъ въ тотъ убийства грѣхъ впаде, отъ смертной казни свободить на покаяніе. А въ правахъ матороссійскихъ напечатано, а именно: въ книге Статутѣ, въ раздѣлѣ 11, артикулѣ 9, ежели бы которій слуга взявшіи предъ себѣ злій умыселъ, господина своего забилъ или ранилъ, таковій имѣеть жестоко горломъ каранъ быти, яко зрадца четвертованъ; да въ томъ же раздѣлѣ, артикулѣ 56—когда бы кто о воронство или о какое злочинство къ смерти отъ судей праговоренъ былъ и въ томъ отъ смерти откупилъ себѣ денгами или чрезъ свойственникъ своихъ или гостей, пословъ, господъ знаменитихъ ви прощеній былъ, а за таковій свой злій учинокъ у ката въ рукахъ былъ, такій каждій между добрыми людми рицерскими не имѣеть болше того привилею шляхетскаго уживати, а дѣтемъ его то вредить не имѣетъ. 2. Прошлого 1733 г., ноября 16 д., дѣло по присланному екстракту отъ наказного полковника переяловскаго Томары з старшиною, о Федору Иванову, которій Леску Косому и женѣ его Еленѣ приказовалъ жену свою Евгенію перво отруить, а послѣ удавить и онїй Леско удавилъ, а жена его давала машаку пить, о чомъ изъ розиску показали, въ судъ енеральному рѣшено и велено по силѣ правъ малороссійскихъ въ книге Статутѣ въ раздѣлѣ 11, артикулахъ 6 и 17, да въ книгѣ Порадку, артикулахъ 66 и 87, чинить смертную казнь и о томъ того жъ ноября 16, къ онай старшинѣ полковой для исполненія посланъ указъ. И того жъ году декабря 21, отъ той старшины въ судъ енералній рапортовано, что онимъ Леску Косому и женѣ его Еленѣ учинена смертная казнь. А сего 1734 году, генваря 11, преосвященній епископъ переяловскій и бориспольскій Арсеній Берло и г. генераль-майоръ Кейтъ въ судъ енералній писали съ прошеніемъ, чтобъ ради торжественнаго дня тезоименитства ея высоч. государыни принцессы Анны (аще возможно будетъ) помиловать его, Федора, отъ смертной казни освободить. А по справкѣ въ генеральному войсковому суде зъ дѣлами въ прошломъ 1733 году, содержались колодники въ ономъ судѣ, а именно смоленской губерніи, города Драгобужія, деревни Тужимовой, помѣщика Гаврила Заблоцкого, Яковъ Савеліевъ сынъ Зайцовъ—въ пятояратномъ въ разныхъ обивателей, въ томъ числѣ и церковномъ, воровствахъ, да Филиппъ Фоманъ сынъ, житель Короповскій, за растѣльвіе дѣвицы Агафіи Ивановой дочери, отъ чего она и умерла, которимъ надлежало было по силѣ правъ

учинить смертную казнь, ибо уже и приговорены были, а по прошению духовных особъ и по силѣ вышеписанного права въ раздѣлѣ 11 артикулѣ 16 напечатанного, смертю не казнены и отданы оныи просителемъ съ распискою, что оны впредъ такихъ злодѣяній чинить не будутъ. А нынѣ, по мнѣнію суда енералного, показанного Сергіенка за убийство хозяина его Кашенка по силѣ артикуловъ 6 и 17, того же раздѣлу, учинить смертную казнь, а показавшій артикулъ 56 оного же раздѣлу, весьма не пристойній къ таковимъ дѣламъ отставить, понеже, ежели смертныхъ убийцовъ по оному артикулу и по прошению духовныхъ особъ отъ смертной казни свободжать, то многіе на то смотря, возмѣвши безстрашіе, станутъ чинить смертніе убийства въ той надеждѣ, что ихъ духовное отъ смертной казни отпросятъ. Аѳанасій Радищевъ. Иванъ Сенявинъ. Судіа енералний Михайло Забѣла.

Къ исторіи „войскового скарба“. «Исторія войсков. скарба», еще не написанная, представляетъ немалый интересъ для исторіи экономической жизни старой Малороссіи, указывая чѣмъ гетманщина устраивала свои фінансы. Главнымъ источникомъ послѣднихъ, до измѣны Мазепы, служила «аренда»—на «горѣлчаніе, тютюнвіе и дегтевіе шинки». Два приводимые адѣсь въ универсала Мазепы wyjaинаютъ—какъ практиковалась эта аренда въ монастырскихъ селахъ. 1) «Ихъ царского престола величества войска запорозкого гетманъ Іоанъ Мазепа. Ознаймуемъ сымъ нашымъ писанемъ кождому кому о томъ вѣдати належить, пажъ що колвекъ належить до скарбу нашего войскового суммы арендной до маєтности архимандрія Новгородской, въ полку Нѣжинскомъ и Чернїговскомъ будучии, за рокъ 1695 належной, то мы тую всю сумму—двѣстѣ съмдесѧ золотихъ грошей—даруемъ висоце в Богу превелебному его милости господину отцу Михайлу Лежайскому, архимандрію Новгородскому, въ чомъ даючи его милости сію нашу охорону, варуемъ, aby никто з старшини и чернѣ не важилъ правити тыхъ грошей за тіе маєтности предреченої архимандрія Новгородской. Дасть въ Батуринѣ, октоворіи 26 д. 1695 року. Звишъ менованій гетманъ рукою власною».

---

2. «Его царского величества войска запорожского гетманъ Іоанъ Мазепа. Озвѣймѹемъ симъ листомъ нашимъ каждому кому о томъ вѣдати належитъ, ижъ пустилисмо висоце в Богу превелебному его милости господину отцу Никону архимандриту Новгородскому, арендовіе, горѣлчаніе, тютюнніе и дегтевіе шинкі в завѣдоване в селѣ Спаскомъ в сотнѣ сосницкой будучимъ, на наступуючий рокъ 1704-й отъ дня—чиочиающіяся, а о томъ же часѣ прийдучого году кончатаися 1705-го мѣсяче, за которые то шинки висоце в Богу превелебный отецъ архимандритъ яко належитую до скарбу войскового суму устиль, такъ позволяемъ оними веллугъ давнаго порадку владѣти и якъ хотя оними диспоновать ку лучшему своему пожиткови; въ якихъ шинкахъ не повиненъ никто з жителій помененаго села Сиаского войсковихъ и посполитихъ людей и з постороннихъ переждающихъ жадной найменшой перешкоди чинити потасемніи горѣлки шинкованемъ и явнимъ; медомъ вась, пивомъ и брагою полно всякому з козаковъ и посполитихъ людей без жаднихъ дачей шинковати, що все такъ, а не иначай абы было, симъ листомъ нашимъ варуемъ. Данъ в таборѣ юни 4, року 1704, под Хвастовомъ. Звишъ менovanый гетманъ рукою властною»¹⁾.

Остатки преданія о Гонтѣ. ²⁾ «Недавно мнѣ случилось быть въ селѣ Сербахъ (могилевского уѣзда, подольской губ.). Селевіе это известно тѣмъ, что оно было мѣстомъ казни известного предводителя народного движения и деятеля такъ называемой «Уманской рѣзни» — Гонты. Казнь Гонты дала с. Сербамъ право на упоминаніе въ южно-русской исторіи. Зачѣмъ именно Гонта былъ завезенъ для казни въ с. Сербы, такъ далеко отъ главного мѣста своихъ подвиговъ — окрестностей Умани, и отъ мѣста своего илѣнія — отгадать трудно; но это

¹⁾ Оба документа изъ монастырскихъ актовъ, нынѣ хранящихся въ киевскомъ центральн. арх.

²⁾ Перепечатываемъ эту интересную статью г. Ф. Ф. (?) изъ старого „Кіевлянина“ (1871 г. № 45), гдѣ она, какъ и многія подобныя другія, теряется чуть не навсегда. Большую пользу принесла бы редакція „Кіевлянина“ наукѣ, если бы издана выборка подобныхъ статей изъ своего изданія за прежніе годы, въ видѣ отдѣльныхъ *Сборниковъ*. Матеріалъ въ этой газетѣ для такихъ *сборниковъ* имѣется обильный и интересный.

обстоятельство повліало на то, что количество устныхъ народныхъ преданій о его смерти уменьшилось. Жители окрестностей мѣста его казни не такъ были заинтересованы личностью Гонты, меньше занимали ихъ воспоминанія о ней, чѣмъ жителей той страны, которая полна преданій о событияхъ, связанныхъ съ именами Гонты и Желѣзника. Сербы видѣли только казнь,—но не видѣли дѣлъ Гонты.

Разспросы у жителей с. Сербовъ дали немного; сто лѣтъ времени сильно сгладили народное преданіе, и отъ него уцѣлѣли только небольшіе остатки, слабо свидѣтельствующіе о томъ, какъ относилось населеніе къ дѣятелю уманской рѣви: съ симпатію или съ отвращеніемъ; что больше запечатлѣлось и уцѣлѣло въ народной памяти: его-ли жестокости, или то, что Гонта все-таки былъ выразителемъ народнаго движенія, народнаго чувства. Правда, почти всѣ жители с. Сербовъ твердо запомнили, что здѣсь именно былъ казненъ Гонта, но личность его представляется имъ недостаточно опредѣленною. Въ отрывочныхъ рассказахъ, Гонта является то предводителемъ народнаго движенія, симпатичнымъ населенію, то простымъ разбойникомъ. Но вѣйшее поколѣніе уже смѣшивается его иногда даже съ разбойникомъ Кармелюкомъ, дѣйствовавшимъ въ подольской губерніи въ позднѣйшее время. Подвиги Кармелюка иногда приписываютъ Гонтѣ, хотя крестьяне постарше тутъ же и протестуютъ противъ такого мнѣнія и отѣлаютъ личность Гонты. «Нема теперъ уже такихъ» — говорятъ они— «щобъ бачылы, якъ Гонту тутъ стратылы». Це вже дуже давно діалось: и ти вже стари люде, котри чулы видѣ батьківъ и видѣ дадивъ». Только старая, разрушающая деревянная церковь села Сербовъ, которой повидимому далеко больше ста лѣтъ—остается безмолвнымъ свидѣтелемъ страшной казни, устроеної польскою лютостью, надъ лютымъ карателемъ поляковъ и жидовъ. Въ селѣ осталась еще также поговорка: «Гонта свить пройшовъ, та Сербивъ не перейшовъ»: тутъ его и «стратылы».

Мѣсто казни указываютъ различно: одни говорятъ, что Гонта казненъ у самыхъ воротъ селенія, возлѣ вновь выстроенной церкви, гдѣ будто-бы стоялъ прежде и крестъ, на который встарину указывали, какъ на мѣсто могилы; другіе положительно утверждаютъ, что казнь произведена была возлѣ «мурованной криницы», немного по дальше. Какъ признакъ могилы называютъ желѣзный колъ, который будто-бы вбили въ могилу мучителя Гонты. Гдѣ этотъ колъ—отыскать едвала удалось бы. Но о существованіи кола повторяютъ всѣ.

Гонту долго мучили—говорить старики; его не за одинъ разъ убили: сняли съ него кожу съ головы, потомъ отрубили одну руку, дальше другую, а тамъ и ноги, а послѣ всего голову. И это дѣлалось нѣсколько дней, чтобы дольше мучить; «отрубить Гонтъ одну руку, а онъ акафистъ Іисусу читаетъ; отрубили другую руку,—а онъ все-таки акафистъ читаетъ» —такъ говорилъ одинъ старикъ, разсказъ котораго былъ очень толковъ и согласовался съ известными подробностями событій.

Другіе говорили, что Гонту убили вначе, вытягиваніемъ изъ него кишечкъ: вытанули кишечки, привязали къ столбу и вертѣли его во-кругъ столба, пока не вытанули всѣхъ кишечкъ до конца; тогда Гонта засмѣялся и умеръ; а когда его мучили, онъ все молился и акафистъ читалъ. Послѣдній разсказъ очевидно ошибоченъ и расходится съ письменными свидѣтельствами, по которымъ дѣйствительно съ Гонты сняли кожу съ головы, голову посолили, вырѣзали полосы кожи съ другихъ мѣстъ тѣла и четвертовали съ большими промежутками времени. Первое преданіе вѣреѣ. Но оба разнорѣчащія преданія говорятъ одинаково, что во время казни Гонта громко читалъ акафистъ. Если въ теперь еще уцѣлѣло подобное преданіе, то ясно, что въ народной памяти Гонта остался не въ видѣ разбойника, а въ совершенно другой обстановкѣ: представленіе человѣка, умирающаго съ твердостью и читающаго акафистъ во время мучительнейшихъ смертныхъ истязаній,— вызываетъ въ народѣ совсѣмъ не то чувство, какое имѣютъ къ разбойнику.

«То правда, що Гонта багато збытивъ (т. е. вреда, пакостей) наробивъ по свиту», говорить сербанскіе и окрестные крестьяне, но иные прибавляютъ, что не для всѣхъ онъ былъ такой лютый человѣкъ; одни говорятъ, что онъ былъ лютъ только до «ляхивъ и жыдивъ»; а другіе,—что онъ былъ такой человѣкъ, что богатого «оби-бравъ, а бедному надавъ». Въ этомъ послѣднемъ преданіи выступаетъ опять не разбойничій атрибутъ, а что-то другое, хотя мало опредѣленное. Очевидно, что въ населеніяхъ осталось симпатичное чувство къ Гонтѣ: его не считали дурнымъ человѣкомъ.

Одинъ изъ старииковъ, больше всѣхъ знавшій о Гонтѣ, рассказалъ такъ: Гонта былъ родомъ изъ Росошевъ подъ Уманью; его же село было и Кодыма (Подольск. губ.); тутъ (въ Сербахъ) про него никто хорошо не знаетъ; а я помню, что по дорогѣ въ Одессу, какъ бывало идешь, то про него тамъ больше говорить.—«Я добре знаю,

что якъ лидешь въ ту сторону, то тамъ було и на-ничъ тебе не примутъ: прійдешь въ село просыться на ничъ, спытаютъ: а звидкиля, чоловиче?—Зъ Сербивъ.—Зъ которыхъ Сербивъ? Бо есть еще и другіе Сербы (дѣйствительно, въ подольской губ. есть и другое село Сербы). Якъ тилько скажешь, що въ тыхъ Сербивъ, що падъ Могилевомъ, то уже ни за що не пустять на-ничъ: то вы зъ тихъ Сербивъ, кажуть, де нашего батька (або дядька) стратылы. Идти соби! Такъ и не пустятъ. А мы хиба винни (виноваты), що въ Сербахъ Гонту стратылы?

По сербянскимъ разсказамъ выходитъ, что и населеніе изъ окрестностей Умани также относилось сочувственно къ Гонтѣ; видѣвшіе людей изъ-подъ Умани, говорять, что и послѣдніе называли Гонту батькомъ или дядькомъ и говорили, что это «добрый былъ панъ» хотя и багато збытки робывъ по свиту жыдамъ и ляхамъ».

Не лишею интереса то обстоятельство, что въ народѣ осталась память, будто и русское правительство, представители которого выдали Гонту полякамъ, противилось его казни: „якъ тилько стратылы Гонту въ Сербахъ», говорить одно изъ предавій, «скоро зъ Петербургу пришло таке письмо, щобъ его не убывать, а повезти въ Петербургъ, якій то ссыпарь». То вже письмо то не поспило, не было вже кого везти въ Петербургъ». Не просвѣчиваетъ ли тутъ старое народное мнѣніе, что русское правительство не могло, за одно съ поляками—преслѣдоватъ народное движеніе русскаго населенія.

Мѣсто подвиговъ Гонты многіе въ окрестностяхъ Сербовъ совершино спутываютъ; такъ напр. иѣкоторые говорять объ убіеніи католического духовенства и учащихся «студентивъ», и о томъ, что убитые были брошены въ колодезь,—но вмѣсто Умани называютъ мѣстомъ дѣйствія городъ Баръ. До того стерлось тутъ преданіе, до того забыли его въ сто лѣть!

По народному преданію, въ Сербы привезенъ былъ не одинъ только Гонта, но и множество гайдамаковъ; вхъ всѣхъ, кроме Гонты, содержавшагося особо, разсадили въ двѣ огромныя и глубокія ямы, не покрытыя отъ непогоды, и держали тамъ довольно долго. Сидѣли тамъ эти «невольники» и кормились тѣмъ, что принесутъ имъ окрестные жители. Ямы, гдѣ мучились «невольники», были такъ глубоки, что ничего туда подать руками было нельзя; есть крестьяне, которые говорятъ, что дѣдъ или бабка такого то изъ нихъ или даже отецъ, будучи въ дѣтскомъ возрастѣ, сами носили пищу гайдамакамъ въ

ямы; возвысить «блызнат» (т. е. горшки, соединенные между собою по два), привязать къ нимъ веревку и опустить таcъ на дно ямы. Пойдуть «невольники» и отдаются назадъ «блызнат», но всегда не стѣвши всей пищи; на днѣ этихъ горшковъ приносившие пищу, находили подъ борщемъ въ каше червонцы и кораллы, которыми «невольники» благодарили тѣхъ, кто кормилъ ихъ. Долго стража, охранявшая гайдамаковъ, не знала о томъ, но наконецъ какъ-то обнаружилось, что они передавали деньги жителямъ; тогда ихъ обыскали, и больше денежныхъ гайдамацкихъ даровъ не было. Но какимъ же образомъ слѣники могли сохранять у себя деньги? Это преданіе объясняется тѣмъ, что ихъ привезли въ Сербы не «оборанными», и что гайдамаки умѣли прятать у себя деньги. Преданіе о томъ, что жители Сербовъ носили имъ пищу, опуская ее на веревкахъ, и часто получали за то щедрые дары въ борщѣ и кашѣ—принадлежать къ числу наиболѣе свѣжихъ и опредѣленныхъ преданій; о томъ говорятъ многіе, совершенно согласно и ссылаясь на слова собственныхъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, видѣвшихъ все это своими глазами.

Этого мало: указываютъ самы мѣста тѣхъ глубокихъ ямъ, гдѣ содержались «невольники». Такихъ ямъ было двѣ, и отъ обѣихъ остались слѣды, которые я видѣлъ. Одна изъ такихъ ямъ была возлѣ нынѣшниго кладбища, вблизи почтовой дороги; тамъ осталась большая впадина, искусственность происхожденія которой слишкомъ замѣтна; теперь это мѣсто уже вслахано, но если и въ настоящее время впадина еще очень широка и значительна, то какова же она была сто лѣтъ тому назадъ? Сто лѣтъ ямы эти осыпались, запахивались, и все таки слѣды ихъ не могли изгладиться! Преданіе же, передаваемое мѣстными жителями, утверждаетъ, что въ ямахъ содержались сотни гайдамаковъ—«невольниковъ». Признаки ямъ подтверждаютъ наглядно то, что передается жителями—устно, и своимъ видомъ поддерживаютъ самое преданіе.

Вотъ почти все, что миѣ пришлось собрать изъ устныхъ преданій о Гонтѣ, на томъ мѣстѣ, которое видѣло его казнь. Слабость преданій объясняется тѣмъ отчасти, что Сербы слишкомъ удалены отъ окрестностей, уманской рѣзни, а до привоза туда Гонты, о немъ едва только слухи тула доходили. Одинъ только старикъ еще имѣетъ нѣсколько опредѣленное понятіе о Гонте, называетъ также по имени сподвижника его—Шилу, о которомъ говорить, что онъ былъ посаженъ

на колъ, „на паль“,—но еще въ товарищи обоимъ прибавляеть какого-то «Мотовилу».

Счетъ судебныхъ издержекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ, за порубъ лѣса. 1723 г. «Реестръ мнъ Евпросимии Бабичисъ, жителице конотопской, сколько стратила денечъ, праѹючися из Левкомъ Гавриленкомъ, семяновскимъ жителемъ. На первей, якъ былъ; у Глуховъ, дали живиѣру шагъ. Сторожовъ алтинъ. Панамъ судіямъ полталара. За алтинъ калачовъ, за перевозъ 5 коп. Для написання реестру дали алтинъ, полкови схарчили. Шоставъ в канцеляріи дали молодицамъ. Въ Конотопъ, пред пана сотника калачовъ за шагъ, а шоставъ положила. Свѣдкамъ... на себе схарчила шаговъ три. На конѣ схарчила шостакъ. П. Костенецкому¹⁾ шостакъ; за написаніе двохъ супплѣкъ сѣмъ шаговъ. П. Романовичу 7 шаговъ, за папѣръ, а теперь на себе исхарчили полкови. На калачи три алтыни стратили, предъ пановъ носячи. За подводу таларь, а на харчъ 7 шаговъ. За перевозъ заплатили полчварты шага, до Глухова едучи.²⁾ У турму, якъ посадили, дали копейку. На подводницкого коня стратили на кормъ полчварты шага. За написанія двохъ реестровъ, три алтины. Когда ми были предъ судомъ войсковамъ енералнимъ и его наказано Левка Гавриленка, чтобы намъ платилъ девять копъ и ми на томъ згодою (стали?) чтобъ болшой не турбуючи суду войскового енералнаго. Писанъ сей реестръ року 1721, марта 19⁴. (Съ подлинника). Перечисленыя издержки понесены женою крестьянки с. Гутъ Бабича съ сосѣдомъ Гавриленкомъ за порубъ послѣднимъ ея лѣса. Какъ видно, дѣло было начато въ Конотопѣ, у сотника; затѣмъ перенесено въ Глуховъ, въ генеральныи судъ, которымъ и разрѣшено. Въ полковомъ судѣ, слѣдовательно, дѣло вовсе не было.

¹⁾ Григорій Костенецкій—тѣгдашній Конотопскій сотникъ.

²⁾ Слѣдовательно за перевозъ чрезъ р. Сеймъ, у с. Мутина, кролевецк. у.

Какъ обѣднѣли Оболонскіе. Исторія обѣднѣнія многихъ потомковъ бывшей козачьей старшины въ гетманщинѣ—также интересна, какъ и исторія обогащенія этой старшины. «Набрались дяды биды поки набулы, а внуки—мужы поки збулы». Такую поговорку привела намъ когда то старосвѣтская «шани», рассказывая нѣкоторые эпизоды изъ имущественныхъ крушеній «пановъ».— Вступивъ въ составъ русского дворянства въ к. XVIII в., козацкая старшина очень скоро усвоила себѣ вицьнюю обстановку великорусскихъ помѣщиковъ, обращая особое вниманіе на тѣ ея особенности, которые во-очію должны были свидѣтельствовать о дѣйствительной ея принадлежности къ высшему сословію. И, разумѣется, чѣмъ мното-душнѣе были народившіеся на Украинѣ помѣщики, тѣмъ—вицьнюю свою обстановку—они старались устроить показанѣе. Отсюда началось соревнованіе въ обзаведеніи цанскихъ домовъ разными принадлежностями роскоши. Уже въ самомъ началѣ XIX в. новозыбковскій помѣщикъ Ширай (изъ с. Спиридоновой Буды) имѣлъ у себя театръ и оркестръ, въ которыхъ актеры и музыканты были набраны изъ своихъ бывшихъ «подданныхъ», переименованныхъ затѣмъ въ крестьянъ¹⁾. Шираевскій театръ былъ особенно замѣчательнъ тѣмъ, что его актры должны были служить двумъ богинямъ разомъ, Мельпоменѣ и Венерѣ. Служба ихъ Мельпоменѣ доставляла удовольствіе и развлеченіе гостямъ, а служба Венерѣ, кромѣ того, и доходы хозяину. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Ширай умѣлъ сочетать пріятное съ полезнымъ и что его роскошная обстановка подчинена была извѣстному разсчету. Такіе примѣры были исключеніемъ. Общее правило заключалось въ томъ, что роскошь вела за собою разореніе. Внукъ генер. обознаго Семена Васильевича Кочубея, полтавскій помѣщикъ Семенъ Михайловичъ Кочубей «промоталъ семь тысячъ душъ крестьянъ и умеръ въ бѣдности», какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его родственниковъ (Записки Арк. Вас. Кочубея. Спб. 1890). Къ сожалѣнію, послѣдній не распространяется о подробностяхъ этого мотовѣства, а мы только знаемъ, что С.М. Кочубей, занимая должность полтавскаго губернскаго предводителя дворянства, могъ, при извѣстной та-

¹⁾ До 1782 г. крестьяне жившіе въ маєтности того или другого державцы назывались и писались его «подданными», а послѣ изданія закона 3 мая 1782 г. эти подданные стали называться крестьянами, какъ и въ Великороссіи.

роватости, сильно тратиться на приемъ дворянъ, но все же «промотать» 7000 душъ крестьянъ, жившихъ на земляхъ благодатной Полтавщины, нужно было умудриться...

А вотъ и другой примѣръ такого мотовства. Во второй полов. XVIII в. однимъ изъ большихъ богачей южной Полтавщины былъ, между прочимъ, генеральный бунчучный Демьянъ Оболонскій. Сынъ сосницкаго сотника, Д. Оболонскій началъ службу въ генер. канцеларіи и добившись влиятельной должности писаря (секретаря) генер. суда, нажилъ на этомъ мѣстѣ порадочную земельную худобу. Но затѣмъ Оболонскій разбогатѣлъ вдругъ: императорца Елизавета, на пути, въ 1744 г., въ Кіевъ останавливалась въ Глуховѣ и здѣсь, встрѣтивъ жену Оболонскаго, нашла въ ней сходство съ своей матерью, и по этому случаю излила свои милости на Оболонскихъ. Главная милость заключалась въ пожалованіи имъ сотеннаго «городка» Горошина съ громаднымъ количествомъ окружныхъ земель.—Пользуясь своимъ значеніемъ и благопріятными условіями мѣстности, Оболонскій основалъ здѣсь нѣсколько слободъ, населеніе которыхъ къ к. XVIII в. достигло цифры нѣсколькихъ тысячъ душъ¹⁾). Резиденцію свою Оболонскій устроилъ въ одной изъ этихъ слободъ, въ селѣ Оболони, где онъ выстроилъ себѣ въ три этажа каменный домъ, въ которомъ зала для баловъ занимала высоту двухъ верхнихъ этажей. Устроившись такъ широко, старый Оболонскій дожилъ здѣсь своей вѣкъ, собирая съ земель капиталы. Преданіе говоритъ, что будто только мѣдными пытаками Оболонскій собралъ 200 тыс. рублей. Всѣ эти богатства, по смерти Д. В. Оболонскаго, унаследовалъ сынъ его Демьянъ же (род. 1743 г.), который всѣ эти богатства затѣмъ промоталъ. Жевать былъ этотъ Оболонскій на дочери прилуцкаго полковника Александра Якубовича, Надеждѣ, где то служилъ и дослужился до большого тогда чина — д. ст. совѣтника. Къ мотовству склонны были и мужъ и жена. Преданіе говоритъ, что мотовство ихъ выражалось, напр., въ частыхъ посылкахъ нарочныхъ за границу: въ Голландію, где обыкновенно мылось бѣлье Оболонскихъ, въ Парижъ, откуда жена Обо-

¹⁾ Въ к. XVIII в. у Оболонскихъ здѣсь были сѣд. имѣнія: Горошинъ (1509), Оболонь (1395), Демьянки и Погребняковщина (952), Липниги (645), Степановка (517) и Новоселица (453), т. е. 5471 об. п. крест. Кроме того, были имѣнія у Оболонскихъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, особенно ок. Глухова. Всего у Оболонскихъ въ 1798 г. было 7330 об. п. крестьянъ.

ловского выписывала модные костюмы... Скакали посланцы Оболонскихъ и по Россіи, напр., въ Одессу—за винами и закусками. Проживая временами въ Оболони, въ тамошнихъ своихъ палатахъ, Оболонские задавали въ нихъ пиры, на которыхъ гремѣлъ *свой* оркестръ. По большинству праздникамъ и въ имянинные дни—въ Оболонскомъ дворѣ угощали и крестьянь, которымъ при этомъ бросали изъ оконъ собранные старымъ Оболонскимъ пятаки. О женѣ Оболонского рассказывали, что она какъ то купила въ СЦБ. персидскую шаль за 30 тыс. рубл., шаль отъ покупки которой будто бы отказалась даже императрица, за ея дороговизну... Въ короткое время Оболонские прожились и дѣло кончилось тѣмъ, что имѣнія ихъ взяты были въ онецу, въ конецъ разорены ощекунами, и затѣмъ за долги распроданы въ разные руки. Оболонь досталась Позенамъ, Горошинъ—Гудимамъ и т. д. Оболонскій домъ, по разсказу стариковъ, стоялъ еще и въ 1840 г., зіяя множествомъ своихъ разбитыхъ оконъ... Окна эти такъ густо были насажены въ домѣ, что у мѣстныхъ крестьянъ сможилась—о вокетливыхъ «мережкахъ» женскихъ сорочекъ—поговорка: «оде, у сіен дивки дирочокъ въ лахивци!—мовъ у Оболонського будынку виконъ!..¹⁾).

Для исторіи „Основы“. (*Отрывокъ изъ письма М. М. Лава-ревскаю, 9 января 1863 г.*). «Основа заснетъ, потому что нѣть денегъ. Тещерь и я убѣдился, что Бѣлоз. (В. М. Бѣлозерскій) не можетъ вести коммерческаго дѣла. Онъ, кромѣ подписки, убыль на «Основу» 18 тыс. руб.—Кулишъ, весною еще (1862-го года), предлагалъ Бѣлоз. передать «Основу» ему съ 1863 г., но Б. не согласился. Послѣ—Костомаровъ просилъ передать (ему), желая составить компанию, но Б. все еще надѣялся. Онъ подалъ Головину программу новую для «Основы», чтобы издавать ее еженедѣльною газетою, съ политич. отдѣломъ и, сверхъ того, въ годъ книги 3 въ 4. Головинъ передалъ это Валуеву, а тотъ въ комитетъ министровъ, где оно и засѣло. Бѣл. говорилъ мнѣ, что если не будетъ «Основы», то въ

¹⁾) Приведенные свѣдѣнія о мотовсції Оболонскихъ сообщены намъ старожиломъ Лубенщины, недавно умершимъ Матвѣемъ Терентьевичемъ Симоновымъ (Номисомъ).

стомъ году онъ издастъ вѣсколько сборниковъ (въ родѣ «Хаты»), чтобы не прерывать, такъ какъ въ 1864 г. онъ надѣется опять издаватъ. Но тогда можетъ быть и безъ него найдутся».

Программа для собирания коллекций детскихъ игрушекъ и материаловъ по детскимъ играмъ и забавамъ. Предлагая нижеслѣдующую программу для собирания игрушекъ и свѣдѣній о детскихъ играхъ, Полтавская подготовительная комиссія по устройству этнографической малорусской выставки при Археологическомъ съездѣ въ г. Харьковѣ имѣть въ виду обратить вниманіе на предстоящіе съездѣ и выставку лицъ, желающихъ освѣтить новыми данными существенно важную сторону жизни украинскаго народа. Дѣтскія забавы въ занятія отражаютъ въ себѣ недостаточно извѣстную намъ дѣтскую душу; они, представляя виѣшнее проявленіе самодѣятельности ума ребенка, даютъ прекрасный материалъ для полнаго представленія тѣхъ впечатлѣній и ощущеній, изъ которыхъ складывается въ будущемъ нашъ народъ. Такимъ образомъ, эти изслѣдованія, будучи однаково интересны и для ученаго этнографа и для воспитателя—учителя, покажутъ намъ, какъ вліяетъ на ребенка окружающая природа, условія быта и обстановки и измѣняющіяся условія общественной жизни. Находя этотъ вопросъ крайне интереснымъ, комиссія предлагаетъ всѣмъ близко стоящимъ къ жизни украинскихъ дѣтей и желающимъ помочь наукѣ своимъ трудомъ заполнить отвѣтами эту программу, надѣясь, что на ея призывъ откликнутся всѣ, для кого это интересное и нѣдоцѣнное дѣло имѣть вышеуказанное значеніе. Поступая такъ, Полтавская комиссія мимоходомъ исполняетъ просьбу почтеннаго А. М. Лазаревскаго, извѣстнаго знатока малорусской старинны, который въ письмѣ къ одному изъ членовъ комиссіи указалъ на постепенное исчезновеніе старинныхъ игрушекъ (глиняныхъ) и на то, что интересно было бы для науки сохранить эту старину, собравши коллекціи для выставки. Кроме этого надо замѣтить, что въ то время, какъ заграничными учеными давно уже обращалось вниманіе на жизнь дѣтей и существуетъ многочисленная литература и богатыя коллекціи, въ нашей этнографической литературѣ мы не имѣемъ ни одного труда, вседѣло разбиравшаго жизнь нашихъ украинскихъ дѣтей. Собранный материалъ, даже если онъ будетъ относиться къ одной

Полтавской губернії, дасть возможность хоть въ общихъ чертахъ представить публикѣ описание тѣхъ игръ, забавъ и занятій, которыми наполняютъ свои недолгіе досуги дѣвочки и мальчики нашего села.

Что же касается до самого собиранія коллекцій игрушекъ и дѣтскихъ снарядовъ, то, при его сравнительной легкости, а также дешевизнѣ игрушекъ и доступности опросовъ и наблюденій надъ дѣтьми собирающе это не представляетъ никакихъ затрудненій, и даже наша учащаяся молодежь, проводя каникулы въ селахъ, могла бы съ успѣхомъ помочь комиссіи къ осени представить въ ея руки богатый материалъ; не говоримъ уже объ учителяхъ, учительницахъ и завѣдующихъ яслами, которые много времени удѣляютъ дѣтямъ разнаго возраста. Каждую игрушку надо снабдить билетикомъ, на которомъ должно быть выставлено ея название на малорусскомъ языке, а также краткое объясненіе ея употребленія. Если эта игрушка употребляется при общихъ играхъ и забавахъ съ нѣсколькими участвующими, то въ такомъ случаѣ описание ея употребленія можно отнести къ описанію самой игры. Игры и забавы тоже заслуживаютъ большого вниманія: въ этихъ играхъ воспитывается будущее поколѣніе, тутъ вырабатываются нѣкоторыя права и обязанности и проявляется товарищеский духъ. Кроме того, въ этихъ играхъ отражается часто съда старина, а отъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ приказокъ и пословицъ вѣеть глубокой древностью. Поэтому комиссія надѣется, что всѣ заинтересованные лучшимъ изученіемъ родного края отнесутся къ собиранію этихъ драгоценныхъ материаловъ, какъ они того заслуживаютъ. Необходима точность въ записываніи игръ и порядковъ ихъ и вопросы программы даются для того, чтобы записывающій не упустилъ главныхъ вопросовъ. Порядокъ же отвѣтовъ не столько важенъ. Всѣ расходы по покупкѣ игрушекъ и ихъ пересылкѣ комиссія беретъ на себя и просить пересыпать наложеннымъ платежомъ по слѣдующему адресу: Полтава, естественно-историческій музей губернскаго земства. Кроме того, пріѣжающихъ въ Полтаву и интересующихся этимъ дѣломъ просятъ обращаться въ тотъ же музей.

Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и материаловъ по дѣтскимъ играмъ, забавамъ и занятіямъ.

A. Игрушки.

I. 1) Игрушки, служащія для забавы маленькихъ дѣтей (грудныхъ); 2) предметы, служащіе для забавы дѣтей (палочки, камни,

глина, песокъ, трава и т. д.); 3) игрушки, приготовляемыя самими дѣтьми (морока, змѣи, мячики, куклы). Собрать коллекцію съ объясненіями. II. Собрать различные музикальные инструменты, на которыхъ играютъ дѣти (сопилки, пищики, трещотки, скрипочки). III. Собрать всѣ снаряды, употребляемые дѣтьми при ловлѣ разныхъ животныхъ (силки, караканы, приманки, удочки); какъ ловятъ змѣй, ежей, тарантуловъ? Описать, какъ они дѣлаются и какъ употребляются. IV. 1) Собрать всякія самодѣльныя дѣтскія сооруженія и постройки (мельницы, вѣтряки, колеса, домики и т. д.); 2) собрать дѣтскія звѣзды для колядокъ, а если нельзя, то описать, чѣмъ они отличаются отъ звѣздъ, носимыхъ взрослыми. V. Собрать всякое дѣтское оружіе: сабли, пикы, луки, самострѣлы, пращи, рогатки, духовныя ружья, пушки и дать имъ названія. VI. Какіе сохранились игрушки и снаряды отъ прежнихъ временъ и какія игрушки вводятся новые. VII. Какія игрушки чаще всего покупаютъ дѣтямъ и у кого?

B. Забавы и игры.

VIII. Описать распространенные игры и забавы лѣтомъ и зимою. IX. Въ какія игры играютъ вмѣстѣ дѣвочки и мальчики, а въ какія порознь? X. 1) Какіе снаряды употребляются при общихъ играхъ. Описание игры въ мячъ, лапту, стракли и т. д. Описать зимнія игры въ снѣжки, устройство снѣговыхъ бабъ, горъ, сковозько и катковъ; 2) собрать дѣтскіе коньки, мячики, бабки, городки и т. под.; 3) какъ катаются крашенки на Пасху? Если можно дать рисунки и фотографіи игръ и забавъ. XI. Дѣтскіе колядки, пѣсни; записать дѣтскія пословицы, приказки, поговорки, счетъ при играхъ общихъ (этотъ отвѣтъ можно дать въ вопросѣ IX и VIII). XII. Сколько надо участниковъ для описываемой игры? XIII. Существуютъ ли дѣтскія товарищества? Каковыи существуютъ въ нихъ правила? Какъ дѣти разбираются ссоры и скверные поступки товарищей? XIV. Какъ отражаются на дѣтскихъ играхъ занятія и ремесла родныхъ и окружающихъ ихъ взрослыхъ? (Полт. Губ. Вѣд., № 124).

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) Отмѣна магистратской мундира въ Кіевѣ. 1830 года, июня 1-го, въ г. Кіевѣ,

Государю Императору Николаю Павловичу, кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Княжининымъ были представлены члены кіевскаго магистрату.

По этому случаю Его Величеству высочайше повелѣть созвалиъ: *жостюмъ или мундиръ, издревле членами магистрату сего употребляемый, стараго польскаго покроя, отмынить, а употреблять онъимъ членамъ мундиръ российскій*. О такой Его Величества волѣ войти предложилъ магистрату для должнаго исполненія и распоряженія, а магистратъ «почтеннѣйше» о томъ донесъ военному губернатору, подписьвая бумагу: «Его Императорскаго Величества и прародительской Отчны Богомъ хранима града Кіева Бургомистры: Павелъ Рожнятовскій, Антонъ Лакерда; Ратсгеры: Романъ Барскій и Коробкинъ.

---

2) *Противохолерные медали 1830 года.* Въ 1837 году въ мѣстечкѣ Клевани (Вол. губ.) задержаны полиціею два луцкіе еврея, имеающіе себя «злотниками» и продающіе серебряные, безъ клейма и пробы, на манеръ медалей, образки съ изображеніемъ на нихъ Богоматери и креста, съ датою — 1830.

При продажѣ простолюдинамъ внушалось, что тѣ образки исцѣляютъ отъ холеры. Спрошенные властями продавцы показали, будто образки изготовлены по формѣ, полученной отъ нѣкоего есендза — кармелита, которому она и возвращена.

Взялись эти евреи за промыселъ безъ злого умысла, лишь вслѣдствіе носящагося слуха, будто господа охотно покупаютъ подобныя медали, о коихъ пропечатано даже въ какихъ-то книгахъ, видѣнныхъ тѣми евреями у одной монахини-шаритки.

На шести отобранныхъ медаляхъ оказались польскія, а на трехъ — французскія надписи (какія именно—полиція въ рапортѣ не объяснила).

---

3) *Вывозъ пьяновъ заграницу и заботы о сохраненіи тинистыхъ мѣстъ въ Кіевской губерніи.* Въ іюнѣ 1836 г. гражданскій генералъ-штабъ-докторъ обратился къ губернаторамъ съ запросомъ: полагаютъ ли они возможнымъ дальнѣйшій безпрепятственный и безношлиный вывозъ півицъ заграницу (производящія якобы въ большихъ размѣрахъ), или, быть можетъ, находить нужнымъ вовсе оный воспретить, если чрезъ таковой вывозъ у жителей отнимается способъ къ

удобному пріобрѣтевію сего довольно раіжнаго во врачебномъ отношеніи средства.

Не успѣлъ кіевскій губернаторъ высказаться по сему вопросу, какъ пятью гамбургскими купцами, 4 мая 1837 года, возбуждается предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство о разрѣшении имъ по-всемѣстно скучать пьявки и вывозить въ Кіевъ на имѣющихъ у нихъ повозкахъ.

Запрошеный главнымъ начальникомъ края, губернаторъ высказалъ въ своемъ донесеніи, что въ Кіевской губерніи много болотистыхъ мѣсть, въ коихъ водятся піавацы, а потому уловъ ихъ, для вывоза заграницу, отнюдь не долженъ быть воспрещаемъ, ибо недостатка мѣстные врачи въ нихъ ощутить не могутъ.

«Напротивъ, помѣщики или крестьяне, узнавъ о возможности извлекать изъ сего нѣвторую пользу, нарочито будутъ предохранять тинистыя мѣста отъ осушки, и займутся ловомъ піавокъ, черезъ что масса заготовленія ихъ, умножаясь, будетъ служить къ понижению цѣны на оныя»...

Главный начальникъ края распорядился не препятствовать иностранцамъ въ скучѣ піавокъ.

4) *Самоубійство изъ мести.* 18 января 1845 года, въ с. Барсукахъ, Балтскаго уѣзда, въ саду крестьянина Боровскаго, утромъ найдены повѣшившиимся Кіліанна Черная 48 и дочь ея Агафія, девица, 17-ти лѣтъ.

Путемъ дознанія установлено, что Кіліанна, до выхода замужъ, вела жизнь развратную. Будучи отъ природы вспыльчива, она какъ съ первымъ, такъ и со вторымъ мужемъ своимъ постоянноссорилась. Послѣдній мужъ ея «по глухотѣ, трудолюбію и тихому нраву, не удовлетворялъ плотскихъ ея страстей». ¹⁾ Она вымѣщала на немъ свое неудовольствіе, не обращаясь къ нему съ рѣчью по нѣсколько дней; заставляла искать у сосѣдей пропстанія и нерѣдко грозила: «постой, а тебѣ удрожить постараюсь!».

Съ исключительной будто-бы цѣлью вовлечения мужа въ уголовное дѣло, она, наконецъ, рѣшилась на самоубійство, склонивъ къ тому и дочь свою, «дабы не оставалась послѣ нея».

¹⁾ Подлинныя слова донесенія генералъ-губернатору.

Томъ 74 — Іюль-августъ, 1901.

5) *Женщина съ твердымъ характеромъ.* Въ 1850 году въ с. Яхновцахъ, Староконстантиновского уѣзда, одна крестьянка подговорила сына своего обокрасть сосѣда, пообѣщавъ на тѣ деньги купить кафтанъ и сапоги. Когда воръ былъ схваченъ, мать, съ ножемъ въ рукахъ бросилась къ нему, пытаясь убить его, а себя зарѣзать. Ее къ тому не допустили и заперли въ рекрутскую, гдѣ она вновь покушалась на самоубійство. Подоспѣвшіе караульные вырвали у нея оружіе, которымъ рѣшительная женщина успѣла, однако, нанести себѣ рану къ грудь.

Приворотные средства. Въ 1844 году мѣстною полицією дозвано, что жена квартировавшаго въ Литинѣ корпуса топографовъ подпоручика В. просила служанку свою отыскать ей такую женщину, которая знала бы зелье, отъ коего мужъ «или жилъ бы съ нею въ согласіи, или умеръ». За услугу обѣщана награда деньгами и вещами.

Ранѣе того, служившая у той же подпоручицы В. показала, что въ Каменецѣ Подольскомъ барыня посыпала ее къ старухѣ нищей, жившей гдѣ то за кладбищемъ, съ которой она прежде совсѣмъ отошла. Послѣ свиданія со старухою, барыня разводила прѣсный медъ, умывала этою сотовою свое лицо, лила ее въ людское кушанье, разливала ее изъ бутылочки по дорогѣ и передъ расплатиѣмъ, везѣ каменецкаго каѳедральнаго р. к. Собора и, наконецъ, посыпала ее, служанку, въ иѣкоторые дома поливать пороги.. Старуха нищая на допросѣ призналась, что, услыхавъ жалобы госпожи В. на нелюбовь мужа, посовѣтовала умываться „сотовою“, кропить ею полъ, отчего «по преданіямъ старыхъ людей возвращается къ супругамъ утраченная любовь и привязанность».

Дѣло В. подвергнуто судебному разбирательству.

Въ 1850 году, помѣщика кн. Волконского деревни Облитокъ, Радомысьльского уѣзда, крестьянская жена, Марина Г., негодуя на мужа за жестокое съ нею обращеніе и пріискавши средство склонить мужа къ любви, изъ разговоровъ съ односельцемъ — печникомъ, человѣкомъ бывалымъ, узнала, что онъ берется ей помочь. Печникъ свелъ ее въ лѣсъ и изъ старого пня досталъ двухъ убитыхъ змѣй, посовѣтовавъ сварить ихъ въ водѣ и затѣмъ запечь въ ищенномъ или гречневомъ тѣстѣ, которое дать мужу съѣсть. Однако Марина не рѣшилась приступить къ опыту тотчасъ, а припрятала змѣй въ хатѣ въ запасномъ платьѣ.

Междъ тѣмъ, мужъ, заподозривъ жену въ намѣреніи отлучиться, по примѣру прошлаго года, изъ дома къ роднымъ въ рабочую пору, сталъ пересматривать ея добро и на тѣхъ змѣй наткнулся.

По доведенію о семъ до свѣдѣнія начальства, змѣи изслѣдованы врачемъ, который призналъ ихъ по природѣ не ядовитыми, слѣдовательно жизни крестьянинъ Г. не угрожавшими, а вынѣ совершенно согнившими.

Дѣло, за недоказаностію злого, со стороны Марини и ея со-вѣтчика, умысла, дальнѣйшимъ производствомъ прекращено.

Сообщ. А. Мѣрдеръ.

„Парубоцьни громады“ въ г. Маякахъ, Херсон. губ.
Маяки представляютъ изъ себя небольшой городокъ, находящійся на берегу Днѣстра недалеко отъ Днѣстровскаго лимана. Прежде Маяки были селомъ, но нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ихъ переименовали въ городъ. Съ переименованіемъ въ городъ Маяки мало чѣмъ измѣнились: и по своей виѣшности, и по занятіямъ жителей—это то же село, что и прежде было. Населеніе города складывается изъ трехъ главныхъ элементовъ: малорусскаго, великорусскаго (старообрядцы-поповцы) и еврейскаго. Кромѣ того, живетъ немного гдѣсь цыганъ, молдаванъ и иѣмцевъ. Преобладающій элементъ— малорусскій.

Весь городъ дѣлится на нѣсколько «кутківъ». Парубки каждого кутка составляютъ одну организацію— «атаманство», такъ что сколько «кутківъ», столько и атаманствъ. Парубки каждого кутка, а въ то же время и каждого атаманства, имѣютъ свои особныя прозвища: донськи, куркули, сирнички, волови, пидвучныы... Для того, чтобы быть членомъ атаманства, надо имѣть не менѣе 17 лѣтъ. Каждый членъ атаманства облагается обязательнымъ денежнѣйшимъ сборомъ—въ нѣкоторыхъ атаманствахъ въ размѣрѣ одного рубля. Деньги эти хранятся у представителя атаманства—атамана, котораго избираютъ изъ своей среды всѣ члены атаманства по большинству голосовъ. Кромѣ атамана, выбираются еще «пидатаманъ» и «писарь». «Пидатаманъ» замѣняетъ атамана во время его отлучекъ изъ города, а если послѣднаго возьмутъ въ солдаты, то онъ занимаетъ его мѣсто—становится атаманомъ.

„Писарь“ завѣдываетъ денежной частью атаманства: онъ ведеть счетъ деньгамъ, записываетъ, кто и сколько взнесъ денегъ и т. п.

Деньги атаманства расходуются частью на украшение церкви—покупаютъ кресты, хоругви, а частью вдуть на развлечениія: по праздникамъ на эти деньги наимываютъ музыку и танцуютъ. Бываетъ это большою частью весною и лѣтомъ и устраивается прямо на улицѣ, преимущественно при перекресткѣ улицъ, на углахъ. Кроме этого, бываютъ еще «складки» разъ 5 въ году.

Раньше были здѣсь и «дивочи громады», но въ настоящее время у дѣвушекъ вѣтъ никакихъ организаций, подобныхъ парубочимъ.

II. II.

Поправка. Въ № 5-мъ текущаго года, въ отдѣлѣ документовъ, извѣстій и замѣтокъ, вкраилась на стр. 82 опечатка, которую считаемъ нужнымъ исправить, а именно: въ предписаніи о запрещеніи гражданскимъ чинамъ носить усы и бороды слѣдуетъ читать «подражаніе французскимъ модамъ», а не «французскимъ модамъ», какъ напечатано у насъ.

Текущія извѣстія.

Выходъ русскихъ депутатовъ изъ галицкаго сейма. Въ послѣдней сессіи галицкаго сейма произошелъ крупный скандалъ огромнаго политическаго значенія. По словамъ „Narod. Listy“, этотъ скандалъ—неожиданность какъ для австрійскаго правительства, такъ и для намѣстника Галиціі гр. Паниноваго и польскаго кола. Всѣ русскіе депутаты въ числѣ 17 человѣкъ внесли крайне любопытное заявленіе, которое своимъ неожиданнымъ появленіемъ поразило весь сеймъ, всѣ польскіе партіи. Никто не ожидалъ этого „сюрприза“. Сообщаемъ текстъ заявленія, напечатанный въ «Галичанинѣ» и прочитанный въ сеймѣ русскимъ депутатомъ Барвінскимъ.

«Съ 1883 года выступаютъ русскіе депутаты съ требованіемъ относительно удовлетворенія нуждъ русскаго народа, какъ культурно-

национального, такъ и экономического и политического характера. Требования ихъ всегда были ничтожны и ограничивались только наиболѣе необходимыми и существенными нуждами. И въ нынѣшнемъ сеймѣ требование русскихъ депутатовъ не перешли такихъ-же границъ. Мы, между прочимъ, просили объ удовлетвореніи самой существенной потребности русского народа въ Галиціи, объ открытіи русской гимназіи въ Станиславовѣ, руководствуясь тѣмъ, что 1790 учениковъ русиновъ не имѣютъ возможности обучаться на родномъ языке. Это ничтожное, но совершенно законное требование русскихъ депутатовъ также не было удовлетворено. Кромѣ того, русские депутаты внесли цѣлый рядъ вопросовъ по адресу правительства, касающихся самыхъ важныхъ и самыхъ жизненныхъ дѣлъ и неправдѣ, причиняемыхъ русскому народу. Всѣ эти запросы остались безъ отвѣта. Въ виду того, что также и законъ о рентѣ принять сеймомъ, а оять противъ интересамъ русского народа, заявляемъ, что мы, русские депутаты, послѣ всего этого не можемъ больше принимать участія въ засѣданіяхъ сейма».

Заявленіе это, по словамъ «Галичанина», было выслушано большинствомъ шляхты съ гробовымъ молчаніемъ. Всѣдѣ за этимъ всѣ русскіе депутаты вышли изъ залы засѣданія. «Nag. Listy» въ телеграммѣ изъ Львова сообщаютъ, что этотъ поступокъ русскихъ депутатовъ слѣдуетъ считать катастрофой не только для гр. Пивансаго, но также и для министра-президента Кербера. Газета утверждаетъ, что теперь придется пріостановить засѣданія сейма и назначить выборы для избрания новыхъ лицъ на мѣсто выбывшихъ депутатовъ. Это повлечетъ за собой цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ послѣдствій.

Предполагавшееся изданіе малорусского журнала. Въ главномъ управлении по дѣламъ печати недавно возбуждено было ходатайство о разрѣшеніи издаватъ въ Херсонѣ периодическое изданіе на малорусскомъ языке подъ названіемъ «Степъ». Инициаторы нового журнала, земскіе агрономы Н. С. Гаврилевко и В. А. Яблоновскій, предполагали выпускать его каждыя двѣ недѣли по слѣдующей программѣ: беллетристика, публицистика, корреспонденція, статьи научныя и по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Предварительная цензура изданія предположена въ Одесѣ. Подписанная плата съ доставкою въ Херсонѣ 6 руб. въ годъ, для иногородныхъ 7 руб. Какъ

изнѣщаютъ газеты, ходатайство объ изданіи журнала «Степъ» открыто въ Мин. Внутр. Дѣлъ.

Выставка картинъ художника Труша во Львовѣ. 5-го июня открылась во Львовѣ выставка картинъ художника *Труша*, который въ прошломъ году довольно долго проживъ въ Киевѣ, выѣзжан и въ окрестности его, и нарисовалъ здѣсь нѣсколько картинъ видовъ Украины, а также и нѣсколько портретовъ известныхъ кіевскихъ дѣятелей: проф. В. Б. Антоновича, П. И. Житецкаго, И. С. Нечуя-Левицкаго, Н. В. Лисенка и Леси-Украинки. Многіе изъ картинъ куплены уже отдельными лицами, а «Видъ Шевченковой могилы» пріобрѣло Науковое Товар. имени Шевченка. Портретъ писательницы Леси-Украинки (копію, т. к. оригиналъ составл. собств. Науков. Товариства) пріобрѣлъ намѣстникъ гр. Чигинскій, который считается знатокомъ и любителемъ искусства. (Дѣло, № 123 и 128).

Музыкальная поѣздка хора г. Лисенка. Въ концѣ текущаго года извѣстный украинскій композиторъ Н. В. Лисенко предпринимаетъ со своимъ хоромъ поѣздку по Россіи. Начавъ съ Варшавы, Н. В. Лисенко посѣтить Петербургъ, Москву, Полтаву, Харьковъ и промежуточные болѣе крупные центры. Хоръ, состоящій изъ 50 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ солистовъ, намѣренъ разучить не менѣе 100 хоровыхъ номеровъ.

Ученая экскурсія Д. И. Эварницкаго. Профессоръ московскаго университета, Д. И. Эварницкій предпринялъ поѣздку по мѣстамъ бывшихъ владѣній запорожскихъ казаковъ съ научною цѣлью, въ виду будущаго съѣзда археологовъ въ г. Харьковѣ. Г. Эварницкаго сопровождаютъ: его слушатель, студентъ московскаго университета, Морозовскій, художникъ Строменко, воспитаникъ московской гимназіи Ваганенко и землевладѣлецъ Полтавской губерніи П. А. Малинка (изъ Бодаковки). Цѣль поѣздки—осмотръ наиболѣе замѣчательныхъ въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ мѣсть—днѣпровскихъ пороговъ, береговыхъ пещеръ, запорожскихъ сѣчей, частныхъ коллекцій казацкихъ древностей и снимки съ наиболѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. (Приднѣпр. Кр. № 1218).

Библія въ переводе П. А. Кулиша. Покойный П. Кулишъ былъ сдѣланъ переводъ библіи на украинскій языкъ. Послѣ его смерти эту выдающуюся работу закончили и дополнили И. Левицкій. Интересно, что переводчики переводили библію съ древне-еврейскаго языка, причемъ тѣ отдѣлы, которые изложены въ оригиналѣ въ стихотворной формѣ, сохранены въ томъ же видѣ и въ переводе (книга Йова, псѣнь пѣсней, псалмы и др.). Вдовой переводчика работа ея мужа была представлена въ цензуру, но духовная цензура не нашла возможнымъ разрѣшить выпускъ въ свѣтъ въ настоящее время библіи на украинскомъ языкѣ и въ ходатайствѣ вдовѣ отказалась. Тогда г-жа Кулишъ обратилась съ вопросомъ въ англійское библейское общество, не найдетъ ли оно возможнымъ купить у нея переводъ мужа и выпустить его въ свѣтъ. Общество немедленно отвѣтило согласіемъ, и въ настоящее время рукописи уже отправлены библейскому обществу. Такимъ образомъ, украинская литература обогатится роскошнымъ изданіемъ библій. Редактированіе изданія принялъ на себя другъ и сотрудникъ Кулиша профес. Пуллюй.

Стипендії для крестьянскихъ дѣтей въ память 19 февр. 1861 г. Только что закончившееся константиноградское уѣздное земское собраніе 37 очереднаго созыва, по предложенію гласнаго изъ крестьянъ М. К. Бобрицкаго, внесенному имъ отъ имени всѣхъ гласныхъ отъ крестьянъ, постановило учредить въ память 40-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости двѣ постоянныя стипендіи, въ 300 руб. каждая, для предоставления возможности одному мальчику и одной дѣвочкѣ изъ крестьянскаго сословія получать на эти стипендіи среднее, а затѣмъ и высшее образованіе. Другое предложеніе гласныхъ отъ крестьянъ—о томъ, чтобы въ день 19 февраля ежегодно во всѣхъ народныхъ школахъ не производились занятія, а вместо нихъ устраивались народные чтенія,—передано на усмотрѣніе константиноградскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. («Южн. Кр.»).

Харьковскія изданія нач. XIX ст. Въ послѣднемъ томѣ (3) Записокъ Харьк. Императорск. Университета, въ статьѣ проф. Багалія «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» (стр. 43 и слѣд.) приведены перечень сочиненій, отпечатанныхъ въ университетской

типографії съ 1815—1835 гг. Выбираемъ оттуда относящееся къ области нашего изслѣдованія.

Въ 1816 1). Письма изъ Малороссіи, писанныя Алексѣемъ Левшинымъ. X., 1816, 206 стр. 2) Українскій Вѣстникъ.

Въ 1821. Ручная книжка или українскія записки, изд. на 1821 г. А. В-ль (Вербицкимъ). X., 1821.

Въ 1824. Українскій журналъ.

Въ 1827 1) Рѣчи, произнесенные въ торж. собр. Имп. Харьк. Унів. 30 августа 1827 г. X., 1827 (рѣчи Книгина и Артемовскаго-Гулака); 2) Рѣчи, произнесенные въ залѣ торж. собр. Имп. Харьк. Унів. въ I день сентября 1828 г., при начатіи новаго курса ученія. X., 1828 (рѣчь Артемовскаго-Гулака и т. д.).

Въ 1831 1) Українскій Альманахъ, X. 1831, 136 стр. 2) Шельменко. Ком. въ З д. X. 1831.

Въ 1733. Срезневскій Изм. Запорожская Старина. Ч. I. X. 1833, въ унів. тип.

Въ 1834 1) Малороссійскія поэзіи и пооворки. Собр. В. И. Н. С. X., 1834, 34 стр. 2) Срезневскій И. Українска льтопись 1640—1657. X., 1835, 183 стр.

Какъ былъ основанъ городъ Сумы. На празднике по случаю своего 250-лѣтія, какъ сообщаютъ «Нов. Дн.», Сумскій полкъ получилъ цѣлый подарокъ, подобный которому едва-ли найдется въ нашей армії. Приглашенный участвовать въ празднествѣ Е. Д. Кондратьевъ, прямой потомокъ основателя полка, испомнивъ въ прекрасной рѣчи заслуги своего предка, полковника Кондратьева передъ отечествомъ и сохранившееся въ полку обаяніе его имени, просилъ принять въ даръ святыню, хранившуюся 250 лѣтъ въ его семье—булаву, саблю и золотую сумку Герасима Кондратьева. Съ послѣдней свизано преданіе, которое гласить, что, потерявъ однажды эту сумку въ лѣсу, Кондратьевъ далъ обѣтъ выстроить церковь на томъ мѣстѣ, где найдеть сумку. Эта церковь и положила основаніе возникшему вокругъ нея городу—Сумы. Рѣчь Е. Д. Кондратьева и его даръ были встрѣчены съ неподдельнымъ восторгомъ. (Южн. Кр. № 7063).

Историческія названія улицъ въ Полтавѣ. Въ іюнѣ опубликованъ въ Полтавѣ списокъ новыхъ улицъ въ новой чертѣ города, прилегающей къ мѣстности, гдѣ расположено возведенъ ст. «Полтава-

городъ» Киево-Полтавской лінії. Въ списѣ новыхъ улицъ, выработанныхъ специально избранной комиссией, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія названія: Запорожская, Кочубеевская, Шевченковская, улица Искры, Кулиша, Квитки, Костомарова, Петра Могилы, Сквороды, Кобзаревская, Гайдамацкая, Гетманская, Хмельницкаго, улица 19 февраля 1861 г., и многихъ русскихъ писателей („Кіевлянина“, № 168).

Прекращеніе изданія журнала «Ateneum». № 6-ой польского журнала «Ateneum», издающагося въ Варшавѣ 26-ой годъ, извѣщаетъ читателей, что съ первого юля текущаго года изданіе этого журнала прекращается, и что подписчики могутъ получить обратно подписныя деньги за полъ года. Съ сожалѣніемъ приходится встрѣтить это извѣщеніе, такъ какъ почтенный журналъ пользовался широкой извѣстностью и большими уваженіемъ среди публики. Будемъ надѣяться, что на смѣну прекратившему изданію почтенаго издавателя В. Спасовича явится въ польской журналистикѣ какой-нибудь новый журналъ, по достоинству своему не слабѣе «Ateneum».

Любопытный документъ. Организаторъ артелей Н. В. Левитскій, 10 мая, с. г., получилъ съ далекаго Кавказа интересное письмо. Оно затрагиваетъ самый большой вопросъ современной народной жизни, а именно—переселенческій. Мы читаемъ про нужду и холодъ сибирскаго переселенца, про его тяжелую, часто непосильную, борьбу съ суровою природою Сибири... Но это письмо раскрываетъ иную сторону тяжелой, на первыхъ порахъ, жизни, нашего переселенца.

Вотъ это письмо въ переводѣ съ малорусскаго языка, на которомъ оно довольно безграмотно написано въ подлиннике:

Его Высокоблагородію, господину казенному довѣренному Николаю Васильевичу Левитскому, отъ крестьянъ Ганжурова товарищества Нафоліа Дубинъ, Максима Шамрая и прочихъ въ числѣ 110 домохозяевъ.

П р о ш е н і е.

Мы, крестьяне Киевской губ., Чигиринскаго уѣзда, Оситняжской волости, селенія Рейментаровки и прочихъ селеній, въ числѣ 110 домохозяевъ, собрались въ одно товарищество, купили землю при

содѣйствію крестьянскаго земельнаго банка въ Терской области, въ первомъ участкѣ, въ Суржинскомъ отдѣлѣ, въ городѣ Моздокѣ, у купца Павла Исаевича Ганжумова, въ числѣ тысячи десатинъ земли, на сказанной землѣ и поселились, а только проживать нельзя ни въ какомъ средствѣ:—нападаютъ мошенники азіаты-инкуши среди бѣлаго дня, забираютъ у насъ, крестьянъ, худобу; какъ мы защищать станемъ, чтобы не дать, то они, вооруженные револьверами, кинжалами, берданками, не допускаютъ до себя,—худобу такъ и отнимутъ. Мы люди новоприбывшіе изъ бѣднаго состоянія не имѣемъ средствъ на что купить себѣ берданокъ. Въ прошломъ году, 20 августа, набѣжали ночью на хуторъ и отняли насильно, чутъ-ли не изъ рукъ у насъ, пятеро лошадей: попробовали и въ этомъ году, 17 марта; набѣжали въ четвртомъ часу дніи четыре человѣка, взяли съ пастбища 20 штукъ лошадей... Выѣгдалъ весь хуторъ, чтобъ не дать—пельзя приступить: у нихъ берданки! Начали кричать мы, сбѣжались мѣстные жители—козаки и нѣмцы, тоже съ берданками, загнали ихъ въ лѣсъ и всю ночь бились, покуда отбили, наконецъ, лошадей, а двѣ лошади въ дракѣ застрѣлили. Всепокорно просимъ Ваше высокоблагородіе, Николай Васильевичъ, пособите въ нашемъ разорительномъ житьѣ. Мы въ Россіи имущество движимое и недвижимое распродали, въ Россію возвращаться нечего. Жаловались становому приставу, онъ говорить, поймай, или убей, а какъ намъ приступить къ нимъ, когда они вооружены, а у насъ не на что купить оружія.

Затѣмъ товарищество хутора Ганжумова подписалось: грамотные (11 человѣкъ) сами за себя, а за всѣхъ остальныхъ неграмотныхъ расписался Мокій Ткачъ. Комментаріи, говорить «Югъ», кажется, задѣсь излишни.

Проекты нового украинского университета и гимназій въ Галиції. Одинъ изъ выдающихся представителей украинской партіи въ Галиції Олесницкій внесъ въ галиційскій сеймъ предложеніе объ открытии во Львовѣ отдѣльного украинскаго университета. (*Kurjier warszawski*).

Барвинівскій внесъ въ галиційскій сеймъ предложеніе объ открытии въ Станиславовѣ украинской гимназіи. (*Kurjier warszawski*).

Оба эти предложенія остались безъ послѣдствій, благодаря чему отчасти и произошелъ выходъ русскихъ депутатовъ изъ сейма.

М. П. Боровскій. (*Некролог*) 24 іюня въ Николаевской, что въ Ботаническомъ саду, церкви, послѣ литургіи состоялась панихида по умершемъ въ г. Ирбітѣ Михаилѣ Петровичѣ Боровскомъ, бывшемъ въ 1885—1890 гг. директоромъ городского сиротскаго дома.

Уроженецъ Черниговской губерніи, воспитанникъ Полтавской гимназіи, покойный П. М. Боровскій окончилъ курсъ естественного отд. физико-математ. факультета въ Новороссійскомъ университетѣ и назначенъ былъ учителемъ географіи въ одесскую 2-ю гимназію. Избранный херсонскимъ губернскимъ земствомъ въ директоры открывавшагося сельско-хозяйств. училища, Боровскій былъ командированъ земствомъ заграницу для ознакомленія съ такого рода училищами. Пробывъ больше года заграницей, онъ отъ службы въ земствѣ отказался и поступилъ секретаремъ одесского сельско-хоз. Общества и редакторомъ издаваемыхъ Обществомъ «Записокъ». Въ 1885 г. назначенъ былъ директоромъ городского сиротскаго дома, въ каковой должности и состоялъ до 1890 ~~г.~~, усердно подготовляя учрежденіе при сиротскомъ домѣ ремесленного училища, для которого выработалъ особый планъ и программы учебнаго курса.

Оставивъ должность директора, г. Боровскій состоялъ некоторое время при канцеляріи попечителя одесск. уч. округа, преподавалъ географію въ жевакскихъ гимназіяхъ, а въ 1897 г. былъ назначенъ учителемъ физики и математики въ Болградскую гимназію, но черезъ годъ получилъ, наконецъ, мѣсто, которое такъ давно желалъ имѣть на родинѣ, котораго добивался въ од. уч. окр., но получилъ—въ Оренбургскомъ краѣ,—мѣсто инспектора народныхъ училищъ. Оторванный отъ друзей и знакомыхъ, Боровскій ревностно отдался службѣ на далекой окраинѣ. Тамъ у него умерла жена; тамъ онъ перенесъ первый ударъ. Человѣкъ 54-хъ лѣтъ, Боровскій годъ тому назадъ прѣѣхалъ въ Одессу старикомъ. Мечта перебраться на родину не осуществилась. 17 іюня онъ умеръ въ г. Ирбітѣ на рукахъ своей сестры. Дѣтей у него не было. Искренній и послѣдовательный народникъ, покойный М. П. былъ всегда въ жизни простымъ и добрымъ человѣкомъ, и въ сферѣ офиціальной не отказывался отъ своихъ украинскихъ симпатій,—съ любовью слѣдилъ за научнымъ изученіемъ родины, природы и людей ея, за литературнымъ развитіемъ ея языка.

Въ практической жизни это былъ одинъ изъ благородныхъ неудачниковъ, идеальный стремленія которыхъ часто перетолковываются, извращаются. Крайне простой въ своей домашней жизни, Боровскій довольствовался всегда скромнымъ содержаніемъ и умеръ, не оставивъ послѣ себя никакого имущества.

Покойный былъ прекрасный товарищъ и всѣ знашіе его, какъ сослуживца и сотрудника, добромъ поманутъ его память. (Од. Л., 161).

БИБЛIOГРАФIЯ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
Томъ сто восьмой. Юрьевъ. 1900 г. LVI+512+VI. Ц. 3 руб.

Настоящій 108 т. представляетъ собою III-ій томъ «Бумагъ кабинета министровъ Императрицы Анны Ioанновны (1731—1740 г.г.)», собранныхъ и изданныхъ подъ редакціею проф. Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова. Онъ содержитъ въ себѣ, какъ видно изъ предисловія редактора копіи документовъ, извлеченныхъ изъ Государственного и Сенатскаго Архивовъ въ Петербургѣ, Архива министерства юстиціи и Главнаго Архива министерства императорскаго Двора въ Петербургѣ всего лишь только за одинъ—1734 г.; бумаги кабинета за 1731—33 г. составили содержаніе 104 и 106 т. т., изданныхъ подъ редакціею проф. Филиппова.

Въ предисловіи авторъ сборника указываетъ на внесеніе имъ въ настоящее изданіе въ интересахъ дѣла нѣкоторыхъ измѣненій сравнительно съ предыдущими двумя томами. Сущность измѣненій состоитъ въ томъ, что въ журналамъ Кабинета прибавлены реестры входящихъ въ Кабинетъ бумагъ, и прибавлены по слѣдующимъ соображеніямъ. «Журналы Кабинета за 1731—1733 г.г. наряду съ указаниемъ на лицъ, присутствовавшихъ въ Кабинетѣ, и на «приказы», отдаваемые министрами изъ Кабинета, содержали также перечисленіе входившихъ и исходившихъ изъ Кабинета бумагъ, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ свѣдѣній, касавшихся Кабинета и его отношенія къ Императрицѣ, различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, съ

копии ему приходилось сноситься в т. д. Съ 1734 г. характеръ журналовъ Кабинета рѣзко измѣняется: вмѣсто этихъ, столь разнообразныхъ по содержанію, журналовъ, ведутся, главнымъ образомъ, лишь журналы приказовъ, отдаваемыхъ изъ Кабинета, а изъ прежнихъ журналовъ-протоколовъ выдѣляются въ особыя книги списки или реестры входящихъ и исходящихъ изъ Кабинета бумагъ, а равно и составляются особыя «протокольныя записки» и «протоколы на указы». При помѣщеніи въ Сборникъ только журналовъ, «будущіе историки Кабинета, говорить редакторъ, лишатся возможности опредѣлить, пользуясь только материалами этого изданія, предѣлы компетенціи учрежденія, слагавшейся постепенно и не столько de jure, сколько de facto». Воспроизведеніе же самихъ бумагъ является практически невозможнымъ, такъ какъ „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающаяся дѣятельность Кабинета уже съ 1734 г. начинаетъ принимать такие размѣры, что въ приложенихъ къ журнalamъ могутъ быть напечатаны лишь исходившіе изъ Кабинета акты, именно: именные указы, высочайшія повелѣнія и резолюціи, указы и письма кабинетъ-министровъ и т. п.» Такимъ образомъ, въ составъ настоящаго тома вошло 173 № журнalomъ и списковъ входящихъ Кабинета и около 400 приложенийъ, представляющихъ собою копіи указовъ, повелѣній и т. п.

Сборникъ снабженъ оглавленіемъ, въ которомъ можно найти краткое содержаніе каждого документа, вошедшаго въ составъ Сборника подъ названіемъ «приложенийъ» и алфавитнымъ указателемъ собственныхъ имёнъ.

Обращаясь къ содержанію Сборника, нужно сказать, что оно въ высшей степени разнообразно; систематизировать находящійся въ немъ материалъ очень трудно. Кругъ вѣдомства и границы компетенціи возникшаго въ октябрѣ 1831 г. Кабинета министровъ, какъ и многихъ другихъ русскихъ государственныхъ учрежденій, возникавшихъ и слагавшихся фактически, а не юридически, были совершенно не установлены. Вотъ почему предметомъ обсужденія Кабинета министровъ были самые разнообразныя дѣла: политика вѣнчания и внутренняя, административныя распоряженія, мѣропріятія фискального свойства, финансовые, наконецъ даже иногда частная преписка,— все это проходило чрезъ Кабинетъ министровъ.

Размѣры настоящей замѣтки не позволяютъ намъ останавливаться на подробной передачѣ содержанія многихъ копій бумагъ, имену-

щихъ большій или меньшій исторической интересъ, а потому мы, ограничившись самыи краткимъ перечнемъ важнѣйшихъ документовъ общаго характера, остановимся только лишь на пѣкоторыхъ документахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ исторіи нашего края.

Засѣданія Кабинета министровъ въ 1734 г., какъ это видно изъ журналовъ, перечня входящихъ и приложеній, были больше всего посвящены «польскимъ, малороссійскимъ, шведскимъ и финляндскимъ обращеніемъ». Главное вниманіе Кабинета министровъ сосредоточивается на дѣлахъ Польши, на борьбѣ партій польского шляхетства, разбившагося на два враждебныхъ лагера; одинъ изъ нихъ стоялъ на сторонѣ короля Станислава Лещинскаго, другой на сторонѣ Августа III, котораго поддерживало русское правительство. Въ Польшѣ и Литвѣ собирались безпрерывно сеймы и сеймики безпрерывно появлялись организованные отряды противной Россіи польской партіи, дѣйствовавшей при дѣятельной поддержкѣ Швеціи и Финляндіи. Русское правительство должно было безпрестанно мобилизовать свои войска на западныи и сѣверныи границы, зорко слѣди за дѣйствіями Польши и Швеціи; оно арестовывало и содержало подъ усиленной стражей вожаковъ польской партіи (какъ напр. гр. Сапігу), давая въ тоже время гарантію личной имущественной охраны сторонникамъ своей партіи (какъ напр. гр. Завишѣ) и прилагая всѣ старанія къ тому, чтобыскорѣе взять Данцигъ и изгнать оттуда Лещинскаго и склонить затѣмъ вожаковъ противной партіи къ дачѣ присяги на вѣрность королю Августу. Данцигъ, какъ известно, былъ взятъ; Станиславъ Лещинскій бѣжалъ; на польскій престолъ вступилъ Августъ III, но Польша не была умиротворена...

Едва ли не большее беспокойствіе русского правительства вызывало положеніе дѣль на югѣ и на юго-западѣ Россіи. Не смотря на то, что со временія присоединенія Украины къ Россіи прошло уже около 70 лѣтъ, Украина все же являлась безпрестанно дымящимся вулканомъ, готовымъ каждую минуту всыхнуть и причинить не мало хлопотъ Россіи, такъ какъ со сцены еще не сошли единомышленники Мазепы, и дѣятельнейшій и энергичнейшій изъ нихъ—Орликъ, находившійся въ то время въ Турціи, продолжалъ вести агитацию противъ русского правительства вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, воспитаннымъ имъ въ чувствѣ непримиримой вражды къ «москалямъ» и московскимъ порядкамъ на Украинѣ. Центромъ протеста, несмотря на всевозможнаго рода мѣроупрѣтія правительства, продолжало быть Запорожье и запорожцы.

1734 г. былъ, какъ извѣстно, годомъ смерти гетмана Даніела Апостола Воспользовавшись смертю Апостола, русское правительство задумало нанести окончательный ударъ самоуправленью Украины, вопреки основнымъ пунктамъ договора Великой Руси съ Малой, посредствомъ уничтоженія гетманства и замѣны гетманскаго управлѣнія Малороссіей «управленіемъ пять 6-ти персонъ». Планъ замѣны гетманскаго управлѣнія инымъ управлѣніемъ былъ готовъ еще до смерти Даніила Апостола, такъ какъ лишь только правительство узнало, что „гетманъ Апостолъ состоить въ прежней своей болѣзни и нынѣ весьма слабъ, а определенный въ нему министръ, генералъ Нарышкинъ, обрѣтается въ Петербургѣ, оно указомъ отъ 17 января 1734 г. предписало кн. А. И. Шаховскому, находившемуся въ то время въ предѣлахъ Польши, подъ начальствомъ графа Вейсбаха, свой «корпусъ поручить изъ генералитета, кому опредѣлено будетъ отъ графа фонъ-Вейсбаха», а самому немедленно отправляться въ Глухонъ, съ тю цѣлью, „ежели онъ, гетманъ, въ глубочайшую болѣзнь придетъ или умреть, чтобы въ правлѣніи войскъ не воспользовало остановки; того ради Мы запотребно ровсудили немедленно ѿхать въ Малороссію и для управлѣнія министерскихъ дѣлъ быть при немъ до Нашего указа вамъ... и ежели онъ, гетманъ въ глубочайшую болѣзнь придетъ или умреть, то повелѣваемъ вамъ при ономъ случаѣ пристойныя мѣры взять и во всемъ такимъ образомъ поступать, какъ о томъ извѣстное вамъ Наше всемилостивѣйшее намѣреніе состоять и Мы на васъ въ томъ надежду имѣемъ, безъ всякаго упущенія и при томъ на обращенія ихъ малороссійскія, а особливо при нынѣшнихъ конъюнктурахъ, накрѣпко и недреманнымъ окомъ смотрѣть и о томъ Намъ обстоятельно репортовать, съ представленіемъ о учрежденіи маѣнія своего“.

26 января послѣдовалъ новый именной указъ кн. Шаховскому, вызванный извѣстіемъ о смерти Апостола, послѣдовавшемъ 17 января. Повторяя буквально содержаніе предыдущаго указа, новый указъ „найкрѣпчайше подтверждаетъ, что по полученіи сего Нашего указа ииѣте вы со всякимъ всевозможнымъ поспѣщеніемъ ѿхать въ Глухонъ вскорѣ и, прїехавъ въ управлѣніе дѣлъ, до дальнѣйшаго Нашего указа, поступать по извѣстному вамъ Нашему намѣренію въ предположенному указу со всякимъ прилежаннымъ вѣдѣніемъ (sic) и осторожностію, безъ упущенія, присматривая при томъ на поступки тамошняго малороссійскаго народа накрѣпко, и что отъ нихъ проис-

ходить будетъ, о томъ надлежашій и пристойныя мѣры взять... 29 января въ Кабинетѣ министровъ выработано было всенодданійшее мнѣніе, подписанное Минихомъ, Остерманомъ, кн. Черкасскимъ, Ушаковыемъ и Шафировымъ, послужившее затѣмъ содержаніемъ «грамоты малорусскому народу» отъ 31 янв. 1734 г., въ которомъ говорится: «Гетману впредь быть не разсуждается, а быть правленію вместо чина гетманского во шти (sic) персонахъ состоящему, а именно: изъ 3-хъ великороссійскихъ, изъ 3-хъ малороссійскихъ и къ тому представляется нынѣ, хотя на время, пока дѣло въ надлежащей порядокъ приведено будетъ, кн. А. Шаховской, а кому при немъ изъ великороссійскихъ и изъ малороссійскихъ быть, тому ниже сего представляются въ кандидаты, которымъ быть въ засѣданіи въ равенствѣ, а сидѣть на правой сторонѣ русскимъ, а лѣвой малороссійскимъ и править дѣла по прежнимъ инструкціямъ и рѣшительнымъ пунктамъ, а генеральному военному суду быть по прежнему; тому правленію быть подъ вѣдѣніемъ Сената, во особливой конторѣ. И сie содержать секретно, а въ указахъ и въ прочихъ письмахъ не показывать, что намѣреніе имѣется гетмана не выбрать... Въ кандидаты представляются: изъ великороссійскихъ—Иванъ Вельяминовъ, Степанъ Колычевъ, Андрей Чернышовъ, Дмитрій Цорецкой. Иль малороссійскихъ: обозный Лизогубъ, изъ подсирбіевъ Марковичъ, изъ генеральныхъ есауловъ Мануиловъ».

На мнѣніе положена резолюція: «Опробуєца».

Сознавая всю важность и небезопасность предпринятаго политического шага, дѣлая многократно строгіе наказы о содержаніи въ полномъ секретѣ своихъ настоящихъ намѣреній, правительство, въ тоже самое время, не упускаетъ изъ виду даже такихъ мелочей относительно всего, что касается хотя бы даже престижа его власти, что не забываетъ дать надлежащихъ указаний, кому гдѣ сидѣть, хотя раньше и упоминается о томъ, что „въ засѣданіи (членамъ) быть въ равенствѣ“.

31 января послѣдовалъ на имя кн. Шаховского именной указъ объ учрежденіи въ Малороссії гетманского управлениія изъ 6-ти лицъ, объ объявлениіи посыпаемой при семъ грамоты старшинѣ въ малороссійскому народу, о выборѣ лицъ для означенного правленія, и великороссійскихъ судьяхъ и о назначеніи содержанія вдовѣ Апостола.

Кромѣ «грамоты малороссійскому народу», присланной кн. Шаховскому, было прислано еще десять грамотъ для посылки въ Томъ 74 — Іюль-августъ, 1901.

каждый полеть, а „для раздачи въ народъ“ были спрассланы «друкованые листы». Какъ въ „объявленной грамотѣ, друкованныхъ листахъ, такъ даже и въ присланной при нихъ „інструкції“, изъ опасенія возбудить беспорядки, правительство увѣряло украинскій народъ, что правленіе новое вводится временно, «до впредь будущаго избранія гетмана»; настоящія же намѣренія открывало только въ именномъ указѣ кн. Шаховскому: «А что въ объявленной Нашей грамотѣ и въ інструкціи написано, что правленіе гетманскаго урида опредѣлено до впредь будущаго избранія гетмана, и сіе написано для того, чтобы яныч, въ началѣ сего объявленія, народъ не имѣлъ въ томъ сумнѣнія и не чинилъ противныхъ толкованій... Вамъ же, по имѣющей прежней секретной інструкціи... предостерегать того, чтобы какой шатости въ малороссійскомъ народѣ подъ нынѣшній часъ не произошло и смотрѣть того прилежно, и ежели бъ, паче чаянія, что могло противное случиться, то въ томъ поступать по силѣ той інструкціи и отправленныхъ недавно Нашихъ указовъ»... Далѣе, требуя «донести, какъ опредѣленные въ войсковомъ судѣ великороссійские суды поступаютъ», и давая право Шаховскому замѣнить ихъ новыми по своему усмотрѣнію, «кого онъ за достойныхъ въ тому знаетъ, указъ напоминаетъ, что «надобно въ судѣ такихъ людей имѣть, которые были бъ правды и ко взяткамъ не лакомы, и не было бъ отъ нихъ народу озлобленія и обидъ и дабы онъ малороссійскій народъ правосудіемъ тѣхъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и пріобывалъ въ великороссійскому правленію». И какъ рѣшительную мѣру рекомендуетъ «смоленскаго шляхтча, ротмистра Пассека, отрѣшить, понеже ему въ судѣ войсковомъ быть весьма, разсуждаемъ, не запотребно. Умершаго гетмана Апостола женѣ Ульянѣ за вѣрную службу мужа ея, повелѣваемъ на содержаніе дома ея давать, по смерть ея, на годъ по 3000 р., которые выдавать ей изъ сборныхъ денегъ съ бывшихъ гетманскихъ маєтностей. И все вышеписанное содержать въ вышнемъ секретѣ».

Обстоятельства дѣла требовали быстроты дѣйствій. И мы видимъ, что сношенія, дѣйствительно, велись съ достаточной для того времени быстротой. Именно, въ числѣ входящихъ бумагъ Кабинета за 6-е февраля значится «довошеніе генерала Нарышкина о погребеніи гетмана», а за 9-е февраля — «репорты генерала, графа Вейсбаха о бытіи генералъ-лейтенанту кназю Шаховскому въ Глуковѣ и о порученіи, вмѣсто него, команды другому» (вслѣдствіе первого указа

отъ 17 января), и за 16 февраля — «репортъ того-же Вейцбаха о полученіи указа и отправлениі къ кн. Шаховскому о немедленномъ его прибытии въ Глуховъ и о шпионахъ»; въ числѣ входящихъ за мартъ подъ 2 марта значится «дonoшenіе кн. Шаховскаго отъ Вѣйц-Церкви о слѣдствіи (sic) его въ Глуховъ, съ представлениемъ какимъ образомъ правленіе послѣ гетмана зачать; его же два письма о томъ же.

Въ отвѣтъ на это доношеніе послѣдовалъ именной указъ кн. Шаховскому отъ 4 марта 1734 г., въ которомъ послѣднему выяснялось, «что какимъ образомъ по прибытии вашемъ въ Глуховъ малороссійское правленіе начинать и какъ поступать, и чего вамъ предостерегать надлежитъ, о томъ уже полная инструкція и особливый къ вамъ съ надлежащимъ наставленіемъ указъ и для публикованія печатныя грамоты, состоявшаяся января 31 дня, отправлены къ вамъ до Глухова съ варочнымъ курьеромъ»...

Но очевидно, что кн. Шаховской получилъ «инструкцію и особливый съ наставленіемъ указъ» по дорогѣ въ Глуховъ, такъ какъ въ числѣ входящихъ за 5-е марта значится: 1) «дonoшenіе кн. Шаховскаго изъ Кіева о полученіи инструкціи и указовъ и на представление на то, какимъ образомъ въ Глуховѣ поступать ему надлежитъ; 2) репортъ его-же — о полученіи указу первого отъ 17-го января и 3) письмо его же о томъ, что въ доношеніи написано.

Кн. Шаховской до прибытия своего въ Глуховъ, значитъ еще до ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ малорусского народа на мѣстѣ, былъ противъ мнѣнія Кабинета министровъ, получившаго уже высочайшую «апробацію» о замѣнѣ гетманскаго управлѣнія управлѣніемъ «изъ шти персонъ». Хотя въ «Сборникѣ» нѣть коїй съ доношеній и писемъ кн. Шаховскаго, а потому нельзя съ точностью воспроизвести того, что писалъ кн. Шаховской, но въ видѣ приложений отъ 7-го марта въ «Сборникѣ» напечатаны: 1) «Высочайше утвержденное мнѣніе особаго совѣщавія въ Кабинетѣ относительно оставленія въ силѣ, вопреки доношеніямъ кн. А. И. Шаховскаго, указа 31 янв. 1734 г. о бытіи въ Малороссіи, вмѣсто гетмана, управлѣнію изъ 6-ти лицъ и пр., по соображеніямъ, изложенными въ семъ мнѣніи» и 2) «Именной указъ кн. А. И. Шаховскому, въ отвѣтъ на доношеніе его относительно неудобствъ представлѣнія правлеавія Малороссіею 6-ти персонамъ, согласно указу 31 янв. 1734 г., съ подтвержденіемъ дѣйствія впредъ этого указа».

Изъ этихъ двухъ документовъ видно, что кн. Шаховской, не раздѣляя мнѣнія Кабинета о перемѣнѣ управлениія Малороссіей, послалъ въ Степербургъ 17 и 22 февраля свои «доношенія», въ которыхъ онъ «представлялъ чтобы правленію въ Малой Россіи не быть во шти персонахъ и на такомъ основаніи, какъ въ состоявшемся Ея И. В.—ва всемилостивѣйшемъ, января 31 дня, къ нему присланномъ указѣ изображенено». Вместо же проекта «правленія изъ шти персонъ» кн. Шаховской представилъ свой проектъ правленія Малороссіей «на такомъ основаніи, какъ онъ о томъ образцовый указъ, которому въ народъ малороссійскій публиковану быть, для всемилостивѣйшей аprobaciі, при своемъ доношеніи прислалъ».

Каково было содержаніе присланного кн. Шаховскимъ для «апробації образцового указа, которому въ народъ малороссійскій публиковану быть» — неизвѣстно, такъ какъ въ «Сборникѣ» онъ не помѣщенъ, но мотивы, по которымъ кн. Шаховской былъ противъ правленія «изъ шти персонъ», могутъ быть отчасти воспроизведенны на основаніи приведенныхъ нами двухъ документовъ: 1) что прежде всего гетьманы генеральную войсковую канцелярію содержали и резолюції давали одни, а ежели нынѣ вскимъ дѣламъ, до ураду гетьманскаго касающимся, рѣшеннымъ быть въ учрежденномъ собраніи, то отъ того въ той канцеляріи можетъ произойти великая много-трудность и по отправленію дѣлъ остановка; 2) что старшина уже давно желаніе имѣть въ полученію правленія войсковой генеральной канцеляріи, а когда нынѣ уже въ оной присутствіе получать, то впредь оныхъ, по его мнѣнію, отрѣшить уже не такъ удобно будетъ, какъ бы они къ тому дѣлу допущены не были... Вотъ тѣ мотивы, какіе были выставлены кн. Шаховскимъ въ противовѣсь мнѣнію Кабинета министровъ относительно перемѣнъ управлениія въ Малороссіи. Онъ былъ противникомъ коллегіального управлениія Малороссіей, но не изъ боязни «могущей произойти отъ того шатости въ малороссійскомъ народѣ», а совершенно по другимъ соображеніямъ, не только не совпадавшимъ съ намѣреніемъ правительства вести политику «шелковыхъ возжей» съ цѣлью постепеннаго пріученія народа къ тому, чтобы «онъ пріобыкалъ къ великороссійскому правленію», а совершенно противоположнымъ: онъ былъ сторонникомъ политики «ежевыхъ рукавицъ» и желалъ совершенно не допустить участія старшинъ въ управлениі Малороссіей. Образъ мыслей кн. Шаховского, несомнѣнно, вполнѣ совпадалъ съ дѣйствительными (тайными)

намѣреніями правительства относительно Малороссіи, но взгляды ихъ на средства осуществлія этихъ намѣреній были не одинаковы.

Для обсужденія «образцового указа» кн. Шаховского, немедленно, 7 марта, состоялось «особое совѣщеніе въ Кабинетѣ», выскажавшее мнѣніе «объ оставленіи въ силѣ, вопреки доношеніямъ кн. Шаховского, указа 31 янв. 1734 г. о бытіи въ Малороссіи, вместо гетмана, управлению изъ шести лицъ», утвержденное въ тотъ же день Анной Ioannovной. Въ «мнѣніи» говорится, что по довольною разсмотрѣнію о резонахъ отъ него (кн. Шаховского) представленныхъ, всеподданѣйшее свое мнѣніе приносить, что при нынѣшихъ слушающихъ, къ интересамъ Ея И. В.—ва заириличнѣе и полезнѣе разсуждаются быть тому правленію до времени на такомъ основаніи, какъ... въ указѣ января 31 дая опредѣлено, и поступать ему, генерал-лейтенанту (кн. Шаховскому) въ томъ по посланнымъ къ нему указамъ и инструкціи и сочиненный манифестъ о томъ правленіи потому же указу въ народъ публиковать... Что же касается мотивовъ особаго мнѣнія кн. Шаховского, то особое совѣщеніе нашло оба его «резона» несостоительными: относительно первого оно высказалось, что «сіе весьма не признается, понеже канцелярія отъ того вящаго труда быть не можетъ, какъ прежде бывало, но паче, когда съ общаго совѣту того учрежденного собранія дѣла рѣшены и отправлены будуть, то еще лучшаго и основательнѣйшаго порядку и меньшей остановки въ дѣлахъ отъ того уповать надлежитъ»; на счетъ второго мотива особое совѣщеніе сказали: «что нѣкоторые изъ малороссійскихъ въ томъ собраніи присутствовать станутъ, никакого (никакого?) предосудженія интересомъ Ея И. В.—ва не признается, но паче еще польза, понеже не вся старшина присутствовать станетъ, но только три персоны, и тѣ три персоны однѣ никакой власти имѣть не будутъ, но должны съ велико-россійскими вмѣстѣ засѣдать и дѣла отправлять... Кн. Шаховской стоялъ за сохраненіе гетманскаго управлія Малороссіей, но съ тѣмъ, чтобы гетманомъ былъ великороссъ, разсчитывая, по всей вѣроятности, въ случаѣ принятія его проекта, самому стать гетманомъ Малороссіи, такъ какъ «особое совѣщеніе» Кабинета, не согласившись съ доводами кн. Шаховского, добавляетъ слѣдующее: «Сверхъ того, ежели съ самаго начала всѣхъ малороссійскихъ отъ правленія вовсе и генерально отрѣшить и одному великороссійскому все правленіе вручить, то-бъ онъ малороссійскій народъ отъ того въ какое сумнѣніе приведенъ не былъ, и иногда-бъ

віщія какія затрудненія отъ того не произошли. И для того, ниже подписаніе, при прежнемъ своемъ всеподданнѣйшемъ мнѣніи... пребывають», хотя, въ зависимости отъ того, какъ «дѣла тамо пойдутъ, всегда въ Ея И. В.—ва всемилостивѣйшемъ соизволеніи будеть состоять—сіе на время учиненное правленіе отмѣнить и другія та-кія учрежденія учинить, какія по обстоятельствамъ для интересовъ Ея И. В.—ва всемилостивѣйше за благо разсуждены будуть; а покамѣстъ сіе правленіе совсѣмъ основано и въ надлежащій поридокъ приведено не будетъ, то его, генераль-лейтенанта, оттуда отлучать, видится, невозможно».

Мнѣніе «особаго совѣщенія въ Кабинетѣ», утвержденіе его и изданіе соответствующаго именного указа, подтверждающаго указъ 31 января, состоялось 7 марта. Между тѣмъ, кн. Шаховской, прибывъ въ Глуховъ, не зналъ, какую форму правленія примѣнять ему на Украинѣ: распоряжаться ли ему на правахъ гетмана Малороссіи, или же управлять согласно съ указомъ отъ 31 января. Потребовавъ отъ старшины отдачи ему гетманскихъ войсковыхъ клейнодовъ, кн. Шаховской 5 марта доносить объ этомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ «стrebуетъ указу», какъ ему рѣшить дѣла, «по инструкціи-ль сего 1734 году, или какъ бывало при гетманѣ», а затѣмъ просить «о взятії у генерала Нарышкина прежде данной ему, кн. Шаховскому, въ бытность его при гетманѣ, секретной инструкціи и о присылкѣ къ нему». Кабинетъ министровъ письмомъ отъ 16 марта уведомилъ кн. Шаховского, что «оная инструкція, и секретные пункты, и указъ, и цифирная азбука, отправлены... при семъ».

Черезъ два слишкомъ мѣсяца, 27 мая, послѣдовалъ именной указъ кн. Шаховскому «о прибытіи ему на нѣкоторое время изъ Малороссіи въ С.-Петербургъ, и о порученіи, въ отсутствіи его, управлениіи дѣлами временно майору Хрущову и другимъ, по усмотрѣнію его, Шаховского, лицамъ». Вызовъ кн. Шаховского въ Петербургъ очевидно состоялся «по украинскимъ дѣламъ, такъ какъ 18 іюля посланъ былъ изъ Петергофа Кабинетъ-министрамъ раскрипти слѣдующаго содержанія: «Господа Кабинетъ-министры! Разсудили мы за благо послать къ вамъ кн. Шаховского для представленія вужныхъ его украинскихъ дѣлъ; того ради, по полученіи сего, собравъ всѣ его старые и новые доклады и доношенія, разсмотрите и, обще совѣтовавъ, положите обо всемъ надлежащую резолюцію, съ которой для атробація быть къ намъ немедленно. Анна».

Какъ ни скрывало правительство настоящихъ своихъ намѣреній относительно Украины, все же и старшина, и народъ, наученные прежнимъ горькимъ опытомъ, ясно видѣли, къ чему клонится политика правительства. Да и не нужно было обладать большой дальновидностью, чтобы не понимать, какія намѣренія скрываются мѣропріятіями правительства, несмотря на то, что оно выставляло ихъ передъ народомъ, какъ временные. Изъ Украины начали идти члобитныя объ избраніи гетмана. Для осуществленія своихъ плановъ насчетъ Украины правительству нужно было выполнить двѣ задачи: заручиться поддержкой народа и окончательно ослабить и безъ того уже обезсиленную и деморализованную козацкую старшину. Перваго оно старалось достичь путемъ облегченія простого народа отъ бремени всевозможныхъ налоговъ въ пользу старшины, судебной защитой и предоставлениемъ широкихъ правъ члобитья на своихъ обидчиковъ; второго—дарованіемъ высочайшихъ милостей тѣмъ изъ старшинъ, «которые были доброжелательны», въ видѣ производствъ въ чины, записи кандидатами въ Сенатъ и т. п., а во-вторыхъ—путемъ секретныхъ мѣропріятій съ цѣлью внести разлагающее начало въ самую сердцевину національной жизни—семью. Къ числу такихъ мѣропріятій относится, взвѣтный, кажется, уже въ печати, секретный указъ тому-же кн. Шаховскому отъ 31 авв. 1734 г. «о принятіи секретно искусствныхъ мѣръ къ побужденію малороссійского народа вступать въ свойство съ великороссійскимъ народомъ, а не съ смольянами, поляками и другими зарубежными жителями, что, кажется—говорится въ указѣ—противно нашему интересу». Выполнение этого секретнаго предписанія оказалось на практикѣ трудно примѣнимымъ; поэтому въ цѣляхъ выполненія указа кн. Шаховской дѣлаетъ представление «о недозволеніи выѣзжать изъ Малороссіи въ другіе города безъ паспортовъ, выданныхъ имъ, Шаховскимъ». «...Не созволите ли, Ваше В—ство всемилостивѣйше указать въ малороссійскіе полки дать Вашего И. В—ва указы, чтобы какъ старшина сама, такъ и дѣти ихъ, или кто-нибудь ежели бы кто пожелалъ ёхать изъ Малороссіи въ другіе города, то бы безъ паспорта моего не ёздили, при чемъ видно будетъ, кто для какого дѣла ёдетъ и ежели кто поїдетъ для женитьбы, то таковыхъ удобно при томъ отъ онаго отвратить. И на оное ожидать буду Вашего И. В—ва всемилостивѣйшаго указа».

Но самую яркую картину всей системы отношений великокорусского правительства на Украинѣ даетъ «Высочайше утвержденная секретная инструкція, данная ген.-лейтенанту кн. Шаховскому, по управлению Малой Россіею, по которой, будучи въ Малой Россіи, поступать надлежить». Инструкція состоитъ изъ 11 пунктовъ. Наказывая «смотретьъ накрѣпко, чтобы какъ въ главныхъ (дѣлахъ), такъ и въ прочихъ какой противности не было, и народъ къ тому побуждаемъ отъ кого не былъ, и развѣдывать того накрѣпко всякими способами», инструкція требуетъ «немедленно о томъ доносить», а въ крайнихъ случаяхъ, «буде для описыванія времени не будетъ, чинить, что надлежитъ по своему разсмотрѣнію; и ежели въ такомъ случаѣ явится кто изъ старшины и изъ полковниковъ, и ихъ братъ подъ караулъ, и не допускать того зла до расширенія». Съ другой стороны инструкція велитъ «сматривать во всякихъ обхожденіяхъ, кто изъ старшинъ и изъ козаковъ къ Намъ и къ сторонѣ Нашей доброжелательны, и какого уряда достойны, и въ такой случай, когда придетъ гдѣ полковникамъ и старшинѣ перемѣна, усматривать вамъ, что бы въ тѣ чины вѣрные и доброжелательные намъ люди произведены были, и таковыхъ, обще съ генеральною старшиною, въ кандидаты писать въ Сенатъ, въ канцелярію малороссійскихъ дѣлъ, а въ кабинетъ Нашъ, кому изъ тѣхъ кандидатовъ пристойнѣе быть надлежитъ, доносить секретно»... Что же касается простого народа, то инструкція научаетъ «пристойнымъ образомъ внушать малороссійскому народу, а паче козакамъ, что Наше И. В.—во содержимъ ихъ въ милости своей при данныхъ имъ отъ Насъ милостивыхъ привилегіяхъ, а ежели имъ отъ генеральной старшины и отъ полковниковъ, также отъ полковой старшины и отъ сотниковъ будуть тѣгости, какъ въ накладѣ вина и въ прочихъ питьяхъ, и въ сѣственныхъ припасахъ, и въ сборѣ денегъ, въ работѣ, и въ привращеніи козаковъ въ подданство, то бѣ они били челомъ на нихъ въ томъ, какъ о семъ выдавными въ 1728 г. указы публиковано». Инструкція предписываетъ «оборонять отъ тѣгостей и обидъ козаковъ и прочихъ жителей малороссійскаго народа» «хотя отъ козаковъ и человѣчества не будетъ».

Въ случаѣ народнаго неудовольствія и ропота по поводу новыхъ налоговъ, инструкція рекомендуетъ объяснять, «для чего тотъ сборъ въ войсковой скарбъ сбирать», а «другимъ наединѣ говорить, ...что какъ тѣ всѣ сборы были въ вѣдомствѣ гетмановъ», то... «со-

бранными деньгами сборщики корыстовались и расходъ всѣмъ тѣмъ съ народа сбираемымъ деньгамъ быль непорядочный, чо одной только гетманской волѣ, а въ войсковомъ скарбѣ ничего не оставалось; и однимъ словомъ сказать, что все непорядочно было, а народу малороссійскому не только въ томъ полегченія не было, но и еще несносная и немалая обида; ...и объявлять, что многіе съ нахъ поборы, которые сбираны при гетманахъ, въ полегченію всемилостивѣйше сложить... соизволили».

Чтобы больше дискредитировать въ глазахъ народа гетманское правленіе, правительство въ § 7 инструкціи предписываетъ: «надлежить всякими удобо-возможными способами внушить малороссійскому народу, что какія въ бытность гетмановъ чинились партикулярными домашними обиды и разоревіе, какъ въ отнятіи маestностей, такъ и въ награжденіи ихъ непорядочно, а вынѣ Мы всемилостивѣйшее свое намѣреніе имѣемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ малороссійского народа, за службы и вѣрность ихъ, милостію своею и награжденіемъ деревень не оставить». Въ § 10 говорится: «Ежели тамошняя старшина будутъ намѣренія свои показывать, или просить о выборѣ гетмана, то надлежить пристойнымъ образомъ совѣтомъ своимъ ...отъ того отвращать и при томъ провѣдывать и смотрѣть недреманымъ окомъ, кто изъ старшинъ въ тѣ гетманы будутъ желательны и не будутъ ли собирать члобитень, ...то въ Кабинетѣ Нашъ о томъ немедленно доносить».

Производя реформу управлениа въ Малороссіи, правительство, несомнѣнно, дѣлало рискованные политические шаги, осложняя и безъ того крайне запутанныя политическія отношенія съ Польшей и Щвеціей—съ одной стороны, а съ другой—съ Турціей и Крымомъ, бывшихъ на сторонѣ короля Станислава Лещинскаго и поддерживавшихъ его въ борьбѣ съ Августомъ III. И правительство Ани Ивановны это прекрасно понимало, но разсчетъ его былъ безошибоченъ: перемѣна управлениа въ Малороссіи не могла грозить серіозными внутренними беспорядками, потому что народъ, истомленный въ тяжелой предшествовавшей борьбѣ за свою политическую и религіозную независимость, не въ состояніи былъ активно реагировать на новые посягательства со стороны своего сильного союзника, направленные къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ своей независимости, а представителей его, въ лицѣ старшинъ, легко было купить.

Запорожская Сѣчь, служившая ранѣшо очагомъ, гдѣ главнымъ образомъ броженія народной политической мысли получали конкретные формы, также не представляло особенной опасности. Правда, былъ еще живъ «измѣнникъ» Орликъ, сподвижникъ Мазепы, продолжавшій, несмотря на свой преклонный возрастъ, вести агитацию противъ русского правительства имѣстѣ съ своимъ сыномъ. Съ агитационной дѣятельностью этого послѣднаго изъ мугиканъ правительство, какъ видно изъ документовъ Кабинета, должно было счѣтаться. Такъ, въ именномъ отъ 25 апрѣля 1834 г. указѣ къ кн. Шаховскому «обѣ отиправленіи въ корпусъ гр. Вейсбаха въ Польшу казаковъ, украинскихъ и слободскихъ, о наблюденіи за дѣйствіями крымскаго хана и за измѣнникомъ Орликомъ и проч.», говорится: «О ханѣ крымскомъ имѣемъ мы извѣстіе, что онъ съ татарскимъ войскомъ на самыхъ турецкихъ границахъ, близъ Польши стоитъ, также и измѣнникъ Орликъ получили извѣстіе жъ, что онъ къ нему жъ, хану, прислалъ, почему признавается,—не отважатся ли онъ татары, по призыву станиславцовъ (сторонниковъ короля Станислава Лещинскаго) въ Польшу вступить, и не будетъ ли отъ поминутого Орлика на Украину, для возмущенія къ злому намѣренію, какихъ присылокъ къ кому изъ малороссійскихъ жителей, или письменной съ кѣмъ корреспонденціи, чего вы имѣете накрѣпко и со всякою прилежностью пристойнымъ образомъ и подъ рукою смотрѣть, и въ томъ крѣпкую предосторожность имѣть; и ежели бъ, паче чаянія, такія присылки явились, и въ комъ такая чевѣрность и подозрѣніе усмотрѣны будутъ, таковыхъ безъ потерянія времени ловить и поступать съ ними искусственнымъ образомъ, по нашимъ указамъ и намъ немедленно доносить, въ чемъ Мы полагаемся на вашу, извѣстную намъ, вѣрность и рѣшительную осторожность».

Въ доношеніяхъ гр. Вейсбаха, какъ видно изъ «входящихъ» (напр. отъ 7 мая, 5-го іюня и т. д.), имя Орлика поминается часто, что подтверждаетъ съ одной стороны «радѣтельность» генерала, а съ другой—также замѣтную дѣятельность. Наблюденія за дѣятельностью Орлика вызвали указъ отъ 31 августа 1734 г. на имя барона Кейзерлинга, полномочного министра при польскомъ дворѣ, въ которомъ говорится слѣдующее:... «Перенятое жъ письмо отъ крымскаго хана Мы уже отъ Нашего оберъ-шталмейстера получили и надлежащую потребность онымъ у Порты чинить будемъ. Старый Орликъ не товмо тогъ, который съ измѣнникомъ Мазепою прежде сего къ шведамъ и

туркамъ перешелъ и противу Россіи взбунтовалъ, но и понынѣ у крымскаго хана дѣйствительно обрѣтается, запорожскихъ козаковъ противу Насъ возмутить ищеть, и того ради многія поносительныя письма въ народъ издастъ, изъ которыхъ къ Намъ многія оригиналъныя отъ запорожскихъ козаковъ присланы. И ежели оный Орликъ, чрезъ котораго сіе крымскаго хана письмо получено, помянутаго, у хана пребывающаго, старого Орліка, подлинный сынъ есть, то предусмотретьъ невозможно, что благо черезъ него у крымскаго хана причинить невозможно (sic), ибо отецъ его предѣльный бунтовщикъ и по нынѣшнее время ядъ свой и злое намѣреніе по крайнѣйшей возможности повсюду въ дѣйство произвести старается; сверхъ же того у Порты, а особливо у крымскаго хана, въ великомъ кредитѣ имѣется, и слѣдовательно отъ его сына немногого добра ожидать надлежатъ, наименьше жъ того онъ въ состояніи быть можетъ отца своего преодолѣть. Въ вашей релaciї не упомянуто, сей Орликъ дѣйствительно ли назадъ возвратился или гдѣ дѣвался, и какія о немъ резолюціи могутъ быть учинены, о чемъ мы вашего доношенія въ немедленномъ времени дожидаемся, а между тѣмъ имѣете вы вышеуказанное въ по-требныхъ мѣстахъ надлежаще представить, что, понеже и безъ того, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, у крымскаго хана онъ съ трудно-стію полезенъ быть можетъ, то бѣ его изъ рукъ не упущали, но дотолѣ у себя подъ добрымъ присмотромъ держали, пока онъ надви-нымъ и приличнымъ образомъ Намъ отданъ быти можетъ, и хотя Нашего намѣренія не имѣется съ нимъ, яко съ сыномъ отъ Насъ отправшаго подданного и бунтовщика жестоко поступить, а особливо въ разсужденіи того, что онъ нынѣ училъ, однако же, отецъ его можетъ быть тѣмъ побужденъ будеть злобамъ своимъ нѣкоторыя мѣры постановить, когда онъ узнаетъ, что сынъ его въ нашихъ ру-кахъ имѣется».

Указъ этотъ, представляя собою выдающійся интересъ для ха-рактеристики политики Кабинета и агитационной дѣятельности Ор-лика, интересенъ и съ той стороны, что даетъ нѣсколько довольно опредѣленныхъ намековъ на причины, въ значительной степени осла-блявшіе успѣхъ агитационной дѣятельности принципіального, непри-миримаго противника русскаго правительства, старика Орліка. Аги-тациі Орліка-отца не только не встрѣчала сочувствія въ Запорожье, а напротивъ—активное противодѣйствіе. Запорожцы, какъ это видно изъ приведенного указа, присыпали русскому правительству «поноси-

тельныя письма» Орлика въ народъ прямо въ оригиналѣ, очевидно, съ цѣлью противодѣйствовать ихъ распространенію въ нароцѣ. Наконецъ, даже и сынъ самого «презельнаго бунтовщика», молодой Орликъ, та же былъ не на сторонѣ отца, а правительства, хотя послѣднее, очевидно, относилось къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ, будучи убѣждено, что отъ него «немного добра ожидать надлежить», и особенно не вѣря въ то, что онъ «въ состояніи быть можетъ отда своего преодолѣть». Это крайне недовѣрчивое и подозрительное отношеніе къ молодому Орлику, дѣйствовавшаго въ интересахъ самого же правительства, побуждаетъ правительство къ коварному, а не политичному, основанному на ложномъ пониманіи психологіи человѣческой душы, пріему задержанія Орлика, «пока онъ надежнымъ и пріятнымъ образомъ Намъ отданъ быть можетъ», съ тою цѣлью, что «отецъ его можетъ быть тѣмъ побужденъ будеть злобамъ своимъ нѣкоторыя мѣры поставить, когда онъ узнаетъ, что сынъ его въ Нашихъ рукахъ имѣется». Если въ этомъ и можно видѣть фактъ заложничества, то... далеко неправомѣрнаго.

Но несмотря на агитационную дѣятельность старика-Орлика, успѣхъ дипломатическихъ сношеній Запорожья съ русскимъ правительствомъ относительно переселенія козаковъ въ предѣлы Россіи былъ обезпеченнъ совпаденіемъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ. Запорожцы, покинувшіе предѣлы Россіи послѣ разоренія Сѣчи по приказу Петра I Скоропадскимъ и основавшіе въ 1711 г. свою Сѣчь, съ дозволенія хана Капланъ-Гирея, въ Алешкахъ, не переставали во все это время усиленно хлопотать о дозволеніи имъ возвратиться на старыя мѣста; къ этому ихъ побуждала съ одной стороны—потеря принадлежащихъ имъ прежде земель, а съ другой—притесненія со стороны иновѣрнаго и чуждаго по національности народа. Что же касается другой строны, т. е. русскаго правительства, то оно едва ли не больше было заинтересовано въ возвращеніи запорожцевъ на старыя мѣста, чѣмъ сами запорожцы. Какъ известно, пользу возвращенія запорожцевъ болѣе другихъ понималъ кіевскій генералъ-губернаторъ фонъ-Вейсбахъ. Онъ-то собственно и убѣдилъ правительство Анны Ивановны удовлетворить просьбу запорожцевъ, и самъ вошелъ въ сношенія съ кошевымъ атаманомъ Милашевичемъ.

Этимъ совпаденіемъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ и объясняется та, удивительная для нашего времени, быстрота переговоровъ, сношеній, сообщеній и реляцій относительно переселенія запорожцевъ: изъ

журналовъ «входящихъ» видно, что съ февраля по ноябрь въ Кабинетъ почти еженедѣльно поступали доношениа относительно запорожцевъ. Вопросъ о переходѣ запорожцевъ былъ рѣшенъ, но осуществлѣнію его препятствовали отношенія къ Турції. Опасенія правительства, какъ бы не испортить окончательно отношеній въ Портѣ, со всему аркостію обнаруживаются въочень пространномъ указѣ фонъ-Вейсбаху отъ 4августа. Порта, узнавъ о намѣреніи запорожцевъ перейти въ граніцы Россіи и прослушавъ о возведеніи на турецкихъ границахъ, около Базавлукка, крѣпости, послала своего чиновника къ бендерскому пашѣ и къ крымскому хану Сатиръ-Али-агѣ для наведенія сиравокъ о достовѣрности слуха черезъ осмотръ посланцемъ мѣстности у Базавлукка. Бендерскій паша черезъ своего посланца обратился къ гр. Вейсбаху съ просьбой командировать представителя и со стороны русского правительства къ Базавлукку для совместнаго осмотра съ чиновникомъ Порты мѣстности у Базавлукка. Правительство было поставлено въ крайне затруднительное положеніе, не зная, какъ изъ него выйти... И ныпѣ, говорится въ указѣ Портѣ никакого подлиннаго и прямаго отвѣту дать невозможно, ибо, ежели Портѣ объявить, что мы вовсе въ тѣ дѣла не вступаемся, то тѣ запорожцы, отчаясь, легко къ другой сторонѣ паки преклониться и всѣ потеряны быть могутъ; а ежели явно въ оныхъ дѣла вступать, и тѣ мѣста своими называть, то явная къ разрыву миру туркамъ причинамъ подается; и для того потребно въ томъ такое средство изыскать, черезъ которое, какъ отъ одной, такъ и отъ другой, вышеупомянутыхъ, опасностей убѣжать возможно».

Дальнѣйшее содержаніе указа и сводится именно къ «изысканію средствъ» пройти между Сциллой и Харібдой. Гр. Вейсбаху предписывается: 1) «по полученіи сего указу послать тотчасъ къ атаману Милашевичу съ требованіемъ, чтобы онъ безъ всякаго замедленія одного изъ лучшихъ и вѣрныхъ своихъ старшинъ наскоро прислать для словеснаго ему объявленія о вѣкоторыхъ нужнейшихъ, до ихъ интересовъ касающихся дѣлахъ; по приѣздѣ того (старшины) объявить о приѣздѣ отъ Порты варочнаго ага для свидѣтельствованія мѣстности... И понежѣ оному турецкому агу отказать и запретить въ томъ неприлично, того ради мы запотребно разсудили напередъ ихъ, запорожцевъ, наставлять, какимъ образомъ имъ съ тѣмъ турецкимъ присланымъ поступать, и что оному объявить, а именно: чтобы его приняли, по обычаю, со всякою ласкою и оному объявали: 1) что

булuchi издревле рожденные российские подданные, по закону своему, и по совѣсти своей, у Ея И. Величества о прежнихъ своихъ противныхъ поступкахъ о всемилостивѣшемъ прощениіи просили и въ вѣрное Ея В-ва подданство, по прежнему, возвратились; 2) что оные въ вѣрности Ея И. В-ву неизъяснимо пребывать и въ томъ послѣдней капли крови своей не пощадить твердо намѣрены; 3) что они Портѣ Оттоманской, или хану крымскому,... никакой противности не покажутъ, вѣда, что между обѣими имперіями состоится вѣчный миръ, и что Ея И. В-ва всеконечне намѣреніе есть оный миръ съ своей высохайшей стороны ненарушимо содержать; 4) но что до того мѣста надлежить, гдѣ они селатся, и по своему обыкновенію кошь свой строить, то всѣ тѣ мѣста ихъ собственныя, которыми они черезъ нѣсколько сотъ — безпрекословно отъ всѣхъ сторонъ владѣютъ, и что во оныхъ мѣста, яко вмѣ, запорожцамъ, прямо принадлежаїя, ни Россія, ни Порт, ни ханъ крымскій и никто вступаться не имѣютъ; 5) что съ российской стороны крѣпости у нихъ не строится и изъ российского войска при нихъ не обрѣтается, и что они и сами никакой крѣпости не строятъ, а строятъ кошь свой по своему древнему обыкновенію и то на собственныхъ своихъ земляхъ, а ни на какихъ чужихъ...

... И наставлять вамъ того отъ Милашевича присланного повѣреннаго, чтобы съ нимъ вышеписаннымъ отвѣтомъ того турецкаго агу отправили и ни во что далѣе съ нимъ не вступали и на его иногда чинимыя льстивыя обѣщавія или угрозы не смотрѣли и отнюдь бы не слушали... А чтобы не навлечь на себя никакихъ подозрѣній Порты, правительство рекомендуетъ гр. Вейсбаху, въ случаѣ непрабытія отъ Милашевича посланного, своего офицера не посыпать къ запорожцамъ, „дабы опа присылка въ другой и въ противной образѣ истолкована быть не могла“.

По принятіи всѣхъ вышепизложенныхъ предосторожностей и по осмотрѣ агою мѣстности, гр. Вейсбаху предписывается послать отвѣтъ пашѣ бендерскому съ увѣреніями въ намѣреніи правительства сохранять вѣчный миръ и т. д., и какъ на особенное доказательство искренности и несомнѣнности этихъ увѣреній сослаться на то, что «вы для лучшаго увѣренія Портъ (въ томъ, что никакой крѣпости не строится) не благоразсуждаете отъ себя туда человѣка послать, дабы Портъ толь вѣраѣть быть могло, когда ихъ посланный одинъ и самъ о томъ засвидѣтельствовать имѣеть». Все вышеписанное — говорится въ

указъ—разумѣется въ томъ случаѣ, когда оные запорожцы ни черезъ какіе способы въ переходѣ въ нашу границу превлонны быть не могутъ».

Правительство надѣялось на успѣхъ своего «генеральнаго отвѣта». Вышеписанный генеральный отвѣтъ можетъ Портъ въ удовольствіе служить, ионеже Мы объявляемъ, что Мы ни въ какія мѣста вступаться не намѣрены, которыя Портъ принадлежать, въ чёмъ и тѣ мѣста, гдѣ нынѣ запорожцы селятся, разумѣтися могутъ; а между тѣмъ получаемъ время, чтобы ихъ, запорожцевъ въ добровольному переходѣ въ наши границы какимъ ни на есть образомъ склонить, или такія иная мѣры въ томъ предвоспріять, какъ по коньюнктурамъ и поступкамъ турецкимъ наисконѣйше будетъ».

Предусматривая тотъ случай, когда бы «оные запорожцы тому отъ Порты присланному что лишие и ненадобное объявлять стали», правительство, руководясь цѣликомъ принципами макіавелліевской политики, даетъ такую ноту гр. Вейсбаху: «ионеже то (лишие и ненадобное) не въ присутствіи Вашего посланнаго чинится, того ради Мы съ нашей стороны, смотря какъ нужда того востребуетъ, всегда отъ того отговориться въ состояніи будемъ».

Въ доношениі отъ 13 сентября гр. Вейсбахъ уведомлялъ правительство о томъ, что «прибывшій къ нему атаманъ Милашевича съ старшиною, по его, Вейсбаха, совѣту, склонились и письменное обнаруживаніе далъ, что ежели необходимая нужда отъ турковъ и въ нарушенію мирнаго трактата позоветъ, то въ такомъ случаѣ они перейти готовы, да и сверхъ того въ вѣрной службѣ и въ бытіи вѣчно въ подданствѣ присягну себя утвердили; за что онъ «и произвелъ имъ дачу денежную». Вполнѣ одобряя дѣйствія гр. Вейсбаха и соглашаясь съ проектомъ перебѣза запорожцевъ на новыя мѣста съ наступленіемъ весны въ видахъ удобства перебѣза при полой водѣ, а также и въ видахъ политическихъ, такъ какъ до весны «дѣла съ Портою откроются, и уже извѣстно будетъ, что отъ турковъ ожидать имѣмъ, а потому тогда и поступать возможно, правительство, въ своемъ указѣ отъ 12 октября, рекомендуетъ «во всемъ запорожцамъ належащее вспоможеніе учинить, ако-же и нынѣ; для утвержденія жъ ихъ въ вѣрности, сверхъ того, что уже отъ васъ (гр. Вейсбаха) дано, еще, по своему разсмотрѣнію, и другія дачи имъ производить можете, особенно Милашевичу и прочимъ старшинамъ, въ которыхъ наивѣща сила состоить».

Ф. Матушевскій.

В. А. Богородицкій. Діалектологіческія замѣтки. III. Говоръ села „Сушки“, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. (Казань, 1901 г.) Стр. 11. in 8°.

Авторъ названной брошюры, профессоръ Казанского университета, принадлежитъ къ школѣ ученыхъ лингвистовъ, требующихъ чрезвычайно точнаго, тонкаго и всестороннаго наблюденія надъ антро-пофоническимъ (фізіологическо-акустическимъ) характеромъ звукового состава и строк изучаемой рѣчи, и набросанная имъ вкратцѣ характеристика одного изъ говоровъ, принадлежащихъ «къ украинскому нарѣчію малорусскаго языка», представляетъ тотъ особый интересъ, что она, по словамъ автора, показываетъ, «какъ украинско-малорусская звуковая система была воспринята ухомъ великоросса въ данномъ говорѣ». Затѣмъ, какъ это, повидимому, не странно, но намъ приходится также отмытить, что наблюденія проф. В. А. Богородицкаго надъ малорусской рѣчью имѣютъ еще и ту цѣну, что онъ преслѣдуютъ исключительно научныя цѣли и совершенно чужды тѣхъ узко-тенденціозныхъ возврѣній на все малорусское, которыя, къ сожалѣнію, нынѣ такъ часто встрѣчаются уже въ средѣ не однихъ только польскихъ да мадьярскихъ ученыхъ.¹⁾ Изъ наблюденныхъ нашимъ почтеннымъ авторомъ звуковыхъ особенностей говора с. Сушки, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ восточнымъ говорамъ серединно-украинской рѣчи, обращаютъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, слѣдующія. Въ области ударяемыхъ гласныхъ отмѣчены явленія слѣдующаго рода. Въ гласномъ *y* (*u*), соотвѣтствующемъ великорусскимъ

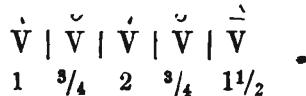
¹⁾ Подобными возврѣніями отличаются у насъ, кромѣ филологовъ, также и специалисты по другимъ отраслямъ знанія. Недавно, напр., въ одной изъ большихъ Петербургскихъ газетъ напечатана характерная корреспонденція изъ Чернигова, въ которой авторъ, официально занимающійся статистикой по Черниговской губерніи, смѣло заявляетъ, что онъ-де удивился, какъ черниговские холды будто-бы уже „прекрасно говорять по русски“, и не нарадуется тому, что одинъ изъ такихъ холдовъ преэрительно отошелся о своей родной рѣчи, сказавъ будто-бы, что „то наши дѣды говорили на порченомъ языке“ (sic), мы же научились хорошо говорить“. Здѣсь, кажется, достаточно яснѣ характеръ тѣхъ научныхъ и этическихъ критеріевъ, съ какими упомянутый корреспондентъ принялъ опредѣлять явленія мѣстной народной жизни, и легко себѣ представить, какую научную цѣну могутъ имѣть его статистическая работы, касающіяся въ особенности данныхъ языковыхъ и этнографическихъ.

ореографическимъ и и ю, автору «слышалось узкое и тонкое и съ легкимъ отмѣнкомъ ѿ»: тѣа, сидѣть и т. п.¹⁾ Затѣмъ, малоруссій гласный, соответствующій великорусскому ореографическому е въ относящейся, въ отличіе отъ великорусского, не къ ряду і, но къ ряду ѹ, по замѣчанію автора, «производить впечатлѣніе нѣсколько болѣе заднаго сравнительно съ великорусскимъ ѿ, представляя какъ бы параллель къ ѹ». Это ѿ (e) у автора выражено буквой ѿ: идѣ, санай (=саней) и т. п. Наконецъ, съ гласнымъ ѿ²⁾, по наблюденію автора, также „гармонируетъ гласный а, который по мѣсту артикуляціи является менѣе заднимъ по сравненію съ великорусскимъ, какъ бы относась къ ряду ѿ³⁾“. Сверхъ этого, авторъ замѣтилъ, что ударяемый гласный о въ говорѣ Сушкиновъ «имѣеть открытое произношеніе, т. е. подобно другому среднему гласному ѿ» (=о). Въ заключеніе такого рода характеристики ударяемыхъ гласныхъ изслѣдовавшаго авторомъ малорусского говора, онъ замѣчаетъ, что все это „достаточно обрисовываетъ отличіе вокальной системы великорусской отъ малорусской, а также показываетъ физиологическую цѣльность и такъ сказать внутреннюю связность и гармоничность послѣдней. Очевидно,—говорить далѣе авторъ,—что великороссу, который бы пожелалъ въ точности усвоить малорусское произношеніе, необходимы болѣе или менѣе продолжительныи упражненія, чтобы привыкнуть къ нѣсколько другой системѣ артикуляціонныхъ укладовъ“. Затѣмъ авторъ прибавляетъ еще, что на него „вногда ударяемые гласные изучаемаго говора производили впечатлѣніе большей длительности сравнительно съ общерусскимъ произношеніемъ, напр. чужыї“.

Неударяемый вокализмъ Сушкиноваго говора, въ свою очередь по словамъ автора, „не представляетъ столь рѣзкихъ качественныхъ различій, какія наблюдаются въ южно-великорусскихъ говорахъ: въ изслѣдуемомъ говорѣ встрѣчаемъ лишь рядъ легкихъ различій по степени открытости, въ соединеніи съ нѣкоторыми различіями высоты и силы. Распределеніе такихъ различій по слогамъ или, иначе говоря, антропофоническое строеніе словъ въ малорусскомъ въ отношеніи неударяемыхъ словъ отличается отъ общерусской рѣчи“. По наблюденію автора, формула антропофонического строенія словъ въ изу-

¹⁾ Такое ѿ обозначено у автора сложнымъ знакомъ, которого не приводимъ за неимѣніемъ въ типографіи подходящей буквы, а передаемъ его буквами ѿ²⁾.

чаемомъ имъ говорѣть можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ, напр. для пятисложного слова *поджечь*:¹⁾

Между тѣмъ какъ относительная сила слоговъ «общерусской» рѣчи вообще можетъ быть передана для пятисложного слова съ ударениемъ на среднемъ слогѣ рядомъ

1—2—3—1—1

Что касается качественныхъ нюансовъ неударяемыхъ гласныхъ, то они выступаютъ всего болѣе при гласныхъ *о* и *е* (ѣ) и, по замѣчанію автора, оттѣнки этихъ гласныхъ «модифицируются еще вліяніемъ гармонической ассимиляціи, играющей существенную роль въ малорусскомъ неударяемомъ вокализмѣ». Такъ, авторъ находитъ, что, напр., въ словѣ *болото* наиболѣе широкимъ или открытымъ является *о* ударенный слога *ло*, затѣмъ слѣдуетъ послѣударенный конечный *о* въ слогѣ *то*, между тѣмъ какъ *о* предударного слога *бо* производить впечатлѣніе узкаго или закрытаго. Замѣтимъ при этомъ, что узкое предударное *о*, а также *ъ* (ѣ) изъ *е* во многихъ украинскихъ говорахъ въ чѣкоторыхъ случаяхъ (особенно передъ небными слогами и слогами съ узкимъ гласнымъ) переходятъ даже въ *у* (и *ю*): *пужаръ*, *будакъ*, *мугыла*, *мурдуваты*, *нучуваты*, *гулубка*, *зузулька*, *кумӯ*, *чукраты*, *чумӯ*, *шулудыйый*, *юмӯ*, *юлумбок*, *Ювхым* (Евфимій) и т. п. (вм. *пожаръ*, *бодакъ*, *могыла*, *мордуваты*—изъ *мординаваты*, *ночуваты*—изъ *ночеваты*, *голубка*, *зовзулька*, *комӯ*, *чомӯ*, *чократы*, *шолудыйый*, *ёмӯ*, *бломбокъ* *Йовхымъ*), въ чёмъ нельзя не видѣть въ большинствѣ случаевъ дѣйствія регрессивной гармонической ассимиляціи.²⁾ Но съ другой

¹⁾ Въ приводимой формулы *V* обозначаетъ гласный слогъ, ' передаетъ главное удареніе, '— побочное удареніе, . — краткость, — длительность гласнаго, ! — дѣленіе слова на слоги, цифры— относительную силу слоговъ.

²⁾ Впрочемъ *у* изъ *о* возможно также и въ послѣударенныхъ слогахъ, при томъ не только при наличности узкаго ассимилирующаго гласнаго въ сосѣднихъ слогахъ: при *біому*, *у нашуму*, *на синому* и т. п. (ви. при *біому*, *у нашуму*, *на синому*), но и при совершенномъ отсутствіи таковаго: *залуб*, *пáробок*, *мáчука*, *кáчур* и т. п. (ви. *залоб*, *пáробок*, *мáчоха*, *кáчор*).

сторону, по наблюдению автора, подъ влінніемъ того же фактора (гармонического уподобленія) предударное о часто представляеть также меньшую закрытость, напр. въ случаѣ лошд.¹⁾ Къ этому можно прибавить случаи, когда въ украинскихъ говорахъ предударное о подъ дѣйствіемъ соотвѣтствующей ассимиляціи до такой степени расширяется, что переходитъ даже въ а: багаты́й, гаразд, кажан или хажан, каралі, гавчар, халява, паламар, помагаты и т. п. (вм. ботагый, горазд, кожан, коралі, горничар, холява, пономар, помоіаты).

Что касается характера украинского неударенного э (e), то и въ немъ отмѣчены авторомъ оттѣнки открытости и закрытости, аналогичные съ оттѣнками о. Самый широкій или открытый э (e), изображаемый буквою ѫ, по справедливому замѣчанію автора, встрѣчается въ случаѣ ударенности его, особенно въ конечномъ открытомъ слогѣ санай, пда и т. п. Неударенный же э (e) представляетъ слѣдующую за удареннымъ ступень открытости посль ударенія въ конечномъ открытомъ слогѣ: вакжэ (важэ), а засимъ—въ закрытомъ слогѣ: будэш. Хотя, на нашъ взглядъ, въ послѣднемъ случаѣ э (e) настолько уже узко или закрыто въ украинскихъ говорахъ, что часто имѣть оттѣнокъ ы (и) или і и даже переходить въ произношеніи въ эти звуки: бузыш, кажыш, а также бігайиш, чытайиш и т. п. «Далѣе,—по словамъ автора,—идутъ слоги передъ удареніемъ, гдѣ гласный принимаетъ уже нѣсколько узкій характеръ, напр. веда. Но— добавляетъ онъ—въ этомъ случаѣ нужно обратить вниманіе на сильное влінніе гармонической ассимиляціи къ слѣдующему слогу», въ силу которой, по наблюдению автора, въ говорѣ с. Сушковъ предударное э (e) бываетъ шире въ словахъ въ родѣ пачд, проженé—пача, прожаннá, но уже въ лежкѣ, песуть, при чемъ могутъ даже смѣшиваться впечатлѣнія отъ э (e) и ы (и), какъ напр. сыдлы и седлы. Засимъ, по замѣчанію автора, болѣй узкости гласнаго э (e) передъ удареніемъ благопріятствуетъ закрытость слога, при чемъ однако дѣйствіе этого фактора соединено съ влінніемъ гармонической ассимиляціи, отсюда, напр., вэрству, но дэржав. Намъ не приходилось наблюдать говора села Сушковъ и потому мы ничего не можемъ сказать о замѣченныхъ въ немъ авторомъ нюансахъ неударенного э

¹⁾ Приведенный у автора примѣръ воша (вощь), съ удареніемъ на а представляетъ слишкомъ рѣдкую форму: обыкновенно въ этомъ словѣ удареніе бываетъ на о: вбма.

(e). Но въ другихъ ближайшихъ къ нему украинскихъ говорахъ мы не замѣчали особенно сильного вліянія на то или иное произношеніе предударного э (e) какъ закрытости или открытости слога, такъ п гармонической ассимиляціі къ слѣдующимъ широкимъ или узкимъ слогамъ, а вообще предударное э (e) въ этихъ говорахъ при всякихъ условіяхъ имѣть болѣе или менѣе узкій характеръ, склоняющій его не къ а, а къ ы (u) въ разныхъ стеченіяхъ, такъ что можно даже часто послышать, напр.: пычэ, прожывэ, вырству и т. п., вм. печэ, прожевэ, вѣрстну, наравнъ съ лыжѣть, нысуть, дѣржав и т. п., вм. лѣжѣть, нѣсуть, дѣржав. Что касается произношенія създы и сѣдлы, то надо замѣтить, что въ украинскихъ говорахъ вообще предударное ы (u), а также и послѣударенное, въ свою очередь, довольно часто склоняется въ произношеніи къ э (e): бѣлына, бѣндюг, кѣрнѣца и крѣнѣца, лелік, лѣббінь, мѣзѣнѣць, мѣнѣты, пѣлѣнка, пѣріг, Пѣлыш, рѣжій, рѣшіты, сарівѣць, сиротына, Тѣмкѣ и Тѣмыш, тѣрлѣч, цабуля, чәрк, шәпшына, а также вѣлѣнаты, вѣшаты и т. п., вм. въ рядомъ съ бѣлѣна, бѣндюг, кѣрнѣца и крѣнѣца, лылія, лыббінь, мѣзѣнѣць, мѣнѣты, пылѣна, пыріг, Пылыш, рѣжій, рѣшіты, сырівѣць, сыротына, Тѣмкѣ и Тѣмыш, тѣрлѣч, цыбуля, чәрк, шәпшына, вѣлѣнаты, вѣшаты. Вообще можно сказать, что украинскіе (и вообще южнорусскіе) неударенные гласные э (e) и ы (u) въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносятся почти одинаково, представляя звукъ средній между тѣмъ и другимъ гласнымъ.—«Въ тѣсной физіологической связи съ характеромъ вокальной системы въ малорусскомъ—по утвержденію автора—находится характеръ *системы согласныхъ*, а именно: каково различіе малорусского гласнаго ы° отъ великорусского и, таково же различіе и твердаго произношенія согласныхъ въ этихъ двухъ языкахъ». Если, напр., великорусское твердое т является съ вокальнымъ призвукомъ ы (т^u), то соответствующее ему малорусское т будетъ съ призвукомъ ы^(u) (т^u^(u)), то есть съ вокальнымъ элементомъ болѣе узкимъ и тоenkимъ, чѣмъ великорусское и. Поэтому

влр. т : млр. т=влр. ы : млр. ы^u.

„Такимъ образомъ—говорить далѣе авторъ—система *твердыхъ* малорусскихъ согласныхъ нѣсколько отлична отъ соответствующихъ великорусскихъ, являясь нѣсколько болѣе средне-язычною.“ Изъ част-

ностей авторъ отмѣтилъ существование въ малорусскомъ яз. твердыхъ и мягкихъ *ж*, *ш* и *ч*¹⁾, въ отличіе должно быть оть великорусскихъ *ж* *ш* и *ч*, въ подавляющемъ большинствѣ говоровъ имѣющихъ только болѣе или менѣе твердое произношеніе.— При этомъ нашъ почтенный изслѣдователь замѣчаетъ, что и твердые *ш* и *ж* не совпадаютъ съ соотвѣтствующими твердыми великорусскими согласными, отличаясь отъ послѣднихъ²⁾ болѣе небнымъ характеромъ своего вокального аккомпанемента, т. е. „они не столь тверды; напр. *шапка*, *мбжэу*“. Къ сожалѣнію, однако, мы не знаемъ, какое отличіе нашелъ бы авторъ между великорусскими и малорусскимъ *ш* и *ж* въ случаяхъ сочетанія ихъ съ *и* а также съ *е*, когда и въ великорусскомъ языке, какъ и въ малорусскомъ, эти согласные признаются въ произношеніи не мягкими, а твердыми²⁾, напр. говорится какъ бы *пиши* (вм. *пиши*), *ножы* (вм. *ножи*), *жыла* (вм. *жила*), а также *шептать* (вм. *щептать*), *мбжэть* (вм. *можеть*) и т. п. Намъ кажется, что въ соотвѣтственныхъ случаяхъ малорусские *ш* и *ж* гораздо тверже великорусскихъ; ср., напр., малорусские *пиши*, *жыла*, *шептать*, *мбжэть* и т. п. Кромѣ сказанного, почтеннымъ ученымъ нашимъ отмѣчена также общезвѣстная характерная черта малорусского консонантизма, что звонкіе согласные сохраняютъ свою звонкость въ концѣ словъ и передъ глухими согласными: *рад*, *мэржека* и т. п. Изъ частностей охарактеризованъ между прочимъ малорусский губной *е*, не переходящій въ *ф*, во въ *и* (ў). Въ случаяхъ, однако, какъ прошѣ, *жбсты*, *Савка-иє, оє, ає* авторъ не считается дифтонгами (т. е. ыў, оў, аў), по Voc.+Cons. По нашимъ наблюденіямъ, въ подобныхъ случаяхъ возможно двоякое произношеніе: *и ѿ, оє, ає* и *ыў, оў, аў*.

Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы нашъ почтенный ученый не ограничился разматриваемымъ этюдомъ, а продолжалъ и далѣе свои интересныя наблюденія и изслѣдованія въ области малорусской фонетики въ данномъ направлениі. Намъ кажется, что надлежащее изученіе антрофоники современной южнорусской рѣчи въ значительной степени способствовало бы уясненію многихъ доселѣ

¹⁾ Напр., въ случаяхъ, каковы *жыты* и *жінка*, *шыты* и *шість*, *цибули* и *цилій* и т. п.

²⁾ См., напр., объ этомъ въ книгѣ нашего автора „Очерки по языку дѣнію и русскому языку“. Казань 1901 г. стр. 87, 88.

непорѣшеныхъ вопросовъ емъ исторической фонетики, въ родѣ, напр., вопроса о переходѣ, очевидно, издревле открытаго неудареннаго *e* въ *a* (*я*) въ началѣ словъ послѣ *j*, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ срединѣ словъ въ слогѣ предъ ударенiemъ и послѣ ударенія, напр.: *жлына* (*елъ*), *Явбка* (*Евдокія*), *Ярьма* (*Еремія*) и т. п., а также чабѣр (*вм. чѣбѣр*), часнык (*вм. чеснїк* или *чоснїк*), щабѣль (*вм. щѣблѣль*) и т. п. и *хваляный* (*вм. хваленый*), *вѣданий* (*вм. вѣденый*), *вѣсеній* (*вм. вѣсній*).¹⁾ и т. п.; затѣмъ вопроса о первоначальныхъ переходахъ во вторичныхъ закрытыхъ слогахъ удлинившихся и очевидно сузившихся при этомъ гласныхъ: долгаго *o* или *oo* въ дифтонги *yo*, *yu*, *uy* и т. д.: *Боог*, *Буог*, *Буыг*—*Богу* (*рѣка Бугъ*); долгаго *e*—*io* въ дифтонги *ie*—*io*, *yo*, *юo*, *юe*, *юi* и т. д.: *зіес*, *ніос*, *ніоос*, *ніос*, *ніос*—*нѣсти*; долгаго *e*—*и²* въ дифтонги *ee*, *ie* и т. д. *шестъ*, *шіестъ*—*шесты*; а также и многихъ другихъ подобнаго рода вопросовъ.

К. Михальчукъ.

3 Мая 1901 г.

**Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т.т. XXXIX,
XL и XLI. Львів, 1901, (I—III томи за 1901 рік).**

Первый изъ упомянутыхъ томовъ посвященъ памяти А. Конисского, послѣдняго изъ основателей Товариства ім. Шевченка, его почетного и дѣйствительнаго члена. Открывается онъ статьей М. Грушевскаго „Память Олександра Кониською“, авторъ которой ярко характеризуетъ значеніе покойнаго въ исторіи украинской культурной жизни, въ особенности—Галиціи, въ то же время даетъ оцѣнку личныхъ качествъ его. Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи покойнаго А. Конисского. Первая—„Недруковані поезії Т. Г. Шевченко“: Подражаніе Іезекилю (глава 19), „Возстань пророче, сыне Божий!“ (номѣч. 6 дек. 1859), N.N. „О думы мои, о слава злая“ и часть поеми „Юродивий“,—послѣдняя написана собственноручно Шевченкомъ,—по пред-

¹⁾) Впрочемъ на появленіе въ послѣднихъ случаяхъ *я* вм. *e* вліяла несомнѣнно также и аналогія однородныхъ формъ, въ родѣ складаный, пысаный, чытаный и т. п.

положенію Конисскаго, въ Нижнемъ Новгородѣ. Что касается стихотворенія №№ „О думы мои, о слава злая!“, то относительно принадлежности его Шевченку можно сомнѣваться,—хотя оно и стоитъ въ тетради между несомнѣнными произведеніями Шевченка...

Вторая статья— „*Варіякти на декотрі Шевченкові твори*“,— окончаніе статьи, подъ тѣмъ же заглавіемъ начатой въ XXXIII томѣ. Въ данномъ случаѣ сообщены разночтенія для 60-ти большихъ и меньшихъ произведеній Шевченка, представляющія цѣлый матеріалъ для будущаго критического изданія „Кобзара“.

Въ томъ же томѣ помѣщена еще обширная статья Ол. Колессы „*Погляд на сучасний стан історичних розслідів українсько руської літератури. Найдавнійший період. Кілька проблем і дезідератів*“, рефератъ, читанный въ литературной секціи съѣзда историковъ въ Краковѣ въ 1900 году.

Коснувшись по порядку всѣхъ произведеній древнерусской письменности съ XI—XIV ст., авторъ приходитъ къ тому выводу, что „литература оригинальна, изъ проблемами высокой поэтичной творчести, изъ закраскою беллетристичною—була въ давнинѣ періоди выдающимъ вытворомъ південнорусскихъ племенъ“,— другой литературы въ то время на Руси не было. Поэтому-то и „общность“ этой литературы на Руси заключалась въ томъ, что съверная Русь, не имѣя въ то время собственной литературы, переписывала и передѣльвала произведенія южно-русскія и вообще использовала ихъ настолько, насколько позволяли состояніе ея образованности и духовныя нужды отдельныхъ областей.

Въ томѣ XL помѣщены три статьи: небольшая статейка Доманицкаго „*Причинок до історії поєвтання Наливайка*“, содержащая вновь открытый документъ, свидѣтельствующій о близкихъ сношеніяхъ Наливайка съ Галицкимъ подчашимъ Тарановскимъ и отчасти объ отношеніи къ Калиновскому; статейка Юрія Кміты „*1848 рік і Львівська руська духовна семінарія*“, составленная на основаніи корреспонденцій ректора и митрополичьей консисторії по дѣлу о событияхъ 1848 года и участіи въ нихъ, теоретически и практически, пивтомцевъ семинаріи,—между прочимъ и извѣстнаго Наумовича, и ваконецъ обширное изслѣдованіе Івана Верхратскаго, „*Знадоби для пізнання угорскорусскихъ творів: Говори з наголосомъ сталим* (говоръ западноугорскихъ Лемакицъ). Матеріалъ собранъ авторомъ въ 1897 и 1899 году въ 36 пунктахъ западной Угорщины и расположено имъ

въ статьѣ такъ, что даетъ возможность прослѣдить всѣ грамматическія особенности (въ данной части статьи). Статья г. Верхратскаго, какъ и предыдущія его статья (въ Запискахъ же), представляютъ въ высшей степени цѣнныій и интересныій для лингвистовъ матеріалъ.

Въ послѣднемъ (XL) томѣ помѣщено два солидныхъ изслѣдованія. Первое принадлежитъ М. Грушевскому и носить заглавіе „Хронологія подїй Галицько-волинської лѣтописи.“ Авторъ задался благодарной цѣлью составить, на основаніи материала, собранного при изученіи Галицко-волынской лѣтописи, пособіе, облегчающее пользованіе упомянутой лѣтописью. Это пособіе онъ составилъ въ формѣ таблицъ съ комментаріями, въ которыхъ каждая дата обстоятельно обоснована. Собственно, въ началѣ приводятся выводы датъ, а затѣмъ таблица, какъ ихъ результатъ. Въ концѣ статьи приведена хронологическая таблица событий, отмѣченыхъ галицко-волынской лѣтописью. Конечно, при выводѣ датъ не всегда можно было прійти къ окончательному рѣшенію, поэтому авторъ ограничивается приблизительнымъ выводомъ, съ сомнѣніемъ до одного года. Различные степени достовѣрности и несомнѣнности датъ обозначены на таблицѣ различнымъ шрифтомъ и знаками.

Несомнѣнно, данный трудъ почтенаго автора станетъ незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго, кто только будетъ обращаться къ пользованію Галицко-Волынской лѣтописью.

Второе изслѣдованіе, выдающееся въ научномъ отношеніи и принадлежащее д-ру Івану Франку,—носить заглавіе: «Студії на полі Карпато-руською письменності XVII—XVIII в. I. Піп Іван, Поло-вець Іван Смера і відкритї Тибету. Авторъ, углубившись въ далѣкое прошлое, въ мірѣ классической, и затѣмъ постепенно приближаясь къ нашему времени, массою указаний и ссылокъ на произведенія древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ, ссылокъ, свидѣтельствующихъ о глубокихъ познаніяхъ почтенаго автора въ этой области, довѣрь преемственную нить литературныхъ изслѣдованій до XVIII в.—именно къ произведению, открытому въ сѣверной Угорщинѣ въ 1899 г. подъ заглавіемъ: «О Тибетѣ на міжнародномъ свѣтѣ въ Азії, за-падній улти свѣта». Такъ какъ въ этомъ произведеніи, составленномъ туземцемъ—русиномъ, замѣтны книжныя вліянія, благодаря чему въ немъ фигурируетъ Понѣ Іванъ (средневѣковый царь Индійскій), авторъ въ особенности подробно останавливается на тѣхъ

літературнихъ произведеніахъ, гдѣ упоминается объ этомъ Попѣ, и слѣдить за путами распространенія въ Европѣ этого мотива.

Изслѣдованія уважаемаго автора, по поводу малозначительнаго, повидимому, литературнаго памятника, открывающе читателю необычайно широкіе горизонты, заслуживаетъ особаго вниманія не только специалистовъ-историковъ литературы, но и всякаго, желающаго почерпнуть новыя интересныя свѣдѣнія въ области исторіи литературы.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» помѣщены 1) «Вірша еп. Й. Шумланського про надї 1683—1686 рр.» —по поводу побѣды Яна Собѣскаго подъ Вѣной. Часть этой вирши помѣщена въ II. т. Величка (стр. 536); въ полномъ же видѣ она оказывается у Źegota Pauli, т. I, стр. 148—154. 2) «Сотворение жінки» (пародія)—о созданіи «жінки» изъ сабачьаго хвоста. 3) „З минувшини м. Мостискѣ“ —документъ короля Яна III—фундштъ на церковь въ Мостискахъ 4) „Нові причинки до історії вірші на Вкраїні—двої пѣсни XVIII ст.: Розмова Мазура зъ Русиномъ и Щеснъ о св. Михайлѣ“; 5) «Вірша про Каньовскаго», записанная въ Радзивилловѣ Ольгой Франко, приближается по темѣ къ разсказу А. Стороженка «Голка». 6) „Пятомець-агітаторъ“ —протоколъ, составленный въ 1849 г. по поводу обвиненія воспитанника Семинаріи Ивана Липового въ томъ, что онъ агітировалъ среди крестьянъ за то, чтобы послѣдніе не отбывали барщины, т. к. она уже уничтожена. Судъ, въ виду недостаточности уликъ, оправдалъ Липового. Въ отдѣлѣ „Наукова Хроніка“ по обыкновенію въ высшей степени богатый материалъ: обзоръ журналовъ, газетъ,—обзоръ западно-европейской литературы по культурной и политической исторіи, исторіи литературы и науки за 1899 г. (среднє и новые вѣка).

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы:

- 1) Русскій Архивъ, № 6 и 7; 2) Русская Старина, № 6 и 7; 3) Исторический Вѣстникъ, № 6 и 7; 4) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, № 6 и 7; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6; Вѣстникъ Евроы, № 6; 7) Русская Мысль, № 6; 8) Научное Обозрѣніе, № 6; 9) Міръ Божій, № 6 и 7; 10) Кіевскія Универсптетскія Извѣстія,

№ 5; 11) Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 3 и 4; 12) Труды Киевской Духовной Академіи, № 5 и 6; 13) Этнографическое Обозрѣвіе, № 2; 14) Книжки Восхода, № 5; 15) Ateneum, № 6; 16) Slovansky Přehled, № 9 и 10; 17) Przewodnik naukowy i literacki, № 6;

Русский Архивъ, № 6 и 7.

Кѣ исторіи театра въ Юго-Зап. краѣ.

1) Черниговскія афиши 1828 г. (перепечатка изъ «Сѣверной Пчелы» 1828 г. афиши любительской русской труппы Клокоцкаго) № 6, стр. 244—245).

2) Харьковскій театръ 20-хъ годовъ XIX ст. (выписка изъ «Дамскаго журнала»). Описаніе тамошняго театра въ то время (№ 6, стр. 244—245).

C. Кедровъ. *Древне-русскія братства.* Литература предмета.—Идея братства.—Славяно-германскія братчина.—Вліяніе христіанства.—Западно-европейскія гильдіи.—Отличие отъ нихъ русскихъ братствъ.—Древне-русскій приходъ.—Его вліяніе на воспитаніе личности.—Развитіе западно-русскихъ братствъ.—Ихъ устройство.—Средства религіозно-нравственнаго воспитанія.—Юношескія братства.—Живые примѣры вліянія братскихъ союзовъ.—(№ 7, стр. 305—336).

Русская Старина, № 6 и 7.

Въ № 6-мъ A. Мѣрдеръ помѣстилъ двѣ маленькия замѣтки. Одна изъ нихъ сообщаетъ фактъ о томъ, какъ въ 1864 году генералъ-губернаторъ юго-западнаго края сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мировые посредники, подъ опасеніемъ удаленія со службы, не являлись къ исполненію обязанностей въ неприсвоеной званію одеждѣ, которому, какъ стало ему извѣстно, состояла изъ красной рубахи, широкихъ шароваръ, длинныхъ сапогъ, а сверхъ рубахи что-то въ родѣ армяка или малороссійской свитки. Объ образѣ мыслей и направленіи подобныхъ чиновниковъ приказано было соблюдать негласно свѣдѣнія. Другая замѣтка относится въ 1843 году, когда въ Чигиринскомъ уѣздѣ благочинный доносилъ митрополиту о томъ, что въ м. Медвѣдовѣ, вопреки распоряженію начальства, продолжаетъ существовать «жидонское кладбище между домами жителей христіанъ», и что «тамошніе евреи продолжаютъ на означенномъ кладбищѣ возобновлять гробы, ставить новые кумиры и отиравлять предъ ними свои молитвы» (стр. 496).

Въ этой же книжкѣ пачечатано высочайшее повелѣніе 1817 года о томъ, что въ виду тягостнаго положенія малороссійскихъ козаковъ, поселенныхъ на границѣ Донскаго войска съ Кавказской губерніей, позволяетъ изъ всѣхъ станицъ войска донскаго отдать 300 семействъ и приселить ихъ къ малороссійскимъ козакамъ, чтобы они могли совмѣстно отправлять повинности (стр. 641).

A. Мердеръ. Къ заботамъ администраціи Юго-Западнаю краю о помѣщичьихъ крестьянахъ. (№ 7, стр. 110).

О взысканіи съ помѣщиковъ за наказанія крестьянъ—приказъ генер.-губернатора губернатарамъ 16 ноября 1846 г.

Изъ архива И. Е. Великогольською. Число 19. К. Л. Лохвицкій—А. Х. Чеботареву (19 янв. 1830 г. Киевъ).

Біографическая данная о дилетантѣ—археологѣ Лохвицкомъ, открывшемъ въ 1824 г. въ Киевѣ Золотыя ворота, остатки Десятинной церкви и проч. (№ 7, стр. 175—178).

Історический Вѣстникъ, № 6 и 7.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» дается коротенькое сообщеніе о диспутѣ Д. И. Эвариницкаго въ Казанскомъ университѣтѣ, въ который имъ была представлена диссертациѣ на степень магистра русской исторіи подъ заглавиемъ „Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. 1-й, 2-е изд. М. 1900“. Въ сообщеніи этомъ указана кратко сущность возраженій, сделанныхъ оппонентами (№ 6, стр. 1212).

К. Кодинецъ. Одна изъ кавказскихъ драмъ (№ 7 стр. 76—103).

Рассказывается о драмѣ въ семьѣ бывшаго запорожца Хоменка, павшаго въ первой половинѣ XIX ст. въ борьбѣ съ черкесами.

И. Павловскій. Историческая могила (№ 7 стр. 267—269). Описаніе могилы—кургана, съ крестомъ на ней, близъ с. Пришиба, Полтавской губ., въ которой, будто бы, похоронены воины, павшие 30 июня 1709 г. Крестъ сооруженъ крестьянами с. Келеберды.

Въ отдѣлѣ «Кроптика въ бібліографії» (стр. 314—316) данъ отзывъ о книжкѣ проф. П. Жуковича «Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной унієй (до 1609 года). Сиб. 1901».

Въ отдѣлѣ «Некрологи» (№ 7, стр. 377) помѣщенъ некрологъ Л. Н. Омелянского, педагога и писателя, уроженца Волынской и воспитанника Киевской губерніи.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 6.

Въ отдѣлѣ «Критика и Бібліографія» помѣщенъ отзывъ *А. Соболевскаго* о книгѣ *В. Перетца* «Историко-литературныя изслѣдованія и материалы. Т. I и въ 2-хъ частяхъ». СПБ. 1900 г., въ которой очень много места уделено малорусской виршевой и народной поэзіи (стр. 517—524).

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

М. Б. Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Янеллонахъ (продолженіе: стр. 367—411). Въ настоящей, 4-ой, главѣ рассматривается рядъ явлений финансовой истории Литовско-Русского государства, при чёмъ на первой очереи стоитъ вопросъ о *косвенныхъ налогахъ*, которые къ половинѣ 16 вѣка стали усиленно повышаться. Опредѣливъ вначалѣ общую тенденцію въ этомъ отношеніи, авторъ затѣмъ рассматриваетъ данные о внутреннихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинахъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 5 и 6

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799). (Продолженіе) (№ 6, стр. 211—243). Въ настоящей 4-ой, главѣ идетъ рѣчь о томъ, какъ съ юдареніемъ Павла Петровича успѣла пропаганда униатскаго и католического вѣроученія, а въ связи съ этимъ начались притѣсненія православнаго духовенства со стороны польскихъ помѣщиковъ въ южной и западной Руси. Указано также, какія мѣры принималъ митр. Іероѳей противъ этихъ притѣсненій.

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

Русскіе буры (стр. 165). Перепечатка изъ «L'indépendance belge» за 1901 г. о русскихъ бурахъ въ Ковельскомъ уѣздѣ, Волынской губ. и пограничномъ съ нимъ Брестъ-Литовскомъ, Гродненской губ.

Книжки Восхода № 5 и 6.

И. Бродовскій «Еврейская нищета въ Одессѣ». (№ 5-й, стр. 42—70; № 6-й, стр. 73—94). Въ этой интересной статьѣ авторъ знакомить насъ съ бѣдственнымъ положеніемъ неимущаго еврейского

населенія въ Одесѣ, котораго насчитывается до 50 тысячъ (изъ 150 тысячъ всѣхъ евреевъ, живущихъ въ этомъ городѣ). Матеріалы для статьи заимствованы изъ дачныхъ, имѣющихихся въ комиссії по раздачѣ пособій бѣднымъ евреямъ въ Одесѣ. Комиссія эта состоять изъ нѣсколькихъ почетныхъ еврейскихъ гражданъ, избираемыхъ городскимъ общественнымъ управлениемъ, и 20 лицъ привлекаемыхъ комиссией въ качествѣ сборщиковъ пожертвованій, а также изъ нѣсколькихъ десятковъ еврейской учащейся молодежи, являющихся сотрудниками по сбору пожертвованій и раздачѣ пособій бѣднякамъ. Осмотръ помѣщеній и регистраціоне нищеты этой комиссией и составили матеріалъ для данной статьи г. Бродовскаго.

Ateneum, № 6.

Въ этой, не въ примѣръ прочимъ, очень объемистой книжкѣ Ateneum'a, заканчивающаго свое служеніе литературѣ, помѣщена статья *A. Брикнера «Z dziejów literatury i oswiaty w Rossyi»* (стр. 911—951). Статья написана по поводу извѣстнаго труда А. Пышина «Исторія Русской литературы, въ 4-хъ томахъ». Давши въ началѣ хвалебную характеристику всѣхъ трудовъ и личности нашего почтеннаго ученаго, авторъ статьи дѣлаетъ послѣдовательный обзоръ всего характернаго въ жизни и литературѣ русскаго народа, начиная отъ древнѣйшихъ временъ, при чмъ останавливается, конечно, въ фактахъ культурной жизни Южной Руси.

Slovanský Přehled, № 9 и 10.

Сообщеніе о юбилеѣ А. М. Кулишѣ (№ 9, стр. 442).

Въ отдѣлѣ «Umění věda» (№ 10) (стр. 503) данъ отзывъ объ изданіи «Гуцульщина. Написав проф. Володимир Шукевич. Ічершій том, Львів, 1900».

Przewodnik naukowy i literacki, № 6.

Dionisy Zalesky. Korespondencya Bohdana Zaleskiego (стр. 466—467). Въ письмѣ отъ 19 февр. 1859 г. Францишку Духинскому упоминается о встрѣчѣ 25 лѣтъ тому назадъ, Залесского, Мицкевича и Гоголя. Разсуждали о финскомъ элементѣ въ этнографическомъ типѣ великого росса. Гоголь по этому поводу написалъ и прочелъ имъ статью, въ которой, путемъ сопоставленія пѣсенъ чешскихъ, серб-

свихъ, украинскихъ съ великорусскими, доказывалъ бывающую въ глаза разницу духа, обычаевъ и характера великороссовъ и другихъ вѣтвей славянского племени.

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ „Русскомъ Богатствѣ“ помѣщена статья г-жи Русовой по вопросу о народномъ языѣ въ школѣ.

Занимствуемъ эту статью въ извлечении изъ „С.-Пет. Вѣд.“: Многія земскія работы, монографіи и доклады давно указывали на печальные недоразумѣнія, возникающія постоянно въ народныхъ школахъ Малороссіи отъ непониманія первыхъ словъ въ первой книжкѣ для чтенія. Такъ, учителя Полтавской губерніи прямо заявляютъ о трудности усвоенія для учащихся малороссовъ литературнаго русскаго языка; даже для окончившихъ совершенно недоступно чтеніе великорусскихъ писателей. Тоже самое говорятъ учителя Черниговской губерніи. Въ разное время южно-русскія земства возбуждали ходатайства о допущеніи въ мѣстную народную школу мѣстнаго народнаго языка п учебниковъ, лучше привыкленныхъ къ мѣстной жизни и обстановкѣ. Объ этомъ послѣднемъ (т. е. объ учебникахъ) постановило ходатайствовать полтавское губернское земское собраніе послѣдней сессіи, въ декабрь 1900 г. Тогда же выступило и черниговское губернское земское собраніе съ докладомъ гл. Шрага о народномъ языѣ для первоначального преподаванія; докладъ этотъ выражаетъ не единоличное мнѣніе одного гласнаго; онъ повторяетъ заключенія школьнай комиссіи, работавшей надъ этимъ же вопросомъ при черниговскомъ губернскомъ земствѣ еще въ 1881 г.; эти заключенія, указывая многія слабыя стороны тогдашней школы, развиваются именно ту совершенно правильную мысль, что для пользы народнаго просвѣщенія необходимо, чтобы „при организаціи школъ были пріяты во вниманіе какъ этнографическія особенности населенія, при решеніи вопроса, на какомъ языѣ должно вестись преподаваніе, такъ и особенности мѣстнаго быта и природы, при составленіи материала для учебныхъ книгъ“; при этомъ комиссія высказалаась, что обученіе на такомъ языѣ, „который не

употребляется въ семье учащихся и не всегда въ подробностяхъ имъ понятенъ, приводить къ затрудненіямъ чисто учебнаго свойства, устанавливаетъ позывной разладъ между семьей и школой и увеличиваетъ въ мѣстности тотъ вредъ полуобразованія, который отражается на вскокъ, ето, принявъ чуждый семье и обыкновенной обстановкѣ формы, не наполнять ихъ новымъ содержаніемъ. Устранить этотъ недостатокъ можно только тѣмъ, по мнѣнію комиссіи, чтобы поставить литературный языкъ не какъ средство, а какъ цѣль элеметарнаго образованія, такимъ образомъ, чтобы ученики, начиня обученіе на понятномъ во всѣхъ оттѣнкахъ языке, постепенно и сознательно доводились до разумнаго знанія языка литературы и государства". Гл. Шрагъ сводитъ свои пожеланія къ тремъ пунктамъ: 1) ходатайствовать о допущеніи мѣстнаго народнаго языка въ школьнное преподаваніе Черниговской губ.; 2) о разрѣшенніи изданія учебниковъ и книгъ на народномъ языке и 3) о допущеніи такихъ книгъ въ школьныя библіотеки. Собрание большинствомъ голосовъ поставило представить таковое ходатайство въ установленномъ порядке.

Цитируя эту статью „С.-Пет. Вѣд.“ говорять: Дѣйствительно, глубоко страннымъ представляется положеніе дѣла, при которомъ къ малороссамъ не допускается даже Евангеліе на ихъ родномъ языке, не допускаются популярныя брошюры по сельскому хозяйству, медицине, ветеринарии, чѣмъ населеніе лишается могучаго средства — науки для поднятія своего съ каждымъ годомъ падающаго благосостоянія. По этой же причинѣ изданія харьковскаго издательского комитета почти не распространяются въ соседнихъ малорусскихъ губерніяхъ, а идутъ въ Москву, Петербургъ, Саратовъ и другія отдаленные мѣстности.

Въ № 157 „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ помѣщена общирная статья г. Воскресенскаго, посвященная разбору пьесы И. К. Карченка-Карого „Сава Чалый“. По мнѣнію автора, трагедія эта „отличается такимъ богатствомъ содержанія, глубиною и общечеловѣчностью его, что становится общимъ достояніемъ всеевропейской литературы, можетъ быть съ успѣхомъ переводима на всѣ языки, равно понятна для всѣхъ національностей, а потому и подлежать сужденію съ обще-литературной точки зреянія“.

Въ № 10 журнала для дѣтей «Юный читатель» помѣщена статья Э. Паменовой «Малороссія и Малороссы» (Очерки родного края), въ которой сообщаются юнымъ читателямъ самыи общія, и нерѣдко наивныи, свѣдѣнія о Малороссіи и ея представителяхъ въ настоящемъ и прошедшемъ. Здѣсь встрѣчаются строки, изображающія малоросса поэтическимъ народомъ, который «любить полежать на зеленой травѣ, подъ вишневымъ или грушевымъ деревомъ, и слѣдить задумчивыми взорами за тѣмъ, какъ вздымается тоненькая струйка дыма изъ трубы его хатки и теряется въ прозрачномъ воздухѣ, или какъ плынутъ бѣлыя облачки по синему небу». Можно узнать, что малороссъ лѣнивъ, да и не удивительно: «ибо все ему достается безъ особаго труда» (!); «опъ живетъ и теперь большою частію такъ, какъ жили его прадѣды; потребности его ве велики и хозяйство свое онъ ведеть такиы же первобытныи путемъ, какъ вели его праотцы»... Самое населеніе Україны въ прошлыхъ времена, «состояло большою частью изъ беззокойныхъ бѣглыхъ людей, спасавшихся въ степяхъ Україны отъ гнета и преслѣдованія» (откуда?). Затѣмъ говорится о Сѣчи, гдѣ также собирались бѣглые и недовольные люди... «Огромные огороды, которые въ Малороссіи называются «баштанами», засаживаются превосходными дынями и арбузами» ... Къ статьѣ приложено нѣсколько портретовъ: «Малороссіянка» (дивчина), «Малороссъ» (фигура Московскаго купца въ кафтанѣ, съ длинной волнистой бородой и трубкой съ невѣроятно длиннымъ чубукомъ), «Слѣпой Кобзарь» (съ картины Андріолли), Кобзарь передъ малороссійской хатой,— и наконецъ «Чумакъ на привалѣ» — что-то слишкомъ сентиментально-видиллическое, но никакъ не рисунокъ, похожій на дѣйствительность; вмѣсто чумакаго воза, корыто на четырехъ колесахъ.

Въ № 9093 газ. «Новое Время» помѣщена корреспонденція нѣкоего А. Алексѣева „Варшава—Кievъ“. Изобличивъ какъ въ томъ, такъ и другомъ городахъ еврейско-польскую интригу, акторъ переходить затѣмъ и къ «украинофильству»: «сuspѣшности вносплеменного натиска на Юго-Западный край, эту колыбель русской земли, и въ частности на Kievъ съ его лавромъ, Аскольдовой могилой, гробницами древне-русскихъ князей, многое помогаетъ расколъ среди русскихъ, вызываемый увлечениемъ многихъ кievлянъ украинофильскими мечтами. «Батько Шевченко» не долюбливалъ «жига» и „ляха“, но ны-

нѣшніе украинофилы, главнымъ центромъ которыхъ является львовское „товарищество“ имени Шевченка, выставивъ его въ на_дсвоемъ знамени, соединились съ «жидомъ» и съ «ляхомъ» противъ «москаля». Во многихъ кіевскихъ интеллигентныхъ семействахъ теперь вошло въ моду говорить по-малорусски. А народъ? Я прислушивался къ народной рѣчи въ Киевѣ. Бабы изъ деревень, правда, говорятъ преимущественно по-малорусски, но мужчины почти исключительно на обще-русскомъ языкѣ, часто совсѣмъ безъ примѣса малорусскихъ словъ>.

Всавія бывають корреспонденції!

Въ №№ 159—162 „Gazeta Lwowska“ помѣщена статья Мих. Ролле „Pośmiertne peregrynatysie pani Wojewodziny Kijowskiej“. На основаніи монастырскихъ документовъ Кристинополя, Тульчина и др. монастырей авторъ сообщаетъ интересный разсказъ о явленіяхъ души Анны Потоцкой, второй жены Францашка Салезія Потоцкаго, воеводы Киевскаго (матери Станислава Щенснаго—Потоцкаго).

Въ № 196 газ. „Kurjer Lwowska“ помѣщена статья подъ заглавиемъ „Русинскій університетъ во Львовѣ“, авторъ которой вполнѣ сочувствуетъ ідеѣ основанія во Львовѣ отдѣльного университета для русиновъ. „Русинскій університетъ во Львовѣ не грозить нашему (польскому) національному развитію, польской культурѣ... Въ интересахъ культурного развитія не только русиновъ, но и поляковъ, мы желаемъ русинскихъ культурныхъ институтій рядомъ съ таковыми же польскими“.

Въ № 170 и 172 «Харьковск. Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщенъ разборъ пьесъ П. К. Тобилевича (Карпенка-Караго): «Хазяинъ» и „Мартынъ Борула“.

Въ газ. «Югъ» (№ 955) помѣщенъ коротенький отзывъ о двухъ брошюрахъ, изданныхъ „Петербургск. благотворит. обществ. изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ для народа“—O. Конисьский «Оповідання про Тараса Шевченка» и Серій Вацановъ «Розмова про сухоты на рогатій худобі». Похваливъ обѣ эти брошюры, рецензентъ останавливается далѣе на характеристицѣ дѣятельности названного общества.

Въ галицк. газетѣ «Дѣло» (№ 128 и 129) помѣщена маленькая статейка съ историческими справками о селѣ Наквашѣ, находящемся вблизи русско-австрійской границы. Преданія объ этомъ селѣ восходять чуть-ли не ко времени Владимира Святого.

Въ «Полтав. Губерн. Вѣдом.» (№ 141) помѣщена большая замѣтка Л. Шадалки подъ заглавиемъ «Древній городокъ близъ м. Старыхъ-Сенжаръ, Полтав. уѣзда». Подробно описана авторомъ вся эта мѣстность, называемая народомъ „Левадки“, въ самый «городокъ».

Археологическая лѣтопись.

На археологическому съезду въ Харьковѣ.

Отъ предварительнаю комитета по устройству ХП археологическою съезда въ Харьковѣ. Успѣхъ предстоящаго археологического съезда въ Харьковѣ въ значительной степени обусловливается живымъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ къ нему населенія Харьковской губерніи, ибо нѣть такого уголка въ нашемъ краѣ, где бы не оказалось предметовъ, входящихъ въ общирную программу съезда. Въ самомъ дѣлѣ: нѣть такого селенія, где бы не нашлось вургановъ, или памятниковъ церковной старины, или, наконецъ, предметовъ этнографическихъ, т. е. современного народнаго быта; разсѣяны также во многихъ мѣстахъ городища и городки, земляные валы и укрѣпленія; попадаются монетные клады и стоянки каменнаго вѣка—послѣднія на сыпучихъ пескахъ или по мѣстному кучугурахъ, откуда вѣтеръ выдуваетъ кремневыя стрѣлки, черепки глиняной посуды и т. п.; у многихъ хранятся случайно добытые предметы старины—древнія орудія, портреты, письменные документы, старопечатныя книги, списки литературныхъ произведеній, монеты, костюмы, утварь, украшенія. Предварительный комитетъ разославъ свои вопросные пункты всѣмъ сельскимъ священникамъ, народнымъ учителямъ, отчасти волостнымъ правленіямъ, но получилъ отвѣты далеко не отъ всѣхъ. Желательно, чтобы присылка этихъ отвѣтовъ была по возможности ускорена. Но, кроме сельскихъ священниковъ и народныхъ учителей, остается

еще масса лицъ, которые могутъ принести пользу будущему съѣзду своимъ содѣйствіемъ предварительному комитету. Содѣйствіе это можетъ быть самое разнообразное, и о немъ легко составить себѣ надлежащее понятіе, познакомившись съ программами комитета. Программы эти будутъ бесплатно высланы всѣмъ, изъявившимъ желаніе ихъ получить и приславшимъ свои адресы. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ по-желаній.

1) Настоящимъ лѣтомъ комитетъ организовалъ нѣсколько экскурсій для раскопокъ: Д. И. Багалій, А. М. Покровскій и Е. П. Трефильевъ производили раскопку могильныхъ камеръ у сел. Верхняго Салтова, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи и открыли любопытный погребальный ритуалъ въ пещерахъ безъ кургановъ и много бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ при похороненныхъ тамъ костякахъ; раскопки будетъ продолжать А. М. Покровскій при содѣйствіи и на средства одной мѣстной землевладѣлицы. В. А. Городцовъ командированъ въ Изюмскій уѣздъ и изслѣдуется все теченіе Донца въ предѣлахъ этого уѣзда. Онъ уже раскопалъ нѣсколько кургановъ подлѣ Славянска, открылъ курганы погребенія кочевниковъ и отправилъ въ Харьковъ цѣлый ладьеобразный гробъ съ погребеннымъ въ немъ воиномъ; онъ будетъ въ теченіе всего лѣта раскапывать группы кургановъ, курганы съ каменными бабами, отдѣльные могилы, также изслѣдовать стоянки каменнаго вѣка. А. М. Покровскій, по окончаніи Верхне-Салтовскихъ раскопокъ, будетъ производить раскопки далѣе на сѣверъ по Донцу въ Зміевскомъ уѣзду (въ томъ числѣ и кургановъ съ каменными бабами), а Е. П. Трефильевъ будетъ дѣлать тоже самое въ предѣлахъ Купянскаго уѣзда. Такъ какъ настоящее лѣто имѣть рѣшающее значеніе для раскопокъ (въ слѣдующее уже состоится съѣздъ), то желательно было бы, чтобы теперь же комитету сдѣланы были указанія о мѣстахъ, гдѣ интересно произвести раскопки, въ особенности по отношенію къ тѣмъ районамъ, куда направляются экскурсанты по указанію комитета; послѣдній, съ своей стороны, можетъ также командировать своихъ членовъ для производства раскопокъ на счетъ тѣхъ лицъ, которыхъ этого пожелають. (Комитетъ получилъ отъ Император-

ской археологической комиссии право производить раскопки на земляхъ казенныхъ и общественныхъ).

2) Такъ какъ съ осени придется уже приступить къ организации выставокъ при съѣзда по древностямъ первобытнымъ, историческимъ, церковнымъ, этнографическимъ, памятникамъ письменности и старопечатнымъ книгамъ, то комитетъ покорнѣйше просить всѣхъ лицъ, имѣющихъ подобные предметы, высылать ихъ теперь же казенными посылками черезъ волостныя и полицейскія управлениія и земскихъ начальниковъ и исправниковъ въ Харьковъ, въ университетъ, въ предварительный комитетъ по устройству XII археологического съѣзда. Просить не стѣсняться присылкой единичныхъ экземпляровъ, но только сопровождать ихъ объясненіями о мѣстѣ и обстоятельствахъ находки. Комитету могутъ быть дѣлаемы и предложения о покупкѣ отдельныхъ предметовъ и цѣлыхъ коллекцій. Всякая пожертвованная вещь будетъ принята съ благодарностью и поступить на вѣчныя времена, смотря по ея характеру, или въ университетскій музей, или въ нумизматической кабинетъ, или въ исторический архивъ, или въ мѣстный этнографический музей (при университетѣ).

3) Въ Харьковской губерніи имѣется теперь еще нѣсколько десятковъ каменныхъ бабъ. Между тѣмъ, прежде было ихъ значительно больше. Изъ этого видно, что эти важные памятники старины погибаютъ. Въ виду этого, необходимо было бы свезти ихъ въ центральный пунктъ губерніи—г. Харьковъ и тамъ сохранить на вѣчныя времена. Поэтому комитетъ покорнѣйше проситъ частныхъ лицъ, владѣющихъ этими памятниками, пожертвовать ихъ предварительному комитету, который расходы по доставкѣ ихъ въ Харьковъ, послѣ предварительныхъ сношеній, возьметъ на себя.

4) Особое мѣсто на выставкѣ займутъ предметы этнографические. Здѣсь содѣйствіе общества еще болѣе необходимо. Средства, которыми располагаетъ комитетъ на пріобрѣтеніе этнографическихъ коллекцій, весьма скучны, и ограничиться предметами, которые могутъ быть пріобрѣтены на нихъ, невозможно. Да и самыи розыскъ болѣе интересныхъ предметовъ безъ указаній мѣстныхъ жителей затруднителенъ. Поэтому комитетъ, во 1-хъ, просить оказать всяческое содѣйствіе отправ-

леннымъ имъ экскурсантамъ: проф. А. Н. Краснову (въ Харьковскій уѣздѣ), проф. Н. Ф. Сумцову (въ Ахтырскій уѣздѣ), пр.-доц. А. М. Покровскому (въ Волчанскій и Зміевскій уѣздахъ) и Б. С. Познанскому (въ Старобѣльскій уѣздѣ). Во 2-хъ, присыпать всѣ предметы современаго крестьянскаго быта и обстановки, въ особенности вышедшия или выходящіе нынѣ изъ моды и употребленія, на выставку при съѣздѣ. Въ 3-хъ, наконецъ, помочь комитету присыпкою рисунковъ и фотографій — видовъ сель, деревень, поселковъ, хуторовъ, слободъ, церквей, отдельныхъ хатъ, куреней, кузницъ, землянокъ, частей дома, дворовъ, рѣзыбы на деревѣ, садковъ, пасекъ, ярмарокъ, свадебъ, мельницъ водяныхъ и вѣтряныхъ, костюмовъ, мужскаго и женскаго, головныхъ уборовъ, вышивокъ, писанокъ, кариваевъ, украшеній, земледѣльческихъ орудій, земледѣльческихъ работъ въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ, сельскихъ ремеслъ; наконецъ, всевозможныхъ типовъ мѣстныхъ жителей, словомъ, всего того, что характеризуетъ народный бытъ.

Предсѣдатель предварительного комитета профессоръ *Дм. Багалай*.

Ученые общества.

Послѣднее засѣданіе *Общества любителей изученія Кубанской области*, состоявшееся въ присутствіи Почетнаго Президента общества Начальника Кубанской области и Наказного Атамана генералъ-лейтенанта Я. Д. Маламы, вѣдъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ по тому живому интересу, который возбудилъ докладъ предсѣдателя общества В. М. Сысоева, подъ заглавиемъ: „Рѣка Кубань“. Докладъ и послѣдовавшій за нимъ обмѣнъ мыслей, по его поводу, имѣли своимъ послѣдствіемъ сдѣланное, по предложенню В. В. Скидана, постановленіе — образовать при обществѣ изъ числа желающихъ членовъ особую секцію, которая занялась бы специальнѣмъ изученіемъ рѣки Кубани во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, начиная отъ физико-географическихъ и кончая соціально-экономическими.

Послѣ перерыва предсѣдатель общества В. М. Сысоевъ доложилъ собранію отчетъ о дѣятельности Кубанскаго отдѣленія предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Изъ этого отчета, между прочимъ, видно, что въ теченіе минувшаго 1900 года членами общества частично исполнено, частью начато 9 работъ, а именно:

1) *Е. Д. Фелицынъ* закончилъ археологичечкую карту Кубанской области.

2) *П. П. Короленко* закончилъ исторический очеркъ происхожденія церковныхъ запорожскихъ древностей, находящихся въ предѣлахъ Кубанской области.

3) *П. П. Короленко* и *В. М. Сысоевъ* подготавлиаютъ подробную опись церковныхъ запорожскимъ древностямъ, находящимся въ екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ и Екатерино-Лебяжской пустыни, а С. И. Борчевскій будетъ снимать фотографіи съ наиболѣе замѣчательныхъ изъ этихъ древностей.

4) *В. М. Сысоевъ* изготавливаетъ первую часть подробнаго описанія „Археологическая достопримѣчательности Кубанской области и Черноморской губерніи“ (о долмѣнахъ).

5) *В. М. Сысоевъ* изготавливаетъ первую часть своей работы „Сводъ историческихъ данныхъ о Тмутараканскомъ княжествѣ“.

6) *П. П. Короленко* обрабатываетъ данные объ архивахъ Кубанской области.

7) Программы Харьковскаго подготовительнаго комитета были отпечатаны въ „Куб. Обл. Вѣд.“

8) *Н. М. Могилевцевъ* обрабатываетъ свой трудъ „Описание войсковыхъ регалій Кубанскаго казачьяго войска“.

9) *А. И. Дьячковъ-Тарасовъ* — Сентинскій храмъ и его фрески.

Въ текущемъ году членами общества В. М. Сысоевымъ, С. И. Борчевскимъ, Е. Д. Фелицынымъ, В. М. Шамраемъ, М. О. Поночевнымъ, С. Ф. Мельниковымъ-Разведенковымъ и др. предположено выполнить еще 14 работъ какъ кабинетнаго, такъ и практическаго характера; къ числу послѣднихъ относятся:

1) Составленіе альбома казачьихъ типовъ, построекъ и т. п.

2) Обслѣдованіе наиболѣе замѣчательныхъ церквей области, въ которыхъ могутъ еще быть запорожскія древности.

- 3) Собрание старинныхъ картъ Кубанской области.
- 4) Устройство подготовительной археолого - этнографической выставки.
- 5) Пространство раскопокъ кургановъ и изслѣдованіе дольменовъ въ разныхъ мѣстностяхъ области и др.

Въ закрытомъ засѣданіи послѣ выборовъ новыхъ членовъ (проф. Д. И. Эварницкаго, И. З. Садило, Н. М. Могилевцева, М. Я. Скворцова, М. Г. Косовича) предсѣдатель общества В. М. Сысоевъ доложилъ о состоявшемся ассигнованіи областнымъ правлениемъ субсидіи обществу въ количествѣ 500 р. на предметъ организаціи участія общества въ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Собрание, по предложенію предсѣдателя, постановило изъ этихъ денегъ 400 р. ассигновать на расходы по изслѣдованію области въ такихъ отношеніяхъ, какія предположено представить на съѣздѣ (изготовленіе фотографій, поездки и т. п.) „Куб. Вѣд.“.

Изслѣдованія и раскопки.

Пещерный могильникъ у слободы Верхній Салтовъ, Волчанскаго у. Харьковск. губ. Открытиемъ своимъ могильникъ обязалъ народному учителю сл. Верхній Салтовъ В. А. Бабенко. Интересуясь вообще мѣстными древностями, В. А. Бабенко обратилъ вниманіе на находимые крестьянами въ оврагахъ различные предметы; ограничиваясь сначала скопкой ихъ, В. А. Бабенко впослѣдствіи прослѣдилъ и источники откуда они происходятъ. Это оказались очень интересныя пещерныя могилы, если не ошибаемся впервые обнаруженныя въ Слободской Украинѣ и даже вообще на югѣ Россіи. В. А. Бабенко помѣстилъ въ „Харьковск. Вѣдомостяхъ“ (№ 128) небольшую замѣтку объ этомъ могильникѣ, кромѣ того, на мѣстѣ могильника текущимъ лѣтомъ были произведены пробныя раскопки А. М. Покровскимъ, Д. И. Багалѣемъ и Е. П. Трефильевымъ. На основаніи замѣтки В. А. Бабенко и свѣдѣній о раскопкахъ, любезно присланныхъ А. М. Покровскимъ, мы ниже и сообщаемъ то, что до сихъ поръ известно о могильнике. Онъ расположенъ въ

гористыхъ урочищахъ „Нетечій“ и „Замуловка“; благодаря оврагамъ, ежегодно прорѣзываляемъ водой, можно было констатировать ходы, ведущіе къ могиламъ, на поверхности же, надъ могилами, никакихъ внѣшнихъ признаковъ, указывающихъ на присутствіе послѣднихъ, не находится. Ходы эти отличались отъ материка тѣмъ, что земля въ нихъ была рушеная и рыхлая, съ примѣсью чернозема, расположеннаго въ глинѣ гнѣздами; тутъ-же иногда встрѣчался уголь и даже древнія вещицы. По очисткѣ этой наносной земли, открывались узкія траншеи, 50—60 стм. шириной, шедшія вглубь иногда на 5—6 метровъ и затѣмъ упиравшіяся въ нетронутую землю. Здѣсь, на глубинѣ 4—5 метр. отъ поверхности, находились отверстія въ погребальныя камеры; отверстія въ общемъ небольшія, такъ что въ нихъ иногда приходится проползать; нерѣдко отверстіе бываетъ закрыто большимъ камнемъ. Камеры первоначально не засыпались землей; еще и теперь есть такія, гдѣ слой земли, покрывающей ихъ дно, равенъ всего 10—20 стм.; но по большей части вся внутренность камеры наполнена землей,—обрушившейся съ потолка или напесенной водой. Камеры—почти квадратной формы, въ среднемъ около двухъ метровъ длины и ширины, высотой также до двухъ метр., но чаще 1 м. 50 стм.; потолокъ образованъ или однимъ полуцилиндрическимъ сводомъ, или четырьмя, сходящимися посерединѣ. Выкапывались камеры, какъ обѣ этомъ можно судить по слѣдамъ, оставшимся на стѣнкахъ, небольшими орудіями—или топорами, или чѣмъ-то вродѣ совочекъ. Стѣны и потолокъ камеръ выбѣливались. Оріентированы камеры на востокъ, съ отклоненіями къ сѣверу и югу. Посрединѣ камеры, прямо на полу, лежали трупы перпендикулярно ко входу; обычное число скелетовъ—три. Средній, обыкновенно мужской,—на спинѣ, съ распростертymi руками и вытянутыми ногами, два боковые—или женскіе, или женскій и дѣтскій, лежать въ разныхъ положеніяхъ; кромѣ того, можно наблюдать также очень интересное положеніе скелетовъ: два, а то и всѣ три, лежать, взявшись за руки. Скелеты бываютъ окружены углемъ; въ головахъ средняго изъ нихъ стоитъ сосудъ съ узкимъ горлышкомъ и широкимъ дномъ, покрытый примитивнымъ орнаментомъ; въ сосудахъ зачастую встрѣчаются мѣдные бляхи, монисто и др. украшенія; возлѣ

сосудовъ обыкновенно находится бедро быка, теленка или барана. Мужской скелетъ сопровождаются—сабля, боевой топоръ, булава и т. д., возлѣ праваго бока—желѣзный ножъ, у ногъ—серебряные пряжки отъ ременной обуви. Погребенія отличаются замѣчательнымъ обилиемъ украшений, главн. обр. бронзовыемъ, которая особенно многочисленны у женскихъ скелетовъ. Это различного вида привѣски, бляшки, бубенчики, кольца, серьги, браслеты, всевозможного рода бусы и, наконецъ, бронзовыя зеркала. Въ качествѣ привѣсовъ встрѣчаются также персидскія и арабскія монеты. Въ одномъ случаѣ, при пробныхъ раскопкахъ, найдено погребеніе лошади съ очень богатой уздечкой, украшенной 14-ю бронзовыми бляхами.

По всѣмъ, добытымъ раскопками, даннымъ, могильникъ можно пріурочить какому-ниб. изъ кочевыхъ народовъ.

Какъ можно судить изъ вышеприведенныхъ краткихъ свѣдѣній, могильникъ представляетъ большой интересъ; поэтому, выразивъ благодарность В. А. Бабенко за его открытие, слѣдуетъ пожелать, что бы онъ былъ возможно подробнѣе обслѣдованъ.

Разныя извѣстія.

Выставка барона де Баа въ Musée Guimet въ Парижѣ. Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ очень извѣстнаго у насъ французского путешественника б. де Баа, я имѣлъ случай посѣтить его чутъ-ли не шестую уже выставку предметовъ, вывезенныхъ изъ Россіи. На этотъ разъ южно-русская археология и этнографія были представлены нѣсколько шире, чѣмъ прежде, хотя, разумѣется, въ зависимости отъ способа собирания, выставленные предметы носили по прежнему въ значительной степени случайный характеръ. Въ области неолитическихъ древностей извѣстная открытия Ч. В. Хвойки доставили б. де Баю довольно большую и хорошо подобранныю коллекцію черепковъ домикенской керамики, которые, вмѣстѣ съ нѣсколькоими таблицами изъ альбома Б. И. Ханенка, даютъ довольно полное представление о ней и разумѣется будутъ очень полезны для которагонибудь

изъ здѣшнихъ музеевъ. Затѣмъ, изъ курганныхъ древностей было выставлено нѣсколько кремневыхъ осколковъ изъ Смілы, остатки посуды и окрашенный охрой черепъ (который зачѣмъ-то покрыли лакомъ, измѣнившимъ первоначальный красный цветъ окраски) изъ „Stawiszè près de Bialacerkiew“ и, наконецъ, нѣсколько сосудовъ и цѣлая коллекція костей изъ кургана въ Красногоровкѣ, Екатеринославской губ., раскопанного б. де Баемъ въ имѣніи мѣстнаго предводителя дворянства де-Каменскаго, большая фотографія котораго вмѣстѣ съ г. де Баемъ, обвитая широкой красной лентой съ золотой подписью, красовалась тутъ-же на почетномъ столѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими портретами кавказскихъ генераловъ и духовныхъ особъ. Въ качествѣ любителя старины и француза, б. де-Бай знаетъ, конечно, какъ надо относиться къ находимымъ въ курганахъ костямъ, а потому постарался собрать и привезть съ собой всѣ найденные при раскопкѣ кургановъ кости, за спасеніе которыхъ, разумѣется, нельзя не принести ему самой живѣйшей благодарности. Нѣсколько стеклянныхъ колецъ заканчиваются эту археологическую серію прошлогодней поѣздки б. де-Бая въ Украину. Изъ этнографическихъ предметовъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько „дукачей“ изъ той же Красногоровки съ фальшивыми, впрочемъ, гл. обр., австрійскими талерами, двѣ украинскія женскія рубахи—одна настоящая и очень интересная, а другая очевидно вышитая, какой-нибудь барышней,—висящія между татарскимъ и черемисскимъ полотенцами и превосходная старинная вышивка крупными цветами, составляющая теперь уже очень большую рѣдкость, очень-бы пригодную и для Киевскаго Музея и подаренная б. де-Баю г-жей Шереметьевой въ Киевѣ. Въ качествѣ, вѣроятно, „разныхъ предметовъ“ былъ выставленъ кусокъ лаврскаго ладана, штемпеля для вытисканія изображеній на просфорахъ, двѣ или три просфоры, павловскій рубль и копія съ извѣстной своей сомнительностью и будто-бы найденной въ Киевѣ медали съ изображеніемъ Христа и еврейской надписью. Этимъ и исчерпывается весь материалъ выставки б. де-Бая, касающейся Украины. Изъ великорусскихъ предметовъ мы замѣтили очень интересная вышивка (птица Сиринъ) изъ Владимірской губ. нѣсколько вышивокъ изъ Тамбовской, бронзовыя фигурки съ береговъ Двины, древне-мордовскія подвески изъ окрестностей

Москвы, двѣ очень интересныи раскольничыи рукописи съ очень оригинальными миниатюрами и висячие замочки въ видѣ птицъ. Наиболѣе интересные и цѣнныи предметы были вывезены б. де-Баевъ съ Кавказа. Пять превосходныхъ бронзовыи топоровъ, два кинжала и прекрасно сохранившійся бронзовый же мечъ могли-быть украшениемъ любого изъ нашихъ русскихъ музеевъ. Очень интересны также гигантскія булавки, оканчивающіяся головкой изъ согнутой спиралью и потомъ расплющенной бронзовой проволоки и серги съ длинными подвесками изъ гробницъ въ Комбультѣ, Дигорѣ и Терской области. Этнографическіе кавказскіе предметы соотвѣтствуютъ какъ по цѣнности, такъ и по красотѣ археологическимъ: это массивные серебряные озарпеши, серги и подвески къ сергамъ съ удивительно тонкой и художественной эмалью, не говоря уже о нѣсколькихъ кинжалахъ, рогахъ, пороховницахъ, ожерельяхъ, амулетахъ и прочихъ предметахъ съ очень богатой серебряной отдѣлкой.

Всѣ эти предметы будутъ распределены, по словамъ б. де-Бая, по соотвѣтственнымъ музеямъ, большая же часть ихъ, главн. обр. бытовые предметы, составятъ, вмѣстѣ съ прежде привезенными, фондъ новаго спеціально русскаго отдѣла въ Musée Galliera, назначенаго для ознакомленія французовъ съ „дружественной имъ націей“. Пожелаемъ успѣха этому полезному предпріятію, а также и того, чтобы безкорыстныи усилия б. де-Бая получили, наконецъ, достойную оценку. Къ сожалѣнію, несмотря на настойчивыя напоминанія многочисленныхъ замѣтокъ о своевременности награжденія б. де-Бая красной ленточкой, это отличіе заставляетъ еще себя ждать... Будемъ надѣяться, что „эксплорационная“ поѣздка б. де-Бая въ Россію и въ настоящемъ году доставить ему, наконецъ, и это вполнѣ достойное его утѣшеніе.

Ѳ. В.

асауль Гр. Федоренко, хоружий Д. Гирманъ, на вѣрность къ присягѣ приведены...“

Дембовскій представлялъ собою типическое лицо изъ тогдашнихъ малаго ранга Глуховскихъ чиновниковъ, которые, просидѣвъ лѣтъ десять въ той или другой канцеляріи, старались добыть себѣ доходный урядъ сотника. Въ спискѣ канцеляристовъ ген. к—рія за 1739 г., указано, что Д—ій поступилъ въ к—рію въ 1737 г., изъ мѣщанскихъ дѣтей¹⁾, а въ своей сказкѣ о службѣ, самъ Д. говоритъ, что на службу онъ поступилъ въ 1733 г., въ Стародубскую полк. к—рію, а затѣмъ перешелъ въ ген. к—рію, гдѣ исполнялъ разныя комиссіи, напр., „о продолжавшейся тогда опасной болѣзни“ и проч. Начиная съ писцовъ, к—ристы эти повышались въ „протоколисты“, „повытчики“ и друг. канцелярскіе чины, зарабатывали себѣ хлѣбъ разными услугами „просителямъ“, какъ это видно изъ домашнихъ замѣтокъ послѣднихъ, записывавшихъ, послѣ Глуховскихъ „хожденій“, въ расходѣ: „на поклонъ г.г. канцеляристамъ, за челобитніе и за ископиеваніе свидѣтелскихъ документовъ—6 рубл.“; „далъ канцеляристамъ судовимъ—2 рубли“; „далъ протоколѣсту 5 рубл.“²⁾ и проч. Это были мелкие доходы канцеляристовъ, но случались и крупные. Одинъ „проситель“, ходившій по Глуховскимъ к—ріямъ въ 1748 г., по своему дѣлу, записалъ, напр., что „далъ войск. канцеляристѣ Василію Высоцкому готовыхъ денегъ 40 рублей“ да еще „панциръ“ въ 30 рубл., „кромѣ домашнихъ харчей, водки, вина и вышпевки“. Нажившись такими доходами, наиболѣе расторопные канцеляристы добивались и сотничихъ урядовъ, при помощи задобренныхъ патроновъ. Этого типа сотники были самыми тяжелыми для сотнянъ: усвоивъ себѣ приемы канцелярской ябеды, они переносили эти приемы и въ свою сотничью

¹⁾ Начало пополненія Глуховскихъ к—рій мѣщанскими дѣтьми, а не козачьими, Купчинскій прописывалъ Безбородку, указывая, что до него въ генер. к—рію люди «посполитой породы» не попадали. Зап. Чернаг. Ст. Комит., II, 227.

²⁾ Изъ рукописн. замѣтокъ Андрея Полетика, отца Григорія.

дѣятельность, главною цѣлью которой ставили вымогательства, съ помощью насилий, у своихъ сотнянъ-простецовъ. Такіе сотники мало боялись жалобъ, потому что имъ хорошо были знакомы тѣ секреты, съ помощью которыхъ власти—Глуховскія и мѣстныя—закрывали глаза на ихъ злоупотребленія. Къ такого рода сотникамъ принадлежалъ и Д—ій, добывшій себѣ сотничій урядъ, видимо, посредствомъ подкуповъ и явившійся засимъ въ сотню съ цѣлью наживы среди тѣхъ „свинарей“ и „бражниковъ“, протesta которыхъ не боялся. Не прошло и году, какъ два Голенскихъ козака, Гирманъ и Пащенко, жаловались, что сотникъ ихъ, „козаковъ въ приватныхъ свои услуги употребляеть, которые по приказу его, сотника, ночью, при дворѣ его, несходимо караулять, а днемъ—хлѣбъ ему пашутъ, въ косовичное время—сѣно въ скирды кидаютъ, скотъ пасутъ; а въ зимнее время и на загородахъ (скотъ) кормятъ, при винокурѣ—свиней поютъ и прочія чорные работы, безъ заплаты и на своихъ харчахъ, ему отбываются; на которой работизнѣ онъ, сотникъ, приуждающи многихъ козаковъ боями, знатно на здоровыиувѣчили...“ По этой жалобѣ произведено было слѣдствіе, кончившееся ничѣмъ, конечно потому, что Д. умѣлъ находить себѣ защитниковъ. Другая жалоба, козака Марка Коваля, показываетъ, что Д. вѣкоторыхъ изъ сотнянъ обращалъ въ постоянныхъ своихъ прислужниковъ, конечно выбирая при этомъ людей покладистыхъ и смиреныхъ¹⁾). Пользуясь своими сотнянами, какъ рабочею силою, не стѣснялся насилиями и другого рода. У козака Максименка онъ, напр., растлилъ дочь, дѣвочку 12-ти лѣтъ, послѣ чего заковалъ отца въ желѣза и заперъ въ своей банѣ, чтобы лишить такимъ образомъ обиженнаго—возможности жаловаться. Максименку однakoжъ удалось бѣжать, и онъ направился въ Глуховъ, гдѣ и пріютился у какого то обычавателя. Д—ій поспѣшилъ самъ въ Глуховъ и узнавъ здѣсь, гдѣ живетъ М—ко, подослалъ къ нему своего „кухара“, чтобы вызвать его на улицу, обманомъ, какъ будто зовутъ его у „дво-

1) Характерную жалобу козака Марка Коваля, котораго Д. обратилъ въ своего работника-мастероваго (Ковалъ по ремеслу былъ кузнецъ), см. Зап. Черниг. Ст. Комит.. П. 232.

рецъ его ясневельможности". А какъ вышелъ Максименко на улицу, то Д—ій схватилъ его, съ помощью двухъ козаковъ, и неизвѣстно гдѣ дѣвалъ"... Этотъ разскaзъ записанъ въ прошenіи того обывателя, у которого прiютился было Максименко, и кото-
рое онъ подалъ въ генер. к—рію, изъ осторожности, чтобы потомъ не отвѣтать, если съ Максименкомъ что случится... По этому прошenію произведено было (в. к—стомъ Кисловичемъ) слѣдствіе, при чемъ оказалось, что Максименко съ семьею жилъ у Д—аго, въ подсосѣдкахъ; что въ Голенкѣ дѣйствительно но-
сились слухи о растлѣніи сотникомъ малолѣтней дочери Макси-
менка и что Д—ійѣздилъ въ Глуховъ, вслѣдъ за этимъ Мак-
сименкомъ, которого и привезъ оттуда назадъ. А когда слѣдо-
вателъ сталъ допрашивать Д—аго, то послѣдній ему предста-
вилъ „мирскую“, въ которой М—ко писалъ, что онъ никакихъ
претензій къ Д—ому не имѣеть, а напротивъ благодаритъ сот-
ника, что онъ простилъ ему, М—ку, какой то долгъ и отпу-
стилъ его съ женою и дочерью, которая у него, Д—аго, слу-
жила, и съ малыми дѣтьми, изъ подсосѣдковъ, свободно, для
жительства, гдѣ М—ко пожелаетъ... Какъ видно, не трудно
было удовлетворять такихъ обиженныхъ, какимъ былъ Макси-
менко, считавшій благодѣяніемъ позволеніе сотника—уйти изъ
его двора.

Д—ій пробылъ сотникомъ до своей смерти въ 1759 г.,
какъ видно изъ универсала, которымъ былъ назначенъ ему пре-
емникъ: „извѣстно намъ, что сотня Крб—ой сотникъ П. Д—ій,
будучи отправленъ съ командою прошлаго 759 г., къ загра-
ничной арміи, при выбранихъ изъ М. Россіи бикахъ, въ томъ
комендированіи умре, и оная сотня Крб—ая осталась нынѣ на
вакансіѣ. Усмотрѣно же нами, что Василій Рудковскій, будучи
употребляемъ къ различнѣмъ службамъ, исправлялъ оніе добропо-
рядочно, того ради мы опредѣлили его въ оную Крб—ую сотню
настоящимъ сотникомъ, для чего ему, сотнику Р—му, команду
надъ тою Крб—ою сотнею и корогву сотенную велѣли пору-
чить отъ подк. к—ріи“. Рудковскій правилъ сотнею около семи
лѣтъ и затѣмъ, въ 1767 г., почемуто отказался отъ своего
уряды. Мѣсто его занялъ Власъ Жураковскій, причемъ тѣ
обстоятельства при которыхъ Ж. получилъ сотничій по-

вели за собою коренное измѣненіе въ порядкѣ замѣщенія этихъ урядовъ. На мѣсто Р—аго были выбраны кандидатами: возный Антонъ Федоровичъ и писарь Прокопъ Гирманъ, объ утверждении одного изъ которыхъ полковая к—рія и представила въ Глуховъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ три куреня—Дептовскій, Гилявскій и Фесевскій—послали Румянцову подробное описание выборовъ, причемъ рассказывали, что они, составляя большинство, выбрали въ кандидаты Дептовскаго жителя, в. канц. Романа Соколовскаго, но сотенная старшина, распоряжаясь двумя куренями—Голенскимъ и Гайворонскимъ—о Соколовскомъ вовсе не упомянула, а написала первымъ кандидатомъ вознаго Федоровича. Разсказывая далѣе, какъ выборщики на квартирѣ Федоровича „могоричъ пили“, жалобщики говорятъ: „выборъ въ сотники вознаго Федоровича, находящагося въ штацкой должности, послѣдовалъ въ наущенія сотенныхъ старшинъ для того, чтобы имъ, сотеннымъ старшинамъ, по сотенному управлению всякие случаючіесь суда и расправы чинить, ибо возный, жительствующій болше нежели въ 15ти верст. отъ Голюнки, а въ Голюнцѣ и малѣйшей осѣдлости не имѣющій, по сотенному правлению присутствія имѣть ежедневно отнюдь не можетъ; да къ тому же и къ канцелярскимъ дѣламъ не заобыклъ и по его единственной грубости коршуса, къ понесенію таковой войсковой службы отнюдь не надеженъ. За бывшаго жъ Корибутовскаго сотника Рудковскаго, какія было мы не представляемъ жалобы о отягощениі насъ сотенными старшинами, разными комендириціями, противъ куреней Гайворонскаго и Голенскаго, гдѣ жительство имѣютъ старшинскіе браты и другіе родственники, то онъ сотникъ по нашимъ жалобамъ, никому, никогда и малѣйшей справедливости не училъ, но все полагалъ на сотенные старшины, почему всегда въ нашу обиду всякие дѣла дѣлались, чего и нынѣ оные старшины хотячи, показанного вознаго и выбрали съ тѣми куренями, зная по его натурѣ плохой, чтобы родственниковъ своихъ и его вознаго также и прочихъ друзей отъ службы защищать“... Засимъ жалобщики просили Румянцева, чтобы „возному отказать, а пожаловать намъ въ сотню Крб—ую сотникомъ в. канц. Романа Соколовскаго... отъ Голюнки въ четыре версты жительствующаго и доволнию своихъ

осъдлостъ имѣющаго, которой всегда въ присутствіи быть въ сотенномъ правленіи и всякихъ дѣлъ до мала смотрѣть, не полагаясь на старшину, дѣйствительно можетъ". Послѣдствіемъ этой жалобы было слѣзующее замѣчательное распоряженіе Румянцова, сдѣланное въ видѣ „предложенія“ Глуховской коллегіи.— „Познавши изъ многихъ примѣровъ предосудительный обычай, который въ нынѣшнее время ведется при выборѣ въ сотенныхъ старшинъ, что ищущіе быть оними, стараются преклонять голосы козаковъ, употребляя къ тому средство угожденія—излишество вина, которымъ напоеваются даже до потеряния всякого чувства, собирающихся при томъ козаковъ. Злоупотребленіе сіе столь уже общимъ здѣсь приемлемется, что во время моихъ проѣздовъ въ Малороссіи, не устыдились и ко мнѣ самому, на разныхъ мѣстахъ, являясь толпы пьяныхъ козаковъ съ просьбами, чтобы я имъ опредѣлилъ сотника, въ такомъ состояніи ими одобряемаго. Съ крайнимъ негодованіемъ, смотря я на сіи неблагопристойности, снисходилъ однакожъ до сего времени полуневѣжеству; но въ послѣднюю бытность мою на Бѣловежской степи, поданы мнѣ уже и формальные о томъ просьбы, что при настоящей въ сотнѣ Корибутовской сотничей вакансіи, возный Федоровскій, ища быть на тотъ чинъ кандидатомъ, прельстилъ по обыкновенію также козаковъ однимъ пьянствомъ, отвлекая отъ стороны в. к. Соколовскаго, согласовавшихъ на его избраніе; и словомъ, они одинъ другого, какъ я сверхъ того слыхалъ, старались превзойти присовокупленіемъ за себя одобрителей, покупая ихъ усердіе достаткомъ вина. Въ такомъ состояніи дѣль, гдѣ столь подлая страсть превозмогаетъ надъ всѣмъ, не видно ли каждому, коль терпить правда, честность и заслуги лутчихъ людей, которыхъ достоинства всегда останутся безъ награжденія, если оставить власть произвожденія на произволеніе невѣжеству, которые рады всегда команда имѣть себѣ подобнаго.— Неустройство сіе потребно удержать съ сего жъ времени и отмѣнить обычай, поводомъ до сего бывшій къ возвышенію худыхъ и ко унослѣжденію достойныхъ людей, когда степени здѣшнихъ чиновъ, кои принадлежать однимъ только достойнымъ, можно иному получить за цѣну пьянства. Предлагаю потому изъ полученія сего не до-

зволять нигдѣ сотенныхъ старшинъ выбирать самимъ сельскими козакамъ, какъ до сего чинилось,—понеже они дѣлаютъ изъ сего обычая столь вредное злоупотреблениe,—но при случающихся вакансіяхъ, полковникамъ, съ полковыми старшинами и сотниками, удостоевать въ чины изъ людей доброй славы, съ общаго согласія, на основаніи указа 1715 году, и отъ нихъ представить же мнѣ, напомнявъ при томъ сотенныхъ командировъ, дабы они, всякъ въ своей сотнѣ, взяли первое попеченіе при случающихся собраніяхъ, изтреблять въ козакахъ привычку пьянствовать, и штрафовать, невоздержаныхъ въ томъ¹⁾. Такимъ образомъ выборы сотниковъ—самиими сотнями—были уничтожены и назначеніе ихъ предоставлено канцеляріямъ. Трудно рѣшить, какой порядокъ былъ лучше при томъ состояніи общественности, которое установилось въ гетманщинѣ послѣ смерти Апостола и укрѣпилось при Разумовскомъ, когда народъ былъ обезличенъ силою полковыхъ и Глуховскихъ канцелярій...

Преемникомъ Рудковскаго явился бывшій голштинецъ Власъ Жураковскій, который послѣ рядовой службы въ лейбъ-гусарскомъ голштинскомъ полку, получилъ урядъ атаманства въ Роменской сотнѣ, а отсюда назначенъ сотникомъ Крб—имъ. Такимъ образомъ и Жрк—ій опять былъ человѣкомъ чужимъ. О дѣятельности этого сотника намъ ничего неизвѣстно, хотя сотничій урядъ онъ занималъ десять лѣтъ. Послѣднимъ Крб—имъ сотникомъ былъ Воротилякъ, родомъ Роменецъ, а слѣдовательно тоже человѣкъ не мѣстный...

Села Корибутовской сотни.

С. Голенка, рч. Голенка,²⁾ поселена въ нач. XVII в., какъ это видно изъ слѣдствія, производившагося въ 1727 г. обѣ одной

¹⁾ Зап. Черниг. Стат. Комит., П, 246.

²⁾ Такъ эта рѣчка называется въ актѣ 1780 г. («воды чистой, текущей вблизости, кромѣ рѣчки Голюнки, въ томъ мѣстечкѣ Голюнѣ нѣтъ»); это былъ притокъ Ромна; теперь онъ называется и Зарукавною, и Голубовкою.—*Голинка*—старое малорос. слово, обозначающее голень. Мож. быть, что рѣчка получила свое название по сходству ея фигуры съ голевью, а по рѣчкѣ названо уже было и поселеніе.

Голенской „греблѣ“, при чёмъ старинный Голенский козакъ Остапъ Луценко показывалъ, что эту „греблю“ „еще за пановъ (т. е. за поляковъ), якъ только поселилось село Голюнка, занималъ (устривалъ) Василій Лысый и слилась гать (слыла гатью) Лысого“. ¹⁾ Другой Голенскій старожилъ показалъ при этомъ, что онъ, прійдя въ Голенку изъ Станислава, жилъ въ сосѣдахъ у Вас. Лысого. ²⁾ Голенка принадлежала къ числу имѣній Вишневецкаго, какъ на это указываетъ документъ Швейцкаго, обозначающій здѣсь 334 „господаря“; въ 1666 г., въ Г—ки было „посполитыхъ“ только 34 домохозяина, и если столько же было и козаковъ то, значитъ, за нѣсколько лѣтъ, населеніе Г—ки чрезвычайно умалилось, вѣроятно отъ того же движенія на востокъ, о которомъ сказано раньше (с. 254). Крестьянское населеніе Г—ки оставалось свободнымъ до 1740 г., когда оно было присоединено Вейсбахомъ къ Самборскому староству, съ которымъ вмѣстѣ поступило, въ 1750 г., во владѣніе гетмана Разумовскаго. Кр. П. 34 хоз. А. 62 д. В. ? В. 38 д. пс. 8 д.

Г. 20 д. 29 х. пс. 6 бд. х. Д. 34 д. 78 х. пс. 38 д. 50 х.

2 бд. х. Кз. В. 121 д. Г. 101 д. 153 х. пс. 23 бд. х. Д. 113 д.

290 х. „почтальоновъ“ 8 бд. х. и пс. 29 бд. х. Изъ этихъ цифръ видно, что и послѣ присоединенія Г—скихъ крестьянъ къ Самбору, экономическое ихъ положеніе не ухудшилось, на что указываетъ, кромѣ того и достаточное количество крестьянскихъ подсосѣдковъ. По описанію Пащенка, „с. Г—ка лежить на ровномъ мѣстѣ, при столбовой изъ кр. Колядина въ Батуринаъ дорогѣ, по об. стор. рч. Зарукавной, отъ пр. бер. р. Ромна въ верстѣ. Церкв. дер.—2, сотепное правленіе. Ков. тоже колич., что и выше Д. Кр. гр. К. Разумовскаго, 23 д. 34 х., ум. полк. Ив. Скоропадскаго 2 д. 2 х., маюра Як. Скоропадскаго, 11 д. 44 х. Подсос. ум. сотника Журавскаго, 8 д. 9 х., ум. сотн. Руд-

¹⁾ Народное преданіе о поселеніи Голенки см. въ описаніи этого села въ Черниг. губ. вѣдом. 1860 г. (№№ 43, 44 и 46), Мих. Исаенка.

²⁾ Значитъ, при колонизаціи лѣвобережной Украины, въ первой пол. XVII в., сюда приходили поселенцы и изъ Галиціи...

ковского 1 д. 2 х., возного Гирмана, 1 д. 4 х., атам. сот. Чернишева, 6 д. 8 х., атам. сот. Прокопенка 1д. 2 х., зн. тов. Недбайла, 1 бд. х., значк. тов. Федоренка, 1 д. 2 х., хоруж. сот. Ковалева, 1 д. 3 х., попа Боровского, 17 д. 19 х. и попа Ярославского, 1 бд. х.“ Цркк.—архистр. Михаила и Преображенія Г—ня. Свящщ. Александръ Боровскій и Онисифоръ Ярославскій.

С. Гайворонъ, рч. Гайворонка (позже Басавова), изъстенъ быль въ перв. полов. XVII в. подъ именемъ „городища Грайворона“ пожалованаго Сигизмундомъ III Городельскому старостѣ Криштофу Харлезскому. У послѣдняго Г—нъ быль отнятъ Вишневецкимъ (ок. 1640 г.), вмѣстѣ съ прилегавшими къ нему слободками Дмитровкою, Липовымъ и Почепковымъ (?).¹⁾ Обновилъ поселеніемъ Г. конечно Вишневецкій. По переписи 1666 г. въ Г. значится 12 хоз. Здѣсь въ 1668 году происходила стычка отряда кн. Ромодановскаго съ татарами, при описаніи которой около Г—на, указывается большое топкое болото; ²⁾ подъ защищую его, вѣроятно, и возникло то первоначальное поселеніе, которое потомъ обратилось въ *городище*. Въ нач. XVIII в. Г. былъ селомъ еще не большимъ (71 дв.), но къ нему прилегала значительная степь и „весь тотъ степъ быль Гайворонскій“. ³⁾ Вѣроятно, что это богатство земель и обратило на Г. вниманіе ген. судьи Чарныша, который будучи близкимъ свойственникомъ Скоропадскаго и пользуясь своимъ вліяніемъ, обнаружилъ стремленіе завладѣть этимъ селомъ. Для этого нужно было сначала завести тутъ хозяйство, хотя въ видѣ небольшого хутора, чтобы потомъ, указывая на послѣдній, просить у гетмана и крестьянъ. Первое пріобрѣтеніе Чарныша здѣсь (въ 1718 г.) заключалось въ „гай“, между с. Г—номъ и рч. Зарукавною, „въ островѣ“, при чемъ „гай“ этотъ быль данъ Чарнышу въ видѣ взятки, однимъ мѣстнымъ казакомъ (Вас. Салогубомъ), котораго Чарнышъ судилъ „за нечаянное убийство человѣка“. Черезъ годъ послѣ этого пріобрѣтенія, въ 1719 г., четыре Гайворонца, Бор-

¹⁾ Чтенія въ общ. Нестора, XIV, отд. III, стр. 162.

²⁾ Акты Ю. З. Р., VII, 94.

³⁾ „Очеркъ“, с. Гайворонъ.

доносъ, Матвѣнко, Пашенко и Ляшенко, продали ему же, Чарнышу, „дѣдизныя сѣножати“, находившіяся на Бѣловѣжской степи, у вершины р. Остра, за 40 талеровъ.—На этихъ земляхъ Чарнышъ поселилъ, какъ видно будетъ ниже, хуторокъ и началъ было расширять его границы, посредствомъ самовольныхъ захватовъ. Насилія, которая позволяла себѣ при этомъ Чарнышъ, были такъ значительны, что уже въ 1720 г. Скоропадскій по жалобамъ Гайворонцевъ, выдалъ въ защиту послѣднихъ—слѣд. универсаль: „По занесенной отъ Гайворонскихъ войскового и послополаго стану жителей жалобъ, о почивенихъ имъ, черезъ построеніе тамъ футора п. судія нашего в. енер., ути-скахъ, посылалисмо двукратне туда на розискъ, где поневажъ, обома розами, показалось, же п. судія ен—ій мало щось тамъ купивши грунту, болижъ насиліемъ людскіе поля, спнокосы и степъ, здавна до Гайворона належній, самъ велѣль, а старости его позаѣздили, чрезъ что немалое тамошнимъ Гайворонскимъ людямъ, сталося утѣсненіе. Теди мы, по тихъ розискахъ, приказавши п. судія ен—му, оттолъ зъ Гайворона, новоустроенній свой знести футоръ и пасѣку, и що колвекъ у Гайворонцовъ насильно отято, все бы тое непремѣнно кождому воспіять воз-вратиль, виредь не имѣючи туда жадного вступу. Для крѣпчай-шаго Гайворонцамъ приверненными ихъ грунтами и степу по прежнему владѣнія, велѣли зъ к—ріі войсковой сей нашъ вы-дать унїверсалъ, которымъ всѣмъ обще Гайворонскимъ жите-лемъ, пацатніе и сѣнокосніе ихъ грунта власніе, издавна ими заживаеміи степъ и лѣсъ также давній, мірскій, въ безпере-понное онимъ ствержаемъ користованне, такъ, аби впрѣдь вѣкто зъ околичныхъ, особливе п. судія нашъ в. ен—ій, знесшия одтоль, якъ и више намѣнилисмо, зъ пасѣкою, зъ футоромъ, самъ и старости его, не важилися уже Гайворонцамъ жадного въ тихъ ихъ грунтахъ и степу—чинити утиску, препятія, озло-бленія и найменшой трудности, пилно рейтентарско впоминаемъ и приказуемъ“... (Изъ Глухова, 1 окт. 1720 г.).

Выраженное въ этомъ универсалѣ строгое безпристрастіе Скоропадскаго къ мужу своей падчерицы было явленіемъ со-вершенно случайнымъ, причины котораго объяснены въ жалобѣ окного Гайворонца Ющенка, поданной въ 1731 г.. гетману

Апостолу: „Въ прошломъ 1720 року, покойній судія ен—й Чарнышъ, къ хутору своему, тогда вновь іна Вѣлыхъ Вѣжахъ занятому, къ селу нашему Г—ну грунта належніе,—позанималь быль самоволно, и о томъ я, въ то время атаманомъ Г—скимъ будучи, суплѣковалъ покойному гетману п. Скоропадскому, которая суплѣка, когда послана къ менненному судіи, въ то время онъ (т. е. Чарнышъ) биль мене за тое кіями нещадно, о чомъ я биль чоломъ бывшему князю Меншикову¹⁾ и по тому (челобитью) выданъ быль мнѣ, да Кондрату Шархоменку, за рукою княжою, приказъ, aby намъ разореній и обидъ никто не чинивъ, по которымъ (приказамъ) черезъ вѣсколько лѣть (насъ) не займано. Да за тіежъ грунта, Чарнышомъ отнятые, биль я чоломъ отъ всѣхъ козаковъ и отъ громады Гайворонской, въ Москвѣ, по которомъ моемъ члобитю и стараню, грунта, помянутымъ судію занятые, всъ къ селу тогда привернено“...

Ізъ этого прошенія Юрченка и видно, что распоряженіе Скоропадского о выселенії Чарниша изъ Гайворона, сдѣлано было по настоянію изъ Москвы, вѣроятно самого Меншикова, хорошо знавшаго о насилияхъ Чарниша. Но, кажется, что послѣдній окончательно разстался съ Гайворономъ только послѣ смерти Скоропадского, когда въ гетманщинѣ стала распоряжаться Вельяминовская коллегія. Такъ можно думать на основаніи документа, выданного Чарнишу тѣмъ самымъ Салогубомъ, который уступилъ ему въ 1718 г., свой „гай“, въ Гайворонѣ, за освобожденіе отъ суда (с. 280).²⁾

¹⁾ Меншиковъ, будучи въ это время въ Малороссіи, проѣзжалъ изъ Нѣжина въ Гадячъ, и такимъ образомъ быль гдѣ нибудь около Гайворона, при чемъ на дорогѣ, вѣроятно, Гайворонцы и успѣли подать ему жалобу на Черниша. См. Записки Як. Марковича, 1, 5.

²⁾ Вотъ этотъ любопытный документъ. «Року 1722, мѣс. сентябрія дня 4. Я, Василь Салогубъ, житель Краснокол—їй, чиню вѣдомо свимъ моимъ доброволнимъ писаніемъ, ижъ я, будучи виступнимъ за свое печайное убийство человѣка, яко и декреть опѣваєть и свѣдчить, которій и выпѣ въ рукахъ сволхъ имѣю, получилъ теперъ, по своему прошенію негодливому, милость, у его мил. велможнаго пана судія енералного, иана Іоанна Чарниша, таковую, ижъ

Послѣ попыткѣ Чарныша оселиться въ Гайворонѣ, крестьяне этого села оставались свободными до 1735 г., когда отданы были кн. Шаховскимъ во временное „послушаніе“, одному изъ членовъ генер. к—ріи, полковнику Гурьеву. Послѣдній владѣлъ Г—номъ лѣтъ шесть, пока оставался въ Глуховѣ. Засимъ, Г—нъ оставался свободнымъ, пока не выпросилъ его у Разумовскаго владѣлецъ сосѣдней Григоровки, генер. подскарбій Скоропадскій, которому въ декабрѣ 1751 г., былъ выданъ слѣд. универсалъ. „Войск. ген. подскарбій Мих. Скоропадскій доношеніемъ намъ представилъ: въ прошломъ де 1715 г., началь онъ служить при войскѣ Малороссійскомъ бунч. товарищемъ...

которой я бѣлъ гай ему, за свой поступокъ, подъ Гайворономъ лежачій, даль изъ записомъ ратушнимъ, нынѣ мнѣ знову приверненъ есть паномъ судіею, и который хуторецъ въ самомъ Гайворонѣ стоячій, братъ мой двоюродный Иванъ Салогубъ заставилъ быль его жъ велможности панской во вѣчность, за сто золотыхъ, аще би не устился до назначоного термѣну, и тотъ мнѣ хуторецъ за всѣмъ полемъ, *по великой своей милости панской, даровалъ*, да еще 50 золотыхъ даль, чому я нынѣ будучи велце благодарень, не повиненъ ни и самъ, ни жена моя, ни дѣти, вѣчними часы, у жадного права въ судѣ ви его велможности панской, нѣ велможной панѣ его, а нѣ благорадныхъ чадъ его панскихъ, турбовать и права изчинати, а се предъ годними и честными людми—*добримъ словомъ всегда споминати и за сю велм. панскую и весь домъ его панскій—непрестанно Бога прохати*, что для лѣнишой вѣри и певности, даю его велм. панской, сie мое доброволное писаніе при людехъ зацнихъ и вѣри годнихъ, которыхъ и самъ устие просилемъ покорне, на сей же карть моей о подпись рукъ ихъ власнихъ. Я Василь Салогубъ сей карти доброволной датель, яко неумѣтній будучи писанія святого, рукою своею власною крестъ святой ишу ». Происхождеіе этого документа можно такъ объяснити: универсалъ Скоропадскаго 1720 г. иѣроントъ не былъ Чарнышомъ вточности исполненъ, почему должно быть Василій Салогубъ, по смерти Скоропадскаго, и погрозилъ Чарнышу, что пожалуется Вельяминову, если имъ не будутъ возвращены всѣ земли, которыя такъ или иначе ген. судья позанималъ въ Гайворонѣ. Бояться такой жалобы Чарнышъ долженъ былъ тѣмъ болѣе, что «гай» отъ этого Салогуба имъ былъ полученъ въ видѣ взятки...

следуетъ перечень службъ), а къ препитанію дому своего имѣеть въ деревняхъ скудость, для чего просилъ онъ, Ск—ій, о награжденіи его за 37-лѣтнюю службу, во вѣчное владѣніе, для препитанія дому его, въ п. Прилуцкомъ, деревнями свободными, Гайворономъ и Блотницею, нашего разсмотрѣнія..... Того, ради села Гайворонъ и Блотница, въ которыхъ по послѣдней 1751 г. ревизіи, до 50—ти посполитскихъ свободныхъ дворовъ показано, съ принадлежащими къ тѣмъ селамъ грунтами и угодіями, ему, подск. ген. Ск—му опредѣляемъ и во вѣчное и ненарушишое ему владѣніе утверждал, повелѣваемъ^а и проч.

Черезъ 25 лѣтъ, послѣ отдачи Г—на Ск—му, тамошніе козаки, Пархоменко, Горлачъ и другіе, въ жалобѣ своей Румянцову, писали слѣд.— „съ прошлого 1751 г., бывшимъ гетманомъ Разумовскимъ умершому Михайлу Ск—му жаловано вѣчно, одному ему, безъ потомства (въ универсалѣ о потомствѣ не было упомянуто...) село Гайворонъ, оставляя козаковъ при своихъ козачихъ волностахъ ненарушимо... Оной же Ск—ій заступленіемъ во владѣніе, по власти своей, нача тъ намъ разныя утѣсненія дѣлать и недоволствуясь отанными ему по универсалу, свободными посполитскими грунтами и землями, гдѣ бы помежество имѣль коей посполитой земли или злобясь на козака, обявилъ, что за кимъ съ настъ состоить яко бы посполитская земля, то безъ всякого иску и слѣдованія по законамъ, самоправно поотбиралъ, чѣмъ привель до того, что съ настъ многіе увѣдавъ, что токмо ему пожелается какая земля и начнетъ цаводъ чинить посполитскою, договариваясь чреать своихъ приказчиковъ, что ежели не прадастъ, то безденежно отберутъ, многіе съ настъ подъ видомъ доброй волѣ, въ продажу, а вѣкоторіе въ заставу, позаводили, что дѣлалось зъ уступленія онаго Ск—го (во владѣніе) мало не по вѣкъ его. А напослѣдокъ, теперь сынъ онаго Ск—го, пр.-маіоръ Яковъ Ск—ій, примѣромъ отца, тоже поотнималъ во многихъ съ настъ самоуправство въ судѣ, то онай Ск—ій на многихъ съ настъ порознь за разніе земли, а за состоящій подъ владѣніемъ винѣ е. с.—ва гр. Разумовского, состоящей прежде во владѣніи Гайворонскаго общества волній степъ, вообще на всѣхъ настъ и разночинцовъ въ с. Г-нѣ жи-

тельствующихъ, прошлого 1771 г., въ судъ земскій повѣту Иваницкого, взнесъ иски, уже въ 24-й годъ съ пожалованія, для одной несвободы. И хотя мы прошлого маія 25 дн., явясь въ оній судъ земскій, извиняя себе о волномъ стечу прописанными обстоятельствы, а при томъ, что съ написаннихъ по позву—многіе козаки и разночинцы состоятъ въ заграничной службѣ, безъ коихъ въ судъ и по другимъ законнимъ обстоятельствамъ намъ вступать не слѣдовало, просили уволненія; однакъ оній судъ земскій, не принявъ отъ насть никакихъ розоновъ, опредѣленіе учинилъ судъ производить... Имѣя на судъ зазрѣніе, что по всѣмъ оного Ск—го на насть искамъ, неотмѣнніе приговори слѣдоватъ могутъ къ явной нашей воловитѣ и о изнеможеніи во всемъ, в. в. графск. с—ва нижайше просимъ, чтобы внесеніе на насть, въ земскій судъ повѣта Иваницкого, отъ стороны Ск—го искъ въ томъ судѣ наипорядочнѣйше были произведени и рѣшенни, в. милостивое повелѣніе учинить объ опредѣленіи за насть депутата зъ прокураторомъ или о перенесеніи зъ земскаго Иваницкаго суда, по зазрѣніи нами на присудствующихъ, какія ни имѣются на насть и на всѣхъ Гайворонскихъ разночинцовъ отъ прописанного Ск—го, теперь и впредъ могли бъ имѣться иски, въ судъ земскій повѣта Роменскаго“ (1775—г., іюня 6) ¹⁾. Мы не знаемъ результатовъ э:ого прошенія, но ово хорошо показываетъ—какою тяжелою рукою ложилось даже и на свободное козачье сословіе, „владѣніе“ такихъ вліятельныхъ державцевъ, какими были ген. подск. Скоропадскій и его сынъ Яковъ... Кр. П. 12 х. А. 13 д. В. 22 д. В. 69 д. пс. 10 д. Г. ?²⁾ Д. 51 д. 63 х. 8 бд. х. пс. 25 д. 68 х. 28 бд. х. Ез. В. 49 д. Г. ? д. 53 д. 100 х. пс. 15 д. 30 х.

Црк. Покровъ Б—цы; свящн. Максимъ Левитскій и Несторъ Яновскій.

¹⁾ «Очерки», с. Гайворонъ.

²⁾ По вѣд. 1753 г. крест. въ Г—нѣ показано: 23 д. 23 х. 18 бд. х. (Скоропадскаго) п мелк. влад. (полососѣдковъ?) 2 д. 22 бд. х. (Изъ нихъ 1 х. «шинкара» Гайворонскаго Ильи Коломійца, и 11 х. у шестя Старостовъ) чо въ Г—нѣ въ 1753 г.. было—20 д. 38 х.

С. с. Великий и Малый Самборы, рч. Самборъ. Мы не умѣемъ опредѣлить значеніе слова *Самборъ*, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые ученые—на нашъ вопросъ о происхожденіи этого слова,—говорятъ о его быть можетъ румынскомъ происхожденіи... Какъ извѣстно, слово *Самборъ* встрѣчается въ названіи одного изъ старинныхъ городовъ Галиціи, который въ XIII в. былъ разоренъ татарами и взамѣнъ его, тогда же, возникъ Самборъ „новый“. Устроителемъ этого нового Самбора былъ воевода Краковскій Шпитко изъ Мельщина, получившій отъ Владислава Ягеллы въ свое владѣніе весь Самборскій „обводъ“. Присоединивъ къ Самборщинѣ часть сосѣдняго Подолья, Шпитко сталъ значительнымъ владѣльцемъ, при чемъ располагая значительною военною силою, былъ однимъ изъ замѣтныхъ участниковъ въ извѣстномъ походѣ Витовта противъ татаръ, въ 1399 г. Извѣстно, что многочисленное войско Литовскаго князя было татарами разбито на берегахъ Ворсклы и почти уничтожено. Тутъ же ногибъ и Шпитко.¹⁾ Изъ этого свѣдѣнія видно, что жители Галицкой Самборщины несомнѣнно приходили на лѣвый берегъ Днѣпра, участвовали въ битвѣ на Ворсклѣ и были здѣсь частью уничтожены, а частью разсѣяны. Изъ числа этихъ разсѣянныхъ воиновъ Галицкой Самборщины, часть могла остаться на лѣвомъ берегу, найдя здѣсь лучшія условія для жизни, чѣмъ у себя на родинѣ. Такимъ образомъ, лѣвобережный Самборъ, быть можетъ, есть остатокъ кучки случайно попавшихъ сюда Галицкихъ Самборцевъ, перенесшихъ сюда и название родного своего города. По времени возникновенія лѣвобережнаго Самбора, основаніе ему могло быть положено Шпитковыми воинами: нашъ Самборъ извѣстенъ уже съ самаго нач. XVI в., если не съ конца XV в. При спорѣ русскихъ съ поляками „за Путивлскій рубежъ“, въ 1638 г., „украинные державцы показывали грамоты короля Александра († 1506 г.) на волость Торговицу и на рѣку Самборъ“.²⁾ Если здѣсь не называется Самборъ, какъ поселеніе,

¹⁾ См. монографію о Шпиткѣ (*Spytko z Melstyna i ród jego*) въ книгѣ *Studia Historyczne*, M. Balińskiego (Wilno, 1856), стр. 189—229

²⁾ Дворцов. Разряды, II, 899.

а только, какъ рѣка, то это потому лишь, полагаемъ, что поселеніе Самборъ составляло часть той Торговицкой волости, которая указывается въ собирательномъ видѣ, а *рѣка Самборъ* — потому, что она вѣроятно составляла границу этой волости.¹⁾

Вотъ наша догадка о происхожденіи лѣвобережнаго Самбора, название которого несомнѣнно сюда занесено и занесено издалека...²⁾ Послѣ упоминанія лѣвобережнаго Самбора въ грамотѣ короля Александра, обѣ этомъ поселеніи не встрѣчается затѣмъ извѣстій до полов. XVII в. Можно думать, что Самборъ былъ разоренъ Менгли-Гиреемъ въ к. XV в. и оставался „впустѣ“ пока не былъ обновленъ Вишневецкимъ, въ к. перв. полов. XVII в. По документу Пшездѣцкаго, въ Самборѣ показано 198 господ.³⁾ По описи 1654 г. значится с. *Самбуричово* и с. *Самбова*; конечно, это одинъ и тотъ же Самборъ, при чемъ во второмъ названіи видна лишь описка или опечатка. Опись 1654 г. даетъ о Самборѣ такое поясненіе: „село Самборъ на рѣкѣ Борзней, въ верховьї; въ томъ селѣ поставлена церковь древняя во имя влмуч. Григорія (т. е. Георгія“).⁴⁾ Это былъ теперешній „Малый“ Самборъ, какъ слѣдуетъ полагать изъ нижеслѣдующаго. Въ переписныхъ книгахъ 1666 года показаны два Самбора, Большой и Малый, а затѣмъ преданіе мѣстныхъ жителей, записанное въ 1721 году, говоритъ, что „еще за поляковъ, въ Маломъ Самборѣ жилъ державца панъ Силичъ (вѣроятно одинъ изъ управляющихъ Вишневецкаго) и

¹⁾ О Торговицкой волости, находившейся въ нѣсколькихъ деревняхъ (6—7) отъ теперешнихъ Конотопскихъ селъ Самборовъ, см. Опис. Ст. Малор., II, 238.

²⁾ Существовалъ еще какой то Самборъ въ Киевщинѣ. Въ книгѣ Покилевича — *Сказ. о насел. мѣстн. Кіевск. губ.* — записано преданіе, что с. Лѣсовичи, Таращ. у., поселено «на мѣстѣ древняго города Самбора, разореннаго непріятелемъ». Если лѣвобережный Самборъ поселенъ задержавшееся здѣсь кучкою Галицкихъ Самборцевъ, изъ остатка Шпиткового войска, то такимъ же образомъ могъ возникнуть и Киевский Самборъ, будучи поселенъ другою кучкою тѣхъ же Галицкихъ Самборцевъ...

³⁾ Акты Ю. З. Р., X, 811—812.

⁴⁾ Ни въ Б., ни въ М. Самборахъ этого «храма» теперь нѣтъ
См. ниже

тогда уже Самборецъ имѣлъ свои особыя земли". Послѣ войны Хмельницкаго, Самборцы продолжали владѣть тѣми же землями, при чёмъ это село тогда было настолько многолюдно, что „и тое доводится, же сотня Самборская прежде въ Маломъ Самборцѣ бывала; а якъ настали Чигиринскія войны, то одно, за переходами военными великороссійскихъ людей, подъ Чигиринъ, а другое, за оскудѣніемъ дровъ,—(много жителей) зъ того села, на трактѣ великому лежачому,¹⁾ розишлось и только семнадцать хатъ осталось".²⁾ Отсюда можно заключать, что теперешній Мал. Самборъ сталъ называться *малымъ*, послѣ того, какъ онъ запустѣлъ послѣ гетманскихъ междуусобицъ, послѣдовавшихъ послѣ смерти Б. Хмельницкаго, (преданіе указываетъ на Чигиринскіе походы, которые свѣжѣ были въ народной памяти въ 1721 г., чѣмъ блужданіе татаръ по Украинѣ въ 1658—663 гг.⁴⁾) причемъ покинувшее Мал. Самборъ (вѣрнѣе—старый Самборъ) населеніе тутъ-же, невдалекѣ отъ „великого тракта“, въ глухомъ мѣстѣ, основало другой Самборъ, который, имѣя въ 1666 г. 32 двора (крестьянъ), назывался уже *великимъ*, въ отличіе отъ стараго, въ то же время имѣвшаго только 13 двор. (крестьянъ) и потому названнаго *малымъ*.

Самойловичемъ Мал. С—ръ былъ отданъ Мазепѣ, бывшему тогда гетманскимъ „дворяниномъ“, а когда Мазепа самъ сталъ гетманомъ, то присоединивъ къ М. С—ру два села,—Вел. Самборъ и Корибутовъ, онъ образовалъ особое Самборское староство, вошедшее въ составъ Батуринаской волости. Главною статьею дохода съ этого старства, повидимому, было сѣно, которое накашивалось на Самборскихъ стенахъ для гетманской конюшни. Послѣ смерти Скоропадскаго, Самборское ст—во поступило въ распоряженіе Вельяминовской коллегіи, пока въ 1726 г. Батуринаская волость не была выпрощена Меншико-

¹⁾ Этотъ «великій трактъ» соединялъ тогда сѣверную Малороссію съ южною и—въ XVIII в. былъ обращенъ въ почтовую дорогу, по которойѣ вѣзли изъ Стародуба и Глухова въ Переяславъ (См. Кратк. Геогр.), полит. и историч. изв. о М. Россіи, В. Рубана (Сиб., 1773) стр. 45.

²⁾ «Очерки», Села Вел. и Мал. Самборы.

вымъ у Екатерины I. Новый владѣлецъ нашелъ хозяйство въ этой волости, повидимому, сильно запущеннымъ, потому что не медленно назначилъ сюда управляющимъ самаго расторопнаго изъ своихъ прислужниковъ, Андрея Гудовича. ¹⁾ Новый управляющій прежде всего поперемѣнялъ во всей волости старость, при чёмъ въ Самборѣ поставилъ старостою Кальницкаго. Заводя новые порядки, Гудовичъ первый наложилъ руку и на Самборскихъ козаковъ, которыхъ до того гетманскіе приказчики не трогали. Но Гудовичъ не долго распоряжался новымъ владѣніемъ своего патрона; въ 1727 г. Меншиковъ палъ и Батуринъ взята была въ казну. Въ слѣд. 1728-мъ году Самборскіе козаки, „до дворца Самборскаго належніе“, жаловались Апостолу: „въ прошломъ 1726 г., когда отписано село наше Самборъ на кн. Меншикова, въ то время п. А. Гудовичъ поставилъ въ ономъ селѣ старостою Сем. Калницкого, который намъ превеликія обиды и нещадные побои чинитъ“... Засимъ самборцы перечисляли рядъ обидъ, заключавшихся въ отнятіи „грунтовъ“ и разнаго рода насилияхъ надъ козаками, при ихъ работахъ около „дворца“. ²⁾ Называя себя „козаками належными до дворца“ (Самборскаго), жалобщики тѣмъ же самымъ указывали, что они уже въ то время находились въ положеніи близкомъ къ крестьянству. Окончательное превращеніе козаковъ Самборскаго старства въ крестьянъ совершилось мало-по-малу, подъ давленіемъ самовластія тамошнихъ старостъ, изъ которыхъ Кальницкій и его преемники, Илейко и Пучковскій, пользовались почти безграничною властью, заручившись благорасположеніемъ членовъ „министерскаго правленія малороссийскихъ дѣлъ“, для которыхъ изъ Самборовъ удѣлялась немалая часть разнаго рода сельскихъ продуктовъ.

Экономическій упадокъ Батуринской волости достигъ наконецъ такой степени, что Глуховское „министерское правленіе“ вынуждено было представить обѣ этомъ въ Петербургъ. Оттуда былъ присланъ новый управляющій въ лицѣ ген.-майора Юрія Вейсбаха,

¹⁾ См. о немъ Опис. Стар. Малор., I, 279 и слѣд.

²⁾ „Очеркъ“, с.с. В. въ М. Самборы.

Прилуцкій полкъ.

Приложение къ Кіевской Старинѣ 1901 года.

который энергически принялся за Батуриинское хозяйство, причемъ въ Самборскомъ ст—въ открыть большія злоупотребленія старостъ.¹⁾ Изъ произведенной по распоряженію Вейсбаха описи этого ст—ва видно, что въ 1740 г. въ В. Самборѣ было крестьянъ—57 дв. и „придворныхъ описныхъ подданныхъ козачьихъ“—59 д., а въ М. Самборѣ: крест.—20 дв. и „поддан. козачьихъ“—39 дв. Крестьяне платили денежный налогъ отъ головы рабоч. скота, по 20 к. и, кромѣ того, по $1\frac{1}{2}$ четверти овса (при чемъ за этотъ овесъ можно было платить деньгами по 21 к.); да кромѣ того, каждый дворъ долженъ былъ поставлять разную птицу, которая тоже могла быть замѣняема деньгами: гусь и каплунъ по 6 к., а утка по $3\frac{1}{2}$ к. „Пѣшіе“ платили отъ двора по 10 к. и за овесь по $15\frac{2}{3}$ к. Всѣ эти платежи полагались сверхъ личныхъ работъ. „Козачи подданные“ несли повинности особаго рода: „всякія услуги исполняли до дворца В. Самборскаго,“ а въ Батуриинской к—ріи „употреблялись для разсылки писемъ“.

Ознакомившись съ Самборскимъ ст—вомъ, Вейсбахъ устроилъ здѣсь конный заводъ, назначенный для ремонта конной гвардіи, причемъ управляющимъ завода былъ назначенъ поручикъ этой гвардіи ф. Лоссовъ. Для расширенія завода, къ Самборскому старству присоединены были свободныя земли соседнихъ сель, а съ ними вмѣстѣ и крестьяне этихъ сель, остававшиеся еще свободными отъ частнаго владѣнія. Такимъ обра-

¹⁾ Свои злоупотребленія старости прикрывали разными „обсылками“ Глуховскихъ властей. Самборской войтѣ наapr. рассказывалъ Вейсбаху, что староста Пучковскій раза по-два и по-три въ годъ собираль у Самборскихъ „подданныхъ“ молодыхъ „баранцовъ“, которыхъ затѣмъ и отсыпалъ въ Глуховъ, а кому—онъ не знаетъ. Пучковскій пояснилъ, что овецъ онъ посыпалъ въ Глуховъ—тамошнимъ „министрамъ“, по ихъ требованію: кн. А. И. Шаховскому и кнізю Н. Ф. Барятинскому, да отсыпалъ еще ягнятъ въ Киевъ къ „генеральшѣ“ А. И. Румянцова. Овчары казеныхъ овецъ показали, что взъ тѣхъ овецъ они отгоняли въ маетность Миниха—200, да генерала А. И. Румянцова присланному изъ с. Кучеровки (ок. Глухова), отдали 170 овецъ... Оказалось также, что на Самборскихъ степахъ вынашивались лошади и скотъ кн. Барятинскаго въ А. И. Румянцова...

зомъ къ Смб—му ст—ку были присоединены: с.с. Дептовка, Голенка, Дмитровка, Рябухи и друг. Послѣ отдачи Батурицкой волости во владѣніе пов. гетмана Разумовскаго, Смб—кіе козаки пробовали было возвратиться въ прежнее состояніе, но безуспѣшно¹⁾.

В. Самборъ. Кр. II. 32 х. А. 106 д. В. ? В. 67 д. Пс. 4 д.

Г. 50 д. 62 х. Пс. 5 бд. х. Д. вмѣстѣ съ бывш. козак., 158 д. 266 х. 2 бд. х. Кз. по вѣд. 1740 г. не показаны, а по вѣд. 1753 г. („придворныхъ козаковъ, т. е. бояръ, которое къ дворцу В. Самборскому служатъ и повинности отбываютъ“) ихъ было 49 д. 49 х. 46 бд. х. Цркв. свят. Николая. Свящ. Федоръ Тимошевскій и Антонъ Андріевскій.

М. Самборъ. Кр. II. 13 х. А. 42 д. В. ? В. 49 д. пс. 4 д.

Г. 23 д. 34 х. Д. вмѣстѣ съ бывш. козак. 104 д. 178 х. Кз. по вѣд. 1740 г., также вѣтъ, а по вѣд. 1753 г. (подъ тѣмъ же названіемъ „придворныхъ“)—8 д. 8 х. 51 бд. х. Цркв. Цокрова Б—цы. Свящ. „настоятель“ Михаиль Фотинскій и „викарный“ Иванъ Андріевскій.

1) Изъ предложенія гр. Румянцева Млрск. коллегії, 1779 г., видно, что „по искальствству“ этихъ козаковъ „изъ подъ владѣнія гр. К. Г. Разумовскаго, производимы были слѣдствія въ судѣ генер. и въ 1765 г. рѣшено о бытіи имъ и инымъ попрежнему козаками и о выключеніи пзъ подданства, и что на оное рѣшеніе отъ стороны економіи его с—ва (т. е. Разумовскаго) апелляція не подано; а (но) они (б. козаки) употребляются ею (экономіей) въ поданнические повинности и разнообразно угнетаются, о чёмъ хотя и подано отъ нихъ въ Млрск. коллегію доношеніе, но г.г. члены отказываются отъ присутствія по сему дѣлу, то свойствомъ, то иными предлогами“. Указывая эти обстоятельства, Румянцовъ „рекомендовалъ коллегії— доношеніе бывш. козаковъ разсмотрѣть и учинить опредѣленіе согласное съ законамъ“, добавляя, что члены могутъ отводить себя только по законнымъ причивамъ, а не по своему желанію. Знаемъ, что псканія бывш. козаковъ кончились ничѣмъ, хотя намъ и не известно рѣшеніе коллегії по предложенію Румянцева. См. „Очерки“, Самборы.

С. Корибутовъ, „между двухъ рѣкъ, Торговицы и Ромна“, поселенъ, какъ видно и изъ названія, однимъ изъ Вишневецкихъ, вѣроятно Константиномъ, который во время своего опекунства надъ Еремеемъ Вимъ, заселялъ и укрѣплялъ восточную границу имѣній послѣдняго отъ Московскаго государства. По документу Пшездѣцкаго въ К. было 600 „господ.“, а по „Рестрамъ“ 1649 г. К. показанъ центромъ особой сотни. При перѣѣздѣ чрезъ К. патр. Макарія, племянникъ его отмѣтилъ, что „маленький базаръ (поселеніе) Карабута окружено двумя большими болотистыми озерами“; въ видѣ послѣднихъ представлялись путешественнику конечно рѣчки Торговица и Роменъ, какъ видно заболоченные уже и тогда. Упоминаетъ Павелъ Алеппскій и о Крб—ой церкви: „насъ ввели въ благолѣпную, большую, высокую церковь, вновь построенную, еще не освященную“, при чемъ церковь была, по просьбѣ жителей, освящена Макаріемъ, въ честь св. Николая. (Шв. Муркоса, II, 93). Любопытно указаніе Лавла Ал—аго, что К. составлялъ послѣдній предѣль земли козаковъ, а за нимъ—уже не было (до Путивля) поселеній: «однѣ покинутыя земли, развалины и необработанныя земли».

Переписывая въ 1666 г. населеніе К. и двухъсосѣднихъ селъ, Фесевки и Гирявки, московскіе переписчики добавляютъ: а „угодей въ мѣстечкѣ въ К.—вѣ и въ селахъ—рѣкъ и озеръ, и мелницѣ и руда (?), и пасекѣ и иныхъ никакихъ угодій и заводовъ, ничего нѣть, потому что разорено отъ воинскихъ людей“. Упоминаемое разореніе происходило конечно при Выговскомъ и Ю. Хмельницкомъ.—Послѣдующая судьба К. была во всеиъ одинакова съ исторію обоихъ Самборовъ, т. к. К. вошелъ въ составъ Самборского староства, при чемъ Корб—скіе козаки обращены были въ крестьянъ и поступили во владѣніе К. Разумовскаго, въ составѣ Батуриинской волости. Кр. II. 18 х. А. 36 д. В. ?. В. 38 д. пс. 1 д. Г. 29 д. 33 х. пс. 2 д. 2 х. Д. 59 д. 89 х. пс. 2 бд. х. (вмѣстѣ съ б. козаками). Кз. В. ?. Г. 23 д. 30 х. Црк. свят. Николая. Свящ. Захарій Стефановъ.

С. Гирявка, „руда“ Торговица, ¹⁾ поселена, повидимому, въ пол. XVII в., такъ какъ раньше этого времени она не упоминается.²⁾ Поселена Г. На земляхъ Корибутовскихъ и, какъ кажется,— Корибутовцами *Гиренками*, которые еще и въ 1691 г. прода-вали находившися тутъ свои земли заднѣпровцу Юрію Харе-вичу, оселившемуся около Г—ки хуторомъ.³⁾ Г. оставалась сво-боднымъ селомъ до 1689 г., когда была отдана Мазепою какому то Радичу: „ресцептомъ чирствыхъ и рейментови нашему зичли-вихъ у Войску услугъ и. Тимоѳея Радича, тов. войск., надалисмо ему и тимъ унѣверсаломъ нашимъ надаемо, до ласки нашео вой-сковое, селце Гирявку, въ ключу Краснянскомъ лежачое. А такъ пилно мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ, жебы ему Ра-дичу въ владѣнью селца оного Г., никто зъ старшини и чернѣ не чинилъ перешкоды, а войтъ зъ посполитими людми, абы ему въ кошению сѣна и во всякихъ ко вспартю его господарскому потребныхъ дѣлехъ належитое отдавалъ послушенство и повин-ность обиكلую; козаки однако въ томъ селцѣ мешкаючие и услуги войсковіе отправуючие, маютъ быти захованіи при належнихъ своихъ войсковыхъ волностехъ, тое варуемъ пилно...“

Радичъ по происхожденію былъ, кажется, сербъ, судя по фа-милії. Прибывъ въ гетманщину, онъ оселился въ с. Старой (Ко-нотопск. сотни) и сталъ тутъ скупать земли.⁴⁾ Въ актѣ 1681 г. онъ называется „славетнымъ паномъ“, слѣд. человѣкомъ, имѣвшимъ уже извѣстное положеніе; не занимая никакого уряда, онъ писался войск. товарищемъ и состоялъ „при боку“ гетмана, для исполненія разныхъ порученій.⁵⁾ Какъ видно, Р—чъ умѣль уго-дить Мазепѣ и не смотря на свою незначительную роль, успѣль полу-чить населенную маентность. Передъ переселеніемъ въ Г—ку, Р. женился на дочери будущаго Прилуцк. полковника Носа, Ме-

¹⁾ Въ Румянц. оп.—«с. Г. при рудѣ, называемой Торговицѣ, на мѣстѣ низкомъ, при небольшой отъ полуденной стороны горѣ».

²⁾ См. упоминаніе о Гирявкѣ Опис. Стар. Малор., II, 392.

³⁾ Записки Черниг. Ст. Комит., II, 296.

⁴⁾ См. Обозр. Румянц. Описи, стр. 230 и 257.

⁵⁾ Записки Черниг. Стат. Комит., II, 297.

ланьѣ, которая въ это время была вдовою послѣ смерти первого своего мужа, какого-то панка Быстроновскаго, оставившаго послѣ себя въ Старой значительное количество грунтовъ, которые вѣроятно и привлекли вниманіе Р. къ его вдовѣ.—Ставъ Гиравскимъ державцею, Р. прежде всего началъ скупать здѣсь разнаго рода земли („сѣножати, перелѣски, поля робочіе“), которыхъ, какъ видно, въ его маєтности на долю державцы приходилось мало. При разслѣдованіи, послѣ смерти Радича, количества купленной имъ земли, оказалось, что послѣдней „вынайшлося волокъ сто“²⁾ Интересно, что Р. покупалъ земли не только у козаковъ, но и у крестьянъ, т. е. у своихъ „подданыхъ“, изъ чего хорошо видны тогдашнія отношенія къ послѣднимъ ихъ державцевъ.³⁾ Послѣ измѣны Мазепы, Р., какъ и всѣ тогдашніе державцы, оставшиеся „вѣрными, въ тотъ же годъ (1708 г.) выхлопоталъ себѣ у новаго гетмана подтвердительный универсалъ на Г—ку; кромѣ того Р. умѣль выпросить у него же,

¹⁾ Тамъ же, стр. 298.

²⁾ Въ «волокѣ» обыкновенно считалось 12 десятинъ.

³⁾ Приводимъ здѣсь одну изъ кучихъ на лѣсъ въ с. Г—кѣ, купленный Р—чемъ несомнѣнно у одного изъ своихъ «подданыхъ», такъ какъ продажа была заявлена не *атаману*, а *войту*, т. е. представителю крестьянъ. «Року 1694, мця априля дни 22. Передо мною Хвескомъ Петренкомъ, на тогъ часъ бывшимъ войтомъ Гиравскими, и при инѣ сидачихъ людей зацнхъ и вѣри годнихъ, жителей Гиравскихъ на имѧ: Грицка Щенка, Сидора Саенка, Матвія Логвиенка, Ивана Балдѣя, Гаврила Начипоренка, Левка Шила и пнїхъ было не мало и того прислухающихъ, ижъ ставши очевисте пправа трїзвий, не подпилпий, на имѧ Назаръ, сестренецъ небожника Микити Палчика, оловидался намъ, ижъ продалъ хату с плецемъ и с полемъ небожника Микити Палчика, ему присужденую предъ судомъ войскъ. енералнимъ, за суму певную коцъ 10, а особливѣ лѣсъ и сѣножатъ Палчиковскую за 40 золотихъ и за клять з лошамъ, славетне урожоному его млти шну Тымофѣю Радичу, державци Гиравскому, на вѣчные часы... Дѣялося въ селѣ Гиравци, року и дни вишней писанного». «Писарь того декрета Антонъ Косинскій, дакъ Гировскій. (Съ подлинника). Лѣсъ называемый Пальчиковской—находится и нынѣ во владѣніи наслѣдниковъ Радича.

въ добавокъ еще и „селце Старое, где и хуторъ его найдутся“. Въ слѣд. году (1709 г.) Р—чъ умеръ, оставивъ пять дочерей и внуку, отъ шестой дочери, умершой. Всѣ дочери выданы были замужъ еще при жизни отца: Марья—за Кр.-Колд. сотника Лашинскаго (с. 237), Ульяна—за б. тов. Максима Антоновича, Анна—за Кр.-Колд. козака Зуба, Настасья—за Конотопск.: мѣщанина Тищенка и Марина—за Гирявскаго дьяка Фому. Персональ этихъ зятей показываетъ, что „державный панъ Гирявки“, какъ подписывался Р—чъ, долженъ быть породниться съ людьми, ниже его стоявшими, вслѣдствіе своей малоимущественности, которую, конечно, не привлекала жениховъ болѣе видныхъ.—По смерти Р—ча всѣмъ имѣніемъ стала распоряжаться его вдова, при помощи зятя Лашинскаго. Послѣдній въ 1717 г. лишился сотничества (с. 238), а вмѣстѣ съ нимъ и урядового села Попарь. Послѣ этого Л—й обратился къ гетману съ просьбою—утвердить за нимъ Г—ку, какъ „тестевское село“ и получить тогда же (1717 г.) универсаль, по которому Скоропадскій отдалъ это село Л—му „въ зуполное владѣніе“, „респектуючи на войсковое услуги“ его. Не смотря на наличность другого у Радича зятя, также несшаго войсковую службу, Антоновича, Г. оставалась въ исключительномъ владѣніи Лашинскаго до его смерти, а послѣ смерти Л—аго въ 1719 г., вдова его выпросила у гетмана слѣд. универсаль: „мы, гетманъ, прошенію еи, п. Марії Леонтьвой Л—ой, давши у себе мѣстце, а мѣючи въ свѣжой памяти войсковые покойного п. Л—ого услуги... велѣлисмо сей нашъ универсаль выдать, позволяющи еи, п. Л—ой, помянутую Г—кою владѣти“. Но послѣ выдачи этого универсала, заявили свои претензіи на „тестевское“ село и другіе зятья Р—ча. Въ 1721 г., между наслѣдниками послѣдняго состоялось слѣдующее соглашеніе: Лашинской уступлена была вся жалованная Г. рявка, въ виду издержекъ понесенныхъ ея мужемъ при судебныхъ процессахъ съ пасынкомъ Р—ча Быстронскимъ, за Радичевскія имѣнія, а всѣ земли, купленныя Р—чемъ—раздѣлены были на шесть частей, для пяти дочерей и шестой внучки Р—ча. Противъ этого раздѣла наслѣдники Р—ча не спорили пока живъ былъ Скоропадскій, который видимо покровительствовалъ Лашинскимъ, но затѣмъ зять Антоновичъ первый началъ въ

судъ споръ, доказывая, что Г., какъ утвержденная за Р—чемъ царскою грамотою, должна быть раздѣлена между всѣми его наследниками поровну. Хотя генер. судъ и отказалъ Антоновичу въ его домогательствѣ, но въ 1740 г. это рѣшеніе было генер. к—ріей отмѣнено и велѣно было Г—ки „съ полами пахатными, раздѣлить на пять персонъ, дочерамъ Т. Р—ча“. Но такъ какъ двѣ изъ этихъ дочерей, Настасья и Марина, выйдя замужъ за „простыхъ людей“, не имѣли права владѣть „шляхетскими добрами“, то ихъ части были раздѣлены между остальными тремя сестрами, а Марина и Настасья получили деньги.¹⁾ Но и послѣ этого Антоновичъ долго еще спорилъ съ Лашинскими (вдовою Леонтия и ея сыномъ Петромъ), а когда умерли старики, то споръ продолжался между Петромъ Л—мъ и сыномъ Антоновича, Павломъ. Споръ усложнился тѣмъ, что мачеха послѣдняго (вышедшая замужъ за Григорія Костенецкаго) уговорила пасынка выдать ей какую-то „бумажку“ на принадлежавшую ему часть Гирявки. Не давая никакого значенія этой „бумажкѣ“, Лашинскіе по смерти Павла Ант—ча, завладѣли его частью Г—ки, изъ-за чего возникъ многолѣтній процессъ между Лашинскими и Костенецкими, кончившійся чуть не полнымъ разореніемъ первыхъ. Между прочимъ, Лашинскіе, желая спасти отъ Костенецкихъ свое Гирявское имѣніе, „умышленно“ распродали его разнымъ своимъ соображеніямъ-пріятелямъ, чѣмъ и объясняется появленіе въ к. XVIII в. въ Гирявкѣ новыхъ владельцевъ. Кр. II. 17 д. А. 27 д. В. 26 д. В. 48 л. пс. 2 д. Г. 40 д. 47 х. пс. 5 бд. х. Д. 70 д. 96 х. ис. 1 бд. х. Кз. В. 17 д. Г. 18 д. 23 х. Црв. Покрова Б—цы. Свящ. Никита Чернышевъ. Въ опис. Г—ки 1780 г. значится: „лежитъ при болотѣ“; коз. 18 д. 56 х.; кр., ст. сов. Жоравки, 3 д. 4 х.; б. тов. Петра Лашинского, 14 д. 21 х., судьи Петра Базилевича,²⁾ 25 д. 37 х.; в. тов. Якова Соколовского, 18 д. 21 х.; козака

¹⁾ Подробности см. въ Записк. Чернаг. Стат. Комит., II, 309.

²⁾ Подробности процесса Лашинскихъ съ Костенецкими, см. тамъ же.

³⁾ Впослѣдствіи Конотопскій городничій.

Шкитка Радича, 1) 10 л. 13 х.; свящ. сыва Ант. Голубицкаго,
1 х. подс.

С. Куриловка, рч. Торговица, въ перв. пол. XVII в. не упоминается; слѣдуетъ поэтому думать, что К. возникла только во втор. пол. этого вѣка,—вѣроятнѣе всего—во время правобережной „руины“, такъ какъ и по описи 1666 г. она еще не значится. Очень мож. б., что К. поселена выходцами изъ правобережной Куриловки (Каневск. у.), перенесшими сюда название прежняго своего поселенія. Въ 1688 г. К. была отдана Мазепою правобережному выходцу, бывшему Корсунскому полковнику Федору Кандибѣ, за которымъ утверждена была и царскою грамотою, въ 1690 г.²⁾ Кр. А. 37 д. В. 23 д. В. 47 д. Г. 45 д. 52 х. Д. 64 д. 82 х. Пс. 5 бд. х. Кз. В. 4 д., а затѣмъ ихъ вѣтъ, потому, конечно, что земли ихъ были Кандибами „скуплены“. Црк. Рождества Б—цы. Свящ. Лука Рудаковъ. По опис. Пащенка, въ К. показано „подданныхъ“ б. т. Данила Кандибы, 64 д. 84 х. и Кирил. свящ. подсос.—5 х.

Д. Шпотовка, болото р. Ромна, образовалась изъ Куриловского выселка и получило название по прозвищу крестьянъ Шпотъ, первыхъ ея насельниковъ.

Д. Капитановка, бол. р. Ромна, поселена однимъ изъ Кандибъ (Василіемъ) во втор. пол. XVIII в. и названа такъ по капитанскому чину ея основателя.

С. Пекари, р. Роменъ, въ перв. полов. XVII в. не упоминаются; вѣроятно, что П. поселены вмѣстѣ съ Куриловкою, —того же времени же выходцами изъ сосѣдняго съ правобережною Куриловкою села Пекарей³⁾). Первымъ державцею Пекарей былъ такой же правобережный выходецъ какъ и Кандиба—Ива[...] Ли

1) Что это былъ за Шкитко Радичъ, видимо свызыавший себя съ первымъ Гирявскимъ державцемъ, мы не нашли объясненій.

2) О Кандибахъ и ихъ переселеніи съ прав. берега на лѣвый см. Опис. Ст. Малорос., II, 184 и слѣд. О вѣроятности основанія Куриловки выходцами изъ Каневской Куриловки см. ниже, с. Пекари.

3) Село это находится верстахъ въ 10-ти отъ Канева, но принадлежитъ къ уѣзду Черкасскому.

сица, бывшій передъ тѣмъ Брацлавскимъ полковникомъ. На лѣв. берегу Лисица получилъ отъ Самойловича охочепѣхотное полковничество и с. Пекари. Въ 1685 г. Лисица былъ посыаемъ гетманомъ въ Константинополь для переговоровъ съ тамошнимъ патріархомъ о подчиненіи Кіевск. митрополіи Московскому патріарху. (Солов., кн. III, 1000). При Мазепѣ Лисица также пользовался значеніемъ. Онъ оставилъ двѣ дочери, изъ которыхъ одна, Марья, была замужемъ за Городницкимъ сотникомъ Андреемъ Стаковичемъ, а друга—за бунч. тов. Вас. Дорошенкомъ. Между этими двумя дочерьми и были раздѣлены II. Часть II., доставшаяся Стаковичамъ, была раздѣлена вдовою Андрея Стаковича, въ 1731 г., между двумя ея сыновьями, Андреемъ и Григоріемъ, по духовному завѣщанію, такъ: „Половину грамотного¹⁾ села Пекаровъ з дворцемъ моимъ владѣльческимъ, мнѣ по родителяхъ моихъ в наслѣдіе доставшуюся, всю сполна въ мужикахъ, въ степу и во всѣхъ угодіяхъ, безъ остатка, старшому синовѣ моему Андрею ледую по смерти, а по жизнь мою оная половина въ владѣніи. Такжѣ въ с. II—хъ млинокъ вешнякъ, коштомъ его Андрея устроенный, отъ нынѣшняго времени на вѣчное ему поручаю владѣніе²⁾. Другая половина II—рей принадлежала Василію Андреевичу Дорошенку. Кр. А. 20 д. В. 42 л.
В. 22 д. Г. 27 л. 27 х. (Андр. и Григ. Стаковичей и Вас. Дорошенка). Д. 84 д. 105 х., б. тов. Ивана и Петра Стаковичей и пс. З бд. х. Пекар. свящ. Степана Рублевского.

Въ опис. 1780 г. „с. II. Лежитъ на лѣв. бер. рч. Ромна и особо сего имѣется тамъ притокъ, на коемъ плотинъ 3 и на нихъ 4 амбара“. Црк. Покрова Б—ды. Свящ. Степанъ Никитичъ (Рублевский?),

„Слободка“ Савинцы, рч. Роменъ, чоселена ок. 1730 г. Марьей Стаковичъ, какъ обѣ этомъ значится въ ея завѣщаніи;

¹⁾ Т. е. укрѣпленного царскою грамотою. Такія маєтности назывались иначе—«грамотальными».

²⁾ Духовное завѣщаніе Маріи Стаковичъ, въ подлиннике, въ напи. б—кѣ.

сказавъ о П—ряхъ, она говоритьъ, что тамъ же „на грамотномъ степѣ Пекаровскомъ, надъ рудкою Ромномъ, осаженная мною слободка, прозваниемъ Савинки“, послѣ ея смерти должна перейти въ сыну ея Григорію. Къ к. XVIII в. С—цы перешли въ Дорошенкамъ, вѣроятно взамѣнъ принадлежавшей имъ части въ Пекаряхъ, которые въ то время уже всецѣло принадлежали Стаковичамъ. Въ 1780 г. въ С. показано крест. б. т. Дорошенка 12 д. 17 х. 3 бл. х.

„Слободка“ *Базиловка*, рч. Роменъ, поселена одновременно съ Савинцами, на другомъ берегу, Вас. Дорошенкомъ, по имени которого и названа. О поселеніи Б. тамошній крестьянинъ въ 1731 г. такъ разсказываль: „жиль я прежде въ Смѣломъ (Ром. у.), а потомъ слышачи, что п. Вас. Дорошенко зазываетъ на слободу, на три года, въ слободку свою Базиловку, и я перешелъ туда въ готовый домъ, ионеже тамъ много было дворовъ пустыхъ.“¹⁾ Поселяя Б., Дорошенко прихватилъ къ ней немало земли, которую Кандибы считали Куриловскою. Споръ за эту землю между Кандибами и Дорошенками длился чуть не до конца XVIII в. Кандибы жаловались на угрозы Дорошенка, что „пока де ояъ у К—бъ степу не отниметъ, до тѣхъ поръ „валчиты“ (спорить, тягаться) съ ними не перестанеть;“ а Д—ко, въ свою очередь, жаловался, что Вас. К—ба деревню его Базиловку въ конецъ разорилъ тѣмъ, что многихъ мужиковъ изъ той д. Б—ки въ Куриловку „свободно жить перезываетъ“.²⁾ Въ 1780 г. въ Б—кѣ показано 19 д. 21 х. 1 бл. х.

„Слободка“ *Вороновка*. По вѣд. 1753 г. въ ней показано: 8 д. 8 х. 16 бл. х., а по вѣд. 1780 г.—16 д. 18 х. 2 бл. х., при чёмъ владѣльцемъ показанъ б. тов. Стороженко.³⁾

¹⁾ «Очерки», д.д. *Савинцы и Базиловка*.—При поселеніи слободъ, «державцы» почти всегда предварительно заготовляли для прішельцевъ хаты.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ Другихъ скѣдѣній обѣ этой сл—кѣ мы не нашли и потому не можемъ объяснить какъ попало сюда владѣніе Стороженко и资料ного изъ нихъ.

„Слободка“ Юровка, „притокъ безыменный“, поселена въ перв. полов. XVIII в., какъ видно изъ слѣд. жалобы Роменск. протопопа Евстафія Стефановича, 1748 г.—„имѣется у меня въ полку Прилуцкомъ, въ сотнѣ Кр.—Коляд., въ поляхъ с. Корибутова, на яру зовомомъ Глубокомъ, отческій мой футоръ, съ полемъ, прудомъ, млиномъ и двома въ немъ колесами; онимъ футоромъ владѣль отецъ мой пресвитеръ Крб—ій Стефанъ Ивановичъ, а по смерти его, братъ мой, попъ же Крб—ій Ioаннъ Стефановъ, спокойно по 1740 г. владѣль; а въ 1740 г., по смерти Ioанна Стефанова, который бездѣтенъ умре, когда бывшій г.-м. Юрій Вейсбахъ имѣль въ дирекціи—волости описныя, то оній футоръ мой по единой тому причинѣ, что онъ смеженъ съ описными волостми, насильно и нападочно отнялъ отъ меня, и нѣсколько дворовъ вблизости того моего футора, *на свое имя называю Юревкою*, слободою населилъ“.¹⁾ Присоединенная къ Самборскому старству, Юровка затѣмъ поступила во владѣніе Рazuловскаго. Въ 1780 г. въ ней показано крест. 47 д. 71 х.

С. Фесевка, „на лѣв. стор. рч. Ромна, въ чистыхъ поляхъ“, возникла не позже полов. XVII в., вѣроятно изъ какого-нибудь Корибутовскаго выселка. Ф. была свободна до 1713 г., когда отдана была Скоропадскимъ „на вспарте го́сподарства“, Конотопскому стн—ку Костенецкому, въ родѣ котораго затѣмъ и остались.²⁾ Кр. П. 5 д. А. 26 д. Б. 51 д. В. 69 д. Г. 26 д. 60 х. Д. 45 д. 58 х. пс. З д. 5 х. 1 бд. х. Кз. В. 13 д. Г. 10 д. 14 х. пс. 3 бд. х. Д. 5 д. 9 х. По опс. 1780 г. показаны слѣд. владѣльцы крестьянъ: б. т. Григорій Костенецкій, 12 д. 15 х.; в. тов. Алексѣй Кст—ій, 13 д. 16 х.; в. тов. Ioасафъ Кст—ій, 4 д. 5 х.; дѣти умерш. Конотопск. сотн. Федора Кст—аго, 11 д. 16 х.; дѣти ум. в. тов. Мойсея Кст—аго, 5 д. 6 х. Пс. свящ. Фесевк. Федора Андреева 2 д. 4 х. Црк. пресв. Тройцы. Свящ. Федоръ и Петръ Андріевскіе.

Слоб. Кошары, „въ прав. стор. отъ рч. Ромна, у протока, неимѣющаго названія“ (1780 г.), возникли около овечьихъ сара-

¹⁾ Тамъ же, д. Юревка.

²⁾ Тамъ же, д. Фесевка.

евъ, наз. по-малорос. *кошарами*. Овечи стада были здѣсь заведены при Меншиковѣ, для чего и была отдана значительная часть степи, принадлежавшей къ с. Дептовкѣ. При Вейсбахѣ овцеводство было замѣнено коневодствомъ, причемъ для выпаса табуновъ захватъ Дептовской степи былъ увеличенъ; въ 1740 г. вся захваченная степь простидалась въ длину до 14-ти верстъ, а въ ширину—до 3-хъ. Послѣ уничтоженія копского завода (с. 290), около хутора остался обширный пустырь, привлекшій къ себѣ населеніе, при чёмъ и образовалась слобода, получившая название *Кошарь*. Во время Румянцовской описи, здѣсь было 41 хата, изъ которыхъ только у половины были дворы, а остальная хаты были—бездворныя, слѣд. занятыя бѣдняками, не имѣвшими никакого скота. Изъ переписи 1780 г. видно, что первымъ поселенцемъ въ К. былъ Дептовскій козакъ Василій Сайно, пришедший сюда въ 1730 г.¹⁾ По опис. 1780 г.—„подданныхъ“ гр. Разумовскаго, 61 д. 84 х., 3 „конюшенныхъ хатъ“, 17 „конюховъ изъ подданныхъ—хатъ“.

С. Дептовка, лѣв. бер. рч. Ромна, возникла ок. половины XVII в., вѣроятно изъ выселка В. Самбора. находящагося напротивъ, чрезъ рѣку. Д. оставалась свободною до 1708 г., когда вырошена была, вслѣдъ за измѣною Мазепы, тогдашнимъ Конотопскимъ сотникомъ Костенецкимъ, который при этомъ получилъ слѣд. любопытный универсаль Скоропадскаго: „Суплѣковаль до насъ п. Григорій Воловатый, сотникъ Конотопскій, просячи, обысмо надали ему село въ сотнѣ Краснянской Дептовкѣ... Респектуючи, якъ на его мененнего сотника Китпск—го зруйноване добръ чрезъ проходъ непріятельскій войскъ шведскихъ, такъ и на заслуги... надаемъ ему с. Д. Данъ въ Лебединѣ, дек. 11 дня, року 1708.“ Затѣмъ слѣдуетъ подпись: „въ Подлипномъ. Звышменованний гетманъ рукою власною“. Такимъ образомъ изъ этого универсала видно, что онъ „данъ“ въ Лебединѣ, Харьк. губ., а подписанъ около Конотопа, въ с. Подлипномъ. Какъ извѣстно, въ декабрѣ, 1708 г., Петръ В. I, при участіи Меншикова, чинилъ въ Лебединѣ судъ надъ

1) «Очерки», д. *Кошарь*.

согласниками Мазепы. Но тутъ же многіе изъ гетманцевъ, пользуясь случаемъ, сумѣли выпросить себѣ разныя милости въ видѣ урядовъ и маєтностей, за показанную де ими въ Мазепиномъ дѣлѣ „вѣрность“. Распоряжался этими милостями, главнымъ образомъ, Меншиковъ, повидимому, даже безъ участія гетмана. Кажется, что этимъ случаемъ воспользовался и Григорій Костенецкій и выпросилъ себѣ у Меншикова Дептовку, помимо Скоропадского. Такъ можно думать какъ потому, что универсаль „данъ“ въ Лебединѣ, а подписанъ въ с. Подлипномъ, около Конотопа, такъ и потому, что Костенецкій въ этомъ универсалѣ названъ не родовымъ своимъ прозвищемъ, а „уличнымъ“—Волѣватымъ; ¹⁾ названъ онъ такъ, слѣдуетъ думать, потому, что универсалъ писался не въ гетманской канцеляріи, въ которой не допустили бы такой невѣжливой ошибки относительно сотника оч. близкой къ Батурина сотни, а какимъ нибудь Меншиковскимъ писаремъ-гетманцемъ, который зналъ Костенецкаго только подъ его „уличнымъ“ прозвищемъ. Поэтому вѣроятно, что универсаль К—му на Дептовку далъ Меншиковъ въ Лебединѣ, а подписалъ универсаль Скоропадскій тамъ, гдѣ его настигъ К—ій, съ этимъ универсаломъ въ рукахъ. Впрочемъ, Д. не осталась у Костенецкаго, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ она является попрежнему свободнымъ селомъ; можетъ быть это произошло оттого, что гетману неудобно было отдавать Д. по ея нахожденію среди Самборскаго старства. Другая попытка на захватъ Д—ки сдѣлана была „господаремъ“ Скоропадскаго, Иваномъ Даровскимъ, который сталъ было усиленно здѣсь скупать земли и садить, на общественномъ выгонѣ, своихъ подсобѣдковъ. Смерть помѣшала Даровскому закрѣпить за собою намѣченную маєтность. А когда по смерти его, Дептовцы пожаловались Полуботку (слѣд. во время Вельяминовской коллегіи) на захватъ Даровскимъ ихъ общественного выгона, то изъ Глухова было приказано послѣдній очистить отъ построенныхъ на немъ хатъ. Но рѣшеніе Полуботка не было приведено въ исполненіе, такъ какъ вдова Да-

¹⁾ Объ этомъ прозвищѣ Костенецкаго см. «Очерки», с. Дептовка, стр. 13, и Опис. Стар. Малорос., II, 200.

ровского (дочь полк. сотника Петра Носенка) почти въ тоже время вышла замужъ за сына Андрея Гудовича, бывшаго однимъ изъ ближайшихъ прислужниковъ Меншикова. Вотъ этотъ второй мужъ Даровской, Василій Гудовичъ, обратился въ генер. к—рію съ просьбою—отмѣнить распоряженіе о сносѣ хатъ его жены. Ходатайство такого лица „правители“ не посмѣли не уважить и „скупля“ Даровского была возвращена его вдовѣ и дѣтямъ. Но такъ какъ Дептовское хозяйство было не съ руки Гудовичу, имѣнія которого находились въ Стародубщинѣ, то онъ Дептовскую „скуплю“ тогда же продалъ Хмеловскому сотнику Шкляревичу. Коренные крестьяне Д—ки и при Гудовичѣ оставались вирочемъ свободными, пока Вейсбахъ не присоединилъ ихъ въ 1740 г. къ Самборскому староству. Впрочемъ, свободныхъ крестьянъ въ это время въ Д. оставалось всего 13 двор.. такъ какъ въ „ратушныхъ“ селахъ крестьяне незамѣтно переписывались въ козачество, которое поэтому въ такихъ селахъ и преобладало. Но и у Шкл—ча Д—ая скупля оставалась недолго; онъ ее продалъ ген. подск. Скоропадскому, въ купчей которого (1744 г.) значилось, что онъ купилъ у Шкл—ча „хуторъ при с. Дептовкѣ, дворъ надъ р. Ромномъ, при которомъ (находится) левада съ поселившимися на ней поосѣдками, пять лѣсовъ, поля въ трехъ рукахъ 84 дня, ставокъ въ степу, близъ Кошаръ“ и проч., за 161 р. ¹⁾ Кр. II. 24 х. А. 62 д. В. ? В. 26 д. пс. 9 д. Г. 25 д. 35 х. ¹⁾ Д. 26 д. 41 х. (гр. Разумовскаго). Ез. В. 84 д. Г. 90 д. 119 х. Д. 144 д. 367 х. По опис. 1780 года, козаковъ показано тоже количество, а крест.: а) Батур. волости, 26 д. 41 х., майора Як. Скоропадскаго, 10 д. 12 х., войск. кнцста Романа Соколовскаго, подсосѣдк. 10 х., Голенск. сот. писаря Павленка, 2 д. 6 х. и друг. подс. 4 д. 5 х. Црк. Рождества Б—цы. Свщ. Иванъ Стефановичъ.

¹⁾ «Очерки», с. Дептovка.

¹⁾ Всѣ эти крестьяне по ревизіи 1740 г. названы «описными», т. е. присоединенными къ Самборскому староству, но это невѣрно, такъ какъ въ это количество видимо вошли и крестьяне Шкляревича, чѣмъ видно изъ вѣд. 1753 г., въ которой Дептовскіе кр.—не

Иваницкая сотня, заключая въ себѣ всего шесть сель, занимала незначительное пространство береговъ Смоши и двухъ ел притоковъ (с. 75). Иваницкая сотня существовала съ 1649 г.

Иваниціє сотники. Степанъ Степаненко, 1653 (Акты Ю. З. Р., X. 196). Савва Мищенко, 1672. Григорій Ивановичъ Волошинъ (Григорашъ), 1710—721. Иванъ Андреевичъ Стороженко, 1721—727. Павелъ Миницкій, 1727—737. Федоръ Свирскій, 1738—764. Григорій Андреевичъ Стороженко, 1770—781.

Волошинъ, судя по прозвищу, былъ по происхожденію *молохъ*, т. е. одинъ изъ тѣхъ молдаванъ, которыхъ, съ легкой руки Апостоловъ, немало пробралось въ гетманщину, гдѣ некоторые изъ нихъ успѣли получить болѣе или менѣе значительные уряды.¹⁾ На ряду съ ними и Волошинъ получилъ сотничій урядъ въ Иваницѣ. Можетъ быть, что В. былъ сыномъ, или какимъ-нибудь родичемъ, Брацлавскаго полковника Ивана Григораша, (который въ Мазепину измѣну чѣмъ-то заслужилъ особое вниманіе царя²⁾) и въ такомъ случаѣ В. могъ получить сотничій урядъ по представительству этого полковника. Впрочемъ, В. находился въ какомъ то свойствѣ и съ Скоропадскимъ (см. с. Бережовка). Вмѣстѣ съ урядомъ В. получилъ и урядовую сотничью маєтность с. Бережовку. Просотниковавъ ок. 10-ти лѣтъ, В. по какимъ-то обвиненіямъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ его судили и осудили, чтобы ему „впередъ никогда ни въ какихъ чинахъ не быть“.³⁾ Судили В., по всѣмъ вѣроятіямъ, за насилия надъ сотнями, судя по сохранившемуся указанию на от-

показаны такъ: а) принадлежащихъ къ В. Самборскому дворцу — 5 д. 5 х. 12 бд. х. и б) ген. подск. Скоропадскаго — 2 д. 2 х. 16 бд. х. Пс. 3 д. 3 х. 3 бд. х.

¹⁾ Эти выходцы очень часто усваивали себѣ фамилію Волошинъ, показывая себя, въ в. XVIII в., выходцами «изъ Молдавіи, изъ тамошняго шляхетства». См. въ арх. Полтавск. двор. собранія, дѣла №№ 166, 167, 146, 41, 110 и друг.

²⁾ См. Матеріалы военно-учен. арх. главн. штаба (Спб. 1871), т. I, стр. 658, 732, 844.

³⁾ Слѣдствіе о маєтности Прилуцк. полка, с. Бережовка.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕЩЕ СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО Г. ПЕРЕЯСЛАВА.	
А. А.	277—303
II. Н. А. КУЛИШЪ. Биографический очеркъ. (<i>Продолжение</i>).	
В. Шенрокъ.	304—330
III. ГОРОДЯНКА. Новость. (<i>Продолжение</i>). Л. Яновской.	331—362
IV. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКАГО ЭТНОГРАФА И НАРОДНАГО ВРАЧА С. Д. НОСА. (1829—1900). Гр. Коваленка.	363—400
V. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолжение</i>). Ор. Левицкаго	401—430

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Денежное жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ (1732 года); б) Гетманская надворная корогва; в) Для истории церковнаго прихода; г) Памяти М. О. Судьеника; д) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; е) Материалы для истории польского восстания 1831 года. Сообщ. В. Доманицкій; ж) Открытое письмо К. В. Болсуновскому. И. Каманина.	77—95
Текущія извѣстія	96—104
II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Литература украинскаго фольклора. 1777—1900. Н. Шугурова; б) В. Радичъ. Запорожская старина. В. Д.; в) «Матеріали до українсько-руської етнольгії». А. Малинка; г) Волжский странникъ. (Псевдонимъ). Волжская библиотека. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. Археологическая летопись.	105—138 139—149
III. ПРИЛОЖЕНИЕ. Описание Старой Малороссии. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 20 и 21.	305—336

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

—
ТОМЪ LXXIV.

1901 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ

Типографія Імператорскаго Университета Св. Владимира
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.

1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 іюля 1901 года.

Издание Л. ИДЗИКОВСКАГО въ Кіевѣ

12

УКРАИНСЬКÝХЪ ПИСЕНЬ

для мишаного хору

(Сопрано, Альтъ, Теноръ, Басъ)

зъ проводомъ фортепіяна

уложивъ

ЯНЪ ГАЛЛЬ

Директоръ співачого Товариства „Эхо“ у Львови.

1) Ой на гори та женци жнуть. 2) Оддала мене моя матинка. 3) А я люблю Петруса. 4) Чась до дому часть. 5) Та не люблю я ни Стецька ни Грыцька. 6) Чайка. 7) Йихавъ козакъ за Дунай. 8) Чыя прычына ростання моего. 9) Дивка въ синахъ стояла. 10) Не ходы Грыцю на вечерныци 11) У сусида хата била. 12) Ой Морозе Морозеньку, ты славный козаче. Дума.

Цѣна 60 коп., съ пересыпкой 75 коп.

Адресъ: Леону Идзиковскому въ г. Кіевѣ.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА 74-го:

ІЮЛЬ-АВГУСТЬ, СЕНТЯБРЬ, 1901 Г.

Книга первая и вторая — іюль-августъ.

ОТДѢЛЪ I.

I. ЕВРЕИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССИИ. Формы труда у евреевъ въ южной Россіи. (Историко-этнографические замѣтки). Ир. Житенцкаго	1—45
II. П. А. КУЛИШЪ. Биографический очеркъ. (<i>Продолжение</i>). В. Шенкрова	46—102
III. СЕРЕДЬ ТЕМНОЙ НОЧЫ. Повисть. (<i>Окончание</i>). В. Гринченка	103—168
IV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолжение</i>). Ор. Ле- вицкаго	159—209
V. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (1829—39 гг.). (<i>Продолжение</i>).	210—248
VI. ГОРОДЯНКА. Повисть. Л. Яновской.	249—276

ОТДѢЛЪ II.

1. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Практика смертной казни въ Старой Малороссіи; б) Къ исторіи „войско-ваго скарба“; в) Остатки преданія о Гонтѣ. Ф. Ф.; г) Счетъ судебныхъ издережекъ по дѣлу крестьянки съ сосѣдомъ за порубъ лѣса. 1723 г.; д) Какъ обѣдили Оболонскіе; е) Для

II

исторії «Основы»; ж) Программа для собиранія коллекцій дѣтскихъ игрушекъ и матеріаловъ по дѣтскимъ играмъ и забавамъ; з) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А.Л. Мёрдеръ; и) «Парубоцьки громады» въ г. Маякъ, Херсонск. губ. П. П.; і) Поправка	1—20 20—28	
Текущія извѣстія		
I. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 108-й. Ф. Матушевскій б) В. Б. Богородицкій. Дialectологическая замѣтки. Ш. Говоръ села Сушки, Золотоношскаго у., Іолт. губ. Е. М.; в) Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. Т. XXXIX, XL и XLІ. В. Д.; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ		29—66 67—76
Археологическая лѣтопись		29—66 67—76
III. ПРИЛОЖЕНИЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. А.Л. Лазаревскаго. Листы 18-й и 19-й		273—304

Книга третья—сентябрь.

ОТДѢЛЬ I.

I. ЕЩЕ СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО Г. ПЕРЕЯСЛАВА.	
А. А.	277—303
II. И. А. КУЛИШЪ. Біографіческий очеркъ. (<i>Продолженіе</i>). В. Шенрокъ.	
	304—330
III. ГОРДЯНКА. Новость. (<i>Продолженіе</i>). Л. Яновской. .	
	331—362
IV. ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ УКРАИНСКАГО ЭТНОГРАФА И НАРОДНАГО ВРАЧА С. Д. НОСА. (1829—1900). Гр. Коваленка.	
	363—400
V. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. (<i>Продолженіе</i>). Ор. Левицкаго	
	401—430

ОТДѢЛЬ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Денежное жалованье полковымъ и сотеннымъ урядникамъ и служителямъ (1732 года); б) Гетманская надворная корогва; в) Для исторіи церковнаго прихода; г) Памяти М. О. Судь-	

III

енка; и) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. Ал. Мёрдеръ; е) Материалы для истории польского воз- станія 1831 года. Сообщ. В. Доманицкій; ж) Открытое письмо К. В. Болсуновскому. И. Каманина.	77—95
Текущія извѣстія	96—104
П. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Литература украинскаго фольклора. 1777—1900. Н. Шутурова; б) В. Радичъ. Запорожская старина. В. Д.; в) «Материали до українсько-руської етнольо- гії». А. Малинка; г) Волжскій странникъ. (Псевдонимъ). Волжская библиотека. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	105—138
Археологическая лѣтопись.	139—149
Ш. ПРИЛОЖЕНИЕ. Описаніе Старой Малороссіи. Прилуцкій полкъ. Ал. Лазаревскаго. Листы 20 и 21.	305—336

Еще страничка изъ прошлого г. Переяслава.¹⁾

Положение представителей мѣщанского сословія въ полковыхъ городахъ Малороссіи, городскихъ войтовъ, въ прошломъ вѣкѣ было весьма жалкое. Въ то время, какъ полковая козацкая старшина, старательно обособляясь въ привилегированное сословіе, усиленно и спѣшно захватывала разнаго рода ранговыя угодья въ личную собственность, стараясь всѣми правдами и неправдами закрѣпить ихъ за собой и за своимъ потомствомъ, урядники городскіе, войты и бурмистры, безсильные передъ „командой“ полковою, подбирали крохи общественного пирога, пользуясь немногими прерогативами своей власти ради личныхъ

---

¹⁾ Въ 8-ой кн. «Кiev. Стар.» за 1889 г. напечатана была мною „Странничка изъ прошлого г. Переяслава“, составленная на основаніи имѣвшихся тогда у меня подъ руками архивныхъ «дѣлъ». Въ IV-й гл. этой статейки представлены уже чѣлопечь свѣдѣнія объ отношеніяхъ полкового начальства къ городскому магистрату. Мнеъ тогда же хотѣлось собрать возможно болѣе полныя свѣдѣнія хотя бы объ одномъ изъ войтовъ, упоминаемыхъ въ названныхъ «дѣлахъ», чтобы въ биографическомъ очеркѣ возможно живѣе представлялось положеніе представителя мѣщанства; но, къ сожалѣнію, давно разставшись съ архивомъ и потерявъ надежду вернуться къ нему, я не могу уже исполнить своего желанія; настоящую же статейку рѣшаюсь напечатать просто затѣмъ, чтобы не пропали сохранившіяся у меня замѣтки, которыя, быть можетъ, пригодятся болѣе счастливому и умѣлому изслѣдователю Переяславской старинѣ.

своихъ интересовъ. Мелкою борьбой изъ-за этихъ крохъ наполнена дѣятельность и Переяславскихъ войтовъ, фигурирующихъ въ томъ множествѣ „дѣлъ“ Переяславской Полковой Канцеляріи, какія довелось мнѣ въ свое время пересмотрѣть. Оставшіяся у меня отъ этого пересмотра замѣтки и выписки и послужили материаломъ для настоящаго сообщенія о двухъ Переяславскихъ войтахъ.

I.

Кирилло Савоновъ, избранный переяславскимъ войтомъ въ 1740 г., занимался купеческимъ чумакскимъ промысломъ, а потому часто отлучался по торговымъ дѣламъ изъ города,ѣздилъ заграницу, т. е. въ Заднѣпровскую Украину и въ Волынщину возилъ туда деготь, рыбу, привозилъ оттуда волоскіе орѣхи, вино. Человѣкъ малограмотный, Савоновъ однакоже крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ власть, писаря магистратскаго держалъ въ строгомъ подчиненіи, всячески сокращая письменное „дѣло-производство“, и другихъ городскихъ урядниковъ подбиралъ по своему вкусу, по отношенію къ полковымъ властямъ старался держаться по возможности самостоятельно.

Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, Савоновъ возбудилъ вопросъ о незаконномъ завладѣніи полковникомъ Сулимою городскимъ предмѣстемъ Подварками, чѣмъ сразу и вооружилъ противъ себя и полковника, и всю полковую старшину. Дѣло это тянулось около 12 лѣтъ и окончилось въ пользу города: въ 1762 г. послѣдовалъ гетманскій ордеръ, утвердившій права магистрата на владѣніе Подварками.¹⁾ Съ этого то вре-

* 1) Хотя это дѣло и было окончено, такъ сказать, въ существенной своей части въ 1752 г., но ни полковникъ Семенъ Сулима, ни его наследники не хотѣли примириться съ состоявшимся решеніемъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ любопытной «жалобы ротмистра Евстафія Семеновича Сулимы въ Малорос. Коллегію на рѣшеніе слѣдственной комиссіи о магистратскихъ въ г. Переяславѣ имѣніяхъ»

мени особенно энергично начинаютъ донимать Савонова „дѣлами“, привлекая его къ отвѣту то въ Полковую Переяславскую, то въ Войсковую Генеральную Канцелярію.

Въ 1750 г. канцеляристъ Переяславской Полковой Канцеляріи Никифоръ Зубковскій донесъ, будто войтъ Савоновъ присвоилъ себѣ около 250 р. магистратскихъ денегъ, оставшихся послѣ бывшаго въ г. Переяславѣ въ 1748 г. большого пожара, когда сгорѣла и магистратская изба. Назначено было слѣдствіе, но дѣла оно надлежащимъ образомъ не выяснило, войту же Савонову причинило хлопотъ не мало: пришлось и въ Глуховъ самому не разъ сѣзжать, и въ Переяславскую Полковую Канцелярію явиться въ качествѣ обвиняемаго.

Самъ Савоновъ во время пожара въ городѣ не былъ, а магистратскія деньги спасали бурмистръ Романенко и райца Іосифовъ, при чемъ у этого послѣдняго деньги серебрянныя, разсыпавшіяся было изъ боченка, побывали „за пазухой“ и, собраныя въ особый мѣшечекъ, были нѣсколько дней спустя, вмѣстѣ съ мѣдными деньгами въ боченкѣ, доставлены въ домъ войта и, запечатанныя тремя печатями, поставлены въ погребъ. По пріѣздѣ войта деньги были сосчитаны и ихъ оказалось всего 86 р. 39 к., а было ихъ до пожара 322 р. 97 к. Объ этомъ своевременно магистратъ донесъ въ В. Г. К., ходатайствуя о разрѣшеніи употребить оставшіяся деньги на постройку магистрата. Но

1770 г., помѣщенной въ «Мотыжинскомъ Архивѣ» изд. Савицкихъ по № 90 на стр. 190. Этотъ Архивъ, рядомъ съ «Сулимовскимъ Архивомъ», заключаетъ вообще богатый матеріалъ для иллюстраціи того процесса, какимъ наростили земельныя богатства не одного полковника Сулимы, но и всей полковой старшины. Но пріобрѣтательские таланты Семена Сулимы особенно ярко живописуются этими документами. Полная безнадѣйность массы предъ такими пріобрѣтателями особенно наглядно представляется въ любопытнѣйшихъ документахъ, помѣщенныхъ въ „Мотыжинскомъ Архивѣ“ подъ № 41, «Бумаги по доносу Переяславской полковой старшины на своего чолковника Семена Сулиму за злоупотребленія въ подковыхъ дѣлахъ 1746 – 1752 г.».

райца Іосифовъ, враждовавшій съ Савоновымъ, при счетѣ денегъ въ домѣ войта обратилъ вниманіе на то, что одна изъ печатей была испорчена и что деньги были не всѣ. Объ этомъ онъ просилъ писаря Кондратова написать доносъ, когда они втрoемъ (т. е. Іосифовъ, войтъ и писарь) были по магистратскимъ дѣламъ въ Москвѣ, но Кондратовъ будто-бы отъ этого уклонился. Доносъ этотъ, на основаніи словъ того-же Іосифова, и написалъ канцеляристъ Зубковскій отъ себя, надѣясь за это получить извѣстное вознагражденіе.

Слѣдственная Комміссія, собравши массу показаній, въ значительной части совершенно не относящихся къ дѣлу, пришла къ совсѣмъ таки необоснованному заключенію въ виновности Савонова, съ котораго де и слѣдуетъ „похищенную имъ сумму 236 р. 58 к. удвое доправить“, а его самого, „лишивъ чина, наказать вязнемъ“.

Недовольный тѣмъ, что въ заключеніи Комміссіи не упомянуто о награжденіи доносителя, Зубковскій подалъ въ В. Г. К. новый доносъ на войта, якобы употреблявшаго „подданныхъ магистрата въ particулярныя свои работизны“, отчего де эти подданные и уходятъ къ частнымъ владѣльцамъ, а въ заключеніе просилъ о „надлежащемъ его, доносителя, награжденіи за вѣрный доносъ“. Въ свою очередь и Савоновъ подалъ въ В. Г. К. челобитную на Высоч. имп., жалуясь на пристрастіе слѣдователей и на интриги Зубковскаго, который является орудіемъ полковой старшины, издавна не благоволящей къ магистрату.¹⁾

Для далекихъ отлучекъ своихъ изъ города, Савонову приходилось брать паспортъ изъ Полковой Канцеляріи, которая при

¹⁾ Никифоръ Зубковскій скоро изъ полковыхъ канцеляристовъ попалъ въ городовые атаманы; но, видно, не козацкая служба его привлекала: въ качествѣ мѣстного обывателя, хорошо знакомаго съ существовавшими канцелярскими порядками, онъ стремился прибрать въ свои руки дѣла магистратскія и энергически добивался должности войта, какъ это видно изъ любопытнаго доношенія магистрата отъ 15 іюля 1765 г. (см. Приложеніе № 1).

этомъ не упускала, конечно, случая представлять „вышней командин“ о малѣйшей неисправности войта въ соблюденіи срока. Такъ, въ ноябрѣ 1753 г. полковникъ Сулима донесъ В. Г. К., что войтъ Савоновъ прѣбывши заграницу, для взысканія долговъ, на срокъ не явился, что уже и двойной срокъ прошелъ, а его все нѣтъ, и гдѣ онъ находится, неизвѣстно. Прибывъ только въ январѣ 1754 г., Савоновъ объяснилъ, что ему долго пришлось разыскивать должника своего, немировскаго жителя, Григорія Перехриста, юзить за нимъ и въ Волощину въ г. Гуши, больше мѣсяца проболѣть въ дорогѣ, а потому онъ, Савоновъ, и явиться въ сроку не могъ. Во время отлучекъ войта, дѣлами магистратскими управляли очередные бурмистры. Дѣла эти, конечно, были несложны, но все же требовали хозяйстваго глаза. Глазъ этотъ устремлялся главнымъ образомъ на исправное собираніе разныхъ въ пользу города поступленій. Собираніе это, очевидно, представляло трудъ немалый, въ виду общаго уклоненія отъ магистратскихъ сборовъ. Уклоненію этому не мало содѣствовала Полтавская Канцелярія, потворствуя переходу обывателей подъ ея „команду“ изъ подъ вѣдомства магистрата. На этой почвѣ то и дѣло происходили пререканія между магистратомъ и Полковой Канцеляріей. Въ ноябрѣ 1752 г. войтъ Савоновъ вынужденъ былъ по поводу одного частнаго случая жаловаться гетману на такія отношенія полковой „команды“ къ магистрату. Мѣщанинъ Сизонъ Давидовъ, выстроившій на принадлежащемъ городу мѣстѣ „шинковую избу и избу зъ ліодовнею“, съ 1745 г. пересталъ платить годовой окладъ, опредѣленный въ доходъ магистрата за эти строенія, ссылаясь на то, что сынъ его, Сергій Сизоновичъ, поступилъ на службу въ Полковую Канцелярію канцеляристомъ, а потому де и „тое мѣсто магистратовое уже заслужилъ и позволеніе имѣть отъ Полковой Канцеляріи“. Возобновивши послѣ пожара 1748 г. свои постройки въ болѣе обширномъ видѣ, Сизоновичъ заявилъ магистрату, что онъ будетъ платить за нихъ по одному рублю въ годъ, а между тѣмъ по магистратскому окладу онъ долженъ былъ платить по десяти рублей. Жалуясь на происходящую отъ столь продолжительного неплатежа оклад-

ныхъ денегъ „знатную обиду“, войтъ жаловался главнымъ образомъ на потворство такому „самовольству и прочимъ наставлению и образцу“ со стороны Полковой Канцелярії. Принимая подъ свою защиту обывателей, уклонявшихся отъ магистратскихъ сбороў, Полковая Канцелярія была строга въ своихъ требованіяхъ относительно исполненія магистратомъ обязательныхъ для него повинностей (почтовая, квартирная, дорожная и др.). Одно содержаніе въ исправности городской „гати“ то и дѣло вызывало строгія винушенія со стороны Полковой Канцелярії. На этой греблѣ находилось нѣсколько мельницъ, принадлежавшихъ Переяславскому монастырю и частнымъ владѣльцамъ козацкаго званія. Было одно „мельничное мѣсто“ и во владѣніи магистрата, но оно ежегодно во время половодья „прорвами“ сносилось, а за „тщетнымъ избѣгомъ воды“ причинялся вредъ и другимъ мельницамъ. Все это приписывалось „крайнему нерадѣнію о добромъ угаченіи“ войта Савонова, которому и не переставала строго выговаривать Полковая Канцелярія, но никакого дѣйствія выговоры эти не имѣли. Весною 1754 г. Полковая канцелярія вынуждена была, помимо магистрата, своими усилиями ту „прорву затѣтить“, такъ какъ по упомянутой гати, представлявшей главную дорогу въ городъ, не только проѣздъ, но и проходъ былъ невозможенъ. ¹⁾)

1) Этой плотинѣ долго пришлось, представляя изъ себя крупнѣйшее изъ городскихъ неблагоустроїствъ, фигурировать въ официальной перепискѣ, вызывать нескончаемый рядъ предписаній, винушеній, «подтвержденій» со стороны разныхъ властей. Такъ, въ дѣлахъ Кіев. Намѣстническаго Правленія встрѣтимъ слѣдующее предложеніе гр. Румянцева-Задунайскаго отъ 30-го іюня 1785 г.:

«Отправляющій въ Переяславъ должностъ городничаго капитанъ Червинскій рапортуетъ меня, что плотина, около Переяслава и на главномъ тракту лежащая, владѣльцами, по многимъ его прѣтвержденіямъ, не починается и проѣзду черезъ ее нѣть; да и въ самомъ городѣ Переяславѣ улицы также не отдѣланы, и чего сдѣлать, помѣщиковъ по упраздности, а обывателей того города по скудости, не можно.

О неисправномъ содержаніи этой гати жаловался непосредственно въ В. Г. К. и намѣстникъ катедры Переяславской іером. Сильвестръ, прося „найкрѣпчайше притвердить“ и т. д. Что приходилось терпѣть низшимъ магистратскимъ урядникамъ при исполненіи, напр., почтовой повинности, это можно видѣть хотя бы изъ одного „доношенія бурмистра Щирого, который писалъ, что отецъ его, служившій бурмистромъ 30 лѣтъ, „въ оной службѣ будучи во время военное, проѣзжающими курьерами и ъздоками съ указными пакеты прибитъ, отчего и умре“.

При маломъ числѣ подвѣдомыхъ магистрату, исполненіе общественныхъ повинностей представляло, конечно, не малое бремя; но отягчалось оно еще болѣе тѣми „партикулярными работами“, къ которымъ привлекалъ войтъ подвѣдомыхъ магистрату людей. Были поэтому жалобы и со стороны людей, ъздившихъ съ войтомъ по его торговымъ дѣламъ. Такъ, въ 1753 г. мѣщанинъ Романъ Терещенко, проѣздившій съ войтомъ 28 недѣль, жаловался, что тотъ не удовлетворилъ его по уговору. Договорилъ его Савоновъ отвезти только въ м. Лысянку рыбу на парѣ лошадей съ платою по 60 к. отъ тысячи. Но рыба не была продана въ Лысянкѣ и пришлось возить ее въ Бѣлую Церковь и Володарку. Затѣмъ уже, вопреки желанію Терещенка, Савоновъ заставилъ его ъхать съ нимъ въ Бендери, везти туда бочку дегтя. Здѣсь Терещенко лишился лошадей и вынужденъ былъ идти при воловыхъ возахъ до Дуная въ г. Стойловъ, оттуда въ г. Килию, а тамъ за Прутъ въ г. Уши, где накупили „орѣховъ, саквъ, резинковъ и вина“. Купилъ Терещенко и на свою долю орѣховъ, но, по прїездѣ въ Переяславъ, войтъ отнялъ ихъ у него, а за всю дорогу и за взятую имъ себѣ

Я препоручаю Намѣстническому Правленію принять надлежаща мѣры, чтобы, не упуская теперь способствующаго еще въ тому времени, мосты и дороги наиболѣчше обѣданы были, владѣльцамъ, а также и гражданамъ предложить, что сіе дѣло сооружено съ добромъ ихъ и есть общественное въ разсужденіи ожидаемаго сюда Е. И. В. шествія».

одну лошадь заплатилъ всего 7 р., тогда какъ одна лошадь съ возомъ и упряжью стоили по крайней мѣрѣ 10 р.

Съ появлениемъ въ магистратѣ въ должности писаря Григорія Гуртовича, посыпалась на войта жалобы за употребленіе имъ въ партикулярныя работы подчиненныхъ магистрату людѣй.

Уже въ январѣ 1754 г., по наущенію Гуртовича, въ отсутствіе войта, магистратъ послалъ въ Ген. Войск. Канц. жалобу на то, что „городовыхъ мѣщанъ и разныхъ цеховыхъ людей“ войтъ Савоновъ „время отъ времени началъ несносными таѣстами по своимъ собственнымъ нуждамъ отягощать и въ работу разную и дороги чумацкія съ промислами своими употреблять“.

Предвидя какъ бы естественный со стороны „вышней команды“ вопросъ,—почему до сихъ поръ ничего подобнаго ей не сообщалось о войтѣ Савоновѣ, занимавшемъ свою должность уже 14-й годъ, магистратъ писалъ, что онъ умалчивалъ объ этомъ до сихъ поръ потому, что жалобъ въ магистратѣ отъ отдѣльныхъ лицъ не поступало, а теперь де стали таковыя поступать. Такъ, сего-де 20-го Января „подданный магистратовый“ Иванъ Дудченко подалъ жалобу на войта, заявивъ, что тотъ его избилъ по щекамъ за то, что онъ не захотѣлъ поѣхать на ту сторону Днѣпра по дѣламъ войта, а потомъ де „положа велѣль плетью бить, да послѣ самъ палицею биль немилостиво“. Описавъ знаки побоевъ у Дудченка, магистратъ просилъ В. Г. К. обязать Савонова подпискою, помимо Полк. Переясл. Канц., чтобы онъ впредь не употреблялъ подвѣдомыхъ магистрату людѣй въ свои партикулярныя работы.

Отвѣтъ по этой жалобѣ пришлось Савонову давать, передъ „Полковой Переяславской счетной комиссіей“. Конечно, онъ отрицалъ всякое злоупотребленіе своею властью, по заявилъ, что когда нужно ему кудаѣхать, то „человѣка одного или двоихъ по командѣ своей, для чести и обереженія здоровья своего, взималъ“; Дудченка же наказалъ плетью потому, что тотъ „ослушень учинился магистратовому приказу и не схотѣлъ поѣхать по магистратскому дѣлу съ писаремъ въ г. Глуховъ и

посланыхъ слугъ съ бранью изъ дому своего выгонилъ, ослуша́сь команды“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія войтъ поѣхалъ въ Глуховъ, а вслѣдъ за нимъ писарь Гуртовичъ послалъ на него доносъ въ В. Г. К., заявляя, что-де войтъ, взявши съ собой нѣсколько мужиковъ съ подводами, отправилъ сына своего „съ купеческими промыслы на ярмарки“ съ тремя магистратскими мужиками, которые „принуждены хотя тайно урядникамъ магистратскимъ о той своей обидѣ и нуждѣ жаловаться, объявляя, что они отъ такихъ нуждѣ разойдутся съ подъ магистрата прочь въ другія мѣста“. Когда Савонову, по приѣздѣ его въ Глуховъ въ В. Г. К., предъявленъ былъ ѿтъ доносъ, то онъ объяснилъ, что съ сыномъ его поѣхали мужики по добровольному найму „по полтиавѣ за сѣїздъ“, для себя же онъ взялъ двоихъ съ ихъ лошадьми „по примѣру прежде бывшихъ въ магистратѣ Переясловскомъ войтовъ, которое, егда было куда по майстратскимъ дѣламъ єдуть, то имъ майстротовихъ подданныхъ не токмо по два, по пяти и по шести человѣкъ для послуги взять невозбранно было“.

Тѣмъ не менѣе въ В. Г. К. взята была съ Савонова подписька въ томъ, что для личныхъ своихъ частныхъ надобностей онъ подданныхъ магистратскихъ употреблять не будетъ.

Что Савоновъ пользовался своимъ положеніемъ войта и для личныхъ своихъ выгодъ, это, конечно, несомнѣнно, но жалобы на это появляются лишь тогда, когда, по неосторожности самого же Савонова, на должность магистратского писаря определенъ былъ въ Январѣ 1754 г. войсковой канцеляристъ Григорій Гуртовичъ, большой, какъ видно, любитель „писательства“, изучившій канцелярское производство въ самомъ Глуховѣ. Объ этомъ писарѣ имѣлись у меня два любопытныя „дополненія“ войта Савонова въ В. Г. К.

Въ первомъ, отъ 15-го Янв. 1754 г., войтъ писалъ, что де въ г. Переяславѣ изъ мѣстныхъ людей, не воинскаго званія, рѣшительно некого избрать въ должность писара; изъ постоянныхъ же людей, въ виду „гонительства Пер. Полк. Канце-

лярії, на магістратъ чинимаго, никто не отваживается", а потому всѣ бурмистры и райцы, въ отсутствіи его, войта, пригласили къ исправленію должностіи магістратскаго писаря проживающаго въ г. Переяславъ войсковаго канцеляриста Гуртовича, объ утверждениіи котораго въ должностіи теперь онъ, войтъ, и просить В. Г. К—ю. Но уже черезъ два мѣсяца Савоновъ просилъ объ удаленіи Гуртовича, заявляя, что прежнее свое представлениe онъ сдѣлалъ необдуманно, по настоянію другихъ магістратскихъ урядниковъ, которые, въ его отсутствіе, устранили прежнаго писаря Симона Кондратова и представили ему, войту, Гуртовича, какъ человѣка, который можетъ добывать для магістрата „полезнѣйшіе резолюціи“. Но Гуртовичъ, еще и не принявши дѣлъ, началъ строить противъ войта разные „ябедническіе проекты къ развращенію чести моей, яко бы въ употребленіи мною магістратскихъ людей въ парткулярную работу, и, забирая надо мною первенство, запретилъ никому никакихъ моихъ приказовъ мене не слушаться“. Кроме того, Гуртовичъ потребовалъ себѣ въ жалованье 50 р. въ годъ деньгами, да 20 четвертей борошна и прочаго, „чего при магістратѣ и издревле никогда не водилось“, и всегда писаря служили за 10 р. въ годъ.

Удалить однако Гуртовича Савонову не удалось. Искусившійся въ производствѣ бумажныхъ дѣлъ писарь успѣлъ въ нѣ сколькихъ „доношеніяхъ“ въ В. Г. К. изобразить „дѣла“ Переяславскаго магістрата въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, хотя и жаловался при этомъ, что войтъ не передаетъ ему никакихъ „дѣлъ“, хранящихся въ собственной его „коморѣ“. Все „письмоводство“ Переяславскаго магістрата представляется войсковому канцеляристу „едному смѣху подобное“: „и протоколы, и приходо-расходныя книги на тетрадкахъ вчернѣ безъ всякихъ обстоятельствъ пишутся весьма гнусно“. Всѣ заведенные войтомъ порядки, по словамъ Гуртовича, таковы, что „и въ самого послѣдняго войта сельскаго могутъ сыскаться лучшіе, чѣмъ въ здѣшнемъ магістратѣ“, гдѣ царитъ войтово „простолюдственное похотѣніе“.

Въ отвѣтъ на эти заявленія Гуртовича послѣдовалъ весьма нелюбезный ордеръ В. Г. К. войту Савонову: „предлагается тебѣ всѣ, какія только касаются магистратскому правлению, дѣла отдать въ магистратъ“. Но и этого ордера Савоновъ сразу не послушался, а лично отправился въ Глуховъ и тамъ заявилъ, что такъ какъ никакихъ дѣлъ, производившихся уже при Гуртовичѣ, онъ домой къ себѣ не бралъ, то и передавать ему нечего; старая же дѣла онъ держитъ въ своемъ „камennomъ ліоху для безопасности отъ пожарного случая“. Тѣмъ не менѣе его заставили дать подпиську, что онъ „конечно всѣ магистрата Переяславскаго дѣла, какія въ дому его ни содержутся, отдасть въ магистратъ по реестру“ писарю Гуртовичу. Но и подписка эта не помогла: войтъ не передавалъ хранившихся въ его „ліоху“ дѣлъ, пока не былъ, наконецъ, отрѣшенъ отъ должности. Но и послѣ отрѣшенія, Савоновъ не пожелалъ сдать дѣлъ Гуртовичу, а препроводилъ ихъ въ Полтавскую Канцелярію. Когда урядники магистратскіе послѣ продолжительныхъ пререканій, явились въ Полтавскую Канцелярію за полученіемъ дѣлъ, то усмотрѣли, что въ представленныхъ Савоновымъ книгахъ „не малая порчь состоитъ и ни единой книги нѣть цѣлой, но съ онихъ многочисленно листовъ съ переплеты вырвано, а иніе вырѣзано“, а потому и книги этихъ не приняли. Полковая Канцелярія приняла теперь Савонова подъ свое покровительство и, недовольная интригами Гуртовича, объяснила, что Савоновъ „какія послѣ пожара книги спасъ, такія и сдалъ“.

Со вступленіемъ въ магистратъ Гуртовича начались вообще нелады и между магистратскими урядниками, до сихъ поръ жившими согласно и подчинявшимися войту Савонову. Первымъ сталъ „тягаться“ съ войтомъ бурмистръ Данило Щирый, избранный въ эту должность въ 1751 г. на мѣсто умершаго отца его Евстафія Щирого, прослужившаго въ этой должности болѣе 30-ти лѣтъ.

Въ Мартѣ 1754 г. онъ подалъ въ В. Г. К. на Савонова жалобу, въ которой заявилъ, что уже по своемъ вступленіи въ

должность онъ замѣтилъ, что войтъ Савоновъ „обижаетъ магистратскихъ подданныхъ своими particuliарными работами и беретъ съ собою въ чумацтво“, а когда онъ, Щирий, посовѣтовалъ имъ сбѣжать, то войтъ „возымѣлъ гонительство и злобу, отъ бурмистерства отдалилъ и многажды безчестилъ“, а на его мѣсто опредѣлилъ своего племянника. Въ заключеніе Щирий просилъ выдать ему на бурмистерство указъ. По жалобѣ того же Щираго и Полковая Канцелярія доносила въ В. Г. К., что де войтъ Савоновъ, „презирая главную свою команду, по прихоти своей прордерости и издѣвку надъ урядовыми магистрата оказываетъ“.

Бурмистръ Тимофеевъ объяснилъ, что Савоновъ действительно устранилъ Щираго за то, что тотъ, собравши во время ярмарки за „магистратовыя коморы“ деньги съ торговцевъ не вручилъ ихъ войту, какъ это обыкновенно дѣжалось раньше, а хотѣлъ, ради увеличенія магистратскихъ доходовъ, устроить „комору при колодезѣ и въ ней поставить магистратовую баню“, какая имѣется лично у войта, „для двоенія разнымъ обывателямъ простого хлѣбнаго вина“. Очевидно, Савоновъ не желалъ допустить такой конкуренціи, а потому, разсердившись на Щираго, „первѣе штрафовалъ его держаніемъ подъ карауломъ, а потомъ лишилъ и бурмистрскаго званія“.

Когда Щирий принесъ въ магистратъ добытый имъ изъ В. Г. К. ордеръ, Савоновъ вырвалъ его изъ рукъ и „заховалъ въ пазуху, а Щирого зъ магистрату выслалъ вонъ“. На мѣсто Щирого съ 1754 г. былъ избранъ уже Романенко, но и его войтъ Савоновъ черезъ полгода удалилъ, самовольно опредѣливши на его мѣсто бывшаго бурмистра Павла Кунишевскаго—Шкурку, который затѣмъ и избранъ былъ законнымъ образомъ. Такимъ образомъ, Савоновъ неугодного себѣ бурмистра не потерпѣлъ. Не безъ его настойчивости, уже послѣ отрѣшенія его отъ должности, осенью 1754 г., произошло и удаленіе отъ должности писаря Гуртовича, на котораго жаловались всѣ

магистратскіе урядники: 28-го Ноября 1755 г. послѣдовалъ ордеръ В. Г. К. объ его отрѣшеніи ¹⁾).

Оставивши войтовство, Савоновъ продолжалъ свой купеческій промыселъ, требовавшій, какъ видно, постоянныхъ сношеній съ правобережною Украиной, продолжительныхъ отлучекъ изъ города. Въ одну изъ такихъ отлучекъ въ 1757 г. пришлось ему испытать и продолжительное тюремное заключеніе въ г. Каневѣ, причемъ пришлось искать защиты и отъ Переяславской Полковой Канцеляріи.

Дѣло было такъ. Купилъ Савоновъ у какого то еврея „арендаря“ въ Каневѣ „20 садовъ камѣнія по 6 руб. всякой садъ“, но слѣдуетъ денегъ 120 р. своевременно не уплатилъ. Староста Каневскій Потоцкій, по жалобѣ еврея, написалъ въ Пер. Полк. Канц. о взысканіи съ Савонова этихъ денегъ или о высылкѣ его самого въ Каневъ. Савоновъ пойхалъ въ Каневъ и 11-го Февраля написалъ оттуда, что упомянутый еврей, подстерегши его, напалъ на него съ шестью мужиками, ограбилъ имущество и бросилъ его „въ будигарю за испомоществованіемъ уряду Каневскаго, паче же каневскаго писаря Николая Дѣдушицкаго“. Утверждая, что по суду онъ оправдался, что долгъ, котораго еврей не искалъ въ теченіе 20 лѣтъ, судомъ не признанъ, Савоновъ просилъ Полк. Пер.

¹⁾ Должно быть въ качествѣ знатока городскихъ дѣлъ, Гуртовичъ впослѣдствіи попалъ въ учрежденную въ г. Переяславѣ, по указу Малорос. Коллегіи, «коммісію о магистратскихъ земляхъ, разными чинами завладѣнныхъ», и, въ этой роли своей, явился противникомъ полковой старшины, на которую и подавалъ въ Мал. Кол. жалобу 9-го Марта 1766 г., заявляя, что эта старшина, «имѣя къ нему, Гуртовичу, недоброхотство и крайнее посягательство», пристрастно отводить квартиры въ его домѣ. Малорос. Коллегія уважила его жалобу и предписала Полковой Канцеляріи—его дома, «въ разсужденіи продолжаемой имъ службы, пока онъ въ учрежденной по магистратскимъ жалобамъ комиссіи будетъ находиться, въ постѣ никому не занимать и не отводить».

Канцелярію избавить его „отъ жидовской напасти и нестерпимой неволи“. Пер. Полк. Канцелярія написала Потоцькому, что-де Савоновъ отпущенъ на „пароль“ его, Потоцкаго, а потому и отвѣтъ долженъ предъ нимъ самимъ, а не предъ писаремъ, и просила объ освобожденіи Савонова. Потоцький отвѣталъ на это, что на урядѣ Каневскомъ, по претензії еврея, приговорено, чтобы этотъ еврей принесъ присягу и буде присягнетъ, взыскать съ Савонова 127 р. Но прошель послѣ этого цѣлый мѣсяцъ, а Савоновъ изъ „вязенія“ освобожденъ не былъ и вновь взывалъ въ Пер. Полк. Канц. о заступничествѣ, при чмъ прислалъ и реестръ ограбленаго у него имущества на 199 р., что „тое грабительство жидовскую претенсію уже превосходитъ“.

II.

Послѣ отрѣшенія Кирилла Савонова, въ исправленіе должности войта Войсковая Генеральна Канцелярія предписала вступить значковому товарищу Переяславскаго полка Стефану Драгоманову, а 3-го Января 1756 г. состоялся и формальный его выборъ „всѣмъ обществомъ магistrата Переяславскаго“, послѣ чего и отправлена была просьба магистрата объ его утвержденіи въ должности войта ¹⁾.

Стефанъ Драгомановъ былъ родомъ грекъ и служилъ въ 40-выхъ годахъ управителемъ владѣній генерала Вишневскаго ²⁾,

¹⁾) «Доношеніе» это см. въ Приложениі № 2.

²⁾) О родѣ Вишневскихъ см. „Кіев. Стар.“ 1887 г. т. ХVIII. Въ „Мотыжинскомъ Архивѣ“ подъ № 46 на стр. 84, напечатано любопытное письмо 1755 г. Григорія Теплова къ Переясл. полк. Семену Сулимъ съ просьбой оказать вниманіе вдовѣ полковника Вишневскаго. Письмо отчасти характеризуетъ не только самого Сулиму, но глав. обр. отношенія полковой старшины къ нему и къ своей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на царившую

затѣмъ въ 50-тыхъ годахъ состоялъ откупщикомъ „статейныхъ сбороў“ въ Переяславскомъ полку. Женившись, какъ видно, въ г. Переяславѣ, проживалъ въ полученномъ въ приданое домѣ, но материальными достаткомъ не пользовался. По какому случаю былъ назначенъ В. Г. К—іей на должность войта—неизвѣстно. Судя по его подписи латинскими печатными буквами, русскою грамотою не владѣлъ. Ставши войтомъ, устроилъ собственную небольшую „винничку“, а одинъ домъ свой продалъ находившемуся при Пограничной Переяславской таможнѣ лѣкарю Товію Товичу Гундесбургу. Этотъ фактъ продажи своего дома иноземцу былъ поставленъ въ вину Драгоманову полковнику Сулимою, который въ Октябрѣ 1756 г. жаловался въ Войск. Ген. Канц. на незаконную покупку грунтовъ разными „великороссійскими персонами“ и иноземцами, каковая покупка, какъ заявлялъ полковникъ, противна была „пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго“, Высоч. указами подтвержденными при гетманѣ Скоропадскомъ¹⁾.

Какъ видно, въ этомъ вопросѣ магистратъ мало былъ заинтересованъ, и скорѣе надо думать, что покупка въ городѣ усадебныхъ мѣстъ разночинцами интересовъ городского мѣщанства не нарушила. Старшина же полковая, конечно, не желала имѣть при своихъ покупкахъ лишнихъ конкурентовъ. Но странно же, что одновременно съ этимъ та же Полковая Канцелярія

въ полку безурадицу. Дѣло идетъ, конечно, о грунтахъ, захватомъ которыхъ гл. обр. и занималась полковая старшина. „Да и казаки Капустянскіе собою ничего бы не дерзнули учинить, тѣмъ меныше грабить съ поля, ежели бы не видѣли къ тому повода отъ полковой канцеляріи; ибо сіе уже здѣсь *по мнозиимъ дѣламъ* извѣстно, что полковая ваша старшина, *паче прочихъ*, многимъ обиды дѣлаютъ; да и сіе здѣсь извѣстно, что ваше высокоблагородіе, ихъ полковники, не въ великомъ у ихъ почтеніи... „Нѣдая довольно сколь и вамъ самимъ трудно иногда отъ своихъ безпутныхъ, а особенно высоко-мѣрныхъ подчиненныхъ бываетъ, не хочу“... и т. д.

¹⁾ См. Приложение № 3.

возбуждается и тотъ вопросъ, который возбуждался, между прочимъ, и Киевскимъ магистратомъ и который, повидимому, долженъ бы больше заботить и въ Переяславѣ городской магистратъ, а не Полковую Канцелярію: это вопросъ о правѣ „великороссийскихъ“ людей жить въ нижнемъ городѣ и производить „купеческій промыселъ“. Въ февралѣ 1757 г. полковая канцелярія доносила, что де, вопреки грамотѣ Императора Петра I, „разные гарнизона Переяславскаго великороссийскіе командиры и ихъ подчиненные въ обывателей нижнаго города Переяслава сами собою занимаютъ квартери и многіе дѣлаютъ купечества, чѣмъ онимъ нижнаго города обивателямъ въ промислѣ ихъ воспіященіе и въ прожитіе утѣсненіе явновидно приключаются“. Такое нарушеніе упомянутой грамоты, опредѣявшей для жительства великороссіянъ исключительно „вишній городъ“ производило, по заявлению Полковой Канцеляріи, къ тому, что „ежечасніе ссоры и драки между здѣшними обивателями происходять“.

Но и въ данномъ случаѣ Полковая Канцелярія хлопотала не о городскихъ интересахъ вообще, а о своихъ сословныхъ, главнымъ образомъ обѣ интересахъ полковой старшины, которая занималась скуплею грунтовъ и „купеческимъ промысломъ“ т. е. главнымъ образомъ шинкарствомъ. Всѣ эти „буничковые, значковые товарищи“ и вообще войтовые чины, становясь обывателями города, желали стать въ привилегированное положеніе относительно отбыванія городскихъ повинностей. Покупая мѣщанскаѧ усадьбы, они привлекали мѣщанъ въ званіе козаче, а нерѣдко обращали ихъ въ „подданныхъ“.

Уже въ первый годъ своего войтовства Драгомановъ вынужденъ былъ жаловаться въ В. Г. К. на полковника Сулиму и на полковую старшину, заявляя, что „за отнятіемъ ими всѣхъ цеховъ мѣщанъ и посполитыхъ людей и магистратскихъ многихъ грунтовъ и земель, магистратъ Переясловскій во всекрайнѣйшомъ разореніи состоить и подлежащихъ городовыхъ магистратскихъ нуждъ исправлять вовся з чего не имѣеть“.

Послѣ бышаго и въ 1748 г. пожара, уничтожившаго всѣ магистратскія строенія, магистратъ помѣщался въ принадлежащей войту Савонову избѣ, а по отрѣшеніи Савонова отъ должности перенесенъ былъ въ построенный магистратомъ шинокъ. Съ вступленіемъ въ должность Драгоманова выстроена была на одномъ съ этимъ шинкомъ дворѣ особая изба, въ которую и былъ переведенъ магистратъ, а шинокъ отданъ въ наймы, „дабы хотя и мало что могло въ приходѣ магистратскомъ быть“. Но полковникъ Сулима потребовалъ, чтобы въ этотъ шинокъ была переведена пограничная таможня. Не смотря на протесты магистрата, это было исполнено¹⁾ и послужило первымъ поводомъ къ жалобѣ Драгоманова на полковую старшину, которая вообще не церемонилась съ магистратскими урядниками

¹⁾ Существовавшая въ Переяславѣ таможня, какъ видно, представляла изъ себя тоже начальственную инстанцію, съ которой Полковой Канцеляріи невыгодно было ссориться, хотя ссоры эти, какъ ни избѣгали ихъ, бывали нерѣдки. Обращеніе этой таможни съ попадавшими въ ея руки людьми было крайне безцеремонно. Одно, напр., дѣло 1759 г. достаточно характеризуетъ и это обращеніе, и ту «волокиту», какая возникала, когда «дѣло» не могло окончиться взятками.

Въ февраль м—цѣ 1759 г. два козака, проѣзжавшиѣ изъ за границы съ «барильцемъ» хлѣбнаго вина «мимо указанную дорогу», пойманы были ландмилицкими полковъ солдатами и представлены въ пограничную Переяславскую таможню. Такъ какъ козаки не могли дать потребованной отъ нихъ взятки въ 20 руб., то ихъ заключили подъ крѣпкій караулъ и «боемъ батожнимъ мучили». Козаки посланы въ Полковую Канцелярію жалобу, что они тѣмъ «мученіемъ такъ изнеможены, что и въ жизни своей сумлительны, и въ службѣ крайне уже не годятся», и просили защиты. Полковая Канцелярія послала въ таможню нарочныхъ спросить, за что козаки арестованы, и освидѣтельствовать «имѣющіесь на нихъ боевые знаки». Но таможенный канцеляристъ Феоктистъ Чаплинъ и въ освидѣтельствованію не допустилъ, и о причинѣ ареста ничего не отвѣтилъ. Объ этомъ самодержавствѣ таможни, не имѣвшей права у себя арестовывать, а оби-

и допускала при всякомъ удобномъ случаѣ грубое насилие и издѣвательство. Такіе случаи представлялъ, между прочимъ, отводъ квартиръ россійскимъ воинскимъ командамъ и пріѣзжавшимъ въ городъ по разнымъ дѣламъ офицерамъ. При Савоновѣ магистратъ то и дѣло жаловался на произволъ Полковой Канцеляріи въ дѣлѣ отвода квартиръ и на насилия служащихъ въ ней и добивался по крайней мѣрѣ письменныхъ выговоровъ со стороны Войск. Ген. Канц. полковымъ старшинамъ, которымъ неоднократно „притверждалось“, чтобы помимо магистрата квартиръ не отводили; но при Драгомановѣ это „самовольство“ полковой канцеляріи, какъ видно, ничѣмъ уже не сдерживалось. Вопреки всякому закону, полковой писарь Каневскій и городовой атаманъ Зубковскій отводили квартиры офицерамъ не только въ домахъ магистратскихъ урядниковъ, но и въ домѣ самого войта, выгоняя, въ его отсутствіе, изъ дома его жену и дѣтей. Драгомановъ со всѣмъ магистратомъ жаловался на это въ іюнѣ 1757 г. гетману Разумовскому, а въ октябрѣ того же года тотъ же Зубковскій, „по приказу Полковой Канцеляріи“, вновь учинилъ „гвалтовное нападеніе на послѣднюю комору войта,

занной представить пойманныхъ «что ихъ командѣ», Полковая Канцелярія сообщила въ Ген. Войск. Канцелярію, заявляя, что «нынѣшніе Переяславской таможни правители, не отсылая козаковъ по ихъ командѣ, держать ихъ подъ карауломъ и розыскуя витягаютъ деньги подъ указы Е. И. В.». Но, вмѣсто того, чтобы «истребовать сatisфакцію» отъ пограничной таможни, Войск. Ген. Канц. ограничилась такою «повелительною резолюціей» полковнику: «еще до кого надлежитъ писать съ Полковой канцеляріи» объ освобожденіи арестованныхъ козаковъ. Такимъ образомъ высшая малороссійская «команда» уклонилась отъ сношеній съ «командой» пограничной таможни, т. е. Киево-Губернской Канцеляріей, предоставивъ эту безнадежную переписку самой Полковой Канцеляріи. Въ виду то такой беззащитности, Полковая Канцелярія и избѣгала столкновеній съ пограничной таможнею: указанія на «таможенный уставъ» и на какія бы то ни было «права» были, какъ видно, бензоплены.

гдѣ замкнени были его всѣ господарскіе потребности, отбивъ замокъ, съ оной повыкидали".

Принялъ было Драгомановъ за отыскиваніе отъ полковой старшины захваченныхъ ими „разныхъ магистратскихъ и цеховыхъ людей и земель“, но этимъ此刻 же возвбудилъ противъ себя неудовольствіе со стороны старшины, съ которою „тягаться“ было вообще трудно, особенно же человѣку маломочному, который при томъ самъ хотѣлъ „кормиться“ отъ своей должности.

Достаточно было самаго ничтожнаго повода, чтобы привлечь войта къ отвѣтственности и „тягать“ его въ Полковую Канцелярію. Такой поводъ скоро и представился.

Въ 1762 г. бунч. тов. Денисъ Стременцовъ и вдова брата его предъявила въ В. Г. К. къ Драгоманову искъ въ суммѣ 148 р., которые онъ задолжалъ имъ по „обликамъ“ въ 1760 г. Полковая Канцелярія получила предписаніе провѣрить имѣющіеся у истцовъ документы и, „призвавъ войта Драгоманова, не смотря ни на какія отговорки, взыскавъ съ него или зъ имѣнія его таковы деньги зъ подлежащимъ процентомъ, отдать просителямъ зъ роспискою“. Войтъ призналъ этотъ долгъ, но заявилъ, что на уплату его у него въ данное время нѣть наличныхъ денегъ, а есть недвижимое имущество, доставшееся ему, какъ приданное за женой: жилой дворъ въ городѣ, земля на базарѣ, пустое млиновое мѣсто на р. Трубежѣ, да пахатнаго поля во 2-й сотнѣ дней до ста. Прося обѣ отсрочки ему платежа, Драгомановъ находилъ самое направленіе этого дѣла по взысканію съ него чрезъ Полковую Канцелярію неправильнымъ. По донесенію полк. Сулимы, войтъ, во время объясненій своихъ въ Полковой Канцеляріи, „кричалъ предъ присутствующими старшинами: Войсковая-де Генер. Канцелярія въ томъ погрѣшила, что таковый ордеръ не по силу Правъ наслала, за что-де онъ въ Гарнизонную Переяславскую и Киево-Губернскую Канцелярію протестовать имѣетъ,—каковы его рѣчи и въ протоколъ записано“. А рѣчи эти были, очевидно, особенно непріятны мѣстному полковому начальству, которое всячески избѣгало сношеній съ Гарнизонною Канцеляріей, мнившою себя высшимъ

начальствомъ. Подъ защиту этой Гарнизонной Канцеляріи, т. е. коменданта крѣпости, российскаго офицера, прибѣгали мѣстные обыватели въ исключительныхъ случаяхъ, когда хотѣли насолить мѣстному полковому начальству.

Скоро послѣ первого денежнаго иска предъявленъ быль къ Драгоманову и другой: генеральный войсковой асаулъ Журавка взыскивалъ съ него чрезъ Пер. Полк. Канц. 66 р. А вслѣдъ затѣмъ и магистратскіе урядники подали на него жалобу, будто „оной войтъ по вступленіи своемъ въ званіе войтовства разными часы приходныхъ магистратскихъ 133 р. 70 к. захватиль“.

Полковая Канцелярія, признавъ Драгоманова несостоятельнымъ должникомъ, арестовала его, и, продержавши нѣкоторое время, выпустила на поруки жены. Между тѣмъ послѣдовалъ ордеръ изъ В. Г. К. о немедленной присылкѣ Драгоманова въ Глуховъ. Въ это время онъ отлучился по своимъ дѣламъ изъ города, и Полковая Канцелярія, въ явное посрамленіе войта, разослава во всѣ сотни предписаніе „оного войта сыскывать и за сыскомъ въ П. К. подъ карауломъ прислать“. И по прибытии въ городъ войтъ былъ немедленно взятъ въ Полк. Канц. и препровожденъ въ Глуховъ „за надлежащимъ конвоемъ“.

Въ Глуховѣ его продержали болѣе трехъ мѣсяцевъ безъ всякой задобности, такъ какъ дѣло о взысканіи съ него частныхъ долговъ вновь было поручено той же Полк. Канц. „какъ надлежитъ дослѣдоватъ при бытности его войта“. Согласно просьбѣ магистратскихъ урядниковъ, предписано было также не продавать его имущество для удовлетворенія частныхъ долговъ впредь до окончанія слѣдствія. А слѣдствіе, по обыкновенію, затянулось, да поступили и новые претензіи, такъ что въ 1763 г. Драгомановъ уже былъ отрѣшенъ отъ должности, исправлять которую назначенъ былъ, по ордеру В. Г. К., Петръ Стрѣшненцовъ.

Самая давняя претензія, по которой до самой смерти таскали Драгоманова по разнымъ инстанціямъ, предъявлена была особою „полковою счетною комиссіей“, которая требовала съ него 64 р. комиссарскаго сбора еще въ 1748 г., въ бытность

его управителемъ у генерала Вишневского. Требование это предъявлено было къ нему уже послѣ отрѣшивія его отъ должности въ 1765 г. по адресу Генеральной Малороссійской Счетной Комиссіи. Но магистратъ нѣсколько раньше добылъ указъ малороссійской Коллегіи о продажѣ съ публичнаго торга двора Драгоманова по претензіямъ магистрата въ суммѣ двухсотъ рублей, да кромѣ того магистратъ предъявилъ искъ и въ особой учрежденной тогда въ Переяславѣ „комиссіи о обидахъ“ въ суммѣ ста рублей за долги нѣкоторымъ урядникамъ и мѣщанамъ. Оцѣненный въ 200 р. дворъ Драгоманова, отлучившагося въ это время въ г. Кременчугъ, проданъ былъ съ публичнаго торга за 211 руб. жителю Переяславскому Прохору Амвроскову. Больше никакого имущества у Драгоманова не было, а потому всѣ другія предъявленныя къ нему претензіи, сверхъ магистратской, остались неудовлетворенными.

Но Генеральная Малороссійская Счетная Комиссія не могла сложить числившейся на Драгомановѣ казенной недоимки и, года полтора спустя, вновь предписала мѣстнымъ властямъ взыскать съ него эту недоимку. Въ это время, въ маѣ 1767 г., онъ проживалъ во владѣніи полковника Николая Ивановича Меера, который, получивши требование выслать Драгоманова къ отвѣту въ Счетную Комиссію, отвѣчалъ, что де „оной грекъ отъ меня со всею фамиліею побѣхалъ въ м. Геллязовъ“. Сотникъ же Геллязовскій на такое требование отвѣчалъ, что Драгомановъ въ немалой болѣзни находится и ѿхать въ оную комиссию крайне не можетъ“. Но въ концѣ концовъ онъ явился въ Комиссію въ августѣ мѣсяцѣ и здѣсь объяснилъ, что онъ рѣшительно никакихъ средствъ не имѣеть, чтобы уплатить требуемую съ него сумму: „и по старости и крайней дряхлости своей не точю заработать, либо выслужить то число денегъ, но снабдить и препитать себе чимъ не могу, а получаю то все отъ доброхотныхъ дателей съ милости“.

Не смотря на засвидѣтельствованную всѣми „урядами“ не-состоительность старика Драгоманова, Переяславск. Счетн. Комиссія продолжала писать указы о взысканіи съ него недоимокъ.

На „третичный“ ука́зъ ея отъ 8-го января 1772 г. Гелмязовское управление увѣдомило ее, что Драгомановъ, жительствовавшій у сотенного писаря Панкевича, умеръ еще въ 1768 г., а вдова его тогда же отправилась въ дочери въ Полтаву. Сынъ же его Григорій въ 1772 г. служилъ въ Глуховѣ въ земскомъ судѣ.

Въ этой неупорядоченной кучѣ „дѣль“ Полковой Переясл. Канцеляріи, которую пришлось мнѣ въ свое время пересмотрѣть, около 60-ти номеровъ отдѣльныхъ „дѣль“ касалось Переяславскаго магистрата за время войтовства Драгоманова, и большая часть этихъ „дѣль“ представляетъ изъ себя безсодержательную переписку по чисто личнымъ дѣламъ самого войта, касаясь главнымъ образомъ взысканій съ него разнаго рода долговъ. Меньшая же часть этихъ „дѣль“, касаясь весьма мелкихъ международныхъ интересовъ, рѣшительно ничего не даетъ для характеристики общественной дѣятельности войта. Надо думать, что, подавленный своими личными дѣлами, онъ мало принималъ участія даже въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, такъ какъ большинство бумагъ, встрѣчающихся въ упомянутыхъ „дѣлахъ“, подписываются лишь рочными бурмистрами и писаремъ. Почтовая гоньба и отводъ квартиръ—вотъ главные интересы болѣе или менѣе общественного характера, возбуждавшіе эти „дѣла“. Единственное дѣло, возникшее въ первые годы войтовства Драгоманова, о перенесеніи ярмарокъ съ одного мѣста на другое, дѣло, какъ видно, живо интересовавшее значительную часть населенія, велось безъ всякаго участія войта, такъ какъ во всемъ обширномъ дѣлопроизводствѣ не имѣется ни одной бумаги за его подпись.

За Илтицкою брамою на Подваркахъ, надъ рѣчкою Илтицкою, близъ р. Трубежа, споконъ вѣка собирались два раза въ годъ ярмарки: одна въ Петровъ постъ, а другая 1-го сентября (Симеоновская). Обыватели той мѣстности устраивали на ярмарочное время зайзжіе дома и „лѣдовни“, „содерживая разной напитокъ, по малороссійской вольности, продавали свободно“. Но въ 1756 г. полковая канцелярія всѣхъ съѣхавшихся на ярмарку „нагло и усиленно“ перевела за Гайтинскую браму на

„пустое близъ болота состоящее и тѣмъ опасное, точію для единаго устроенія ковальскихъ и котлярскихъ кузень способное, а для ярманковъ неприличное мѣсто“. Сдѣлано это по настоянію полкового суды Переяславскаго Лисаневича и асаула полкового Михаила Лукашевича, которые „по ихъ могуществу старшинскому“, занявши „ярманковскимъ промысломъ“, присвоивъ себѣ „пустые плецы“, построили на нихъ „шинковіе и уѣздніе дому“, расчитывая на денежные съ пріѣзжающихъ на ярмарку сборы. Жительствовавши же на Подваркахъ мѣщане и разночинцы, не надѣясь на защиту своихъ интересовъ со стороны магистрата, обратились съ жалобою на упомянутыхъ старшинъ прямо въ Ген. Войск. Канцелярію. Челобитную по этому дѣлу для шести козаковъ писалъ священникъ Борисоглѣбской церкви Кирилло Савичъ. По этому дѣлу магистратъ свидѣтельствовалъ лишь то, что ярмарки дѣйствительно раньше собирались на указанномъ просителями мѣстѣ. Изъ „дѣла“ не видно, чѣмъ этотъ вопросъ разрѣшился, но видно, что магистратъ отнесся къ нему совершенно равнодушно, хотя онъ и не переставалъ жаловаться по другимъ поводамъ на захватъ магистратскихъ „плецовъ“ полковою старшиною.

Очевидно, магистратское правленіе было совершенно безсильно для защиты интересовъ мѣщанства и принадлежащаго городу имущества. Послѣ войта Савонова должности войта ищутъ все лица не мѣщанского званія и, очевидно, исключительно ради личныхъ материальныхъ выгодъ. Послѣ отрѣшенія Драгоманова мѣщанству не дали избрать войта, по обыкновенію, „вольными голосами“: магистратъ выбралъ было Зубковскаго, прежняго доносителя на войта Савонова, выбралъ, какъ самъ же впослѣдствіи заявилъ: „по незнанію сего, что онъ согласиша старшинамъ полковымъ и что онѣ старшины вомѣщали его войтомъ, чтобы можно было имѣть латвѣйшій способъ ко утѣсненію насъ“; но, не ожидая этого выбора, Войсковая Генер. Канцелярія сама опредѣлила на должность войта въ Переяславскій магистратъ Петра Стрѣтенцова, человѣка чуждаго мѣстному мѣщанству. Но не прошло и года, какъ онъ попалъ подъ

судъ, и въ іюль 1765 г., по произведеному особою комиссієй слѣдствію, признанъ виновнымъ по всѣмъ поступившимъ на него жалобамъ и устраниенъ отъ должности. Магістратъ просилъ уже Малороссійскую Коллегію разрѣшить ему произвести выборы войта, но болѣе трехъ мѣсяцевъ никакой резолюція не было, и въ октябрѣ прибылъ въ Переяславъ „для сочиненія въ цолку Переяславскомъ генеральной ревизії“ маіоръ Александръ Якубовичъ и, призвавъ къ себѣ магістратскихъ урядниковъ, „приказалъ выбрать кого ни есть войтомъ“, заявивъ, что ему поручено отъ Малороссійской Коллегіи такого избраннаго съ одобрениемъ отправить въ Коллегію. Очевидно, для урядниковъ такой приемъ показался сомнительнымъ, и они, уклонившись отъ производства такихъ выборовъ, послали въ Малорос. Кол. просьбу о письменномъ разрѣшениі вопроса, какъ имъ быть: „такова выбору на войтовство сами собою учинить не дерзостны“. Какой послѣдоваль на это отвѣтъ—неизвѣстно. Возможно, что и этотъ запросъ такъ же оставленъ „безъ резолюціи“, какъ просьба о назначеніи на должность войта „согласника старшинамъ полковымъ“ Никифора Зубковскаго. Вышшее Малороссійское Начальство, какъ видно, никакого значенія „уряду“ войсковому не придавало и, готовое предоставить его любому случайно подвернувшему искателю, совсѣмъ не торопилось съ этимъ дѣломъ.

А. А.

Приложение № 1.

Доношеніе Переяславскаго магістрата отъ 15 іюля 1775 г. въ Малорос. Коллегію.

„Извѣстились мы, что атаманъ городовой Переясловскій—Никифоръ Зубковскій отъѣхалъ въ Глуховъ въ Малорос. Коллегію съ точного поводу и проекту цолка. Переясл. старшинъ, вѣстимихъ уже довольно оной М. К. обидчиковъ и нападчиковъ на магістратъ и на насъ, для испрошенія Переяславскаго войтовства, на мѣсто вако-

дашагося нынѣ подъ судомъ безъ выборовъ нашихъ опредѣленного въ маг—ть войтомъ Петра Стрѣшнѣцева. А понеже оной атаманъ Зубковскій помянутыи старшинамъ полк. согласникъ и таковъ же какъ и старшина полковая обидчикъ, ибо, многократно уже набѣгая въ магистратъ, не одному, но многимъ зъ бурмистровъ и другихъ урядниковъ побоями, такожъ нахалными и гвалтовими на домы наши насилками козаковъ немалые причинилъ и причиняетъ озлобленія и въ единственное поруганіе и крайное посмѣяніе насылаеть въ магистратъ, какъ въ какое партікулярное мѣсто и ему подчиненное, весьма уоворительные и досадительные по наставленіямъ своихъ командировъ, непринадлежащіе до магистрата требованія, и однимъ словомъ сказать приказы; ико же онъ Зубковскій самовольно, смотря на оныхъ своихъ командировъ, и грунтами магистратовыми знатными завладѣль, за что мы въ учрежденной въ г. Переясловѣ комиссіи состоимъ на него челобитчикамъ, и таѣ по всѣмъ вышеписаннымъ обстоятельствамъ его Зубковскаго войтомъ въ маг—ть Цер. вовсе не желаемъ. Хотя же въ прошломъ 1763 г., по отрѣшенніи бывшаго войта О. Драгоманова, на прошеніе его З—го мы выбрали были войтомъ, но то учинено отъ настъ по незнанію его, что онъ согласникъ старшинамъ полковымъ и что оные старшины прикровенно вомѣщали его войтомъ, чтобы можно было имѣть латвѣйшій способъ ко утѣсненію настъ и оставшихся бѣдныхъ мѣщанъ и посполитыхъ, что все нынѣ наружно оказалось*. Въ заключеніе просить, чтобы З—го ни въ какомъ случаѣ М. К. войтомъ не утверждала.

На доношеніи этомъ канцелярская помѣтка такая: „доклады-
вано Августа 12, оставить вѣльно безъ резолюції“.

Приложение № 2.

*Доношеніе магистрата Переяславскаго въ Войск. Генер. Канцелярію
отъ 8-го января 1756 г. объ опредѣлении войтомъ избраннаго уже
въ эту должность Стефана Драгоманова.*

«Будучи при магистратѣ Переяславскомъ за войта Кирило Савоновъ такъ магистрату удержаніемъ воровски казенныхъ денегъ, употребленіемъ партікулярно на привати свои магистратовыхъ доходовъ, ико и настъ всѣхъ нижайшихъ, магистратовыхъ чиновниковъ и

посполітство, изобиждая чрезъ многіе годы насильствомъ и боями привель ко всекрайнѣйшему разоренію, о которыхъ непорядкахъ его Савонова, а особливѣ за похищеніе казеннихъ денегъ и писменніе дѣла по суду Генеральному и В. Ген. Кан. довольно явствуютъ, по которымъ дѣламъ, рѣшеніемъ Суда Ген., а именно за утайку казеннихъ денегъ, и чина былъ лишенъ, точію за силу вис. всемилост. указовъ въ той его винѣ прощено; которыхъ претерпѣнныхъ отъ его Савонова непорядковъ и обидъ всѣ общѣ магистрата Переяславскаго урядники и мѣщане предубѣгая, дабы въ случаѣ помилованія по высоч. указамъ въ слѣдующихъ ему винахъ и препорученіи ему Савонову чина правленіемъ войтовства Переяславскаго въ конецъ магистрату Переяславскаго и насть нижайшихъ по злобѣ своей онъ Савоновъ разорить не могъ, ибо отъ него Савонова не чего иного чаять можно, какъ точію, когда при прежнемъ своемъ званіи и правленіи въ магистратѣ будетъ, всекрайнѣйшаго магистрату разоренія и намъ нижайшимъ послѣдней гибели, все общество магистрата Переяславскаго его Савонова за войта болѣе нынѣ и впредъ не желаемъ, а желаемъ и избираемъ на мѣсто его Савонова въ тотъ войтовства чинъ достойнаго человѣка значковаго полку Переяславскаго товарища Стефана Драгоманова, опредѣленного по ордеру Ген. Войск. Канц. въ магистратѣ за войта въ правленію дѣлъ магистратскихъ, котораго добронорядочными нынѣ при правленіи въ магистратѣ Переясловскомъ поступками всѣ общѣ состоямъ доволни, и что когда онъ Драгомановъ настоящее того войтовства Переясловскаго чинъ получитъ, то въ магистратѣ дѣйствительно порядки и принадлежитости магистратскіе держать и не запускать долженъ будеть; того ради В. Г. К. въ глубочайшей покорности нашей просимъ о удостоеніи онаго Стефана Драгоманова въ чинѣ настоящаго магистрата Переясловскаго войтовства ученній наши виборъ милостиво разсмотрѣ въ томъ подъ високую конфѣрмацію Его Яснѣвельможности (полный титулъ) поднесть не оставить.

Подписали собственноручно: бурмистры Михайло Тимофеевъ, Алексѣй Романовъ, Павелъ Буношевскій, Данило Щарий, писарь Симонъ Ловецкій и райцы Алексѣй Марковъ, Дмитро Гребенникъ, Яковъ Оробіовскій и Гаврило Зabora.

При этомъ доношеніи приложенъ и самый выборъ, произведенный 3-го января 1756 г. и подписаный тѣми же лицами.

Приложение № 3.

*Полковника Семена Сулимы доношение въ Генер. Войск. Канц. отъ
17 октября 1756 г.*

Отъ свато усопшихъ блахенія вѣчно достойнія памяти Ея И. В. высоч. предковъ всемилостивѣйшему жаловано: малороссійскому народу при своихъ волностяхъ и правахъ быть, что къ неотмѣнному содержанію и отъ Е. И. В. всемилост. Нашей Государини всевисочайше подтверждено и при пожалованіи высокимъ достоинствомъ Е. Я. высокоповелителного Г. Малая Россія обоихъ сторонъ Днѣпра и Войскъ Запорожскихъ Гетмана (полный титулъ) К. Г. Разумовскаго повелѣно быть тому высокому достоинству по пунктамъ Г. Гетмана Богдана Хмелницкого, на основаніи г. Гетмана Скоропадскаго, по пунктамъ же гетмана Хмелницкого, и въ гетманство Скоропадскаго, чтобъ великороссійскимъ персонамъ, паче жъ иноземцамъ, въ Малой Россіи вупла козачихъ и прочтіихъ грунтовъ свободы ни были, того не показано, а сего году въ недавнемъ времени кирасирскаго полку ротмистръ Аврамъ Полянскій у бунч. тов. Тарасевича полку Переясл. въ сотнѣ Золотоносской хуторъ, да при пограничной Переясл. таможнѣ обрѣтающійся лѣкарь иноземецъ Товій Товичъ Гундесбургъ въ городѣ Переяславлѣ дворъ жилой у войта Степана Драгоманова купилъ въ предъѣѣ къ большой куплѣ грунтовъ, какъ онѣ ротмистръ Полянскій и лѣкарь разніе средства сискуютъ и наихъ смотрятъ и другіе къ покупки здѣсь грунтовъ причину свободную имѣтамуть. Того ради о томъ въ Г. В. К. подъ разсмотреніе нижайше представляю, и какъ о семъ повелѣно будетъ, должностъ имѣю дожидаться въ резолюцію з Г. В. К. ордера, а до получения оного на ту куплю и продажу грунтовъ видачи куничихъ крѣпостей — имѣтъ быть пріостановитса".

П. А. КУЛИШЪ.

(Біографіческий опис). ¹⁾

ЛІІ.

Сношения Кулиша съ русинами въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ждутъ своего историка. Мы съ своей стороны, за недостаткомъ данныхъ, ограничимся передачей свѣдѣній, сообщенныхъ намъ А. Я. Конисскимъ, и выскажемъ наше собственное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Въ 1876 году—говоритъ г. Конисский—Кулишъ задумалъ издавать „Журналъ П. А. Кулиша“. Получить разрѣшеніе онъ надѣялся при содѣйствії Юзефовича²⁾, а привлечь сотрудниковъ и подписчиковъ думалъ печатаніемъ статей на малорусскомъ нарѣчіи; съ этой цѣлью онъ разсчитывалъ объявить въ программѣ журнала, что „какъ беллетристика, такъ и статьи по всѣмъ прочимъ отдѣламъ будуть печататься на томъ языкѣ, на которомъ будутъ написаны авторами“.

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 7—8.

²⁾ За Юзефовича Кулишъ всегда хватался, какъ за послѣднюю вадежду, какъ угощающей за соломинку.

„Прочитавши программу предположенного изданія, онъ спросилъ меня, какъ, по моему мнѣнію, отнесутся къ этому дѣлу мои киевскіе знакомые. Я отклонился отъ отвѣта за другихъ; отъ себя же сказалъ, что если бы онъ и достигъ разрѣшенія на изданіе, въ чёмъ я сомнѣваюсь, то я не принялъ бы никакого участія..

„Кулишъ не усидѣлъ на мѣстѣ и, схватившись руками за голову, началъ увѣрять меня въ невозможности имѣть съ Галичанами какое бы то ни было дѣло. Онъ вспомнилъ о Головацкомъ, Дѣдичкомъ и о какомъ-то предатель Косярскомъ. Потомъ рассказалъ мнѣ, что въ 1870 г. онъ былъ заграницей, старался основать тамъ, во Львовѣ, періодическое изданіе, но ничего не могъ достичнуть; попалъ съ русинами (нѣкоторыхъ онъ назвалъ по имени) въ такое болото, что едва выскочилъ. Вообще онъ высказывалъ тогда о галицкихъ русинахъ крайне невыгодное для нихъ мнѣніе. Искренности ихъ по отношенію къ Украинѣ и украинцамъ онъ совсѣмъ не довѣрялъ; по отношенію къ Украинѣ онъ видѣлъ въ нихъ сепаратистовъ, желавшихъ эксплоатировать украинцевъ; по его мнѣнію, русины-галичане глубоко ополячены и восприняли весьма многія отрицательныя стороны польской шляхты. Въ произведеніяхъ ихъ онъ справедливо не видѣлъ не только поэзіи, но и простого поэтическаго чутья... Вообще онъ старался отклонить меня какъ можно дальше отъ галицкихъ русиновъ. Журналъ его не осуществился. Юзефовичъ принялъ его крайне холодно и отказалъ въ какомъ бы то ни было содѣйствіи“.

„Въ 1881 году я получилъ изъ за-границы неизвѣстно вѣмъ высланные въ закрытыхъ конвертахъ листы изданной Кулишемъ въ Львовѣ „Хуторной поэзіи“. Я пришелъ въ изумленіе, прочитавши въ ней „историчне оповіданне“ ¹⁾ и „зазивний листъ до украинской интеллигенції“.

¹⁾ Въ этомъ трудаѣ своемъ Кулишъ въ сущности опровергаетъ сказанное имъ въ «Повѣсти объ украинскомъ народѣ» (Ср. «Исторія украинской литературы», Петрова, стр. 270—271).

Далѣе г. Конисскій сообщаетъ слѣдующее: „До 1884 года я не зналъ, что было причиною возвращенія Кулиша во взглѣдамъ начала шестидесятыхъ годовъ. Въ Кіевѣ на этотъ счетъ ходили слухи, русская же пресса, не только та, которая называется „Московскими Вѣдомостями“, но даже кіевская „Заря“ начала клеймить Кулиша эпитетами вродѣ: „измѣнникъ“, „отступникъ“ и т. п. Въ дѣйствительности же Кулишемъ руководило не отступничество, а болѣзненно развитое самолюбіе и желаніе первенствовать. Когда онъ увидѣлъ, что „Исторія возрожденія“ не привела къ желанной цѣли, то отправился въ Галичину и задумаль издавать здѣсь газету въ духѣ примиренія поляковъ и украинцевъ. Но для этого нужны были средства и австрійское подданство. Мѣстное правительство не прочь было субсидировать изданіе, а Кулишъ готовъ былъ перейти въ австрійское подданство, конечно испросивъ согласіе русскаго правительства (кажется, Кулишъ подалъ обѣ этомъ просьбу къ министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьеву и получилъ разрѣшеніе). Но изданіе не осуществилось... Достовѣрно то, что онъ выѣхалъ изъ Австріи въ 1882 г., раздраженный и противъ правительства, и противъ поляковъ, и русиновъ. Послѣднихъ въ своей „Крашанкѣ“ онъ просто называетъ „телятами“.

Ходили слухи, что, когда Кулишъ возвратился въ Россію, возникла переписка въ административныхъ сферахъ о ссылкѣ его; но восторжествовало мнѣніе кіевскаго генералъ-губернатора, чтобы ему было предоставлено спокойно и свободно жить, гдѣ онъ захочетъ“.

Самъ Кулишъ передавалъ дѣло г. Лободовскому иначе: „Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Осолинскихъ находятся драгоценнѣйшіе матеріалы для нашей исторіи“. Дальше, разсказавъ о замѣченной имъ взаимной адской злобѣ поляковъ и галичанъ и о своемъ обращеніи къ знаменитому Крашевскому съ просьбой помочь его желанію дѣйствовать на поляковъ въ

примирильномъ духѣ и получениі отъ него отказа подъ предлогомъ старости, Кулишъ сообщалъ объ интригѣ поляковъ противъ него. „Одинъ полякъ“—говорилъ онъ—„отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человѣкъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму денегъ, которая потребна будетъ для осуществленія вашихъ завѣтныхъ желаній, т. е. изданія газеты, журнала, книгъ, на малорусскомъ, конечно, языкѣ и во Львовѣ, но съ условіемъ, что примете австрійское подданство. Зная васъ, они къ вамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ“. „Зная любовь поляковъ къ культурѣ и щедрыя ихъ пожертвованія для культурныхъ цѣлей“,—продолжаетъ Кулишъ—„зная рыцарскія качества характера вѣкоторыхъ поляковъ, я отнесся съ довѣріемъ къ предложенію“. Кулишъ согласился на предложеніе, предполагая издавать малороссійскій журналъ и газету, вести ихъ въ томъ духѣ, въ какомъ онъ желалъ, и основать съ патріотическими цѣлями женскую гимназію во Львовѣ „съ интернатомъ для галичанокъ—матерей будущихъ патріотовъ“¹⁾. Дальнѣйшая исторія понятна: когда Кулишъ увидалъ, что у его новыхъ друзей и покровителей былъ свой особый умыселъ и что они хотѣли только воспользово-

¹⁾ Тоже Кулишъ старался убѣждать своихъ знакомыхъ дѣвушекъ-малороссіянокъ серьезно заниматься исторіей Малороссії, выписывая имена и года, «какъ студенты передъ экзаменомъ», чтобы хорошо знать исторію родного края, «какъ всякая образованная полька знаетъ свою исторію». «Не было бы для меня большей радости на Украинѣ—говорилъ онъ—«какъ видѣть горячихъ сердцемъ людей, которые жили бы не одними земными интересами, какъ мотылекъ, который сегодня красуется на солнцѣ, а завтра умеръ, не заботясь, что было до него и будетъ послѣ. Глаголы Божіи мы читаемъ въ жизни царства и народовъ, всякий народъ горемъ и счастьемъ готовится на свое дѣло въ общемъ дѣлѣ человѣчества» и проч.

ваться его дарованіями и єнергіей для собственныхъ цѣлей, употребивъ его за деньги (какъ имъ хотѣлось) въ качествѣ ору-дія, уже тогда, когда для него возвращеніе въ Россію будетъ отрѣзано,—онъ, разумѣется уклонился отъ ихъ предложенія, но прошеніе о разрѣшевіи принять австрійское подданство уже было подано ¹⁾).

Итакъ Кулишъ оставался все время вѣренъ своей завѣт-ной мечтѣ—дѣйствовать для національного возрожденія Україны посредствомъ періодического изданія, по осуществить ее ему не удавалось, а между тѣмъ на этой струнѣ и на склонности его увлекаться излюбленной идеей до забвенія осторожности за-думали играть по-своему представители иной народности и иныхъ интересовъ, лукаво поставивъ ему такую сѣть, изъ кото-рой онъ могъ выйти лишь сильно (хотя и несправедливо) скомпрометированнымъ одновременно и передъ правитель-ствомъ, и передъ украинофилами галицкими и русскими. Между тѣмъ перенести свою дѣятельность въ Галицію Кулишъ хотѣлъ вѣдь потому, что она была рѣшительно невозможна въ Россіи. Да и средства для созданія новаго, и притомъ малороссійскаго, органа, еслибы предположить даже, что по-слѣдній былъ бы разрѣшенъ, ему никто и никогда не предла-галъ. „Малороссійскій органъ“—писалъ Кулишъ И. И. Бѣло-зерскому — „покамѣстъ невозможенъ по недостатку фонда. Поэтому не лучше ли избрать почву нейтральную? Австрія, правда, паршивое государство, но тамъ нѣмцы, лахи и жиды заѣдаютъ русиновъ, однакожъ, русины имѣютъ множество пе-ріодическихъ изданій и книгъ“. Всѣ его неудачи и недора-зумѣнія, по нашему мнѣнію, объясняются въ значительной

¹⁾ См. «Кіевскую Стар.», 1897, IV, 166—170. Кажется, Кулишъ бытъ постепенно вовлеченъ въ сѣть, такъ какъ изъ одного письма его къ И. И. Бѣло-зерскому видно, что онъ былъ сначала увѣренъ въ возможности основать собственную типографію и получить «кон-цессію», не принимая австрійского подданства.

степени тѣмъ, что онъ видѣлъ себя вынужденнымъ дѣйствовать на чужой почвѣ, за полной невозможностью дѣйствовать на своей, а среди чужихъ онъ естественно встрѣчалъ не совсѣмъ тѣ или даже совсѣмъ не тѣ стремлѣнія, какія были у него; компромиссы, конечно, только портили дѣло и создавали недоразумѣнія. Чтоб же касается польской партіи, то она, очевидно, привлекая Кулиша для своихъ интересовъ, дорожила авторитетомъ его имени среди украинцевъ и вмѣстѣ благопріятнымъ для поляковъ отрицательнымъ отношеніемъ его къ козачеству. Отсюда вполнѣ естественно возникла надежда воспользоваться его идеей возсоединенія совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Кулишъ¹⁾, высказавшій свой взглядъ на польско-украинскія отношенія въ „Крапанкѣ“ (какъ бы онъ ни увлекался въ остальномъ) такимъ образомъ: „Съ обѣихъ сторонъ (съ украинской и съ польской) столько было кроваваго зла, что нѣтъ суда на землѣ, который могъ бы насть разсудить, а мы вмѣсто того, чтобы все предать забвенію, хотимъ по прежнему, по варварски, по звѣриному враждоватъ между собой“. Но этой прекрасной и истинно-гуманной идеѣ ему не удавалось служить безъ компромиссовъ то въ одну, то въ другую сторону, въ значительной степени объясняемыхъ трудностью балансировать среди историческихъ, вѣковыхъ народныхъ несогласій, и это—несомнѣнныи источникъ почти не-

¹⁾ По словамъ «Галицкой Руси», указывающей на планъ поляковъ найти редактора русинского журнала съ громкимъ именемъ и притомъ украинца, «найденъ былъ украинецъ и не какой-нибудь, а самъ авторъ «Черной Рады», поэтъ и историкъ, изобрѣтатель фонетического правописанія, названного въ Галичинѣ въ его честь «кулишевской», «идеаль галицкихъ украинофиловъ». (1892 г., № 226 фельтона). «Галицкая Русь» взводить на Кулиша тяжелое и позорное обвиненіе въ продажности, но весьма наивно объясняетъ быстрый, для всѣхъ неожиданный отѣѣздъ Кулиша изъ Львова тѣмъ, что у него не достало терпѣнія ждать (sic) осуществленія задуманнаго журнала.

избѣжныхъ промаховъ и ошибокъ Кулиша. Да и трудно было иначе, потому что и самъ Кулишъ, въ свою очередь, желая быть миротворцемъ, имѣлъ всегда въ виду то такъ, то иначе понимаемыя выгоды своей родной и дорогой Украины: отсюда, мнѣ кажется, можно понять и его быстрое увлеченіе поляками въ Львовѣ, и быстрое же въ нихъ разочарованіе. Еслибы Кулишъ могъ дѣйствовать на этой вулканической почвѣ прямо и подъ опредѣленнымъ знаменемъ, не примыкая къ постороннимъ партіямъ, то, безъ сомнѣнія, несмотря на то, что послѣ въ своемъ разочарованіи онъ обманывалъ себя, говоря, что онъ не политикъ, а историкъ¹⁾, онъ могъ бы быть крупной силой, чѣмъ отлично понимали какъ искашившіе его союза, такъ и тѣ, кто, видя въ немъ противника, опыпали его страстными проклятіями²⁾.

LIII.

Послѣднее десятилѣтіе было опять тяжелой порой въ жизни Кулиша. Продолжая на склонѣ лѣтъ съ неутомимой энергией и горячимъ, почти юношескимъ увлеченіемъ служить избранному „дѣлу жизни“, какъ бы не чувствуя тяжести вереницы пережитыхъ, нелегкихъ во всѣхъ отношеніяхъ, годовъ, онъ былъ теперь со всѣхъ сторонъ тѣснѣнъ неблагопріятными условіями, почти ниоткуда не встрѣчая поддержки и нравственнаго одобренія. Уединившись въ своеемъ хуторѣ, отрѣзанный

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, IV, 170.

²⁾ Н. И. Костомаровъ упрекалъ Кулиша за «Крашанку», въ которой авторъ изложилъ взгляды, противные общимъ прежнимъ направлѣніямъ—и тому, съ которымъ онъ трудился цѣлыхъ тридцать прежнихъ лѣтъ, и тому, съ которымъ въ 70-хъ годахъ явился въ Петербургѣ и Москвѣ. («Вѣстн. Евр.», 1882, VIII, стр. 731).

силой неумолимыхъ обстоятельствъ отъ центровъ, Кулишъ былъ тогда богатъ развѣ литературнымъ прошлымъ и широкими пла-нами, но не тѣмъ могущественнымъ металломъ, который открываетъ двери къ благополучному процвѣтанію въ житей-скомъ смыслѣ. Въ это время его измѣнившіеся взгляды на роль, которую играли козаки въ исторіи Україны XV—XVII вѣковъ, навлекли на него сильнейшее нерасположеніе украинской пар-тіи, да и въ Галиції было не мало недовольныхъ имъ, хотя по другимъ причинамъ. Цenzура съ своей стороны продолжала относиться къ нему съ явнымъ недовѣріемъ. Тяжело было пре-носить это общее равнодушіе, а иногда и ожесточеніе.

Кулишъ уже отрекся отъ всякихъ надеждъ на славу даже въ потомствѣ, говоря (въ письмѣ къ Волкъ-Карабчевской), что онъ будетъ только неустанно дѣло дѣлать, а дѣла столько, что никогда и съ добрыми людьми поговорить; воспользуется ли кто этимъ трудомъ, этого никто не знаетъ, но такъ или иначе правда восторжествуетъ, а пока надо подождать лѣтъ сто, когда „жизнь вызоветъ на Божій свѣтъ правду слова и дѣла“. Также В. Н. Волкъ-Карабчевскому онъ писалъ: „За мою правду Богъ далъ мнѣ такое здоровье, какое никому изъ моихъ знакомыхъ“. „Если бы я зналъ, что я не правъ, я бы тотчасъ сжегъ свои бумаги и сломалъ перо, а такъ какъ правыхъ людей не вижу, то лучше одинъ останусь съ своей правдой, нежели примкну къ „стоустому недоразумѣнію“.

И вотъ въ это-то и безъ того нерадостное время судьба послала ему одинъ за другимъ рядъ жестокихъ невзгодъ чисто житейского характера: то пожаръ наносить беспощадный ударъ его крайне скучнымъ материальнымъ средствамъ и лишаетъ его самого дорогого сокровища и самой высокой отрады—много-лѣтними жертвами собранной библіотеки, то недобросовѣстный арендаторъ - полякъ всевозможными злоупотребленіями вовле-каетъ въ мелкія дрягги повседневной жизни всѣми забытаго труженика мысли и пера и вынуждаетъ его наконецъ начать съ собой тажбу. По разнымъ мелочнымъ причинамъ человѣку

живого, общительного темперамента, дѣятелю, рожденному для широкой арены и съ призваніемъ къ трибунѣ, приходилось все тѣснѣе замыкаться съ горькимъ чувствомъ въ своемъ хуторскомъ уединеніи, и такое отчужденное положеніе, хотя и въ годы приближающейся старости, но когда, не смотря на то, въ жилахъ все еще кипѣла кровь, было тяжелымъ и незаслуженнымъ испытаніемъ. Но все это не сломило Кулиша и не лишило его бодрости ¹⁾: онъ продолжалъ заниматься домашними работами, причемъ даже самъ пахалъ землю по принципу, хотя и не былъ послѣдователемъ Л. Н. Толстого, и въ это же время его литературная дѣятельность нисколько не ослабѣвала, не смотря на то, что его труды оставались подолгу въ рукописяхъ и не находили живого отголоска.

Отрицая эпоху козачества, какъ вредное исчадіе польской культуры и ложный исторический наростъ, Кулишъ хотѣлъ теперь видѣть возрожденіе Україны на почвѣ до-монгольской „старорусчины“. Въ письмахъ къ Волкъ-Каравеевской въ 90-хъ годахъ онъ подробно развиваетъ этотъ взглядъ; сходясь съ нею въ украинскомъ патріотизмѣ, онъ указываетъ и существенное разногласіе: „в тебе козацьина—корінь и цвіт нашої національности, а мене вона допомогла нашему культурному ходу ще меньше, ніж у середніх віках нашим західнім сусідам допомогли рицарі“. Единственной заслугой козачества Кулишъ признавалъ то, что оно привело къ соединенію Малороссіи съ Москвой. Онъ сильно вооружается противъ республики шляхетской и козацкой, но начатки украинской культуры, по его мнѣнію, не заглушили ни кievскій апостолъ Петръ Могила, ни Лазарь Барановичъ. Козачество онъ прямо называетъ „лахочатарскимъ выродкомъ“. Пушкинская „Новорусчина“ воскресила

---

¹⁾ Еще въ 1857 г. Кулишъ замѣчательно мѣтко охарактеризовалъ свою натуру: «Цвірода создала меня удивительно: какъ бы ни разстроили меня ввѣшнія вліянія, изъ души моей поднимается сила, которая опять все приводить въ гармонію».

старый баяновскій духъ и потому не враждебна по своей русской природѣ Українѣ, которая, однако, должна сохранить и развить свою культуру, на два вѣка задержанную казачествомъ. Этой-то культуры, въ противоположность „Костомаро-Тарасовщинѣ“, Кулишъ называетъ себя „босоногимъ апостоломъ“.

Въ концѣ 1884 г. вышелъ въ свѣтъ „Байда“ и былъ быстро раскупленъ любителями малороссійской литературы, но это была сравнительно скучная дань таланту Кулиша, и въ то же самое время другія его произведенія и статьи, печатаемыя въ „Южномъ Краѣ“ и другихъ мало распространенныхъ изданіяхъ, иногда оставались неизвѣстными даже знатокамъ и любителямъ прошлаго Малороссіи. Болѣе крупной работой Кулиша въ это время была его статья „Предшественникъ козацкаго батька“, и, кромѣ того, тогда онъ съ удвоенной энергией занимался послѣднимъ своимъ обширнымъ историческимъ трудомъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, — съ удвоенной между прочимъ потому, что по нынѣшнимъ взглядамъ Кулиша, дѣятельность Хмельницкаго заслуживала совершенно не той оценки, какая установилась въ нашей исторической литературѣ и рисовалась автору изслѣдованія въ крайне несимпатичномъ свѣтѣ; необходимо было, съ его точки зрѣнія, поспѣшить съ окончаніемъ и обнародованіемъ его труда, чтобы предупредить уже предполагавшееся тогда открытие памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ. Выступая на эту дорогу, Кулишъ окончательно расходился во взглядахъ съ прежнимъ задушевнымъ другомъ Костомаровымъ, отъ которого его уже давно отдѣлило несходство въ убѣжденіяхъ.

Но вдругъ Кулишъ получилъ телеграмму отъ г. Мордовцева о смерти незабвенного историка, товарища его лучшихъ юношескихъ трудовъ, надеждъ и увлечений. Прошлое живо воскресло въ его памяти, и явилась потребность отложить на нѣкоторое время начатые труды и взяться за перо, чтобы въ воспоминаніяхъ изобразить привлекательную личность усопшаго

прежняго друга. Эти воспоминанія были потомъ напечатаны въ Вольфовской „Нови“.

LIV.

Между тѣмъ Кулиша ожидали новыя теплыя дружескія отношенія съ людьми, уважавшими его дѣятельность и умѣвшими оцѣнить его личныя достоинства. Въ числѣ такихъ людей назовемъ юнаго любителя украинской словесности Н. В. Стороженка и уже много потрудившагося на скромномъ поприщѣ провинціальной пресы П. И. Зуйченка. Первый вступилъ въ сношевія съ Кулишомъ по поводу нѣкоторыхъ интересовавшихъ его свѣдѣній относительно „Основы“ и дѣятельности въ ней его дяди А. П. Стороженка, и, въ свою очередь, былъ отчасти посредникомъ въ сношеніяхъ Кулиша съ редакторомъ „Кievskoy Stariны“ Лебединцевымъ. Однажды до Кулиша дошли какія-то сплетни, въ которыхъ былъ представленъ отзывъ о немъ въ одной изъ статей „Кievskoy Stariны“, но это оказалось несправедливымъ. „Пересмотрѣвши нарочно повнимательнѣе „Кievskую Stарину“—писаль Н. В. Стороженко—, я не нашелъ ни въ одной статьѣ, посвященной разбору вашей дѣятельности, ни въ одной рецензії вашихъ трудовъ, ни въ одномъ изъ многократныхъ упоминаній вашего имени, не нашелъ ничего подобнаго тому, чтѣ вамъ передали. Лебединцевъ, если и имѣетъ какія-нибудь несимпатичныя черты въ своемъ характерѣ, никогда бы не допустилъ, чтобы его изданіе было замарано гнусными измысленіями“ и проч. Стороженко сообщалъ въ своихъ письмахъ къ Кулишу о разныхъ литературныхъ новостяхъ, специально касающихся Украины, указывалъ на труды молодого харьковскаго профессора Сумцова и первый указалъ ему на сочиненія о Малороссіи доктора Ролле, которыя вскорѣ обратили на себя сочувственное вниманіе Кулиша, на труды г. Горленка и проч. Въ

перепискѣ съ Стороженкомъ Кулишъ затрагивалъ вопросы, касающіеся назначенія и отличительныхъ свойствъ малорусской народности, и рекомендовалъ своему молодому корреспонденту тотъ энтузіазмъ къ родной старинѣ, какимъ отличаются особенно поляки. Въ своемъ другомъ новомъ корреспондентѣ, Зуйченкѣ, Кулишъ былъ пріятно удивленъ соединеніемъ искренности, прямодушія съ теплотой сердечной и большими доброжелательствомъ,—качествами, которыя онъ всегда цѣнилъ особенно высоко.

Зуйченко, уже давно слѣдившій за дѣятельностью Кулиша и возмущавшійся отношеніями къ нему галицкихъ русиновъ, еще до личнаго знакомства съ нимъ чуть не вмѣшался въ эти отношенія, возмущенный вчужбѣ тѣмъ, какъ его „обирали во Львовѣ“. Тepерь, вступивъ съ нимъ въ переписку, онъ не вытерпѣлъ, чтобы на первыхъ же порахъ не выразить ему чистосердечно своего негодованія по этому поводу, при чемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, прямо сказалъ: „Такого чоловіка, якъ ви, мій друже, я вперше зроду бачу: сами жъ ви жалуетесь на те, які вамъ капости робили львовскіе братчики, а тутъ же заразъ за іхъ руку тягнете“. Кулишъ былъ очень заинтересованъ этимъ откровеннымъ мнѣніемъ Зуйченка и потребовалъ объясненія причины высказанного взгляда, на что получилъ слѣдующій не менѣе откровенный отвѣтъ: „Якъ колись довелось мені проживати у Відні, то за ваше львовске життя чувъ я не відъ единаго покойника Раевскаго, а ще казали мені де які Русини про вашу прихильность, та про те, якъ іхъ братчики вивертали вашу кишенью на свою потребу“. Несмотря на черезчуръ свободную искренность этихъ строкъ, въ нихъ дышала преданность, объясняемая тѣмъ, что еще въ раннемъ дѣтствѣ автору ихъ приходилось часто слышать о Кулишѣ отъ знакомыхъ отца, и уже тогда въ его душу запало глубокое почтеніе къ нему, какъ къ надеждѣ и гордости всей Украины. Изъ этихъ знакомыхъ особенно поразилъ его, еще ребенка, своимъ восторженнымъ отзывомъ родственникъ Пушкина, Николай Ивановичъ Павли-

щевъ, глубокій знатокъ и любитель малороссійскихъ пѣсенъ и языка.¹⁾

Зуйченко былъ очень радъ слушаю завязать съ Кулишомъ переписку и жаждалъ личнаго знакомства съ нимъ, для чего настойчиво и съ какой-то задушевной сердечностью звалъ его къ себѣ, стыдя его между прочимъ за то, что онъ, горячій украинскій патріотъ, не видаль никогда днѣпровскихъ пороговъ и мѣста пребыванія прежней запорожской сѣчи; въ ожиданіи личнаго знакомства онъ просилъ Кулиша прислать его портретъ.

LV.

Вскорѣ вѣрный и преданный Зуйченко становится однимъ изъ повѣреныхъ думъ Кулиша и начинаетъ даже входить въ его домашніе интересы, отговаривая его затягивать пререканія

---

1) Зуйченко сохранилъ въ своей памяти нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности о томъ, какъ на partie de plaisir къ отстоявшей на вѣськолько верстъ отъ Екатеринослава разрушенной польской крѣпости, Павлищевъ—любившій съ артистическимъ увлеченіемъ декламировать: «Бьють пороги, міасць сходить», и отличаясь необыкновенной памятью,—на разспросы Зуйченка, гдѣ можно найти данная для описанія процедуры вступленія обетшалаго запорожца въ «ченци», которое было нужно ему для описанія запорожскаго самарскаго монастыря, отвѣтилъ:—«Конечно, у Кулиша въ «Черной Радѣ!» и немедленно проговорилъ на память слово въ слово описанія козацкаго вступленія въ монахи.

Такъ, многими несправедливо забываемый Кулишъ совершенно случайно узнавалъ иногда о своихъ искреннихъ и горячихъ почитателяхъ, симпатіи которыхъ и нѣму подготавливались еще съ раннихъ лѣтъ и которые слишкомъ поздно встрѣчались иногда съ нимъ на жизненномъ пути.

съ арендаторомъ, отъ которыхъ не ждалъ ничего доброго. Кулишъ, въ свою очередь, осыпаетъ его дружескими поручевіями; къ нему онъ обращается въ числѣ другихъ и съ просьбой о портретѣ украинскаго философа Сковороды, свято чтимаго именно той фракціей украинофиловъ, къ которой принадлежалъ и его корреспондентъ. (Любопытно, что для этого потребовалось Зуйченку вступить въ сношеніе съ сыномъ одного молокана, который долженъ былъ снять копію съ портрета тайно отъ отца, потому что у этой секты Сковорода почитается святымъ и копіи съ его портрета снимаются и отдаются весьма неохотно). Кромѣ того, они дѣлились другъ съ другомъ неизвѣстными прежде украинскими думами и, наконецъ, по желанію Зуйченка, Кулишъ прислалъ ему однажды автографы Гоголя и Шевченка.

Главной связью между обоими корреспондентами служили ихъ общіе историко-литературные украинскіе интересы и литературные замыслы каждого изъ нихъ. Кулишъ, окончивъ „Байду“ и ободренный успѣхомъ этой пьесы, задумывалъ новую драму „Царь Наливай“, при чёмъ въ отысканіи данныхъ помогать ему и Зуйченко, находившій избираемыя сюжеты весьма драматическими: „За „Байду“ я вамъ скажу, что се дуже важка тема для драматичности: „Байда“ зложивъ свою голову не за лыцарську, або за народну користь, а за честолюбивий помисль молдавскаго господарства. „Царь же Наливай“—друге дило—тутъ высота драматизма безъ кинца, якъ у шекспировскаго Ю. Цезаря або Лира“. И вотъ онъ съ живымъ участіемъ начинаетъ разыскивать для Кулиша въ разныхъ концахъ Южной Руси, какія только можно раздобыть, думы о Наливайкѣ, а потомъ тревожится за участъ уже написаннаго произведенія со стороны цензурныхъ мытарствъ и урѣзокъ. Отыскиваніе рукописеи Сковороды и стараніе отдать его подлинныя труды отъ подложныхъ, отыскиваніе его портрета и другія дѣла вовлекли обоихъ корреспондентовъ съ сношенія съ редакторомъ „Кievской Старины“ Лебединцевымъ, посредникомъ въ которыхъ явился для нихъ Н. В. Стороженко. Лебединцеву было предложено напечатать пьесу

„Царь Наливай“, и онъ съ радостью ухватился за эту мысль, но переданныя ему Стороженкомъ условія Кулиша оказались непосильными для специального журнала съ ограниченнымъ числомъ подписчиковъ, и дѣло разстроилось. Этотъ эпизодъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Кулиша. Одинъ изъ его корреспондентовъ справедливо возражалъ на его сѣтованіе: „Мы кажется, что вы черезчуръ пессимистически смотрите на современность; издателей найти трудно, съ цензорами имѣть дѣло еще труднѣе, но читатели нашлись бы: за прошлое царствованіе народъ нашъ подвинулся значительно впередъ въ умственномъ развитіи и чувствуетъ потребность въ духовной пищѣ; только давайте хороши, написанные въ национальномъ духѣ труды,— такъ и проглатываетъ“. Но, во всякомъ случаѣ, обойти издательскія и цензурныя передряги было невозможно, и то и дѣло встрѣчались недоразумѣнія изъ-за правописанія и разныхъ паперковъ. „Вы пишете такъ легко и хорошо, что всѣ ваши произведенія читаются съ величайшимъ удовольствиемъ“, говорили съ разныхъ сторонъ Кулишу, но дѣла не подвигались отъ этого скорѣ и затрудненія продолжали его волновать все сильнѣе и мучительнѣе. Въ одномъ письмѣ къ Огоновскому Кулишъ горько жаловался на то, что его одинаково стѣсняютъ русская и заграничная польская цензура, русскіе попы и польскіе ксендзы, русскіе и галицкіе козакоманы и пр. Въ тоже время къ Кулишу нерѣдко обращались съ предложеніемъ сотрудничества. Черезъ г. Стороженка ему было предложено г-мъ Горленкомъ принять участіе въ какомъ то предполагаемомъ сборникѣ чисто этнографически-беллетристического характера, который бы являлся продолженіемъ „Записокъ о Южной Руси“ и „Хаты“, причемъ „было желательно, чтобы имя виновника появленія на свѣтѣ этихъ двухъ трудовъ украсило страницы изданія“, и съ такими же предложеніями охотно обращались къ Геннѣ Барвиноѣ, но цензурныя стѣсненія и здѣсь постоянно стояли на дорогѣ; такъ напр., „Кievская Старина“ должна была просить по настояніямъ цензуры передѣлать одинъ разсказъ, написанный

на малороссійскомъ языке, потому что можно было допустить только смѣшанную рѣчь—разговоры по-малорусски, а описание и все остальное на литературномъ языке.¹⁾ Въ числѣ лицъ, обращавшихся къ Кулишу съ литературными предложениями въ серединѣ 80 годовъ, слѣдуетъ назвать, между прочимъ, его старого знакомаго Сердюкова,²⁾ задумавшаго составить „Словарь“, который заключалъ бы въ себѣ „сводъ всей малороссійской литературы“. Кулишъ, съ своей стороны, указалъ ему въ качествѣ образца для такого труда словарь Желиховскаго (которымъ, однако, Сердюковъ остался не вполнѣ доволенъ), и, въ свою очередь, получилъ приглашеніе участвовать въ предложенномъ предприятіи и даже перѣѣхать для этой цѣли въ одну изъ сто-

¹⁾ Въ письмахъ Н. В. Стороженка къ Кулишу мы встречаемъ между прочимъ слѣдующіе два курьеза: во-первыхъ, разсказъ о томъ, какъ уже выжившій изъ ума старикъ Платонъ Лукашевичъ, всегда впрочемъ отличавшійся странностями, предложилъ В. Б. Антоновичу и другимъ лицамъ въ завѣщаніи свою библіотеку и архивъ, но съ тѣмъ условіемъ, что душеприкащики обязуются перевести на французскій языкъ (sic) всѣ шестнадцать томовъ его «Чаромутія»; во-вторыхъ, любопытное сообщеніе о заявленіи въ Обществѣ исторіи и древностей казначея Карпова, послѣ смерти Н. И. Костомарова, что, отдавая должное трудолюбію и таланту покойнаго, не должно забывать, что онъ всюду старался унизить все русское, развѣчивая народныхъ героевъ. Послѣ окончанія его рѣчи, профессоръ Тихонравовъ замѣтилъ, что все это такъ любопытно, что заявленіе Карпова слѣдуетъ напечатать съ рѣчью его предшественника по слову, Забѣлина. Карповъ понялъ, что его поймали, и началъ увертываться, говоря, что онъ собственно ничего не имѣетъ противъ Костомарова, но что онъ какъ русскій и т. д.; затѣмъ онъ сконфузился, покраснѣлъ и сѣлъ. Общество постановило напечатать только рѣчь Забѣлина въ «Чтенияхъ».

²⁾ См. о немъ «Кievsk. Star.», 1897, X, 32—37, XI, 243—244 и ХП, 468.

лицъ или въ Киевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя совмѣстное съ Сердюковымъ изданіе сочиненій Костомарова.¹⁾

Наконецъ и Зуйченко задумалъ цѣлый рядъ собственныхъ изданій, изъ числа которыхъ вскорѣ былъ осуществленъ на дѣлѣ „Екатеринославскій листокъ объявлений“; онъ часто совѣтовался съ Кулишомъ и желалъ его сотрудничества. Онъ предполагалъ также выпускать «Календарь-Рекламу», который по его мысли долженъ былъ заключать въ себѣ не только русскія, но также общеевропейскія объявленія. Замышлялъ онъ наконецъ издавать газету «Основа», самое название которой должно было служить напоминаніемъ о прежнемъ журналь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, образцомъ для нея, по собственному признанію Зуйченка, былъ одинъ издававшійся въ Львовѣ журналъ. Когда же изъ всѣхъ этихъ изданій былъ разрѣшенъ только «Листокъ Объявлений», то Зуйченко просилъ Кулиша заготовить публикаціи на нѣсколькихъ иностраннѣнныхъ языкахъ. Между пріятелями было условлено свиданіе для личнаго знакомства и дѣловыхъ объясненій, но вскорѣ Зуйченко въ одномъ изъ писемъ упомянулъ о начавшемся недоговорѣ, которому онъ не придалъ сначала особаго значенія, но которое окончилось вскорѣ его смертью.

LVI.

Въ 1886 году началось мое также заочное знакомство съ П. А. Кулишомъ, поводомъ къ которому послужило мое обра-

¹⁾ Сердюковъ даже писалъ Кулишу: „бросьте всѣ ваши историческія занятія и займитесь редакціей словаря, который по мѣрѣ пе-ребѣливанія, буду вамъ присыпать“, и вслѣдъ затѣмъ предлагалъ Кулишу весьма выгодныя въ материальномъ отношеніи условія, имѣя въ виду критическое положеніе Кулиша и завлекая его, между прочимъ, возможностью приобрѣтенія на льготныхъ условіяхъ помѣстья въ западномъ краѣ. Кулишъ не пошелъ на это.

щеніе къ нему по составленію «Указателя къ письмамъ Гоголя» съ просьбои указать могущія быть неточности и ошибки. Занимаясь изученіемъ жизни великаго писателя, я встрѣчалъ вначалѣ значительныя затрудненія въ каждомъ шагу вслѣдствіе тщательнаго маскированія собственныхъ именъ, сдѣланнаго П. А. Кулишомъ въ его изданіи въ пятидесятыхъ годахъ по требованію С. И. Аксакова и П. А. Плетнева. Долго меня затрудняли самыя справки о мѣстѣ жительства Кулиша, о чёмъ никто не могъ доставить вѣрныхъ свѣдѣній, пока, по совѣту А. Н. Пыпина, я не рѣшился обратиться въ редакцію «Кievskoy Stariны» съ просьбою переслать мое письмо Кулишу. Вскорѣ же былъ полученъ самый дружелюбный и любезный отвѣтъ съ пожеланіемъ, чтобы наше новое знакомство сдѣлалось со временемъ старымъ и многолѣтнимъ (здесь былъ намекъ на извиненіе, что я сразу позволилъ себѣ обратиться къ Кулишу, «какъ къ старому знакомому»), но въ слѣдующемъ же письмѣ онъ невольно разочаровалъ меня относительно моихъ надеждъ на исправленіе вкравшихся ошибокъ: «Очень хотѣлось бы вамъ у служить, но на свою память касательно собственныхъ именъ, обозначенныхъ иностранными буквами, не полагаюсь»—отвѣчалъ онъ мнѣ... «Послѣ столькихъ лѣтъ иного рода работъ я сталъ чужимъ въ области вашего изученія». Въ то же время П. А. Кулишъ, желая помочь Н. А. Бѣлозерской въ ея труда при составленіи для «Русской Stariны» біографіи М. И. Гоголь, просилъ меня разыскать автобіографію «этой прекрасной женщины» въ библіотекѣ наследниковъ графа Александра Петровича Толстого и спрашивалъ у меня нѣкоторыя подробности, касающіяся М. И. Гоголь, которыхъ мнѣ легко было узнать по моимъ отношеніямъ къ покойной сестрѣ нашего знаменитаго писателя, Аннѣ Васильевнѣ. Этую просьбу исполнить ничего не стоило, но проникнуть въ 90-лѣтней графинѣ Толстой, жившой уединенно и замкнуто въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Садовой улицѣ, оказалось совершенно невозможнымъ, и Кулишъ напрасно совѣтовалъ мнѣ «сыскать въ Москвѣ просвѣщеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнаго въ аристократической средѣ архимандрита или архіерея». «Изъ

любви къ литературѣ»—прибавлялъ онъ—«подобный авторитетъ могъ бы обрѣсти въ домѣ графини ключъ отъ грѣшнаго въ ея глазахъ книгохранилища. Никакими другими средствами съ нею не совладаешь». По этому поводу Кулишъ выразилъ свой задушевный, часто имъ высказываемый взглядъ на то, что жизнь отъ насъ требуетъ безотлагательного дѣла жизни. «Послѣ насъ и послѣ всего, что мы съ вами и подобными вамъ трудолюбцами сдѣлаемъ, жатва по старому будетъ мвога, дѣлателей же будетъ мало».

Вскорѣ П. А. Кулишъ просилъ меня похлопотать объ изданіи его послѣдняго крупнаго труда «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». «Въ Москвѣ»—говорилъ онъ—«эта книга должна больше нравиться, нежели гдѣ-либо, такъ какъ изъ трехъ элементовъ: польского, малороссійского и московского, сей послѣдній, на основаніи моихъ изученій, представлевъ въ своемъ оправданномъ исторіей превосходствѣ». При этомъ онъ совѣтовалъ мнѣ обратиться съ просьбой объ изданіи книги къ г. Солдатенкову, а судью своего труда для рекомендациіи послѣдняго желалъ имѣть Д. Ф. Самарина.¹⁾ Но дѣло оказалось далеко не такимъ легкимъ, какъ оно представлялось Кулишу. Достоинства живого, изящнаго литературнаго изложенія и яркихъ историческихъ характеристикъ, заключающихся въ этомъ труде, мало могли помочь уже потому, что тѣ лица, къ которымъ Кулишъ думалъ обратиться черезъ меня, не поинтересовались даже ознакомиться съ книгой. Тогда явился новый планъ—представить рукопись всего этого обширнаго трехтомнаго сочиненія въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ». Но тутъ начался рядъ новыхъ мытарствъ.

Главные члены Общества Исторіи и Древностей, тогдашній предсѣдатель И. Е. Забѣлинъ и профессоръ В. О. Ключевскій,—

¹⁾ „Я думалъ“—писалъ намъ Кулишъ, „что Самаринъ и Солдатенковъ обрадуются слушаю заявить публикѣ о такихъ хулахъ на «духа премудрости, духа разума, духа страха Божія», какія указаны мною въ воспоминаніяхъ о Гермогенѣ, Филаретѣ Никитичѣ и проч.“

нынѣшній предсѣдатель Общества, въ то же время лишь болѣе вліятельный членъ,—въ общихъ чертахъ ознакомившись съ трудомъ Кулиша, отнеслись къ нему сочувственно и рѣшили внести въ Общество предложеніе о напечатаніи книги, причемъ Кулишъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ три тома были отпечатаны въ продолженіе года, на что и послѣдовало согласіе Общества. Но книги „Чтений“ въ то время отчаянно запаздывали выходомъ, такъ что Общество, не отступая отъ своего обѣщанія и дѣйствительно помѣстивъ трудъ Кулиша въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Чтений» за 1888 г., однако растянуло печатаніе приблизительно на полтора года.¹⁾ Но медленность была въ данномъ случаѣ еще наименьшимъ зломъ, тогда какъ автору пришлось вынести много мелочныхъ непріятностей, начиная съ заявленія казначея Общества Карпова о томъ, что, сходясь съ нимъ во многихъ взглядахъ и якобы даже заимствовавъ оные изъ книги послѣдняго о «Богданѣ Хмельницкомъ», Кулишъ счелъ нужнымъ скрыть о своемъ знакомствѣ съ его трудомъ и никакъ не обмолвился о немъ ни единымъ словомъ. Претензія эта была очень забавна въ виду того, что о существованіи сочиненія Карпова Кулишъ даже не зналъ, да и о самомъ Карповѣ впервые также узналъ однажды случайно отъ Костомарова, смѣявшагося надъ его обвиненіемъ Кулиша и Костомарова въ подборѣ актовъ Южной и Юго-Западной Руси въ третьемъ томѣ соотвѣтственно украинскимъ видамъ. Съ другой стороны оказалось, что Карповъ, который привыкъ за присвоеніе у него Кулишомъ высказываемые послѣднимъ взгляды на темныя стороны козачества, радикально расходился съ Кулишомъ въ оцѣнкѣ значенія самого Хмельницкаго и находилъ необходимымъ протестовать противъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній его труда. Уже по отпечатанію первого тома, которое тянулось необыкновенно долго, до того, что однажды разсерженный авторъ иронически писалъ намъ по адресу Общества: «Я думаю, что вы ошиблись въ надписи и, вмѣсто

¹⁾ Кулишъ тужилъ по этому поводу: „Моя рукопись всѣхъ, какъ пишутъ, обрадовавшая, дремлетъ подъ шумъ общей радости“.

Общества исторіи, попали въ какое-нибудь чиновное вѣдомство съ прочными и покойными мѣстами», —вдругъ посыпались одва за другимъ энергическая заявленія и протесты Карнова, который извѣшаетъ самого Кулиша «о своемъ намѣреніи напечатать при второмъ томѣ его труда возраженіе противъ первого», когда уже нельзя было прекратить начатое дѣло, да и второй томъ былъ уже давно въ наборѣ. Кулишъ такъ отвѣчалъ ему: «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ не могло издать моего радикально противоположнаго принятому воззрѣнію труда безъ такой оговорки, какая набросана въ вашемъ письмѣ. Но и для Общества и для меня будетъ лучше, когда оно выпустить разомъ всѣ три тома, составляющіе нераздѣлимое цѣлое. Позвольте надѣяться, что вы это сдѣлаете для товарища по профессії». Карновъ исполнилъ свое намѣреніе и прислалъ Кулишу оттискъ, не смотря на ироническій отвѣтъ послѣдняго на предложеніе прислать ему на просмотръ его примѣчанія: «Хоть бы вы и прислали, я не выразилъ бы желанія, чтобы въ этомъ примѣчаніи кое-что было сказано иначе, а вѣ такъ, какъ оно сложилось въ вашемъ умѣ».¹⁾

Наконецъ, книга была напечатана и, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, продана владѣльцю одного изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ.

Но несомнѣнно, что медленность печатанія при такихъ условіяхъ была для Кулиша тажелой нравственной пыткой, а между тѣмъ у него грудами въ рукописяхъ лежали и другіе крупные труды, какъ напр. «Украинскіе козаки и паны», и проч. и, кромѣ того, въ его портфель хранилось вѣсколько беллетристическихъ произведеній: послѣ „Дѣдушкина Завѣта“, «Байды» и проч., онъ написалъ также «Владимірію» или «Искру Любви»,

¹⁾ Начавъ съ утвержденія, что Кулишъ заимствовалъ у него свои основные выводы, Карновъ пришелъ потомъ къ заключенію, что онъ совсѣмъ не читалъ его книги и проч. См. обѣ этой полемикѣ въ «Исторіи Русской Этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III, стр. 212—214.

предложеннюю редакціи Вольфа, но не напечатанную тамъ вслѣдствіе цензурнаго запрещенія, хотя за рукопись уже былъ выданъ автору авансомъ гонораръ. Такжे продолжали лежать въ рукописи «Взаимныя Ошибки», напечатанныя впослѣдствіи въ «Русскомъ Обозрѣніи» подъ названіемъ «Омутъ». (1897, III). Здѣсь были уже затрудненія другого рода. Кулишъ изобразилъ по личнымъ воспоминаніямъ, но въ весьма невыгодномъ освѣщеніи, дѣятелей редакціи „Современникъ“ 60-хъ годовъ, вслѣдствіе чего многіе журналы не безъ основанія затруднились печатать эту повѣсть.

LVII.

Среди постоянныхъ передрягъ и волненій, подобныхъ вышеописаннымъ, Кулишъ попрежнему находилъ великую нравственную поддержку въ неизмѣнной преданности и горячемъ сочувствіи Ганны Барвинокъ, литературными успѣхами которой, въ свою очередь, онъ отъ души гордился.¹⁾ „Мы хлопочемъ о такихъ пустякахъ, какъ четверка лошадей и карета, а Сашуя—черкъ, черкъ и описала «Молотниковъ».²⁾ «Прибѣжитъ изъ клуни, черкъ-черкъ Александра Михайловна»—сообщалъ намъ однажды Кулишъ,—„получила гонораръ за второй этнографический этюдъ свой, который появится въ декабрьской книжкѣ „Кievskoy Stariны“, подъ заглавиемъ „Половинщикъ“ (такъ называются у насъ пахари, обрабатывающіе поля исполу). Здѣсь она коснулась брачнаго вопроса въ нашемъ простонародѣ. Третій этюдъ будетъ напечатанъ только въ апрѣльской книжкѣ, подъ

¹⁾ Онъ даже говорилъ: «Одна Ганна открыла неистощимый родникъ поэзіи».

²⁾ На противъ, А. М. Кулишъ писала своей родственницѣ: «Какъ погорѣла, лишилась хозяйства,—дѣлать нечего: я была свободна отъ всѣхъ дѣлъ и въ это время нѣсколько вещей написала».

заглавиемъ „Русалка“.¹⁾ Героиня повѣсти (въ которой вѣтъ ничего вымыщенного, какъ и въ первыхъ двухъ) относится такъ запросто къ Господу Богу, что редакторъ опасается, какъ бы цензура не вмѣшалась въ библейскій характеръ отношений.

Редакторъ „Кіевской Старины“ просилъ продолженія сотрудничества. Но вмѣстѣ съ лаврами нераузучны и шипы, и въ другой разъ Кулишъ сообщалъ мнѣ: „Александра Михайловна любить бесѣдоватъ съ простолюдинами и записывать ихъ разсказы. Нѣсколько такихъ этнографическихъ этюдовъ напечатано по-малорусски, но „Кіевская Старина“ просила ее заворачивать малорусчину въ великорусскую обертку, ради цензуры, которая, по программѣ, не дозволяетъ чисто малороссійскихъ пьесъ“. Объ отношенияхъ же своей жены къ его собственнымъ трудамъ онъ категорически заявлялъ, „что безъ Александры Михайловны книга моя не была бы написана. Всѣ житейскія непеченія брала она на себя, охраняя мое спокойствіе, время и здоровье всячески. Ни одна женщина не могла бы сдѣлать больше для писателя; и она еще находить время писать малорусскіи оповідання съ народныхъ усть“. Въ другой разъ, въ письмѣ къ одной особенно любимой родственницѣ, Кулишъ, упрекая ее за то, что она привыкла не щадить себя и, сравнивая ее въ этомъ отношении съ своей женой, примѣнилъ къ нимъ любимое итальянское двустишие: „questa vita noyosa non e degna di si gentil cosa“.

Между тѣмъ, на короткое время возобновились дружескія отношенія Кулиша къ Аннѣ Васильевнѣ Гоголь. Навѣстивъ послѣднюю въ Полтавѣ лѣтомъ и осенью 1877 года, мы имѣли случай многое разсказать ей о старинномъ пріятелѣ ея семьи, и этотъ разговоръ возводилъ въ Аннѣ Васильевнѣ живѣвшее

¹⁾ За «Русалкой» послѣдовала «Правнучка бабы Борца», о которой Кулишъ говорилъ: «или привезутъ повѣстку о деньгахъ за «Русалку», — въ такомъ случаѣ Ганна йдетъ въ Борзну для получения и отправленія; въ противномъ случаѣ хранить новую рукопись у себя».

желаніе хотя бы вступить съ нимъ вновь въ переписку; узнавъ отъ меня объ этомъ ея желаніи, Кулишъ послѣшилъ предупредить ее письмомъ, и переписка завязалась. Анна Васильевна всегда съ удовольствіемъ припоминала о добромъ старомъ времени, когда Кулиши жили въ ихъ имѣніи, и не разъ высказывала желаніе вновь увидѣться съ ними, хотя въ то-же время сомнѣвалась въ возможности осуществить свою мечту, жалуясь на свою лѣтность и немолодыя лѣта. Получивъ письмо отъ Кулиша, она тотчасъ же охотно отозвалась и начала такъ: „Мнѣ очень было пріятно получить ваше письмо. Вы отгадали мое желаніе. Я только что говорила В. И. Ш—ку, что недавно перечитывала ваши письма къ одной моей знакомой, и она совѣтовала мнѣ написать вамъ, чтобы имѣть удовольствіе получить такія прекрасныя письма, которая можно отдать въ печать. Никто не пишетъ такихъ интересныхъ писемъ. У меня, напр., все дѣловыя письма отъ многихъ писателей“. Нельзя не согласиться, что дѣйствительно Кулишъ въ высокой степени обладалъ даромъ изящнаго литературнаго изложенія, которое у него невольно обнаруживалось въ каждомъ дѣловомъ, спѣшномъ и незначительномъ письмѣ. Также восхищалась А. В. Гоголь энергіей Кулиша и, узнавъ о томъ, что онъ самъ пашетъ землю, но не зная объ его отрицательномъ отношеніи къ гр. Толстому, писала ему: „Вы теперь увлекаетесь работой, какъ гр. Толстой: воображаю, съ какой горячностью вы работаете! вы все дѣлаете съ увлеченіемъ!“ Наконецъ, она говорила: „Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю васъ и Александру Михайловну, и мнѣ пріятно смотрѣть на ваши портреты“. Съ Кулишомъ Анна Васильевна совѣтовалась о раздражавшей ее статьѣ Н. А. Бѣлозерской о ея матери; ¹⁾ сильно возмущаясь общимъ освѣщеніемъ въ ней фактовъ, крайне невыгоднымъ образомъ истолкованныхъ для нашего великаго писателя, Анна Васильевна очень волновалась, защищала брата и даже осуждала мать, которая, при всей безграничной добротѣ, причиняла своимъ—сыну, дочерямъ и окру-

¹⁾ Въ Русской Старинѣ (1887, III.).

жающимъ много непріятностейъ своей подозрительностью и невозможными фантазіями, часто приходившими ей въ голову, и говорила: „Она была очень добра, много помогала бѣднымъ, была привѣтлива къ гостямъ, всѣмъ очень нравилась, но живущимъ съ нею было тяжело. Мы всѣ три очень страдали и не такъ терпѣливо выносили, какъ братъ“. Она просила Кулиша, хорошо знаящаго характеръ ея матери, разъяснить недоразумѣніе и написать возраженіе на статью г-жи Бѣлозерской, но потомъ оставила эту просьбу, когда узнала, что г. Трохимовскій въ своей статьѣ объ М. И. Гоголь разъяснилъ именно все то, чѣд она считала необходимымъ. Шереписка Кулиша съ А. В. Гоголь, однако, скоро прекратилась вслѣдствіе какого-то незначительного недоразумѣнія. Вообще въ это время Кулишу какъ-то все больше приходилось отдаляться отъ прежнихъ друзей, причемъ онъ особенно сожалѣлъ о прекращеніи переписки съ Л. М. Жемчужниковымъ. Безъ ссоръ и безъ серьезнаго охлажденія часто порывались у него старыя дружескія связи въ силу того обычнаго явленія, что теченіе жизни съ обѣихъ сторонъ постоянно уносило, хотя и небезслѣдно, много общихъ интересовъ; такъ, онъ писалъ одной изъ родственницъ, что „Жемчужниковъ не отвѣчалъ на письмо о нашихъ портретахъ, и съ того времени переписка наша прервалась“. Года два тому назадъ Надежда Александровна (Бѣлозерская) писала, что денежная дѣла его не въ завидномъ положеніи. Теперь и съ Надеждой Александровной мы не имѣемъ повода переписываться“. Неудивительно поэтому, что однѣ изъ давнихъ знакомыхъ Кулиша, докторъ Славинцкій, замѣтилъ въ Кулишѣ сравнительно съ былымъ временемъ, нѣкоторый упадокъ духа: „Въ 1870 и позднѣе“, пишетъ онъ, „проживая въ Глуховѣ, я посѣщалъ его въ хуторѣ и замѣтилъ въ немъ раздраженіе и признаки мизантропического настроенія. Скорбью вѣяло во время нашей бесѣды о пережитомъ“. Но въ тѣхъ же воспоминаніяхъ, непосредственно предъ приведенными строками читаемъ: „Увлекался онъ и талантомъ Марка Вовчка, а досужая сплетня воспользовалась перенести его увлеченіе и на обладательницу таланта, но вѣдь одновременно ею увлекался и

И. С. Тургеневъ". Жить въ глухомъ хуторѣ, быть предметомъ недовѣрія для однихъ и нелѣпыхъ сплетенъ для другихъ, чувствовать себя отдѣленнымъ потокомъ жизни отъ лучшихъ друзей и выносить материальныя и всякия другія невзгоды и при всемъ томъ не носить ни малѣйшаго отпечатка, никакихъ слѣдовъ неудачно сложившейся жизни—едва-ли могло бы быть по силамъ кому бы то ни было; скорѣе слѣдуетъ удивляться необычайной бодрости и энергіи духа Кулиша, не ослабѣвавшей даже тогда, когда рѣшительно все складывалось неблагопріятнымъ для него образомъ, когда любящей женѣ его приходилось съ горькой ироніей сообщать одной близкой особѣ, что они къ празднику пасхи „уже получили и подарокъ, да и не малый, но съ тобой дѣлиться не хочу: окладной листъ и числится за вами 40 р...¹⁾ Словомъ, также и тутъ со всѣхъ сторонъ не даютъ намъ оправиться“.

Въ сущности же Кулишъ не только не падалъ духомъ, но умѣлъ вдохнуть бодрость и въ другихъ нуждающихся и воодушевить людей, утомленныхъ борьбой съ неприглядными сторонами жизни. Онъ не переставалъ исповѣдывать необходимость и важность безропотнаго перенесенія несчастій и умѣнья смотрѣть въ глаза всякимъ испытаніямъ и невзгодамъ, и это убѣжденіе высказывалось имъ въ самыя тяжелыя минуты: „За доброту жестоко люди платятся. Теперь о чемъ же мечтать? О тихой жизни среди жестокихъ безобразій! „Царствіе Божіе внутрь васъ есть““. Кто не запасся убѣжденіемъ, что въ человѣка нѣть счастья, тому напрасно искать его. Нравственное и умственное самоудовлетвореніе—вотъ счастье! Никакого другого нѣть, а есть мечтаніе о славѣ“. Такова была нравственная философія человѣка, много перенесшаго въ жизни, во многомъ разочаровавшагося, но сохранившаго въ груди искру Божію и еще способнаго зажигать ее и въ другихъ. Объ энергіи Кулиша въ качествѣ переводчика можно судить по слѣдующимъ строкамъ: „Оце заходивсь я пере-

¹⁾ Этѣ окладные листы были присланы Кулишу, какъ наследнику прежнихъ владѣльцевъ имѣнія.

кладуваты по нашему виршамы Байронового „Чайльдъ Гарольда“, и такъ мени ся робота вподобалась, що цилыхъ два мисяци не одирававсь видъ неи. Теперъ маємо по нашему вси чотыри писни“. В. М. Бѣлозерскому онъ писалъ въ 1893 г., что онъ занять переводомъ Іова, псалтири и пророковъ въ стихотворной формѣ и для этихъ трудовъ старался отыскать Оксфордскую Біблію. Возвращаясь къ нравственному вліянію Кулиша на близкихъ ему людей, мы, впрочемъ, должны сказать, что встрѣчаемъ иногда въ отвѣтныхъ письмахъ ему, при всемъ высокомъ уваженіи къ его личности, ропотъ недовольства на проповѣдуемую имъ мораль, на самое доброе намѣреніе его поддержать въ корреспонденціи его несомнѣнно лучшія стремленія. „Я вполнѣ понимаю и согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы говорили относительно высшихъ благъ жизни и стремленія къ нимъ“, писалъ ему одинъ изъ любимыхъ родственниковъ: „но то, что голодный будетъ думать и стараться прежде всего объ утоленіи голода, есть, полагаю, неоспоримая, безусловная аксіома“...

В., Шенрокъ.

(*Окончаніе слѣдуєтъ*).

ГОРОДЯНКА.¹⁾

(Повистъ.)

IV.

Дядько Максымъ належавъ до тыхъ людей, що хочъ и по-
важають чужый розумъ, але не забувають, що й своя голова йе
на въязахъ; хочъ и кермуються у житти загальними поглядами
свого села, та мають иноди де-що зауважыты и видъ себе гро-
мади. Тымъ то недобра слава про „ледачу нетямуху“ небогу не
дуже турбувала спершу Максима, и коли якось жинка ёго, дуже
проворна та гостра на языкъ молодыця, стала навить прысяга-
тись, що зъ городянки „не буде вже толку й до вику“, що
вона „пропаща людина“, Максымъ покинувъ гострты косу и
замовивъ ій зъ докоромъ:

— Добрый кравець симъ разъ одмирле—разъ одриже, а
дурна баба не миравши риже. Дивка ще й поригъ не пересту-
пила, а ты вже й судышъ іи.

— Адже жъ вси люде въ одно кажуть!—зауважыла жинка.

---

1) См. «Кievsk. Стар.» № 7—8.

— „Людей слухай, а свій розумъ май!“ Люде на неї кажуть: „ледача“, а я кажу: не держала бъ іи генеральша при соби висимъ рокивъ, колы бъ вона справди була ледача,—видказавъ Максымъ.

— А чого жъ вона не хоче дома робыты?—запытала жинка.

— Тымъ, що норовиста,—видповивъ Максымъ.

Теперь, писля останнїх розмовы зъ Приською, Максымъ ще дужче впевнився, що нехай бы мавъ винъ десять голивъ на плечихъ, то не прирозумивъ бы кращого прозвыща небози, якъ «норовиста». «Норовиста», думавъ самъ соби Максымъ, вертаючися до-дому, у сусидне село,—„точнисенько, якъ ось будвае кобыла норовиста; ты іи тягны на шляхъ, а вона тоби у калюжу верне... Набралася норовивъ у городянокъ, а тутъ хочъ тюкай на неї... Але жъ тому лыхови ще можно запобигти. Хай жинка не бреше: не пропаде вона. Не калика, не знесылена лісдина,—молода дівка починає жити; хай вороги на свои головы гавкають, що вона вже пропаща людина! Добрый господарь зуміє выстѣбати норовы зъ коня: не басуватиме у повозци,—буде й Приська шовкова, якъ попаде іи життя у свои пазури. Тутъ аби справити іи на шляхъ, аби штовхнути разочокъ та гараздъ, а тамъ покотыться вона по прызначеній ій колії, забуде й думати про¹ той нависний городъ... Колы-бъ тильки трапывся намъ де смилівый парубокъ, колы бъ тильки полюбывсь городянци—ми бъ знали, що робыты. Колы-бъ, мовлявъ, знайти! А де ёго знайти у лыхої годыни такого, щобъ Приська за нимъ не полола, не жала, не топыла, не прала: Де воно того дурника шукати, щобъ згодывся готови гроши постачать? Максымъ перебравъ у памъяты всіхъ парубківъ, всіхъ вдовцівъ, що здавъ по околышнихъ селахъ, и нарешти плюнувъ: „ни, немає такихъ дурнівъ—хочъ плачъ!“

А тымъ часомъ, поки Максымъ, замисленный та роздосадований небогою, плентавъ до-дому, до хаты ёго надихавъ цикавий та бажаный гистъ—кумъ Трохымъ. Винъ живъ верстивъ за двадцять видъ Максима и одвидувавъ ёго дуже ридко, проте

вумы не забувалы парубоцького товаришування и поважалы одынъ одного, якъ гарни побратымы.

— Бачъ, хто мене одвидавъ! А я увійшовъ у дверъ, побачивъ коня, та й думаю: кого це Господь прынисъ до моей господы? Це вы на нового коня забагатили?—мовывъ зрадилый Максимъ, почоломкавшись зъ кумомъ.

— Э-жъ, новый кинь: вже й паску йивъ зъ тієи пшеници, що винъ мени наоравъ,—засміялся Трохымъ.

— Тобъ то мы такий довгый часъ зъ вами не бачыlyсь, куме?—здымуvався Максимъ...

— Может бъ и теперъ ще не забывся до васъ, якъ бы не клопитъ той собачый. Ніколы, такъ ніколы, що прямо и дыхаты не має часу, а довелось запрягаты шкапыну та йихаты сюды...—мовывъ Трохымъ.

— Що жъ тамъ таке?—запытавъ Максимъ, запрохуючи гостя до столу, де вже господарка понастановлювала и мысокъ, и тарилочокъ зъ усякою стравою.

— А таке, що прямо хочъ до-дому не вертайся,—видповивъ Трохымъ.

— Чому?

— А тому, що за неоплатки грабують.

— Овва! Уплатить, та й кинець клопоту.

— Хыба то мои неоплатки? Я все до останнёго шага виддавъ. Це мени за мою найменышого братуху люде очи вийдають. Отъ горе зъ нымъ! Ажъ голова обертомъ иде, та ніякъ самъ соби рады не дамъ, що зъ нымъ робыты. Три десятины земли, хата черезъ сини зъ мою, огороду добрий упругъ—можна бъ, здається, оплатити, такъ ни, не подума й не згада про ти оплатки. Виддавъ землю людямъ задурно, взявъ вси гроши впередъ, розтрінькавъ половыну на канхветы та горихи дивчатамъ, половыну позычывъ якомусь пройдисвіту тутъ у вашому сели, до ёго оце я и забывся, а я платы за ёго!—скаржувся Трохымъ.

— Де жъ винъ, вашъ братуха, теперъ?

— У нашому жъ сели. Прывело мене виддаты ёго до церковной школы: попоходы въ четыри зимы, навчывсь чы ни чому путнёму, а у грамотії пошыўся: у помишныкы до пысаря поступыў. Пысарь и день и нічъ пье, а той за ёго артыкулы выводе...

— Мытесь пысаты?

— Мытесь такый, що инколы якъ наплута, то й самъ не разбере, де кинець, де початокъ,—зъ сердцемъ видмовыў Трохымъ.

— И що ёму полагается за ти артыкулы?—запытавъ Максымъ.

— Пысарь ёму тры карбованци на мисаць дае, а то ще перепадае ёму яка копійка и такъ видъ людей—карбоанцовъ зъ пять не бильше всѣго одержує; а самыхъ локтивъ на десять прорве... Умовляю бисового хлопца, прозъбою прохаю покынуты оти паперы—не вдюничого: прыйде, каже, мій часъ, то й я ныву оратыму, а до того часу гулятыму на воли.

— Та й гуляе?—запытавъ Максымъ.

— Та й гуляе жъ. Винъ, сказать, не якъ и гуляе: горилки не пье, хвалыты Бога, ни до якого роспутства себе не допускае, а такъ, прыберется мовъ на Велыкденъ, накладе пряникивъ, горихивъ, ажъ вышени трищать, та й мандруе колы не на ти, то на інши досвітки.

— Тры десятины, кажете, земли?—запытавъ трохи згодомъ Максымъ.

— Тры десятины 273 сажень та ще скилькысь аршынъ,—видповивъ Трохымъ.

— А явый винъ зъ себѣ?—запытавъ тежъ перегодя, наче миркующы про вищось, Максымъ:—я ёго вже рокиевъ зъ пять, якъ бачывъ.

— Про вроду й не пытай: выбежкався зъ ёго такий парубокъ, що куды тоби! И ривни ёму навколо немае... Бувъ бы такий москаль, що онъ-куды, та взявъ далекій жеребокъ—не дійшла черга до ёго. Всімъ парубокъ, якъ парубокъ, та вдачы ледачои—хочъ ты ёго у ступи товчы, не хоче робити.

— Вы бъ ёго оженылы,—порадывъ Максымъ.

— Чому жъ не оженыты, якъ бы хто пишовъ за ёго? Це мы добре знаемо, що шлюбъ та симъ — найкрацый порадныкъ у такому дили, та горе наше — дивчата, а не такъ дивчата, якъ ихъ батьки, не охочи виддати свою дочку за ёго, колы винъ теперь ни косарь, ни плугатырь, ни швець, ни кравець, ни якій майстеръ! А до того й винъ самъ не дурный: на погану дивку не скоче й дывытись.

— Сватайте небогу мою,—пораявъ Максымъ.

— Оту городянку? — запытавъ здывовано Трохымъ.

— Ии жъ, іи.

— Сміетеся, чы що? вона не скоче и дывытись на ёго. Тамъ же, каже дочка, — така панна, що ажъ курава встае, якъ поволоче своею спідницею.

— Дочка ваша разъ іи бачыла, а я іи знаю, якъ облучлену. Навсправжки кажу вамъ: сватайте нашу Приську. Вамъ, бачыте, клопить зъ Даныломъ, що не хоче господарувати, а намъ турботы зъ Приською, що не хоче за господаря заміжъ йти; злыгаймо ихъ до купы, чы не дойдуть вони тоди до розуму и безъ нашої допомоги?.. — доводывъ Максымъ.

— Не пиде вона за Даныла, — зитхнувъ Трохымъ.

— Авже жъ не пиде, якъ у нась зъ вами не постачыть толку та охоты справыты це дило на ладъ; а якъ що дійсно скочемо та визьмемося гарненько, то й погуляемо на весилли. Ій абы на готови гроши жыты, а ёму — абы дивка до вподобы — отъ тоби якъ разъ и до пары.

— А маты? — нагадавъ Трохымъ.

— Це вы, куме, до дила сказали: про неи намъ найбильше й треба пыльнувати; але жъ и тутъ намъ легко лыхови запобигты. Тры десятныкы земли, прыкладный огородъ, хата — добра ричъ, а колы до того ще й на загороди телятко-друге обізвется, колы у хати буде на чому систы, а на жердоцца яка путяща одежына теликатымется, то маты въ дорогою душою згодытса.

— А де жъ тыхъ телятъ та всякои всячыны взяты, якъ винъ же все чисто, що прыпало ёму писля батька перевивъ? — запытавъ Трохымъ.

— Овва, куме! Люде добри за одынъ часъ наставлять господаремъ—абы охота,—засміявлі Максимъ. Де-що можна на той часъ переволокты черезъ сини и зъ вашої господы, де-що й черезъ ривець видъ сусіда: той тее, той інше,—й заповняться кутки порожнії хаты... Адже пам'ятаєте, якъ мы Спирідона женили? Сорочки путьці не було, а взявъ такы дивку до любови, та ще й багатырку.

— Тобъ-то це вы на розглядыны патиқаете?—догадався Трохимъ.

— Эге-жъ, про розглядыны тильки й хлопочуся.

— Розглядыны—то дурница: можна легко улаштувати,—видмовивъ, значно повеселившій видъ зайвої чарки та видъ доброї поради кума, Трохимъ.

— Тобъ-то зъ Солохою теперъ вся наша справа?—запытавъ Максимъ.

— Звычайно: безъ Солохи розглядынъ до дила не видбудемо.

— А вона теперъ саме у нашому сели: до сына прыйхала—обизвалася Максимова жінка.

— Та невже?—врадивъ Трохимъ.

— Оде вже й знає, що пиде наше дило на ладъ. Кыдай все та влычъ іи сразу сюди. Скажи, що добрачий могорычъ чекає іи у нашій господы. Нà ось грошій и забижи у монопольку,—миттю давъ порядокъ Максимъ.

V.

Пособляють люде дружка дружци чымъ снага, рятують одно одне чымъ хто може: чы порадою, чы грошыма, чы шматкомъ хлиба; Солоха жъ знала тильки одынъ засобъ пособляти рятували тильки зъ однієи прыгоды, за те радо, охоче и добре. Безъ любистку, заговоривъ—сылою тильки власного языка вона не разъ и не два зводила до купы разъєднани серденъка, становыла на рушнику навить дитей кревныхъ ворогивъ и за свою пыльну працю не вимагала великої нагороды. Ій було байдуже до

того, хто звертається до неї за допомогою та порадою: негожихъ та нездатныхъ до шлюбу людей, на іи поглядъ, не було и на свити. Чы паганый на вроду, чы красунь, чы бидный, чы багатый—коженъ мавъ для себе уготовлену та призначену ёму Господомъ пару, бо и найменьша комашечка, найпоганиша тварына мае соби дружыну.

Парубкови, або дивци—абы выбраты соби помижъ людей ту пару, абы зупынитися на кому-небудь, а дали, якъ Господь допоможе, то справа цилкомъ залежить видъ тыхъ тенетъ, що роскыне сваха, бо немае на свити такои косы, щобъ не можно було сковать пидъ очипокъ, немае такои кропывы, що не боится морозу, немае и такихъ людей, щобъ не можно було злыгати до пары. Якъ вже ,той очипокъ сидитиме на голови: чы мицно прылыпне, чы спадатыме; якъ жытыме та пара: чы вкуси, чы наризно—то вже у воли Божій. Бувае, що гости косы вылизуть и очипокъ, спочатку малый, па брови насунеться; трапляется, що и парку закоханныхъ голубківъ розлучае шулика, або лыхая прыгодонька—всякого бувае на билому свити, и дурна та сваха, що миркує про весильный понедилокъ! „Моєї допомоги—поки рушникъ пидъ ноги“, „Мого клубочкика—до понедилочка“, „Прохай у долі лёли, а у свахи молодої“—казала було часто Солоха.

Максимъ та Трохимъ тежъ не прогаяли зъ Солохою даремно часу. Вона зрозумила зъ першого-жъ слова, на вишо іи поклъкано, якои допомоги вимагають видъ неї кумы, наскільки цей разъ справа іи, якъ свахы, буде важча, нижъ завжди, и нарешти згодилася пособляти. Правца, ничего певного не сказала вона, ни у чимъ не забезпечала, ни за вишо не ручилася, памътаючи та разъ-у-разъ нагадуючи, що все у воли Господа Милосердного та Ёго святихъ угодниківъ. Вона обичалася тильки „спробуваты“ та „поклоцотатыся“... Але чоловики добре знали, що у добрый часъ сказатъ, а у лыхий промовчатъ. Солошны клопоты доси, спасыби Богови, николи не пропадали, и вони, певни, що й на дей разъ не увиরвется іи нытка, запыли могорыча.

Добре пересвідчена у справи свахы, Солоха завжди знала, зъ чого треба починатъ, кого поклывать у пособники, видъ якихъ ворогивъ захищатися та кому годыты. Звычайно, вона починала здалека: зъ двохъ-трехъ балакучихъ жиночокъ, що, здавалось, не мали ніякихъ видносинъ до молодого та молодої и меньше за другихъ селянъ ихъ знали.

Черезъ де-килько днівъ добра слава про молодыхъ, немовъ та на дрижжахъ та циду опара, піднималась все выше та выше і незабаромъ доходила до кого слідъ. Тоді Солоха приступала до батьківъ та матерей, а звидти простувала утоптаною та гладкою стежкою до самої дівчыни, до ії серденька. Найчастійшъ те серденько не зазнавало ще кохання, але бажало єго, бажало щастя, було слухняне, і Солоси легко було кермувати имъ.

Одже на цей разъ Солоха бачила, що треба було починати дило зъ протилежного кінця: видъ самої молодої. Зъ Приською Солоха ні разочку не балакала, николи не чула ії голосу, разъ-разочкомъ тильки бачила, тай то назиркомъ, у церкви; проте вона ії знала, а зъ тієї чутки, що рознеслася про неї по околышнимъ селамъ, та зъ речей Максимовихъ добре зрозумила, що „городянка“—сама соби господыня, що хай не то мати, дядько, а все село визьмется биля неї, вона не поступиться й на крокъ видъ своїхъ заміривъ, і що Максимъ дуже помыляється, гадаючи, що небожчыни норові можно съломиць повыбивати. «Годыты ій треба, якъ якій болячци: щобъ і не прыпекты й не захолодыты»—поклала сама соби Солоха і зъ такимъ намиромъ пішла до Приськи. Приська, похнюшлена та роздосадована недавнею суперечкою зъ Мелашкою, сама сидила у садочку. Солоха надійшла до неї, любенько прывиталася, присила поручъ на травиці й защебетала соловейкомъ. Чы вона, Солоха, та свиту не бачила, чы вона людей не знає, чы то-жъ вона не розуміє, якъ життя Присьци по-міжъ такихъ темныхъ людей, якъ оти селане, або й, хай Богъ простить, і ії родына? Хочъ і далеко вона живе, хочъ і гора, і ричка й велики гони видrizняють ії видъ Присьчинеї

хаты, та доходыть чутка й до неи, та болыть серце и въ неи за той молодый викъ дивоцький, що хотять свои кревни тай занапастыты. Чы то-жъ прыйдется людына до людыны, чы то-жъ вси люде у Бога пидъ одынъ шнуръ пидведени, чы то-жъ одынъ шляхъ, одна стежечка про всихъ? Охъ! оце подивилася вона на Приську, побачила, яка то вона смутна та невесела, тай прыгадала одного парубійка... Дала бъ вона имъ обомъ пораду и на добре напутыла, видъ щырого серця та зъ доброго помыслу на шляхъ справыла, та боится... Не такъ боится самой Приськи та іи родыны, якъ недобрыхъ людей та ихъ лыхыхъ речей... Людамъ не вгодышъ, на людей не потрапышъ. Ось хочъ и той парубокъ... Шо на вроду и на здоровья и на разумъ и кращого, здается, навкругы немае, а проте осудылы ёго люде не згирше, нижъ оце и іи, Приську: ледащию зробили, на смихъ та на глумъ пидняли, а ёго тильки й провыны, за нымъ тильки й опороку, що не скотивъ господарюваты та живе на готови гроши. Гыне бидный хлопъяга, свитомъ нудыть, мисця соби не знайде, а все черезъ те, що хочъ и помижъ людей вештається, та все самотный та одынокий; немовъ та сыротына. «Йе»—оце хвалывся винъ мени—«въ мене и достатки и хата, ѹе у чимъ походыты, ѹе шматокъ ласый, и праца по сили—жыты-бъ жыты та Бога хвалыты, такъ не дае Господь мени пары, не знайду соби дивчыны по души, не спиткаю ниде дружыны до любовы. «Загледивъ», каже, „разъ-разочкомъ одну гарну дивку якось у церкви, накинувъ бувъ окомъ та не знаю, чыя вона, де іи шукаты?“

— А колы це винъ іи бачывъ?—запытала Приська.

— Не знаю, не допытувалася, серденько. Чула що то дивчына не тутешня: прыйхала звидкилась на одынъ день тай пойхала изнову. Городянка якась чы що, бо у шовковому, важутъ, платочку була та шорстяній сукни.

Приська почервонила...

— Якъ-же того парубка прозывають?—запытала вона трохъ згодомъ.

— Не скажу, голубонько, не хочу,—видмовила Солоха.

— Чому?

— Я тоби, бачъ, скажу, хто винъ и якъ ёго прозывають, ты похвалишся кому небудь, а люды и почнугть мене гудыты, що я старистю та такого „нехозяйнувутого“ парубка ухвалыла та за таке „ледащо“ заступилася! Богъ зъ нымы! Краще буде, якъ не признаюся.“

И Солоха такъ и не сказала, якъ того парубка звуть. Зате на вси інши питання дивки: що робить винъ, якъ одягається, що думає, яки має достатки,—видповідала такъ радо та довідно, що Приська немовъ на долоні побачила того невидомого ій парубка, ёго безпешне та роскошне життя і мимоволи зитихнула: за такого-бъ и вона пишла!

Зъ цёго часу Солоха стала частенькимъ гостемъ у Горпиній хаты. Стара догадувалася, що сваха не сплоха оселилася у іхнemu сели ажъ на два тыжни, що не сплоха учащає до ії господи; вона догадувалася, що десь, у якомусь куточку ії хаты закинути й тенета, але надогадъ якихъ буряківъ каже Солоха про капусту, у чий огородъ—чи старшои, чи меншои дочки—закыдає, коли почне балакати про дивоцькій викъ, що, якъ той маківъ цвітъ, у ранци росцвітає, а до вечора опадає, про тыхъ людей, що й ридного брата осудять, про те господарствечко, що на готови гроши, немовъ зъ земли йде, а безъ грошей за водою плыве,—Горпина довгий часъ не могла зрозумити.

Нарешти разъ якось, никого кримъ Приськи не було у хати, Солоха привела Даныла. Посыдивши де-килько хвилинъ та погомонивши про се та те, Солоха вилькала Приську у сини і призналася, що це той самий парубокъ, Даныло, про котрого вона ій не разъ казала.

Присьци винъ уподобався, прынаймни винъ ій здався далеко країмъ за всіхъ тихъ парубківъ, що довелося ій цимъ литомъ бачити. Другого дни Даныло „ненарокомъ“, „выпадково“, йдучи зъ дорученнямъ видъ писара до волости, забигъ до Приськи, черезъ де-килько днівъ изнову зайшовъ; згодомъ навідалася і старосты.

Теперь не то Горына, а все сусиды спостереглы Солошны тенета, та спизнисыся: Приська не хотила слухати никого, не давалась навить на мову. Вона не кохала Даныла, але цей парубокъ такъ значно видризнявся видъ усихъ селянъ, бувъ такой веселый, а Солоха стильки наказала про ёго гроши, про ёго жыття, про напевне уготовлену ёму десь посаду „найстаршого“ пысаря, що мало дотепна у дйсному жытту дивка стала уявляти ёго соби такимъ-же городяниномъ, якъ вона сама, и прымусыла матиръ пойихати на розглядны.

VI.

Розглядны прызначылы на недилю, а Солоха вже видъ самого четверга нигъ пидъ собою не чула. Данылова хата—черезъ сины видъ Трохымовои—пустувала весь часъ писля смерты батька, не мазалась, не прыбиралася бильше року, а тутъ-же Домаха, жинка Трохымова, якъ уперлася: „не хочу пособляты у такихъ розглядынахъ,—не хочу гриха на душу браты“,—та хочъ ты іи зализомъ печы, не хоче ничего робыты. Повынна була Солоха сама и шпарувати, и билыты хату. Глына на стинкахъ нетопленой хаты не держалася, осувалася пидъ щиткою, сыпалася, немовъ порохныва зъ трухлявого дерева; по-пидъ лавамы та поломъ свитылыша крысячи ходы ажъ насクリзь; пичку треба було ваново набывати... Солоха сердылася, лаялася, божылася, що покыне, але такы не покынула и за три дни все упорядкувала, всому дала ладъ, а у недилю ще до схидъ сонця почала готовытися до розглядынъ. Вси Трохымовы кутяне, якъ одынъ чоловикъ, давно вже пообицялы ій свою допомогу: Трохима поважалы, Даныло тежъ никому ничего лыхого не заподіявъ, до того за циле лито на сели не було ни одного весилля, че довелося ниде погулати..

Бабы ще спозаранку почалы зносыты рядна, мишкы та одягу. Чоловики тежъ прыгнали хто овечокъ, хто выпусткивъ, а хто и коривку. Вельчезап кругли ясла, позычени за-для розглядынъ

у дукара сусида, стояли на початкови—повни свижого, пахущого сина ще видъ суботы, и сусиды, певни, що скотина поживитса добре, охоче прывязали до ныхъ корову та пару сирыхъ бычківъ. Трохи осторинъ стояли други меншеньки ясельця, а били ныхъ Трохимова корова та конячка; хтось прывязавъ туды ще й стрыгуна. У кругленкою повиточци стернувалося бильше десятка овечокъ, а кривий Опанасъ, племинникъ Солошинъ, прыволикъ на уривку ажъ зъ другого кинця села чорного пидсвінка та прыпявъ его поручъ зъ Трохимовимъ поросямъ. Солоси треба було-бъ выйти до людей, подякувати, погомонити трохи, бо Трохимъ пойхавъ по горилку, а Даныло, чы то зъ сорому, чы зъ жаху, весь чась ховався поза ожередомъ, але ій не було часу и взырнути зъ хаты. Зъ усихъ бокивъ обстушыли іи жиночки, вси тыкали ій до руки то се, то те, всіму треба було знайти мисце, все пристасувати. Вона скynула давно вже юпку, карсетку, и тонкий станъ іи, мицно обтягнутый запасками, то зникавъ підъ поломъ або пичкою, де треба було вимести ще яку смитину, то витягався мало не до стели, коли треба було змахнуты зъ сволоку опадавшу глыну. „Положить, голубонько, ряденце на пиль та прыбыйте, серденько, шпалеры“; „прыбыйте того Бога у куточку, а Угодника на стинку“, „повисьте того кытаянца у тому мисди, де ось глина порепалася“—порядкувала вона, а тымъ часомъ іи довги, кистляви руки жваво хапали то мыски, то ложки, чарочки, та розставляли по полуци та судники.

Тильки тоди, якъ люде вже перестали зносяти, а хата доведена була до найкращого стану, Солоха утерла пить, оправила на голови очипокъ и присила на лави.

— Управилася: прычепурила, прыбрала—хай теперъ иде Горпина та дывитса,—мовила вона, озыраючи наслідки своєї праці.

— Наздивується стара, якъ прыйде. Де-жъ! зъ однієи коровки та конячки стильки худобы за одынъ день розвелы!--засміялася Катря.

— А може ми ій ще не вгодимо?—запытала Мотря.

— Якои морокы ій ще треба? И Богы, й картыны, и дзеркальце, и ось два стульци, чистенько скризь—господарська хата, одно слово;ничымъ ій й вередуваты,—видповила Катерына, але зъ такою ехидною ухмилкою, що Хрыстю немовъ ажъ у серце шпигнуло.

— Одже, жиночки, якъ соби знаете, а мени ажъ наче страшно, що мы оде таке зробили; враждуватые Горпина на насъ, побачыте!—мовила вона сумно.

— И чого-бъ вона враждувала и що мы таке, хай Богъ мылуе, зробили? Хыба це вперше таки розглядыни видбуваемо? Забулася хиба про Опанаса? Точнисинъ отакъ все зволикали, а проте який тепер зъ ёго господарь! А Горпина ще й подякує, що пособили дочки здыхатися. Мало клопоту прыйняла вона, сердешна, за нею, мало поплакала?—видмовила Солоха.

— А я вамъ такъ скажу,—звернулася Лепестына до Хрысти:—колы-бъ вы тильки хочъ разочокъ побачили оту Приску, то не побояlysа-бъ гриха хочъ и у саме пекло іи запровадити. Що лышава, що протывна, тає и кинця краю нема. Я-жъ ій поганенъкою родычкою довожусь, и вона-жъ мене двичи бачила, а позавчора зустріла мене та й не уклонилася. Йиде на повозци зъ Максимомъ, напяяла такий платокъ, що ажъ у вичи мыгтить, якъ глянешь, задрала свою кирпу и не поворухнется... Ій-же Богу, трохи межи очи не плюнула, та тильки соромити Максима не схотила.

Мени никого, якъ того Даныла, шкода: занапастить ота городянка ёму викъ—помъянете мое слово—обизвалася поважна и литня вже жинка, Явдоха. Вже вы іи не переробите, не прымусите жити на свій зразокъ, а Даныло, дарма що гультай, парубокъ плохий, слухняный и напевне ввязався-бъ за розумъ, колы-бъ ёму трапилася пидхожа дружына та напутыла якъ слиздъ.

Явдоху пидтримала Хрыста: вона хочъ и не знає и не бачила зроду тієї Приськи, але ось і ій чогось стало шкода Даныла. Мотря тежъ зитхнула. Солоха скыпила.

— Чы вамъ яке навождение, чы потуманилы? Кымъ роны клопочутся, та за кымъ побываются? Наче никто Даныла не знае, наче вперше побачылы. Бога рады! Гарна Приська, не крашый и вашъ Даныло! Никто никому свита не завъяже, никтоничіо вику не занапастыть.—Жытымуть любисенъко у цари, господаруватымуть, робытымуть, якъ и мы вси...

— Робытымуть, якъ прокляти, якъ покуштують лыха,—додала Катерына:—роскошни та ледачи, що йе кому робыты, йе кому клопотатыся, а якъ оселятся у свой хати та не буде кымъ замышляты, то вси прымхы та выгадкы де й подинутся... Бачылы мы такыхъ: ось, недалеко ходить, прыгадаймо хочь Оныську Коржеву; чы то не роскишна була, чы то не вередлыва? А подывиться, який теперь зъ неи и жнецъ и молотникъ, яка зъ неи и швачка, и пряха!

Ричь Катерыны поклала видразу кинець всимъ змаганнямъ: що тутъ думаты, гадаты та заздалеги клопотатыся, колы, мовлявъ, Оныську Коржева вже довела, яки зъ посмиху люде бувають, яки зъ вередлывыхъ дивчатъ господаркы вдаются. Незабаромъ повернувшись Трохымъ и запрохавъ жиночъ до своеї господы: тамъ имъ уготовлене було сндання. За чаркою та ще у веселій розмови годына за хвилыну лыне, жиночки не стямылыся, якъ вже череду прыгналы на обидъ. Тильки Домаси годына тяглася за голодне лито та кожне веселе слово сусидокъ немовъ ажъ у саме серце шыгало: жыття черезъ сины зъ пышавою ятривкою-городянкою, а до того и оци розглядыны „мощеньски“, якъ вона казала, прямо лякалы іи.

А тымъ часомъ наблизжалыся уже до села и Максымъ та Горпина. Стара сидила на повозци замыслана, та мовчазна: не-весели думки обгорталы іи, вищувалы щось недобре. Вона довго змагалася та не хотила йихаты, довго умовляла дочку не слухатыся Солохы та роспытатыся людей про Даныла, адже не по іи сталося: Максымъ ставъ сердтысь, Приська—плакаты, и вона повынна була пойихаты.

Що до Максима, то винъ бувъ спокійний: за розглядыни не турбувався, бо знати напевне, що Солоха упорядкує ихъ до дила, а про те, що-то буде писля шлюбу: чы згодыться Приська жити у тыхъ умовахъ, яки винъ та Трохимъ уготувати ій, ще менше клопотався, бо здатенъ бувъ и пидъ присягу пійти, що країхъ засобивъ видъ норовивъ іи, якъ шлюбъ зъ закоханимъ у неї Даныломъ, не прырозумити й Соломону.

Нихто не прымитивъ, якъ сваты пидихали до хаты та злизли зъ повозки, и Трохимъ прывітавъ вже ихъ на порози.

Вси жинки, причъ Солохы, розійшлися зразу, простяглася була и Домаха тикати „одъ гриха подали“, та Солоха не попустила до того. Сваты увійшли у хату. Горпина трічи перехрестилася и сила на покути. Солоха зиркнула у вікна и мытю выбигла зъ хаты: Даныло простувавъ саме до порогу, а ёго-жъ то та ёго занадто „правдывыхъ та нерозумныхъ“ речей найдужче всѣго и боялася сваха.

— Нейди, нейди, Данылыку, не набlyжайся й до хаты, поки розглядыни обдумаемо, бо ты нещастливкои вдачы,—нallyкала вона ёго и тоди вже, цилкомъ заспокоена, повернулася у хату. Розмова вже завелася и йшла про се, та те, про сёгорошишій доридъ, про оплатки, ярмарокъ та торги—нихто не зважувався завесты ричъ про головну справу.

Нарешти Горпина запытала: де Даныло?

Домаха вже хотила бигти за нымъ, але Солоха попередила іи.

— У волости, матинко, Даныло:—саме судъ иде, а винъ вже всому голова, безъ ёго не можна и обійтися,—збрехала Солоха.

Горпина завдовольнилася такою звисткою про майбутніого зятя и звела ричъ на хазяйство: чы йе конопли? чы гарна картопля родыть, чы прыкладни грядки на капусту? чы йе уготовлене млыво? чы добре браты живуть, та скильки чого кому упаде, якъ вони зовсімъ подиллятся? Солоха все знала, за всіхъ видповідала. Вона личила по пальцахъ сорочки, рядна, дижки, овець; вона знала, скильки кипъ конопель становытса на лану, скильки десятни земли, скильки упругивъ огороду. Капуста—

за Иванову голову родыть; гарбузы—за пидрешитокъ; картошли—хочъ греблю гаты. Трохымъ—хай ось сусиды скажуть—никому накрыво не скаже. Домаха—не то у вичи, а й за очы скажу—така подилчыва жинка, що й останнёго рубця не пошкодіе виддаты. Про Даныла ничего вже и згадуваты, бо нема мабуть й на всёму свити плохишого та розумнишого парубка, хай Господь тильки ощастить ёго гарною дружыною та укрепить ёго на довгий викъ, на здоровъя.

Довго слухала Горцына сваху-щебетуху, довго не перебарончала и нарешти тяжко зитхнула: щось невесело слухалыся ій ти речи солодки.

Максимъ спостеригъ це.

— А хата Данылова просторна?—запытавъ винъ, неначе зроду не бачывъ.

— Подывиться сами,—видмовывъ Трохымъ, радый що йе нагода хочъ на хвылыну перепеняты Солошины брехни.

Чепурненъко прыбрана, повна всякого добра, Данылова хата зробила гарне вражиння на Горцыну. Вона, правда, спостерегла де-кильки рощелынъ у кутку, свиже замазани дирки пидъ лавамы, зауважыла, що въ хати душыть пусткою, але звычайно, хату можна по весни перемазаты, або и наново перекидаты, а на таке хазайствечко, якъ оце, спасыби Богови, у Даныла, не спроможешся сплоха, безъ великои втраты.

— Все, слава Богу ѹе, всёго, хвалыть Бога, досыть: и въ хати ѹе, що слиздъ, и биля хаты не пусто—скотынка, овечки, конячка, стригуничка—може подывытесь?—запытала Солоха.

Сваты выйшли на дверъ.

Оглядилы коривокъ, конячку, переличилы овечокъ, поверталися, силы обидаты.

Страву подали добру, ложки, мыски чистенько повытырани, дитки повмывани, ровчисани, тыхенъки, Домаха уважливата прыемна—Горцына значно повеселила, розбалакалася и стала вже оповидаты, що у Приськи у скрыни ѹе... Колы ось вона раптомъ замовкла.

— Опеклыся, чы прыгадалы що цикаве?—запыталася любенько Солоха.

— Оце мени спалося на думку: куды вы кизячки диваете? Отгильки худобы, слава Богу, а на загороди чисто?—звернулася Горына, мынующи Солоху, прямо до Трохыма.

Трохымъ оторопивъ.

Максымъ глянувъ на ёго скоса та й почухавъ потылыцю: пытання Горыны доторкалося до найголовнишои справы; видъ видповиди Трохыма залежало все сватання, а винъ, замистъ видповиди, закашлявся, немовъ подавывся та побигъ до дижки пить воду. Глянувъ Максымъ на Домаху—вона видъ сорому та жаху сковалася ажъ зъ головою пидъ прыничокъ та товкла рогачемъ якийсь чавунъ въ печи. Солоси тежъ стало николы: сполохала кота, що кунявъ соби пидъ столомъ та почала зъ доброго дыва ганяты ёго по хати...

Пробигла хвыльына—друга. Трохымъ вже выпывъ кухоль до дна. Домаха управилася забраты всю сажу зъ прыничка соби на очилокъ. Солоха утомылася, бигаючи за котомъ, а Горына все сподивалася видповиди. Всі розумили, що видъ тієї видповиди, видъ одного може слова залежити вся справа, а лукаве слово не йшло, якъ на те, никому на думку.

— Дви коровкы, двое бычківъ, двое телятокъ, конячка, лошатко, а на загороди чисто?—почала була Горына изнову своеї.

— А тоби ото и не до-видобы, що на завгороди чисто? Тоби—щобъ товарюка по колино грузла?—напавсь на неї Максымъ зъ досады. Горына мовчкы головою похытала та ще разъ вызирнула у викно: чы не нагледыть де тыхъ кизячкивъ? Трохымови стало віяково. Винъ здатенъ бувъ вже видсахнутыся и видъ того сватання, и видъ тыхъ розглядынъ, що загналы ёго на слзыке—але, на превельке щастя всихъ, Солоха саме піймала кота.

— Кизячки де диваєте? Про кизячки, свашечко, пытаєте? Я за цымъ проклятымъ котомъ й не вчула гараздъ... Управитель

на тютюнъ купуе. Невже не чулы? Прямо и не надасы—хочъ нарочыто заводъ худобу за для цёго. Добри гроши платыть: у мене сами оце недавнечко ажъ на три карбованци купывъ. Вычыстывъ загороду до сами святои земли, забравъ усе до соломынки, та ще й замивъ, ій-же Богу! Домашко! — на скилькы це вы карбованцівъ продали? Щось здається на п'ятнадцять въ одынъ разъ вывезлы. Винъ же зъ нимцивъ—той управытель, а у тыхъ нимцивъ, сказано, все до дила та до ладу—зацокотила вона.

— Хиба що такъ,—повирла и заспокоилася изнову Горпина. Неначе величезный каминъ спавъ зъ плечей—вси загомонили, забалакали вразъ.

— Чы звелышъ засылаты хлібъ сватамъ, чы запыняешъ?—нарешти запытавъ Максымъ сестру.

— Ще треба бъ зъ дивкою погомониты,—мовыла обережно Гопына, и изнову чогось засмутылася.

— Колы вамъ, спасыби Богови, мы не осоружни, то й дивоньди вашій догодымо,—мовыла Солоха.

— Мени однаково: абы за годыны, бо далеко...—зитхнула Горпина.

— Колы якъ що воно наше дило на стежку зійшло та до краю докотылоси, то я здатенъ и у суботу хлібъ заминяты,—мовивъ Трохымъ.

— Про мене,—видмовыла Горпина и стала прощатися зъ усими.

VII.

Горпина такъ и умылася гиркымы, якъ прыйихала у весильный понедилокъ до дочки, та дизналася правды про розгляданы. Але даремно побывалася вона такъ, даремно нарикала на Солоху та недобрыхъ людей, що запакували викъ дочки. Приська сміялася зъ матерыхъ слизъ за отыма „копійчанымы“ горщечкамы та мысочкамы, що порозбиралы люде

назадъ, и ій жылося зъ мисяць, якъ у Бога за пазухою. Передъ весиллямъ Даныло застановывъ Махтейчукови десятыну земли за пятьдесятъ карбованцівъ, одержавъ видъ брата девять карбованцівъ платы за коня покійного батька, продавъ за три карбованци останню овечку и, видбувши за 30 карбованцівъ бучне весилля, доручивъ жинці решту. Винъ не сказавъ ій, яки-то гроши, якъ вони ёму дійшлися, а вона тежъ не спыталася, навищо вони прызначаются, и проживала зъ легкимъ серцемъ „готову копійку“, певна, что чоловикъ постачатыме ій тыхъ „копіёкъ“ и дали. Нихто не вимагавъ видъ неи ничего, никто не пытався ніякои праці. Обихидlyva та щыра Домаха не перечила Присци прыставыты горщечокъ борщу зъ курятыною, спрягти молока або спекты яечню у свой печі. Попратыхъ ще у матери сорочокъ було тежъ досить.—Присци не треба було й пидпалювати своеї печі, праты тежъ ще не було чого. Даныло бильшу частыну дня сидивъ у волости, щобъ задовольнити жинку, а повернувшись не зважувався іи тежъ ничымъ турбовать, и колы бъ не широка мережка на тонкому полотни, то молодыця занудылася бъ безъ дила. Сусидки поки що тильки прыдывлялися до новои селянки, вывиряли іи та нышкомъ дывувалыся ій: никто не сподивався, никто не думавъ, що пышава „городанка“ завдовольнится цю пусткою, Даныловыми злыднями, и не нарікатыме на выхъ та на Солоху, але сусидки не зналы тыхъ мрій та надій, що пестыла у соби молодыця, не чулы и тыхъ ричей, що наслухалася вона колись видъ Солохи та переказувала теперъ нышкомъ Данылови:

— Якъ дистанешъ ты посаду „найстаршого пысаря“, то мы не вытрачатымемъ спершъ всёго твого „жалування“, а збиратымемъ та докладатымемъ до твоихъ грошій, а потімъ купимо десь гарненький грунтъ та й збудуемо соби хату у дві кімнати,—казала вона иноди.

— А може и Трохимъ згодытся продати частыну грунту, то можна на цёму самому мисци и выстроитись. Огородъ увесь пиде пидъ садокъ, а ва двори можно поставыты коморю та повитку за-для коня, бо, якъ соби хочъ, а я безъ коня не обій-

дуся: хочъ разъ у тыжденъ треба побигты у городъ,—казала вона другымъ разомъ.

Данило тильки очыма лупавъ, слухаючи таки смильви та несуразни речы, дывувався, якъмъ витромъ нанесло ихъ у ёго хату, та зитхавъ ныщечкомъ.

— Плеще, плеще щось недоладне, а тильки почны суперечыть, аразу скыпты,—дывувався самъ соби чоловикъ и раздый, що жинка хочъ не долытуется видъ ёго ничего та миркуе сама й за себе й за ёго, не перечывъ „плескаты“ що на думку збреде.

День лынувъ за днемъ спокійно, безпешно та весело у надіяхъ, мріяхъ та сподиванкахъ на майбутні достатки, і жилося бъ молодыци такъ і весь викъ іи, якъ бы сонечко однаково грило, якъ бы людина йисты не хотила, або якъ бы у Данила було тыхъ десятиночъ безъ лику, безъ числа, щобъ кожного мисяця було що застановляти... Жилося бъ молодыци безпешно та весело, высипувала бъ вона „канарейкы“ ще може якъ мисяцівъ п'ять-шість, пороскошувала бъ вона хочъ до лита—поки Данило управывся бъ виддаты останній упругъ земли пидъ застанову, та не попустивъ до того Трохимъ.

Разъ якось гулялы молоди на воротахъ, і Приська почала плескаты Данилови про хату на помости, а Трохимъ і підслухавъ ненарокомъ. Засміявся винъ соби, почухавъ потылицю, та й пишовъ ратувати брата. Сивъ винъ бilia ихъ на колоди, побалакавъ трохи про се та про те, а дали і завивъ ричъ про господарство.

— Скинчывъ я, спасыби Богови, сёгодня оранку,—мовивъ винъ,—а на завтра ты, Данило, выходь: я дамъ тоби свою копівку та коня, а Яківъ обищавъ спрягтися зъ тобою. Може тоби завтра не буде часу? Може яке нагайнише дило маешъ?

Данилови вже й самому спадало на думку, що частъ бы уготовить риллю на ярну, але теперъ винъ спостеригъ по ухмільци брата, по останніму цытанню ёго, куды винъ закыдає, і злякався.

— Не знаю, яки у тебе думки та яки замиры,—мовывъ дали Трохымъ, не диждавшись видъ Даныла видповиди,—а по мени—часъ бы тоби вже оти артыкулы покынуты, та сидиты дома.

— Що жъ винъ робытыме дома?—запыталася Приська.

— Ого! дома, голубонько, всёго дила и не переробышъ сплоха. Оце жъ зима йде, а хата не обставлена: треба десь бурьяну шукаты, бо конопелёкъ вы ще не прысіялы. Я пиду оце днівъ на три заробляты бурьяну,—хай и Даныло попома-хает денькивъ зо три косою.

— А купыть?—нагадала Приська.

— Якъ що у кышени густо, то й купыты можна, а якъ що пусто... Даныло!—скильки у тебе грошай? Чы посгачыть на бурьянъ, чы ни?—запытався зъ жартомъ Трохымъ.

— Хиба я личывъ?—муркнувъ Даныло.

— А хиба ты вже грошай и не личышъ? Хочешъ я тоби мыттую ихъ перекыдаю?—засміався Трохымъ.

— Я твоихъ грошай не лицу—не личытымешъ и ты моихъ,—видризавъ Даныло.

— Охъ! и ты бъ, брате, мои цоличивъ, и я бъ не забарыся твои перекыдаты, якъ бы то тильки воны у насъ поводыlyся, а то..., горе наше..., не люблять воны насъ: цураются. Якъ продамо що-небудь, або застановымо, то й забращыть трохи, а тамъ згодомъ, дывысь, изнову хочь вывертай ка-лыту,—мовывъ Трохымъ.

— Яке вамъ дило до Даныловыхъ грошей? Чого вы напалыся на ёго?—заступылася за Даныла жинка.

— А таке дило, галочко, що я ёму братъ старшый и бачу, до якого кинця оти яешни, та курчата ёго прызведутъ. Ты чы личыла Данылови гроши, чы ни, а я самъ на весилля ёму по людяхъ позычавъ, самъ и земельку застановлявъ—знаю, що у ёго теперъ тилько тыхъ и пъятакивъ, що у тебе въ скрыни за-валялыша.

Приська ажъ пидскочыла:

— А жалование?

— Яке тамъ жалуванне? де бъ воно взялося и за вищо-бъ ёму давалы те жалуванне? Тыкне колы пысарь по ласци якого грывенька на конхветы—ото тоби и весь заробитохъ. Я такы думавъ, що винъ хочъ карбованцівъ п'ять заробляе, колы, якъ роспытахъ...

— Даныло, хиба це такъ? Що це Трохымъ каже?—перелакалася Приська.

— Вольному воля—хай плеще, що на языкъ набреде!—муркнувъ Даныло и, щобъ скинчыти цю неприменну размову, пидвився зъ колодки, ва якій вси сидили.

— Та ты, хлопче, не тикай,—спыннывъ ёго братъ. Ты не сова—сонце тоби очей не коле—не заплющай ихъ, колы опыннвся надъ прирвою. Того не бійся, що Присьци мої речи не до вподобы,—однаково колись не мынется ихъ чуты. Дякуй мени, що клопочуся про тебе та пособляю доброю порадою... Упади краще оце въ ноги своїй живци, зменьшыся передъ мею, признайся, яки у тебе достатки, на вищо надії... Покажи ії свои непотружени, молоди руки, скажи ій: „отакъ, отакъ, жинко, праці своеї тоби не шкодію, не будешъ ты у мене ни голодна, ни холодна, не будешъ до вику и быта, а за гроши выбачай: не поводылъся вона у батьківъ нашихъ, не заведемо и мы ихъ”... Вона у тебе, хвалити Бога, молода, пры здоровью, розумна; не схоче вона твоєї та й своеї погибелі: дастъ ще тоби допомогу. Чы такъ, Присько?

— Чы вы смієтесь зъ мене, чы драгуete? Даныло! чого-бо ты мовчышъ, чого ничего не важешъ?—запыталася Приська, и голосъ ії затремтивъ.

— Не сердься, Присько! Я тоби не ворогъ, я тоби дійсну правду кажу,—ставъ заспокоювати Приську Трохымъ.

— Яку правду?—скыпила ще дужче Приська.

— Не сердься, не кричи, щобъ бува села не сполохати,—видповивъ ій спокійно Трохымъ.

— Яку правду?—запытала вдруге Приська.

— Поспытахъ у Даныла, хай винъ тоби, якъ на сповиди, признається,—мовувъ Трохымъ.

— Яку правду?—звернулася молодыца до Даныла.

— Ходимъ у хату!—одризавъ Даныло и побигъ у дверъ, немовъ за нымъ гналася нечыста сила.

— Що це сёгодні Трохымъ плескавъ? Чого винъ напався?—запытала занеспокоена Приська Даныла въ хати.

— А хыба я знаю, чого винъ напався?—видмігся Даныло.

— Прысікався... прысікався...—дывувалася молодыца.

— Неначе я самъ не знаю, що хата не обставлена, що часть вже ораты. Пиду днівъ на чотыри и выорю,—мовывъ Даныло, абы перепыныты розмову и думкы Присьчыны про гроши.

— Самъ?—ажъ злякалася Приська.

— Якъ-то самъ? Коривъ та коней запряжу,—хотивъ пожартувати Даныло.

— Соби землю оратымешъ?—запытала Приська, не звернувшы й увагы на той жартъ.

— Соби-жъ,—прызнався несмільво Даныло.

— Господарюватымешъ?—сплеснула рукамы молодыца.

— Та ни... поспішыўся заспокоить іи Даныло.—Яке тамъ господарство? То такъ...

— А я вже влякалася,—ажъ перевела духъ Приська.—Думала, що Трохымъ тоби чисто паморокы забывъ... Та й вредный-же винъ! Колы-бъ Господь вже швыдче помігъ намъ видрізны-тыса! Скилькы у тебе всёго грошай? Може можно було-бъ и зразу поставыты де хату, щобъ подали видъ ёго?

— Стелысь, Присько,—позихнувъ Даныло замість вид-повиди.

— Солоха казала: сотъ на шість назбираў. Назбираў?..—допытувалася Приська.

— Треба попрохати, щобъ збудылы завтра раненько, бо спізнююся у волость,—схопыўся Даныло та утикъ зъ хаты.

Перестоявъ винъ у синахъ трохы, повернувся...

— Якъ що сотъ на шість йе...—почала изнову рахуватись Приська, якъ тильки побачыла чоловика на порози.

— Стели, Присько... прямо й очей не росплющу,—поспішыўся Даныло перепыныты іи рахунокъ и мыттю, нашвыдку

роздягнувшись, сковався видъ жинчыныхъ допытувань пидъ рядно.

Приська погасила незабаромъ свитло и мицю заснула. Даныло-жъ довго ще не спавъ. Ще и разочку не доводылося ёму буты у такому становыщи, ни разочку не доводылося брехаты та видбрихуватысь,—адже Приська прызвела ёго до того; вона налякала ёго выразомъ очей своихъ, тымы пламамы, що повыступалы у неи на выду, пидъ вплывомъ сёгодняшнёи розмовы зъ Трохымомъ, голосомъ, речами, и винъ повыненъ бувъ колы не брехаты самому, то у всякимъ рази пидтрумуваты Солошины брехни... Голова ёго не звыкла ни до якихъ клопотивъ не звыкла гараздъ и думаты, а теперь ось думки несподивано-негадано налетилы звидкильсь и посили іи, немовъ та чорна галичъ вербу на негоду. Що робыты? Що прырозумиты? Брать правду казавт: icroшeй, причъ тыхъ, що зисталося може у Приськи, не було; зима набlyжалася, а ни хлиба, ни тоцльва прыпасеного тежъ не було. Можна було-бъ, правда, перебуты цю зиму, щобъ дешевше, у Трохымовій хати, такъ Приська не скоче; мигъ-бы Трохымъ позычты ёму и хлиба—не скоче Приська того хлиба йисты, а може не скоче й Трохымъ позычты, якъ-що Даныло не послухае ёго та не визьмется до господарства: нароще не позычить, щобъ показаты Присьци, не гаявши часу, яке-то дiйсне горе на масть. Але якъ-же ёму слухатися Трохима, якъ господарюваты, колы жинци й натякнуты про те не можна? Нарешти, можна було-бъ найнатыся ще въ экономію, и Даныло охоче зробивъ-бы це сразу, такъ якъ-же ёго призналася Присьци, що ёму тамъ платитиуть не бильше пiяты карбованцівъ? Багацько де-чого мигъ-бы ще Даныло прырозумиты, бо чымало засобивъ мае молода та робоча людина перебуты зиму, але вси ти засобы здавалися ёму не пидходыми, не здатными. Йедыною втихою Данылови зоставалася думка, що бида хочъ и йде десь, хочъ и набlyжається, та не постукалася ще—ничого ій заздалеги видчынити ворота; йедыною надiєю було,—що саме жыття перемеле, якъ добри жорна, той кукиль, що вырисъ на ёго ныви помижъ пшеници, а Трохымъ та люде

навчать, якъ изъ такого борошна смашный хлебъ пекти,—якъ жити.

Одже на свитанку и та втиха та надія звикли: бида наблизилася швидче, нижъ мигъ сподиватись Даныло.

Домаха ничего не знала про суперечку поміжъ братами и свитомъ стала будыты Приську.

— Вставай, Присько: я вже затопыла,—погукала вона на ятровку.

— Не варити чого,—видповила Приська.

Домаха пересидила трохи та постукалася ізнову.

— Вставай, Присько, бо швидко витоплю,—погукала вона.

— Не варити чого,—видповила вдруге Приська, про те Домаха не заспокоилася і ще втретте погукала на неї.

Приська накинула спідницю і виглядала у сини.

— Чого ты присикалася до мене? Я-жъ тоби вже двичи казала, що не варити чого.

— Я думала, що то ты зъ просонку такъ кажешъ,—засміялася Домаха.—Якъ-же ты будешьъ весь день безъ йижн?

— Бога рады! не сидити чому голодна черезъ те, що у вашій печі не топити чому. Хай Трохимъ не дума, що мы безъ ёго допомоги пропадемо, хай не командує, не замышля намы,—не дурниши мы за ёго! Спасыби и такъ за ласку—повикъ не забуду, що три тижни топыла у вашій хати,—мовила Приська.

— Та що це тоби сталося? Сонъ приснився паганий, чы не виспалася?—засміялася Домаха.

— Поспітайсь свого чоловика, що винъ намъ вчора казавъ, якъ Даныла проты мене направлявъ.

— И до вику не повирю, щобъ Трохимъ Даныла проты тебе направлявъ. Може завважывъ що-небудь?—мовила Домаха.

— Ото-жъ хай бильшъ не завважає, хай до насъ не мишается, хай краще до своєї хаты доглядається, за своєю сім'єю назирає, свое смитта вимитає.

Домаха образилася.

— Трохимови нема чого до своєї хаты доглядатись:—у ёго жинка не ледача городянка,—мовила вона.

Приська образилася й соби.

Слово за словомъ, докиръ за докоромъ, и почалася сучеречка. Трохима ве було дома. Даныло побоявся потыкатися до молодыць, і ятревки посварылсѧ навсправжкы.

— Іди аразу, та купуй мени тоцльва, тилько не соломы,—звелила Приська Данылови, повернувшись зъ спиней.—Заразомъ купышъ мени ще де-чого, бо я сама вашого села не знаю, а Домашыныхъ дітей не хочу посылати...

— Добре!—видповивъ Даныло, але такимъ голосомъ, немовъ три дні не йивъ.

— Зайдешъ ще й у крамницю та купышъ мени сахарю,—додала Приська.

— Зайду,—протагъ изнову Даныло.

— Поспишайся-жъ, бо спизнышся у волость!—нагадала Приська.

Одначе Даныло не дуже поспишався: на тоцльво, сахаръ та те „де-що“, що загадала купыти Приська, треба було грошай, а якъ ихъ добуты у Приськи, якъ призначатися, що у ёго й шага немає?

— Дай мени грошей!—нарешти зважився винъ вымовити.—При мени немає, а до волосты далеко,—додавъ винъ немовъ і байдуже; але молодыця видразу спостерегла щось непевне у ёго словахъ.

— Нема-жъ і у мене грошей,—збрехала вона і пильно подивилася у вичи Данылови.

Даныло почервонивъ.

— Чого ты такъ почервонивъ? Мабуть Трохимъ вчора правду сказавъ? Мабуть у тебе ніякихъ грошей немає?—нагадала Приська на ёго.

— Якъ-то немає? На вищо-бъ я брехавъ? Тамъ мени одынь чоловикъ выненъ,—видмовивъ Даныло, та ухопивши шапку, мерщій побигъ зъ хаты.

— Хто винъ такий той чоловикъ? скільки позычавъ?—запыталася Приська єго навздогинъ.

кольно-анекдотическихъ произведеній, при желаніи, можно было бы набрать порядочное количество, и изъ этихъ лоскутиковъ составляется вѣдь значительная часть нашей литературной продукції за послѣднее время,—можно, конечно, вообразить, что за мозаика получается при этомъ! Въ числѣ персонажей г. Франка есть иѣкто Галай («Лесышина челядь»), который вамъ «въ одній хвилѣ и коломыйки задробить, и думки затягне, и весильной, и зъ псаутыри та гласивъ церковныхъ... и абы вамъ одну спиванку вмивъ скинчты». Если бы намъ предложили однімъ словомъ охарактеризовать нашихъ лоскутиковъ, найти для нихъ общее собирательное имя, то лучшаго мы бы, кажется, не въ состояніи были придумать, какъ—Галай. Этотъ беззаботный на счетъ осмыслиности своихъ постушковъ пѣвецъ, до самозабвенія отдающійся процессу пѣнія, не ищущій въ немъ ни связи, ни смысла, является самымъ подходящимъ символомъ для изображенія всей лоскутной части нашей литературы; это—лучшее отраженіе того хаотического состоянія литературы, которое произведено обилемъ неумѣлыхъ, протокольно-анекдотическихъ миниатюръ. Какъ и Галай, наши протоколисты отличаются весьма болѣю разносторонностью и затрагиваютъ множество самыхъ разнообразныхъ темъ, касаются самыхъ различныхъ сюжетовъ, но захватываютъ ихъ поразительно не глубоко, не умѣютъ отдѣлать и докончить ни одного изъ нихъ. Какъ и Галай, они не останавливаются на внутреннемъ смыслѣ затронутой темы, не проникаютъ дальше поверхности изображенія чисто вѣшняго факта, не видятъ въ большинствѣ случаевъ ничего, кроме занимательного сюжета. Какъ и у Гала, у нихъ пѣть общаго руководящаго принципа который бы объединялъ разрозненные факты въ одно цѣлое, освѣщающее ихъ съ точки зрѣнія цѣльного, определенного міросозерцанія и служилъ Ариадиной нитью въ лабиринтѣ мелкихъ фактовъ, отрывочныхъ наблюденій, не продуманныхъ, а принятыхъ въ большинствѣ случаевъ на вѣру, съ чужого голоса, идей. Вѣдь писатель, обладающій такой руководящей нитью, какова бы она ни была, если начинаетъ, скажемъ, «коломыйку», то онъ знаетъ что поетъ именно «коломыйку», а

не «думку» и не «зъ исавтыри» или «гласивъ церковныхъ»; точно также специалистъ по части «гласивъ церковныхъ» тянетъ болѣе или менѣе послѣдовательно свою линію и не сбивается на «коломыйку». А у насъ между тѣмъ возможны такія чисто овидіевы превращенія, когда «чесній до фанатизму, по выраженію г. Хоткевича, оборонецъ и захистникъ красы» способенъ упизиться до порнографіи, представитель и поклонникъ искусства дойти до отрицанія всякаго искусства, а лоскутникъ завладѣть литературой и наполнить ее обрывками протокольно-апекдотическихъ произведеній. Не удивительно поэтому, что и литература наша въ значительной своей части напоминаетъ хаотическое, лишенное цѣлостности, осмыслинности и пониманія п'єсіе Галая, не достигающее даже тѣхъ минимальныхъ требованій, какія къ нему можно было бы предъявить...

Отмѣчая пока только факты, мы не будемъ касаться сей-часъ причинъ, вызвавшихъ эту раздробленность, лоскутность значительной части нашей повѣйшей литературы: случайность темъ, несовершенства обработки, мелочность и узость кругозора и тому подобная недостатки; тѣмъ болѣе, что мы надѣемся посвятить этому вопросу нѣсколько строкъ ниже, при подведеніи итоговъ. Сейчасъ мы скажемъ больше—что тѣ же недостатки обнаруживаются, къ сожалѣнію, не только въ произведеніяхъ нашихъ миниатюристовъ, но въ одинаковой степени свойственны и болѣе значительнымъ по размѣрамъ произведеніямъ. Безпомощность авторовъ, ихъ поразительное неумѣніе сладить съ сюжетомъ, ихъ наивные, явно тенденціозные пріемы съ цѣлью замаскировать свою беспомощность—отличаютъ и произведенія съ претензіями на исчерпывающую полноту, на всестороннее изображеніе нашей жизни. Для примѣра мы остановимся на трехъ произведеніяхъ болѣе крупнаго калибра, принадлежащихъ различнымъ авторамъ, и попробуемъ схарактеризовать ихъ отличительныя черты какъ въ отношеніи содержанія, такъ и вида ихъ пріемовъ. Два изъ избранныхъ нами авторовъ, г.г. Лукіяновичъ и Яцківъ—не новички въ литературѣ, такъ какъ каждый изъ нихъ издалъ уже по нѣсколько книжекъ своихъ произведеній; имя третьаго—г. Пидени мы встрѣчаемъ въ первый разъ.

Сергій Ефремовъ.

(*Окончаніе следуетъ.*)

Украинськи зapyси Порfirія MartиновиЧа.

К y r y l o C a i k ó.

(Продолженіе¹⁾).

P o d a p y n u á.

Казка.

Якъ бувъ соби критъ
Та горобець;
И то не зъ простыхъ бувъ молодець.
Критъ накротывъ кочку земли,—
Горобець прилетивъ,
Тай сивъ.
Критъ заворухнувъ,—
Горобець испугнувъ.
«А чого ты, горобче, добрый молодче, злякавъ?»

---

1) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 4.

Я зъ тобою хочу побрататьца».

„Такъ я-жъ, хочь и побратаемось,—

Такъ не могу ничего робыть“.

„Такъ я навчу.

Ты горобецъ,

Добрый молодецъ,

По великихъ хазяинахъ по токахъ литаешь

И вси стижки въ багачивъ знаешь;

Я могу накротить великий ланъ,

А ты можешъ у хазяинивъ жыта достать,

Та будемъ соби хлебъ на зиму пахать“.—

Поеднались.

Критъ вырывъ ланъ превеликий!

Такый, якъ одъ мене та до васъ,

А одъ васъ та до мене.

Горобецъ, добрый молодецъ, натягавъ жыта колоскивъ

Одъ току зъ багачивъ.

Навымыналы воны соби зерна

Й посіялы жыто.

И зародывъ имъ Богъ жыта,—

Одъ кореня до верха колосья!!

Шо нигде такый и не родыть,

Якъ имъ Богъ зародывъ!

— „Ану, горобче-молодче!

Треба намъ ёго зибрать“,

— „Такъ я не вмію!“

«А я навчу!

Я буду зъ кореня пидкусювать,

А ты крыламы беры,

Та въ скырты клады!

Критъ изжавъ,—

Горобецъ, добрый молодецъ, у скырту склавъ.

А ну, горобче-молодче!

Треба намъ ёго змолотыти!“

— «Такъ я не вмію!“

— «А я навчу!»

Ты горобецъ, добрый молодецъ,

У тебе й крыла е!

А въ мене нисъ добрый!
 Я могу зчышать ривненъко,
 А ты можешъ крыламы змитать гарненъко.
 А ну, горобче-молодче, ёго й молотыть.
 Ты, горобець-молодець, зъ крыламы?
 Леты на скырту
 И тягны первый колосокъ.
 И несы ёго на тикъ.
 Буду я вылущувать и въ ворохъ класты,
 А ты солому беры,
 Та въ скырты клады".
 Давъ имъ Богъ: прыбрали хлибъ.
 Ве-лы-кыій ворохъ жыта прыбрали!
 — «А шо горобче-молодче?»
 — «А шо, кротику-братику?»
 «А давай дилытца!
 Богъ намъ зародывъ хлибъ,—
 Буде на всю зиму».
 — «Тай давай!»
 Зачавъ критъ дилытъ:
 Тому зерно
 Й тому зерно;
 Тому зерно
 Й тому зерно;
 Тому зерно
 Й тому зерно!..
 Роздилылъсь чополамъ.
 Одна зернына лышня.
 Завелы между собою споръ:
 Кому та зернына?!

Горобець каже: „мени,—
 Я бильне трудывся,
 То мени!”
 А критъ каже: «я тебе вчывъ!
 Я бильне трудывся!
 Нехай мени!»
 — «А-а, ни-ни, кротику-братику!
 Ты безъ мене ничего не зробывъ-бы,

Хочъ ты мене й учывъ!
 Земля безъ кореня не рсдыть,—
 А якъ я насиньня доставъ,
 То й земля народыла».
 Зачалы между собою споръ впять
 И зачалы бытъця!
 Горобецъ крота подужае.
 Скубне, тай полетыть у гору,
 А то й скаке,
 Тай не достане.
 «Ну, постой, горобче-молодче!
 По-жа-луй!
 Въ тебе крыла е,
 То ты можешъ скубты!..
 Не такъ, горобче-молодче!
 А ззываи ты свое царство летюче,
 А я свое пише,
 Которе слидуе!»
 Созвавъ критъ свое царство:
 Зай-ци!..
 Лы-сы-ци!..
 Вов-ки!..
 Вед-ме-ди!..
 Ов-ра-хы!..
 Мы-ши!..
 Й тхо-ри!..
 И все пише, которое слидуе.
 Созвавъ горобецъ,
 Добрый молодецъ
 Усе царство летюче:
 Гу-сы!..
 Й ку-ры!..
 Кач-ки!..
 Й ын-ды-ки!..
 Кга-вы!..
 Й со-ро-ки!..
 Шуль-пи-ки!..
 Й кибъ-ци!..

Яс-тру-бы!..
 Й ор-лы!..
 И все летюче,
 Що слидуе
 Усе царство!
 И зачалы вони бытъця!
 Й воюватъця!
 И воскрыкнувъ горобецъ,
 Добрый молодецъ!
 „Этъ, стой, кротику-братику!
 Не все мое царство!“
 — «А кого жъ у тебе немае?»
 «Ше немае въ мене попугайла летючого!»
 --- Стуйай, горобецъ,
 Добрый молодецъ,
 Шукай попугайла летючого».
 Якъ полетивъ горобецъ,
 Добрый молодецъ,
 На ынише царство,
 На девъяте государство,—
 И найшовъ попугайле!
 — «Эй, здоровъ, брате попугайле!»
 — А здоровъ, здоровъ, горобче,
 Добрый молодче!
 А шо мени скажешъ, горобче?!»
 Э-эй, брате попугайле!
 Пропало наше летюче царство!»
 — «Черезъ що?»
 «А черезъ те пропало,
 Що я зъ кротомъ побратавсь,
 И побратавшись робылы хлібъ у купи.
 И вродывъ намъ Богъ хлібъ великий, —
 Одъ кореня до верхá колосья,
 Шо нигде такый и не родыть,
 Якъ намъ Богъ давъ.
 И ёго вбрали.
 До роздилки дило,—
 И завелъсь за 'дно зерно дратъця!
 И крить свое пине царство собравъ,

А я свое летюче;
 И винъ побиждае!»
 --- «Веды, горобче-молодче!»
 Горобець, добрый молодець, якъ пиднявся вгору!
 Попугайло за нымъ!
 --- «Веды, горобче-молодче!»
 Горобець, добрый молодець, указавъ попугайлу:
 «Дывися, попугайле!
 Яка сила коло хлиба лежыть кругомъ!»
 Летыть горобець,—
 Попугайло вгору беретьца!
 Летыть горобець,
 Добрый молодець,
 Попугайло вгору беретьца!
 Прылетивъ горобець.
 «А ну, кротику,
 Братику!
 Бере-жыся», говорыть, --
 «Попугайло летыть».
 Якъ розигнавсь зъ горы попугайло,
 Якъ ударывъ пише царство грудьми,--
 Зробывъ вулыцю!
 Выйви.
 Пиднявсь у гору виять.
 Якъ ударывъ навхрестъ,—
 И другу вулыцю зробывъ!
 Розбиглося все пише царство:
 Зайци въ степъ...
 Лисыци въ яры...
 Вовки въ лисъ...
 Ведмеди тожъ!..
 Тхоры,
 Оврахы
 Й мыши
 Заточились у землю...
 Критъ тоже й соби закротивсь...
 Горобець,
 Добрый молодець,

Скомандувавъ свое летюче царство:
 «Пожыть мои труда!»
 Росхваталы хлибъ по зерныни.
 Зоставсь попугайло безъ крылъ на току.
 Выйшовъ попугайло на стовновый шляхъ
 И сивъ на могыли.
 Йиде багачъ одѣ чумакивъ:¹⁾
 — «Здоровъ, попугайло!»
 — «Здоровъ, багачу!»
 «А чого ты, брате, сыдышъ тутъ?»
 — «Э-э-эй, брате!..
 Крыль нема!..
 Якъ бы мене хто взявъ,
 Та выгодувавъ,
 Покы въ мене крыла поростуть,---
 Я бъ тому у ве-лы-кій прыгоди бъ ставъ!»!
 Багачъ и подумавъ:
 «У мене стада;
 У мене ѹ гурта;
 У мене двадцять ынбаривъ хлиба;
 Сто двадцять скыртъ у степу стонть немолоченого;
 У мене сумы много;
 У мене ѹ чумака сорокъ визъ;
 Невже я не выгодую ёго,
 Покы крыла поростуть?
 Сидай, попугайло!»
 Сивъ попугайло.
 Везе багачъ.
 Шрывизъ до дому,
 Уклыкавъ ёго въ горныци;
 Посадывъ за стиль.
 Приказавъ пару скота вбыть
 И зварить
 Та попугайла накормить.
 Перешамнувъ попугайло
 И багачеви дякуе.
 «Копай же, багачу, погрибъ на мене
 Посередъ двору великий;

¹⁾ Йиздывъ у степъ чумакивъ своихъ провидувать.

И запыты мене.
 Тилько вікно пусты;
 И годуй мене,
 Ажъ покы крыла поростуть;
 Тоди я тоби у велыкій прыгоды стану.»
 Заставывъ багачъ робочыхъ.
 Вырылы ёму погрибъ.
 И посадывъ ёго въ погрибъ
 И защищывъ,
 Тилько вікно пустывъ.
 Почалы ёго годувать.
 Було въ багача два млыны греблёвыхъ,
 А два вигрянныхъ;
 Зачавъ безперестанно молоть и пекты,
 Попугайла годувать.
 Выгодувавъ дванадцять ынбаривъ хлиба!
 Пытаетца:
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Було въ ёго сумы много;
 Почавъ хлибъ купувать.
 И молотныкивъ найматъ.
 Вымолотывъ сто двадцать скырть
 И выгодувавъ.
 Ставъ ёго впять пытать:
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Зачавъ гурта быть
 И варыть,—
 Попугайлу носить.
 Выгодувавъ гурта.
 --- «Нема крыль?»
 «Нема».
 Зачавъ отары ризать.
 Выризавъ,
 Выгодувавъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Зачавъ стада продавать,—
 Выпродавъ.
 Хлиба купывъ,—

Погодувавъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Прыйшлы чумакы зъ дороги.
 Попродавъ силь,
 Купывъ хлиба,—
 Выгодувавъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема!»
 Повбывавъ волы;
 Поварывъ
 И погодувавъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Було въ ёго земли много,—
 Выпродавъ,
 Та все хлибъ купувавъ.
 Та попугайла годувавъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Попродавъ ынбары,—
 Накупывъ хлиба,
 Та все поцугайла годувавъ...
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Попродавъ дываны,
 Сътильци,
 Шахвы...
 Попродавъ горныци,
 Та все хлибъ купувавъ,
 Та попугайла годувавъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема».
 Узявъ жинку за руку,
 Повивъ у слободу.
 Нанима іи до мужыка обременну.
 Мужыкъ опасується наниматъ:
 «Шожъ»,—каже, я іи найму;
 Шо вона буде робыть?
 Наймимъ, диты!
 Хоть буде ложкы мыть,

Та хату вымете.
 Шожъ тоби дать за hei?»
 «У годъ телыци и корова».
 «Иды въ загонъ; беры».
 Налыгавъ и повивъ.
 Убывъ телыци;
 Зжарывъ и понисъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема.»
 Убывъ и корову
 Ноловыну зжарывъ и понисъ.
 «Нема крыль?»
 «Нема.»
 Понисъ и посыдию половыну.
 «Още жъ ижъ, та вже й нема».
 «А нема?»
 „Нема“, —говорить.
 „Ну, а въ мече крыла с“.
 „Ну, й слава Богу!
 Шо хотъ, у мене ничего нема,
 Абы въ тебе хотъ крыла булы!“
 „Беры жъ ты, багачу, застунъ,
 Та дкомуй погрибъ.“
 Багачъ одрывъ погрибъ.
 Ажъ земля кругомъ пореналась!
 Такый гладкий!
 Утушкувавъ ёго!
 Попугайло вылизъ зъ погреба.
 Якъ стрепенувсь!..
 Якъ полетивъ!..
 Ажъ иидъ хмары!..
 Зоставсь багачъ;
 Дывивсь, дывивсь,---
 Ажъ нокы не видно стало!
 Сыдты багачъ;
 Слуха—колы шумыть!
 Колы сида коло багача въ двори!
 „А що ты, каже, багачу зажурывся?
 „Та вже жъ, каже, попугайле!
 И не веселивсь
 И не смутывсь!“

„А йди жъ ты, каже, багачу въ слободу;
 Та не йди жъ ты до багатого мужыка,
 А йди до бидного;
 У ёго була парка коровокъ,
 Та одна згынула;
 Та выробивъ винъ іи на реминъ
 И высить вона въ ѿго пидь повиткою,
 А на посыльдню корову робыть буркунець,
 Буде одниєю издуть.
 То ты въ ёго попроси ту шкуру,
 То винъ позичать,
 Бо винъ горе зна“.
 Шиновъ багачъ.
 Налавъ на того мужыка бидного.
 Прыйшовъ пидь повитку;
 Глядъ!—шкура высить вычынена.
 „Эй, брате!
 Позичъ мени цю шкуру!
 Я колись, якъ розжывусь,
 То я тоби вдвое oddамъ!“
 „Тай визьмы!
 Оддасы,—спасыби,
 А не 'ддасы,—Богъ въ тобою!“
 Изынявъ ту шкуру.
 Каже попугайло:
 «Перепусты іи на двое;
 Въ тебе були стада й турта,—
 Ты можешъ вузды робыть;
 Робы на мене вузду въ одни половынки».
 Зробивъ вузду.
 «А идеты малахай въ другои половынки!
 Та до-о-брый малахай!
 Шобъ и нужално реминне було!
 Беры-жъ ту вузду,
 Та йди на край села;
 Та не йди до цыгана,
 А пидь до нашого коваля,...
 То винъ тоби повирыть наборъ зробить удыла».
 Приходе 'дъ кovalя.
 «Надивай вузду й занузлуй.
 А беры малахай!...»

А сидай», говорить, «на мене»!..
Сивъ винъ на ёго.
«А якъ теперь тебе несты?
Чы по-пидъ небесамы?
Чы поверхъ древа?
Чы поверхъ травы»?
Багачъ подумавъ:
«Понесе по-пидъ небесамы,--
Перелякаюсь, упаду, -- вбьюсь!..
Понесе поверхъ травы,--
Объ дерево вбьюсь!
Несы поверхъ древа».
Якъ стре-не-нувся!..
Якъ знявсь!
Якъ полетивъ на ынше царство,
На девъяте государство!—
Тай спустывсь.
«Оце-жъ», каже, «моя первая сестра жыве.
Веды мене въ дверь
И бый мене!.. И мучъ! И печы!..
Стильки сылы маешъ,—
Стильки й бый!
А я стильки сылы маю,—
Буду кричать.
И зачуе сестра гласть мій
И буде бигты, кричать,
Руки ламать!
И буде тебе просыть,
Даватыме тоби й панство,
Й царство!
И даватыме тоби дванаццять ынбаривъ срибра й
злата!

¹⁾) Замочекъ.

Бъе ёго!

Пече!..

Стильки сылы можетъ—бъе!..

А той кръчыть стильки сылы можетъ.

Послужанка зачула гласъ попугайливъ.

«Пани»—говорыть:

«Послушайте!

Братъ попугайло жывый есть»!

«Де винъ», говорыть, «узився!?

Его й на съвити жывого нема!»

«Послушайте, пани!

Скоро въ двори буде»!

Побачыла пани, шо вже въ двери укынувъ черезъ ворота.

Бижыть!..

Кръчыть!

Руки ломыть!

«За що ты, лыха лычыно, эъ мого брата знущаесься»?

— «Икъ-же мени эъ ёго не знущательца!?

Буды въ мене стада,

Й гурта,

Й отары,

Дванадцять ынбаривъ хліба

И сто двадцять скыртъ у поли!

Було въ мене сумы много!

Та я все позбувањ,

Та твого брата попугайла годувавъ.

Шо схочу, те й зроблю!

Хоть убью,—

Хоть повисю!

«Нажъ тоби панство

Й царство!

И дванадцять ынбаривъ срибра й злата,

Тильки пусты мого брата попугайла».

— «Не хочу панства

И царства

Ни срібра, ни злата!

Дай мени срибный ключыкъ,
 Золотый верчыкъ,—
 Такъ пушу!
 «Хочь ты ёго й повисъ, то не 'дамъ».
 Пишла въ хату.
 Выйшли зъ двору.
 «Чортъ-батька зна, якъ ты й бывъ?
 Шо ты мене жаленъ?
 Я-жъ тебе не жаливъ,
 Якъ усе твоє добро переивъ!
 Не жалій и ты мене!
 Такъ бъешь, шо й сестра не ожалілась!..
 Ты мене бый стики сылы маешъ,
 Стики мочи маешъ!
 Не наскудь!
 А я стики сылы маю
 Стики мочи
 Буду крычать.
 Давай иты до середулыши».
 Прыйшли до середульши.
 «Бый-же, та не погань!
 Шобъ сестра ожалілась на мене».
 Зачавъ винъ ёго быть,
 Стики сылы мае,
 А той крычыты!..
 Почула послужанка
 «Пани»,—говорыть:
 «Послушайте!
 Вашъ братъ попугайло жывый е»!
 — «Де винъ узяўся?!

Ёго й на свити нема»!
 «Ни, посухайте!
 Скоро въ двори буде»!
 Шерекынувъ бағачъ попугайло черезъ ворота,
 Топче ногами...
 Пече ёго,
 Бье ёго,
 Стики сыла мае,

Стики мочи має,—
 Стики й поре!..
 А той стики мочи має,
 Стики й кричыть!..
 Выскочыла пани.
 Кричыть...
 Руки ломыть!..
 «За що ты, лыха лычыно, зъ моего брата попугайла
     знущаесься»?
 — «Якъ-же мени зъ ёго не знущатъця?!

Булы въ мене стада
 Й гурта,
 Дванадцять ынбаривъ хлиба,
 Сто двадцять скыртъ у степу хлиба!
 Було въ мене сумы много,—
 Та я все позбувавъ,
 Та твого брата попугайла годувавъ!
 Шо схочу,—те й зроблю зъ нымъ!
 Хочъ убю,—хоть повисю!»
 — «На тоби й цанство,
 Й царство!
 Дванадцять ынбаривъ срибра й злата,—
 Тильки пусты моего брата попугайла.»
 «Не хочу я панства
 Й царства,
 Ни срибра, ни злата!
 Дај мини срибрный ключыкъ,
 Золотый верчыкъ,
 Такъ пустю!»
 «Хочъ ты ёго й повись!»
 Пишла й не отглядаетъца.
 Выйшли за ворота.
 И каже ёму попугайло:
 «Ду-у-р-ны-й ты», говорыть:
 «Пропало наше дило!
 Шо ты мене жаліешъ?!
 Ты бый мене лучше!
 Изробы ты отъ що:

Якъ пидемъ мы до меньшои,
 То ты вже бый мене
 Та не поганы!
 Шобъ не такъ, якъ тамъ бывъ!
 Та якъ даватыме вона тоби панство
 Й царство,
 И дванадцять ынбаривъ срибра й злата,
 Не беры!
 А просы срибныи ключыкъ,
 Золотый верчыкъ,
 И одно те робы, шо бый мене.
 И буде вона тебе просытъ у хату
 Покушать и 'дпочытъ
 И речи поговорить,—
 Ты йды.
 И буде вона тоби пытки й наидки давать
 И буде тебе шиниртомъ напувать.
 Ну ты гляды-ы!
 Шобъ ты іи прысылававъ выпить до себс!
 Та вже й я прысылую,—
 И одъ мене выплье.
 То мы по чарци выпльемъ,
 А вона значыть дъви.
 Буде вона и вдруге частувать;
 Та все-жъ такы, шобъ прысылававъ.
 Частуватыме мене,
 Прысылую й я.
 Буде вона й втрете частувать,—
 То шо-бъ ты прысылававъ выпить;
 Да вже й я прысылую.
 Мы выпльемъ по тры,
 А вона значить писТЬ.
 Тоди посидаемъ обидать.
 Ты ижъ,—покы наисысь.
 И я тебе штовхну.
 А ты шобъ догадавсь:
 Прыкынъись пьянымъ;
 Пересянъ мене черезъ стигъ,

Топчы мене ногамы!..
 Бый мыски,
 Й полумыски,
 Чарки,
 Й пляшки.
 На голови мени!..
 То вона тоди эмылуетьца.
 Буде тебе цилувать
 И за руки хватать!
 И отдасть тоби срибный ключыкъ;
 Золотый верчыкъ;
 Надине тоби ёго на шию
 И запхне за назуху».
 Дійшли до воритъ.
 Перекинувъ ёго черезъ ворота.
 Но-о-ре!
 Послужанка зачула гласъ:
 «Послухайте, пани!
 Вашъ братъ попугайло жывый есть»!
 «Де винъ у свити взяўся?!

Ёго й жывого на свити нема»!..
 Винъ ёго топче ногамы!..
 Бье пужалномъ по голови.
 Углядила пани.
 Бижуть!..
 Кричутъ!..
 Руки ломыть!..
 «За що ты, зла лычыно, зъ мого брата попугайла
     такъ знущаєшся?!

— «Якъ-же мени зъ ёго не знущатъца?!

Були въ мене стада,
 Й гурта!
 Були въ мене й отары!
 Було въ мене дванадцять ынбаривъ хлиба;
 Було въ мене сто двадцять скмртъ хлиба въ стену,
 Було въ мене сумы много,
 Та я все позбувавъ,
 Та твого брата попугайла годувавъ!

Шо схочу.—те и зроблю!
 Хочъ убью,
 Хочъ повисю!..
 Зачавъ ёго бы-и-ть!..
 Ногамы мисыть!..
 Той, стики сылы мае, кричыть!
 Просить вона ихъ у хатку.
 Закрычыть пани на послужанку:
 «Заразъ стиль наповныть пыткамы
 Й наидкамы»!
 Посажала ихъ за стиль,
 Зачала частувать;
 Зачала багачеви шпирту давать.
 «Прошу-жъ покорно, выпить соби;
 Якъ ты своему братови рада,
 То выпьешь до дна».
 Могла вона выпить.
 Выпывъ и багачъ.
 Дае брату.
 Братъ одвищае:
 «Якъ ты рада братови,
 То выпьешъ до дна».
 Могла вона выпить.
 Каже: «просю-жъ покорно;
 За 'днью не закусють,
 А выпьите й по другій».
 Одвища багачъ:
 «Из-воль-те»!
 Стала багача частувать.
 «Якъ ты рада братови,
 То выпьешь до дна!»
 Могла вона выпить.
 Выпывъ и братъ.
 Вымыли такимъ родомъ и по третій.
 «Прошу-жъ покорно обидать».
 Обидавъ багачъ,—покы наинь.
 Штовхнувъ попугайло багача;
 Той прыкынувшись пьянимъ!

Штовхнувъ попугайла въ потылыцю,
 Хватнувъ за волосья!..
 Перекинувъ черезъ стиль!..
 Ногами то-о-иче!..
 Зачавъ ему на голови быть полумыски,
 Пляш-кы
 Й чарки!
 Сестри жалко стало.
 Стала вона багача цилувать.
 За руки хватает.
 «На тоби срибрный ключыкъ,
 Золотый верчыкъ,
 Тильки не знундайся зъ мого брата попугайла!»
 Надила вона ёму на шию
 И запхнула за назуху.
 «Иди ты, багачу, на іннє царство
 На десяте государство!
 Де ты соби вподобаешъ,—
 У якимъ ирысадьдя хороше
 И степъ шобъ добрый.
 Скажы соби:
 Срибрный ключыкъ повернысь,
 Золотый верчыкъ одимкнысь,—
 Стане тоби вельке багатство».
 Зийшовъ багачъ на одного царя царство.
 Степъ добрый,
 Сады хороши;
 Ставы добри.
 Выйшовъ винъ на крижъ,
 Сивъ коло саду надъ ставомъ.
 Знявъ верчыкъ,
 Поставыть мижъ колиньми.
 «Срибрный ключыкъ, поверныся,
 Золотый верчыкъ одимкныся!»
 Срибрный ключыкъ повернувсь,
 Золотый верчыкъ одимкнувсь.
 Йкъ зашумлять дома-а!..
 Пидъ самымъ золотомъ:

Дванадцать ынбаривъ изъ срибромъ и златомъ!
 Якъ зашумили гурта
 Й ста-да-а!
 Й черидки свине-е-й!..
 Люди розсыпнулись по царстви косить
 И жать
 И весь хлебъ прыбирать! .
 Уставши зъ верчыкомъ,
 Пишиовъ у золоти дома,
 У ныжнихъ домахъ печетьца й варытьца,
 Въ середнихъ домахъ--ныткамы й наидкамы стигъ
 наповняетца!
 Въ самыхъ вышихъ тилько прогуляетъ ¹⁾).
 Дывытьца въ викно скилькы стада й гурта степу за-
 сяглы.
 Прыйздыть нарошный одь царя зъ пакетомъ.
 Розпечатавъ пакетъ. Прочытавъ.
 Пыше царь:
 «Шо ты таке?!

Де ты взялось?!

По моимъ царстви росполеныйсь зъ стадамы,
 Зъ гуртамы,
 Зъ косарямы,
 Зъ женьщымы?!?

Якъ ты не зайдешъ по добрій воли,
 Такъ я те все выбью
 Й въ ставахъ вытоцлю».
 Однысуе багачъ царю,
 Шо: «я радъ-бы зйтъ,—
 Не могу зибрать!
 Царь, раздывывшись у пакетъ ёго, однысуе:
 «Подаруй мені те,
 Шо въ твоен жинки е,—

¹⁾ Отсзначить у ныжнёму этажи, у середнёму этажи и у верхнёму.

Я тоби найду таку бабку, шо збере».
 А багачъ того й не знавъ,
 Шо якъ одвивъ винъ свою жинку паймать до чоловіка обременну,
 Такъ вона, у паймахъ бувини,
 Родыла сына Ивася,
 Такого, шо ни здуматъ, ни згадать:
 А хиба тильки въ казьци сказать:
 По поясъ у срибни
 А по поясъ у злати;
 На грудяхъ звізда,
 А на потыльци місяцъ.
 И рисъ винъ не по днямъ, а по часамъ,—
 Не по часамъ, а по минутамъ!
 Багачъ, роздывившись у пакетъ,
 «Шо-жъ у моєї жинки е?!

Всёго-жъ я ришывся!...
 Хиба тильки шуба дорога осталась
 Ну, хай соби бере шубу!
 Абы тильки жинка моя зосталась!»
 Одышуе царю:
 «Нехай тоби те,
 Шо въ моєї жинки е,
 Ну тильки шобъ жинка моя».
 Прывіздыть царь;
 Прывозе бабку.
 Стас бабка зъ колясы:
 «А дава-а-й, багачу, верчыкъ!
 А сида-а-й, багачу!»
 Поставила міжъ колінъми верчыкъ.
 Якъ крикне!..
 Якъ свысне!..
 Такъ и зашумило у верчыкъ усе!
 Якъ було въ верчыку все,
 Такъ и виять стало на мисти!
 «Срибний ключыкъ повернысь,
 Золотый верчыкъ замкнись!»
 Надила ёму на пылю

Й запхнула за пазуху.
 Иды-жъ, багачу!
 Де ты вподобаешъ соби,
 Сядешъ,
 Упъять буде тоби те,
 Шо й тутъ було!
 Пишовъ багачъ.
 Стики не йшовъ,
 Прыйшовъ у свое царство
 И сивъ на своему дворыщи.
 Изъявлъ верчыкъ,
 Поставывъ мижъ колиньмы:
 «Срибный ключыкъ повернысь,
 Золотый верчыкъ одимкнысь».
 Якъ зашуми-и-ло!...
 Шо тамъ було; те й тутъ е!
 Осидлавъ коня
 Й поихавъ по царстви своему оглядать стада й гурта.
 «Чыи стада?»
 — «Ивана багача».
 «Чыи гурта?»
 — «Ивана багача».
 «Чыи отары?»
 — «Ивана багача».
 «Чыи косари?»
 — «Ивана багача».
 «Чыи женъци?»
 — «Ивана багача».
 «Це все мое», говорить.
 Иде назадъ до греблёвого млына.
 Зостривае того человека,
 Котрому жинку свою нанялъ.
 Той человикъ пада на колина,
 И здймае шапку.
 Багачъ здоровкаеться:
 «А шо?» каже:
 «Моя жинка й доси у тебе служыть?»
 «У мене: та вже дви недили наверхъ году;

Куды-жъ вона иидеть?!»
 «Щоганяй-же до дому,
 Та одсылай жинку въ мои дома».«
 Той чоловикъ уподовишъ кони!.. (бъе)
 Прыбигъ до двора!
 Уихавши въ дверь, заразъ засыла жинку!
 «Ступай! Ото твого чоловика дома!»
 Бере маты сына за руку,
 Йдуть до горныць.
 Сынъ и каже:
 «Мамо», говорыть,
 «Я вже теперъ не ваніть,
 Я вже подарований царю».—
 «Почимъ-же ты, сынокъ, знаешъ?»
 «Такъ мени, мамо, Богъ давъ».
 «Ну, що-жъ, сынокъ», говорыть,
 «Не вже то твого отця дома?!»
 Увійшли въ ныжни дома—
 Печетыця й варытъця.
 Увійшли въ середни—
 Пыткамы й наидкамы столы наповняютъця.
 У вышнихъ домахъ прохоложаютьця.
 Дывлятьця въ викно:
 Побачыли батька...
 Сынъ и каже:
 «Сховайте-жъ мене, мамо,
 Якъ увійде батько, то будете пытать:
 «Шо царю подарувавъ?»
 Зачынила сына въ кімнату.
 Приходить батько.
 «Оттеперь я, жено, бага-а-ть!!
 Не такый, якъ тоди бувъ!!
 Панство й царство я маю!!
 И дванадцять ынбаривъ срибра й злата!!»
 — «Не рада я твоему панствови
 Й царствови!..
 Шо ты подарувавъ царю?!»
 «Подарувавъ», каже: «ну, не знаю що:

Я тебе, жено, не подарувавъ.
 — «Ось, шо ты, старый, подарувавъ!»
 Одчыныла кимнату: выходить сынъ—
 И горныци осиялы!!
 Якъ ухватылысь за сына,
 Та въ плачь обое!
 «Сыну-жъ мій, сыну!
 Я-жъ подарувавъ, та й самъ не знаявъ що!»
 Сюды-туды, розважывъ сынъ батька й матиръ.
 Сочынылы трехдневне гулянья!
 Пытуть-гуляютъ,
 Пыръ пыдїмаютъ
 ,Io трёхъ сутокъ!
 Трети сутки кинчаютъ,
 Говорить Ивась:
 «Готовте мени, тату, одиванья».
 — «Яке-жъ тоби одиванья, сыну?»
 «Скуйте мени симъ паръ черевыкивъ зализныхъ;
 Скуйте мени семеро хлиба зализныхъ;
 Скуйте мени симъ паръ ципкивъ зализныхъ,
 Скуйте мени симъ паръ голокъ зализныхъ,
 Пиду до царя на службу».
 Проказавъ багачъ ковалямъ,
 Шобъ поробылы те, шо сынъ загадавъ.
 Батько й маты въ плачь!
 Винъ, — сюды-туды, — ’бцилувавъ ихъ, розважа:
 «Я хочъ и иду, а таки не покыну васъ;
 Прослужу, тай прыйду!
 Шопроцався сынъ;
 Пишовъ служыть царю.
 Пишовъ на ынне царство,
 На десите государство,
 Черезъ трыдевъять земель!
 Зішовъ на перве царство:
 Такый гадъ та черепахы лизутъ!
 Такий гадъ та черепахы,
 Шо не можна й ногою ступыть!..
 Симъ паръ ципкивъ побывъ,

А такы перейшовъ.
 Зійшовъ на друге царство:
 Таки гвіздки та голки!
 Гвіздки та голки!
 Убувъ зализни черевыкы.
 Симъ паръ черевыківъ вытолтахъ,
 А такы перейшовъ.
 Зійшовъ на третє царство:
 Таке сонливе!..
 Та дримливе!
 Таке сонливе!..
 Та дримливе!
 Симъ паръ голокъ виломавъ, пидпираючи очи,
 А такы перейшовъ.
 Зійшовъ на четверте царство!
 Такий холодъ
 Та холодъ!..
 Такий холодъ
 Та холодъ!
 Семеро хліба зъївъ зализныхъ,
 А такы перейшовъ
 Зійшовъ на царя царство.
 Доходить до хатки.
 Сидить послужанка на кганкахъ.
 «Слыхомъ слыхаты!
 Подарунча въ вичи выдаты!
 Чы по воли,
 Чы по неволи?!»
 — Ни, добрий молодець николы не ходить по неволии,
 А все по воли!»
 — «Ідти-же въ хату покушать,
 Переprатьця,
 Переbrатьця,
 Одпочыть
 И речи поговорить».
 Напоила вона его, накормила.
 Роскинула перыни,
 Снать положила.
 Злігъ Подарунча на руку:

«Вы по всякъ часъ у мого батюшки царя на дворци
буваете,

Вси ти порядки знаете,—
Повынъни-бъ и мени сказать».

— «Я по всякъ часъ у дворци не буваю
И тыхъ порядкивъ не знаю;

Не могу и вамъ сказать;
А есть у мене сестра старша:
По всякъ часъ на дворци бувае,
Вси обряды знае,

Мусыть и вамъ сказать».

Подякувавъ и пиншовъ.

Диходить до другои хатки.

Выбигае послужанка на кганки;

Вігъять такъ-же:

«Слыхомъ слыхати!

Шодарунча въ вичи выдаты!

Чы по воли, чы по неволи?»

— «Ни, добрый молодецъ николы не ходе по неволи,
А все по воли».

«Идить-же у хату,—покушать,

Перепратьца,

Перебратъца,

Одпочыть

И речи поговорыть».

Роскинула перыны: положыла ёго спать.

Злигъ винъ на ликоть:

«Вы по всякъ часъ у мого батюшки царя буваете,
Вси порядки знаете,—
Моглы-бъ и мени розсказать».

— «ІПо-жъ, мій голубочокъ!

Не по всякъ часъ я въ батюшки на дворци буваю
И всихъ тихъ порядкивъ не знаю,

Не могу й вамъ сказать,

А е въ нась бабушка старушка;

Цо всякъ часъ на дворци бувае,

Вси ти порядки знае,

Отта можеть вамъ исказать».
 Подякува винъ и лишовъ.
 Доходить до третєи хатки.
 Выходить бабушка старушка на кганки:
 «Шлыхомъ шлыхаты!
 Подарунча ввичи выдаты!
 Чы по воли, чы по неволи?»
 — «Ни, бабусю,
 Добрый молодецъ николы не ходе по неволи,
 А ще все по воли!»
 Пожалуйте, дытя, въ хатку,
 Перепратьця
 Й перебратъця,
 Покушать, одночить
 И речи поговорыть».
 Напоила ёго, накормыла.
 Церыну роскынула
 И подарунча положыла.
 Лигъ винъ на ликть.
 «Шо-жъ, бабусю!
 Якъ тутъ діетъця-ведетьця у мого батюшки царя?
 Вы по всякъ часъ на дворци буваете,
 Повынни й мени сказать».
 — «Такъ, шыночку!
 По всякъ часъ на дворци буваю
 И вси обряды знаю
 И тоби, моя дытыно скажу.
 У твого батюшки царя
 Есть дочерей симдесять симъ
 Ище й одна.
 Иды-жъ ты, сыночку, на жовту косу коло моря,
 А на тїй коси шелюгъ велыкый,
 Та ты въ шелюзи й сядь.
 Сидитымешъ часъ,
 Сидитымешъ другий;
 На третій часъ поверне,
 Прылетять симдесять симъ дочерей

И таки вродлыви,
 Такъ берегъ и осяють!
 Поксыдають воны вбраньнячка,
 Побредуть у море на жовту косу
 И попырынаютъ по трычи,
 Уберутьца й полетять.
 Ну, шобъ ты, дытыно, сидивъ;
 Не кинувсь до ихъ.
 Сидитымешъ ты часъ
 Сидитымешъ и другой
 И выконаешъ ямку пидъ кущемъ,
 На третій часъ стане повертать,—
 Пролетать одна.
 Не тильки косу,
 Й берегъ осяе!
 И ты, сыночку, терни.
 Вона розберетьца
 И побреде на жовту косу въ море.
 И гляди-жъ, сынокъ:
 Не пропусти.
 Якъ первый разъ пирне вона въ воду,
 Шобъ ты усыпивъ ухватыть іи вбраньнячко;
 Сховай въ ямку,
 Тай насядь.
 То вона обмыетьца
 Й выбредетьца!
 Нобачыть, шо нема вбраньня,
 То вона й закрычить:
 «Якъ хто зъ старыкивъ пошутывъ,
 Такъ отець ридный!—
 Тилко не шутить,
 Вернить!»
 Побижыть другий разъ.
 Пирне; обмыетьца, выбреде,
 Нема вбраньнячка.
 «Якъ хто зъ жонатыхъ попутывъ.
 Такъ братикъ ридный!—
 Вернить,

Не шутить!
 Побреде и третій разъ:
 . Выбреде.
 «Ахъ! Якъ хто эъ холостыхъ,
 Такъ вирана моя дружына,
 Тилько вернить,
 Не шутить!»
 Ты й отдаї вѣраньнячко.
 Вона уберетьца
 И тоди вже иисля того скаже,
 Шо тоби треба робыть».
 Пишовъ винъ на жовту косу.
 Вже тамъ такъ и було,
 Якъ ему сказано.
 Выйшовъ Подарунча эъ-за куница:
 «Панночко!
 Возьмить озыде ваше вѣраньня».
 Вона прыбигла,
 «Обернитьца, другъ, покы я уберусь».
 Убралася,
 Забигла до ёго спереду;
 Поцигуала;
 И вродлива така вона,
 Шо ін кращои и въ свити нема!
 Взяла вона ёго за руку;
 Сила на берези:
 «Сыды-жъ ты тутъ, другъ мій,
 А я полечу,
 Та прышлю тоби срибрный човныкъ,
 Золоте веселечко.
 Сядешъ ты у човнычокъ:
 И хочъ яка буде погода
 И валы котыть,
 И нестыме винъ тебе у море;
 Не бойсь!
 Прышлыве човныкъ до залізныхъ воритъ.
 И вдарить никомъ у залізни ворота.
 Ворота одчинятыца,

Ланцюги стрененутьца,
 Уси дзвоны заревутъ
 И царя батюшку пробудятъ.
 Прышлыве човнычокъ до берега,
 И злизепъ ты зъ човныка.
 Буде стежка.
 Будеть ясно и тыло,
 Шо нигде й витрець не дмухне.
 Затопытьца въ симдесять симъ хать
 Въ усихъ разомъ;
 Дымъ зъ верхивъ такъ и слонятыметъца по всій де-
 ревни

И такъ туманомъ на море и покотыть.
 И перестане курить у всихъ хаткахъ,
 Такъ, якъ сокырою одруба.
 Де визьметъца хмарка,
 Заступить сонце
 И схопытьца сылна бури,
 Ажъ дерева затрищать.
 Отоди въ мої хати затонытьца.
 И ты замичай,
 Шобъ та на мои покои попавъ!
 У мене буде дымъ стовномъ;
 Шо хочь яка бури,
 По никуды въ бикъ не зибье,
 Стоятыме, не схыбнетъца;
 Шобъ ты на ти покои йшовъ».
 Прыходыть винъ до кгандивъ.
 Выскакуе вона зъ хаты;
 Бере ёго пидъ руку;
 Веде въ хату.
 Напоила,
 Накормыла;
 Роскынула перыны,
 Положыла ёго на спочывоکъ.
 «Гляды-жъ ты, каже», «Іване!»
 Бо скоро одь батюшки й слугы по тебе прыбижать
 Не давайсь имъ на рукахъ несты тебе!

Бо дадуть табаки понюхать
 То тоді погублять!»¹⁾
 Тутъ пидъ викно бижать симдесять симъ слугъ.
 „Іваня!
 Ступай до батюшки!“
 Убраавсь; выйшовъ винъ.
 „Веливъ тебе батюшка на рукахъ несты“.
 — „Вонъ, свыни!
 У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
 Не тильки мене на рукахъ носыть!“
 Слуги самы между собою й кажуть:
 „Тай цуръ ёму;
 Нехай самъ иде;
 Намъ ше й лучче“.
 Идеть у батюшчынъ дверъ.
 Стоить батюшка на кгандахъ.
 „Заразъ мое Подарунча на рукахъ у покой несты!“
 Кынулись до ёго на руки братъ,
 Винъ до ихъ зъ кулакамы:
 „Вонъ, свыни!
 Я стики царствъ перейшовъ,
 Та нихто мене на рукахъ не носывъ,
 А тутъ я й самъ до батюшки дїду!“
 Входыть въ покон;
 Цилуютьца,
 Мылуютъца,
 Гуляютъ цилый день до вечера!
 У вечери крыкнувъ батюшка:
 „Есть у мене дочерей симдесять симъ!
 До которои любля на рукахъ однесты!“
 Кынулись слуги до ёго,
 А винъ до ныхъ!
 „Вонъ, свыни!
 Я стики царствъ перейшовъ,
 Та нихто мене на рукахъ не носывъ,

¹⁾ Царь—винъ бувъ не хрещеный, а вона була хрещена водою и духомъ.

А тутъ я вже на стару кватырю й такъ дійду!
 Въ васть не стане нигъ и ходить по мене,
 Не тилько на рукахъ носыть!“
 Выйшли слугы за дверь:
 „Одъ сучий сыны!
 Де винъ уязвсъ?
 Якъ бы ёго пидговорыть?
 А въ насъ батюшка строгый!
 Шобъ ёму голову батюшка знявъ“.
 Прыйшли до царя:
 „Отъ, батюшка!
 Подарунча эъ вами пыло та гуляло,
 Та вамъ и правды не сказало!
 — „Якъ“, говорыть, „слугы?“
 „Та такъ!
 Якъ выйшовъ за дверь,
 Тай каже намъ:
 И якъ-бы схотивъ добро батюсьци зробыть,
 Такъ я-бъ у ёго въ двори таку крыныцю выкопавъ
     до свита,
 Шо луччои-бъ воды не було-бъ и по всимъ царству!
 Одна-бъ цямрына була-бъ золота,
 А 'дна срибна
 И срибный звидъ,
 Золоте цеберечко
 — „Завернуть ёго заразъ сюды!“
 Догналы.
 „Иваня!
 Вернысь до батюнки!“
 — „Зачимъ, батюшка, требуете?“
 „Якъ-же мени тебе не требувать?
 Шо ты въ мене пывъ-гулявъ,
 Та мени й правды не сказавъ!
 Та чор-зна кому—слугамъ моимъ говорывъ,
 Шо якъ-бы я схотивъ добро зробыть,
 То таку крыныцю выкопавъ-бы;
 Шо й у царстви луччои воды не було-бъ;
 Одна цямрына срибна,

Друга золота;
 Срибний звидъ,
 И золоте цеберечко“.
 — „Якъ-же можна, тату.
 Шо-бъ за 'дну ничъ отаке мигъ-бы одынъ чоловикъ
 зробить!?”
 „Ну, гляди, сынку!
 Тоби день,—мени ничъ.“
 Тоби голова зъ пличъ!“
 Пишовъ одъ царя.
 Иде й плаче.
 „Отъ колы вже пропавъ!..
 Якъ угледила у вікно вона,
 Шо винъ плаче,
 Бижьти, цилус!
 „Зачимъ ты, серденъко, плачешъ?“
 — „Якъ-же мини не плакать,
 Шо мени тилько до завтрёго й жыть!“
 „А, Боже мій!...
 Та кажы скорій,
 Не мучъ мене,
 Шо тамъ тоби батюшка казавъ?“
 Хватыла ёго пидъ плече,
 Увела въ хату.
 Посадыла въ кинци столу:
 „Кажы серденъко, шо тамъ таке?“
 „Пидговорылы слугы,
 Шо я могу за 'дну ничъ до свита выкопать таку крынцыю,
 Шо й у всимъ царстви нема такои!
 Шо-бъ срибна и золота цямрына,
 Срибний звидъ, золоте цеберечко!“
 „Це мени, серденъко, й за вухомъ не свербыть!
 Шо тоби батюшка не загадає,—не журыся!
 Иды до мене,—я тоби все зроблю!
 А то ты мене якъ ножемъ пробываєшъ!
 Сидай—вечеряй, та лигай спаты“.
 Сили, повечерялы; роскынула перыну: положыла— пры-
 спала.

Встала тыхесенько, такъ якъ у глупу ничь;
 Хватыла книгу: выйшла на кланки.
 Якъ крыкне!
 Якъ свысне!
 „Слугы мои мыли!
 Слугы мои люби!
 Станьте передо мною,
 Якъ лисъ передъ травою!
 Глядить-же!
 Шобъ була у двори крыныця выконана,
 Шобъ луччои и въ царстви не було!
 Шобъ була одна цымрына золота, одна срибна,
 Срибный звидъ и золоте цеберечко!“
 Якъ налынулы!
 Той кона,
 Той джерела пуска,
 Той серебрыть!
 Той золотыть,
 Другый тоже кладе цымрыну,
 Третій звидъ становыть
 И цеберечко виша.
 Такъ якъ переказавъ,—
 Такъ воны й зробыly!
 Вона раненъко встала,
 Снидать зготовыла;
 Позбудыла;
 Напоила,
 Накормыла;
 На свитаныни дала ёму топорецъ
 И четыри гвоздыки.
 „Иды-жъ ты до крыныци,
 Таї ходы кругомъ,
 Таї стукай обухомъ,
 Нибы майструешъ.
 Якъ выбде батюшка на кланки,
 Забыл гвоздь на схидъ соняця на зрубови,
 Й другой на захидъ,
 А ти на тыхъ вуглахъ,—будто навхрестъ,

Такъ якъ и хрестъ положеный,—
 Бо й тоби достанеться воды тыи пить“.
 Выйшовъ батюшка на кланки;
 Той бѣе гвозди навхрестъ.
 Крычыть батюшка!
 „Слугы мои люби!
 Слугы мои мыли!
 Несить мое подарунча на рукахъ!“
 Слугы кинулись до ёго:
 Винъ до ихъ зъ сокирою
 „Вонъ, свыни!
 Въ вѣсъ не стане и нигъ по мене, ходыть,
 Не то мене на рукахъ носыть!
 Я й самъ до батюшки зійду!“
 Любуетъ батюшка въ сынови,
 Шо винъ сповнивъ свое дило.
 Пытъ, гуляютъ,
 Пыръ пидіймаютъ.
 Бере ёго батюшка за руку,
 Веде до криници;
 Любуетъ въ криници,
 Любуетъ въ зрубови.
 И въ своди
 И въ цебри.
 Пытъ гуляютъ до вечора.
 У вечери крикнувъ батюшка на слугы:
 „Есть у мене дочерей симдесять симъ!
 Однесить на рукахъ до которои любля!“
 „Тату! я ще младъ, зелень до дивокъ;
 Мени треба вчитьца робыть.
 Я онъ стики царствивъ перейшовъ,
 Та не одыхавъ и доси.
 Пиду на стару кватырю, — хотъ одыхну“.
 „Слугы мои люби!
 Слугы мои мыли!
 Однесить подарунча на рукахъ на стару кватырю!
 Тильки слугы до ёго,
 А винъ зъ сокирою до ихъ!

„Вонъ, свыни!
 Въ васъ не стане й нигъ до мене ходыть,
 Не тильки мене на рукахъ носыть!“
 Выйшли слугы за дверь,
 „А, та й бида“, кажуть „изъ цимъ подарунчамъ!
 Улыкае, шо не стане нигъ ходыть!
 Давай ёго пидскаржымъ ще не такъ;
 А въ насъ батюшка строгый!
 Оцёго винъ не може зробыть,
 Шо мы ёго пидскаржымъ!“
 Ускочыли до батюшки слугы:
 „Зъ вамы, батюшка, подарунча пыло та гуляло,
 Та вамъ и правды не сказало,
 А намъ казавъ отъ що,
 Якъ выйшовъ за дверь:
 Я-бъ, каже, якъ бы хотивъ добро батюсьци зробыть,
 То поставывъ-бы за 'дну ничъ ограду золоту;
 У тій огради посадывъ-бы садъ
 И всяку овощъ, шо въ свити е!
 И до свита зацвите и одцвитетъця!
 А якъ сонце зайде, усяка овощъ поспie!
 И на сндання самои первои овощи понисъ-бы ба-
 тюсьци въ кошыку“.
 — „Заразъ завернить ёго до мене!“
 Завернулы.
 „Зачимъ, батюшка?“
 — „Шо-жъ, сынку!
 Ты пызъ зо мною й гулявъ
 Та мени й правды не сказавъ!“
 А чор-зна кому, слугамъ, за дворомъ говорывъ,
 Шо, якъ-бы, мовъ, хотивъ добро зробыть батюсьци,
 То зробывъ-бы кругомъ двору ограду золоту ажъ до
 горыць!
 А въ тій огради садъ насадывъ: шо е въ свити
 разна овошъ;
 До свита зацвите й отцвитетъця,
 А якъ сонце зайде,—поспie
 И ты мени внесешъ у кошыку на сндання“.}

— „Не можно, батюшка, цёго зробить!
 Одно дерево росте годъ п'ять,
 Та й то не розцвітає!..
 Шобъ за одну ничъ усяка овоць прынялась и за-
 цвіла!?!“

„Ну, гляди, синку!—
 Тоби день, мени ничъ,—
 Тоби голова зъ плічъ.
 Ты казавъ, шо крынци не могу зробить,
 А про те зробивъ!?!
 Ступай!“

Иде винъ п плаче.
 Углядила ёго вона у вікно,
 Шо винъ гирко плаче,—
 Бижть,
 Кричть:

Зачимъ ты, серденько, такъ побываєшся?!

— „Якъ-же мени не побуватьця?!

Тилько до свита й жыть мени!..

„Не журысь!“
 Хватыла ёго пидъ плече;
 Ввела въ хату.
 Посадыла на дзыклыку.
 Кажы, серденько, шо тамъ таке?!

Яке тамъ тоби гирке слово сказано?!

— „Пидговорылы слугы, шо я могу ограду зробить
 ажъ до горынць...
 У тій огради понасажать ризной всякои овоці, яка
 въ свити есть...“

Шобъ цвіла вона до свита.
 А якъ сонце зійде,
 Шобъ самой первои прынесты въ кошыку батюсьци
 на съниданння.
 «Це въ мене, серденько, й за вухомъ оттуть не
 свербить.

Сидай,—numъ вечерятъ!“
 Повечерялы.
 Роскынула перыну;
 Положыла й прыснала.
 Встала потыхесенько глупои ночи;
 Взяла книгу и выйшла на кланки

Розгорнула кныгу.
 Якъ крыкне!
 Якъ свысне!
 «Станьте слугы передо мною,
 Якъ лисъ передъ травою!
 Глядить!
 Шобъ вы зробылы батюсьци ограду
 Ажъ до самыхъ ворить!
 А въ тій огради садъ насадыть,
 Разнои овощи, що въ свити е,
 Шо-бъ той садъ до свита одцвивись,
 И якъ сонце зайде—шобъ овощъ постала».
 Вони якъ заходыlyсь!...
 Той кона,
 Той золотыть,
 А той кладе ограду,
 А той садъ садыть,
 А ти цвить чипляютъ,
 Други отрусяютъ,
 Та разну овощъ навишуютъ,
 Що е въ свити!
 Якъ я де переказавъ,
 Такъ це дило зробылы.
 Избудыла ёго раненько!
 Напоила, накормыла;
 Дала ему кошыкъ:
 «Иды-жъ ты у садъ,
 Вырви овощи,
 Та котори червыви,
 Выкыдай за ограду».
 Сонечко зійшло.
 Выйшовъ батюшка на кланки,
 Якъ крыкне на свои слугы!
 «Слугы мои мыли, слугы мои люби!
 Заразъ мени подарунча зъ овошу на рукахъ у гор-
     ныци внести!

Кынулись до ёго: «вонъ свыни!
 Въ васъ не стане и нигъ по мене ходить,
 Не то мене на рукахъ носить»!
 Нарвавъ первои овощи и несе батюсьци на сни-
     данья.

Любуетьца батюшка въ сыну.
 Любуетьца въ саду и въ ёго овощи,
 Любуетьца въ ёго кръныци, и въ зводи и въ цебри.
 Пьють, гуляютъ,
 Пыръ пидаймаютъ до вечера:
 Ввечери кръкнувъ батько:
 «Есть у мене дочерей симдесять симъ!
 Однесты ёго на рукахъ до которои любля».
 «Тату! Я младъ зелень по дивкамъ!
 Треба вчытьца робыть!
 Я скильки царствивъ перейшовъ,
 Тай доси не 'дыхавъ!
 Тай у васъ ставъ,
 То мени, тато, покою не дававъ!
 Пиду на стару кватырю,—оддыхну».
 «Слугы мои мыли, слугы мои люби!
 Однесить мое подарунча на рукахъ на стару кватырю».

Кынулись слугы до ёго,
 А винъ до ихъ съ кулакомъ;
 «Вонъ, свыни!
 Въ васъ не стане нигъ по мене й ходыть,
 Не тилько мене на рукахъ носыть»!
 Выйшли слугы.
 «Ну, бида съ цымъ подарунчамъ!
 Прыйдетъца пропадать!
 Шо не пидговорымъ, то все й зробе!
 А ходимъ ще пидговорымо,—
 Цёго вже не зробе.
 Ввійшли до царя:
 «Батюшка!
 Отъ у васъ подарунча пыло-гуляло,
 Та вамъ и правды не сказало,
 А выйшовъ за дверъ, то намъ говорывъ:
 Я якъ-бы, каже, схотивъ добро зробыть батюсьци,
 Такъ поставывъ-бы у тій огради монастырь такий,
 Шо ниде такого нема!
 Поставывъ-бы й дзвиницю!
 Шо буде само въ монастыри правытьца
 Й читатьца,
 Шо слизде,

А на дзвиници само буде дзвонытьця!
 Одъ монастыря изроблю помистъ ажъ до горныць,
 И сонце зайде,
 Увесь садъ зацвите
 И ризни птахи запшебечутъ,
 А йтыметь батюшка до монастыря,
 Сами дзвоны ревтымуть».
 «Завернуть его сюды!
 Шо-жъ ты, сыну, пывѣ-гулявъ,
 Та мени й правды не сказавъ,
 Та, абы кому,—слугамъ!
 Ты казавъ, шо якъ-бы зхотивъ мени добро зробыть,
 То въ огради-бъ поставывъ монастырь и дзвиницию,
 А 'дъ монастыря помистъ ажъ до горныць!
 Ну, гляди, сыну!
 Тоби день,—мени ничъ!
 Тоби голова эъ пличъ!
 Ты говорывъ, шо крыныци не зробынгъ,
 А проте зробывъ!
 Ты казавъ, шо й саду не насадышъ,
 А проте насадывъ,—
 То зробышъ и манастырь»!
 Иде винъ и плаче.
 Побачыла вона у викно, шо винъ плаче,
 Бижыть,
 Крычыть,
 Руки ломыть!
 «Зачимъ ты, серденько, такъ журысься»?!

«Якъ-же мени не журытьця,
 Якъ мени тильки до свита жыть»!
 Бере вона его пидъ руку, веде въ хату:
 «Нумъ сидать вечерять;
 Це мени й за вухомъ не свербыть».
 Повечерялы. Ляглы спать.
 Встала въ пивничъ;
 Взяла книгу;
 Выйшла на кганкы.
 Якъ крыкне!
 Якъ свысне!

«Слугы мои люби!
Слугы мои мыли!
Станьте передо мною,
Якъ лисъ передъ травою!
Глядить:
Шобъ-бъ вы зробили у батюшки въ огради мана-
стырь
И дзвиницю;
Шобъ у манастири само правилось
И читалось;
На дзвиници шобъ сами дзвоны дзвонили.
И 'дъ дзвиници шобъ бувъ помисть изробленый
Ажъ до батюшчыхъ покоивъ.
Якъ до манастиря йти, —
Шобъ увесь садъ зацвивъ якъ снигъ
И шобъ ризни птахи въ саду щебетали».
Якъ заходилысь!
Той ставе!
Той верхы зводить!
Той дзвиницю зачынае!
Другий уже дзвоны чипляє!
Ти тоже птахи наганяютъ!
Други тоже цвіти чипляютъ!
А ти помисть кинчаютъ!
Дило зроблено!
Ізбудила вона подарунча раненько;
Дала єму топорець и два гвозди:
«Иди-жъ ты до манастиря
И ходи по помосту съ кинця въ кинець.
Якъ выйде батюшка на кганки,
То забий гвоздь на схидъ соньца
И на западъ соньца».
Выйшовъ батюшка на кганки:
Якъ крикне на слуги!
«Слугы мои люби, слугы мои мыли!
Несить мое подарунча на рукахъ!»
Слуги кинулись до ёго:
«Во-о-нъ, свини!

У васъ не стане й нигъ по мене ходыть,
 Не то мене на рукахъ носыть!'
 Любуетьца царь усимъ:
 Любуетьца въ ёгъ крныци
 И въ зводи й цебру;
 Любуетьца въ сади
 И въ огради;
 Любуетьца въ манастыри и дзвиницы;
 Любуетьца въ цвитови и въ птыци.
 Пьють, гуляютъ,
 Пыръ пидаймаютъ
 До вечера.
 «Есть у мене дочерей симдесять симъ;
 До которои любля однесить подарунча на рукахъ».
 «Батюшка! Я ще молодъ-зелень до дивокъ!
 Треба вчытьца робыть!
 Я стики царствивъ пройшовъ, та виде не 'дыхавъ
 И до васъ прыйшовъ, — нема покою!
 Дайте мени покою,—пиду хочъ на стару кватырю».
 «На рукахъ однесты подарунча».
 Кынулись до ёго.
 «Вонъ, свыни!
 Въ васъ не стане нигъ по мене ходыть,
 Не то мене на рукахъ носыть!..
 — «Ну, бида намъ зъ цымъ подарунчамъ!..
 Прыйдетьца пропадать!..
 Не дай Богъ стики ёго на рукахъ носыть,
 Якъ ще до ёго й ходыть!'
 Выйшли за дверь:
 «Дайте ище разъ пидговорымъ!'
 Цёго вже не може зробыть!'
 Та назадъ до царя!
 «Отъ батюшка!
 Зъ вами подарунча пыло та гуляло,
 Та вами и правды не сказало!
 А намъ выйшло за дверь, тай хвалитыця:
 Я якъ-бы хотивъ батюсьци добро зробыть,
 То е въ батюшки лисъ

Сорокъ верстъ довжыни,
 А сорокъ верстъ шырыни!
 То я могу той лисъ выполоть
 И засіять конопли;
 Уродять конопли,—
 Я ихъ могу выбрать
 И помолотить,
 И помочить,
 И вытягать,
 И помнить,
 И потипать,
 И попрясти,
 И невидъ выплести,
 И кутъ моря закынуть,
 И батюсьци рыбки на сиданьня враньци прынесты!
 «Заразъ завернуть мени ёго!»
 Догналы слуги Ивася.
 «Вернись до батюшки».
 «Шо-жъ ты, сыну»?!
 Пывъ—гулявъ,
 Та мени й правды не сказавъ?!

Та абы-кому,—слугамъ?!

Ты казавъ, что я могу добро батюсьци зробить.
 Есть у батюшки лисъ
 Сорокъ верстъ довжыни
 Й шырыни,
 То я ёго выполю
 Й складу,
 Й насію конопель,
 Й выберу конопли,
 Й помочу,
 Й вытягаю,
 Й потилаю,
 Й помну,
 Попряду,
 Й невидъ выплету,
 Й кутъ моря закыну.
 Батюсьци рыбки на сиданьня вытягну».

— „Неможна, батюшка, цёго зробыть!
 Одного дуба буде до свита зъ корнемъ тягты,
 А не ввесь листъ сполоты!!“
 „Ну, гляды, сыну!
 Тоби день, — мени ничъ;
 Тоби голова зъ пличъ!“
 Пишовъ винъ плачучы:
 „Отъ колы я пропавъ!
 Отцёго вже й вона не може отгадать“!..
 Углядила, шо йде винъ плачучы,—
 Бижыть,
 Цилуе,
 Мылуе.
 „Зачимъ ты, серденько, такъ гирко плачешъ?“
 — „Якъ же мени, сердце, не плакать,
 Шо мени тильки до свита й жыть!“
 „Кажы скорише,
 Шо тамъ таке?
 Чимъ тебе обидылы?!“
 „Та якъ-же, каже,
 „Пидскаржылы слугы,
 Шо я могу сорокъ верстъ шырыни,
 Сорокъ верстъ довжыни
 Лису выполоты!..
 Выполовши, посіять конопель!
 Шобъ выбрать
 И помолоты...
 Потипать
 И попрясты...
 Сплести невидъ
 И кутъ моря закынуть,
 Батюсьци рыбки на сніданьня пійматы!“
 „Це мени, серденько, и за вухомъ не свербыть!
 Нумъ вечерять, та лигать спать“.
 Встала вночи потыхесенъку.
 Взяла книги,
 Вышла,
 Розгорнула,

Якъ крыкне!
 Якъ свисне!
 „Слугы мои мыли!
 Слугы мои люби!
 Стать передо мною
 Якъ листъ передъ травою!
 Глядить-же,
 Шобъ вы выпололы въ батюшку листъ.
 Сорокъ верстъ довжини
 И шырыни!
 И насіять конопель!
 Выбрать
 И помозети!
 Помочь
 И вытягти!
 Потицать
 И помнить!
 Попрясты
 И невидъ выплести!
 И куть моря закинуть,—
 Батюсьци рыбки на сиданья піймать!+
 Якъ налинули!..
 Якъ тьма!...
 Имъ и по дубку не стало!..
 Спололы й склады въ куны!
 Той заходе,— конопли типа!..
 А зъ другого краю заходыть,—вытяга!
 Той симъя обмына!
 А зъ другого краю заходыть,—мочыть!..
 А той бере вытяга!..
 А той бере, типа!
 А ти беруть, мнуть;
 А ти прядутъ!
 А ти невидъ плетутъ!
 А ти вже затягають куть моря!
 Повный невидъ рыбы нагналы.
 Збудыла ёго раненько.
 Дала ёму найстарший цыганський молотъ

И два паколы зализныхъ:
 „Иды-жъ;
 Та не злякайсь нечыстой смылы,
 Бо ѹ ты тоже лыцарь.
 Якъ тягтымуть невидъ
 То ты визьмись за 'дно крыло,
 Та пидтягнешъ.
 Пакиль забъешь,
 Тай обмотаешь (невидъ);
 Та пидешъ и до другого крыла;
 Бо пивни якъ засишаютъ,
 То воны втечуть,
 Те крыло ѹ самъ вытягнешъ потроху,
 Покы розвыднытия“.
 Вытягъ невидъ на сухе;
 Узявъ соби рыбки стики треба ёму,
 А ту вывернувъ у воду;
 А невидъ роскынувъ на берези.
 Прыйшовъ до неи.
 Бижать слугы:
 Несы, Иваня, батюсьци рыбки на блюдьци“!
 Понисъ.
 Изжарылы ѹ поилы.
 Пьють, гуляютъ,
 Пыръ пыдіймаютъ
 До вечера.
 У вечери скрыкнувъ царь:
 „Слугы мои мыли!
 Слугы мои люби!
 Есть у мене дочерей симдесять симъ!
 Возьмить однесить подарунча
 До которои любля!“
 — Батюшка!
 Дайте-жъ мени oddыхнуть хоть одну ничъ.
 Отколы я прыйшовъ, то мени ѹ покою не було!“
 — „Ну, пожалуй!“
 Ступай oddыхать.
 Есть у мене дочерей симдесять симъ
 И ище ѹ одна!“

(Отъ ажъ колы сказавъ, шо симдесять симъ
 Ище й одна!)
 „Готовся завтра къ винцю.
 Годи тоби вчытыца робыть“.
 Иде винъ и сымѣтци.
 Якъ здума,—то й засмѣтци.
 Вглядна вона въ викно, шо винъ веселый;
 Бижыть ёму наастричъ,
 „Шо теби, серце, такъ прыйшлось,
 Шо ты веселый?“
 — „Казавъ батюшка,— „завтра до винця готовы-
       тись“.—
 „Кого-жъ винъ тоби назначывъ братъ?“
 — „Та я никого не хочу, окримъ тебе.—
 „Э ни, серце!
 Винъ такъ зробе,
 Шо ты мене не пизнаешъ“.
 Каже: „ни, пизнаю“.
 И заспорылны вони за те саме
 Шо: „не пизнаешь“.
 — „Обчимъ же я тебе не пизнаю?“
 „Обчимъ не пизнаешь,
 Шо намъ батько дастъ мазкы усимъ однакови“,
 На одынь выдъ уси.
 Потимъ ты мене й не пизнаешъ.
 Прыврашши такъ,
 Винъ нась поведе въ манастырь,
 Поставыть у кругъ,
 И тебе впхне въ середыну,
 А самъ стане зъ боку
 И буде дывытыци.
 И ты будешъ пизнавать де твоя.
 И шобъ три раза на одну вказавъ,
 А не вгадаешь,
 Тоби день,— ему ничъ,
 Тоби голова зъ пличъ“.
 — „Такъ ты-жъ скажы, серденько,
 Шобъ я вгадавъ
 „Якъ буде первый разъ весты
 И впхне тебе въ середыну,
 То ты будешъ по головамъ дывытыци:
 Голова до головы перепускатыменшъ (очима),

То якъ прыйдешъ протывъ мене,
 То въ мене муха злетѣть посередъ головы;
 Облетѣть тричи вокругъ головы
 И сяде впять на голову.
 А въ друге винъ дасть унять друге лице
 И друге вбранія.
 И впять ты мене не познаешъ.
 Якъ уихне тебе въ середыну,
 То ты дывыся по ногахъ:
 Черевыкъ черезъ черевыкъ перепускай;
 Якъ прыйдешъ протывъ мене,
 То въ мене съ черевычка выбижишь мышка
 И обижишь тричи вокругъ черевыка;
 Нихто того не побаче,
 Тильки ты побачашъ.
 То впять же поведе до дому
 И дасть намъ третє лице
 И трете вбранія.
 Впять-же ты не познаешъ.
 Якъ уихне тебе въ середыну,
 То ты буденъ плече черезъ илече перепускать,
 Илече черезъ плече;
 То я зъ пидъ правого илеча выпустю сокола,
 Нихто не вглядитъ
 А ты взглядишъ.
 Отеперь нумъ лигать снатъ,
 Та не забувай, шо я тоби розсказала".
 Всталы раненько.
 Зготовыла вона страву.—
 Поснидалы.
 Бижять слугы:
 „Ступай, Иваня; батюшка клыче".
 Прыйшовъ Иваня.
 Ззывае батюшка симдесять симъ дочерей
 Ище й одну;
 Бере ихъ у горицю,
 Дае имъ уснімъ одинакове лице
 И одинакове гарне вбранія на всіхъ.
 Веде въ манастиръ,
 Становитъ у кругъ,
 Утягае въ середыну Іваню,

Стасе самъ збоку:
 „Пизнавай, сынокъ, де твоя“.
 Стоять уси,
 Якъ одна маты народыла.
 Иваня перепускае голову черезъ голову,
 Голову черезъ голову,
 Голову черезъ голову;
 Прыйшовъ проты ини:
 Валетила муха середъ головы
 И облетила кругъ головы тричи.
 „Оце, батюнка, моя“.
 — „Беры; веды іи въ домъ“.
 Прыйшли въ домъ,
 Давъ имъ друге лыце
 И друге вбраныя зелене.
 Повивъ у манастырь,
 Поставивъ у кружокъ:
 „Пизнавай сыну: де твоя?
 Угадаешъ,—твои будё,
 Не вгадаешъ,—
 Тоби день, мени ничъ,
 Тоби голова эъ пличъ“.
 Винъ перепускае нога черезъ ногу,
 Нога черезъ ногу;
 Прыйшовъ проты ини;
 Выбигла мышка зъ черевыка,
 Нихто й не вглядивъ, —тильки винъ
 „Оце, батюнка, моя“.
 „Ну, беры,—веды въ домъ“.
 Прыйшли вси въ домъ.
 Дае царь, трете лыце
 И червоне вбраныя на всихъ.
 Увивъ у манастырь;
 Поставивъ у кружокъ;
 Упхнувъ ёго въ середыну,
 „Угадай, де твоя?
 Угадаешъ,—твой,
 Не вгадаешъ,
 Тоби день,—мени ничъ,
 Тоби голова эъ пличъ“.
 Винъ якъ узявъ перепускатъ плече черезъ илеке!

Обійшовъ кругомъ
 Не пустыла сокола спидъ плеча.
 „А де, сынку, твоя“?
 — „Та постой“, каже;
 „Ше че пизнавъ“.—
 „Ну, пизнавай“.
 Обійшовъ и другой разъ:
 Перепуска плече черезъ плече;
 Такъ уже перепуска!
 Обыйшовъ до краю,—
 Не пустыла сокола.
 Ставъ—дума.
 «А де, сынокъ, твоя»?
 — «Не пизнавъ ще».—
 «Пизнавай»!
 Виять перепуска плече черезъ плече, —
 Трусытыца!
 «Отъ пропавъ»!
 Обыйшовъ одь краю до краю,—
 Не пускае сокола.
 Стоить, побиливъ якъ стина.
 «А що, сынок! Де твоя»?
 — «Нехай идуть съ кружка до дому!
 Я скажу на ходу де моя».
 Пустылъсъ иты въ дверы.
 Вона все огынае, все огынае!..
 З-заду, да з-заду!
 Доходить до дверей;
 Пустыла зъ пидъ правого плеча сокола.
 Винъ доганяе,—хватае,
 «Оце, тату, буде моя».
 — «Ну, бёры, тай веды, якъ твоя».
 Прыйшли до дому
 Розибрахъ;
 Тоди упизнавъ, що вона.
 Заразъ прызвавъ священыка зъ другои слободы;
 Перевинчавъ ихъ священыкъ у манастири;
 Отгулялы весилья.

Зоставля царь ихъ у себе на жытельство.
 Жывуть воны соби недилю;
 Жывуть и другу.
 Вона ему й каже:
 «Просыся у батька на Жовту косу
 На кутъ моря;
 Хай поставь тоби хатку,
 То мы будемъ тамъ мешкатъ.
 И помиваясь ему неводомъ рыбу ловыть,
 Жадного ранку на сиданьяни носыть».
 Любуетца царь у сыну
 И въ ёго кръныци
 И въ цебру, и въ зводу:
 Радуетца въ ёго огради, и въ саду,
 И въ манастири, и въ дзвиници.
 Просытца сынъ на Жовту косу
 На кутъ моря
 Поставь хатку,— тамъ мешкатъ,
 Неводомъ рыбку ловыть
 И царю на сиданьяни доставлять.
 Царь зъ радистю згодыся.
 Якъ узявъ ту хатку ставыть,
 То пыять мисицъ ставыть!
 «Шо якъ-бы тоби, сынокъ, оци хатку становыть?
 Ты-бъ іи за 'дну ничъ поставыть;
 Ну якъ я—такъ пыять мисицъ ставлю!»
 Выславъ ихъ туды мешкатъ;
 Приручивъ ёму два косяки коней глядить
 И шобъ ловыть неводомъ рыбку для жадного ранку.
 Жывуть воны й стараються:
 На жадень ранокъ завжде рыба е.
 Шо ранку слуги прыбигаютъ
 И Йваню звищаютъ,
 Шобъ нись батюсци рыбки на сиданьяни.
 Ходе разъ Иваня по двору
 Й гирько заплакаў!
 Жинка въ викно взглядила:
 Вхваталиши плече;

Ввела въ хату,
 Зачала пытать:
 «Признайся, другъ Иваню,
 Чого ты такъ гирко залакавъ?»
 Ивась не признаетъци.
 Вона ще дужче за ёго беретьци.
 Винъ и признался:
 Есть у мене отецъ и маты;
 Та тилько далеко!
 Видсль не выдаты!»
 — «Ты-бъ мени й давно такъ сказавъ!
 То вжѣ треба одѣ злыхъ духи въ утикаты!»
 Прыжены, Иваню, коней,
 Та зажены въ загинъ;
 Та бѣры стару кобылыци,
 Та веды ихъ до конюшни,
 Та дай имъ корму,
 Та цоготовъ на ихъ зброю, —
 Будемо у вечери втикаты».
 Прыготовыла харчи,
 А винъ посидлавъ кобылыци.
 Увъязалы харчъ въ торокы.
 Клыкнула ёго въ хату:
 „Илюй у табатырку“.
 Наплювалы винъ и вона.
 Поставылы табатырку на викно.
 Замкнулы двери;
 Сиды й поихалы.
 Иидуть цилу ничт.
 Уже й сонце сходе.
 Прибигаютъ слугы —
 Двери задерти.
 Озываютъца лидъ викно;
 „Ива-ня!
 Песы батюсьци рыбокы на блюдце“.
 — „Заразъ-заразъ“ ¹⁾!

¹⁾ Отвѣтъ изъ табатыркы рассказчикъ выговаривалъ такимъ тоненъкимъ и исклиннымъ голосомъ, какъ въ кукольномъ театрѣ го-

Побиглы слугы.
 Ждуть ждуть,—нема!
 Кричать царь:
 «Якъ вы будылы?!

Винъ цилу ничъ боятавсь у води,
 То спыть дуже!
 Чомъ вы ёго не забудыли»?
 Прибигаютъ слугы втрете:
 «Ива-ня!»
 — «Чо-го-о»?
 «Несы батюсьци ры-бки на блюдце»!
 «Заразъ-заразъ»!
 Ждуть-ждуть,—не 'дчины.
 Давай быть двери!
 Увійшли въ хату;
 Шукаютъ, нема!
 Шукаютъ на печи!..
 Шукаютъ по лидъ кроватю!
 Шукаютъ у комени!
 Шукаютъ скрізь!—Нема!
 Сталы середъ хаты:
 „Ива-ня“!
 А воно въ табатырци:
 „Чо-го-о“?
 „Несы батюсьци рыбки на блюдца“!
 — «Заразъ-заразъ»!
 Ажъ табатырка ходоромъ ходыть!
 Вглядилы та табатырку схватылы,
 Тай побиглы до царя.
 „Нема Йвася, нема й жинки, втеклы!
 А озвываетъца тильки табатырка на викни“!
 — „Летить же, — доганяйте ихъ“!
 А Ивась зъ женово далеко вже буля!
 Сонде спидъ обидъ,—

ворзить вмѣсто куколъ посредствомъ пищика. Даже еще больше тонень-
 кимъ и миниатюрнымъ голбомъ, если можно такъ выражаться, и при-
 томъ выговаривать скоро.

Глядь! — летить!..
 Перекинула вона кони полынемъ,
 А сама пшеницею,
 А Йвася зробила женцемъ
 И дала ёму серпъ у руки:
 „Ходы-жъ ты кругъ пшеници;
 Та не рижъ,
 А все нibly прымиряесь жать“.
 Добигаютъ симдесять симъ:
 „А здоровъ тоби, женче!
 Чы ты не бачывъ:
 Не ихалъ чоловикъ та жинка“?
 — „Ни“, каже, „бачывъ“.
 Каже „тоди якъ оцю пшеницию сіявъ“.
 „Ге-ге! Куды намъ ихъ догнать!“
 Колы сіявъ,
 А теперъ ўже треба жать!“
 Вернулись.
 Полынь ставъ конемъ,
 Пшеница молодыцею,
 А жнецъ ставъ молодецъ—
 Силы й поихали.
 Прыйгаютъ слуги до царя
 „Гонылысь-гонылысь,—не догнамъ!
 Тильки й найшли женъця.—
 Почынавъ жать пшеницию.
 Такъ мы ёго спыталы:
 Чы не бачывъ, шобъ ихавъ чоловикъ та жинка па-
     рою юнимы?
 Каже—бачывъ, поихали.
 Давно?
 Винъ сказавъ:
 Якъ пшеницию сіявъ.
 Куды-жъ намъ ихъ догнать
 Якъ уже почына жать“?
 — „А-аї, дурни вы, слуги!
 Було-бъ женъця звъязать,
 А пшеницию вырвать

Ото сами вони й булы!
 Бижить же!
 Якъ застанете,—ёго зв'яжить.
 А ишеници вырвить“.
 Прыйглы.
 Женця тепръ и ишеници не стало.
 Летять у погонь іце.
 А Ивась зъ жинкою далеко вже вихали
 Оглянулся,—бижатъ!
 Зробилась вона кръныцею,
 А кони вербами;
 Ёго зробила ченцемъ
 И дала ёму копаныцю,
 Шобъ винъ вкругъ кръныци обкопувавъ.
 Прыйгають слуги:
 „Здоровъ тоби, ченче!
 Шо ты робишъ“?
 „Та хочу кръныци підчынить;
 Зрубъ погнитъ“.
 „Чы ты не бачивъ,—
 Не ихали чоловикъ та жинка“?
 — „Ни“, каже, „бачивъ“?
 — „А давно-жъ ты ихъ бачивъ“?
 — „Якъ цю кръныцию робивъ изнову,
 То ихали чоловикъ та жинка“.
 — „Э-э—ге-е!..
 Годи намъ ихъ доганять!
 Колы цю кръныцию робивъ,
 А тепръ уже и зрубъ погнитъ“!
 Вернулись.
 Прыхали до царя.
 „Не найшли мы женця,
 Нема й ишеници,
 А гналися въ погонь,
 Та найшли тильки ченця
 Коло кръныци:
 Мы ёго спыталы:
 Чы не бачивъ, якъ ихавъ чоловикъ изъ жинкою?

И сказавъ – бачывъ.
 А давно?
 Тоди якъ кръныцю робывъ уновъ.
 Такъ годи-жъ намъ ихъ доганяты“!
 Царь сказавъ:
 А-хъ, дуракы вы, слугы!
 Годи вже вастъ посылаты!
 Треба самому политаты!
 Було-бъ вамъ ченъця звъязаты,
 Та 'дну зрубыну зорваты;
 Та вербы по гылочци зломаты!
 О-то саме воны й булы“!
 Якъ зънявсь!
 Якъ полетивъ самъ!..
 Ивась зъ жоною добираютъця вже до моря.
 Оглянутица,— летыть самъ!
 Воны пошвыдче къ морю,
 Пошвидче къ морю!
 Добиглы.
 Сталы кони землею,
 А вона вуткою,
 А винъ селезнемъ
 И поплывъ у море.
 Царь .роспалывсь!
 Угнавсь!
 Хотивъ ихъ на води похвататы;
 Воны стали у воду пирната.
 Якъ ухватыла вона ёго за ногы!
 Винъ уже до того,
 Шо стаў потопаты!
 Якъ вырвався на берегъ!
 Зачавъ землю рубаты
 И зачавъ ихъ кони пожыраты!
 „А-ай щаслыви жъ вы;
 Шо я въ другый разъ не полетивъ!
 Я-бъ вастъ не солячи поивъ“!
 Переплыни черезъ море,
 Виять ставъ молодцемъ,—

Вона молодыцею,
 И пишли по сухопутъю.
 Зійшли на батькове царство.
 Углядилы батькови дома пидъ самымъ золотомъ.
 „Дывысь, жено:
 То мого батька дома.
 Чы ты бачылъ“?
 — „Бачу“.
 „Слава Тоби Господы,
 Шо мы вырвались зъ нечыстого царства.
 Мижъ хрешеный мыръ“!
 Идуть далъше.
 Находить гурта
 „Чыи гурта“?
 „Ивана багача“.
 Находить отары.
 „Чыи отары“?
 — „Ивана багача“.
 Находить косаривъ.
 „Чыи косари“?
 — „Ивана багача“.
 Находить женыцивъ.
 „Чыи женыци“?
 — „Ивана багача“.
 „Оце, жинко, все мого отци“.
 „Слава Тоби, Господы!
 Ну шо-жъ, чоловиче.
 Якъ прыйдемъ до твого батька,
 То ты мене й забудешъ“.
 --- «Ни, не забуду».
 — «Ни, забудешъ».
 — «Ни, не забуду».
 «Ни, забудешъ».
 --- «Ни, не забуду».
 Дійшли до двора.
 Коло двора на горби велыкий молочакъ.
 Посидалы въ молочаци.
 «А нарядю я тебе салдатомъ,
 Шедешъ ты до своего отци:
 Чы тебе назнають отакъ»?
 Нарядыла ёго.

Винъ прыходыть у домъ.
 «Здрастуйте, старычо! поштенный!»
 — «Здрастуй, служивый». —
 «Дайте воды напитыця».
 — «А встань лышь; стара;
 Та дай салдатови поноисты;
 Винъ може исты хоче,
 Та пить просе».
 Стара встала,
 Найшла варенычківъ,
 Найшла й сметанки.
 Посадыла ёго вкинци столу.
 Сама лягла на полу.
 Старый сидыть, пылше вконци столу.
 Салдатъ нагривсь;
 Розстебнувшись и нахыльвшись, —
 Исть соби;
 Пазуха разгорнулася.
 Стара й взглядила звізду на грудяхъ;
 Схопылася.
 Ходе по хати;
 Руки ломе:
 «Охъ!.. Охъ! О-о-хъ!
 О-о-хъ! О-о-о-хъ!
 Ста-рый! .
 Ста-ры-й!
 Ста-ры-ы-й!..
 Иды лынъ у сины» ¹⁾...
 — «Та чого ты тамъ розстогналася?»
 Выйшовъ у сины.
 «Ста-рень-кий, ды-высы!..
 Оце наша ды-тына прыйшла,
 А ты й не ба-чыши!
 Оесь иды, лышень, по-ды-вы-ся!
 Я й звізду на грудяхъ взглядила!»
 Старый пидходе до столу.
 Якъ ухопитыця за голову!..
 Якъ закричать обое!..
 Сынъ якъ прыскочить до ихъ!..

¹⁾ Слова старои разказчикъ выговариваль тихимъ и отчасти какъ-бы страдальческимъ голосомъ.

Обцидувавъ ихъ!..
 Облобызувавъ!
 И розбакавъ!
 Розибрали ёго.
 Найшли на ёго вѣрвьня дороге,—
 Перебрали.
 Засыла багачъ листы:
 По панахъ,
 По князяхъ,
 По поцахъ—
 Прыхатъ на пыръ!
 Прыйшовъ гость дорогий,
 Сынъ явився!
 Зачали триди пыть и гулять.
 Зачали Йвася сватать.
 Найшли ёму паночку,
 Посватали.
 Зачали свадьбу гулять.
 Найшли стару бабку,—
 Такъ виспа морду й зрила!—
 Сами ямки!
 Та проты неи «штряпухы» не було,—
 Панськои стравы заготовыты.
 Зачали поратьця:
 Та борошно сіе,
 Та дижу мисыть!—
 Вона тильки порядокъ дае.
 Досталось главній «штряпуси»
 Побигти воды прынести.
 Поненъ дверъ!
 Музыка грае!
 Стала вона за дворомъ воду братъ,
 Гляне въ колодязь на тинь,—
 Ажъ нема кращои й у съвити людина,
 Якъ та тинь у колодязи!
 То була тинь Йвасевої жинки.
 Вона сидила въ молочади, сидила,—
 Шиша подывытыця на весилья.
 Дійшла до двору;
 Ничого невыдко за стиною!
 Такъ вона взяла,

Тай злизла на вербу,
 Шо надъ колодяземъ росла,
 Тай дывытьца зъ тои вербы въ двирь.
 «Штряпуха» углядивши гарну тинъ въ колодязи,
 Подумала, шо то ии.
 Набрала воды въ видра;
 Якъ приблизыть передъ музыки,
 Якъ хряпне видра объ землю!
 Якъ пиде танцоваты!
 «Отъ, чорты ёго батька зна,
 Яка я красавыця,—
 Тильки-бы мене за молодого замижъ и браты»!
 Повыбигалы паны—
 Регочутъ!
 «Што ты, бабусю, робынть?!

-

Образумся!
 Иды въ свое дило!
 Годи вже тоби дурить».
 Насылу отакувалы бабу!
 Пишла въ свое дило.
 Молоди сидять,
 Княжжютъ за столомъ.
 А Ивасева жинка звыла два голубы на верби,
 Тай послала въ хату.
 Улетили въ хату голубы,
 Тай литають поверхъ головъ;
 То ва шахви,
 То на груби сядуть,
 Та все буркотять:
 «Казавъ не забуду,
 Тай забувъ!»
 Казавъ не забуду
 Тай забувъ¹⁾!
 А Ивась сидивъ-сидивъ,
 Тай задумавсь.
 «Що це я роблю?!

—

У мене-жъ жинка не така, якъ це»!
 Якъ здумавъ свою жену,—

¹⁾ Эти слова рассказчикъ выговаривалъ глухимъ и тихимъ голосомъ и нараспѣвъ, подобіе того, какъ голуби гудуть.

(Прыйшлось по мысли),
 Якъ скочивъ черезъ стілъ!
 Та зъ хаты!
 Выбигъ за дверь!
 Тамъ уже жинка ѹго пїймала
 Та въ молочаци Й отакувала.
 Паны Й князи зъ двора розбигаютьця!
 Батько Й маты тужить!
 «Розбылось весилья
 Й потерялы свое сокровище!»
 А Ивась зъ женою идуть,
 За ручки побравишись;
 Ввїшли въ дверь,
 А зъ двора въ домъ:
 «Здрастуйте, тато и мамо!
 Ось де моя жена!»
 Батько и маты зрадили,
 Панивъ завертають.
 И вигъять иочатый ныръ продовжаютъ.
 Съ того часу стали жить пожыватъ.

(Продолженіе смѣдуетъ).

Михаилъ Петровичъ Старицкій.

(Памяти товарища).

— — — — —

Такъ недавно, 16-го апРеля, провели мы до могилы доро-
гого товарища, Михаила Петровича Старицкаго. Зная о давней
тяжкой болѣзни покойнаго, о тѣхъ ужасныхъ сердечныхъ при-
падкахъ, которыми онъ страдалъ и которые такъ усилились въ
послѣднее время, можно было опасаться скораго рокового конца;
но въ то же время можно было еще надѣяться, что сильный отъ
природы организмъ снова,—какъ это много разъ бывало,—побо-
реть жестокіе приступы болѣзни; наступившая, паконецъ, весна,
дѣйствительно, какъ бы оживила силы М. П.—ча,—но это ожив-
леніе оказалось похожимъ на послѣднюю вспышку угасающей
лампады... Послѣ иѣкотораго улучшенія, наступило такое ухудше-
ніе дѣятельности сердца, что никакія чрезвычайныя медицинскія
мѣры уже не дѣйствовали, и 14-го апРеля Михаилъ Петровичъ
скончался, среди своей семьи, на рукахъ нѣжно любимой и нѣжно
любящей дочери Людмилы.

Мы опустили дорогого товарища въ могилу, но образъ его
остался живымъ передъ нашими мысленными очами. Живъ его
образъ и живо все то, что онъ сдѣлялъ для Украины.

Конечно, если вообще вѣрно, что не надѣть сбѣжей могилой
произносить судь всѣхъ дѣлъ умершаго, то тѣмъ болѣе это можно
сказать въ настоящемъ случаѣ. Дѣятельность М. П. Старицкаго

такъ обширна и многообразна, что лишь будущій изслѣдователь можетъ вполнѣ оцѣнить ее и разобраться въ ней.

Но все же и въ ближайшее время на страницахъ «К. Ст.» долженъ появиться хотя общій обзоръ жизни и труда такого крупнаго дѣятеля, какимъ былъ Михаилъ Петровичъ. Если эту задачу беру на себя именно я, то это объясняется тѣмъ, что мнѣ не только хочется сдѣлать общее опредѣленіе дѣятельности М. Петровича, но также сообщить тѣ біографическія свѣдѣнія о немъ, которыя могутъ быть мнѣ известны за многіе годы (за цѣлый 40-лѣтній періодъ!) нашей близкой, товарищеской дружбы. Я не могу иначе выразиться, такъ какъ, помимо той симпатіи, которую возбуждала во всѣхъ, знаяшихъ М. П.—ча, свѣтлая личность его,—самая дружба моя съ М. П. возникла на почвѣ литературной и виродолженіе всего указанного времени была тѣсно скрѣплена именно товариществомъ, т. е. тѣснѣмъ общеніемъ нашихъ писательскихъ интересовъ, которые одиаково занимали, волновали папи души и были неразрывно связаны съ нашимъ посильнымъ литературнымъ трудомъ. Сама жизнь складывалась такъ, что постоянно сближала насъ, если даже случалось, что обстоятельства бросали насъ въ разныя стороны. Поэтому мой очеркъ дѣятельности М. П. неизбѣжно будетъ переплетенъ моими личными воспоминаніями.

Судьбѣ угодно было, чтобы мнѣ стало известно имя М. П., какъ своеобразного поэта, еще раньше моего знакомства съ нимъ. М. П. былъ товарищемъ моихъ братьевъ,—родного, М. П. Драгоманова, и двоюроднаго, Н. М. Шульженка,—по полтавской гимназіи. Не помню, кѣмъ именно изъ нихъ, были однажды привезены на каникулы, въ нашъ родной полтавскій Гадячъ, стихи, о которыхъ братья говорили, что они написаны ихъ товарищемъ, Старицкимъ. Привезенное стихотвореніе, читавшееся па память, было юмористического характера, касалось какой то гимназической злобы дня, благодаря чему, б. м., и пріобрѣло особую популярность. О товарищѣ Старицкомъ братья добавляли, что онъ и вообще «пишетъ стихи». Эти, какъ шутливыя, такъ и серьезныя,

пробы М. П.—ча сочинялись на русскомъ языке, что вполнѣ естественно, такъ какъ память и воображение тогдашнихъ гимназистовъ, въ томъ числѣ и полтавскихъ, были всецѣло заполнены русской поэзіей, въ образцахъ писателей Пушкинского периода.

Въ этой сферѣ и началось авторство М. П.; на эти струны отклинулись впервые его поэтическое вдохновеніе и способности поэта-стихотворца.

Повидимому, лишь поступивши въ харьковскій университетъ, въ особенности перебравшись въ Кіевъ, М. П. воспринялъ, какъ тогда говорили, «украинофильское» вліяніе, которое освѣтило извѣстной сознательной идеей съ дѣтства пріобрѣтенное въ полтавскихъ селахъ¹⁾ знаніе украинскаго языка, возбудило желаніе писать именно на этомъ языке;—и этому желанію, этому страстному влечению поэтическая муз Мих. Петровича осталась вѣрою уже навсегда, до когда его жизни.

Мое первое личное знакомство съ М. П. Старицкимъ произошло уже въ этотъ, совершенно опредѣлившійся периодъ его украинского авторства. Это было въ Кіевѣ, весною 1865 г.

Я была ученицей уже предпослѣдняго класса, кіевскаго «Образцового пансиона для благородныхъ дѣвицъ»²⁾, и такъ какъ мой братъ, Мих. П. Драгомановъ, былъ уже тогда женатъ (и быть даже у насъ учителемъ), то меня отпускали изъ моего полузакрытаго заведенія къ нему въ гости, по праздникамъ. Конечно, такие отпуски къ брату и его женѣ, которая тоже очень меня любила, были для меня двойнымъ праздникомъ!

У брата и его жены бывало очень много знакомыхъ, товарищѣ брата и др. Однажды явился въ эту скромную, но развшинную квартиру, на тогдашней Жандармской улицѣ³⁾, и М. П.

¹⁾ М. П. Старицкій родился въ селѣ Клищинцяхъ, золотоноскаго уѣзда, а потомъ жилъ въ кременчугскомъ уѣздѣ.

²⁾ Частное заведеніе, среднее между институтомъ и позднѣйшими гимназіями.

³⁾ Тогдашняя Маринско-Благовѣщенская.

Старицкій. Мнѣ онъ показался «пріїзжимъ»; во всякомъ случаѣ весною 1865-го года я видѣла его первый разъ. Его эффектная фигура сразу обращала на себя вниманіе, къ тому же онъ былъ въ очень красивомъ украинскомъ нарядѣ (роскошно вышитой сорочкѣ, жупанѣ и пр.).

Михаиль Петровичъ принесъ моему брату показать свои украинскіе переводы. Читать ихъ перешли въ кабинетъ. Привлеченія необычайной декламаціей, я тоже проникла въ кабинетъ... По окончаніи чтенія, гость и хозяинъ что-то говорили; я слушала,—конечно, молча, сидя въ сторонкѣ.—А вамъ нравятся эти стихи?—спросилъ меня М. П. Старицкій.—Да, отвѣтила я,—они такие необыкновенные.—Оба Михаила Петровичи разсмѣялись. Между тѣмъ, стихи Лермонтова, Мицкевича, Байрона—по украински, въ *тогдашнее* время, могли показаться «необыкновенными» не только юной «пансіонеркѣ», но и представителю болѣе серьезной публики, болѣе знакомой съ литературой. Послѣ этого, когда М. П. Старицкій приносилъ свои пробы, онъ шутя приглашалъ и меня:—«хотите послушать „необыкновенные“ стихи?..

М. П. Старицкій бывалъ у Драгомановыхъ часто, такъ какъ онъ поселился въ Кіевѣ, съ женой, тоже скоро подружившейся съ семьей моего брата; Софія Вит. Старицкая оказалась моей товаркой, такъ какъ одно время она тоже была въ нашемъ «Образцового пансіонѣ»—и осталась для меня «Соней Лисенко»¹⁾.

Въ 1866 году Старицкіе поселились уже въ одномъ домѣ съ моимъ братомъ, гдѣ остались и на другую зиму—1867-го и 68-го годовъ. Обѣ квартиры соединены были даже однимъ внутреннимъ ходомъ, такъ что сообщеніе между ними было постоянное,—иногда нельзя было даже разобрать, кто къ кому приходилъ, такъ какъ гости Старицкихъ переходили къ намъ, а наши переходили къ Старицкимъ. Во флигелѣ,—того же двора Войцеховскаго на Жандармской улицѣ,—жилъ также, въ зимній сезонъ 1866-го и 67-го года, Н. В. Лисенко. Такъ какъ у Драгомано-

¹⁾ Софія Витальевна вышла замужъ очень рано, 16-ти лѣтъ.

выхъ было фортепьяно, то компанія собиралась больше у нихъ. Этому фортепьяно было много работы!.. Много на немъ играли, много подъ его акомпаниментъ пѣли!.. По этому поводу у меня невольно встаетъ въ памяти одно забавное обстоятельство: подъ это фортепьяно, подъ его звуки пѣлась цѣлая шутливая «опера», текстъ которой касался тогдашней литературной, календарно-издательской злобы дня, а музыкальные мотивы были подобраны къ нему изъ итальянскихъ оперъ, очень популярныхъ тогда въ Киевѣ, такъ какъ едва ли не впервые гостила тогда въ Киевѣ цѣлый сезонъ итальянская оперная труппа. Я не знаю, кто именно былъ творцемъ этого юмористического текста (на русскомъ языке), но въ Киевѣ приписывали его обитателямъ дома Войцеховскаго; «опера» была очень остроумна и пріобрѣла очень большую популярность далеко за предѣлами Жандармской улицы: ее пѣли не только на Новомъ Строеніи, но и въ салонахъ Липокъ; по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени спустя, мнѣ пришлось слышать ее (уже на Волыни) отъ пріѣзжаго изъ Киева свѣтскаго гостя, Вл. М. Юзефовича.

Фортепьяно Драгомановыхъ служило въ зиму 1866-го и 67-го года и для первой большой работы Н. В. Лисенка, когда онъ приходилъ изъ своего флигеля къ Драгомановымъ работать надъ переложеніемъ на ноты мотивовъ первого своего сборника «Украинскихъ писень». На столѣ въ гостиной Драгомановыхъ Лисенко писалъ, а на фортепьяно пробовалъ, дополняль свою работу. М. И. Старицкій тоже иногда присаживался къ фортепьяно. Онъ обладалъ хорошимъ слухомъ, тонкимъ пониманіемъ музыки, обладалъ также нѣкоторой «любительской» техникой и могъ подбирать акомпаниментъ къ нравившимся ему пѣснямъ и романсамъ. Изъ русскихъ романсовъ онъ особенно любилъ и часто пѣть у насъ «Не отходи отъ меня»; нѣжная, пѣвучая мелодія этого извѣстнаго (особенно тогда) романса навсегда осталась въ моей памяти неразрывно связанной съ образомъ Мих. Петровича.

Пѣніе, музыка не только не мѣшиали, а какъ бы способствовали литературнымъ начинаніямъ дружескаго кружка, ютив-

шагося во дворѣ Войцеховскаго. Будущіе біографы будутъ разбираться, кто изъ друзей оказывалъ на другого больше вліянія... Трудъ едва ли исполнимый въ точности! Они взаимно одушевляли и дополняли одинъ другого. Можетъ быть, у М. П. Драгоманова было больше трезвой ідейности, меныше украинско-лирической экспансивности; въ семье М. П. С. былъ въ большемъ ходу народный языкъ, больше соблюдался, такъ сказать, вицьній украинскій декорумъ (не даромъ мнѣ помнятся до сихъ поръ жуаны М. П. Старицкаго и бѣлыя свиточки, кожушанки его жены); Н. В. Лисенко чаровалъ всѣхъ пѣснями. Но и М. П. Драгомановъ не хуже зналъ и не меныше любилъ родную, органически близкую ему украинскую рѣчь и пѣсню, заботясь о томъ, чтобы занятія ими принимали плодотворныя и по возможности научныя формы. Въ свою очередь на него, живо увлеченаго общимъ теченіемъ русской жизни, общимъ направленіемъ передовой русской мысли, не могла не оказывать конкретнаго, заполоняющаго душу вліянія та, если можно такъ выразиться, стихійная сила и сфера «украиницы», съ которыми онъ постоянно соприкасался при указанномъ близкомъ общеніи съ семьей М. П. Старицкаго и Н. В--чемъ Лисенкомъ.

Да, можно съ увѣренностью сказать одно: этотъ періодъ, прожитый въ такомъ близкомъ общеніи тремя друзьями-полтавцами, оставившими такой большой слѣдъ въ культурной исторіи Украины, имѣть большое значеніе для нихъ и для ихъ дѣла.

М. П. Драгомановъ настоящъ, чтобы сборникъ «Украинскихъ писень» былъ взятъ Н. В. Лисенкомъ, при отъездѣ его за границу (въ Лейпцигскую консерваторію),—для непремѣнного изданія его возможно лучше тамъ. Съ М. П. Старицкимъ обсуждались сообща планы новыхъ литературныхъ работъ.—Невольно приходитъ на память образъ еще одного близкаго къ М. П. Драгоманову лица, стихійно-украинского земляка изъ Гадяча, И. Я. Рудченка, жившаго тоже въ эти годы въ домѣ Войцеховскаго и приготовившаго подъ руководствомъ М. П. Драгоманова систематические сборники укр. сказокъ и чумацкихъ пѣсень.

Весною 1868-го года М. П. Старицкій былъ особенно занятъ дополнительными переводами сказокъ Андерсена-- и по-виду ихъ втянуль въ укр. писательство и меня. Я была тогда уже «на свободѣ», такъ какъ еще въ 66-мъ году окончила свое ученье; нѣкоторое время я прожила у матери, въ Гадячѣ, (въ нашемъ чудномъ Драгомановскомъ дворѣ!), теперь же, съ зимы 1867-го года, я снова жила въ Кіевѣ, въ семье брата, дополняя свое образованіе разными мудрыми книжками, которыхъ тогдашняя «передовая» дѣвица должна была прочесть. О писательствѣ, признаться, я тогда совершенно не думала. Моей первой литературной работой (весною 1868-го г.) была случайная компиляція одной французской статьи, которую мнѣ указалъ въ *Revue des deux Mondes* братъ; онъ же и пристроилъ мой фельетонъ въ *«Штерб. Вѣдом.»*. Несказанна была моя радость, когда я увидѣла свою работу въ печати и даже получила за нее отъ редакціи *«Н. В.»* гонорарь! Мое торжество, конечно, сдѣлалось извѣстно обитателямъ другой половины дома. Но тутъ М. П. Старицкій, какъ я сказала, занятый тогда переводами сказокъ Андерсена для изданія цѣлаго сборника ихъ, «напалъ» на меня, чтобы я тоже попробовала переводить, хотя бы того же Андерсена, по-украински. Сколько я ни отговаривалась, что я не смогу хорошо сдѣлать этой работы (такъ необычной и трудной казалась она для меня!), М. П. Старицкій очень ободрялъ меня, увѣряя, что вѣдь укр. языкъ для меня родной, что я такъ хорошо говорю на немъ, и наконецъ, чтобы вѣрнѣе занять меня указываемой работой, купилъ и подарилъ мнѣ томикъ, въ красивомъ переплѣтѣ, сказокъ Андерсена на французскомъ языкѣ, увѣряя, что мнѣ гораздо легче будетъ переводить съ языка чужого, чѣмъ если бы я попробовала переводить съ русскаго. Двѣ сказки, наконецъ переведенные мною изъ подаренной книжки, привели М. П. Старицкаго въ восхищеніе. Послѣ я убѣдилась, что если М. Петровичу нравилось чье-либо писанье, то всегда нравилось чрезвычайно!.. Это объясняется какъ увлекающейся натурой его, такъ въ добавокъ тѣмъ страстнымъ желаніемъ, которое онъ всегда имѣлъ, чтобы увеличился кругъ пишущихъ по-украински.

Увы! моимъ переводамъ съ Андерсена не суждено было увидѣть свѣтъ... Лѣтомъ 1868-го года, по выходѣ замужъ, я уѣхала на Волынь и хотя тамъ, ободренная похвалами М. П. Старицкаго, продолжала переводить изъ подаренной имъ книжки и перевела 10 сказокъ, но злая судьба жестоко пошутила надо мной: когда я въ первый же разъ на Рождествоѣ хала «въ гости» изъ волынскаго Звягеля въ Киевъ и взяла свои переводы, чтобы показать ихъ М. П. Старицкому и брату,—я потеряла ихъ, выронивши изъ своихъ вещей въ дорогѣ, гдѣ-то на, щоссе подъ Киевомъ, подъ самыми «Тріумфальными воротами»!... (Желѣзной дороги вѣдь тогда еще не было и приходилось долгій путь хать на лошадяхъ). За вторичный переводъ сказокъ Андерсена мнѣ уже какъ-то трудно было заставить себя взяться,—и, спустя нѣсколько лѣтъ, лишь хорошенъкія илюстраціи въ красной съ золотомъ книжкѣ стали любимыми картинками моихъ дѣтей.

Михаиль же Петровичъ Старицкій, хотя тоже уѣзжалъ изъ Киева, купивши имѣніе въ Подолії, но выбранныя имъ сказки Андерсена перевелъ и, послѣ того какъ иѣкоторые изъ нихъ нечатались въ галицкой «Правдѣ», издалъ ихъ въ Киевѣ, съ картинками кіевскаго художника Мурашка.

Это было въ 1873 г., когда М. П. Старицкій былъ уже извѣстенъ въ литературномъ кругу—и стихотворными переводами, и драматическими пробами. Всё, что онъ успѣлъ напечатать, включая и сказки Андерсена, было замѣчено не только своими, но и врагами, которые тоже усмотрѣли въ М. П. Старицкому крупного работника, выступившаго на убогой тогда нивѣ украинской литературы, и не преминули направить въ него свои колючія критическія стрѣлы. Допускаю, впрочемъ, что критики враждебнаго лагеря,—безотносительно къ тому, что считали себя стоящими «на стражѣ», обязанными обляять всякаго вновь выступающаго украинскаго писателя,—были въ значительной долѣ искрени въ своихъ недоумѣніяхъ и порицаніяхъ того, что выходило изъ подъ пера М. П. Старицкаго. Его переводы, самая тенденція въ выборѣ ихъ, а также языкъ переводовъ, были слишкомъ смѣлы, какъ говорили критики—«дерзки». Въ самомъ дѣлѣ, братъ, тогда

для переводовъ по-украински—стихи Лермонтова, Байрона, художественные сказки европейской знаменитости! Это ли не дерзость? Притомъ употреблять не простой языкъ, которымъ говорить «малороссъ-простолюдинъ», а употреблять какие то неологизмы, «скованные» парочито! Да вѣдь это не только смѣшная претензія, это просто преступленіе!—Такъ думали, совсѣмъ искренно, многіе,—и чужіе, и даже «свои»...

Да, при появленіи въ свѣтъ переведенныхъ М. П. Старицкимъ стихотвореній и сказокъ Андерсена, чужіе—ругались, насмѣхались, не щадя автора, свои—огорчались, тоже высказывая неодобрение... Минѣ живо помнится, какъ, вскорѣ послѣ выхода въ 1873 г. сказокъ Андерсена въ переводѣ М. П. Старицкаго, мнѣ пришлось, въ одинъ изъ моихъ прѣѣздовъ въ Кіевъ, слышать въ тѣсномъ кругу почитателей украинской литературы рѣзкое порицаніе перевода Старицкаго, именно за «кованныя» слова. Предположено было выразить М. П. Старицкому совершенно опредѣленное неодобрение и заявленіе, что «такъ нельзя», что его литературные новаторства *вредны* для нашей литературы, такъ какъ открываются ей ложный путь!

Между тѣмъ, путь, по которому пошелъ М. П. Старицкій въ своихъ сочиненіяхъ и переводахъ, былъ логически неизбѣженъ. Потребность въ расширеніи рамокъ нашей литературы назрѣла. Еще Кулишъ въ Запискахъ о Ю. Руси высказалъ болѣе широкое понятіе о національности, національномъ творчествѣ, выводя его изъ тѣсныхъ предѣловъ *простонародности* и называя поэтовъ-писателей продолжателями кобзарей и лириковъ въ дѣлѣ народного самосознанія и творчества. Признакомъ *національной* литературы Кулишъ считалъ извѣстная общія характерныя черты, духъ творчества, а не строго ограниченныя формы творчества и его выраженія. Соответственно такому взгляду, долженъ быть отойти въ область пережитаго—тотъ періодъ, когда наши старые писатели, какъ Метлинскій, Забѣла и др., старались писать только въ народномъ стилѣ, какъ бы поддѣлываясь подъ складъ народной пѣсни, начиная съ пѣсенпаго размѣра стиха и кончая отдѣльными «чисто народными» выраженіями и словами. Отдавали

значительную дань творчеству пѣсенного типа (включительно до сочиненія думъ,— какъ можно думать, лишь выданныхъ за народныя, кобзарскія), Кулишъ, чѣмъ дальше, все болыше пробуетъ иные мотивы, такъ сказать — поэзіи интеллигентной, вводя также и иеологизмы (которые мы встрѣчаемъ уже въ его переводѣ Іовѣ).

Старицкій попель по новому пути гораздо рѣшительнѣе — и, какъ слѣдуетъ думать, не потому, чтобы ему не давалось творчество въ народномъ духѣ: среди его болыше давнихъ стихотворныхъ опытовъ находимъ, напр., слѣдующее прекрасное стихотвореніе, написанное размѣромъ и складомъ народной пѣсни:

Охъ, и де ты, зиронько,
Та вечирняя?
Охъ, и де ты, дивчино,
Щыро-вирная?
Чы кому зорять теперь
Яспи оченьки
У садочку пышиному
Середъ поченьки?
Чы кому всмихаются
Пышин вустоныки?
Чы гаптуютъ рученьки
Били рученьки² и т. д.

Очевидно, что въ этомъ же родѣ Михаилъ Петровичъ могъ бы написать и многія другія стихотворенія («Увѣряю вѣсть, что этотъ родъ даже гораздо легче», — не разъ говорилъ онъ); но Михаилъ Петровичъ умышленно желалъ брать другія темы и другія формы творчества, имѣя цѣлью способствовать выведенію украинской литературы на болыше широкій путь. Отсюда прежде всего являлось намѣреніе дать украинской литературѣ, въ видѣ перевѣдовъ, образцы избранныхъ произведеній лучшихъ европейскихъ поэтовъ. Соответственно такой тенденціи Михаила Петровича, долженъ быть, — сравнительно съ приведеннымъ его стихотвореніемъ въ народномъ стилѣ, — получить новые особенности и

языкъ послѣдующихъ его сочиненій, въ особенности переводовъ, дѣлясь именно языкомъ *литературнымъ*. Это было,— какъ бываетъ во всѣхъ литературахъ,— явленіемъ совершенно логическимъ, законнымъ; но,— странное дѣло,—то, что являлось естественнымъ и законнымъ въ литературахъ иныхъ, казалось очень странной, неумѣстной, почти преступной ересью для *нашой* литературы! Совершено забывалось положеніе, что всякий народный языкъ не есть иѣчто неподвижное, окаменѣлое, что формы языка мѣняются, развиваются, что сообразно тому, какъ расширяется кругъ понятій, расширяется и кругъ ихъ выраженія словомъ; забывалось, что такимъ образомъ и создается языкъ литературный.

Затѣмъ, точно не хотѣли помнить наши критики, что нигдѣ литературный языкъ не являлся сразу готовымъ, какъ Наплата изъ головы Зевса, что вездѣ опять *создавался* постепенно и что писателямъ, трудившимся въ другихъ литературахъ надъ *выработкой* литературного языка, ихъ дѣятельность вмѣнялась имъ не въ вину, а, напротивъ, въ заслугу. Забывалось также, что лишь время, продолжительность употребленія неологизмовъ литературныхъ, давая имъ право существованія въ литературѣ, заставляетъ читателей постепенно даже забыть то, что данныя выраженія и слова были въ свое время «скованы»; забывалось, что многія слова въ русскомъ литературномъ языкѣ, если внимательнѣе вслушаться въ нихъ, представляютъ собою не болѣе какъ переводы иностранныхъ выражений съ помощью славянизмовъ, при чемъ всѣ эти «междометія», «возникновенія», «сверхъестественности» даже гораздо дальше отъ *народнаго русскаго языка*, чѣмъ предлагавшіеся неологизмы въ литературѣ *украинской* отъ *народнаго языка украинскаго*. Въ самомъ дѣлѣ, что ужъ такое ужасное, несообразное съ формами и корнями нашего народного языка представляли собою слова, вводившіяся М. П. Старицкимъ?! Это были въ сущности очень простыя, вовсе не громоздкія (по сравненію съ приведенными словами, къ которымъ у насъ привыкли еще съ Ломоносовскаго периода) производныя отъ вѣрныхъ словъ языка *народнаго*, напр. прилагательная отъ

употребляемыхъ напимъ народомъ существительныхъ, произведенія совершино по тому же типу, какъ производить ихъ народъ.

Я приведу одно стихотвореніе М. П. Старицкаго (оригинальное), въ своемъ родѣ «историческое», такъ какъ изъ-за него тоже падъ споръ,—теперь малопонятный...

B e n e r d.

(Посвящ. О. П. Д—вій).

Уже за маева червони
 На спочывъ сонце порына,
 Темніе синя пелена,
 Туманомъ крѣ оболони
 И вечиръ землю обнима;
 За нимъ ось лыне ничъ сама
 И сіе скрізъ чудови зори
 На неомирянімъ простори...
 О пышно-дывна! Лынь хутчій,
 Зъ своимъ дыханіямъ пестовлывымъ,
 Зъ своимъ утомомъ чаривлывымъ
 И тыху лагоду навій
 Нужденымъ душамъ сыротлывымъ,
 Та серце стомлене у-край
 Мовъ ненька та заколыхай!

Пожалуй, теперешній читатель и любитель украинской литературы будетъ даже недоумѣвать, что же такое особенно смѣлое по части языка, неологизмы представляютъ собою это стихотвореніе? Казалось бы, ничего особеннаго: есть въ нашемъ народномъ языкѣ «нестощи», «пестыты», «чары», «чаруваты», почему не быть словамъ «пестовлывый», «чаривлывый», съ флексіями, совершино естественными и обычными въ украинской народной рѣчи.—Но такъ можетъ казаться теперь; а тогда (стихотвореніе принадлежитъ къ первому періоду писательства Михаила Петровича), оно казалось для многихъ просто еретическимъ. «Ковалыство», «невозможное ковалыство!»—говорили объ этомъ и подобныхъ ему стихотвореніяхъ чужіе и свои. Этого

осуждения было достаточно, чтобы стихотворение потеряло въ глазахъ критиковъ все свое достоинство проникнутаго поэзіей лирическаго произведения, какимъ оно могло быть съ удовольствиемъ отмѣчено въ любой литературѣ. Но это могло быть въ другой литературѣ,—у насъ же тогда о подобныхъ стихотвореніяхъ говорили: намъ не нужна «литературщина»! Цѣнился только «щыро-народній» стиль, «щыро-народній» лексиконъ.

М. П. Старицкій очень огорчался насмѣшками, упреками чужихъ и своихъ, но твердо шелъ по своему пути,—дѣйствительно, новаторскому.

Кромѣ области стихотворной,—лирической и иной,—Михаила Петровича съ давнихъ порь занимала мысль о нашей драматической литературѣ, о ея бѣдности, о необходимости ея пополненія. Дѣйствительно, весь нашъ драматический репертуаръ исчерпывался тогда нѣсколькими пьесами, которая можно было перечесть по пальцамъ. Если затѣвался любительскій украинскій спектакль, который иногда устраивала въ Киевѣ молодежь,—что можно было поставить?.. Если не «Нат.-Полтавку», то «Назара Стодолю», «Гаркушу», «Чорноморській побѣтъ».... (Пьесы Квитки¹⁾ не были популярны въ Киевѣ). Оставался еще «Москаль-Чаривныкъ» и нѣсколько другихъ одноактныхъ водевилей (изъ которыхъ предпочтительнѣе прочихъ былъ—«Кумъ-Мирошныкъ»...). Очень естественно поэтому, что М. П. Старицкій, большой любитель театра, желалъ приложить свой трудъ къ пополненію такого убогаго репертуара. Еще въ 60-ые годы составилъ онъ планъ драмы (называвшейся «Панське болото»), изъ жизни смѣшаннаго круга, народнаго и интеллигентнаго, на тему явившагося тогда народничества, имѣвшаго свои свѣтлыя, но и свои темныя стороны. Михаиль Петровичъ говорилъ мнѣ, что основная фабула драмы (неудачно окончившагося романа панича-народника съ сельской дивчыной) взята была имъ изъ близкаго ему панского круга. Кромѣ того, также еще въ 60-ые годы, Михаиль Петровичъ началъ писать либретто оперы «Гаркуша» (къ музыкѣ Н. В. Ли-

¹⁾ Шельменко-деньщикъ, Щыра любовъ.

сценка). Но опера была, повидимому, слишкомъ большими предпріятіемъ, особенно если приходилось имѣть въ виду для оперы украинской лишь любительскія силы. Для этихъ силъ, группировавшихся въ Кіевѣ вокругъ Н. В. Лисенка и М. П. Старицкаго, признана была, конечно, болѣе подходящей—оперета. Первой такой оперетой, съ обработкой текста М. П. Старницкимъ (на сюжетъ Кухаренка), съ музыкой Лисенка, явились «Чорноморци». Первыхъ постановокъ этой пьесы любителями—я не видала.

Затѣмъ, болѣе обширнымъ драмат. трудомъ М. П. Старнгоявился текстъ «музыкальной комедії» «Риздвяна ничъ», съ музыкальными номерами Лисенка. «Риздвяна ничъ», какъ пьеса совсѣмъ новая, должна была обратить на себя большое вниманіе. Уже пробный спектакль (съ представлениемъ всего 2-хъ дѣйствій пьесы), а затѣмъ репетиціи въ частной квартирѣ друзей Лисенка и Старицкихъ, г-жъ Линдфорсъ, живо интересовали весь пашъ украинскій литературно-артистической кругъ И музыканты, и пе музыканты ходили посмотреть, послушать новую пьесу, высказывая свои соображенія. Самъ же М. П. Старицкій былъ просто поглощенъ репетиціями. Но самая постановка «Риздвянной ночи» на большой сценѣ въ оперномъ театрѣ подняла интересъ къ ней до чрезвычайной степени. Къ первому представлению «Риздвянной ночи» явилось много прѣзжихъ приверженцевъ изъ «пропинціи»; прѣѣхали и мы съ мужемъ изъ Волыни.

Спектакль этотъ былъ какимъ-то національнымъ торжествомъ. Пріемъ пьесы публикой былъ восторженный—и пьеса того заслуживала. Кромѣ совершенно новыхъ музыкальныхъ номеровъ, чаровавшихъ насть красотою мелодіи, кромѣ сценичности и разнообразія содержанія текста,—сценъ комическихъ, чередовавшихся съ серьезными, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе производила сцена (цѣлое дѣйствіе) съ запорожцемъ Пацюкомъ, превращеннымъ Старицкимъ въ идеяного патріота,—кромѣ всего этого, очень хорошо было и самое исполненіе этой «музыкальной комедіи» ¹⁾. Минь

¹⁾ Название это вполнѣ соответствовало, такъ какъ музыка входила въ пьесу лишь отдельными номерами; въ остальномъ это была бытовая пьеса.

приходилось видѣть потомъ «Риздвяну ничъ» уже въ видѣ оперы, исполнявшейся оперной труппой (въ Харьковѣ, въ 80-хъ годахъ, и недавно—въ Кіевѣ), но я не видѣла въ оперномъ исполненіи и тѣни того, что дали намъ любители, исполнявшіе впервые «Риздвяну ничъ» въ кіевскомъ театрѣ, въ видѣ музикальной комедіи. Исполнители наши были превосходны,—начиная съ очаровательной красавицы, какой должна была быть, по мысли Гоголя, Оксана и какою, дѣйствительно, была Ольга Александровна Лисенко, исполнявшая эту роль. Оксана пленяла своимъ прелестнымъ голосомъ и прелестной—соответственно роли, то граціозно-кокетливой, то иѣжно-грустной манерой. Такой Оксаны я больше не видала!.. Вакула, А. А. Русовъ, пѣль съ большимъ одушевлениемъ и рѣдкою характерностью; Солоха (Липская) и особенно дьякъ (Матвѣевъ) были безподобны въ своей типичности, безъ малѣйшей шаржировки. Даже второстепенные лица, «найкрацый парубокъ» Грыцко (Ор. Ив. Левицкій), дивчата,—какъ много внесли они той этнографической вѣриности тона, костюмовъ, того одушевленія, смысла, которые столько придали красоты пьесѣ-комедіи (и чего, увы, почти всегда не хватаетъ при исполненіи пьесами оперными труппами!)..

Я не была на репетиціяхъ «Риздвяной ночи» и не знаю, насколько превосходное исполненіе любителями «Риздвяной ночи» было обязано ревностному режисѣрству М. П. Старицкаго, но до сихъ поръ помнится мнѣ мастерская постановка этого спектакля. Вечеръ первой художественно прекрасной постановки «Риздвяной ночи», вмѣстѣ съ чарующимъ впечатлѣніемъ музыки пьесы, остается однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, хотя я не принимала участія ни въ постановкѣ, ни въ исполненіи пьесы, была простою зрительницею. Я представляю себѣ, какой слѣдѣ оставили въ душѣ исполнителей и близко стоявшихъ къ дѣлу первыя представлениа «Ризд. ночи», заставлявшіе залу оперного театра, переполненную зрителями, гремѣть отъ рукоплесканій!

Да, рукоплесканія были восторженныя, такъ какъ пьеса была прекрасна, превосходно исполнена и будила наши лучшія упованія!..

Слѣдующей пьесой М. П. Старицкаго, тоже на тему изъ Гоголя, долженъ бытъ явиться «Сорочинський ярмарокъ»; но задумавши оперу, Михаилъ Петровичъ издалъ въ слѣдующемъ 75-мъ году лишь свой украинскій переводъ этой повѣсти. Вообще переводы вновь заняли его мысль: еще раньше издаётъ онъ «Байки Крылова», собравши свои давніе переводы и дополнивши новыми, до объема цѣлой книжки.

Междудѣмъ, приблизжалась турецко-славянская война, съ ея прологомъ, герцеговинскимъ восстаниемъ, возбудившимъ симпатію и посильную поддержку киевскихъ украинцевъ. Отчасти подъ вліяніемъ этого движения, М. П. Старицкій подготовилъ къ печати цѣлый сборникъ своихъ переводовъ «Сербскихъ народныхъ думъ и писень», предназначивъ чистую выручку «на корысть бративъ-славянъ», какъ это было потомъ обозначено на обложкѣ книжки при печатаніи.

Пробы перевода этихъ пѣсенъ были сдѣланы М. П.—чѣмъ давно—еще въ 60-ыхъ годахъ; миѣ кажется, эта работа была по началу отраженіемъ того своеобразнаго славянофильскаго вѣянія, которое обусловило существованіе известнаго «славянского братства» въ Кіевѣ, съ такими участниками въ его организаціи, какъ Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ; участіе ихъ въ киевскомъ «славянскомъ братствѣ» было фатально для нихъ, но идея этого украинско-славянскаго единенія, отличавшагося отъ получившей право гражданства московско-славянофильской тенденціи, оставила свой слѣдъ.

Какъ бы тамъ ни было, еще въ 65-мъ г. были напечатаны въ галицкой «Правдѣ» первые украинскіе переводы Старицкаго сербскихъ думъ; за другими, указанными выше, работами, переводы сербскихъ думъ были потомъ Старицкимъ оставлены; событія же, оживившія вниманіе и симпатію къ «братамъ-славянамъ», снова возвращаются Михаила Петровича къ переводу сербскихъ думъ. Какъ-то, зимой 75—76-го года, М. П. Старицкій, всегда искавший дружеской «порады», принесъ показать М. П. Д.—уже цѣлую тетрадь своихъ переводовъ сербскихъ думъ, приготовленную для цензуры. Я тоже присутствовала при чтеніи,—

но уже не въ качествѣ молчаливой слушательницы, а, будучи уже пріятельски знакомой съ авторомъ, рѣшалась дѣлать свои замѣчанія относительно перевода. М. П. Старицкому мои замѣчанія показались стоящими вниманія и даже на столько, что онъ оставилъ мнѣ тетрадь переводовъ для болѣе внимательного просмотра самой, съ правомъ сдѣлать отмѣтки въ тетради. Случилось такъ, что мои отмѣтки,—впрочемъ не особенно многочисленныя,—были всѣ приняты М. П. Старицкимъ къ свѣдѣнію. Съ тѣхъ поръ,—безъ хвастовства могу это сказать,—онъ до странности довѣрчиво относился къ моимъ совѣтамъ: какъ онъ не разъ говорилъ, онъ быль увѣренъ, что именно я могу съ надлежащимъ вниманіемъ отнестишь къ его работѣ и дать надлежащій совѣтъ;—поэтому Михаилъ Петровичъ до конца жизни, если только представлялся къ тому случай, показывалъ мнѣ свои наброски, даже серьёзныя работы, и я рѣшительно не помню случая, когда бы онъ отказался сдѣлать ту поправку выраженія, стиха или даже какой нибудь частности плана, какую я ему дружески совѣтовала сдѣлать. Конечно, это легко объясняется нашимъ единомысліемъ въ основныхъ интересахъ, а также и тѣмъ, что относительно нашихъ литературныхъ задачъ, пріемовъ и языка мы тоже были сходны во мнѣніяхъ.

Относительно украинскаго языка еще одно обстоятельство обусловило единеніе нашихъ взглядовъ, свѣдѣній и ихъ примѣненія въ литературной работѣ: наше, такъ сказать, органическое знакомство съ украинскимъ языкомъ, то, которое приобрѣтается съ дѣтства, было основано на природномъ, одинаково намъ близкомъ парѣчіи лѣвобережномъ, такъ какъ и Михаилъ Шавловичъ, и я были родомъ изъ Полтавщины; но, по волѣ судьбы, мы близко сжились также и съ парѣчіемъ правобережнымъ: М. П. Старицкій, живя въ Подольчинѣ (въ купленномъ имъ имѣніи, въ селѣ Кордешинѣ), а я—на Волыни. Мы обое были обрадованы, встрѣтивши, вопреки поверхностнымъ толкамъ, и на Правобережїи тотъ же прекрасный украинскій языкъ; нѣкоторая мелкая діалектическая отличія, старыя формы, еще сохранившіяся на правомъ берегу Днѣпра (и не встрѣчаемыя уже въ рѣчи полтавскаго люда), даже привелись

шамъ. Отсюда происходило, что въ то время, какъ при чтеніи сочиненій Михаила Петровича нѣкоторые земляки-полтавцы находили странными, новыми для своего слуха, вводимыя имъ подольскія слова,—меня они не удивляли и я даже часто, въ замѣнъ полтавскаго, предлагала Михаилу Петровичу волынское выраженіе, если оно, напр., лучше укладывалось въ стихъ (или же просто потому, что оно мнѣ больше нравилось). Михаилъ Петровичъ охотно принималъ такие «волынізмы», говоря: «да, да, чудесно! такъ говорять и у насъ въ Подольщинѣ!»

Таковы были основы нашего литератураго единенія. Къ этому прибавлю,—впрочемъ, я сказала объ этомъ прежде всего,—у насъ были одинаковыя мнѣнія о задачахъ украинскаго литератора. Мы обое видѣли эту задачу въ расширеніи рамокъ нашей литературы по содержанію; мы обое были за тотъ принципъ относительно формы, который многіе презрительно называли «ковальствомъ» и который мы считали законнымъ, даже необходимымъ.

Лѣтомъ 1876 г. книжка «Сербськихъ думъ» въ переводе Старицкаго вышла въ Кіевѣ, съ посвященіемъ М. П. Драгоманову, «моему щырому другови и товарышови», какъ напечаталъ авторъ-переводчикъ на заглавномъ листкѣ.

Мнѣ М. П. Старицкій прислалъ на Волынь экземпляръ «Сербськихъ думъ» въ роскошномъ переплетѣ, съ такимъ автографомъ:

Нехай згадається въ сімъ слови
Зъ-давенъ прыхильный вамъ пітъ,
Не зрадывъ випъ святій любови
И порываниямъ давнихъ лить.
Колись байдужымы перстами
Перегортаючи листки,
Вы спогааете и самы
Свої колышніи гадки,
Давно промучени хвилини
Рожевыхъ образивъ и мрій....
Такъ часомъ писни гукъ едныи
Зрывае згадокъ цилый рій!...

Томъ 85.—Май, 1904.

I—15

«Сербськи думы» были, по моему мнѣнію, замѣчательныи пріобрѣтеніемъ украинской литературы. Въ виду того, что изданіе это давно сдѣлалось библіографической рѣдкостью, я приведу отрывокъ «Думъ», чтобы можно было хотя отчасти судить какъ самыхъ думахъ, такъ и о стилѣ ихъ перевода:

1. *Дивчына Косовка* (стр. 167).

Рано встала дивчына Косовка,
Раннимъ ранкомъ у святу недилю,
У недилю до схидъ сонця встала;
Засукала рукава биленьки,
Засукала ажъ до билыхъ локтивъ:
Билый хлибъ пese вона на плечахъ,
А въ рукахъ два золоти коновки:
У одній—холодная водыця,
У другій—выпо червоне, доброе.
Отъ, иде зъ тымъ на Косове ривне;
Боёвыщемъ молоденька бродыть,
Боёвыщемъ пречеснога князя,
Розглядае по крови юнакивъ;
Де надыба юнака жывого,
Умыва холодною водою,
Напува ёго выномъ червонымъ,
Нагодуе потимъ хлибомъ билымъ... и т. д.

Повидимому, языкъ перевода вполнѣ соответствуетъ эпическому народному складу думъ, но критики все же указывали «ковальство»: слова—«боёвыще», «потужный», «судци» (слово чисто народное..).

Нѣсколько времени спустя послѣ изданія «Сербськихъ думъ», М. П. Старицкій пріѣхалъ неожиданно къ намъ на Волынь, въ нашъ тихій городокъ Зягель. Пріѣздъ такого гостя былъ болѣшою радостью для насъ, хозяевъ. Случилось, что мы тогда-же вмѣстѣ съ М. П. прочли въ «Отеч. Запискахъ» повѣсть какого-то новаго, впервые выступавшаго автора, Котелянскаго, подъ загла-

віемъ «Чиншевики». Повѣсть, сюжетъ которой былъ взятъ изъ народнаго быта юго-западнаго края¹⁾, была очень талантливо написана; Михаилу Петровичу и мнѣ она понравилась настолько, что мы рѣшили сейчасъ же перевести еї по украински. Михаиль Петровичъ взялъ половину главъ, другую половину взяла я. Въ не сколько дней,—во всякомъ случаѣ очень скоро,—переводъ былъ готовъ. Мы послали его во Львовъ, для напечатанія въ одномъ сборникѣ, который издавали Франко и Павликъ. Но увы! увидѣло свѣтъ только мое предисловіе о положеніи чиншевого вопроса въ юго-западномъ краѣ (да и это предисловіе принадлежало собственно не мнѣ, такъ какъ написано было со словъ моего мужа,—являясь лишь въ моей, такъ сказать, редакціи. Что же касается до перевода самой повѣсти, то его постигла очень печальная, даже можно сказать, трагическая участъ: по словамъ г. Франка, переводъ былъ сожженъ (sic!) австрійской прокураторіей, воз-двигшой гоненіе на нашихъ редакторовъ (за какое-то раньше выпущенное изданіе) и будто бы конфисковавшей всѣ рукописи, какія оказались въ редакції, въ томъ числѣ и нашъ злополучный, подвернувшійся подъ руку переводъ Чиншевиковъ! Кто могъ этого ожидать, разъ повѣсть была въ подлинникѣ напечатана у насъ въ журналѣ? Непонятное явленіе!...

До сихъ поръ жаль мнѣ этого перевода, сдѣланнаго въ сотрудничествѣ съ М. П. Старицкимъ. Мнѣ кажется, что переводъ прибавилъ бы интересную вещь къ нашей беллетристикѣ. Да что было дѣлать?... «Щось погане перейшло дорогу» этой повѣсти....

Талантливый авторъ «Чиншевиковъ», Котелянскій, вскорѣ умеръ. Повѣсть его отдельно не издавалась; намъ тоже—браться вновь за переводъ «Чиншевиковъ» уже какъ-то не было охоты...

Время было унылое и вмѣстѣ неспокойное. Къ этому времени относятся цѣлкотрыя оригинальныя стихотворенія Михаила Петровича, которыхъ частью были напечатаны въ Галиції, частью исчезли куда-то. Помню сюжетъ одного изъ этихъ стихотвореній,

¹⁾ Котелянскій, родомъ еврей, былъ тоже оттуда и, повидимому, хорошо зналъ местную жизнь.

изображавшаго горькое состояніе души несчастнаго борца, отдавшаго свою молодую жизнь, какъ онъ думалъ, для блага народа, и видящеаго, какъ эта самая народная толпа, жадная до зрелицъ, бѣжитъ смотрѣть на позорище, на его гибель. Можетъ быть это стихотвореніе было напечатано,—я этого не знаю, читала его въ рукописи.

Въ 1881 году вышелъ въ Киевѣ сборникъ стихотвореній Михаила Петровича Старицкаго («Зъ давнѣго зыштку. Писни и думы»), гдѣ помѣщены были между прочимъ его переводы ст. Байрона, Мицкевича, Сырокомли, Гейпе. Въ томъ-же, 81-мъ, году вышелъ альманахъ Луна, изданный А. Я. Конисскимъ, гдѣ тоже были помѣщены стихотворенія Михаила Петровича Старицкаго и водевиль «Якъ ковбаса та чарка».

Большое огорченіе ждало М. П. Старицкаго при появленіи рецензій на эти изданія. Критики враждебнаго лагеря осипали его упрёками въ «дерзости», а также злыми насмѣшками; критики «своего» лагеря говорили сдержаніе, но тоже высказывали очень горькія, непріятныя вещи. Вотъ что, между прочимъ, писалъ самъ Костомаровъ, въ Вѣстн. Европы, въ статьѣ «Задачи украинофильства» (рецензія на сборникъ Луна): «Лучше оставить всѣхъ Байроновъ, Мицкевичей etc. въ покой и не прибѣгать къ насильственной ковкѣ словъ и выражений, которыя пароду непонятны, да и самыя произведенія, ради которыхъ они куются, простолюдину непонятны и пока не нужны». («Вѣстникъ Европы», 1882 г. I).

Если такъ говорилъ критикъ *своего* лагеря, любитель украинской литературы и, такъ сказать, товарищъ по перу, самъ никогда писавшій по украински,—то можно себѣ представить, что, и въ какомъ тонѣ, писали критики враждебные!..

Но увѣренія въ «ненужности пока» европейскихъ авторовъ для нашего народа не убѣждали Михаила Петровича: въ томъ же 1882-мъ году вышелъ въ Киевѣ его переводъ—Гамлета Шекспировскаго. Это была дерзость выше мѣры, особенно въ виду предисловія переводчика, въ которомъ онъ говорилъ, что взялъ для перевода именно Гамлета—какъ для того, чтобы дать украинской

литературѣ одно изъ лучшихъ произведеній великаго драматурга, такъ и потому, что желалъ бы способствовать выработкѣ нашего литературнаго языка, которая скорѣе всего можетъ быть достигаема посредствомъ переводовъ лучшихъ образцовъ.

Къ своей задачѣ переводчика Михаилъ Петровичъ отшесся въ высшей степени добросовѣстно: онъ познакомился съ лучшими переводами Гамлете французскими и нѣмецкими; желая достичнуть возможной близости перевода къ подлиннику, онъ подробно проштудировалъ англійскій текстъ (съ помощью г-жи О. П. Цвѣтковской, родомъ англичанки) и провѣрилъ по оригиналу свой переводъ построчно. Переводъ вышелъ очень близкимъ и очень удачнымъ. Въ видѣ образца стиха и стиля этого перевода Михаила Петровича, приведу хотя небольшой отрывокъ, для того, чтобы современный читатель имѣлъ понятіе объ этомъ украинскомъ Гамлете, также сдѣлавшемъ давно уже библіографической рѣдкостью. Беру отрывокъ изъ первого-же дѣйствія, изъ обращенія Гамлете къ тѣни отца:

Крыйте нась, святы небесни сылы!
Хтобъ не бувъ ты—духъ благый, чи клятый,
Чи пахучи повивания зъ неба
Ты несешъ, чи бури чадни зъ пекла,
Чи зъ благымъ замиромъ, а чи зъ лютымъ,
Твоя постать такъ прывабно-дывна,
Що зъ тобою говорыты мушу.—
Тебе кличу: батьку мій, Гамлете,
И королю найяснишыи данський!
Озовыся до мене, благаю!
О, не дай въ слипоти погыбаты! и т. д.

Казалось бы,—ничего достойнаго порицанія и смѣха нѣть въ этомъ стилѣ, въ этихъ словахъ, но критики находили поводъ и для порицанія, и для смѣха. Кто-то пустилъ въ ходъ выдумку, что знаменитый мопологъ Гамлете ¹⁾), который читается по рус-

¹⁾ „To be, or not to be“...

скому тексту «быть, или не быть, вотъ въ чёмъ вопросъ», — у Старицкаго переведенъ будто-бы такъ: «буты, чи не буты, ось въ чимъ закавыка». (Помнится, что и Д. Мордовецъ чечатно повторилъ эту злую выдумку). Между тѣмъ, въ переводѣ Старицкаго этотъ монологъ начинается такъ:

Жыты, чи не жыты?
 Ось въ чимъ ричъ. Бо ѹо йе благороднишъ,—
 Чи прыматы и каминя й стрили
 Одъ лыхой-пависной доли,
 Чи повстать на те море тугы
 Й тымъ повстаннямъ покинчить все разомъ?
 Вмерты—сномъ заснуты й билышъ ничого... и. т. д.

Вообще, въ переводѣ Старицкаго не только не было «закавыкъ», а напротивъ очень тонко были переданы даже оттѣнки то рѣчей возвышенныхъ, то нѣжныхъ, то витіеватыхъ, сообразно подлиннику, оттѣнившему этими различіями слога характерность рѣчи различныхъ персонажей. При литературной невыработанности украинскаго языка, весь этотъ трудъ Старицкаго былъ трудомъ огромнымъ и заслуживалъ полнаго признанія. Вмѣсто того посыпались враждебныя издѣвательства, повторявшияся, какъ забавные остроты, и своими...

Михаила Петровича очень раздражало также отношеніе къ его труду, въ который онъ вложилъ такъ много своей души. Въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ оғь зачастую горько сѣтовалъ на долю украинскаго писателя вообще и на свою въ частности...

Въ то время я могла назвать себя товарищемъ его также и въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ это же время, въ началѣ 80-хъ годовъ, вышли мои «Переклады зъ Гоголя»¹⁾ и «Украинськимъ дитямъ», гдѣ были переводы Лермонтовскаго Мцыри и другихъ стихотво-

¹⁾ Гдѣ я изложила, въ предисловіи, всѣ свои „ковальскіе“ принципы и взгляды, которыми я хотѣла подѣлиться со всѣми, кто занимается переводами на украинскій языкъ.

реній. Критика приняла мои переводы совершенно такъ, какъ труды Старицкаго: говорила, что Гоголя мнѣ лучшіе «оставить въ покой», указывала у меня «кованныя» слова,—а этого уже было достаточно для рѣзкаго осужденія! Такія слова какъ «зрадливый», «турботный» и т. п. ставились мнѣ въ тяжкую вину, при чёмъ критики, съ разгону и по невѣжеству, приписывали моей ковкѣ и слова *народныя*, которая для *критиковъ* были новы (напр. «струмокъ», «змарнилый», «збагнуты»). Всё такъ-же, какъ было съ Старицкимъ!.. Даже такъ и устаневилось, что пасъ брали вмѣсть: если, печатно или устно, упрекали въ «ковальство» Старицкаго, то почти всегда вспоминали и меня, если же брали Пчилку, то ужъ непремѣнно приводилось имя панбольшаго «коваля», Старицкаго...

Не скажу, чтобы такое отношеніе критики—окрыляло... Было больно и горько!.. Не разъ являлась, въ минуту отчаянія, мысль:—да ужъ не бросить ли это украинское писательство?.. Богъ съ нимъ!.. Но минута отчаянія проходила и снова ожидала вѣра въ дѣло украинской литературы, ожидала неубиваемая любовь къ пей...

Да, одинаковость направлений и одинаковость нашей злой участіи (по отношенію къ намъ критики) еще больше скрѣпляла нашу дружбу съ Михаиломъ Петровичемъ; мы были настоящими товарищами!..

Зимою 81 и 82-го года мы снова встрѣтились въ Киевѣ, какъ осѣдлые въ немъ жители: Старицкіе церѣхали на зиму изъ Подольщины въ Киевъ—по своимъ соображеніямъ, я изъ Волыни для обученія старшихъ дѣтей. Мы видались часто, тѣмъ болѣе, что къ этому времени относятся наши интенсивныя занятія *русско-украинскимъ* словаремъ, затѣяннымъ особо отъ «большого» словаря, *украинско-русскаго*, надъ которымъ много лицъ (урывками и мы) трудилось въ продолженіе, пожалуй, пѣсколько-кихъ десятилѣтій. Словарь же *русско-малорусскій*, какъ подручникъ собственно для переводчиковъ, рѣшено было сдѣлать скоро и не мудрствуя лукаво, при томъ безъ зависимости издания отъ какихъ бы то ни было академій. Мысль эта, возникшая вообще въ

нашемъ тѣспомъ кружкѣ, очень занимала Михаила Петровича Старицкаго и меня, но особенно энергично взялся за ея осуществление М. Ф. Комаровъ, который и вооружилъ себя и нась всевозможными словарями, источниками и вообще всѣмъ материаломъ, при помощи которого долженъ быть возникнуть русско-украинскій словарь. Кромѣ нась, главныхъ участниковъ—Комарова съ женой, Старицкаго и меня,—въ составленіи словаря принимали участіе еще иѣкоторыя лица (Лукьянновъ, Сукачевъ,—не считая случайныхъ участниковъ, ихъ единичныхъ приходовъ). Собирались «словарюовать» (какъ мы шутя говорили) то у Комаровыхъ, то у Старицкихъ, то у меня. Славныя это были собранія! Хотя у нась бывали и ожесточенные споры, точно въ ипой академической комиссіи,—но въ общемъ отрадно вспомнить наши занятія, которымъ мы отдавались, можно сказать, всѣмъ сердцемъ. Намъ казалось, что словарь нашъ будетъ служить такую важную службу! (Впослѣдствіи М. Ф. Комаровъ издалъ его приложивши еще много своего единичнаго труда).

Въ то-же время М. П. Старицкій объявилъ объ изданіи имъ большого альманаха «Рада». Опять какъ-то такъ само собою вышло, что я стала помощницей Михаила Петровича въ этомъ дѣлѣ; раньше, лѣтомъ 81 г., мы вдвоемъ подавали прошеніе о разрѣшеніи намъ издавать въ Кіевѣ журналъ «Раду», по получили отвѣтъ, что ходатайство наше не подлежитъ удовлетворенію. На выходъ же альманаха были надежды. Получались рукописи, масса стихотвореній и мелкихъ вещицъ, которыя надо было разобрать и т. д. Михаиль Петровичъ и я совершенно сходились во мнѣніи, что даже не особенно удачныя вещицы начинаяющихъ авторовъ слѣдуетъ помѣстить, съ иѣкоторыми нѣизбѣжными поправками. Конечно, были вещи совершенно безнадѣжныя (въ родѣ одного стихотворенія неизвѣстнаго автора: «Охъ, зацвиломое серце сынімъ пустоцвитомъ!»); но въ иныхъ вещицахъ, по-жалуй, не особенно искусственныхъ, какъ первыя пробы, все же была «жива душа», и потому исключать ихъ было жаль. Поэтому Михаиль Петровичъ, давая имъ иѣкоторую редакторскую поправку, помѣщалъ ихъ въ сборникъ. «Рада» разрослась до огромныхъ раз-

мѣровъ. Изъ стихотвореній писателей извѣстныхъ вошли въ неё сочиненія Щоголева, Кулиша, Гринченка; капитальными прозаическими померами Рады были «Мыкола Джеря» Нечуя, «Повія» Мирного и драма Старицкаго «Не судылось»¹⁾.

Драма «Не судылось» была той самой пьесой, которая прежде называлась «Написке болото» и которой планъ и отдельные сцены были написаны Михаиломъ Петровичемъ давно. Теперь опять непремѣнно хотѣть совсѣмъ отдать драму, такъ какъ, по его мнѣнію, въ сборникѣ должна была быть, кромѣ стиховъ и повѣстей, большая драматическая пьеса. Осеню 81-го года она была готова. Прежде чѣмъ «выпустить изъ рукъ» эту много лѣтъ лелѣянный трудъ, Михаиль Петровичъ читалъ её отдельно разнымъ лицамъ, которыхъ мнѣніямъ онъ вѣрилъ (Конисскому, Комарову, мнѣ). Пьеса всѣмъ памъ очень правилась.

Въ это время приѣхала въ Киевъ русско-украинская труппа, подъ дирекціей Ашкарена, съ Кропивницкимъ—на первыхъ роляхъ (тогда онъ могъ играть и удальца Гаркушу, и Стецьва, вообще самыя разнообразныя роли). Помнится, А. Я. Конисскій, зпавшій Кропивницкаго еще раныше, когда онъ изъ посредствен-наго русскаго актера сдѣлался выдающимся артистомъ украинскимъ, очень хлопоталъ, чтобы «свои» поддержали приѣхавшую труппу Ашкарена. Но эти хлопоты оказались даже излишни, такъ какъ талантъ Кропивницкаго былъ сразу замѣченъ, да и вся вообще украинская труппа скоро привлекла къ себѣ симпатій публики. Спектакли посыпались очень усердно. Михаиль Петровичъ Старицкій восхищался игрой Кропивницкаго, ходилъ за кулисы, вообще свѣль съ шимъ, а затѣмъ и съ другими артистами, близкое знакомство. Старицкіе, жившие вообще очень открыто, оказывали новымъ пріятелямъ-артистамъ самое широкое и самое радушное гостепріимство.

Видалсь постоянно съ артистами, Михаиль Петровичъ, конечно, сообщилъ имъ о своей драмѣ, даже устроилъ, такъ сказать,

¹⁾ Для сцены эта драма впослѣдствіи была разрѣшена подъ заглавиемъ—„Не такъ складось, якъ ждалось“.

парадное чтеніе своей драмы, въ своей квартирѣ, при многихъ гостяхъ, совѣтовался даже съ артистами относительно постановки ея въ будущемъ на сценѣ.

На лѣто 82-го года артисты уѣхали. Наша Рада печаталась, но довольно медленно. Михаилъ Петровичъ очень раздражался, что къ осени 82-го года была готова лишь половина листовъ сборника,—въ томъ числѣ и его драма,—остальное же было еще въ печати, такъ какъ материала, разрѣшенного цензурой, было очень много и уравтиться съ нимъ было трудно.

Между тѣмъ, съ наступлениемъ осенняго театральнаго сезона того-же 1882 года наши артисты опять пріѣхали въ Киевъ, причемъ были встрѣчены такъ-же дружествено своими пріятелями. Какъ вдругъ распространяется слухъ, что Кропивницкій привезъ пьесу подъ названіемъ «Докы сонце зайде, роса очи выистъ», что онъ читалъ её иѣкоторымъ, и что пьеса имѣеть такой же сюжетъ, какъ помѣщаемая въ Радѣ драма Старицкаго «Не судылось». М. И. Старицкій, прослушавши драму Кропивницкаго, тоже въ «прилюдномъ» чтеніи, убѣдился въ этомъ и былъ очень огорченъ... Узнавши, что Кропивницкій желаетъ даже скоро поставить свою пьесу на сценѣ, Михаилъ Петровичъ горько шутилъ:—Да, Кроп. можетъ при этомъ назвать свою пьесу—«Докы Старыцкій надрукуе, Кропивныцкій поставть на сцени»... Это дѣйствительно такъ и вышло: пьеса Кроп. появилась на сценѣ раньше выхода «Рады» изъ типографіи¹⁾.

Но незлобивость Михаила Петровича взяла верхъ и скоро онъ уже говорилъ: Ну, что-жъ! пусть К. ставить... пусть будетъ и его пьеса на тотъ же сюжетъ!.. Чорная кошка, пробѣжившая (по поводу драмы) между Старицкимъ и Кропивницкимъ, не испортила, въ виду такого взгляда, отношеній обоихъ писателей; дружба ихъ продолжалась и въ этомъ сезонѣ (зимою 82 и 83-го года). Кропивницкій и Садовскій жили тогда въ томъ же дворѣ,

¹⁾ Рада съ драмою „Не судылось“ вышла изъ типографіи въ свѣтъ весною 83 года, а драма Кроп. „Докы сонце“ была поставлена мѣсяцемъ или двумя раньше.

гдѣ квартировали Старицкіе, и были ихъ ежедневными гостями. Всѣ трое (Михаилъ Петровичъ и артисты) были уже на «ты», взаимно называли себя побратьями,—однимъ словомъ, дружба была самая тѣсная.

Результатомъ этого единенія, плейнаго и личнаго, было то, что Михаилъ Петровичъ согласился стать антрепренѣромъ той же украинской труппы. Для этого онъ, по окончаній зимняго сезона, ликвидировалъ свои дѣла, продавши имѣніе въ Подольщигѣ, и на осень 83-го года нанялъ въ Одесскій театръ, гдѣ долженъ былъ играть Кропивницкій и др. Кончилось владычество «хозяевъ», антрепренѣровъ Ашкарена, Савина,—теперь должна была быть «братерська спилка».

Но М. П. Старицкаго ждало печальное разочарованіе и не менѣе печальное положеніе: завоевавшій положеніе, пріобрѣвшій известность на югѣ артистъ Кропивницкій покинулъ Старицкаго; ушли также Садовскій и Заньковецкая. Всѣ они составили отдельную труппу подъ руководствомъ Кропивницкаго...

Старицкій остался въ дорогомъ одесскомъ театрѣ, съ остальными артистами, но безъ первыхъ силъ!.. Но возврата назадъ уже не было, иначе пришлось бы нести еще большие убытки, платить неустойки—и за театръ и остальнымъ артистамъ. Съ большими трудомъ замѣщены были амплуа оставившихъ—и потянулась для М. П. Старицкаго обычна, тягостная жизнь непрактичныхъ антрепренѣровъ. Масса потерь, непріятностей, хлопотъ! Къ этому надо прибавить—безпрерывные переѣзды, неизбѣжную неправильность жизни, всякия случайности; не замедлили явиться для Михаила Петровича и болѣзни,—то воспаленіе легкихъ въ Варшавѣ, то ревматизмъ въ Харьковѣ, особенно опасный для Михаила Петровича, какъ рецидивъ старой болѣзни, навсегда отразившейся у него хроническимъ страданіемъ сердца.

При всѣхъ невзгодахъ и хлопотахъ, «антрепренѣру» надо было усиленно заботиться также о репертуарѣ. Пьесъ украинскихъ было все таки мало; прибавились пьесы Кропивницкаго, но, разумѣется, онъставилъ ихъ «у себя». Значитъ, надо было всѣми силами находить другія пьесы. А разрѣшеніе пьесы дра-

матической цензурою—была такая трудная и, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно медлительная вещь!... Этимъ объясняется усиленное разыскиваніе Михаиломъ Петровичемъ пьесъ, существовавшихъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Поставлены были на сценѣ иѣкоторыя очень старыя пьесы, можетъ быть еще никогда не видавшія сцены; онѣ были слабыя, но все же шли теперь, хотя разъ-другой... Разнообразіе всѣ-же занимало публику иѣкоторое время. Не всегда и болѣе новыя пьесы были пригодны для постановки на сценѣ, хотя и были разрѣшены драматической цензурой: они бывали иногда очень не отдѣланы, или казались Михаилу Петровичу несценичными. Что было дѣлать съ ними?

Къ этому-то періоду и относятся многочисленныя передѣлки Михаила Петровича пьесъ, до тѣхъ поръ не играныхъ. Работа эта требовала отъ него въ сущности такого-же труда, какой нуженъ, чтобы написать оригиналную пьесу: хотя по афишамъ значилось, что пьеса написана Старицкимъ—въ со-трудничествѣ съ другимъ авторомъ, по на самомъ дѣлѣ Михаиль Петровичъ работалъ падъ пьесой одинъ, и когда подавалъ рукопись въ цензуру, то отъ прежней композиціи оставалось очень немногого,—лишь имя прежняго автора, да общий мотивъ (и тотъ иногда сильно измѣненный). Одпако Михаиль Петровичъ оставлялъ на афишѣ также имя автора прежняго. Въ такомъ видѣ давались «За двома зайцами»—ком. Старицкаго и Левицкаго, «Крутыта не перекрутуй»—Стар. и Мирного, «За друга»—Стар. и Нотапенка.

Работа передѣлокъ уже извѣстныхъ сюжетовъ была неблагодарною: написавши пьесу на общий мотивъ, напр. на извѣстный иѣсенний мотивъ «Ой не ходы Грыцю» (на который была написана также пьеса Александровымъ), или взявши сюжетъ изъ повѣсти, послужившей автору ея также для драмат. пьесы (Ничъ, пидь Ив. Купала), Михаиль Петровичъ навлекалъ на себя не-пріятности: хотя въ пьесахъ его, написанныхъ на общий сюжетъ, не было ни одной сцены похожей на сцены другихъ авторовъ, писавшихъ на тотъ-же сюжетъ, но авторы иногда были недовольны за общность сюжета, или хотя бы мотива,—и за то,

что пьесы Старицкаго шли на сценѣ, а ихъ пьесы не шли... Возникали непріятныя пререканія.

Есть одна пьеса, сильно подправленная М. П. Старицкимъ, но дававшаяся все-таки подъ именемъ написавшаго её автора, у которого Михаилъ Петровичъ и не думалъ отнимать его имени, а только, желая большаго успѣха автору и пьесѣ, сдѣлалъ пьесу, по своему мнѣнію, болѣе сценичною. Авторъ же, имѣя о своей пьесѣ другое мнѣніе, вообще будучи не доволенъ измѣненіемъ ея, настаивалъ, чтобы пьесу давали въ его редакції,—или не ставили его имени на афишѣ. Пьесу¹⁾ сняли тогда съ репертуара совсѣмъ... и она для сцены умерла. Трудъ первоначальный автора и трудъ Михаила Петровича оказался напраснымъ.

Но и помимо всякаго рода непріятностей, неизбѣжно связанныхъ съ литературной работой на общія темы, можно вообще пожалѣть, что судьба столкнула М. П. Старицкого съ чисто литературной карьерой (имѣвшей свои непріятности, но все же дававшей возможность болѣе спокойной, зрѣлой работы) на дорогу «антрепренёрства»,—съ его лихорадочной, «скрутной» атмосферой, съ его спѣшкой и необходимостью для антрепренёра-автора ставить на первомъ планѣ интересы сцены, при томъ *своей* сцены, т. е. своихъ главныхъ артистовъ, приоритизируясь къ ихъ средствамъ и желаніямъ...

Всё это, по моему мнѣнію, отразилось на авторской дѣятельности Михаила Петровича за этотъ періодъ его антрепренёрства: въ пьесахъ этого времени замѣчается спѣшность, неотдѣланность работы, случайность темъ, пестрота сценъ, въ угоду «зрителю» и проч....

Мнѣ кажется, что пьесы Михаила Петровича этого періода вообще значительно уступаютъ написаннымъ раньше и позже его антрепренёрства.

Кочевая жизнь оторвала Старицкихъ оть Киева. Съ Михаиломъ Петровичемъ мы видались рѣдко, и о многихъ его пьесахъ приходилось узнавать лишь изъ газетъ. Если же онъ и бы-

1) Так же разрѣшенную къ представлению и въ передѣлкѣ.

валъ въ Киевъ, то лишь проѣздомъ, или вообще на очень короткое время, всегда озабоченный, «засмыканый», куда-то спѣшащий, одолѣваемый телеграммами, письмами, приходившими и сюда изъ безнокойной сферы...

Въ 1893-мъ году Михаилъ Петровичъ наконецъ ушелъ отъ антреицизы и поселился снова въ Киевѣ. Вернулся онъ разстроенный душой и тѣломъ¹⁾, но жизнь среди семейной обстановки, вообще при лучшихъ условіяхъ жизни въ Киевѣ, который Михаилъ Петровичъ всегда такъ любилъ (казалось, онъ любилъ самый воздухъ киевскій!), скоро подѣствовала на него благопріятно. Онъ отдохнулъ отъ прежней суетолоки, вернулся къ болѣе спокойной литературной работѣ, къ темамъ, которыя ему нравились сами по себѣ. Теперь онъ занялся своими драмат. сочиненіями, безотносительно къ скорѣйшей постановкѣ ихъ на сценѣ и къ другимъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ этимъ.

Но такъ какъ судьба, хотя и бывающая милостивой къ инымъ антрепренѣрамъ, кромѣ убытковъ ничего не дала Михаилу Петровичу, то приходилось все-же думать о заработкаѣ; литературнымъ трудомъ, который бы могъ дать такой заработокъ, явились романы и повѣсти Михаила Петровича на русскомъ языкѣ, которые онъ помѣщалъ большую частью въ московской, а иногда киевской газетѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что хотя этимъ своимъ сочиненіямъ, даже романамъ, Михаилъ Петровичъ придавалъ гораздо меныше значение, чѣмъ своимъ сочиненіямъ украинскимъ, но относился къ нимъ всѣ же очень внимательно, всегда тщательно составляя для нихъ планъ, знакомясь съ источниками, относящимися къ тому времени и къ тѣмъ историческимъ лицамъ, которыя онъ бралъ для своего романа. Содержаніе для всѣхъ своихъ романовъ онъ бралъ изъ исторіи Україны. Да, это была всегда—наша прошлая жизнь: времена козаччины, гайдамаччины, дѣйствующими лицами были всѣ тѣ же герои «козацькихъ часивъ», козацкой среды... Иногда Михаилъ Петровичъ какъ будто не хо-

¹⁾ Онъ прѣхалъ (съ дочерью Людмилой) изъ Одессы—совершенно больной.

тѣль помнить, что писать для русской газеты—и главы романа его пестрѣли множествомъ украинскихъ словъ...

Романы изъ исторіи Украины Михаилъ Петровичъ писалъ въ сотрудничествѣ своей дочери, Людмилы. Михаилъ Петровичъ чрезвычайно любилъ её и цѣнилъ ея способности; въ области творчества у нихъ было болыпое общеніе. Отъ отца Людмила Михайловна унаслѣдовала поэтическій даръ. Михаилъ Петровичъ былъ этимъ очень счастливъ; помню, съ какимъ наслажденіемъ декламировалъ онъ ея первый большой трудъ,—сразу сдѣлавшій ея имя извѣстнымъ среди молодыхъ нашихъ писателей,—драматической этюдъ «Сафо».

Да, въ 1890-ые годы вообще опредѣлились наши литературные потомки: въ Кіевѣ подобрался цѣлый кружокъ молодыхъ писателей украинскихъ; кромѣ Людмилы Старицкой, въ немъ были—Михайлъ Обачный, Самійленко, Славинскій, Стешенко, Тимченко, Леся Українка и другіе. Устраивались маленькия литературныя собранія, на которыхъ молодые авторы читали свои произведенія,—переводы и оригинальные опыты. М. П. Старицкій, А. Я. Конисскій, я и пѣкоторые другіе представители стараго поколѣнія бывали также на этихъ чтеніяхъ. Нужно сказать правду, что мы къ нимъ и они къ намъ относились съ одинаковымъ уваженіемъ. Они часъ приглашали и мы съ радостью шли къ нимъ. Не смотря на то, что они,—какъ это было вполнѣ естественно,—могли пойти дальше насъ, могли быть и талантливѣе стариковъ, мы не смотрѣли на нихъ, какъ на «соперниковъ», которые, молъ, часъ «пидвѣрнуть пидь коротко», а отъ души радовались ихъ успѣхамъ и желали всячески поддержать ихъ.

М. П. Старицкій просто увлекался сочиненіями молодыхъ авторовъ. Вообще слѣдуетъ отмѣтить,—если ужъ зашла рѣчь о возможности «соперничества»,—что это чувство, вражда къ могущему превзойти тебя товарищу, эта, какъ французы называютъ, *jalousie de mѣtier* (къ сожалѣнію, свойственная многимъ самымъ лучшимъ людямъ, дѣятелямъ всѣхъ сферъ),—это чувство было совершенно чуждо М. П. Старицкому. Я никогда не видѣла, чтобы кто-нибудь такъ сердечно относился именно къ лю-

дамъ одного съ нимъ дѣла, какъ Михаилъ Петровичъ! Каждому,—старому, или начипающему писателю нашему,—онъ радовался, готовъ быть всячески прийти на помощь его начинаніямъ, удѣляя ему свое время, совѣтъ,—все, что могъ.

Поэтому, легко представить себѣ, что и къ появившемуся кружку нашихъ молодыхъ писателей Михаилъ Петровичъ отнёсся съ большимъ вниманіемъ и любовью. Онь восторгался ихъ стихами, пропагандировалъ ихъ, читая другимъ, какъ бы хвалясь ими, у себя и на вечеринкахъ; однимъ словомъ, былъ по отношенію къ начинающимъ писателямъ-преемникамъ искреннимъ другомъ.

При этомъ Михаилъ Петровичъ справедливо говорилъ (безъ горечи, напротивъ, съ отраднымъ чувствомъ):—Отжежь такы, должны мы, що есть у насъ наслидыки,—справа паша не прошла!—Ножалуй, Михаилъ Петровичъ могъ не только радоваться, но даже въ извѣстномъ смыслѣ торжествовать, указывая на сочиненія «дѣтей»: тѣ принципы, которые онъ проводилъ въ литературѣ, за которые столько терпій и «ганибы» упало на его голову, были совершенно приняты новыми литераторами: они переводили Данте, Гейне, В. Гюго, Аду Негри, Надсона,—и уже никто изъ своихъ людей не говорилъ имъ, что такие авторы «пока не нужны» нашему народу; они брали не одинъ только народный иѣсенний складъ стиха, а употребляли разнообразныя его формы: текзаметръ, сонетъ, rondo, давая иногда куплету самое изысканное расположеніе; знаменитое «ковальство» совершенно перестало быть пугаломъ и пріобрѣло въ сочиненіяхъ молодыхъ писателей широкое право гражданства.

— «Посмотрите,—говорилъ мнѣ бывало Михаилъ Петровичъ,—всѣ наши слова, за которыя насъ такъ ругали, теперь вошли въ употребленіе: вотъ—*мрія, темрява, сутинь, прывабный, знадлывый*, и т. д. и т. д.! И—ничего... А новые писатели даже не думаютъ, что эти слова были когда-то прокляты, «кованые»... Да, имъ, молодымъ, лучше теперь,—стежка протерта... Ну, и слава Богу»!

А молодые съ трудомъ вѣрили, когда имъ передавали исторію вѣкоторыхъ словъ: такъ напр., удивлялись, почему же нельзя было-бы сказать—«байдужый», «байдужистъ»? Приходилось давать имъ «историческую» справку о томъ, какъ Костомаровъ писалъ, что сковать и употреблять слово «байдужистъ» все равно что говорить по-русски—«всѣничиемпость»... Молодые писатели пожимали плечами...

Tempora mutantur!

Принятіе молодыми писателями принциповъ, которымъ служилъ Михаилъ Петровичъ, реабилитировало его, очищало его имя отъ старыхъ упрѣковъ,—по крайней мѣрѣ, въ кругу сочувствующихъ дѣлу украинской литературы.

Забывались «гнѣбныя» слова «ковальство», «коваль»; укрѣплялось сознаніе большихъ литературныхъ заслугъ Михаила Петровича.

Вспомнили, что трудится Михаилъ Петровичъ давно—и въ 1894-мъ году устроили его тридцатилѣтій юбилей. Этотъ юбилей былъ отпразднованъ въ тѣсномъ товарищескомъ кругу,—б. м. черезчуръ тѣсномъ: рѣшено было отпраздновать юбилей исключительно въ кругу товарищей, слѣдовательно безъ участія дамъ¹⁾. Я не знаю, почему именно къ этому празднику, тридцатилѣтію литературной дѣятельности Михаила Петровича, приложенъ былъ архаїческій принципъ Запорожской Сѣчи... М. б. это—вышло случайно, но многія давнія знакомыя Мих. Петровича, много лѣтъ уважавшія его, были очень огорчены, лишившись возможности принять участіе въ чествованіи уважаемаго дѣятеля; въ особенно-же непрѣятномъ положеніи очутилась—я, такъ какъ, зная о времени юбилея Михаила Петровича, но не зная о слишкомъ частномъ характерѣ устройства его, я собственно для юбилея Мих. Петровича и прѣѣхала въ Кіевъ!... Пожалуй, благодаря личному заявленію Михаила Петровича, я могла бы попасть на его юбилей, но добиваться исключенія только для себя было-бы не-кстати

¹⁾ Гостиами были только дамы изъ семьи юбиляра,—его жена и дочери.

и неловко по отношению къ другимъ дамамъ,—и я осталась въ квартирѣ Старицкихъ, у которыхъ остановилась. Мое личное поздравленіе Михаила Петровича въ день его «свята» было во всякомъ случаѣ принесено.

Поздно возвратились Старицкие. Они всѣ были очень довольны вечеромъ, оживленно рассказывали о сердечномъ, дружескомъ характерѣ юбилея. На пальцѣ Михаила Петровича сіялъ бриллиантовый перстень, поднесенный ему на память отъ друзей. Свѣтло сіяли также глаза Михаила Петровича,—онъ былъ очень счастливъ въ этотъ вечеръ!

Какъ я сказала, отдохнувшей душой погрузился Михаиль Петровичъ спова въ свои задушевныя работы, для которыхъ онъ постоянно удѣлялъ время отъ занятій, дававшихъ ему заработокъ. Около этого времени и въ слѣдующіе годы были имъ написаны такія выдающіяся вещи, какъ Зимовыій вечеръ, Въ темряви, Талагъ, Маруся Богуславка, Осада Буши, Легенда, Останія ничъ, Чаривный сонъ, Крестъ жизни и много стихотвореній, переводныхъ и оригинальныхъ.

Кромѣ писательства, Михаиль Петровичъ выступаетъ во 2-ой половинѣ 90-хъ годовъ еще въ одной сферѣ дѣятельности,—какъ ревностный членъ «Киевскаго литературно-артистического общества» (гдѣ Михаиль Петровичъ скоро сдѣлался членомъ правления и членомъ почетнымъ). Въ 1890-ые годы въ общество это вступило довольно много нашихъ членовъ и, благодѣря вообще интенсивной дѣятельности общества въ это время, явилась возможность устраивать также и наши украинскіе вечера. Мы устраивали рожковины Шевченка, юбилейные вечера¹⁾,—цѣликомъ украинскіе,—а также старались къ программѣ вечеровъ въ честь русскихъ и иностраннѣыхъ писателей прибавлять номера украинскіе, въ видѣ переводовъ стихотвореній и текстовъ къ музыкѣ. Многое писалось, переводилось парочно для этихъ вечеровъ. М. П. Старицкий тоже дѣлать для этихъ вечеровъ немало стихотвореній, участвуя также и въ качествѣ чтеца. Декламаторъ онъ былъ пре-

¹⁾ Стороженка, Котляревскаго, Кропивницкаго и др.

восточный и всегда имѣть на эстрадѣ очень большой успѣхъ у публики. Читаль онъ какъ свои стихотворенія, такъ и чужія,— Шевченка, Кулиша, Леси Українки и др. Своимъ чтеніемъ Мих. Петровичъ умѣть придавать двойную прелесть стихамъ!

Желая въ области искусства отдавать должное высокому таланту, Михаилъ Петровичъ участвовалъ также въ юбилейныхъ вечерахъ Пушкина и Мицкевича.

За Мицкевича намъ съ Мих. Н—чѣмъ пришлось даже въ извѣстномъ смыслѣ «пострадать», такъ какъ нѣкоторые наши галицкіе литераторы очень разсердились на меня и М. Н—ча за устройство юбилейного вечера Мицкевича въ Киевск. литературно-артистич. Обществѣ. Мы же рѣшили, что поступали правильно, заботясь о юбилѣѣ Мицкевича: прежде всего, положеніе поляковъ въ Галиції и у насъ—совершенно различно; кромѣ того, такой огромный талантъ, какъ Мицкевича, должно ставить выше партійныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что въ своей писательской дѣятельности М—чъ былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека»: наконецъ, слѣдуетъ же руководствоваться и тѣмъ принципомъ, что тотъ, кто побить свое родное слово, долженъ уважать и чужое.

Возвращаюсь къ Михаилу Петровичу. Если въ 90-ые годы слава его, какъ достойнаго дѣятеля украинской литературы, укрепилась и возросла въ кругу старыхъ и молодыхъ товарищѣй, если извѣстность его возросла также и въ публикѣ, то это все-таки не исключало, конечно, возможности нападокъ на него въ лагерѣ, враждебномъ вообще украинской литературѣ. Травля продолжалась упорно и злобно, причиняя Михаилу Петровичу большое огорченіе. Повторялось все то-же, включительно до пресловутой «закавыки» (несмотря на то, что Михаилъ Петровичъ помѣстилъ, наконецъ, замѣтку-справку, съ цитатой изъ его Гамлета, доказывавшей, что «закавыка» есть наглое измыщеніе). Нападки продолжались. Оставалось лишь вооружиться спокойствіемъ и терпѣніемъ.

Но появилось такое обвиненіе, котораго стерпѣть Мих. Н—чъ уже не могъ: его обвиняли въ похищепіи чужихъ пьесъ, при утайкѣ имени ихъ авторовъ, и даже просто въ плутовствѣ,

подтасовкѣ каталоговъ и другихъ документовъ, съ цѣлью получения неслѣдовавшаго ему гонорара. Мих. Петровичъ рѣшилъ тогда, что ему остается обратиться въ судъ.

Киевскому окружному суду не отказались дать свои письменныя и личныя показанія многія лица, знаящія близко писательскую дѣятельность М. П.—ча. Главный интересъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній вращался около піесы М. И. Старицкаго «Не судылось» (по сценѣ—«Не такъ складось, якъ жадалось»), такъ какъ газетная клевета указывала на нее, какъ на заимствованную у г. Кропивницкаго. На судѣ выяснилось, что никоимъ образомъ нельзя заподозрить Старицкаго въ заимствованіи у Кропивницкаго, уже по одному тому, что его піеса была известна въ рукописи далеко раньше появленія піесы Кропивницкаго¹⁾.

Дѣло это, какъ известно нашимъ читателямъ, въ концѣ концовъ разсмотрѣно было Сенатомъ, который нашелъ всѣ измышленія инкриминированной замѣтки—клеветою, умышленными навѣтами, порочащими честь Старицкаго.

Послѣ решения Сената и передачи имъ дѣла въ харьковскую судебнную палату, оно кончилось—миромъ: авторъ замѣтки отказался отъ тѣхъ обидныхъ для Старицкаго положеній, которыхъ въ ней были высказаны (пункты отказа были напечатаны въ газетахъ); Старицкій такую мировую подписалъ, такъ какъ для него главное было не въ какой-либо «карѣ», а именно лишь въ томъ, чтобы снять съ своего имени тѣнь, наброшенную рецензентомъ.

Это и было достигнуто. Разъ рецензентъ взялъ назадъ то, что Старицкій считалъ обиднымъ для своей чести, то это было,

¹⁾ Равнымъ образомъ, нѣгъ никакихъ оснований предполагать и обратное заимствованіе, т. к. изученіе обѣихъ піесъ ясно показываетъ, что разработка сюжетовъ у авторовъ совершенно самостоятельна: самый-же сюжетъ настолько распространенъ въ жизни, что оба автора, независимо другъ отъ друга, могли избрать его темой для своихъ драмъ. Ред.

иожалуй, даже болѣе важно, чѣмъ, выигрышъ дѣла еще въ одной судебній инстанції. Замѣчательно, что послѣ мировой — у Мих. Петровича, дѣйствительно, исчезло даже враждебное чувство къ своему бывшему противнику, вовлеченному, какъ думалъ теперь Мих. Петровичъ, въ заблужденіе другими лицами.

Такимъ образомъ, благополучно окончилось это дѣло, стоявшее Мих. Петровичу такъ много волненій. А здоровье Мих. Петровича было не въ такомъ состояніи, чтобы онъ могъ легко переносить волненія: сердечная болѣзнь сдѣлала болѣшіе успѣхи за послѣдніе годы: сердцебіенія, вообще неправильности пульса, а затѣмъ сильное ослабленіе, продолжительное лежаніе—совсѣмъ одолѣвали М. Петровича.

Такъ какъ волненіе, неизбѣжное при выступленіи на эстрадѣ, было очень вредно для Мих. Петровича, то онъ въ послѣдніе годы пересталъ выступать передъ публикой на вечерахъ liter.-артистич. Общества. Послѣдній разъ читалъ онъ публично въ Кіевѣ, на моемъ юбилеѣ, въ литературномъ отдѣленіи. М. Петровичъ прочелъ цѣлый мой разсказъ «Била кыцька». Читая вещь прозаическую, и при томъ сидя, онъ могъ чувствовать себя спокойнѣе; впрочемъ, могъ быть и то, что, рѣшивши выступить съ этимъ чтеніемъ несмотря на нездоровье, Мих. Петровичъ приносилъ иѣкоторую жертву, ради того, что хотѣлъ «попиановать» старого товарища.

Это чтеніе было послѣднимъ въ Кіевѣ, а вообще послѣдний разъ въ жизни М. П. Старицкій читалъ публично на торжествѣ открытия памятника Котляревскаго въ Полтавѣ: въ театрѣ, въ литературномъ отдѣленіи торжественнаго утра въ честь Котляревскаго. Мих. Петровичъ прочиталъ большой отрывокъ изъ Энеиды (сборы и посвѣщеніе Энеемъ, вмѣстѣ съ «товарыствомъ», царя Латина) и иѣсколько своихъ прекрасныхъ, идеиныхъ стихотвореній. Публика самое появленіе и чтеніе Мих. Петровича принимала восторженіо.

Никто не думалъ, видя подбодрившагося, такъ свѣтло настроеннаго Михаила Петровича, «что это было въ послѣдній разъ!..

Что касается до литературной работы, то Мих. Петровичъ не переставалъ заниматься ею, несмотря на свой недугъ, и въ послѣдніе годы: какъ только его «отпускало», онъ сейчасъ-же принимался за писанье; часто писалъ лѣжа, карандашемъ, но все-таки писалъ,—при чёмъ сила его воображенія была удивительна: онъ по прежнему могъ создавать цѣлые сложныя картины и яркіе образы. Въ послѣдній годъ его жизни написалъ имъ новый романъ и большая историческая поэма изъ временъ казачинъ; написалъ текстъ либретто для полной оперы *«Уточлена»* и переведена пьеса Роза Бернъ (Гауптмана); написаны также новыя лирическія стихотворенія. Въ этотъ же «послѣдній» годъ М. Петровичъ собралъ и пересмотрѣлъ, всѣ свои прежнія стихотворенія, печатавшіяся особо въ его сборникахъ, или въ журналахъ и альманахахъ; съ добавкою новыхъ, и даже самыхъ послѣднихъ, составилась большая книжка, совершенно готовая теперь для изданія: подавать ее въ цензуру и выпускать въ свѣтъ М. Петровичъ предоставилъ другому лицу, купившему у него право изданія.

Пересматривая матеріалы для этого полнаго собранія своихъ стихотвореній, М. Петровичъ говорилъ:—да, да, пора приготовляться въ «далеку дорогу»!..

Въ послѣднее лѣто, проведенное въ киевской Дарницѣ, въ ея прекрасномъ бору, мысль М. Петровича, повидимому, часто отрѣпалась уже отъ мѣра сего, погружаясь на лонѣ природы въ слишкомъ спокойное созерцаніе ея величія, въ какое то надземное единеніе и съ нею и съ тѣми силами, которыхъ постоянно искалъ мысленный взоръ. Выраженіемъ такого состоянія души и мысли служитъ слѣдующее прекрасное стихотвореніе М. Петровича, написанное *послѣднимъ лѣтомъ*, тамъ же въ Дарницѣ, въ ея бору:

Икъ урочысто тутъ, замокъ величный биръ,
Непаче храмъ по молитовнимъ спиви;
Въ вечерию мlu понявъсъ ёго сумный убиръ,
У номерки таємно-полохлыви...

И тихо, тихо скризъ... Задумани стоять,
 Мовъ велетни часивъ баечныхъ, хвои,
 У лавы ривно скризъ вишикована ихъ рать,
 Готова стать до боротьбы лыхои.—
 Такъ, лементу не чуть, кативъ людськихъ нема,
 А лагода ласкаво віе всюды...
 Смолистыхъ нахощивъ кадыло тутъ пройма
 Знеможени, натруженій груды...
 И впала смерть— не смерть, безчулый срнъ—не сонъ,
 А забуття злетило до истоты;
 Але у тыши тій не згукы похоронъ,
 Не стогоны безрадной скорботы,—
 А чуется яснішъ велика таїна...
 Якыйсь чудовий спивъ у безвисти луна...
 Бажається збагнуть, обнять неосяжнѣ,
 Проглянуты въ конечне счастя мыра...
 И щось могутнее охоплює мене,
 И на душі у Правду стыгне вира!

Дарницкій боръ, смолистое вѣяніе котораго считали такимъ полезнымъ для затрудненного дыханія Михаила Петровича, дѣйствительно, поправилъ въ значительной мѣрѣ его здоровье. Онъ смогъ даже предпринять въ августѣ прошлаго года поездку въ Полтаву, на открытие памятника Котляревскому.

Дочь Михаила Петровича, Людмила, хотя очень желала «позвесты Тата» на это торжество, но опасалась, какъ бы эта поездка не была ему вредна, какъ бы самыя торжества не слишкомъ утомили его. Однако оказалось, что путь къ такой интересной цѣліи и самыя торжества ничуть не утомили, а, наоборотъ, поднявши духъ, приобщивши Михаила Петровича снова къ «житейскому волненію», какъ-будто укрѣшили и тѣло его. Бодрый и веселый встрѣтился Михаиль Петровичъ въ Полтавѣ съ многочисленными пріятелями и товарищами, пріѣхавшими со всѣхъ сторонъ на праздникъ; онъ принялъ даже участіе въ хлопотахъ одного изъ

устроителей торжества, Н. А. Дмитріева,—ѣздила хлопотать, по поводу извѣстнаго «чтенія привѣтствій», къ городскому головѣ и еще къ кому-то, наконецъ принялъ и личное участіе въ программѣ торжествъ, о которомъ я уже говорила.

Живо вспоминается мнѣ величественная фигура Михаила Петровича, какъ онъ, еще въ первое утро торжествъ, выдѣляясь изъ многочисленной толпы, стоялъ у самого помоста, гдѣ происходило молебствіе, по окончаніи котораго упалъ покровъ и появился ярко облитый свѣтомъ памятникъ нашего «батька», нашего славнаго земляка Котляревскаго! Для одной этой минуты стоило пріѣхать... Михаилъ Петровичъ сиялъ, глядя на памятникъ, въ лице поэта.

Сама родная земля полтавская какъ будто оживляла Михаила Петровича и въ слѣдующіе дни. Онъ точно помолодѣлъ:ѣздила, ходила по Полтавѣ, полной воспоминаній... Радовала его также встрѣча съ родными (съ семьей Булюбашъ, у которой онъ прожилъ «полтавскіе дни», съ Старицкими,—къ одному изъ нихъ Михаилъ Петровичъ отправился съ дочерью Людмилой постить въ миргородской уѣздъ).

На томъ портретѣ, гдѣ М. П. снялся въ Полтавѣ въ группѣ съ молодыми писателями (именно по просьбѣ ихъ, такъ какъ въ этомъ была особая идея), хорошо запечатлѣлось то веселое, свѣтлое настроеніе, въ которомъ былъ Михаилъ Петровичъ, живя въ Полтавѣ.

Хорошее состояніе здоровья Михаила Петровича продолжалось пѣкоторое время и по возвращеніи въ Кіевъ. Но осень съ ея непогодами и зима—снова уложили Михаила Петровича въ постель. Болѣзнь проявилась опять; «отпустили» на время, давши прожить «просвѣту годину»; она какъ бы съ тѣмъ большую силу вступила въ свои жестокія права. А тутъ еще случилась тяжелая болѣзнь жены Михаила Петровича; онъ очень тревожился, огорчался—и разболѣлся въ конецъ. На другомъ празднікѣ нашемъ, юбилѣѣ Лисенка и нашей пѣсни, Михаилъ Петровичъ уже не могъ присутствовать,—онъ лежалъ тяжко боль-

ной; на товарищескомъ ужинѣ, послѣ юбилейнаго представлениія «Риздв. ночи», мы забочно ишли за здоровье автора ея текста!..

Къ веснѣ стало совсѣмъ худо. Михаиль Петровичъ почти не вставалъ съ своего дивана. Сердечные припадки, боли, бессониця почти одолѣвали его. А сознаніе было полное, творческая мысль работала, хотя и провидя скорый конецъ...

Вотъ послѣднее стихотвореніе, которое онъ еще самъ даль переписать съ листочка, написаннаго карандашемъ: оно уже обвѣяно смертными грѣзами... Ему видится умерція—мать и др.

Не снытся... Зновъ чорній думы
Обсили, мовъ галычъ, мене;
Зновъ постать блида середъ стумы
Сонъ зъ вій моихъ млявыхъ жене...
Та пустать немовъ-бы знаёма,
Зрынае изъ мрійної млы:
Въ облыччи и смутокъ, и втома
Тяжкымы знакамы ляглы...

Я чую поржалевни струни
Щось давне, забуте бренять.
Стари одчыняются труни
И мерутыхъ здіймається рать.
Іхъ образы віются коломъ
Надъ лижкомъ, падъ темнимъ столомъ...
И чуєтся въ тыши покволомъ
Немовъ похоронный исаломъ:
«Безчаснє жытейське море,
Негодъ воно повне та бурь,
Якъ мыра певажене горе...
Не журъ ёго, неце, не журъ!
Багато довидавсь випъ муки,
Напывся докирлывыхъ слизъ...
Пора-жъ и зложыть ёму руки:
Свій тягаръ уже винъ довизъ...
Поглянь—ёго серце холоне,
Спынтыся може що-мыть...
Праймы-жъ свого сына на лопо

И будемъ Владыку молыть:
 Пробачь, Христе-Боже, рабови
 И вильни й невильни выны,
 Та зъ ласки, зъ святои любови,
 Прыймы у осели ясни;
 Впокій ёго душу у счасти
 Нового зъ святымы буття,
 Де нѣсть ни страждаць, ни напасти,
 А есть безконечне жыття!»

Зновъ тыла, и стума, и мука...
 Заснуты—піякъ не засну...
 А сердце такъ болисно стука,
 Немовъ забывають труну...

Скорбнимъ предвидѣніямъ суждено было скоро сбыться...

Однако, къ Свѣтлому празднику Михаилъ Петровичъ какъ бы заставилъ себя встать. Когда на самый Велыкденъ, на первый день, мы съ мужемъ пошли провѣдать Старицкихъ, то застали Михаила Петровича въ столовой, съ гостями (былъ Н. В. Лисенко и три сестры—урожденныя Оконоръ). Это и былъ послѣдній разъ, что я видѣла Михаила Петровича на ногахъ. Онъ казался страшно похудавшимъ, но былъ довольно бодръ, имѣлъ праздничный видъ. Опять цѣлый вечеръ сидѣлъ съ шами, много говорилъ о событияхъ войны, которая его очень занимали, и о разныхъ другихъ вещахъ, даже шутить. Дочь Людмила разливала чай: Михаилъ Петровичъ нѣкоторое время любовался ею, потомъ вдругъ сказать—«славна дытина!» и, взявши, поцѣловалъ ея руку.

Проціаясь съ нами, Михаилъ Петровичъ просилъ меня уѣхать на праздникахъ время и прийти прочитать съ нимъ его переводъ пьесы Гаунтмана (Роза Бернть), который онъ сдѣлалъ передъ праздниками.

По читать намъ больше не пришлось... На другой же день повторился съ Михаиломъ Петровичемъ такой ужасный сердечный припадокъ съ продолжительнымъ обморокомъ,—что всѣ послѣдующіе дни были только искусственнымъ продолженiemъ жиз-

зни, при посредствѣ экстренныхъ медицинскихъ мѣръ... Пульсъ, дыханіе были совсѣмъ плохи.

Лишь сознаніе оставалось,—сознаніе близкой смерти: скорбно-спокойно говорилъ Михаилъ Петровичъ женѣ и дѣтямъ:—«Да, это была послѣдняя отсрочка... Впрыскиванія, лекарства, какъ это все далеко отошли!.. Наступаетъ параличъ сердца»...

И сердце, дѣйствительно, перестало биться: въ то же утро, 14-го апрѣля, Михаилъ Петровичъ скончался. Нечальная вѣсть распространилась; друзья собрались въ домѣ на папіхиду. Невыразимо скорбное чувство испытывали мы, глядя на эти закрывшіеся глаза и павѣки сомкнувшіеся уста! Не хотѣлось вѣрить, что дорогой другъ уже не отъ нашего міра: онъ лежалъ въ гробу какъ-бы не пораженный смертью,—спокойный, торжественно-величавый, съ просвѣтлѣнной улыбкой; казалось, что онъ лишь уснулъ и ему грезится что-то лучшее, свѣтлое... Только ужасное смерщое може,—покрытое вѣнками, сіявшими своею страшною красотою, повитою траурными лентами съ печальными привѣтами,—говорило, что другъ нашъ спитъ сномъ, отъ котораго нѣть пробужденія...

На другой день тяжелая крышка гроба закрылась и мы провели его въ церковь Благовѣщенія, а оттуда на Байкову гору, гдѣ и опустили Михаила Петровича въ могилу, на новомъ кладбищѣ, близь церкви. Съ могильнаго мѣста видѣнъ Киевъ.

Похороны Михаила Петровича были величавые. Гробъ все время несла молодежь на рукахъ. Впереди подвигалася катафалкъ, весь покрытый вѣнками; развѣвались ихъ ленты: «коханому Татови и другови», «одѣ украинськихъ писателivъ», «отъ Литерат. Общества», «одѣ Кіевской Старини», «одѣ студентivъ-украинцевъ», «одѣ артистivъ» и т. д. и т. д. исколькъ десятковъ вѣнковъ. Иные вѣнки къ похоронамъ не посыпали (изъ заграницы, изъ Черноморія),—они будутъ положены, когда будетъ вполнѣ устроена могила.

Огромная толпа провожала гробъ до могилы. У этой раскрытой могилы сказаны были людьми старыми и молодыми теплые рѣчи.

Мне кажется, что лучшими словами были тѣ, которыя, послѣ отиѣванія, неожиданно раздались еще въ церкви,—они исчерпывали все: отець Михаилъ Вишневецкій, священникъ церкви Благовѣщенія, сказалъ надъ гробомъ Михаила Петровича Старицкаго:—«Исторія дастъ судъ надъ всѣми дѣлами его, судъ истиинный. Онъ любилъ родину, любилъ родное слово, страдалъ за это, то любилъ этимъ словомъ онъ будилъ самыя святыя, добрыя чувства въ близкихъ своихъ».

Это составляетъ сущность того, что можно сказать надъ гробомъ М. И. Старицкаго. Слово отца Михаила произвело большое впечатлѣніе на толпу присутствовавшихъ.

Да, родное слово Михаилъ Петровичъ любилъ горячею, вѣрною любовью—отъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ слагалъ этимъ словомъ первыя свои пѣсни, и до послѣднихъ дней жизни, когда, уже слабѣющею рукой, продолжалъ чертить слова всѣ той же дорогой рѣчи, сливавшейся въ его душѣ съ самыми дорогими образами.

Литературное наслѣдіе, оставленное Михаиломъ Петровичемъ въ этомъ дорогомъ ему украинскомъ словѣ, очень велико и разнообразно. Не считая настоящій моментъ подходящимъ для подробного критического разбора сочиненій Михаила Петровича, укажу лишь на главнѣйшіе мотивы, проникавшіе его творчество, и на тѣ размѣры, которые приняло у него изображеніе украинской жизни.

Основнымъ мотивомъ, одухотворявшимъ наиболѣйшая сочиненія Михаила Петровича, была патріотическая идея; для ея воплощенія находилъ онъ темы какъ въ прошлой, такъ и въ настоящей жизни родины; формами же выраженія этой идеи были и мелкое стихотвореніе, и обширное прозаическое произведеніе. Влечению выражать эту идею подчинялись какъ оригинальныя сочиненія М. И.—ча, такъ и его выборъ многихъ переводовъ.

Не загромождая указанія на этотъ мотивъ творчества Михаила Петровича отрывочными цитатами, хотя бы и прекрасныхъ мѣсть изъ его стихотвореній и драмат. произведеній, изъ которыхъ можно было бы взять не мало яркихъ мѣсть, монологовъ

и пр.—я, для цѣльности впечатлѣнія, приведу полностю хотя одно стихотвореніе, блещущее конкретнымъ, импозантнымъ образомъ геронни-патріотки, блещущее также и формою,—можно сказать, мастерскимъ стихомъ:

Дочка Гебая.

Якъ юдо доля велѣть полягти за свій край
 Въ песподивану ранню могилу,
 Ты, мій батьку святый, серце скорбне втрымай:
 Смерть моя дастъ одвагу и силу!
 Въ истремтячій руци поведы мене самъ
 На майданъ, до кативъ, до сокыры,
 И безъ жалю, безъ слизъ, похылося я тамъ
 Зъ сердцемъ новымъ надії та вирь:
 Що одужа народъ, не знесе бильшъ ярма
 И розправить натруженіи груды,
 Що на ридній земли зныкне, щезне пітьма,
 Сонце правды засяє повсюды;
 И на вильныхъ поляхъ, въ ниву власну ратай
 Кыне зерна добирного жыта,
 И красуя дочка той збере урожай,
 Не даючи напасныку мыта.
 Васъ, либровы, гаи, у одежи ряспій
 Не побачу я въ счастну годину,
 Але кревній народъ, въ своїй думци яспій,
 Помъянє и мою домовину...
 Задавы-жъ, батьку мій, ту слёзу на очахъ,
 За край ридный прыймы мою плату:
 Подывысь,—я сама, зцеповажывши страхъ,
 Смило йду зъ яснымъ окомъ на страту!

Герои и геронни, одушевленные горячей идеей патріотизма, являются также во многихъ драмат. пьесахъ Михаила Петровича; изъ этихъ пьесъ въ особенности отличаются Богданъ Хмельницкій, Маруся Богуславка, Осада Буши, какъ бы и написанныя соб-

ственне для проведенія идеи горячей любви къ родинѣ и беззатѣнного служенія ея благу, какихъ бы жертвъ ни требовало это служеніе.

Отсюда является понятнымъ то обстоятельство, о которомъ я упоминала вскользь, что и въ передѣлкѣ полу-фантастического, полубытового сюжета, въ текстѣ музыкальной комедіи «Риздвиничъ», Старицкій изъ безразличной къ высокой идеѣ патріотизма, легендарно-комической фигуры характерника Пацюка (по Гоголевскому сюжету лишь глотающаго вареники) дѣлаетъ убѣженіаго патріота, скорбящаго, горячо негодующаго на то, что въ поколѣніи, смѣнившемъ запорожцевъ, угасаетъ вѣрность прежнимъ патріотическимъ традиціямъ.

Принципъ вообще вѣрности разъ воспринятой высокой идеѣ послужилъ Старицкому мотивомъ для слѣдующаго прекраснаго стихотворенія:

Потайни ученыкы.

„Всякая вина простится, вина-же противъ Духа Свята не простится во вѣки.“

Мы тамъ буды... Его разпяты,
А мы дывылыся здали,
Та обережно, знай, мовчали
И въ глыбыни души ховали
Свои незважени жалі.

До насъ прыскалысь словами:
«Повыши, й вы тіі-жъ руки,—
Адже-жъ булы ёго друззямы?»
Мы видцурамыся клятьбами,—

И пивень крыкинувъ здалекъ.
Вопы замучылы Мессію...
Усе простывъ винъ ворогамъ:
Винъ душогубу, лыходю
Въ раю зустритысь давъ надю...
Та чи простывъ-же винъ друззямы?

Идея народничества,—любви къ родному темному люду,—одушевлявшая нашего автора, отразилась во многихъ его стихотвореніяхъ; она-же руководила имъ при созданіи многихъ симпатичныхъ типовъ и картинъ изъ жизни народной, явившихся въ его драматическихъ произведеніяхъ. Среди типовъ пародийныхъ Старицкій выводить въ своихъ пьесахъ не только людей обыденной жизни, но ищетъ выдающихся представителей, одушевленныхъ идеей гражданского служенія той средѣ, которой они принадлежать (таковы, наприм., рѣзко очерченный Старицкимъ Юрко Довбушъ и герой пьесы «У темряви»).

Вообще идея человѣчности, «святое чувство» гуманнаго отношения къ близкимъ людямъ вошла даже въ самую первую драматическую пробу М. П. Старицкаго (*Чорноморцы*), передѣлку сюжета Кухаренка: въ то время, какъ въ пьесѣ Кухаренка¹⁾ герой женится на несчастной брошенной имъ дѣвушкѣ только благодаря тому, что его обманули въ пьяномъ видѣ, при чемъ онъ принялъ ее за другую, моложе и красивѣе ея,—у Старицкаго старый козакъ *сознательно* возвращается къ прежней своей милой, изъ-за проснувшегося совѣстливаго чувства къ преданной ему женщинѣ, съ которой онъ собирался поступить несправедливо.

Не ограничиваясь сферою жизни народной, Старицкій вводить въ свои произведенія типы изъ сферы интеллигентной. Въ этомъ отношеніи уже первая его оригинальная пьеса „Не судьлось“ („Не такъ складось“) открывала цѣлую новую эпоху въ украинской драматической литературѣ, такъ какъ въ пьесѣ этой, наряду съ типами пародийными,—тоже съ новыми, своеобразными ихъ отг҃ыками,—выведены были типы „шанска гнѣзда“, съ его какъ старыми, такъ и самыми передовыми представителями; переплетеніе отношений всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы дало интереснѣйшую картину, необыкновенно художественно отдѣланную авторомъ.

Пьесы Старицкаго „Таланъ“, „Кресть жизнї“ написаны уже исключительно изъ жизни интеллигентїи, самыхъ разнообразныхъ круговъ ея,—артистического, дѣлового, свѣтскаго и т. д.

¹⁾ Чорноморський побыть.

Такимъ образомъ, пьесами Старицкаго наша драма была решительно выведена изъ старого, тѣснаго круга этнографического, съ его полуанекдотическимъ характеромъ темъ.

Въ самой *техникѣ* построенія драмы Старицкій является авторомъ очень умѣлымъ: пьесы его отличаются интереснымъ развитіемъ дѣйствія, разнообразiemъ сцезъ, а также большой жизньюю діалога,—кромѣ его характерности.

Говоря о формѣ, должно признать, что не менѣе искуснымъ техникомъ является Старицкій и какъ поэтъ-стихотворецъ. Онъ является въ своихъ стихотвореніяхъ вообще хоропимъ стилистомъ, свободно владѣющимъ при томъ самымъ разнообразнымъ стихомъ.

Въ частности, въ техникѣ слова, мы видѣли, каково было участіе Старицкаго въ этой области литературной работы: въ дѣлѣ созиданія литературного украинскаго языка онъ сдѣлалъ *огромный вкладъ*; теперь уже совершенно излишне было бы „*оправдывать*“ Старицкаго за его смѣлое новаторство,—напротивъ, теперь можно считать признанною его великую *заслугу* въ этой области.

Молодые ораторы, украинские писатели, говорившие надъ гробомъ Михаила Петровича, называли его своимъ учителемъ. Да, онъ былъ ихъ учителемъ, онъ указывалъ новые пути и содержаніемъ, и формою того, что написано имъ за долгіе годы его неуклонной литературной дѣятельности. Въ молодости Михаилъ Петровичъ, какъ писатель *украинскій*, опредѣль свое время и за расширение вообще рамокъ нашей литературы былъ иногда не одобряемъ даже своими, но за то новое поколѣніе поняло эту роль *идущаго впереди* и дало Михаилу Петровичу почетное название—учителя.

Вотъ кого мы потеряли въ Михаилѣ Петровичѣ Старицкомъ! Жаль, невыразимо жаль, что жестокая болѣзнь, развившаяся вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ условій, перервала эту дорогую жизнь, которая могла бы еще долго не только радовать всѣхъ близкихъ, но и служить на великое благо родинѣ.

Но если ужъ суждено было этой жизни прекратиться, то пусть близкіе и почитатели покойнаго поэта найдутъ свѣтлую долю утѣшенія въ томъ, что человѣкъ сдѣлавшій такъ много—не

умираеть совсѣмъ,—продолжая жить въ своемъ дѣлѣ и въ благодарной памяти оставшихся. Когда углубишься во всю духовную дѣятельность Михаила Петровича, то какъ будто физически чувствуешь, что живъ духъ его среди насть!

И хочется сказать, глядя на портретъ его, не безнадежное „прощай“ для вѣчной разлуки, а живое „спасыби“ за все сдѣланное вprodолженіе цѣлой жизни для дорогой Украины, за все то, что съ успѣхами ея свяжетъ на вѣки имя Михаила Петровича Старицкаго.

О. Пчилика.

Киевъ, 25 апрѣля 1904 г.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Письмо митрополита киевского Варлаама Ясинского къ Петру I о Переяславскои епископствѣ. „Царю царствующихъ и господарю государствующихъ Богу въ Тройцѣ святой славимому и поклоняемому буди честь, слава, поклоненіе и благодареніе. Яко изъ древле чрезъ многія войны въ Малой Россіи разореніе и запустѣліе епископство Переяславское, нынѣ за благонолучныя благочестивѣйшія вашего царскаго пресвѣтлаго величества державы, по милостивому вашему монаршескому государскому указу, ко помощи престолу близъ сущему Митрополію Киевскія и моей немощной старости, есть отновлено; о чёмъ я, недостойный богомолецъ, чрезъ многое время въ немощи моей старческой, многократно вашему царскому пресвѣтлому величеству, молитvenнымъ моимъ дерзахъ служати чelobитьемъ; по небесномъ же премилосердномъ царю и вашему царскому пресвѣтлому величеству благодарствую всепокорственно я немощный престарѣлый богомолецъ, за толикое милосердіе, яко по вашему премилостивому монаршескому изволенію, и на немощь мою старческую призрѣнію, изъявленномъ грамотѣ благословительномъ отъ святыхъ и блаженныхъ памяти архиепископыя нашего великаго господина Киръ Адріана, архіепископа московскаго и всей Россіи и всѣхъ съверныхъ странъ патріарха; при многоиждивительномъ богоугодномъ лопеченіи и ктиторствѣ вашего царскаго пресвѣтлого величества, войскъ запорожскихъ обонхъ сторонъ Днѣпра Гетмана и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалера благочестиваго Іоанна Степановича Мазепы. Поставленъ есть здѣ въ епископа Переяславскаго не инь кто развѣ ближній мой въ духу святомъ сынъ и постриженецъ, вѣдый немощь мою старческую и обыкнѣй мнѣ

Томъ 85.—Май, 1904.

П—1

помоществовати, яко же и могій обновленіе того Переяславскаго престола тицаніемъ своимъ воздвигнути, боголюбивый игуменъ монастыря Святомихайловскаго Золотоверхованаго Киевскаго, Захарій Корниловичъ. То убо егда и самъ готовляшеся путемъ симъ зимнимъ шествовать къ царствующему великому граду Москвѣ воздаянія ради благодарствія достодолжнаго вашему царскому пресвѣтлому величеству за то-ликое благодѣяніе и моленія ради о утвержшіи крѣпостію монаршескою того постановленія его на то Переяславское епископство, обновляемое ко помощи митрополії Кіевскія и моей дозѣла изнемогающей крайней старости ко пособствованію: и се отъ вашего царскаго пресвѣтлого величества премногомощная грамота, писанная въ нынѣшнемъ 1701 году генваря 3 дня подана есть недостоинству моему того-жъ мѣсяца дня 15; въ ней же написано предостойнѣйший монаршескій милостивый вашего царскаго пресвѣтлого величества указъ; новопоставленному сему епископу Переяславскому Захарію, якожь и отъ Черниговскія епархія новгородскому архимандриту Димитрію, писателю житій святыхъ книгъ церкви святой благонетребныхъ, еще недоконченыхъ, приїзжати ко Москвѣ ради избрания въ Сибирскія митрополиты. Сице вому многочестному вашего царскаго величества монаршескому указу, всесмиренно повинуясь, отпущано ко престолу благодати вашего царскаго пресвѣтлого величества съ препокорствениѣйшимъ поклоненіемъ и челобитьемъ сего новопоставленаго епископа Захарію, молитвуя, да сподобится пріятии монаршескую милость и благодать обрящетъ во благовременную помошь; а въ помошь двойственную и ко обновленію того Переяславского епископства по многостолѣтнію запустенію и ко пособствованію моей крайней старости кончащейся, да возвращенъ будеть всپять по милосердию вашего царскаго пресвѣтлого величества призрѣнію для той двогубой зѣло нужной потребы и обновленія ради епископства и обеташай ради моей митрополитанской старости; о семъ всепокорственно старческимъ моимъ слезнымъ моленіемъ челомъ бью; дерзая же прилагати моленіе и о писателю книгъ житій святыхъ новгородцкомъ архимандритѣ Димитрій, яко и того здѣ возвращеніе на докончаніе тѣхъ книгъ церкви святой многополезныхъ зѣло есть благонетребно, съ повторяемымъ стократнымъ моимъ челобитьемъ подъ монаршескія вашего царскаго пресвѣтлого величества стоны препокорственно припадаю. Писася въ отчествѣ вашего царскаго пресвѣтлого величества въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, при церкви престольной митрополитанской святыи Софії Пре-

мудрости Божія, въ лѣто отъ Рождества Христова 1701, мѣсяца генваря 29. Вашего царскаго пресвѣтлого величества премилостивѣйшаго нашего великаго государя всегдашній богоомолецъ нижайший рабъ и подноожіе недостойный митрополитъ киевскій Варлаамъ старецъ¹⁾).

Къ исторії осипрививанія въ Малороссії. Печатаемый документъ найденъ въ г. Глуховѣ, черниговской губ., П. Я. Литвиновой на базарѣ, гдѣ въ него была завернута какая-то мелкая покупка. Очевидно, онъ попалъ къ торговцѣ изъ дѣлъ, проданныхъ какимъ-нибудь учрежденіемъ. Конецъ документа пропалъ, но и въ томъ видѣ, какъ документъ доставленъ редакціи—онъ представляетъ несомнѣнныи бытовой интересъ. Оспопрививаніе въ Россіи завоевывало себѣ място, какъ извѣстно, чрезвычайно туго. Правительству приходилось нерѣдко прибѣгать даже къ насильственнымъ мѣрамъ, прежде чѣмъ населеніе сознalo пользу осипрививанія. Печатаемый нами документъ содержитъ въ себѣ одну изъ мѣръ, которыми правительство пользовалось при введеніи осипрививанія — объясненіе пользы его съ церковной каѳедры при посредствѣ духовенства.

„1812 года Генваря 2 дня. По Указу Его Императорскаго Величества учрежденный въ городѣ Глуховѣ о прививаніи осны Комитетъ слушалъ присланые въ оный при предписаніи Господина Черниговскаго Гражданскаго Губернатора въ копіяхъ записку, Высочайше одобренную въ 3-й день Маія прошлаго 1811 года, и предписаніе господина министра полиціи 25 тогожъ Маія къ господину губернатору постѣдовавшее, въ которомъ между прочимъ предположено: 1-е, пояснку поясненіе пользы народу отъ прививанія коровьей осны происходящей возложено было еще въ 1804 году на духовенство, что и донынѣ исполняется, то о семъ неизлишне и вновь повторить, вменя въ особую обязанность ластирямъ духовнымъ, дабы они всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительного средства, сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ дѣйствіе осны натуральной съ осною коровьесю. Злу первой противу полагали благодѣянія второй, и даже подъ опасеніемъ гнѣва Божія впе-

¹⁾ Москов. Арх. Мин. Юст. Дѣло Кіевскаго Повѣтъя, кн. 39, лл. 83—84.

ряли бы имъ мисль, что неупотреблять истинныхъ извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ свою или близкихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значить отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ нерѣдко съ самимъ человѣкоубийствомъ.—Къ вищему же достиженію въ ономъ успѣха со стороны духовенства и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благоразумное увѣщаніе, небезыполезно учредить чтобъ тѣ дѣти, а особымъ по деревнямъ, укоихъ привита была коровья оспа, по совершенному выздоровленіи приводимы были въ праздникъ или воскресный день, смотря поудобности мѣстнаго разстоянія и въ самую хорошую лѣтнюю погоду, въ церковь для слушанія Божественной литургіи, коихъ и ставить въ переды на особомъ, отъ священника имъ назначенномъ мѣстѣ. Обязанность священника присемъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобъ онъ по окончаніи Богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ прививанія коровьей оспы, обявлялъ имена виздоровѣвшихъ, равно упоминаль бы, со свойственнымъ настирю духовному увѣщаніемъ, и отѣхъ кои (ежели гдѣ къ нещастію случится) потеряли ионебреженію своему семеннаго человѣка отъ натуральной оспы. 2-е. Комитетамъ же поставить въ непремѣнную обязанность приведенія въ извѣстность по всемѣстнаго въ каждой губерніи числа малолѣтнихъ дѣтей, у коихъ не было еще оспы, и веденіе имъ правильного щета, попеченіе, чтобы нездѣ знающими людьми прививаема была всѣмъ дѣтямъ безъ изъятія коровья оспа, снабденіе прививателей свѣжею осеннюю матернею, и самоудобнѣйшими для сего дѣла инструментами, и наставление отъ медицинскихъ чиновниковъ желающимъ научится основательному прививанію. 3-е. Возложивъ посему на комитеты о распространеніи повсюду прививанія коровьей оспы и предостави благоразумію и усердію къ общему добру членовъ ихъ, предписано употреблять на сей конецъ всевозможныя по мѣстному усмотрѣнію средства, и принимать дѣятельнѣйшія мѣры, для свидѣнія же правительства о усилихъ всеобщаго прививанія постановить такъ же правиломъ, чтобъ Губернскіе Комитеты, получая полугодовыя вѣдомости изъ Комитетовъ уѣздныхъ, по присланному образцу...

На этомъ мѣстѣ рукопись оторвана.

Сообщила П. Я. Литвинова.

Опытъ составленія топографическаго описанія Кіевскаго намѣстничества въ концѣ XVIII в. Въ концѣ XVIII в. императрица Екатерина II поручила нѣкоему бригадиру Соймонову составить лично для нея топографическое описание всѣхъ намѣстничествъ. Нуждаясь въ матеріалахъ для подобныхъ описаний, Соймоновъ обратился за содѣйствиемъ къ генераль-губернаторамъ, а эти послѣдніе—къ подчиненнымъ имъ свѣтскимъ и духовнымъ властямъ. Ниже мы помѣщаемъ два письма Румянцева и м. Самуила (Миславскаго), какими они обмѣнялись по этому поводу.

Письмо Румянцева къ м. Самуилу: „Преосвященній Господинъ—Святѣйшаго Правительствующаго Синода членъ, архіепископъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Мой Милостивый Архиастыръ! Ея Императорское Величество высоочайше указать соизволила господину бригадиру Соймонову сочинить для собственнаго Ея употребленія топографическое описание каждого намѣстничества порознь, всемилостивѣйше позволяя ему, если о которомъ онъ достаточнаго свѣдѣнія имѣть не будетъ, изтребовать оное отъ генераль-губернаторовъ; и вслѣдствіе того сочинилъ онъ нѣкоторые запросы, кои при письмѣ ко мнѣ сообщили съ тѣмъ, что, какъ собраніе таковыхъ извѣстій по многочисленности предметовъ, въ оныхъ заключающихся, требуетъ довольно времени,—то просилъ о скорѣйшемъ доставленіи на первый случай хотя тѣхъ, кои безъ дальнѣйшихъ справокъ я имѣть могу, ибо въ получениіи оныхъ крайняя надобность теперь настоитъ, оставляя уведомленіе о прочихъ на предыдущее время. Я потому господамъ губернаторамъ здѣшнихъ губерній препоручилъ возложить собраніе сихъ извѣстій, по усмотрѣнію ихъ, на нѣкоторыхъ изъ членовъ присудственныхъ мѣстъ или на обывателей, учениемъ или упражненiemъ въ таковыхъ дѣлахъ знаніе пріобрѣтишихъ, съ тѣмъ, чтобы прилежнѣйше они стараніе въ самоскорѣйшемъ того произведеніи въ дѣйствіе употребили; а всѣмъ городовымъ магистратамъ, земскимъ исправникамъ и городничимъ и до кого сіе принадлежать можетъ, предписать, дабы они въ поданіи надобныхъ извѣстій пособствовали; а землемѣры, кои всѣ чинъ положенія своего уѣзда знать должны, тоже съ своей стороны надобными описаніями пособствовали. И какъ во многихъ пунктахъ могутъ быть потребны объясненія и отъ духовныхъ правленій, то чтобы и со стороны тѣхъ тоже благоволено, покорно прошу вашего преосвященства онымъ въ наставѣ вашей находящимся предписать, для

чего и копію плана сего топографического описанія отъ помянутаго господина Соймонова присланного при семъ сообщаю¹⁾). Пребывающій съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Румянцевъ-Задунайскій.

1884 года, 3 апрѣля. Вишенъки²⁾.

Митр. Самуилъ выразилъ полную готовность помочь этому добруму начинанію, о чёмъ ясно свидѣтельствуетъ его *ответъ Румянцеву*: «Высокосиятельныйнейший графъ, генералъ-фельдмаршалъ, милостивый государь! По содержанію всепочтеннѣйшаго вашего сіятельства письма относительно къ собранію извѣстій, для сочиненія топографического описанія потребныхъ, имѣю честь донести, что какъ монастырскимъ настоятелямъ, такъ и духовнымъ правленіямъ изъ консисторіи указами предписано, дабы они доставленіемъ таковыхъ свѣдѣній, кому слѣдуетъ, всемѣрно и безъ всякаго отлагательства споспѣшились.

Въ прочемъ съ моимъ къ вашего сіятельства особѣ высокопочитаніемъ, искреннѣйшею преданностю и молитвами пребуду и есмъ въ вашемъ сіятельства...³⁾

1784 года, апрѣля 15 дня. Киевъ.

В. Д—ский.

О приглашении на службу въ Грузію чиновниковъ изъ Малороссіи. Въ апрѣль мѣсяцѣ 1818 г. намѣстникъ Кавказа, извѣстный генералъ А. Ермоловъ, обратился къ малороссійскому генераль-губернатору князю Репнину съ просьбою содѣйствовать ему въ приглашении чиновниковъ на службу въ Грузію. «Верховнаго грузинского правительства казенная экспедиція, имѣя большой недостатокъ въ чиновникахъ, которые могли бы съ желаемымъ успѣхомъ по части счетной и губернскаго казначея мѣста бухгалтера и столонаачальниковъ, просить содѣйствія моего на счетъ приглашения ихъ изъ россійскихъ губерній. Уважая здѣсь существенную нужду въ сихъ людяхъ, и при томъ, не надѣясь, чтобы по общему вызову правительства можно было когда либо имѣть здѣсь хорошихъ людей въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ доселѣ сколько ни являлось ихъ изъ разныхъ губерній, все они были или совершенно неспособные къ

¹⁾ Къ сожалѣнію, самаго этого плана намъ не удалось найти

²⁾ Арх. Кіев. Дух. Конс. 1784 г. № 759.

³⁾ Ibid (копія)

статскимъ дѣламъ, или дурного поведенія, а здѣшнее начальство, не смотря на крайній въ нихъ недостатокъ, принуждено было многихъ выслать обратно въ Россію; сие обстоятельство вынуждаетъ меня беспокоить ваше сіятельство покорнѣйше мою просьбою принять на себя трудъ, сколько для пользы службы, а не менѣе и въ особенное миѣ одолженіе приказать склонить къ отѣзду сюда на службу, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести человѣкъ, если нельзя болѣе, изъ чиновниковъ, служащихъ въ черниговской и полтавской казенныx палатахъ, но такихъ, кои бы здѣсь могли быть употреблены съ пользою. Я не сомнѣваюсь, чтобы въ губерніяхъ сихъ, давно уже образованныхъ, нельзя было найти столько людей, хотя молодыхъ, по при похвальному поведеніи обѣщающихъ хорошие успѣхи. Каждый изъ согласившихся сюда отправиться можетъ, при самомъ отправленіи, на основаніи существующаго постановленія получить слѣдующій чинъ, прогоны и впередъ за третью годовую жалованье. Сие послѣднее назначается здѣсь бухгалтеру или столоначальнику по 350 р., а помощникамъ ихъ по 200 р. серебромъ, сверхъ того, по способностямъ и усердію могутъ надѣяться и другихъ отличныхъ награжденій, а современемъ занятія высшихъ мѣстъ.

Для лучшаго убѣжденія хорошихъ людей къ поѣздкѣ сюда, не излишнимъ считало присовокупить, что описанія многихъ въ разсужденіи климата и другихъ неудобствъ не должны ихъ останавливать потому, что всѣ слухи, которые выходятъ въ публику о невыгодахъ здѣшняго края, есть совершенно ложные и распускаются одними и тѣми же людьми, которые отсюда, по негодности ихъ, высланы обратно въ Россію. Въ разсужденіе содержанія не будуть они также иметь никакого неудобства, потому что жизненные припасы здѣсь несравненно дешевле многихъ россійскихъ губерній, не говоря уже о столицахъ; а жалованье, выдаваемое имъ серебромъ, достаточно даже и для семейнаго человѣка, поелику за серебряный рубль даютъ мѣдныхъ три, а астигнациями, которая въ совершенномъ уже употребленіи, по четыре рубля и болѣе. Сверхъ того, всякий чиновникъ, служащий здѣсь, имѣть по отводу обывательскую квартиру безъ платы за постой денегъ. Зная давно присвила вашего сіятельства и постоянное желаніе быть всегда полезнымъ службѣ и отечеству, я совершино увѣренъ, что вы, милостивый государь, не откажете принять въ дѣлѣ семь живѣйшаго участія, по крайней мѣрѣ изъуваженія къ краю, сколько благословенному по климату своему, столько же бѣдному хорошими

чиновниками. Въ заключеніе сего, я долгомъ поставляю покорнѣйше просить ваше с-во, если кто изъ таковыхъ чиновниковъ изъявить желаніеѣхать сюда, то приказать немедленно ихъ отправить въ Тифлисъ, выдавъ каждому на счетъ здѣшней казенной экспедиціи прогонныя по чину деньги и третное жалованье, разсчитывая оное на серебро, какъ значитъ выше: бухгалтеру или столоначальнику изъ 350 р., а помощникамъ ихъ 200 рублеваго въ годъ оклада, и обѣ успѣхахъ по сему предмету не оставьте меня вашимъ увѣдомленіемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть вашему сіятельства покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

Кн. Репинъ исполнилъ желаніе Ермолова и оповѣстилъ всѣ подвѣдомственныя ему учрежденія съ приглашеніемъ отправиться въ Грузію. Нашлось 23 человѣка, которые и были отправлены въ Грузію на условіяхъ, о которыхъ сказано въ письмѣ Ермолова.

Нѣсколько позже Ермоловъ вошелъ съ ходатайствомъ къ министру юстиціи Д. И. Лобанову-Ростовскому о разрѣшеніи въ законодательномъ порядке всѣмъ увольненнымъ изъ духовныхъ училищъ ученикамъ, если они пожелаютъѣхать на службу въ Грузію, выдавать, сверхъ прогонныхъ денегъ, единовременно отъ 200 р. до 300 р. ассигнаціями. Эти недоучившіеся юноши должны были поступать въ качествѣ канцелярскихъ служителей. Ходатайство было уважено, о чёмъ и послѣдователь указъ сената 1 марта 1820 года. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи № 113, 1818 года).

И. Ф. Павловскій.

Ходатайство о бѣдной вдовѣ Василевской, родственницѣ св. Феодосія Угличскаго. Черниговскій прокуроръ Георгій Бажановъ обратился въ 1818 г. съ слѣдующимъ письмомъ къ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репину:

«Бѣдная вдова, надворная совѣтница Василевская на восьмомъ десяткѣ лѣтъ своихъ, борясь съ немощами и нищетою, прибѣгаєтъ къ вашему с-ству съ нижайшею просьбою обѣ исходатайствованій ей отъ щедротъ монаршихъ маленькаго подаянія за долговременную службу мужа ея. Будучи здѣшнимъ уроженцемъ, я помню еще въ малолѣтствѣ, что домъ Василевскихъ былъ нѣкогда изъ лучшихъ и добрые хозяева въ нихъ отличались ласками и гостепріимствомъ. Но, по времени, игра судьбы разными несчастными стеченіями и пожарами все

въ немъ истребила и оставила хозяйку въ глубокой старости, на болѣзниномъ одрѣ, умирать съ голоду. Смерть ей тѣмъ страшнѣе, что она имѣетъ маленькие долги и боится умирать съ непокойною совѣстью, ибо она совершенная христіанка, а сверхъ того и ближайшая родственница покойному черниговскому архіерею Феодосію Углицкому коего мощи здѣсь въ Борисоглѣбской церкви почивають. Изобразивъ передъ вашимъ сіятельствомъ въ короткихъ словахъ горестное положеніе беспомощной женщины, я не стану уже утруждать просыбами за ея,увѣренъ будучи несомнѣнно, что она найдеть наиболѣшаго ходатая въ собственномъ вашемъ сердцѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаньемъ и душевною преданностью вѣчно пребуду вашего сія-ва всенижайшій слуга Георгій Бажановъ.

Декабрь 21, 1818 г. Черниговъ.

На этомъ письмѣ, на верху, такая помѣта: «При первой поѣздкѣ въ Черниговъ, взять съ собою и припомнить князю, котораго мысль, чтобы сдѣлать для Василевской подписку». (Арх. полт. губ. правленія 1818 г. по описи № 157, л. 336).

И. Ф. Павловскій.

Матеріалы для історіи Київской Духовной Академії (1800—1802 г.)¹⁾. Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Гаврілу, Митрополиту Київскому и Галицкому и Кіево-Печерськія Лавры Священно-Архимандриту Академического Правленія Докладъ.

Указомъ Его Императорскаго Величества изъ Київской Духовной Дикастеріи сего августа 22 въ сіе Правленіе насланнымъ, по резолюції Вашего Высокопреосвященства между прочимъ велѣно: „на мѣсто отправленного въ Новороссійскую семинарію низшаго класса грамматики учителя соборнаго іеромонаха Іоанникія представить Вашему Высокопреосвященству на утвержденіе кандидата“. Къ исполненію чего Академическое Правленіе приступая, а притомъ разсуждая 1-е, что въ высшемъ краснорѣчиіи учителя не имѣется; ибо по утвержденному Вашимъ Высокопреосвященствомъ сего года юня 1 дня сего Правленія докладу, высшее краснорѣчие до окончанія только года препоручено латинской и россійской риторики учителю Никитѣ Соко-

¹⁾ См. Кіев. Стар. № 4, отд. II, стр. 6—13.

ловскому; которое онъ, оставаясь при риторикѣ преподавалъ, но по важности сихъ обоихъ классовъ нужно опредѣлить порознь учителей и 2-е, классъ географической и исторической, въ разсужденіи обширности своей, какъ преподавать одному учителю съ окончаніемъ ежегодно курса не совмѣстно, такъ и для учащихся проходить онъ обременительно; равно и ариѳметической классъ ради облегченія памяти юныхъ и лучшаго утвержденія нужнымъ почитается распространить, и оба оные классы такъ, какъ и математическіе къ латинскимъ классамъ привязать, съ тѣмъ чтобы учителя ординарные ради лучшаго и исправнѣйшаго упражненія своихъ учениковъ по онымъ классамъ постепенно руководствовали легчайшимъ и способнѣйшимъ порядкомъ, и ученики бы съ окончаніемъ классовъ выходили свѣдущими въ сихъ предметахъ (не возбраняя при томъ и студентамъ высшихъ классовъ, если кто или ради повторенія или, и вновь начавъ, возымѣеть надобность онымъ предметамъ обучаться); ежели же изъ ординарныхъ учителей кто на первый нынѣ случай окажется не свѣдущимъ въ сихъ знаніяхъ: то на мѣсто его препоручить оные экстраординарному. 3-е, ради изученія исправному при службѣ Божіей пѣнію (о чёмъ и въ указѣ Св. Синода упомянуто) не безнужно открыть классъ нотного пѣнія. И 4-е, наконецъ, что при семъ распоряженіи слѣдуетъ поручить должности учительскія и прибывшимъ изъ московскаго университета студентамъ Михаилу Пишнячевскому и Данилу Домонтову, полагаетъ мнѣніе:

I.

Быть учителями: 1) Священной богословіи Киево-Братскаго училищнаго монастыря архимандриту Иринею. 2) Философіи—префекту Академіи соборному іеромонаху Іакину. 3) Высшаго краснорѣчія и высшаго французскаго класса—Никитѣ Соколовскому. 4) Еврейскаго и нижняго нѣмецкаго—Григорію Шехновскому. 5) Латинской и российской риторики, также домашней и сельской экономіи—Дмитрію Иваннешеву. 6) Поэзіи и высшаго класса чистой математики—Михаилу Пишнячевскому. 7) Высшаго грамматического класса и высшаго греческаго класса—іерею Стефану Семяновскому. 8) Средняго класса грамматики, средняго ариѳметики и втораго географіи—іеродіакону Серафиму. 9) Нижняго класса грамматики, нижняго греческаго, нижняго ариѳметическаго и первого географическаго—Каллистрату Соколовскому. 10) Смѣшенной математики—іерею Трофиму Ляшкову. 11) Высшаго нѣмецкаго—Самуилу Храпканову. 12) Нижняго класса чистой ма-

тематики и рисовального искусства—Тимофею Максимовскому. 13) Польского языка и третьего класса географии и высшаго ариѳметики—Игнату Главацкому. 14) Нижняго французского и четвертаго географического—Даниилу Домонтову. 15) Нотнаго пѣнія—Георгію Барановичу.

II.

Географію раздѣлить на четыре класса, ариѳметику на три, чистую математику по прежнему на два, изъ которыхъ математики классъ второй двухгодичнымъ долженъ оканчиваться курсомъ, такъ какъ приспособленный къ классу риторики, что обстоятельнѣе видѣть можно въ учиненномъ о семъ особомъ росписаніи.

III.

Нотнаго пѣнія классъ вновь открыть и быть три раза въ недѣлю во вторникъ, четвертокъ и субботу въ 6 часу пополудни, котрое время прежде было назначено ради Академического собралія.

IV.

Какъ въ духовныхъ Академіяхъ проходѧщіе учительскія должности, а паче по ординарнымъ классамъ, непремѣнно должны изучиться и священной богословіи, о чёмъ и въ спискахъ ежегодно въ Святѣйшій Синодъ посылаемыхъ отмѣчается; изъ отправленныхъ же было въ університетъ студентовъ для ученія Даниилъ Домонтовъ только окончилъ классъ философіи, для чего ему Домонтову и вступить въ классъ Богословія, но между тѣмъ быть ему и экстраординарнымъ учителемъ. Что все, а равно и учиненное о порядкѣ времени и жалованьї учителямъ особое росписаніе, Академическое правленіе, представляя на благоусмотрѣніе Вашему Высокопреосвященству, ожидаетъ на то Архипастырской резолюціи. Вашего Высокопреосвященства нижайшіе послушники: Академіи ректоръ, Кіево-Николаевскій архимандритъ Феофилактъ, Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и богословія учитель Ириней. Академіи префектъ учитель философіи соборный іеромонахъ Іакинфъ.

1800 года августа 31 дня.

На семъ докладѣ резолюція митронополита Гавріила послѣдовала такая: „Быть посему. Причемъ утверждается здѣсь приложенное порядка преподаванія ученіе и определенное жалованья росписаніе.

Росписаніе въ дополненіе сдѣланнаго 1799 г. росписанія: 1) въ какіе часы каждого дня и какимъ наукамъ обучаться; 2) въ географическомъ съ исторіею и математическихъ классахъ чemu именно въ якомъ обучаться; 3) какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться; 4) сколько кому въ годъ жалованья. Учинено 1800 г. августа 31 дня.

I.

Въ какіе часы именно каждого дня и какимъ обучать наукамъ.

Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ.

По утру—въ 8 и 9 часу французскому языку въ обоихъ классахъ, въ 10 и 11 Латинскимъ классамъ, кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни—во 2 часу ариѳметикѣ, чистой и смѣшанной математикѣ во всѣхъ классахъ, въ 3 часу еврейскому языку и польскому и рисовальному искусству, въ 4 и 5 часу нѣмецкому языку въ обоихъ классахъ.

Во вторникъ и четвертокъ.

По утру въ 8 и 9 часу греческому языку въ обоихъ классахъ въ 10 и 11 латинскимъ классамъ кромѣ высшаго краснорѣчія. По полудни во 2 часу всѣмъ географическимъ классамъ, въ 3 и 4 высшему краснорѣчію, въ 5—сельской и домашней экономіи, въ 6—ночному пѣнію.

Въ субботу.

Въ 10 и 11 часу быть собранію, въ прочіе же часы такъ, какъ во вторникъ.

II.

Въ географическомъ съ исторіею классахъ чemu именно обучать:

Въ первомъ классѣ:

Преподавать введеніе въ географію какъ то: названіе географіи, положеніе земли, названіе круговъ, раздѣленіе земли на ея части, раздѣленіе частей по государствамъ, познаніе океана, горъ, озеръ и главнѣйшихъ рѣкъ и раздѣленіе познанія предѣловъ Россійскаго государства, пространства, морей, горъ, озеръ и рѣкъ и раздѣленіе онаго по губерніямъ.

Познаніе объ исторіи вообще, о раздѣленіи времени по періодамъ, или эпохамъ, библейскую исторію вообще; какое государство съ котораго началось времени, кто его основатель или первый государь и родословное исчисленіе россійскихъ государей.

Во второмъ классѣ:

Преподавать главное раздѣленіе всѣхъ государствъ, какъ то по провинціямъ или округамъ; какая въ нихъ господствующая и какая терпимая вѣра; какой столичный городъ и въ немъ число жителей, какъ титулуютъ государя, сколько во всемъ государствѣ жителей и воинской силы, какія горы, рѣки и озера,—познаніе о качествахъ земли и произведеніяхъ россійского государства и раздѣленіе по уѣздамъ.

Первую часть всемірной исторіи, то есть исторію древнюю, также Россійской исторіи три періода.

Въ третьемъ классѣ:

Первую часть всеобщаго землеописанія по городамъ и мѣстамъ съ описаниями, къ нимъ принадлежащими, также объ обитателяхъ Россійского государства, о внутреннемъ его устроеніи, описание уѣздовъ и другихъ мѣсть, помѣщеныхъ въ пространномъ землеописаніи Россійского государства.

Вторую часть всемірной исторіи, то есть первую часть новой исторіи, и Россійской исторіи четвертый и пятый періодъ,—чѣмъ Россійская исторія и оканчивается.

Въ четвертомъ классѣ.

Вторую часть всеобщаго землеописанія по городамъ съ описаниями имъ принадлежащими и математическую географію.

Послѣднюю часть всемірной исторіи, то есть второй томъ новой исторіи.

Въ математическихъ классахъ.

1) Въ нижнемъ ариѳметики классѣ преподавать начала ариѳметики о числахъ, о четырехъ правилахъ исчисленія, то есть сложеніи, вычитаніи, множеніи и дѣленіи.

2) Въ среднемъ классѣ правила именованныхъ чиселъ, дробей простыхъ и десятичныхъ, квадратовъ и кубическихъ чиселъ.

3) Въ высшемъ классѣ правила ариѳметическихъ и геометрическихъ пропорцій, прогрессій, также логарифмовъ и правила тройное, товарищества и прочія.

Чистой математики:

4) Въ нижнемъ классѣ изъ геометріи лонгиометрію и планиметрію; изъ алгебры: начальныя дѣйствія, также о дробяхъ и квадратахъ.

5) Въ высшемъ классѣ.

Перваго года изъ геометріи: штереометрію,—чѣмъ оканчивается вся геометрія. Изъ алгебры: о изобрѣтеніи и приведеніи уравненій при рѣшеніи задачъ, къ пропорціи и прогрессіи принадлежащихъ, и теоретическія правила тригонометріи, заключаемыя въ трехъ главахъ.

6) Втораго года изъ алгебры: конструкцію до окончанія всей алгебры; а изъ тригонометріи отъ практическихъ задачъ до окончанія всей тригонометріи.

Въ классѣ смишеннай математики.

Перваго года архитектуру гражданскую и военную, также изъ первой части механику и идростатику.

Второго года аерометрію, идравлику, оптику, катоптрику, діоптрику и перспективу.

Третьяго года вторую часть, то есть тригонометрію сферическую, начала астрономіи, географію, идрографію, игномонику и хронологію.

III.

Какихъ классовъ ученикамъ какимъ другимъ наукамъ и языкамъ обучаться.

Нижняго грамматического класса ученикамъ обучаться польскому языку, яко въ сей и другихъ соѣдственныхъ къ ней губерніяхъ употребляемому, ариометриѣ, географіи и исторіи.

Средняго грамматического класса ученикамъ продолжать польский языкъ, ариометрику, географію и исторію.

Высшаго грамматического класса ученикамъ продолжать ариометрику и географію и начинать нѣмецкій или французскій языкъ по ихъ способности.

Поэзіи ученикамъ продолжать географію, исторію, начатые ими языки и обучаться чистой математикѣ, и священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ безъ исключенія начать греческій языкъ.

Въ риторикѣ ученикамъ продолжать начатые языки и обучаться чистой математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ всѣмъ продолжать греческій языкъ.

Студентамъ философії обучаться смѣшеннай математикѣ, а священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ продолжать греческій и еврейскій языки.

Богословіи студентамъ продолжать смѣшенну математику, также и начатые языки.

Въ классѣ высшаго краснорѣчія обучаться всѣмъ студентамъ философії и богословія; симъ же студентамъ въ особенные часы, въ 1 пунктѣ показанные, обучаться сельской и домашней экономії.

Рисовальному искусству обучаться по произволенію учениковъ всѣхъ классовъ имѣющихъ къ оному и способность по правиламъ.

Нотному пѣнію обучаться всѣмъ священно и церковно-служительскимъ дѣтямъ и желающимъ вступить въ священническую и церковно-служительскую должностъ.

IV.

Сколько кому и за что изъ учителей получать жалованье: Богословіи учителю триста пятьдесят рублей, префекту и философії учителю триста рублей, высшаго краснорѣчія двѣсти рублей, латинской и россійской риторики двѣсти руб., латинской и россійской поэзіи сто восемьдесят рублей, высшаго класса грамматики сто пятьдесят руб., средняго класса грамматики сто тридцать рублей, нижняго класса грамматики сто десять рублей. Экстраординарнымъ Французскаго высшаго класса нынѣшнему учителю 200 р., а вперед будущему 150 р., нижняго класса 100 р., греческаго высшаго класса 150 руб., нижняго класса—100 рублей, нѣмецкаго высшаго класса—150 руб., нижняго класса—100 р., еврейскаго—100 р., польскаго—80 руб., смѣшеннай математики—100 руб., высшаго чистой математики—80 р.. нижняго чистой математики—70 р., ариѳметики высшаго класса—50 р., средняго класса 40 р., нижняго класса—30 рублей. Географіи съ исторіею четвертаго класса—50 рублей, третьяго класса—40 р., второго класса—30 р., первого класса—30 рублей; экономіи—50 рублей, рисовальнаго искусства—30 р., нотнаго пѣнія—30 рублей.

Академіи ректоръ Кіево-Николаевскій архимандритъ и кавалеръ Іоофилактъ. Кіево-Братскаго училищнаго монастыря архимандритъ и священнай богословіи учитель Ириней Фальковскій. Академіи префектъ философії учитель соборный іеромонахъ Іакинъ.

Къ выше приведеннымъ докладамъ правленія Кіевской Духовной Академіи считаю не излишнимъ присовокупить, что это правленіе

2 сентября 1802 г. докладывало кіевскому митрополиту Гаврілу (Банулеско) о разрѣшенні преподавать воспитанникамъ Академіи «начала врачебной науки и открыть особый французскій классъ для способнѣйшаго и удобнѣйшаго пріобрѣтенія способности говорить по-французски, въ которомъ бы (классъ) можно имѣть навыкъ разговоровъ и занимать учениковъ единственно оными, съ показаніемъ свойства французского языка и исправленіемъ выговора». Для преподаванія „первонаучальныхъ правилъ врачебной науки“ и для обученія разговорному французскому языку правленіе академіи предназначило по четыре урока въ недѣлю. Преподавателемъ разговорного французского языка предназначался природный французы Компаніонъ съ назначеніемъ жалованья по 150 рублей въ годъ. Касательно жалованья преподавателю „врачебной науки“—въ докладѣ ничего не сказано. Докладъ правленія подписали: ректоръ академіи, Кіево-Николаевскій архимандризъ Феоѳилактъ; Кіево-Братскаго монастыря архимандризъ и богословія учитель Ириней; академіи префектъ, философіи учитель соборный іеромонахъ Іакинъ.

На докладѣ резолюція послѣдовала такая: «4 сентября 1802 года—Быть посему».

Докладъ хранится въ бібліотекѣ Кіево-Софійскаго собора.

Прот. Пётръ Орловскій.

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6995 руб. 18 к. (см. № 4), вновь поступило: 1) отъ Правленія Литературно-Артистического Общества (выручка съ концерта 19-го декабря 1903 года)—403 р. 61 коп.; 2) И. И. Гудзованко—5 р.; 3) Ю. И. Тиховскаго—10 р.; всего вмѣстѣ съ прежними 7413 р. 79 коп., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетъ дворянскаго съ выигрышами займа, а 6016 р. 39 коп. на пріобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка 219 р. 49 к., изъ которыхъ въ прошлый мѣсяцъ поступило 5 р. отъ семинаристовъ Новобугской Учительской Семинаріи.

Текущія извѣстія.

Похорони М. П. Старицкаго. 14-го апрѣля скончался въ Киевѣ извѣстный украинскій писатель Михаилъ Петровичъ Старицкій, памяти которого мы посвящаемъ въ настоящей книжѣ журнала осо-бую статью, принадлежащую перу нашей уважаемой сотрудницы Олени Шчилки. На другой день послѣ смерти его, въ мѣстныхъ га-зетахъ появились объявленія о времени похоронъ и некрологи. Изъ разныхъ городовъ стали получаться телеграммы, то на имя вдовы по-койнаго, та на адресъ нашей редакціи, съ выраженіями чувства горести объ утратѣ горячаго украинскаго патріота и цираго работника на полѣ украинской литературы. 16-го апрѣля въ 1 часъ дня назна-ченъ быль выносъ тѣла изъ квартиры въ біжайшую церковь, а затѣмъ, постѣ отпѣванія въ церкви, похороны на Байковомъ кладбищѣ. Ко времени выноса тѣла изъ дому явилось очень много друзей и почита-телей покойнаго, такъ-что по улицѣ быль очень затрудненъ проѣздъ. Вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ, оказалось такое большое количество, что ихъ нельзя было помѣстить на катафалкѣ и пришлось послать за специальной колесницей. Въ пути отъ квартиры до церкви и отъ церкви до кладбища, кромѣ специального церковнаго хора, шѣлъ еще хоръ земля-ковъ-любителей, состоявшій преимущественно изъ воспитанниковъ учеб-ныхъ заведеній. Въ церкви, во время отпѣванія, произнесъ краткое над-гробное слово священникъ М. И. Вишневецкій, который прекрасно огмѣтилъ выдающіяся заслуги покойнаго предъ родиной, какъ писателя, который тѣмъ болѣе долженъ быть цѣнимъ нами, что онъ въ своей работѣ для пользы народа неустанно шелъ своей дорогой, хотя немало горя испыталъ на этомъ пути; современная критика въ достаточной степени оцѣнила уже его труды, но правдивый судъ исторіи дастъ впереди еще болѣе полную и справедливую оцѣнку его дѣятельности.

Отъ церкви до самого кладбища гробъ несли на рукахъ студенты разныхъ учебныхъ заведеній. На кладбищѣ, послѣ того какъ пропѣта была «вѣчная память», произнесъ первую рѣчь Л. А. Куперникъ, который, высказавъ сожалѣніе, что не владѣетъ украинскимъ языкомъ и потому не можетъ говорить рѣчью, родною для покойника, отмѣтилъ тотъ фактъ, что М. П. Старицкій принадлежалъ къ числу благород-ныхъ дѣятелей, сохранившихъ въ себѣ лучшіе идеалы и завѣты 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Онъ всегда былъ однимъ изъ борцовъ за

слово, и если не легко живется вообще русскому писателю, то ему, какъ украинскому писателю, жилось еще тяжеле. Не взирая на это, онъ всегда неуклонно шелъ по этому тернистому пути. Не смотря на свое дворянское, благородное, происхожденіе, а можетъ быть именно благодаря ему, Михаилъ Петровичъ возлюбилъ простой народъ и, считая слово органомъ просвѣщенія, отдалъ всѣ свои силы для труда надъ роднымъ словомъ. Заслуги его предъ родной литературой такъ велики, что имя его будетъ жить до тѣхъ поръ, пока жива будетъ украинская рѣчь.—Слѣдовавшее затѣмъ слово сказано было по-украински М. М. Стешенкомъ. „Дорогий батьку, незабутный вчитель!—такъ началь ораторъ. Въ останній разъ прѣйшли мы до тебе зложиты поклонъ; въ останній разъ прѣйшли мы сказать теби прощальне свое слово. И невыразный жаль обгортаетъ насъ пры думци, що за хвилину въ отсїй темнїй и холоднїй домовычи навики заховані будуть твои найкращи почуття, найлипши думы и лорывання. Та не мы одни плачено теперъ за тобою,—плаче вся наша матиръ Украина и луна іи тяжкий стогинъ по стенахъ нашої краины, по вильныхъ Карпатахъ Галичыны, и шумливыхъ гаяхъ зеленої Буковыны. Плаче наша матиръ, бо згубила свого щырого сына, того сына, що будывъ въ насъ „любовь до обездоленого люду“, що просывъ насъ „не тратьть и хвилины, поки ще стогне темный братъ“. И нашъ небижчыкъ, справди, не тративъ марно часу, доказомъ чого служить вся его литературна діяльнистъ. За тулю працю ему прынесла вже свою подяку Украина и своимъ творамъ винъ зложивъ уже соби нерукотворный памятникъ“.—Было сказано затѣмъ краткое и прочувствованное слово Н. В. Лисенкомъ, который бытъ почти всю жизнь связанъ съ покойнымъ не только узами родства, но и постоянными совмѣстными съ нимъ работами. „Дорогий брате и друге Михайлѣ! Важко мени стояты надъ твою домовыною и бачты, що мы заразъ навики розлучымося зъ тобою. Але знаю, хочъ ты тиломъ вмеръ, такъ заслуги твои невмырущи. Те дило, якому ты честно служивъ, росте, и ты не мало втишыся-бъ, колы-бъ побачивъ, якъ несла тебе на своихъ раменахъ отся вся молодь, що виддала шану твоимъ думкамъ и твоїй працї и що понесе и въ життї вири въ те дило, якому служивъ и виддавъ сылы й ты, брате Михайлѣ“.

Было еще прочитано А. Коваленкомъ стихвореніе, было произнесено еще нѣсколько рѣчей, и гробъ опущенъ былъ въ могилу; послышались удары земли о крышку гроба— и скрылся на вѣки отъ

нась милый, симпатичный обликъ покойнаго, почтеннаго работника науки въ родной намъ литературѣ, честнаго гражданина, добраго товарища. Миръ праху твоему, дорогой сердцу Михаилъ Петровичъ!

Засѣданіе Московской музыкально-этнографической комиссии, посвященное украинской музикѣ. 7-го апрѣля состоялось въ Москвѣ соединенное засѣданіе музыкально-этнографической комиссии и этнографического отдѣла Императорскаго Общества естествознанія, антропологіи и географіи, въ которомъ интеллигентная часть Москвы имѣла случай познакомиться съ украинской народной музыкой. Секретарь комиссии Е. Э. Линева прочитала докладъ подъ заглавіемъ «Малорусская народная пѣсни и ихъ собиратели. По поводу лѣтней поѣздки съ музыкально-этнографической цѣлью». Г-жа Линева осталась вообще довольна своей поѣздкой и вынесла прекрасное впечатлѣніе отъ слышанныхъ ею пѣсень. По ея словамъ, когда она наводила предварительныя справки въ Полтавѣ, сей приходилось слышать довольно пессимистическая мнѣнія о теперешнихъ украинскихъ пѣсняхъ: они будто бы, портятся, вымираютъ. Однако дѣйствительность разубѣдила ее въ томъ, когда она прибыла въ одно изъ глухихъ сель Полтавщины: она нашла здѣсь чистые, живые образцы народнаго творчества. Передавъ слушателямъ свои впечатлѣнія отъ пѣсень въ связи съ украинской природой, докладчица сообщила затѣмъ теоретическія данныя объ украинскомъ музыкальномъ творчествѣ, какъ-то: дѣленіе пѣсень по родамъ (веснянки, петривки и т. д.), музыкальное строеніе малорусской пѣсни и ея отличіе отъ великорусской. Въ послѣднемъ случаѣ докладчица сослалась на мнѣніе Н. В. Лисенка, который между прочимъ ставить въ связь особенности малорусской и великорусской пѣсни съ национальнымъ складомъ и характеромъ малорусского и великорусского народа. Находя вполнѣ вѣрнымъ сопоставленіе характера малоросса съ его пѣсней, г-жа Линева не можетъ согласиться съ подобнымъ же объясненіемъ почтеннаго композитора по отношенію къ великорусской пѣснѣ. Въ заключеніе г-жа Линева упомянула о бандуристахъ и лирникахъ, которые особенно ее интересовали. Для записи кобзарскихъ думъ, также какъ и для всѣхъ другихъ пѣсень, докладчица примѣняла фонографъ. Это представляло некоторыя затрудненія, т. к. слѣпые пѣвицы, не видя трубы фонографа, не могли надлежащимъ образомъ направлять свои звуки. Поэтому г-жа Линева

обыкновенно ставила фонографъ на полъ, направляя трубу къ немногому вверхъ. Съ особенной симпатіей отзыается г-жа Линева о самихъ бандуристахъ, обѣ ихъ кроткомъ характерѣ, честности и безкорыстіи.

Докладъ былъ иллюстрированъ исполненіемъ нѣсколькихъ пѣсень изъ записи г-жи Линевой, а также одной (свадебной), записанной Н. А. Яничукомъ; пѣть женскій хоръ подъ управлениемъ г-жи Линевой. Кромѣ того Н. Г. Филинскій исполнилъ нѣсколько духовныхъ стиховъ съ аккомпанементомъ лиры. Къ сожалѣнію только, не явился обѣщавшій свое участіе В. М. Шевченко, который долженъ былъ спѣть нѣсколько козацкихъ думъ съ аккомпанементомъ бандуры и кромѣ того дирижировать мужскимъ любительскимъ хоромъ, составившимся изъ учащихся въ Москвѣ малороссовъ.

Публика, состоявшая главнымъ образомъ изъ уроженцевъ Малороссіи, сопровождала исполненіе музыкальныхъ номеровъ горячими знаками одобренія.

Концерты крестьянского Охматовского хора. Извѣстный крестьянскій хоръ с. Охматова (кіевской губ.), подъ управлениемъ И. Д. Демуцкаго, въ настоящее время предпринялъ устройство цѣлаго ряда концертовъ въ разныхъ городахъ, и между прочимъ въ апрѣль мѣсяцѣ побывалъ въ Киевѣ. Здѣсь хоръ, въ составѣ около 70 человѣкъ, главнымъ образомъ дѣтскаго возраста, протостиль 4 днія, помѣстившись въ свободныхъ залахъ Народного дома Кіевскаго Общества Грамотности. Въ Киевѣ Охматовскій хоръ далъ два концерта, изъ которыхъ первый состоялся въ залѣ Купеческаго собранія съ благотворительной цѣлью и потому цѣны назначены были обычныя для такихъ случаевъ, слѣдовательно—концертъ разсчитанъ былъ на публику изъ болѣе состоятельныхъ классовъ; другой же концертъ данъ былъ въ театрѣ Кіевскаго Общества Грамотности, которымъ онъ и былъ устроенъ, съ любезнаго согласія руководителя хора и самихъ крестьянъ, и носилъ характеръ вполнѣ народнаго концерта, такъ какъ цѣны были назначены самыя дешевыя. На первомъ концерте публики, было не особенно много, второй же прошелъ почти при полномъ сборѣ и привѣтствованъ былъ публикой съ большимъ одушевленіемъ.

Исторія зарожденія хора, личность его организатора и манера пѣнья настолько любопытны, что слѣдуетъ сказать по этому поводу нѣсколько словъ. Докторъ Шорфирій Даниловичъ Демуцкій, помѣщикъ

Тарацанскаго уѣзда, Киевской губ., лѣтъ 15—20 назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ любительскомъ хорѣ Н. В. Лисенка, организовала въ с. Охматовѣ того же уѣзда нѣсколько лѣтъ тому назадъ хоръ изъ мѣстныхъ крестьянъ численностью до 180 человѣкъ, состоящей изъ дѣтей, дѣвушекъ и хлопцевъ. Обученіе идетъ не по нотамъ, а съ голоса. Репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ религіознаго, историческаго и бытового содѣржанія. Въ виду того, что хористы по національности украинцы, пѣсни преимущественно украинскія. П. Д. Демуцкій смотрѣть на дѣло организаціи народнаго хора исключительно съ идеиной точки зренія. Онъ желаетъ поддержать и укрѣпить въ народномъ обиходѣ прекрасныя народныя пѣсни, вытесняемыя солдатскими, фабричными и просто кабацкими.

Книгоиздательство „Викѣ“. Какъ видно изъ каталога изданій, вышедшаго недавно въ Киевѣ подъ заглавиемъ «Викѣ», дѣло это находится въ хорошихъ рукахъ.

Вниманію публики предлагается пока 22 тома произведеній украинскихъ писателей и 35 названій народныхъ книгъ. Какъ видно изъ первой, изданной въ 1894 г., брошюры «У тисної бабы» Ол. Конисскаго, работа издательства идетъ уже 10 лѣтъ. Первые годы дѣятельности были мало интенсивны и ограничивались исключительно изданіемъ народныхъ листовокъ. Въ 1899 году появилась первая книга для интеллигентныхъ читателей. Иванъ Левицкій т. I, а въ слѣдующемъ году—«Викѣ», т. I, послѣ чего книгоиздательство быстро выросло и уже въ прошломъ году выпустило 8 томовъ для интеллигенціи и 11 брошюръ для народа. Принявъ во вниманіе трудность изданія украинскихъ книгъ и то обстоятельство, что всѣ рукописи посылаются въ Петербургъ, въ главное управление по дѣламъ печати, нужно отдать должное энергіи и работоспособности книгоиздательства «Викѣ». Судя по качеству изданныхъ первыхъ томовъ многихъ авторовъ, надо предположить, что фирма «Викѣ» широко разовьетъ свою дѣятельность и достъ украинской интеллигенціи и народу лучшія произведенія украинскаго слова, въ чемъ опущается у насть насупцная потребность. До сихъ поръ всѣ вышедшия книги изданы прекрасно, и цѣны на нихъ ниже среднихъ рыночныхъ цѣнъ, даже сравнительно съ русскими изданіями. Это много говорить въ пользу книгоиздательства, такъ какъ

обыкновенно однимъ изъ препятствій на пути къ распространенію украинскихъ книгъ стояла ихъ дороговизна.

Школа имени И. П. Котляревского въ Полтавѣ. Школу эту предположено было выстроить на склонѣ Николаевской горы, фасадомъ по Николаевской улицѣ, ниже того мѣста, гдѣ стоять домъ, нѣкогда принадлежавшій «батькови української літератури», т. є. тамъ, гдѣ проектировался «Івановъ Гай». Не будучи вполнѣ увѣрено въ надежности этого мѣста съ технической стороны, гор. управление командировало для изслѣдованія его своихъ специалистовъ — инженера и архитектора, которые при поверхностномъ ознакомленіи вынесли также впечатлѣніе, что строить тамъ капитальное двухэтажное зданіе рискованно. Съ окончательнымъ выводомъ они предложили воздержаться до болѣе тщательного изслѣдованія почвенныхъ условій путемъ буренія, до окончанія которого остается открытымъ вопросъ о постройкѣ школы имени Котляревского, а слѣдовательно и другой вопросъ объ отводѣ въ этомъ мѣстѣ участка земли для постройки зданія подъ пріютъ-ясли, проектируемый Подольскимъ участковымъ попечительствомъ. Между прочимъ, мы слышали, что городская управа разсчитываетъ при постройкѣ школы имени Котляревского на отпускъ губернской земской управой въ кредитъ всего необходимаго строительного материала.

Къ съезду славянскихъ филологовъ и историковъ. Лица, намѣченныя къ приглашенію участвовать въ създѣ славянскихъ филологовъ и историковъ, получили недавно слѣдующее офиціальное извѣщеніе.

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣть честь сообщить Вамъ, что осуществленіе Съзѣда славянскихъ филологовъ и историковъ въ предположенный раїнѣ срокъ (съ 31 августа [13 сент.] по 10 сент. [23 сент.] 1904 г.), въ виду войны найдено неудобнымъ. О времени созыва Съзѣда въ будущемъ Отдѣленіе русскаго языка и словесности извѣстить Васъ въ свое время.

Доклады, которые могли бы быть Вами предложены Съзѣду, Отдѣленіе просить Васъ прислать по его адресу для напечатанія. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности *А. Веселовский*. Предсѣдатель Организаціонной Коммісіи *А. Шынинъ*.

Предполагаемый съездъ украинскихъ актеровъ. Въ виду того, что дѣло украинской сцены развивается съ каждымъ годомъ все шире и шире, способствуя организаціи многихъ мелкихъ труппъ, разъѣзжающихъ по разнымъ городамъ, особенно въ лѣтнее время, положеніе артистовъ этихъ труппъ требуетъ большаго урегулированія ихъ правъ и взаимныхъ отношеній съ антрепренерами. Какъ слышно, въ 1905 году великимъ постомъ предположено созвать въ Харьковѣ съездъ украинскихъ актеровъ для выясненія ихъ нуждъ и установленія извѣстныхъ нормъ въ ихъ правовомъ положеніи.

Юбилейная выставка Харьковскаго Университета. Недавно отпечатана программа юбилейной выставки, устраиваемой въ 1905 г. при Харьковскомъ университѣтѣ, по случаю его столѣтія. Программа разослана профессорамъ Харьковскаго университета и разнымъ лицамъ, могущимъ оказать содѣйствіе для устройства выставки. Въ настоящее время отъ нѣкоторыхъ лицъ и учрежденій поступаютъ разные предметы для выставки, а кромѣ того, устроители выставки получили отъ многихъ лицъ обѣщаніе доставить портреты, рукописи и вещи. Такъ, извѣстный собиратель эстамповъ, гравюръ и рукописей П. Я. Дашковъ обѣщалъ прислать для выставки разные рисунки и рукописи, относящіеся къ г. Харькову, Харьковскому университету, его профессорамъ и питомцамъ. Всѣ, кому извѣстны рѣдкая полнота и цѣнность коллекцій П. Я. Дашкова, легко поймутъ, что его содѣйствіе имѣть громадное значеніе для удачного выполненія выставочной комиссіей ея задачи.

Музей Харьковскаго университета. Какъ извѣстно читателямъ «Кievskoy Stariны», Харьковскій Университетъ возбудилъ ходатайство передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи суммы въ 200 т. руб. на постройку зданія для музеевъ историко-филологического факультета. По слухамъ, этотъ проектъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно Министерствомъ, и вопросъ о просимой суммѣ долженъ былъ разрѣшиться вполнѣ удовлетворительно въ мартѣ. Но началась русско-японская война, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, были сокращены расходы всѣхъ вѣдомствъ, а это отразилось на судьбѣ будущаго музейскаго зданія. Въ настоящее время въ Харь-

ковскомъ Университетѣ получено уже извѣщеніе, что предположенная постройка музея не можетъ состояться, такъ какъ г. Министръ Финансовъ затрудняется ассигновать необходимую для этого сумму вслѣдствіе большихъ расходовъ казны на военные нужды. Поэтому г.г. Министръ Финансовъ и управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, не касаясь ни размѣровъ испрашиваемой университетомъ суммы, ни сопряженныхъ съ устройствомъ музеевъ постоянныхъ расходовъ, полагаютъ необходимымъ отложить постройку означенного зданія до болѣе удобнаго времени.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Общее собраніе „Наукового Товарыства имени Шевченка во Львовѣ“. 22-го марта состоялось общее собраніе (загальнiи сборы) „Наукового Товар. имени Шевченка“. На этотъ разъ общее собраніе представляло особенный интересъ, въ виду обсужденія проектовъ измѣненія существующаго устава. Такихъ проектовъ представлено было два, изъ которыхъ одинъ доложенъ былъ д-ромъ Дністрианскимъ, а другой д-ромъ Франкомъ. Первый касался измѣненія существующаго уства, главнымъ образомъ, въ смыслѣ созданія особаго „совѣта“ (рады) для завѣдыванія ходомъ научныхъ работъ „Товарыства“. Этотъ „совѣтъ“ долженъ состоять только изъ дѣйствительныхъ членовъ секцій и представлять собою особый органъ, единственно компетентный въ решеніи вопросовъ научныхъ и въ распределеніи фондовъ «Товарыства», пред назначеныхъ на научныя цѣли. Въ настоящее же время всѣми этими дѣлами завѣдывается «выдиль», въ составъ котораго могутъ входить и члены, не работающіе на полѣ науки, а потому, по мнѣнію проекта, не могущіе какъ слѣдуетъ дѣлать распределенія фондовъ на научныя предпріятія Общества; новый-же органъ „рада“, отъ котораго «выдиль» долженъ находиться въ зависимости, будетъ вполнѣ отвѣтчать этимъ условіямъ. Второй проектъ, доложенный, какъ сказано, д-ромъ Франкомъ, оставляетъ въ существѣ безъ измѣненій старый уставъ и только вводитъ нѣкоторыя мелкія дополненія. Единственно крупнымъ измѣненіемъ въ этомъ проектѣ является предложеніе, чтобы отдѣлы наукъ юридическихъ и медицинскихъ были совершенно исключены изъ дѣятельности «Наукового Товарыства». Дебаты по поводу внесенныхъ проектовъ тянулись очень долго и закончились побѣдой

второго проекта; въ которомъ только не было принято предложеніе объ исключеніи изъ области дѣятельности «Товарыства» наукъ юридическихъ и медицинскихъ.

Въ этомъ же общемъ собраніи избраны въ почетные члены Н. В. Лисенко—за его заслуги въ области разработки родной музыки, д-ръ И. Франко—за его научныя работы, и проф. Громницкій—за многолѣтніе труды въ администраціи Общества.

Русинскій національный театръ во Львовѣ. Какъ известно, въ Галичинѣ въ текущемъ году идутъ усиленные сборы пожертвованій среди русиновъ на созданіе во Львовѣ своего національнаго театра. Планъ и фасадъ зданія разработанъ извѣстной вѣнской фирмой «Гелмеръ и Ко». Судя по рисунку будущаго театра, который напечатанъ въ „Цили“, зданіе будетъ очень величественное. Польская газета «Przegląd» отзывается о немъ такъ: «здание выдержано въ строгомъ бароковомъ стилѣ и стоитъ на возвышениіи нѣсколькохъ метровъ отъ улицы, вслѣдствіе чего не производить впечатлѣнія зданія тяжелаго и вросшаго въ землю, какъ это, къ сожалѣнію, случилось съ польскимъ театромъ во Львовѣ». Мы сообщали уже краткія свѣдѣнія объ этомъ національномъ предпріятіи русиновъ (см. № 1-ый); теперь добавимъ, что на приобрѣтенномъ подъ театръ мѣстѣ уже начаты предварительныя работы, и, вероятно, не въ далекомъ будущемъ мы увидимъ во Львовѣ новый знакъ подъема и роста національнаго самосознанія русиновъ, которымъ, вслѣдь за храмомъ искусства, придется добыть себѣ еще и самостоятельный храмъ науки, т. е. русинскій университетъ.

Львовскій университетскій споръ. Верховный имперскій судъ въ Вѣнѣ разбиралъ споръ львовскихъ русинскихъ студентовъ съ львовскимъ университетскимъ сенатомъ и министерствомъ просвѣщенія. Студенты хотѣли, чтобы имъ давались легитимаціи на родномъ языкѣ и чтобы позволено было при имматрикуляціи давать присягу по-русински. Университетскій сенатъ отвергъ ихъ просьбу, ссылаясь на министерское распоряженіе 1879 года, признающее официальнымъ языкомъ львовскаго университета языкъ польскій. Когда студенты обратились съ жалобой въ министерство, то послѣднее стало на точку зрењія сената. Теперь дѣло было передано на разрѣшеніе верховнаго

суда. Представитель студентовъ, адвокатъ Крыжановскій, доказывалъ, что университетскій сенатъ нарушаетъ права студентовъ, признанныя § XIX основныхъ законовъ. Представитель министерства запицгалъ практику университета указаніемъ на то, что легитимація и имматрикуляція—внутренніе, чисто университетскіе акты, и студенты въ нихъ являются по отношенію къ университетскимъ властямъ не „стороной“, а подчиненными. Верховный судъ призналъ практику сената законной. Такимъ образомъ, процессъ проигранъ русинами.

БІБЛІОГРАФІЯ.

М. Комаровъ.— Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Бібліографіческій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Одесса, 1903, ст. 140+4 нецум.

Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Кіевской Старинѣ»¹⁾ мы уже отмѣтили появленіе книжки М. Комарова и сообщили посильная замѣчанія по поводу нея. Съ тѣхъ порь въ русской періодической литературѣ появилось нѣсколько отзывовъ объ упомянутой книжкѣ, не дающихъ однако много нового матеріала. За то во львовскомъ историческомъ журналь—«Записках Наукового Товариства ім. Шевченка», кн. LVII (стр. 31—42, отд. Бібліогр.) появилась обширная, солидная рецензія извѣстнаго галицкаго ученаго Ивана Франка, содержащая много указаний на неточности и пропуски въ указателѣ г. Комарова. Въ виду того, что упомянутый галицкій журналъ мало распространенъ среди нашней публики, мы позволяемъ себѣ въ нижеслѣдующихъ строкахъ передать въ переводе рецензію г. Франка, исключивъ тѣ немногія замѣчанія, которыя были уже помѣщены нами въ «Кіевской Старинѣ».

Въ отношеніи метода собиранія матеріала г. Комаровъ, вѣроятно, не совсѣмъ уяснилъ себѣ, что собственно въ такомъ сборникѣ намъ нужно. Очевидно, въ бібліографії произведеній Шевченка должны всегда и вездѣ на первомъ мѣстѣ стоять произведения Шевченка, а не что иное; поэтому, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ Шевченка, непечатавшихся въ сборникахъ или періодическихъ изданіяхъ, то подъ

¹⁾ Февраль, текущаго года.

данимъ № будеть стоять произведеніе, одно или болѣе, помѣщенное въ данной книжкѣ, а затѣмъ, въ скобкахъ, обстоятельное заглавіе книжки или періодическаго изданія, съ обозначеніемъ номеровъ и страницъ, гдѣ напечатаны даннія произведенія Шевченка или статьи о немъ. Между тѣмъ у г. Комарова почти всюду такія указанія сдѣланы совершенно наоборотъ; напр. отд. IV, № 4: «*Народное Чтеніе* 1859, № 2, 3 и 4 и *Русская Бесѣда* 1859 г. № 3. Нѣсколько письмъ Шевченка съ русскимъ переводомъ». Что же это такое? «Народное Чтеніе» и «Русская Бесѣда»—одна книжка? А если не одна, то почему они фигурируютъ подъ однимъ №? И какія произведенія Шевченка помѣщены въ нихъ? Кто сдѣлалъ переводъ на русскій языкъ? Такъ же точно необстоятельно и нерационально составлены зъ томъ самомъ отдѣлъ №№ 6, 15, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 34, 36, 37, 41 (онять 2 отдѣльныхъ изданія подъ однимъ №!), 44, 45 (два изданія подъ однимъ №!). Въ отд. VI, гдѣ говорится о письмахъ Шевченка, сейчасъ же подъ № 1 читаемъ «С.-Петербургскія Рѣдомости 1860, № 66». И только всего! Весь ли этотъ номеръ газеты посвященъ письмамъ Шевченка, или ихъ тамъ 10, 20, или только одно, кому и когда написаны—Богъ вѣсть! Вообще весь этотъ отдѣлъ составленъ нерационально: вмѣсто того, чтобы дать намъ систематически и хронологически составленный указатель къ письмамъ Шевченка, авторъ дать намъ указатель изданій, гдѣ были напечатаны письма. Нерационально составленныхъ №№ найдется очень много и въ другихъ отдѣлахъ, и мы еще вернемся къ нимъ, пересматривая специально отдѣлы за отдѣломъ.

Второй недостатокъ книжки г. Комарова—это ея неполнота. Правда, авторъ въ предисловіи оправдывается, что многія изданія, въ особенности галицкія, были ему недоступны. Но это слѣдуетъ сказать не только о галицкихъ, а также о варшавскихъ, пражскихъ, вѣнскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и т. п. Ниже мы дадимъ нѣкоторыя дополненія къ указателю г. Комарова, насколько позволяютъ доступные для насъ въ данный моментъ материалы, но напередъ заявляемъ, что такихъ дополненій можно и слѣдовало бы сдѣлать гораздо больше.

Третій недостатокъ—неточность въ передачѣ заглавій статей. Это, быть можетъ, наиболѣе тяжкая вина въ бібліографіи, а такое явленіе, къ сожалѣнію, является весьма частымъ въ трудѣ г. Комарова. Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ большую часть наиме-

нованій книгѣ описаљь, имѣя ихъ въ рукахъ,— и дѣйствительно, слѣдуетъ признать, что большая ихъ часть, не говоря о тѣхъ неточностяхъ, которыя являются слѣдствіемъ ошибочнаго метода автора, представлена довольно обстоятельно. Что же касается недоступныхъ ему изданій, то г. Комаровъ говоритъ, что онъ «долженъ быть довольствоваться свѣдѣніями, помѣщеными въ библіографическихъ трудахъ В. Межова и другихъ, въ каталогахъ, рецензіяхъ, оглавленіяхъ, литературныхъ извѣстіяхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и т. п. источникахъ». Дѣйствительно, можемъ пожалѣть, что г. Комарову пришлось, работать надъ своей библіографіей среди такихъ неблагопріятныхъ условій, но фактъ фактъ, что на точности ея это отразилось весьма сильно. Возьмемъ хотя бы всѣ изданія и статьипольскія, нѣмецкія или вообще напечатанныя латинскимъ шрифтомъ: получается впечатлѣніе, будто г. Комаровъ не имѣть ни одного изъ тѣхъ изданій въ рукахъ, такъ какъ почти всѣ заголовки переданы съ ошибками. Напр. № 38 содержитъ двѣ ошибки: *Ijsusowa* вм. *Isusowa* i *Schewchenka* вм. *Szewczenka*; кроме того пропущено здѣсь, быть можетъ по нѣкоторымъ соображеніямъ, «z uwalamu M. Drahonianowa»; пропущенъ обязательный въ женевскихъ нефранцузскихъ изданіяхъ французскій заголовокъ вверху, наконецъ мѣсто печати обозначено «Ž» вм. *Ženewa*. Отд. IV, 16 «*Sioło*» названо иенравильно «львовскій малорусскій журналъ» и не дается точнаго его заглавія. Отд. VIII, № 49. *Studium przez L. Sowiński*—вм. *Sowińskiego*; № 51—małorusskich вм. małoruskich; № 52 *Z małorusskiego spolzył* вм. *spolszczył*; № 54,—*z małorusskiego...* Naemnica; № 55 не сообщено, чтѣ и где переводилъ изъ Шевченка Грудзинскій: № 55—не говорится, что и въ какихъ №№ *Gazety Naddniestrzańskiej* перевѣль Л. Солецкій; эта газета ошибочно названа «Доробицкая» вм. «Прогодычская». Еще большие ошибки въ чешскихъ заголовкахъ: № 60 «Въ журналахъ Obàsech života и Kvetach за 1866 г. нѣсколько пись Т. Шевченка». Что это за «Obasech»? Вѣроятно *Ohlasech*? Да и эти *Ohlasy života*—не одно и то же, что *Kvety*. И какія произведенія, кто переводилъ ихъ? № 61—*Ševcenky* вм. *Sevčenky*. přelezíl вм. přeložil; № 62, 64 *chaljuna* (?), ilustrovav (sic!). Въ нѣмецкихъ и французскихъ заглавіяхъ та же бѣда: № 76 *Schaftshenko* вм. *Schaftschenko*; № 77 *Shewczenko* вм. *Schewtschenko*; № 78 *Leipziger Theater und intelligene blatt* вм. *Theater- und Intelligenz-Blatt*; № 82 *Gustav Karpelesa* вм. *Karpeles*, *Geschihte* вм. *Geschichte*; № 84

Chevtshenko вм. Cheutchenko и т. п. Такія ошибки или недосмотры (сюда причислить надо VI, 2 р. 1870 вм. 1840) дѣлаютъ желательной основательную передѣлку и болѣе удовлетворительную корректуру. Переходимъ теперь къ специальными замѣчаніямъ, дополненіямъ и поправкамъ въ различныхъ отдѣлахъ. Отдѣль III (отд. I—предисловіе, а II—біографія III —ка, также нумерація несоответствующая), № 1. Не дается ни формата, ни числа страницъ эпохального первого изданія «Кобзаря». № 6. О лейпцигскомъ изданіи Гебгарда г. Комаровъ говорить такъ, что ясно вполнѣ, что онъ никогда не видѣлъ его, и даже допускаетъ, по поводу этого изданія, весьма грубую ошибку, помѣщая въ отд. VІІІ, № 76 то же самое изданіе среди переводовъ изъ Шевченка на нѣмецкій языкъ,— свѣдѣніе совершенно фантастическое. Потому сообщаю здѣсь точное описание этой книжечки. На обложкѣ вверху нѣмецкій заголовокъ: Neue Gedichte von Puschkin und Schafft-schenko, а далѣе русскій: Новые стихотворенія Пушкина и Шевченко (а не: А. Пушкина и Т. Шевченка—какъ у г. Комарова). Внизу: Лейпцигъ. Вольфгангъ Гергардъ. Leipzig, Wolfgang Gerhard, 1859. На послѣдней нумерованной страницѣ: Наумбургъ, въ типографії Г. Пеца. Naumburg, Druk von G. Pätz. Страницъ нумерованныхъ не 48, какъ говорить г. Комаровъ, а 43, но далѣе изуть еще 2 ненумерованныхъ, где помѣщены два стихотворенія Пушкина, и послѣдняя, где обозначено мѣсто печати. Зачисливъ сюда и заглавную страницу, тоже ненумерованную, получимъ въ самомъ дѣлѣ 48 страницъ. Въ книжечкѣ на стр. 1—6 помѣщены стихотворенія Пушкина: «Молитва», «Цапли» и «Посланіе Аркадію Гавриловичу Родзянкѣ». Со стр. 7 начинаются произведенія Шевченка, вплоть до стр. 34; а именно: «Кавказъ», «Холодный яръ», «Думка» (Якъ умру, то поховайте), «Розыта могила», «Думка» (За думою дума), «И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украинѣ и не въ Украинѣ, мое дружное посланіе»,—какъ видимъ порядокъ не тотъ, что у г. Комарова. Подъ каждымъ заглавиемъ подпись: Шевченко. Къ заголовку «Кавказъ» додано интересное примѣчаніе: «Слѣдуюція стихотворенія были намъ присланы на малороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ, что стихи Шевченка—выраженіе всеобщихъ, накипѣвшихъ слезъ (: не) онъ плачетъ о Українѣ—она сама плачетъ его голосомъ. Примѣч. редактора».

Остальную часть книжечки заполняютъ снова стихотворенія Пушкина: «В. Л. Пушкину», «Цензору», «Льву Сергеевичу Пушкину» и «На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной».

№ 16. Букварь Шевченка — не описанъ ни форматъ, ни число страницъ; № 20. Не дается ни описанія, ви обстоятельного заглавія литографированного факсимиле посланія Шевченка къ Шафарiku; заглавіе г. Комарова «Еретикъ Иванъ Гусъ», совершенно фантастическое. Весьма необстоятельно также описание подъ № 34, первая часть маленькаго женевскаго «Кобзаря» 1878 г. Въ дѣйствительности на обложкѣ слѣдующее заглавіе: „Кобзарь Тараса Шевченка (.) Частина перша (.) Женева (.) Печатня „Громади“. Видали Кузьма і „Сірко“. На второй страницѣ посвященіе. Нашим земльакам на Українѣ на роковини Шевченка 26 лютого 1878 року Кузьма і Сірко“. На стр. III—V напечатанъ указъ 16 мая 1876 года, а далѣе стр. VIII—XXI популярная бібліографійка и характеристика Шевченка, подписанная „С—о. Льютого 26, 1878 року“. Подъ этимъ криптонимомъ скрывается Хв. Вовкъ. Далѣе идутъ слѣдующія стихотворенія Шевченка: „Мені однаково“ (начинается на стр. 23 и по 24), „Сон“ (25—58), „Як би то ти Богдане пінній“ (59), „Могила Богданова“ (60—62), „Бували войни“ (63—64), „І виріс я на чужиній“ (65—68), „Чигирин“ (68—73), „Кавказ“ (74—84), „Ляхам“ (85—87), „Якось то йду я у ночі“ (87—88), „Мій Боже Милий, знову лихो!“ (89), „Світе ясний“ (90), „У Вильні городі преславнім“ (91—95), „Гимн черничий“ (97—98), „Зацвіла в долині“ (98—100), „Ликері“ (101—102), „Як би ви знали павичі“ (103—107), „До мертвих і живих і т. д.“ (108—124), „Заповіт“ (125—126). Добавлена еще страница (І—ІІ) „Заголовки“. Подъ № 36 такъ же точно необстоятельно помѣщено г. Комаровыи упоминаніе о второмъ томикѣ этого „Кобзаря“: не указано, что онъ бытъ изданъ въ такомъ же точно миніатюрномъ форматѣ, какъ и первый, не сообщается ни число страницъ, ни содержаніе. Къ сожалѣнію, этого томика не имѣю подъ руками.

Добавлю еще описание издания „Марії“, у г. Комарова № 38, такъ какъ въ его указателѣ находимъ кое-что фантастическое и вообще необстоятельное. Заглавіе издания слѣдующее: Marija maty Isusowa, wierszy Tarasa Szewczenka z uwahamy M. Drahomanowa. Ženewa 1882. На стр. 3—7 находится предисловіе Wid Wydawcia съ подписью M. Drahomanow. Поэма Шевченка идетъ отъ стр. 1—39; на многихъ стр. внизу доданы языковыя и предметныя поясненія. Отъ стр. 41—66 идутъ Uwahy тоже подписаныя M. Drahomanow съ датой: Pysano w misti Ženewi w wilnij storoni Szwajcaryji. Слѣдовало-бы дать болѣе

обстоятельно и содержаніе стереотипнаго женевскаго изданія 1890 г. (у г. Ком. № 52).

Относительно отд. IV замѣтимъ вообще, что о журн. *Sioło* (№ 16 и 18 г. Комарова) болѣе обстоятельный данныя имѣются въ библіографіи Левицкаго, и оттуда же слѣдуетъ пополнить свѣдѣнія о произведеніяхъ Шевченка, печатавшихся въ галицко-русскихъ читанкахъ (у Комарова №№ 19, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 39), въ Антольгії (34), въ Календаряхъ (36, 37). Совсѣмъ неудовлетворительно описаніе подъ № 40 „Додатокъ до „Батьковиціи“; не указанъ ни годъ, ни мѣсяцъ изданія, упомянуты лишь №№ 7 и 8, гдѣ были помѣщены исалмы, а не упомянуто № 9, гдѣ были другія произведенія Шевченка (Левицкій, № 3159). Подъ № 41 некстати собраны во-едино „Батьковиція“ 1889 г. и „Бібліотека для молодежи“ 1889, хотя это не только два особыхъ изданія, но и выходили въ разныхъ городахъ, одно во-Львовѣ, другое въ Черновцахъ.

Въ отд. V соединены подъ № 2 два изданія русской поэмы Шевченка „Тризна“, которая напечатана была сначала въ журналь „Маякъ“ подъ заглавиемъ „Безталанній“, а затѣмъ, въ томъ же году вышла отдѣльной брошюрою подъ заглавиемъ „Тризна“; не дано описанія этой брошюры. Между №№ 9 и 10 приведенъ совершенно излишній заголовокъ „Неизданныя произведенія Т. Шевченка на русскомъ языкѣ“.

Въ отд. VI подъ № 5 не говорится, къ какому времени относятся письма Щепкина къ Шевченку; такъ же точно необстоятельны №№ 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 19 и др. Подъ № 11 соединены двѣ разныхъ статьи, а именно: „Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому (1853—1857). Сообщилъ М. Т—овъ“ „Кіевс. Стар.“ 1883, январь, стр. 161—176; мартъ, стр. 611—622 и апрѣль, 853—866) и статья: „Восемь писемъ Тараса Григорьевича Шевченка къ разнымъ лицамъ, сообщилъ С. Пономаревъ (тамъ-же, февраль, 401—408). Слѣдовательно, все то, что сообщаетъ г. Комаровъ подъ этимъ № своего указателя—совершенно фантастично: статьи „Шестнадцать писемъ Т. Шевченка В. Г. и Я. Тарновскимъ и къ Брониславу Залескому“ въ „Кіев. Старинѣ“ путь. Въ томъ же отдѣлѣ № 15 совершенно излишній: это не письмо Шевченка, а „Замѣтка М. К. Чалаго по поводу одного письма Т. Ш. къ М. Щепкину“, значить ему мѣсто въ отд. XIV. Съ перепечатками г. Комаровъ не выдерживаетъ системы. Разъ онъ ихъ считаетъ за отдѣльныя изданія и помѣщаетъ подъ отдѣль-

ными номерами, какъ и слѣдуетъ въ библіографич. указателѣ, то опять при *aditio princeps* отмѣчается: это письмо было перепечатано тамъ-то и тамъ-то. Сравн. № 11-а, хотя указаніе невѣрное, такъ какъ письма, собранныя авторомъ подъ этимъ №, составляютъ довольно солидную книжку и не могли быть перепечатаны въ двухъ №№ „Зорі“. Наоборотъ, если бы авторъ заглянулъ въ „Зорю“ за упомянутый годъ, то убѣдился бы, что въ № 6 напечатано изъ статьи Пономарева лишь 5 писемъ, и то въ сокращенномъ видѣ (ст. 95—96), а въ № 8 приведено лишь нѣсколько выписокъ изъ писемъ Шевченка къ Залѣскому подъ загл. „До біографії Шевченка“ (стр. 131—132); такимъ образомъ это статейка, которой скорѣй мѣсто въ отд. XIV, чѣмъ здѣсь. Зато подъ № 21 приводится „Лист Шевченка до редактора „Народ. Чтенія“, напечатанный въ „Правді“ 1899 г. безъ обозначенія, что это письмо было напечатано раньше много разъ. Собраны вмѣстѣ перепечатки писемъ Шевченка въ различныхъ periodическихъ изданіяхъ подъ №№ 23, 36, 38; при № 43 не отмѣчено, что записочка къ Герцену была впервые напечатана М. Драгомановымъ въ „Товариши“ (у г. Комарова № 19), а оттуда перепечатана въ „Правді“ 1899, т. II, стр. 381 (у г. Комарова пропущено).

Въ отд. VIII (переводы произведеній Шевченка) отмѣчу неточности въ № 4 (лирическія пьесы—какія?), 14 (переводы изъ Шевченка Изгоева и Икорского, Донъ, 1870—почему оба переводчика подъ однимъ №? Что переведено?), № 17 (и мелкія пьесы—какія?), № 22 (не дано ни описанія книжки, ни числа страницъ, гдѣ помѣщены переводы Шевченка), № 29, 31 (три лирическія пьесы—какія?), №№ 35, 37, 38, 40, 41. Совсѣмъ безполезенъ № 7: „Нѣсколько переводовъ изъ Т. Шевченка К. М. Станюковича—„Сѣверный цвѣтокъ“, 1861 г.“. Ну, кто будетъ знать, гдѣ выходилъ этотъ „Сѣверный цвѣтокъ“ и что въ немъ передано изъ Шевченка? Такъ же точно не имѣть цѣны и № 8: „Стихотворенія М. М.—ва. М. 1862 (помѣщены и переводы изъ „Кобзаря“ Т. Ш.). Подъ № 15 не указано, какія стихотворенія Шевченка вошли въ „Поэзию Славянъ“ Гербеля; подъ № 16 также не говорится, что перевѣль изъ Шевченка г. Мизко въ „Донъ“ 1871 г. Подъ № 5 подъ общимъ заглавіемъ „Переводы изъ Т. Шевченка за 1860 г.“ (будто было когда-либо такое изданіе?) собрано 4 periodическихъ изданія, гдѣ были помѣщены переводы какихъ-то стихотвореній Шевченка, о которыхъ однако библіографъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Не знаю, на сколько подходитъ къ этому отдељу

№ 20 „Въ ночь на Рождество“. Передѣлка и переводъ съ малороссійскаго („Назаръ Стодоля“ Т. Шевченка), но уже ни въ какомъ случаѣ не мѣсто здѣсь № 32 „Гали и Назаръ“ или „Доброму за зло“. Повѣсть заимствованная изъ соч. Т. Шевченка („Назаръ Стодоля“), такъ какъ это не переводъ. Такія вещи лучше было отнести къ отд. XII, давъ ему болѣе широкое заглавіе: „Передѣлки изъ сочиненій Шевченка“.

Библіографія переводовъ стихотвореній Шевченка на чешскій языкъ необстоятельна въ первыхъ 6 №№; о № 60 я уже упоминаль. Подъ № 61 не упоминается, какія стихотворенія Шевченка перевелъ Дурдикъ, не сообщается № Poesie světova, сдѣланы ошибки въ названіи города: Praga, а по чешски Praha. Такъ же точно необстоятельно № 63. Не лучше обстоитъ съ библіографіей переводовъ на другіе славянскіе языки. № 72 въ „Вилѣ“ 1868 „переводъ нѣсколькихъ пьесъ“ — какихъ? № 73 совсѣмъ загадочень: „Свобода, болгарскій журналъ подъ редакціей Каравелова за 1870 годъ“, гдѣ выходилъ этотъ журналъ и какое отношеніе его къ библіографіи Шевченка — не вѣдомо. По всей вѣроятности тамъ были помѣщены переводы изъ Шевченка самого редактора Любена Каравелова. Не имѣя названнаго журнала подъ руками, не могу сказать о немъ ничего болѣе опредѣленнаго, замѣчу лишь, что въ первомъ томѣ собранія сочиненій Л. Каравелова (сочиненія на Любена Каравеловъ томъ първый. Стихотворенія. Подъ редакціята на З. Стояновъ. Руссе, 1886) помѣщены слѣд. переводы Л. Каравелова изъ Шевченка: 1869 г. „Учете се, брате мои“ (окончаніе Посланія, стр. 1—2), 1870 г. „Зашо ми са черни вѣжды“ (стр. 16) и „Родила е мене мама“ (стр. 21), 1871 г. „Іванъ Хусъ“ (стр. 22), „Тече вода въ синю море“ (стр. 30).

Среди переводовъ на нѣмецкій языкъ также много ошибокъ. Прежде всего № 76 надо упразднить; вѣдомствіе непонятаго нѣмецкаго заглавія на обложкѣ изданія Гебгарда г. Комаровъ думаетъ, что тамъ имѣются также нѣмецкіе переводы стихотвореній Шевченка, чего на тѣлѣ нѣть. О переводѣ „Катерыны“ въ брюссельской La Societé Nouvelle проф. Енса см. М. Драгоманов, „Листочки до вінка на могилу Шевченка“. Цѣлый рядъ стихотвореній Шевченка напечатанъ въ переводѣ на нѣмецкій яз. въ вѣнскомъ изданіи — „Die Diokuren, Jahrbuch des österreichischen Beamtentvereins“. Хорошій переводъ „Кавказа“ на нѣмецк. яз. помѣстилъ Waldemar Kawerau въ 1878 г. въ лейпцигскомъ Magazin für die Literatur des Auslandes; глухое из-

вѣстіе объ этомъ переводѣ приводить г. Комаровъ въ отд. XIV подъ № 187, не зная, что именно помѣстилъ тамъ Каверау.

Почему отд. IX носить заглавіе „Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по русски, на языкъ малорусскій“—почему лишь на малорусскій? А вотъ, напр. автобіографія была переведена на польскій яз. (въ книгѣ Sam. Smiles, Prawda i praca (self help), изданной во Львовѣ 1871,—то это уже не относится къ бібліографії Шевченка? Такъ же точно безъ надобности сузилъ авторъ объемъ отд. ХІ „Драматическая передѣлки произведеній Т. Шевченка“. Почему лишь драматическая? А если драма Шевченка передѣлана въ повѣсть, то куда отнести эту передѣлку? Или къ переводамъ, какъ это сдѣлалъ г. Комаровъ?

Не совсѣмъ хорошо сдѣлалъ г. Комаровъ, соединивши воедино въ отд. XIV, подъ загл. „Сводъ статей о Т. Шевченкѣ и его произведеніяхъ“, кромѣ прозаическихъ работъ, также стихотворенія въ честь Шевченка; для нихъ можно было завести отдельную рубрику, или присоединить ихъ къ отд. XI, которому можно бы было дать болѣе общее заглавіе: Шевченко и его жизнь въ произведеніяхъ искусства (поэзіи, живописи, скульптуры).

Наиболѣе богатый содержаніемъ отд. XIV также не можетъ претендовать ни на полноту, ни на обстоятельность. Совершенно необстоятельный № 106 (Голосъ № 42 — а что въ немъ?), 112 (Отечеств. Зап. 1869, № 3), 114 (Сынъ Отечества № 67), 120 (Донъ № 61—63). 143 — Revue des deux mondes 1874, не обозначено ничто, ни въ какомъ № печаталось; рѣчь, очевидно, идетъ о статьѣ г-жи E. Durand; необстоятеленъ также № 198; статья Драгоманова въ „Громаді“ имѣеть заглавіе „Шевченко, українофili і соціалізм“ и помѣщена въ „Громаді“ т. IV. Безъ надобности повторено указаніе на мою статью въ „Світі“ (№ 240 и 265). И здѣсь, какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, авторъ даетъ подъ однимъ № не одну, а по нѣсколько работъ. Такъ, подъ № 42 „Некрологи“—изъ пяти различныхъ изданий въ № 46 упомянуто „По поводу концертовъ въ память Т. Шевченка“ и статьяхъ въ 7 различныхъ издaniяхъ; подъ № 28, кромѣ статьи Вѣлозерского, помѣщены стихотворенія пяти поэтовъ и рѣчи двухъ „и другихъ“ особъ. Это матеріалъ для какого-либо изслѣдованія, но никакъ не научная бібліографія.

Какъ уже сказано, этотъ отдѣль, хотя наиболѣе богатый, имѣеть и наиболѣе пропусковъ. Понятно, что тутъ вина автора не великага;

Шевченко имѣть уже такую обширную литературу, что ее не понять одному человѣку... Здѣсь нуженъ трудъ многихъ рукъ, участія людей, которые имѣютъ доступъ въ обширныя библіотеки. Въ надеждѣ, что когда-либо все же будетъ собрана полная библіографія Шевченка, я предлагаю здѣсь нѣкоторыя дополненія къ труду г. Комарова. Итакъ: въ отд. III, подъ 1891 г. надо добавить: „Кобзар, книжочка для дітей, ціна 20 кр. Накладом Русскаго тов. педагогичнаго. З друкарнії Наук. тов. ім. Шевченка, Львів, 1891, 16° стор. 64“. За заглавной страницей помѣщены портретъ Шевченка, затѣмъ на стр. 5—8 статья Тарасъ Шевченко, далѣе стр. 9—63—текстъ съ добавленіемъ поясненій внизу, а на послѣдней ненумерованной страницѣ содержаніе.

Далѣе, въ отд. IV надо добавить упоминаніе о томъ, что стихотв. Шевченка „Садокъ вышиневый коло хаты“ перепечаталъ латинск. литерами Богданъ Залѣскій въ примѣчаніи къ своему стихотворенію *Mogiła Tarasowa* (B. Zaleski, Pisma tom. IV. Lwów, 1877, стр. 104). Не безынтересны слова того же Залѣскаго, который говоритъ (*loc. cit.*), что „*od Bronisława i od śp. Edwarda Zeligowskiego dostałem kilka zeszytów poematów i pieśni Szewczenki nigdzie podobno nie drukowanych*“. Къ отд. VII г. Комарова о рисункахъ Шевченка отмѣчаю изъ того же мѣста у Залѣскаго еще слѣд.: *Sp Konstanty Swidzinski na kilka dni przed skonem przysłał mi takож miły upominek po Szewczencie: oryginalną akwarellę Smierci Bohdana Chmielnickiego i szkic ołówkiem godów kozackich*. Къ отд. VIII добавить переводъ „Марії“ на русскій языкъ М. Драгоманова подъ заг. „Marie, poëme de Chevtchenko, traduction russe“. Марія, поэма Т. Гр. Шевченка съ переднимъ словомъ и замѣчаніями М. Драгоманова. Переводъ съ украинскаго. Женева, типографія „Громады“, 1885, мая 8-го, стр. VIII+47. Изданіе имѣть на 3-хъ страницахъ обложки „Отъ издателя“, затѣмъ на стр. III—VIII. Предисловіе, затѣмъ текстъ (дословный переводъ), стр. 1—27, и наконецъ „Замѣчанія на поэму Шевченка Марії“, на стр. 29—47. Къ отд. XI слѣдуетъ добавить портретъ Шевченка, гравюра съ котораго, довольно неважная, была напечатана вмѣстѣ съ краткой біографіей въ польскомъ журнアルѣ для дѣтей *Dzwonek* 1872 г., № 8, стр. 123. Тамъ же на стр. 123—124 и 139—141 помѣщены польскій переводъ „Катерины“—польскаго поэта П. Ленартовича. Наконецъ, къ отд. XIV, подъ 1859 г. добавить статью „Z Ukrainy“, напечатанную въ „Wiadomościach Polskich“ въ Парижѣ, гдѣ приведенъ известный анекдотъ о Шевченкѣ съ зернами пшеницы. Подъ

1861 г. слѣдуетъ добавить рядъ статей, помѣщенныхъ въ польскихъ журналахъ, начиная съ „Biblioteki Warszawskiej“ и львовскаго „Dziennika Literackiego“ по поводу изданія изслѣдованія Л. Совиньского и перевода „Гайдамакиъ“. Со статьей „Dzienn. Liter“ связана полемика Будеволи 1862 г. (у Ком., № 58). Эта статья имѣла заглавіе: M. W. Buch umysłowo-polityczny na Rusi. Szewczenko—Sulima (Dz. Liter. 1861, № 69). Сулима былъ полякъ родомъ изъ Украины, напечатавшій въ брюссельскомъ изданіи „Le Nord“, а затѣмъ и отдельной брошюрою статью Lettres d'un Oukrainien sur la Bosnie russe, Leipzig, 1861). Подъ тѣмъ же 1862 годомъ слѣдовало упомянуть о стихотвор. О. Федьковича „Слѣвацка добранѣчъ на сконъ Тараса Шевченка“, напечатанномъ въ изданіи его стихотвор. (Львовъ, 1862), стр. 28—29 и перепечатанномъ въ новомъполномъ изданіи его сочиненій (Львівъ, 1900, т. I). Подъ 1863 г. слѣдуетъ добавить статью Kwestya rusińska въ № 3 Tygodnika Poznańskiego, где упомянуто о похоронахъ Шевченка и впечатлѣніи ихъ на украинской народѣ. Что-то обѣ этомъ было и въ газетѣ Dziennik Poznański. Подъ 1862 г. слѣдуетъ упомянуть о брошюрѣ „M. В. R. Сонное видѣніе або разговоръ духовъ о польской и русской справѣ, опонѣть въ стихахъ. Львовъ, типомъ Института Ставропигійскаго, 1862“, где въ добавленіи, на стр. 97—106 помѣщено „Гдѣцо про оукраинскаго снѣвака Тараса Григоровича Шевченка“, а на стр. 106—108 перепечатано стихотв. Конисскаго на смерть Шевченка. Подъ 1863 г. надо добавить статейку „О поэзіи Шевченка“, напечатанную въ календарѣ „Церемышлянинъ“. Подъ 1865 г. слѣдуетъ добавить, что статья Гвидона Батталіи „Taras Szewczenko, poeta ukraiński“ напечатана первоначально въ журн. Tygodnik naukowy, Lwów, 1865, № 22. Подъ 1866 г. слѣд. добавить важныій трудъ: Bronisław Zaleski, Wignaicy polscy w Orenburgu (Rocznik Towarzystwa Historyczno-literackiego w Paryżu,rok 1866, стр. 75—107), где упомянуть и Шевченко и приводится много свѣдѣній о его оренбургскихъ знакомыхъ. Подъ тѣмъ же годомъ къ № 88 у Ком. слѣдуетъ добавить, что стих. «Перебенди», помѣщ. въ № 9 «Русалки» не называется «В роковини смерти Т. Шевченка», а «Памяти великихъ», а заглавіе подъ № 89—«Пяті роковини Т. Шевченка у Відні». Наконецъ, замѣчу, что подъ 1884 г., № 299 у г. Комарова опять безъ надобности измѣнено имя автора статьи: не Sulim, а Sulima, и статья его „Szewczenko na wygnaniu

i Bronisław Zaleski“ дѣйствительно была помѣщена въ т. IV „Prze-
gладу powszechnego“ въ Krakowѣ.

На этихъ деталяхъ я прекращаю свои замѣчанія на книжку г. Комарова. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что авторъ, особенно въ новѣйшее время, собирая матеріалъ обстоятельно. Его книжка, хотя и далека еще отъ того, чтобы быть полной и вездѣ обстоятельной библіографіей Шевченка, все же важна тѣмъ, что показала намъ впервые литературу, относящуюся къ нашему поэту, въ ея полномъ объемѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дала возможность опредѣлить тѣ дезидераты, которые нужны для ея (литературы) полнаго собранія. Желательно было бы, чтобы и сама книжка и эта рецензія нашли отголосокъ у всѣхъ тѣхъ, кто можетъ такъ или иначе способствовать исправленію ошибокъ или заполненію ея пропусковъ».

На этомъ кончается рецензія г. Франка. Съ своей стороны укажемъ для лицъ, интересующихся книжкой г. Комарова, что отзывы о ней, кромѣ г. В. въ «Літерат.-Науковомъ Вѣстнику» 1903, кн. XI Хр. стр. 142—143 и нашего въ «Кiev. Стар.», февраль тек. года, стр. 77—80, даны были еще въ «Русской Мысли», 1903, кн. XII, стр. 420, въ «Южныхъ Запискахъ», 1904, № 2, стр. 33 (рецензентъ Р—ръ), въ «Журналѣ для всѣхъ», 1904, № 2 (реценз. А. Потоцкій), и въ газетѣ «Вѣстникъ Юга» (№ намъ точно неизвѣстенъ, но не раньше № 559 въ концѣ минувшаго года).

В. А.

**Д. Кулида.—Збирныкъ творивъ, 1 книга. Стор. IV+123. Крас-
менчикъ, 1903. Ціна 40 коп.**

А. З.—Молоди порывання. Стор. 32. Київъ, 1904.

**Федь Подолякъ.—Осинини квітки. Сор. 32. Одесса, 1903. Ціна
20 коп.**

Великій грѣхъ лежить на нашей съ вами душѣ, читатель: мы просмотрѣли колоссальной важности событие въ украинской литературѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1901 г. исполнилось десятилѣтіе литературной дѣятельности г. Кулида... Но позвольте, скажете вы,—кто же такой г. Кулида? Каюсь, до выхода въ свѣтъ «Збирника творивъ» я тоже не зналъ, кто такой г. Кулида, и только теперь узналъ, что это писатель, хотя раньше и не печатавшійся почти, но отпраздновавшій

уже десятилітіє своєї літературної діяльності, і чо́тò посліднє обстоятельство собственно и заставило его предпринять изданіе своїхъ произведений. Эти и другія не менѣе интересныя свѣдѣнія о себѣ авторъ со скромностью истинно геніального человѣка сообщаетъ въ предисловіи «до першого видання Збирника творивъ». Хорошенько же запомнимъ августъ мѣсяцъ 1891 г., послужившій начальнymъ пунктомъ літературной діяльности г. Кулиди, ибо въ другой разъ уже не будемъ имѣть права отговариваться незнаніемъ.

Но если мы съ вами, читатель, проявили весьма непохвальну забывчивость иб отношенію къ г. Кулидѣ, то г. Кулида, напротивъ, о насъ хорошо помнить и даже преисполненъ сознаніемъ ибкотораго долга. «Вже пора,—говорить онъ въ предисловіи,—підвѣсты підсумокъ и приставыты (*sic*) icroмади рахунокъ въ моїй десятолітній літературній діяльности, яка бъ вона не була» (предисловіе, стр. III). Въ этомъ убѣжденіи Кулида и приступилъ къ первому изданію своихъ произведений, надѣясь, и не безъ основанія, что за нимъ не замедлять послѣдовати и дальнѣйшія.

Тернистый однако путь пришлось пройти г. Кулидѣ въ его десятилітній літературной діяльности, какъ узаемъ изъ того же предисловія. Судьбѣ угодно было испытать нашего автора, наславъ на него рецензентовъ. Первая его книжка, «Вирши», изданная въ 1898 г. встрѣтила на страницахъ «Кievской Старины» такую оцѣнку, что скромному автору «соромно й людямъ сказати»; тоже самое повторилъ рецензентъ и одного неназванного авторомъ львовскаго изданія по поводу какъ этой, такъ и слѣдуюцей книжки г. Кулиди. Краснѣя за неблаговоспитанныхъ рецензентовъ, мы однако должны отмѣтить, въ видахъ безпристрастія, что и авторъ въ долгу не остается и отплачиваетъ рецензентамъ съ лихвой и въ стихахъ, и въ прозѣ. Напутствуя свои произведенія и вспоминая съ горечью о незаслуженныхъ нападкахъ со стороны рецензентовъ, г. Кулида между прочимъ говорить:

Та васъ стрилы зліи люды,
Сталы доприкаты,
Що вы, nibы, не пысьменни,
Сталы намовляты,
Що вы nibы-то безглузи,
Воси и не вмыти...

и заканчиваетъ затѣмъ надеждой, что правда все-таки восторжествуетъ.

•
И тимъ заздрисныкамъ гыдкыиъ
Соромно всимъ стане,
Що дурне ихъ доприкання.
Якъ бурьянъ, завъяне (стр. 8—9).

И ковы «заздрисныкивъ гыдкыхъ», действительно ни мало не повредили автору, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи: «але не глядюче (sic) на «надруковану крытыку»—съ достоинствомъ отмѣчаетъ г. Кулида,—мои книжки въ 1-мъ выданніи довго не лежали: «Вирши» булы роспроданы за годъ, а «Козаче слово»—за три мѣсяця (предисл. стр. IV). Правда, разошедшееся за три мѣсяца «Козаче слово» на обложкѣ настоящей книги значится еще существующимъ въ продажѣ, но это, можетъ быть, недосмотръ, а можетъ быть, авторомъ выпущено уже и второе изданіе. Во всякомъ случаѣ на «дурне доприкання» рецензентовъ авторъ имѣть основаніе не обращать равно никакого вниманія... Съ сожалѣніемъ отмѣтишь еще, что «Збирныкъ творивъ» не заключаетъ въ себѣ полнаго «счета» предъявленного читателямъ г. Кулидой: нѣкоторыя произведенія авторъ счелъ за лучшее исключить—«не затымъ,—скромно заявляетъ онъ,— що воны не до ладу напысани,---не до ладу напысанныхъ писень и думъ найдеться (а въ кого тильки не находиться?) и въ симъ збирныку мо не мало,—а затымъ, що воны мени не понаравыlyсь» (предисл. стр. IV). Весьма интересно было бы узнать, чѣмъ именно онъ не «понаравыlyсь» автору, который, какъ показываетъ содержаніе настоящей книжки, относится къ своимъ думамъ въ общемъ весьма снисходительно, но боясь быть сопричисленнымъ къ «заздрисныкамъ гыдкымъ». удержимся отъ вопросовъ и удовольствуемся лаконическимъ объясненіемъ г. Кулиды.

Переходя къ обозрѣнію счета, представленнаго намъ г. Кулидой, мы съ сокрушеніемъ должны сознаться, что этотъ счетъ намъ рѣшительно «не понаравывся», хотя увѣряемъ при этомъ, что ни малѣйшей зависти къ скромному автору не чувствуемъ. Убогое содержаніе, большую частью позаимствованное, блѣдное изложеніе, шаблонные приемы, неправильный языкъ—таковъ активъ г. Кулиды и, конечно, едва ли это блѣдное достояніе можетъ подавать кому-нибудь поводъ къ зависти. Авторъ намъ, конечно, въ правѣ не повѣрить и отираздновать въ единственномъ числѣ еще и слѣдующее десятилѣтіе своей литер-

турной дѣятельности; не повѣрить, можетъ быть, и читатель и на расхватъ раскупить лежащій предъ нами «Збирникъ творивъ»; но хотя бы даже г. Кулидѣ при жизни и монументъ былъ воздвигнутъ, то и тогда мы бы ему не позавидовали....

Если г. Кулида имѣть повади себя цѣлое десятилѣтіе литературной дѣятельности, то авторъ «Молодыхъ порывань», скромно укрывшійся подъ инициалами А. З.—очевидно начинающій писатель, но несомнѣнно того же геніального пошиба. Когда по истеченіи первого десятилѣтія литературной дѣятельности, онъ предъявить обществу свой счетъ, то въ этомъ счетѣ будетъ записана одна крупная заслуга—открытие, надъ которымъ до сихъ поръ напрасно ломало голову человѣчество. Г-нъ А. З. блестательно разрѣшилъ вопросъ о *perpetuum mobile* и, какъ всѣ геніальные открытия, рѣшеніе это въ высшей степени просто: *perpetuum mobile* есть, ни болѣе ни менѣе, какъ дворникъ, подметающій улицу!.. Сомнѣвающихся и не вѣрящихъ просимъ прочитать стихотвореніе, находящееся на стр. 3—4 «Молодыхъ порывань». Къ сожалѣнію, авторъ, обезсмертившій себя геніальнымъ открытиемъ въ области механики, не успѣлъ усвоить версификаціи, и потому стихи его весьма хромаютъ по части размѣра, да и съ риомами они не въ дружественныхъ отношеніяхъ. Что же касается содержанія, то имъ книжка г-на А. З. напоминаетъ старосвѣтскіе альбомы, заполненные трогательными, но увы! безграмотными посвященіями и галантными мадrigалами. Доминирующей мотивъ—любовь, и при томъ любовь особенная, выражаяющаяся въ томъ, что авторъ, по собственному признанію, умѣеть лишь «не любить, а давать» (стр. 16, 15). Какъ бы то ни было, но за открытие *perpetuum mobile* указанные маленькие недочеты поэзіи г. А. З., конечно, ему простятся, и если авторъ когда-нибудь будстъ удостоенъ, какъ выражался ІІедринъ, отъ начальства монументомъ, то къ послѣднему наѣрное не заростетъ народная трона....

Г. Федѣ Подолякъ также сдѣлалъ весьма важное открытие—въ другой, правда, области: имъ найдено вѣрное средство поднятія народной нравственности. Вотъ это открытие, скрывающееся подъ такимъ, казалось бы, несоответствующимъ важности предмета заголовкомъ, какъ «Баба».

Ото хытра вражка баба—
Якъ вона фиглює:
Чуе де чаркамы давонять,

А давонивъ не чуе!?

До церкви йде,—„най Богъ прыйме“,—
Тильки на Велыкденъ,
А до коршмы—и частенько:
Скильки разъ на тыждень.
До церкви йде—щканьбыае,
А до коршмы просто.
*Ото бѣ взяты гараньки
Ta всыпали зб-сто!*

Больше о г-нѣ Өедѣ Подолякѣ ничего не имѣемъ сказать, а всѣхъ трехъ поэтовъ еще разъ почтительнѣйше просимъ принять увѣреніе въ совершенномъ отсутствіи у насть зависти къ ихъ заслугамъ.

С. Е—мовъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. I; 2) Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903, Heft II und III, №№ 14—15; 3) Образованіе, №№ 1—3; 4) Наблюдатель, № 1; 5) Нива. Ежемѣс. литер. и популярно-научн. приложения, №№ 1—3; 6) Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII, кн. 1—4; 7) Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т.т. 72—74; 8) Зап. Имп. Новор. Ун., 1903 г., т. 95; 9) Уч. Зап. Имп. Юр. Ун., 1904 г., № 1; 10) Варшав. Унив. Изв. 1904 г., № 1; 11) Зап. истор.-фил. факул. Спб. Ун., 1904 г., ч. 73; 12) Филол. Записки, 1904 г., вып. VI; 13) Archiv für Slavische Philologie, 1904, B. 26, N. 1; 14) Revue de linguistique et de philologie comparée, 1903, t. 36 и 1904, t. 37; 15) Mittheilungen des Instituts für Oesterreichische Geschichte, 1904, B. XXV, N. 1; 16) Извѣстія русскаго археол. института въ Константинополѣ, 1903 г., т. VIII, в. 3; 17) Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Institutes in Wien, 1903, B. VI, N. 1; 18) Zeitschrift für Ethnologie, 1904, N. 1; 19) Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, 1904, N. 1; 20) Revue des traditions populaires, 1904, t XIX.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. LVII, кн. 1, р. 1904.

Матеріали до історії Коліївщини. Подъ этимъ заглавіемъ опублікованы: вводная статья проф. М. Грушевского и записка кс. Кор-

нелія Срочинськаго «Ocrucieństwo w Umaniu na Ukraine». Эта записка извлечена о. Ар. Крижановськимъ изъ базиліанскаго архива въ Кристинополѣ; она даетъ иѣкоторыя интересныя данныя для истории разгрома Умани Гонтой.

I. Франко. „Король балахульств“. *Антін Шашкевич і його українські вірші*. Указавъ условия и особенности украинскаго поэтическаго творчества той эпохи, къ которой принадлежалъ А. Шашкевичъ, авторъ даетъ весьма интересную биографию послѣдняго и весьма ярко обрисовываетъ при этомъ его личность. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельность Шашкевича все время рассматривается авторомъ въ связи съ тѣми явленіями общественного быта Украины, которыя вліяли на творчество поэта. При чмъ особенно интересна характеристика «балахульства», приведшаго, какъ известно, Шашкевича и др. лицъ къ аресту.

Miscellanea. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены: Русская сатира на польскую элекцію 1696 г. и Жалоба прихожанъ въ (Черемисской спархії) на отображеніе церковныхъ и приходскихъ имуществъ 1848 г.

Въ отдѣлѣ «Наукова хроніка» даны весьма обстоятельные отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *H. Котляревскій*. Н. В. Гоголь. 1902; 1) Памяти Гоголя. Изд. Общ. Нестора лѣт. 1902.

Въ бібліографическомъ отдѣлѣ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, относящихся такъ или иначе къ Украинѣ: 1) *H. E. Бранденбургъ*. Объ аборигенахъ Кіевскаго края (Труды XI археологич. съѣзда, т. I); 2) *A. A. Спицынъ*. Курганы съ окрашенными костяками (Труды Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. VI); 3) *A. A. Спицынъ*. Обзоръ иѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи (Тр. Отд. слав. и рус. арх. Имп. Рус. Арх. Об., т. I, II и VI и Зап. Имп. Рус. Арх. Об., т. VIII—XI); 4) *A. A. Спицынъ*. Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. М. Н. Пр., 1899 г., VIII); 5) *A. A. Шахматовъ*. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей (тамъ же, IV); 6) *E. Голубинскій*. Исторія русской церкви. Т. I. М. 1901; 7) *M. Г. Халанскій*. Экскурсы въ область древнихъ рукописей и старопечатныхъ изданій, XXIII и XXIV (Труды Харьк. Предв. Ком. по устр. XII археол. съѣзда, т. I); 8) *M. Sardawa. Obszar dawnego powiatu Kamionieckiego (Wisla, 1902)*; 9) *M. Ясипскій*. Счисленіе суточного времени въ зап. Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII вв. (Чт. въ Ис. Общ. Нест., XVI, IV); Археологический сборникъ документовъ, отно-

сящихся въ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Вильна. Т. XII, 1900; 11) *Д. Савицкій*. Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомоловскій. К. 1902 (изъ Труд. Кіевск. Дух. Акад.); 12) *Н. И. Петровъ*. Первый періодъ жизни и научно-философского развитія Григорія Савича Сковороды (Тр. К. д. Ак., 1902 г., XII); 13) *І. Мандельштамъ*. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902; 14) *Л. Н. Пыпинъ*. Значеніе Гоголя въ созданіи современаго международнаго положенія русской литературы. Спб. 1902; 15) *М. Комаровъ*. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Одесса. 1903; 16) *Swiatłomir*. Львів, 1904; 17) *Ясевичъ-Бородаевская*. Сектанство въ Кіевской губерніи (Жив. Стар., 1903 ч., I); 18) Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. В. I. M. 1899; 19) *В. И. Срезневскій*. Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе въ 1900 и 1901 г.г. (Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1902 г., XVI, 2); 20) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1897 г. Спб. 1902.

**Chronik der Ukrainischen Sevcenko--Gesellschaft der Wissenschaften
in Lemberg, 1903, № II, № 14 и № III, № 15.**

Кромѣ обычныхъ протоколовъ Общества, его секцій и комиссій въ частоящихъ книжкахъ находимъ сообщеніе о капиталѣ имени Антона Бонцевскаго (№ 14) и объявление о стипендіи изъ этого капитала для студентовъ въ размѣрѣ 153 кр. (№ 15).

Отчетъ объ этнографическихъ экспедиціяхъ (№ 15). Въ 1902 г. этнографическая комиссія Общества получила отъ галицкаго сейма субсидію въ размѣрѣ 1000 кр. специально для собирания матеріаловъ по украинской этнографії. Эта сумма была распределена между нѣсколькими лицами, которые и совершили экскурсіи для собираянія этнографическихъ матеріаловъ. Прежде всего В. Гнатюкъ посѣтилъ украинскія поселенія въ Венгріи и собралъ весьма цѣнныя матеріалы по народной словесности. Правда, ему пришлось работать при неблагопріятной обстановкѣ, такъ какъ местная интеллигенція не оказывала никакой поддержки его трудамъ, а венгерскія власти чинили ему различныя притѣсненія. Затѣмъ Тарасевскій записалъ въ окрестностяхъ г. Купянска, Харьковской губ., много сказокъ, но собранный матеріалъ отличается столь ярко выраженнымъ порнографическимъ характеромъ, что не можетъ быть напечатанъ въ изданіяхъ Общества.

Очень важное значение имѣетъ экскурсія В. Шухевича въ Коссивскомъ повѣтѣ: онъ закрѣпилъ на пластинахъ фонографа различныя народныя мелодіи и изучилъ обычай, соблюдаемыя на Святкахъ. Кроме этихъ лицъ, въ собираниі этнографическихъ матеріаловъ приняли участіе также многіе любители изъ молодежи.

Образованіе, №№ 1—3.

I. Гессенъ. Юридическая помощь населенію (№ 1, стр. 95—116). Авторъ въ сжатомъ очеркѣ даётъ свѣдѣнія о состояніи этого вопроса въ Россіи и излагаетъ тѣ мѣры, которыя намѣтили для разрѣшенія его мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Останавливаясь попутно на предшествующей дѣятельности земствъ и другихъ учрежденій по оказанію юридической помощи населенію, авторъ касается также Южной Россіи.

A. С. То-ли нужно? (№ 1, стр. 117—134). Статья написана по поводу «Окружного посланія преосв. Антонія, еп. волынского, къ епархиальному духовенству». Это посланіе было написано преосвящ. Антоніемъ въ 1902 г. по поводу крестьянскихъ волненій на югѣ Россіи, при чёмъ онъ отмѣчаетъ, что вліяніе духовенства на населеніе сильноshalо и указываетъ различные недостатки духовныхъ руководителей народа. Но преосв. Антоній не указываетъ мѣръ къ исправленію этого зла, хотя и отмѣчаетъ, между прочимъ, несовершенство школъ духовного вѣдомства. Недостатки послѣднихъ и возможный мѣръ къ устранинію ихъ и составляютъ главную задачу данной статьи.

J. Клейнборнъ. Новыи отчеты фабричной инспекціи (№ 1, стр. 14—32). Говоря о положеніи рабочихъ и состоянія рабочаго вопроса въ Россіи, по поводу отчетовъ фабричной инспекціи за 1901 г., авторъ при случае касается также Южной Россіи.

Въ «Хроницѣ мѣстной жизни» помѣщены, между прочимъ, сообщенія о земскихъ собраніяхъ въ Екатеринославѣ и Черниговѣ, о засѣданіяхъ городскихъ думъ въ Елисаветградѣ и Черниговѣ и о беспорядкахъ въ Кіевскихъ университетѣ и политехникумѣ (№ 1), а также о борьбѣ земской школы съ церковно-приходской въ Мелитополѣ (№ 2).

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія» данъ отзывъ о *Ruthenische Revue. Halbmonatschrift I Jahrgang* (№ 1, стр. 168—169).

Ніва. Ежем. літер. и популярно-научн. приложенія, № 1—3.

I. A. Литинский. *Отчего мрутъ деревенскія дѣти* (№ 1, стр. 109—103). Авторъ пользуется при изслѣдованіи причинъ большой смертности дѣтей въ деревняхъ также данными, относящимися къ губерніямъ Южной Россіи.

B. Чумицкий. *Загадки у русскою наарода* (№ 3, стр. 457—466). Говоря о характерѣ загадокъ, авторъ приводить также украинскія загадки.

— — —

Ізвѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. VIII,
кн. 1—4.

B. H. Перетцъ. *Очерки старинной малорусской поэзии* (кн. 1, стр. 81—119). Въ настоящихъ очеркахъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью собрать въ одно замѣчанія о судьбахъ нѣкоторыхъ малорусскихъ поэтовъ XVIII в. и начала XIX в. и видоизмѣненіяхъ, которыя перетерпѣли ихъ произведенія, вращаясь среди любителей поэзіи (стр. 82). Съ этой точки зренія онъ и разсматриваетъ слѣдующія произведенія украинскихъ поэтовъ: 1) «Епиниконъ» 1709, Феофана Прокоповича; 2) вирши Климентія; 3) любовныя пѣсни въ припискахъ 1743—1761 г.; 4) пѣсню козака Климовскаго и 5) псалтыму Г. С. Сковороды.

I. И. Срезневский. *Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ VI—VII* (кн. 1, стр. 120—173)—продолженіе извѣстныхъ членій И. И. Срезневскаго «Повѣсти временныхъ лѣтъ»; настоящія членія почти не извѣстны ученымъ и опубликованы раньше лишь въ небольшихъ отрывкахъ.

H. K. Никольский. *Материалы для истории древне-русской духовной письменности* (кн. I, стр. 212—232 и кн. II, стр. 52—75)—имѣются также материалы, относящіеся къ древней исторіи и къ исторіи древней словесности Южной Руси, а именно: про ложное сказаніе объ освященіи церкви Бориса и Глѣба, посланіе пещер. архимандрита Досиоєя и слово похвальное Григорія, архіеп. Киевскаго и всея Руси.

A. A. Шахматовъ. *Къ исторіи звуковъ русского языка* (кн. I, стр. 297—356 и кн. II, стр. 312—346)—окончаніе изслѣдованія, начатаго печатаніемъ въ 1 и 2 книжкахъ „Ізвѣстій“ за 1902 г.; авторъ разсматриваетъ въ общей связи также звуки малорусского языка.

П. И. Жимецкий. Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII ст. (кн. II, стр. 1—51)—говорится о малорусскомъ вліяніи на образованіе литературной русской рѣчи въ XVIII ст.

В. Н. Перетцъ. Къ характеристику общественныхъ отношеній въ Малороссіи XVII в. (кн. II, стр. 159—168)—говорится о погребальной рѣчи о. Игнатія Старушича 1641 г., какъ доказательствѣ того, что малорусское духовенство измѣнило интересамъ народной массы и искажало литературный языкъ.

А. И. Соболевский. Несколько мыслей о древней русской литературѣ (кн. II, стр. 138—158)—II глава этой статьи написана по поводу брошюры Н. К. Никольского „Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности, Сб. 1902“, а III глава—по поводу рецензіи В. М. Истріна на книгу И. В. Владимірова „Древняя русская литература кievskаго періода“.

М. Г. Халанскій. Матеріалы и замѣтки по исторіи древне-русскаго героического эпоса (кн. II, стр. 168—176)—въ I главѣ издано сказаніе о взятіи Царяграда вел. кн. Ольгой.

В. И. Срезневский. Отчетъ Отдѣленію рус. языка и словесности Имп. Ак. Н. о поездкѣ въ олонецкую, вологодскую и пермскую губерніи (кн. II, стр. 222—245, кн. 3, стр. 127—189 и кн. IV, стр. 99—139)—среди описываемыхъ и пріобрѣтенныхъ авторомъ рукописей имѣются такія, которые представляютъ интересъ для изслѣдователей исторіи и литературы Южной и Западной Руси: 1) сказаніе о рос. святыхъ (кн. 3, стр. 171—115), 2) сборникъ средины XVI вѣка, содержащій зап.-рус. лѣтопись въ отрывкахъ (кн. IV, стр. 100—107).

О. Е. Коржъ. Турецкіе элементы въ языке слова о полку Игоревѣ (кн. IV, стр. 1—58)—статья написана по поводу изслѣдованія на ту-же тему И. М. Меліоранскаго (Изв., 1902 г., кн. II); авторъ подемизируетъ съ И. М. Меліоранскимъ по поводу слѣдовъ турецкаго вліянія въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ.

Въ отдѣлѣ „Библіографія“ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ и изданіяхъ: 1) Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Годы 6 и 7. К. 1901—1902 (кн. I, стр. 385—386, Е. В. Пѣтухова); 2) Статьи, рецензіи, замѣтки по вопросамъ рус. языка и словесности, помѣщены въ Ж. М. Н. Пр. за 1902 г. (кн. I, стр. 390—397, его-же); 3) Польские період. изданія по этнографіи за 1900—01 г.г. (кн. IV, стр. 383—400, 5) Улапина).

Сборникъ Отд. рус. и слов. Имп. Ак. Н., 1903 г., т. 72—74.

Отчетъ о первомъ по Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. присуждении премій митр. Макарія (т. 73, стр. 1—102)—даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *М. И. Михельсонъ. Русская мысль и рѣчь;* 2) *В. Н. Перетицъ. Историко-литературныя изслѣдованія и материалы,* т. I, ч. 1 и 2; *Н. Шляковъ. О поученіи Владимира Мономаха.*

Записки ист.-фил. факульт. Спб. Ун., 1904 г.. ч. 73.

Н. Г. Васенко. „Книга Степениная царскаю родбесловія“ и ея значение въ древне-русской исторической письменности, ч. I—весьма обстоятельное изслѣдованіе о „Степениной книгѣ“, первыя слова которой, какъ известно, даютъ весьма своеобразное изложеніе древнейшей русской истории.

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Новий польскій переводъ Шевченка. Въ Черновцахъ появилась нѣмецкая брошюра въ 36 страницъ подъ заглавіемъ «Schewtschenkows aus gewählte Gedichte». Это есть переводъ нѣсколькоихъ стихотвореній Шевченка, сдѣланый проф. С. Шнейдеромъ. Изъ предисловія узнаемъ, что переводчикъ задумывалъ издать цѣлый рядъ такихъ брошюръ, чтобы познакомить европейскую публику съ выдающимися произведеніями Шевченка. Переводъ сдѣланъ очень удачно и близко къ подлиннику. Цѣна брошюры 50 сот.

На дніяхъ вышелъ во Львовѣ новѣйшій указатель всѣхъ населенныхъ мѣстностей Галичини и Буковини, при чемъ въ немъ приняты во вниманіе всѣ территоріальныя измѣненія послѣдняго времени. Указатель составленъ почтовымъ контролеромъ Яномъ Биго и стоить 5 кор.

Въ № 70 львовской газеты «Діло» напечатана коротенькая, но очень сильная и содержательная рѣчь профес. Львовскаго университета К. Студиньского, произнесенная имъ 15 марта въ концертѣ,

устроенномъ въ Станиславовѣ въ память 43-ї годовщины смерти Шевченка. Рѣчъ эта, озаглавленная «Кобзареви Україны», главнымъ содержаніемъ своимъ имѣеть очень образное развитіе мысли, что Шевченко соединилъ въ одно духовное цѣлое раздѣленный украинскій народъ, заговоривъ чуднымъ, живымъ словомъ. «Когда въ древности— говорить проф. К. Студинскій—персидскій царь Дарій послалъ къ грекамъ пословъ и потребовалъ отъ нихъ, въ знакъ подчиненія, земли и воды,—то въ Асінахъ, по совѣту Фемистокла, рѣшили наказать смертью переводчика за то, что осмѣялся унизить греческій языкъ перевodomъ этого варварскаго приказанія. Такъ высоко греки цѣнили свой языкъ. И мы будемъ-же уважать и любить народную рѣчъ не потому, что Бандтке назвалъ ее лучшою изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, а Мицкевичъ—лучшимъ среди русскихъ нарѣчій; не потому, что Бодянскій возвеличиваетъ ея поэтичность и музыкальность и ставить наравнѣ съ языкомъ греческимъ и итальянскимъ; не потому, что Коубекъ и Мацѣевскій признали ее лучшею, нежели чешскій языкъ; не потому, что великороссъ Даляр (Луганскій) считать ее выше великорусской,— но потому, что она *наша, родная*; потому что народъ, не уважающій и не любящій своего языка, не заботящійся и его развитіи, не стоитъ того, чтобы быть народомъ.

Въ Krakowѣ группа молодыхъ русинскихъ литераторовъ задалась цѣлью издать украинскій альманахъ въ честь извѣстной писательницы Ольги Кобылянськой, подъ названіемъ—„За красою“.

Сюда войдутъ новыя произведенія многихъ авторовъ, между которыми пока обращаютъ на себя вниманіе имена И. Франка, О. Маковея, В. Ішурата, Б. Лепкого, П. Карманскаго, Н. Кибальчичъ.

Вступительная статья объ О. Кобылянськой принадлежитъ извѣстному поэту Б. Лепкому.

Рукописи высыпаются (до 1 мая) по слѣдующему адресу: Австрія. Krakow, Univerzytet. Ostap Luckyj.

Историческое извѣстіе объ Украинской думѣ. Въ журналѣ «*Ramieñnik literacki, czasopismo kwartalne p święcone historyi i krytyce literatury polskiej, wydawane przez Towarzystwo literackie imienia Adama Mickiewicza*», выходящемъ во Львовѣ, начиная съ 1902 года, въ статьѣ А. Бринкера «*Z dzijów dawnego teatru polskiego*» за тотъ

же 1902 годъ, на стр. 554 находимъ любопытное упоминаніе, что въ 1547 году киоаристъ воеводы троцкаго Яндрухъ (Jędrrek) получилъ золотой за пѣніе русской (украинской) думы».

Въ газетѣ «Die Zeit» съ № 527 начать печатаніемъ разсказъ Ивана Франка «Der Dorn im Fusse». Тема разсказа взята изъ жизни Гуцуловъ.

Новая газета. Съ марта мѣсяца въ Черновцахъ (Буковина) начинала выходить два раза въ мѣсяцъ газета «Хлібороб», издаваемая «Краевой Радой культуры» подъ редакціей проф. др. Смаль-Стопкаго. Годичная цѣна всего лишь 2 короны.

Новый журналъ. Съ апрѣля мѣсяца во Львовѣ началъ выходить двухнедѣльный богословскій журналъ „Нива“, являющійся продолженіемъ „Богословскаго Вістника“; отличіе заключается въ томъ, что кроме церковныхъ вопросовъ обращено вниманіе и на вопросы общественные. Цѣна 6 коронъ.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Графиня А. Д. Блудова и Острожское братство. Подъ ред. И. П. Хрущова. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Карский М. А. Зарубежная Русь. Историческая хроника. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

Ключевскій В., проф. Курсъ русской исторіи. Ч. I. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Лонгиновъ А. В. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ Одесса. 1904.

Лядскій К. И. Крестьянское землевладѣніе и размѣры его обложенія въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., Новочеркасскъ 1903.

Пантиюховъ И. И. д-ръ. Куреневка. Медико-антропологический очеркъ. К. 1904.

Иллюстративные снимки съ русскихъ грамотъ преимущественно XIV вѣка. А. И. Соболевскаго и С. Л. Птицинскаго. Сиб. 1903. Ц. 12 р. 50 к.

Писаренко Н. Коринь. Народная драма въ V діяхъ. Харьковъ. Типогр. В. Романова, Рыбная, № 17. 1904, 8⁰, ст. 53. Ц. 35 коп.

Археологическая лѣтопись.

Изслѣдованія и раскопки.

Раскопки у м. Ильинецъ, Липовецк. у. Киевск. г. Пользуясь любезнымъ приглашеніемъ Н. Е. Бранденбурга и главноуправляющаго Ильинецкимъ имѣніемъ А. И. Шелюжко, мы принимали посильное участіе въ раскопкахъ, производившихся Н. Е. Бранденбургомъ въ окрестностяхъ мѣстечка. Сообщаемъ краткія свѣдѣнія о результатахъ той части раскопокъ, которую намъ пришлось наблюдать.

Въ пяти верстахъ отъ м. Ильинецъ, у с. Паріевки, на покатомъ берегу р. Собы, расположено небольшой могильникъ, заключающій въ настоящее время около десяти могильныхъ насыпей. Большая часть ихъ сравнительно незначительной высоты—1,5—3,5 метра, двѣ-же, стоящія поодаль, гораздо большихъ размѣровъ. Одинъ изъ послѣднихъ кургановъ лежитъ въ нижней части береговой скатости, другой—на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ тракта, ведущаго въ мѣстечко. Остальные курганы занимаютъ какъ-бы среднее между ними положеніе. Для раскопокъ было выбрано три кургана изъ этой средней группы, т. е. съ небольшими насыпями. О первоначальной высотѣ кургановъ и объ ихъ формѣ теперь трудно судить, такъ какъ курганы этой группы много лѣтъ какъ распахиваются. Но, основываясь на формѣ большихъ кургановъ, имѣющихихъ поблизости и еще не тронутыхъ плугомъ, можно думать, что и эти курганы были куполообразные; въ на-

стоящее-же время они носятъ характеръ отлогихъ возвишеній, съ одной стороны болѣе высокой, а другой менѣе, что зависить отъ площади, на которой они расположены, имѣющей уклонъ къ рѣкѣ. Очень возможно, что нѣкоторыя насыпи разнесены плугами до основанія и теперь незамѣтны на поверхности; на это есть между прочимъ указание въ „Археологической картѣ Кіевской губ.“ проф. Антоновича, гдѣ сказано, что на поляхъ с. Паріевки, около почтовой дороги, есть 3 группы, въ нихъ 27 кургановъ.

Высота раскопанныхъ кургановъ—1) 1,23—1,5 м., 2) 1,55—2 м. и 3) 3,1—3,5 м.; соотвѣтственныя окружности—66, 85 и 115 м. Раскопки производились колодцами, діаметромъ 6—7 саж., причемъ діаметръ этотъ постепенно съужался до 4-хъ саж..

Первый курганъ не далъ буквально никакихъ результатовъ. Почти то-же самое можно сказать и о третьемъ. Въ первомъ въ сѣв.-вост. части насыпи, почва оказалась состоящей изъ замѣчательно плотной, слежавшейся глины; на глубинѣ 2,85 м. это пятно глины пришло правильныя формы могильной ямы, длиной 3,8 м. и шириной 2,15 м., направлениe ямы на з.-з. с.; углы ея закруглены. Ямашла на глубину 40 стм.; въ разныхъ мѣстахъ ея и на разной глубинѣ встрѣчались куски человѣческихъ костей; въ одномъ мѣстѣ части костей (отъ нижнихъ конечностей) лежали кучкой. Кромѣ костей, встрѣтились, также въ разныхъ частяхъ ямы, угольки и остатки истлѣвшаго дерева; у сѣверной стороны ямы слой истлѣвшаго дерева (дуба) имѣлъ видъ небольшого бруска, длиной до 20-ти стм. Вотъ и все содержимое могильной ямы, по всей вѣроятности ограбленной еще въ древности. Въ насыпи кургана встрѣтилось нѣсколько конскихъ зубовъ, кусокъ угла и довольно значительное количество черепковъ грубой посуды, выдѣланной безъ круга, съ кварцемъ.

Въ насыпяхъ другихъ кургановъ также довольно часто попадались такие-же черепки; разбросаны они и по полю въ бороздахъ и рѣтвинахъ, вымытыхъ водой. А. И. Шелюжко найденъ здѣсь, наряду съ черепками, и кусочекъ отбитого кремневаго ножика; все это указываетъ на то, что площадь, занятая курганами, и прилегающая къ ней мѣстность, раньше, до насыпки кургановъ, были заняты стоянкой каменнаго вѣка.

Курганъ № 2 заключалъ въ себѣ могилу, также совершенно ограбленную. Уцѣлѣло лишь боковое погребеніе, давшее очень интересныя находки. Устройство центральной могилы можно восстановить довольно точно. Въ материкѣ ямы не копалось, былъ расчищены лишь верхній слой земли и на образовавшейся площадкѣ воздвигнута изъ дубовыхъ брусьевъ (15—20 стм. діам.) постройка, имѣвшая одну прямую сторону, а остальная закругленная. Столбы въ некоторыхъ частяхъ вились настолько часто, что образовался какъ-бы частоколъ, въ другихъ-же частяхъ (особенно въ прямой) столбы закладывались брусьями. Сооруженіе это было покрыто шатрообразной деревянной крышей, шедшой наклонно внизъ отъ прямой стѣнки; у этой послѣдней, сейчасъ-же за ней, внутри могилы, стояли два столба, поддерживавшіе крышу. Сооруженіе имѣло немного вытянутую форму по линіи прямой стѣнки, именно, въ этомъ направленіи, посрединѣ, оно имѣло 6,2 м., въ попечномъ-же—5,7 м. Какъ уже сказано, внутри могилы ничего не оказалось, даже обломковъ костей,—могила была ограблена и слѣдомъ ограбленія остался подкопъ, ведшій въ могилу съ з.-з.-с. стороны. Подкопъ имѣть видъ траншеи, шириной 80 стм., устроена онъ тогда, когда крыша еще была цѣла, она впослѣдствіи завалилась надъ подкопомъ и образовала въ разрѣзѣ крипту линію истлѣвшаго дерева, опущенную внизъ и снова поднимающуюся. Слѣдуетъ еще отметить, что у в.-в.-ю. угла склепа, внаѣ его, обнаруженъ кругъ обожженої земли, діам. приблизительно 1 м., съ остатками золы, углей и костей животныхъ—повидимому слѣдъ небольшого костра.

На глубинѣ 1,1 м. отъ вершины кургана, въ насыпи его, обнаружено боковое погребеніе. Находилось оно съ ю.-ю.-з. стороны склепа, непосредственно за прямой его стѣнкой. Скелетъ лежалъ въ гробу или былъ прикрытъ досками—пока сказать трудно, во всякомъ случаѣ сверху сохранились части досокъ. Направленіе скелета на з.-з.-с., хотя головы и верхней части туловища и не открыто. Ясно обозначались берцовыя кости съ немного раздвинутыми нижними концами; продолженіемъ ихъ служили двѣ бронзовыя античныя кнемиды, быть можетъ скрывающія кости голеней. Кнемиды находились въ положеніи, указывавшемъ на то, что колѣни покойника были

раскинуты. Возлѣ правой кнемиды, въ наклонномъ положеніи стоять бронзовый тонкій кругль, приблиз. 20 стм. діам., украшенній по ободку рядомъ штампованныхъ точекъ. Тутъ-же и немного поодаль найдено нѣсколько круглыхъ, выпуклыхъ бляшекъ съ отверстіями посрединѣ, затѣмъ цѣлый рядъ бронзовыхъ узкихъ пластинокъ, покрывавшихъ въ видѣ чешуи б. м. поясъ, трехгранный бронзовый наконечникъ стрѣлы и, немного ниже,—часть желѣзного предмета, б. м. меча. Относительно положенія предметовъ, количества ихъ и величины пока можно говорить лишь предположительно, такъ какъ это погребеніе едва только начато отчисткой. Въ виду его интереса, Н. Е. Бранденбургъ въ данномъ случаѣ прибѣгнулъ къ пріему, уже не разъ имъ употреблявшемуся и давшему такие блестящіе результаты. Пріемъ этотъ состоить въ томъ, что все пространство, заключающее цѣлое погребеніе или какую ниб. интересную часть его, только слегка отчищается, затѣмъ заключается въ крѣпкую раму, снова присыпается смоченной землей и плотно заколачивается крышкой. Дальнѣйшая, самая трудная работа состоить въ подбивкѣ земли подъ рамой и въ пропускніи туда досокъ, въ свою очередь прикрѣпляющихся къ рамѣ. Когда подъ всей рамой подбиты доски, она переворачивается, временно подбиты доски снимаются, земля выравнивается, слегка утрамбовывается и тогда-уже доски плотно и наглухо заколачиваются. Такимъ образомъ получается ящикъ, который для большей крѣости можно еще стянуть желѣзными обручами, заключающій слой земли съ предметами. Разборка его уже производится на мѣстѣ и конечно производится гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ гдѣ-ниб. на днѣ могильной ямы; тутъ можно уберечь предметы отъ ломки, что нерѣдко случается и при отчисткѣ и при перевозкѣ, а главное, можно сохранить взаимное расположеніе предметовъ и, такимъ образомъ, дать наглядную картину погребенія. Прекраснымъ доказательствомъ раціональности этого пріема служатъ цѣлые погребенія кочевниковъ, хранящіяся въ Артиллерійскомъ Музѣѣ и перевезенные туда Н. Е. Бранденбургомъ изъ Кіевской губ. Если такое препарированіе цѣлыхъ могилъ требуетъ большихъ хлопотъ и издержекъ и примѣнимо лишь по отношенію къ выдающимся находкамъ, то его удобно можно примѣнять къ частямъ погребеній

или къ отдельнымъ предметамъ, вынуть которые на мѣстѣ представляется затруднительнымъ.

Какъ уже упомянуто, такой пріемъ былъ примѣненъ и къ данному погребенію; оно заключено въ ящикъ, довольно внушительныхъ размѣровъ и вѣса, и къ разборкѣ его будетъ приступлено уже на мѣстѣ, въ Артиллерійскомъ Музѣѣ,—о результатахъ этой разборки мы сообщимъ своевременно. Добавимъ еще, что съ в.-з.-с. стороны скелета, сейчасъ-же за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ должна была приходиться голова, лежала на боку, отверстиемъ къ скелету, большая амфора, фазосскаго типа, раздавленная тяжестью земли.

Что дастъ содержимое этого погребенія—пока неизвѣстно, изъ того-же, что можно было видѣть, большую рѣдкость представляютъ кнемиды. Въ Кіевской губ. (да и вообще въ районѣ Приднѣпровья) извѣстны всего двѣ находки: одна въ Каневскомъ у. (изданная Фунду克莱емъ), другая въ Чигиринскомъ—(въ собраніи Б. И. Ханенко).

Что касается опредѣленія эпохи и народности этого погребенія, то слѣдовало бы подождать выясненія полнаго комплекта его инвентаря, хотя и теперь, основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ (бронзовая стрѣла и амфора) можно почти утверждительно сказать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ погребеніемъ скифскаго типа. Находка античныхъ кнемидъ нисколько этому не противорѣчитъ: при тѣхъ взаимоотношеніяхъ, которыхъ существовали между скифами и греческими колонистами, легко можно объяснить позаимствованіе и этого вида защитнаго вооруженія, совершенно такъ-же, какъ и признанный фактъ употребленія скифами греческихъ бронзовыхъ шлемовъ. Къ той-же эпохѣ нужно отнести и ограбленныя центральныя погребенія какъ этого, такъ и другихъ кургановъ. Въ 1891 г. проф. Антоновичемъ было раскопано 3 кургана у лежащаго недалеко отъ Паріевки с. Кальника (также въ бассейнѣ р. Собы). Въ курганахъ обнаружены большія деревянныя постройки въ видѣ шатра, основанныя на рядахъ толстыхъ дубовыхъ свай,—постройки, повидимому, однородныя съ открытой въ курганѣ № 2. Подъ этими постройками лежали скелеты и при нихъ желѣзные кинжалы, бронзовыя трехгранныя стрѣлы, большія

амфоры, обломки терракотовыхъ сосудовъ, удила—инвентарь несомнѣнно скифскаго погребенія.

Кромѣ вышеописанной группы кургановъ, Н. Е. Бранденбургомъ начатъ пробной раскопкой громадный курганъ, находящійся у самого м. Ильинецъ, на поляхъ Барбаратской экономіи. Намъ, къ сожалѣнію, не пришлось присутствовать до конца раскопокъ, а потому и свѣдѣнія о нихъ откладываемъ до слѣдующаго раза.

Помимо раскопокъ кургановъ, было осмотрѣно также городище, расположеннное на крутой горѣ, у с. Борисовки, въ лѣсу, принадлежащемъ владѣлицѣ Ильинецѣ Е. П. Демидовой княгинѣ Сань-Донато. Городище прекрасно сохранилось, круглой формы, съ попеченнымъ внутреннимъ валомъ, раздѣляющимъ его на двѣ неравныя части. Кое-гдѣ на площади его замѣтны свѣжія кладоискательскія ямы. При изслѣдованіи стѣновъ одной изъ нихъ, А. И. Шелюжко было добыто много черепковъ посуды, костей, кусковъ обожженной земли съ одной гладкой поверхностью и шлифованный топорикъ изъ кремнистаго сланца. Характеръ черепковъ (м. п. соединительная ручка двойного сосуда) и присутствіе обожженной земли даютъ указанія на до-микенскую культуру. Очень возможно, что площадь поселенія этой эпохи была занята въ болѣе позднее, славянское время, городищемъ. Если фактъ этотъ подтвердится, то для Липовецкаго у. это будетъ первая находка подобнаго рода. Очень желательно, что-бы было произведено систематическое изслѣдованіе городища и прилегающихъ къ нему мѣстностей.

Музей и собранія древностей.

Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. I. До сихъ поръ, на страницахъ «Лѣтописи», не было еще почти ничего сказано объ этомъ музѣѣ. Между тѣмъ музей Е. Н. Скаржинской заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по общей постановкѣ дѣла, такъ и по тѣмъ материаламъ, которые въ немъ сосредоточены. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнаго посѣщенія музея, мы постараемся дать краткій очеркъ его, выразивъ при этомъ глу-

бокую признательность секретарю музея С. К. Кулжинскому, съ полной готовностью дававшему намъ объясненія и справки.

Характеръ музея—преимущественно мѣстный, въ этомъ его интересъ и значеніе. Началось дѣло собиранія коллекцій, если не ошибаемся, лѣтъ двадцать тому назадъ; понемногу коллекціи расширялись, прибавлялись новые отдѣлы и, благодаря энергіи владѣлицы и ея широкимъ взглядамъ на подобного рода дѣло, въ настоящее время образовался настоящій музей, съ музейной обстановкой, съ точной регистраціей предметовъ (послѣднее, къ сожалѣнію, не всегда практикуется и въ нѣкоторыхъ общественныхъ музеяхъ). Помѣщается музей въ усадьбѣ х. Круглика (версты три отъ станціи Киево-Полтавской ж. д. Лубны), занимаетъ двѣ большихъ залы и нѣсколько другихъ помѣщеній, но количество предметовъ за послѣднее время такъ возросло, что приходится тѣсниться—нѣть возможности выставить все болѣе или менѣе интересное. Просвѣщеніе взгляды владѣлицы на такого рода учрежденія выражаются, прежде всего, въ томъ, что ея музей уже и теперь сталъ общественнымъ учрежденіемъ: доступъ въ него открытъ для каждого, хранителемъ музея даются объясненія, витрины снабжены пояснительными надписями. Посвѣтителями являются главнымъ образомъ мѣстные жители, и насколько дѣло привилось—можно судить по числу посѣщеній: въ среднемъ, въ мѣсяцъ, ихъ бываетъ до ста, въ нѣкоторые же мѣсяцы число это поднимается до трехсотъ. Такимъ образомъ, просвѣтительное значеніе музея для мѣстного края несомнѣнно. Затѣмъ, имъ въ виду именно эту цѣль, владѣлица рѣшила оставить навсегда музей въ краѣ и никогда не имѣла намѣренія, какъ о томъ сообщали досужія корреспонденціи, передать его одному изъ столичныхъ музеевъ. Во всякомъ случаѣ, будущность музея можно считать обеспеченной: онъ останется областнымъ музеемъ, т. е., такимъ, въ какихъ давно чувствуется недостатокъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

По составу, музей можно раздѣлить на три главныя части, составляющія отдѣлы: естественно-историческій, историко-археологический и этнографическій. Первый не входитъ въ нашу область, будемъ говорить о двухъ послѣднихъ и на этотъ разъ остановимся лишь на чисто археологическомъ отдѣлѣ. Но

прежде нѣсколько словъ о томъ направленіи, въ какомъ ведется комплектованіе всего историко-археологического отдѣла. Нужно признать, что большинство частныхъ коллекцій и даже цѣлыхъ музеевъ, въ зависимости отъ вкусовъ владѣльцевъ и непониманія ими научныхъ цѣлей такихъ собраний, состоятъ изъ предметовъ, характеризующихъ какой-ниб. одинъ слой общества, преимущественно слой верхній, визшій-же, масса и все то, что относится къ ея быту, не привлекаетъ къ себѣ вниманія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ не даетъ ничего такого, что можетъ „украсить“ коллекцію. Въ музѣ Е. Н. Скаржинской дѣло обстоитъ иначе: здѣсь собирается все, что можетъ послужить къ характеристику быта общества, всѣхъ слоевъ его, въ ту или другую эпоху. Поэтому, рядомъ съ цѣнными, какъ въ художественномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи предметами, мы видимъ въ витринахъ и самые незатѣйливые предметы домашняго обихода простого люда: на нихъ обращено такое-же серьезное вниманіе, они тщательно собираются, если не встречаются цѣлые, то подбираются и обломки. Это особенно важно по отношенію къ древностямъ историческимъ, ко времени не столь отдаленному, но отъ которого осталось такъ немного. Для науки нѣть ничего не важнаго, не интереснаго и мы съ большимъ удовольствиемъ отмѣчаемъ, что принципъ этотъ нашелъ себѣ прочное мѣсто въ музѣ Е. Н. Скаржинской.

Одна изъ большихъ залъ почти исключительно занята памятниками доисторической старины. На ней мы и остановимся. Происходятъ предметы преимущественно изъ Полтавской губ., главнымъ образомъ, изъ Лубенскаго у. Но есть также изъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Бессарабской, Области Войска Донскаго, съ Кавказа и даже изъ Люблинской, Радомской, Виленской, Витебской, Смоленской и Тверской губ. Въ большинствѣ случаевъ каждая губернія, изъ вышеупомянутаго длиннаго списка ихъ, представлена очень незначительнымъ числомъ предметовъ, среди-же этихъ послѣднихъ немногіе представляютъ изъ себя характерные образцы¹⁾. На нашъ взглядъ,

¹⁾ Здѣсь можно упомянуть о рядѣ сосудовъ изъ раскопокъ кургановъ въ Старобѣльскомъ у. Харьковской г., о нѣсколькихъ брон-

номъщеніе въ музей, носящій мѣстный, областной характеръ, предметовъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ представляется невполнѣ рабочевальнымъ. Въ виду просвѣтительныхъ и общеобразовательныхъ цѣлей музея, конечно, необходимо дать понятіе и о томъ, въ чёмъ выразилась культура прежнихъ эпохъ другихъ областей и даже странъ, чѣмъ она разнится отъ мѣстной. Но для этого нужны болѣе или менѣе образцовые предметы, а за отсутствіемъ оригиналовъ, можно помѣстить копіи или рисунки¹⁾, собираю-же всего можетъ повести лишь къ загроможденію музея. Вышеуказанное обстоятельство не составляетъ однако недостатка музея,—благодаря ему все-же сохраняются памятники старины, повсюду у насъ уничтожаемой, да и въ общемъ числѣ, какъ уже сказано, значительно преобладающей является старина Полтавской губ.—къ ней мы и переходимъ.

Нѣсколько витринъ занято различными культурными остатками изъ палеолитической стоянки у с. Гонцовъ, Лубенского у.; это крупные отбивные орудія изъ порфира и гнейсо-гранита и мелкія изъ кремня—острія, ножики, скребки, затѣмъ масса костей мамонтовъ и отчасти сѣверного оленя; нѣкоторые изъ костей обуглены. Стоянка эта открыта въ лессѣ праваго берега р. Удая бывшимъ владѣльцемъ Гонцовъ Г. С. Кирьяковымъ, описана въ трудахъ III-го съѣзда Ф. И. Каминскимъ; первона-чальная коллекція изъ стоянки поступила въ Лубенскую гимна-зію. Впослѣдствіи Гонцы перешли къ г-жѣ Скаржинской и предметы, найденные между 1874—80 г.г., поступили уже въ ея музей. Подборъ ихъ значительно пополненъ въ 1891 г., когда, при рытьѣ ямы для погреба, на днѣ ея, на глубинѣ $3\frac{1}{2}$ арш., былъ обнаруженъ слой, состоявшій изъ золы, углей, массы костей, частью пережженныхъ, мамонта и другихъ жи-вотныхъ, а также изъ кремневыхъ орудій и ядрищъ.

Неолитический періодъ также имѣеть въ музѣѣ многочи-сленныхъ представителей. Поражаетъ разнообразіемъ коллекція

зовыхъ топорахъ (кельтахъ) и о бронзовомъ идоличикѣ—все изъ Харь-ковской-же губ. Есть также бронзовый топоръ изъ Херсонской губ.

¹⁾ Для нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ такие типич-ные предметы сведены и изображены на таблицахъ.

орнаментированныхъ черепковъ съ „Лысой Горы“ (окрестности Лубенъ), затѣмъ идутъ находки у с. Исачекъ, въ окрестностяхъ с. Клепачей, у с. Песковъ (все Лубенск. у.) и т. д. Есть предметы и изъ погребеній каменного вѣка, м. п. на той-же „Лысой Горѣ“¹⁾.

Представителей бронзового вѣка, какъ и слѣдовало ожидать,—немного,—есть изящной формы бронзовый топорикъ, найденный между с. Клепачами и х. Александровкой, другой бронзовый топорикъ (кельтъ) изъ Хорольск. у., форма для отливки бронзового серпа изъ Кременчугск. у. и нѣкот. другіе.

Довольно многочисленны предметы скифской эпохи. Происходятъ они главнымъ образомъ изъ раскопокъ кургановъ (на „Лысой Горѣ“, на „Старомъ Замкѣ“—возлѣ Лубенъ), а также и изъ случайныхъ находокъ.

Къ эпохѣ переселенія народовъ относится прекрасный, ажурный бронзовый браслетъ, съ гнѣздами для эмали, найденный въ Лубнахъ; сюда-же могутъ быть отнесены и два другихъ бронзовыхъ браслета, гладкихъ, съ утолщеніями на концахъ; найдены также въ Лубнахъ.

Изъ раскопокъ кургановъ и изъ случайныхъ находокъ происходятъ и предметы славянской эпохи какъ болѣе ранней, такъ и великокняжеской; къ послѣдней относятся и нѣкоторыя находки въ г. Лубнахъ. Вообще нужно замѣтить, что все находимое въ Лубнахъ, при рытьѣ земли или даже случайно, находится пріютъ въ витринахъ музея; за этимъ слѣдить мѣстный житель—А. А. Лагренко, спасающій такимъ образомъ отъ гибели много цѣнныхъ остатковъ старины.

Мы лишь бѣгло коснулись содержанія археологического отдѣла музея,—надѣемся, что интересующіеся дѣломъ скоро будутъ имѣть возможность ознакомиться съ нимъ цѣликомъ, такъ какъ въ настоящее время совсѣмъ готово подробное его описание, а иллюстрирующіе это послѣднее многочисленныя таблицы рисунковъ уже и отпечатаны. Такое описание будетъ цѣннымъ экспонатомъ на предстоящемъ Харьковскомъ съездѣ и

1) О раскопкахъ здѣсь кургановъ см. статью Лискоронского, Киевск. Стар. 1892 г.

отчасти замѣнить оригиналы, такъ какъ, не смотря на всю желательность, снять съ мѣста музей и выставить его на съѣздѣ, дѣйствительно представляется затруднительнымъ.

По ходатайству предсѣдателя херсонской ученой архивной комиссіи Г. Л. Скадовскаго, Императорская археологическая комиссія распорядилась о пополненіи Херсонскаго археологического музея древностями, найденными въ послѣдніе годы при систематическихъ раскопкахъ развалинъ Херсонесса (у нынѣшняго Севастополя) и Пантиапеи (нынѣ Керчь). Присланная въ Херсонскій музей коллекція пантиапейскихъ древностей состоитъ изъ 110 предметовъ. Между прочимъ въ ней обращаютъ на себя вниманіе золотыя вещи: перстень съ рѣзнымъ гранатомъ, круглые бляшки, украшившія одежду; бронзовыя зеркала, браслеты, пряжки, кольца; стеклянная посуда: бальзамаріи, стаканы, ожерелья, амулеты, пуговки; глиняная посуда; терракотовыя статуэтки; лампочки, грузила. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе плохой укупорки, многія вещи пришли въ Херсонъ разбитыми, изломанными, особенно пострадала стеклянная и глиняная посуда и статуэтки. („Югъ“).

ношеннія В. къ его Бережовскімъ „подданнымъ“. ¹⁾ Послѣ В. остался сынъ Яковъ, который по смерти отца властительно до-

¹⁾ Приводимъ здѣсь любопытное рѣшеніе Правлукаго полковаго суда по жалобѣ Бережовскаго жителя Верескуненка на зятя сотника Волошина, „и. Матвѣя Федоровича“, который, по взятіи тестя въ Сибургъ, властно распоряжался урядовою его маетностью — „Року 1719, мѣс. авг. 20 числа. На урадѣ нашомъ такъ полков., яко и го- родов. Прилукомъ, предъ нами Иваномъ Марковичемъ, судію полк. Црилук., Григоріемъ Николаевичемъ, атам. город., Евстафіемъ Мой- сьев., войтомъ, Яким. Иван. и Михайломъ Балабою, бурмистрами, жаловался Каленикъ Верескуненко, житель Бережувскій, на п. Матвѣя Федоровича, державцу своего, же якобы онъ не тилко взялъ у его корову за стравлене гарбуза свинею его, въ городѣ онаго п. Матвѣя, лечъ еще велѣль его старостѣ своему, что за той гарбузъ не попу- стилъ ему часть огорода, обухомъ, ведучи до двора, при Тимошу Карлу, бити; а другое, якобы за тое, что рикуня (коровница) онаго жъ п. Матвѣя дала ему грудку сира а ложжку масла, взялъ у его ого- родъ съ хатою и садомъ, за которій давано талярей 20, поля на шесть недѣль (т. е. $3\frac{1}{2}$ десят.) и другую корову, а до того жита конь полде- сяти, гречки $1\frac{1}{2}$ коши, овса $1\frac{1}{2}$ коши, голого жита полчетверика, гороху полчетверика, не взирая на тое, что теща онаго велѣла его налицею, а жинку онаго нагайкою бити по подошвахъ и въ холодѣ, за тотъ же сиръ и масло, два днѣ держати его. Въ чомъ просиль овій Верескуненко з помянутого п. Матв. Федор. святой справедливости. На таковую тели жалобу его, зискавши предъ себѣ п. Матв., пита- лисмо его если взялъ онъ у помянутого Верескуненка за стравлене гарбуза корову или нѣть? и чи велѣль его старостѣ своему бити обухомъ, а знову, чи забраль онъ въ его за грудку сиру и ложжку масла огородъ съ хатою и садомъ, поля на 6 недѣль, корову другую и нащню, яко вишише виразилося. Теди оній, на питане наше, отвѣ- товалъ тое, что корову єдину взялъ онъ не за гарбузъ, але за ви- пасене капусты и прочей огороднини; а що оній Верескуненко повѣ- даетъ, же якобы велѣль онаго обухомъ бити, то тое не есть правда; знову, що тотъ же Верескуненко мовить, же якобы онъ огородъ зъ хатою и зъ садомъ, за которій будто давано таляр. 20, поля на 6 недѣль, корову другую (проч., какъ сказано Верескуненкомъ вишише) забраль, то и тому неправда дѣбется, кгдышъ того мовить онъ не бралъ, але еще тесьтъ его Григорій Ивановичъ, бывшій сотникъ Ива- ницкій, будучи въ дому, забраль именно огородъ зъ хатою и садомъ, поля на кілка недѣль, корову та молоченого жита всего тилко $1\frac{1}{2}$

бивался Бережовки, находя, что село это должно принадлежать ему „за службы“ его отца.

Стороженко былъ однимъ изъ сыновей Иченского сотника Андрея С—ка. О немъ сохранилось только слѣд. интересное свѣдѣніе, записанное въ Дневникѣ Я. Марковича, въ апрѣль 1726 г.— „Иваницкій сотникъ Ив. Стороженко первую жену

четверика, а болшъ пашнѣ не бралъ, и то не за грудку сира и ложку масла, але що мѣль переводню з рикунею ихъ, яка дойво поташловавши и в оное онучъ и землѣ нахлавши, утекла, тое забрато. А поневажъ предреченный Верескуненко здавался на Тимоша Карла, жителя Бережувского, же якобы свѣдомъ онъ, якъ бывъ староста его обухомъ, а на Михаила Менка, жителя тамошнаго жъ изсидался, что свѣдомъ, и зсидалисмо на п. Романа Березинскаго (с. 181), знатн. тов. в., до с. Бережувки для роспитанія людей о томъ побои свѣдомихъ и розисканія о томъ, кто в оного Верескуненка забралъ кгрунта и пашню и за якую вину. Где п. Берез., по самой слушности розискалиши, привезлъ до насъ на наперѣ розискъ и в ономъ не явилося того, чтобы по приказу п. Матвѣя,—обухомъ, а по новелѣнію тещи его—налицею по подошвахъ, а жунку его нагайкою тожъ по подошвахъ бито, але лжivo тое онъ змислилъ. Такожъ и того на п. Матвѣя не показалось, ижъ бы мѣль онъ забрати в его кргунта, але *тестъ оною тіє забралъ кгрунта*, за тое что з рикунею ихъ в дуйвѣ мѣль переводню. Судъ прето нашъ полк. Прлц. видачи, что помянутій В—ко неслушне на п. Матвѣя Ф—ча¹ оболгалъ, зганилъ ему В—ку тое, однакъ поневажъ помянутіе кгрунта у оного В—ка взятіе, в завѣдоване помянутому п. Матвѣю досталися, теди судъ нашъ, респектируча на убозство мененого В—ка, велѣлъ п. Матвѣю, ижъ бы ему привернуль поле, тако жъ корови обидѣ и пашню сколко забрато отдалъ усю. А за тую вину, что оній В—ко мѣль з рикунею ихъ переводню, удержаналъ пра соби оній п. М. огородъ из садкомъ, которымъ волно ему и тестеви его за прибуitemъ, якъ хотѣти владѣти и жебы вже вишепомянутый В—ко не важился такъ зъ его п. М., яко и тестя его и потомковъ ихъ, за тое, что вишше виразилося, турбовать, *вини положивши таллярей 20 и кіевихъ ударовъ 50*, декреть сей при подписаніи рука судейской и при печатехъ такъ судейской, яко и городовой Прлцк. сторонѣ потребуючой до рукъ видалисмо. В ратушу Прлцк. року и дна вышевыраженникъ. Звишменованний судя полковой в вишмененем урядомъ рукою власною». (М. П.) (М. П.) (Съ подлинника).

по причинѣ болѣзни ея постригши въ монахини, женился на другой, но недѣли черезъ самъ умеръ и постриженная тоже".

Миницкій началъ службу въ генер. к—ріи съ 1714 г. и оставался тутъ до смерти Скоропадскаго, когда въ 1722 г. назначенъ былъ Полуботкомъ на урадъ Нѣжинскаго полк. писарства. Назначеніе это было сдѣлано противъ желанія тогдашняго Нѣжинск. плен—ка Толстого, по интригѣ котораго М. былъ Румянцовымъ въ 1723 г. арестованъ, конечно, какъ сторонникъ Полуботка. Объ этомъ арестѣ самъ М. разсказывается такъ: „въ 1723 г., декамврія, за бытности г. Руманцова въ М. Россіи, при арестованіи зъ разныхъ полковъ старшинъ, преданъ и я отъ Толстого въ Глуховъ за арестъ, и тамъ 16 мѣс. утѣсненіе претерпѣвши, по наведенной на мене не въ чомъ винѣ, освобожденъ въ мартѣ 1725 г., зъ коллежскимъ пашпортомъ зъ подъ аресту—честно быть въ чину попрежнему". Но Толстой не желалъ имѣть М. писаремъ въ своемъ полку, п. ч. въ январѣ 1726 г. М. оставилъ „по крайней нуждѣ" Нѣжинъ и переселился въ Прилуцкій полкъ, такъ какъ „писменнымъ ордеромъ" плен—ка Галагана онъ былъ опредѣленъ „на вакансіе въ м. Иваницу править сотнею до указу". Но Толстой, повидимому, продолжалъ преслѣдовать М., какъ это видно изъ разсказа послѣдняго о дальнѣйшей его судьбѣ—въ жалобѣ поданной Апостолу, въ октябрѣ 1728 г. Сказавъ о полученіи сотничества отъ Галагана, М. продолжаетъ: но Млрс. коллегія „навожденiemъ п—ка Толстого, устремившагося на мене злобою, бевинно изгнала мене отъ сотничества. И я тогда устрешенъ (будучи) коллегіей и злобою Толстого, дабы знову не попасти напрасно въ неволю, заразъ уѣхалъ въ С.-Пбурхъ и тамо чрезъ 9 мѣсяцей живучи, зъ немалымъ коштомъ, убыtkомъ и волокитою, получилъ монаршій указъ о опредѣленіи мене попрежнему Іваницкимъ сотникомъ, и сверхъ того указу иностр. дѣлъ коллегія, чрезъ совѣтн. г. П. В. Курбатова, вручила мене 30 юля 1727 г. и приказала г. Наумову, дабы за прибытіемъ его въ Україну, опредѣлено мене сотникомъ въ Іваницю безволокитно... По якому монаршему указу и по писмахъ причиннихъ (т. е. ходатайственныхъ), данъ былъ мнѣ прошл. 1727 г., дек. 20 д., отъ ясн—ти в. до п. плен—ка При-

лудкого указъ о бытіи мнѣ сотникомъ по прежнему, а Григорію Волошину, который былъ козакамъ на тое сотничество подмогоричился, вовся отказать... Но г. Наумовъ, за повиданемся въ В. Волочку (по дорогѣ изъ СПБ. въ Глуховъ) зъ г. Вельяминовыемъ, а зъ означеннымъ Толстымъ нарочно обачившия, при подмосковной его деревнѣ, гдѣ пынѣ живетъ, пакостигъ мнѣ напрощенный и поступленной въ Глуховъ каретою скрумпованній (подкупленный), по тому монаршему и яси—ти в. указу сотникомъ быть мнѣ не допустиль"... Случилось это такимъ образомъ: выпросивъ въ нач. 1727 г. въ СПБ. „монаршій указъ“ на сотничество, М. отправленъ былъ въ Иваницу съ универсаломъ уже повопоставленаго гетмана, предпывавшаго полковнику „вручить“ М. и „короговъ“. Но не успѣль М. еще и водвориться на сотничествѣ, какъ Наумовъ извѣстилъ Апостола, что онъ не находитъ возможнымъ допустить М. къ сотничеству. Апостолъ не могъ не подчиниться Наумову ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось Апостолу и показывать публично свою зависимость отъ „министра“; поэтому гетманъ написалъ Галагану, чтобы тотъ негласно отобралъ у М—го гетманскій универсалъ на сотничество, послѣ чего М. разумѣется переставалъ быть сотникомъ. Распоряженіе это сей-часъ же стало извѣстно въ Иваницѣ и М., видя бѣду,бросился добывать „инстанціальныя“ къ гетману письма отъ разныхъ влиятельныхъ лицъ. Главнымъ изъ нихъ былъ Вейсбахъ, который и просилъ (въ янв. 1728 г.) гетмана—помочь М-му, такъ какъ это „человѣкъ состоянія доброго и того сотническаго чина быти достоинъ“. Такую же „инстанцію“ М. представилъ и отъ гетманicha Павла, писавшаго 15 янв. 1728 г. отцу: „нарочне сего дня прибылъ ко мнѣ, въ Сорочинцѣ, п. Навель М. и плачливе ускаржался въ несносной своей обидѣ (о которой вашей яси—ти извѣстно уже есть и онъ самъ устне или литературне маєть предъявити) а зверхъ того еще и нынѣ по виданному отъ в.

¹⁾ См. данную Наумову, при отправленіи его въ Малороссію, инструкцію. Исторія Россія, Соловьевъ, IV, 1108.

ясн—ти указу, п. плк—къ Прилупкій, *невѣдомо чего ради*, оному М—му вряду сотничества Іваницкого и корогви вручене—на отдалацію пустылъ, чрезъ что онъ вовсѧ разорился зъ домомъ своимъ, въ томъ просиль до в. ясн—ти моей за собою инстанці... Теди я, вѣдающи зпрежде его п. Минѣцкого зичливую и безподозрительную ку домови нашему добросклонность, якъ въ часъ аресту надъ нами бывшою явившую, такъ и нынѣ за бытности его въ Сибурсѣ, отъ п. Петра брата листовне описанную, зъ прошевиемъ на оного респекту послѣдователнѣй и я прошу в. родит. милости, абы въ претенсіи своей онъ, п. М., милостю в. ясн—ти не былъ занехаеный"... Изъ этого письма не видно, чтобы молодой Апостоль зналъ, что сотничество М—аго „пушено было на отдалацію“ не Галаганомъ, а тѣмъ самимъ отцомъ, у котораго онъ за него представительствовалъ... Въ той же жалобѣ, поданной Апостолу въ октябрѣ 1728 г., М. писалъ, что „пѣкоторіе Иваничане“, „видя гнѣвъ его ясп—ти на него М. чрезъ отставку отъ сотничества положенный, разсверѣшили и великия пакости ему чинять“. Описавъ всѣ свои бѣды, М. просиль гетмана „висоцеповажнымъ панскимъ унїверсаломъ утвердить его, зъ врученемъ сотеннай корогвы, на томъ Іваницкомъ сотничествѣ“. Но гетманъ долженъ былъ слушать Наумова... Въ тоже время городовой Іваницкій атаманъ Комшанецъ, будучи личнымъ врагомъ М—го, подбивалъ сотнянъ просить гетмана о назначеніі къ нимъ сотникомъ вновь Волошина, который и былъ въ 1728 г. представленъ отъ сотнянъ для утвержденія, вмѣстѣ съ двумя „кандидатами“, козакама Иценкомъ и Зоцемъ. Но гетманъ никого изъ нихъ не утвердилъ: Волошина—п. ч. ему было запрещено быть сотникомъ, Иценка—„за пьянство и неспособность“, а Зоця—„за глупство и катѣчество“. Сотня оставалась безъ сотника до мая 1729 г., когда повидимому Наумовъ смилостивилъ надъ М—мъ и Апостоль получилъ возможность утвердить его на сотничьемъ урядѣ. Но для этого нужно было исполнить еще процедуру „выборовъ“ М—аго Іваницкими сотнянами. Представляя въ маѣ 1729 г. эти выборы, въ Глуховъ, Галаганъ писалъ: „прошу, чтобъ на тотъ урядъ сотницества Іваницкого, на мѣсто умершаго тамош-

— Годо Стартовицкаго — попутѣ отпоро по каштапе —

товъ (другимъ „кандидатомъ“ былъ указанъ сотенный хоружій Кудра) а именно помянутого М—го опредѣлить, ибо за нимъ до мене отъ сотнянъ подано на писмѣ прошеніе“. Сотняне съ своей стороны представствовали за М—аго: „понеже мы теперь, безъ совершенного въ мѣстечку нашомъ сотника, въ крайнее приходимъ разореніе за непорядками въ правленіи дѣль, и за тымъ что нѣкому въ нуждахъ нашихъ спомоществовать и за нами обстоювать, того ради единогласно всѣ обще, товариство и послолство, цѣлою сотнею, просимъ ясн—ти вашой да повелитъ, ваша шанская в—ть, его, п. М—го, *домъ свой и кирунта въ Іваници имѣючаго*, (отъ которого мы жадной нѣ въ чомъ не узнавали и не узнаемъ обиди, овшемъ всякое въ нуждахъ нашихъ имѣемъ способствованіе и въ росправѣ доволствованіе),¹⁾ совершиеннымъ въ оную сотню или Петра Кудру, хоружаго сотеннаго, утвердить сотникомъ и отдать въ нихъ единому короговъ, ижъ бы мы бѣдніи и убогіи люде на неусипномъ шляху мешкаючіи, болшъ безъ настоящаго сотника не приходили въ нищету крайнюю и не терпѣли бъ обидъ отъ переездихъ особъ и прочтіихъ, якихъ сустентуемо“... Сочинителемъ этого представства могъ быть самъ М., конечно искушившійся въ такого рода писаніяхъ.—Получивъ представленіе Галагана 10 мая, гетманъ черезъ два дня уже подписалъ универсалъ, утверждавшій М—го на сотничьемъ урядѣ, указывая, что „атамання зъ товариствомъ и войты зъ послолствомъ сотнѣ Іваницкой—суплѣковали до насъ, просячи дабысмо прежде опредѣленного ихъ Іваницкаго сотника п. П. М. по прежнему на томъ же сотницкомъ урядѣ утвердили, понеже о опредѣленіи его п. М. на томъ Іваницкомъ сотництвѣ и въ висок. сената въ 1727 г. въ бившую Млрск. коллегію указъ былъ присланъ“.—М. оставался сотникомъ до смерти. Въ мартѣ 1736 г. М. доносилъ генер. к—ріи, что онъ не можетъ идти въ назначенный тогда походъ вслѣдствіе „приключившейся ему, по прибытии съ первого полскаго походу, по-

¹⁾ Сотняне говорятъ, повидимому, о дѣятельности М—аго за время завѣдыванія имъ сотнею въ 1727 г. Собственные «грунты» у М. въ Іваницкой сотнѣ должны указывать, что онъ отсюда былъ и

перечной и на сухій костоломъ (ревматизмъ?) болѣзни, за ко-
торою не только на конѣ, но и возкомъ ехать не можетъ", по-
чему и просилъ отпуска. Умеръ М. не раньше к. 1737 г., такъ
какъ въ это время онъ еще судился съ сыномъ Волошина, ка-
жется, за Бережовскія земли. Послѣ П. М—го осталось два
сына и двѣ дочери; старшій сынъ Андрей (р. 1724 г.) въ
1772 г. былъ писаремъ Ив—цкаго земск. суда, а младшій
Иванъ—Кр.-Клд. сотникомъ (с. 240); старшая дочь Марья
(р. 1725 г.) была замужемъ за Иченскимъ протопопомъ Пе-
тромъ Полянскимъ, а младшая Меланія—была замужемъ сна-
чала за П. Стороженкомъ (с. 218), а потомъ за отст. Нѣж.
полк. есауломъ Григоровичемъ. По смерти П. М—го вдова его
сама распоряжалась хозяйствомъ и настолько самостоятельно,
что даже „скупала“ Иваницкихъ крестьянъ. Она потомъ вышла
снова замужъ за подполковн. Петра Ивкова и имѣла отъ него
одну дочь, тоже Меланію (р. 1742 г.), бывшую замужемъ за
Дем. Якубовичемъ. Вдова П. М—го жила въ х. Ковтуновщинѣ,
въ которомъ въ 1772 г. было 29 хатъ, а въ нихъ 90 душъ
крест. м. пола. Этотъ хуторъ, повидимому, былъ единственою
нажитою М—мъ на сотничествѣ маєтностью. Слѣдовавшею на
сотничій урядъ Бережовкою М. не владѣль, не успѣвъ ее от-
нять у сына Волошина. Но вообще М. нажитъ на сотничествѣ
немалое богатство, что видно хотя бы изъ того приданого, кото-
рое было дано за дочерью Меланіей, при выдачѣ ея замужъ
(с. 218); кромѣ богатой одежды (напр., одинъ изъ кунтушей
„молодой“ стоялъ 85 р.), въ приданое было дано деньгами
700 р. ¹⁾.

Свирскій. Въ „доказательствѣ“ о своемъ дворянствѣ Свир-
скіе писали, что „предки ихъ во время польскаго владѣнія были
шляхта и послѣ подданства Б. Хмельницкаго,—остались въ с.
Салогубовкѣ, Роменск. у.“ Такъ писалъ въ 1784 г. Григорій
Свирскій, значившійся по списку 1739 г. въ числѣ канцеля-
ристовъ ген. в—ріи. Но это показаніе едва ли было согласно
съ истиной, такъ какъ въ томъ же спискѣ этотъ Григорій

---

1) См. списокъ этого приданаго въ Кіевск. Стар. 1901 г., юнь.

Свирскій показанъ „священническимъ“ сыномъ. Въ этомъ же спискѣ значится и другой к—стъ Иванъ Свирскій, съ поясненіемъ что онъ—„посполитого званія человѣкъ“. Одновременно съ первыми двумя, служилъ въ генер. к—ри и третій к—стъ Свирскій, Федоръ; былъ ли онъ ихъ родичемъ—неизвѣстно. Этотъ С—ій началъ службу въ генер. к—ри въ 1733 г. Иваницкое сотничество ему дано по универсалу 24 дек. 1738 г., по чьей-нибудь протекціи, такъ какъ для И—цы это былъ человѣкъ совсѣмъ чужой. На этомъ урядѣ Св. оставался до 1764 г., когда выбранъ былъ на мѣсто Иваницкаго земскаго судьи. Какъ человѣкъ „неосѣдлый“ въ И—цѣ, С. очень обижалъ сотнianъ, наживая себѣ „грунта“.

Какъ наживалъ С. эти „грунта“ объ этомъ разсказывали позже жители с. Ступаковки. Во время составленія наказовъ, въ 1767 г., куренный атаманъ с. Ступаковки, отъ имени своихъ селянъ, писалъ Румянцову: „Въ прошедшхъ годѣхъ наданъ намъ сотникъ въ сотню Иваницкую неосѣдлый Федоръ Свирскій, кой нынѣ въ повѣтѣ Ив—ій земскимъ судьею выбранъ, и никакихъ грунтовъ и земель въ сотнѣ Ив—ой не имѣющій. И когда завелъ себѣ при сотнѣ Ив—ой жилище, многихъ казаковъ поскуплявъ грунта знатные, мельницы почти всиловне (насильно) поскупили же, сѣнокосы, пахатныя поля, гаи и лѣсные угодья, а кромѣ того и многихъ въ подданство, подъ видомъ скupли, попривлекать. А когда онъ б. сотникъ Св—ій казачими грунтами... удоволился, то дозволилъ тестю своему б. сотнику Монастырскому Ив. Романовичу въ той же сотнѣ Ив—ой, при с. Ступаковкѣ, грунта искуплять, первѣе, почти всиловно, мельницы, зъ землями жилые дворы, сѣнокосы и пахатныя поля а иные пахатныя поля и всиловно, подвергнувши первѣе казака подъ видомъ скupли въ подданство, деньги вбрасывалъ¹⁾ и себѣ оные поля позавдарибалъ (sic). И хотя казаки сотни Ив—ой Ступаковскіе, чувствуя свою обиду, таска-

1) Когда казакъ не хотѣлъ продавать той земли, которую сотникъ или другое начальство хотѣло у него купить, то покупщики бросали назначенну самими ими плату—въ дворъ невольнаго продавца и считали, что сдѣлка совершилась..

ясь за оныхи съ нимъ, Ромивч—мъ, по судамъ, яко то: до учреждения еще въ М. Россіи земскихъ судовъ, полк. Прлцкой к—ріи, а за учрежденiemъ земскихъ судовъ, по суду з. Ив-нцкомъ и по генер. суду, и по оныхъ дѣламъ неоднократные отъ суда генер. въ судъ з. Ив-нцкій указъ выправляли, за свои по суду земскому волокиты, то не точю ничего себѣ въ довольство не получили, но только пришли въ такое бѣдство, что часть отъ часу службы государевой нести не въ состояніи, и пронитать себе заледво чимъ могутъ. И ежели уже оныхъ грунтовъ и подлинно намъ доходить по судамъ, то неточию оныхъ по получимъ, но и послѣдняго своего препитанія лишился. И ежели в. графск. с—ву на моемъ одномъ показаніи увѣрится не возможно, то я изсылаюсь въ доказательство на сот. Ив-пкое правленіе и на прошлогодніе ревизіи—которыми именно, какъ онъ б. сотникъ Св—ій, такъ и тестъ его Р—чъ, козаками завладѣли и нынѣ они во владѣніи находятся“ ¹⁾...

По вѣдом. 1778 г. за Сврск. значится 66 хатъ въ м. Иваницѣ, х. Загонѣ и „при мельницахъ, въ собственныхъ его хатахъ“. Св. былъ женатъ на дочери полк. судьи Ив. Романовича и имѣлъ сыновей Петра (въ 1778 г., полк. адъютантъ „новообразованнаго“ компанейского полка), Василія (того же полка „кадетъ“), Алексея и Ивана (оба тогда же, „ученіе продолжаются“) дочерей: Настасью (м.—б. тов. Фед. Раковичъ) и Ульяну (м. Андрей Горленко).

Села Иваницкой сотни.

М. Иваница, сліяніе рр. Смоши и Иваницы („около м. Ив—цѣ двѣ рѣки чистіе имѣются: зъ одного боку—Смошъ, а зъ другого—Иваниця, подъ самимъ м—комъ идутъ“, 1740 г. ²⁾).

¹⁾ Наказы малор. депутатамъ, 1767 г. Изд. Киевск. Стар., (Кievъ, 1889), стр. 243.

²⁾ На тогдашнее обиліе въ Ив—цѣ воды указываетъ количество мельницъ, означ. по вѣд. 1740 г. 1) на р. Смоши, поспом. обыв.—3 п коз. 4, 2) на р. Иваницѣ, коз. и владѣльч.—6, 3) на об. рр. Смоши и Иваницѣ, на усть и виже устя, гдѣ совокупились обѣ рѣчки въ одно място, коз. и влад.—5 и 4) на перекопѣ, ва тѣхъ же ррчк., коз.—1.

Такое мѣстоположеніе, по его защитности, указываетъ, что поселеніе здѣсь должно было существовать издревле. Послѣ запустѣнія древняго поселенія, новое здѣсь основалось только во втор. четв. XVII в., такъ какъ раньше документа Пшездѣцкаго Ив—ца не встрѣчается, а по этому документу („Jwania“) въ ней значится 336 госпд. Съ 1649 г. И—ца была центромъ особой сотни и поэтому ссыла „городкомъ“, въ которомъ, какъ въ центрѣ извѣстной группы поселеній, явились ремесленники, изготавлившие необходимые предметы одежды и домашняго обиходы (портные, сапожники, ткачи и т. д.). Въ опис. 1740 г. значится: „съ оного городка (Ив—цы) въ самихъ посполитихъ окладу, такъ денежнаго, яко и провинтоваго, нѣкогда нѣкимъ не собирано и нѣкуда не отдавано и выгнѣ нѣчего, кроме конистенской дачи и другихъ общенародныхъ повинностей, не собирается и нѣкуда не отдается“. Тутъ же показано въ Ив—ци винокуренъ: козачьихъ—4 (казан. 6 и поспол.—4 (казан. 7). Крест. населеніе Ив—цы оставалось свободнымъ до 1743 г., когда оно было отдано (въ количествѣ 120 двор.) б. тов. Андрею Апдр—чу Горленку, „за безвинное разореніе и отнятіе имѣній и претерпѣніе со отцомъ его въ тайной к—ріи ареста“. (См. Русск. Арх. 1875 г., кн. II, „Горленки“). Кр. II. 131 д.
А. 148 д. В. 246 д. В. 262 д. и „урядниковъ“ 26 д. 1) Пс.
27 д. Г. 166 д. 173 х. (въ числѣ ихъ мастеровыхъ 30 д. 33 х.)
и „скучли“ 17 д. 17 х. (изъ нихъ скуплено „сотничкою“ Ми-
нидкою 10 д. 10 х.) Д. Корон. 1 д. 4 х. и Горленка 178 д.
238 х. Пс. 92 д. 136 х. Кв. В. 51 д. Г. 86 д. 93 х. Цс. 32
бд. х. Д. 93 д. 146 х., „почтальоновъ“ 2 д. 5 х.

С. Вережовка, рч. Иваница, существовала уже въ полов. XVII в. и съ XVII же в. вѣроятно уже принадлежала на урядъ Ив—цихъ сотниковъ, такъ какъ Скоропадскимъ была отдана тоже на урядъ сотнику Волошину. По смерти В—на,

¹⁾ Урадники показаны слѣд.: «войть, комиссаръ, городничій, бурмистръ, сербскій комиссаръ, чисаръ, цехмистры (два), десятникъ, завѣдовцы, ктаторъ, паламарѣ».

Б. утверждена была Апостоломъ за сыномъ его—Яковомъ (с. 304) и Миницкій напрасно добивался этого села, какъ урядовой маєтности. Добился возвращенія Б. на урядъ только Свирскій, которому она была отдана по универсалу генер. к—ріи, въ 1739 г. Въ 1776 г. Б. пожалована была Ив. Александровичу (с. 62). Кр. II. 14 д. А. 67 д. В. 27 д. В. 64 д. („здавна сотникамъ належное“), Пс. 13 д. (изъ нихъ два „нищетніе, въ погребцахъ (землянкахъ?) живучіе“) Г. 35 д. 36 х. Д. 51 д. 89 х. (Александровича) Ис. 4 д. 18 х. 8 бд. х. Кз. В. 5 д. Г. 10 д. 11 х. Д. 23 д. 47 х.

Х. Верескуны поселены Андр. Горленкомъ въ 1701 г., при верш. рч. Иваницы, между двумя „гребельками“, одной—ок. „Дубняка, надъ яр. Гайдуковымъ“, а другой—Верескуновской, устроенной Иваницкими жителями Верескунами. У Пац. замѣчено, что хуторъ этотъ иначе называется Дубовый Гай; тогда въ немъ показано крест. 10 д. 10 х. и 22 бд. х.

С. Ступаковка, ррч. Иржавецъ и Черномазовщина, поселена въ к. XVII в., такъ какъ въ переп. книгахъ 1666 г. не значится. По универсалу 1715 г. отдана Иченскому стн—ку Андрею Стороженку (с. 217), въ родѣ котораго и осталась. Скупалъ здѣсь земли и козаковъ и сотникъ Свирскій (с. 312), во слѣдовъ этой скупили не осталось. Кр. А. 46 д. В. 20 д. В. 59 д. Пс. 6 д. Г. 38 д. 40 х. (сотника Григорія и б. тов. Михаила Стороженковъ) Д. 41 д. 46 х. (Стороженковъ) Пс. 4 д. 7 х. Кз. В. 3 д. Г. 4 д. 5 х. Д. 10 д. 22 х.

С. Городня, рч. Городняка, возникла въ к. перв. пол. XVII в. на мѣстѣ какого то древняго поселенія, слѣды котораго и донынѣ остаются въ кирпичныхъ фундаментахъ, недавно мѣстною полицею описанныхъ, въ отвѣтъ на вопросы Московскаго археологического общества¹⁾ Г. уже значится по документу Шездѣць-

¹⁾ Въ 1888 г. Московск. Археолог. Общ. обращалось къ губ. администрації многахъ губерній съ просьбою дать отвѣтъ на предложенные вопросы—о существующихъ въ данной мѣстности курганахъ и городицахъ. Относительно городицъ около с. Городни отвѣтъ

каго, причемъ въ ней показано 312 госп. и 12 мельничныхъ колесъ. Г. оставалась свободно до 1730 г., когда была отдана на рангъ ген. ес. Мануйловичу. Въ вѣдом. 1740 г. значится: „въ Г. посполитыхъ и ихъ подсусѣдковъ живущихъ двор. было, когда во владѣніе отдано, 33, а нынѣ на лице состоитъ живущ. двор.—25, а козачихъ и ихъ подсусѣдковъ и владѣлцами скупленныхъ—33. Зъ онога села, зъ самихъ посполитыхъ, складу собирается вгодъ денегъ 11 рубл. и 6 коп., и оной отдавался ас. генер. покойному Мануйловичу, а нынѣ отдается—въ надсмотрѣніи онога села по указу обрѣгаючому б. тов. Як. Карпѣцъ.“ Водяныхъ мельницъ козачихъ показано: па р. Городнѣ 6 и па рч. Безводовѣ—одна. Кр. П. 33 д. А. 119 д. В? В. 45. д. („принадлежать до Иваницы“), ис. 14 д. Г. 16 д. 16 х., рангов. ген. ес. Мануйловича Д. (ранговыхъ) 7 д. 9 х. ис. 12 д. 26 х. Кз. В. 54 д. Г. 66 д. Д. 97 д. 191 х.

С. Щуровка, р. Смошь, отдана, въ 1692 г., полковникомъ Дм. Горленкомъ, И. Носу, (с. 31), а въ 1695 г. Щ. ему-же была подтверждена и гетманскимъ универсаломъ. По смерти Носа, сынъ

быть получевъ слѣд.—„Въ разстояніи отъ с. Г. $1\frac{1}{2}$ версты, при х. Кулевицѣ, находится въ лѣсу площадь мѣрою приблизительно ок. 40 десят., а въ окружности ок. $2\frac{1}{2}$ верстъ, почти круглая; вокругъ городища глубокіе валы и канавы; городище имѣеть два выѣзда съ южной стороны, т. е. отъ ровной полевой мѣстности; вся эта площадь будетъ ширины примѣрно съ $\frac{1}{2}$ версты; съ южной стороны, отъ ровной мѣстности, ширина канавы или рва—до 5 саж., а вала—до 10 саж.; глубина рва до 3-хъ, а высота вала до 5 саж. Съ другихъ сторонъ высоту вала и рва определить трудно, такъ какъ они заросли лѣсомъ. Предавіе говорить, что на этомъ мѣстѣ былъ городъ, а вокругъ его крѣость, и какъ со стороны сѣв.-вост. имѣются глубокіе овраги и обрывы, то съ этой стороны насыпанная валомъ крѣость (говорятъ) была разрушена порохомъ при взятии города. Нѣкоторые владѣльцы, имѣющіе въ этомъ городицѣ участки, закопали оные канавами и всподѣ (т. е. внизу) канавы оказался въ большихъ грудахъ карничь въ видѣ фундамента, что и теперь видно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала находили человѣческія кости и древесный уголь.“ Это поверхностное описание городища, во всакомъ случаѣ очень интересного, требуетъ мѣстнаго научнаго изслѣдованія

его пасынка, Петра Бѣлецкій (с. 127), пользуясь малолѣтствомъ внуки полковника, „обманно выправилъ“ у гетмана Скоропадскаго, въ 1720 г., универсаль на Щ., а когда умеръ П. Бѣлецкій, то такой же универсаль на Щ. тоже „обманно“ выпросили въ 1734 г. сыновья его. Выпрашивая эти универсалы, Бѣлецкіе, отецъ и сыновья, называли себя кровными наследниками полковника Носа и въ этомъ заключался ихъ обманъ. Обманъ этотъ открыла невѣстка полковника, вдова его сына Степана, начавъ противъ Бѣлецкихъ въ судѣ дѣло для защиты наследственныхъ правъ своей дочери (с. 34). Судебный споръ вдовы Ст. Носа съ Бѣлецкими за Щ.—тянулся четыре года (1743—47) и кончился въ пользу истицы: Щ. присуждена была внука полковника Носа, бывшей замужемъ за Троцкимъ (с. 35), въ родъ которыхъ Щ. затѣмъ и перешла.¹⁾ Кр. А. 69 д. В. 29 д. В. 36 д. пс. 11 д. Г. 25 д. 29 х. Д. (разн. владѣній)
37 д. 49 х. пс. 2 д. 4 х. Кв. В. 10 д. Г. 16 д. 16 х., „мельники“ б. тов. Троцкаго—3 д. 3 х. Д. 35 д. 61 х.

С. Ряски, рч. Смошь, существовали уже въ пол. XVII в.; затѣмъ отданы были (Самкомъ?) на урядъ полковнику Чернявскому, послѣ котораго, какъ урядовою маетностью, Р-ми владѣли послѣдовательно Горленки, Лаз. и Дм., Носъ и Галаганъ, пока это село не выпросилъ у Скоропадскаго известный генералъ Вейзбахъ. Послѣдній ревностно занялся здѣшнимъ хозяйствомъ, причемъ скупалъ земли и у своихъ „подданныхъ“²⁾.

¹⁾ Въ этомъ процессѣ Бѣлецкіе о полковнике Носѣ говорятъ, что когда онъ «пріѣхалъ зъ Сѣчи запорожской, то по знаемости съ нимъ—бывшій полков. писарь Прилуцкій Семенъ Раковичъ, по своему усмотрѣнію, оного Носа, бывшаго рядовымъ козакомъ, на Анастасію Раковичевну, своей сестрѣ Бѣлецкой, 1665 г. женилъ, и по женитьбѣ,—на всѣхъ добрахъ природного ихъ прадѣда Ивана Бѣлецкого—онъ, Носъ, отъ оного года чрезъ 44 года жилъ и всѣми добрами користуваласъ“... Бѣлецкіе старались доказать, что Носъ разжился на имѣніи первого мужа своей жены—Бѣлецкаго, почему де и Щ. должна принадлежать правнукамъ этого Бѣлецкаго...

²⁾ „Я, Андрей Нестеренко, чиню вѣдомо: понеже имѣющи свои лозы з мѣстцемъ обашоль рову Богунового, помежъ панскихъ лозъ,

Вместѣ съ тѣмъ В.-хъ подчинилъ себѣ, кромѣ крестьянъ, и Рясковскихъ козаковъ, находя, что они должны считаться приписанными къ „дворцу“ его, для „посылокъ“¹⁾). Для извлечения большихъ доходовъ изъ украинскихъ своихъ маетностей, В.-хъ устроилъ здѣсь суконную фабрику.—Послѣ смерти В.-ха, Р. отданы были Миниху, который, желая расширить заведенную уже здѣсь фабрику, хотѣлъ было присоединить къ Рякамъ, путемъ обмѣна, нѣсколькососѣднихъ сель, и по этому случаю подавалъ на имя императрицы въ 1740 г. слѣд. прошеніе: „Въ пожалованныхъ мнѣ отъ вашего и. величества на Украинѣ маетностяхъ, по высочайшему в. величества повелѣнію, заведены суконные фабрики, и такъ оные чрезъ прилѣжное мое стараніе, на армію в. величества отданы, а впредь съ наивящею ползою

продадемъ графу фонъ Вейзбаху, всемилостивѣйшему моему державцу, за сумму денегъ рублей одного копѣекъ сорокъ, якіе деньги отъ и. господара Домнѣка Судника принялъ. Писано въ Раскахъ“.

1) Когда Прилуцкій полквнѣкъ хотѣлъ было въ 1726 г. взыскать съ Рясковскихъ козаковъ, наряду съ другими, штрафъ за уклоненіе отъ похода „до крѣпости св. креста“, то Вейзбахъ писалъ Галагану: «извѣстно в. благородію, что за отдачею села Расковъ мнѣ во владѣніе и тамошніе казаки, якіхъ человѣкъ полдесятокъ, въ томъ числѣ съ половину иѣшихъ будеть, къ дворцевѣ моему для посылки и приватныхъ только дѣлъ, но и государственныхъ приключачющихъ, приписаніи, которое, якъ за прежнихъ державцовъ, едну державскую услугу, нѣчего большъ, отбувалы, подъ сотню не належали, въ походахъ не бувалы, такъ и нынѣ на ту же самую повинность, а часомъ и государственную, опредѣлены. Къ тому же весма зубожаліе, отнюдь не имѣютъ съ чего деньги дать; а когда деньги такие отъ реченныхъ Рясковскихъ козаковъ требоватимутся, и дворцевую повинность отбывать будуть, то въ послѣднее пріидутъ разореніе, а денегъ не выстатчатъ, потому зъ оныхъ, яко подъ сотню неналежныхъ, нѣкогда войсковой услуги неотбывающихъ, такихъ денегъ слушне собирать не подлежитъ... И по сему слушному моему мнѣнію нѣшіе и конніе Раскунскіе козаки къ той податѣ денежной причислятись не имѣютъ, объявлю и останусь в. б-дію доброжелательный и ко служенію готовый. Іоанъ Бернардъ Вейзбахъ. З Полтавы. Генвар. 2, 1727 году“.

для армії оные быть могутъ; токмо, всемилостивѣйшая государыня, тѣ мои маетности лежать въ разныхъ малороссійскихъ полкахъ, яко то: въ Прилуцкомъ, Лубенскомъ, Полтавскомъ, Киевскомъ и Нѣжинскомъ, и одна отъ другой въ немаломъ разстояніи. Помянутые же фабрики имѣются въ с. Рашкахъ, въ полку Прилуцкомъ находящемся, которое не весьма многолюдно и для употребленія на помянутые фабрики того села подданныхъ недостаточно, въ чомъ обстоитъ немалая нужда; а ежелибъ зъ другихъ далнихъ маетностей обывателей братъ и на оное употреблять, то будетъ имъ немалое отъ того отягощенье, чего ради имѣль я прилѣжное стараніе о присовокупленіи къ тому селу Рашкамъ другихъ лежачихъ вблизости владѣльческихъ маетностей, на промѣнъ—изъ пожалованныхъ мнѣ, имѣющихъся оттуда по отдаленіи деревень, хотя оные числомъ дворовъ и душъ и земель—болѣе тѣхъ владѣльческихъ; по которому моему старанію и учиненъ мною договоръ по добровольному согласію съ в. генер. есауломъ Лисенкомъ въ такой силѣ, чтобъ мнѣ взять отъ него, Л—ка, лежаще по способности къ с. Рашкамъ деревни его, именуемые Смошу, Боршну и Веркіевку, въ Прилуцк. п. имѣющіяся, а ему, Л—ку, вместо того, отдать маетность мою въ Нѣжинск. п., способную къ маетностямъ его Л—ка, с. Дремайловку. Токмо помянутые его, Л—ка, маетности отъ в. имп. величества пожалованы ему на его ген. есаула чинъ и для того оныя совершино укрѣпить я за собою безъ в. величества соизволенія не смѣю". Поэтому Минихъ просилъ высшее правительство разрешить ему произвести указанный промѣнъ. Въ Спбургѣ согласились съ доводами Миниха и изъ „кабинета“ было поручено тогдашнему правителю Малороссіи Кейту—собрать подробныя свѣдѣнія о названныхъ Минихомъ маетностяхъ и „взять у нынѣшихъ ихъ владѣльцевъ письменное извѣстіе—довольны ли они тою мѣною будуть“. Но эти экономические планы Миниха не сбылись, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ, съ воцаренiemъ императрицы Елизаветы, М-хъ былъ сосланъ, причемъ лишился всѣхъ своихъ украинскихъ маетностей... Отобранная при этомъ въ 1742 г. Рясковская суконная фабрика отдана была въ вѣдомство мануфактуръ коллегіи. Но фабрика эта видимо представляла собою очень выгодное имущество, потому что вслѣдъ за-

тѣмъ (въ 1744 г.) Ряски были вырошены кн. Бор. Гр. Юсуповымъ, причемъ послѣднему „для размноженія тамошней фабрики дано земообразно изъ казны денегъ, на 10 лѣтъ, 10/г. рубл.“¹⁾. По ревизіи 1795 г. къ Рясковской ф-кѣ было приписано 1495 д. крест.; въ Ряскахъ—1283, въ д. Оникѣевой—107, х.х. Котелевскомъ—26, Тарамсовскомъ (?)—25, Лященковскомъ Кутѣ—13, Н. Гребль—3, Солошскомъ—5, Бѣличевскомъ—2 и Мецевскомъ—1. По сенатскому указу, въ 1791 г., Рой фабрикѣ было опредѣлено „выставить разныхъ цвѣтовъ суконъ 63840 арш., которые на той фабрикѣ вырабатывались и въ коммиссаріатское вѣдоѣство въ отдачу производились, а на 1797 г.—предписано отъ мануфактуръ коллегіи—заготовлять, соображаясь противъ 1796 г., поставки, отчисляя отъ сукна десятую долю, вмѣсто того въ 1½ болѣе готовить каразекъ“. Кр. П. 41 д. А. 212 д. В. 210 д. В. 214 д., урядниковъ (Вейзбаха) 7 д. Г. 210 д. 220 х. п.с. 5 бд. х. Д. (кн. Юсуповой) 373 д. 485 х. ис. 3 д. 10 х. Кз. В. 20 д. Г. 13 д. 14 х. („во владѣніи фельдмарш. гр. ф. Миниха“). Д. 19 д. 50 х.

Д. Оникѣевка, рч. Смошъ, выселокъ изъ Ряскъ, нач. XVIII в.; по вѣд. 1729 г.—„селце О—ка къ Ряскамъ прилеглая, на воинской, а не на купленной землѣ осаженнная“. Кр. В. 9 д. В. 8 д. Г. ? д. (кн. Юсуповой), 18 д. 24 х. Кз. В. пѣтъ. Д. 1 д. 2 х.

Сребрянская сотня занимала побережья средняго Лисогора и его притоковъ: Галки, Березовицы и Тростянца. Въ окружѣ сотни находился и незначительный притокъ Удая—Утка. Въ 1763 г. составъ Сребр. сотни измѣнился вслѣдствіе отдѣленія отъ нея нѣсколькихъ селъ при образованіи Второй Варинской сотни.

Сребрянскіе сотники. Данило Тимченко, 1672. Иванъ Бовченскій, 1672. Иванъ Вѣлецкій, ок. 1680. Трофимъ Васильевичъ Троцина, 1688—1707. Антонъ Трофимовичъ Троцина, 1710—729.

¹⁾ Изъ рукописи, свѣд. о суконныхъ фабрикахъ въ Малороссійск. губ., въ 1797 г.

Николай Антонович Троцина, 1739—755. Осипъ Масло, 1755—773. Александръ Чеснокъ, 1773. Андрей Яковлевичъ Кисель, 1779—781.

Бѣлецкій былъ сынъ правобережнаго выходца Ивана Бѣлецкаго, женившагося на Настасіѣ Ракоевичевѣ, сестрѣ полк. писаря Семена Раковича (с. 29). По смерти этого Бѣлецкаго, на вдовѣ его женился будущій полковникъ Носъ. Мы уже видѣли (с. 30), что это былъ человѣкъ умѣвшій годить власнымъ людямъ, за что и получалъ отъ нихъ разныя милости. Вѣроятно, что Носъ сумѣлъ пристроить этого своего пасынка на Сребрянское сотничество. Близкое свойство Бѣлецкаго съ Носомъ было причиною, что послѣдній сталъ называться *Носенкомъ*. Внуки этого сотника, при судебнѣмъ спорѣ съ неизвѣсткою Носа за Щуровку (с. 316), рассказывали, что Носъ, женившись на ихъ прабабкѣ Ракоевичевѣ, „присталъ ко всему имѣнію“ прадѣда ихъ, Бѣлецкаго, и поселился въ домѣ ихъ „прадѣдѣзномъ“, и дѣдъ ихъ съ малолѣтства своего въ Носовой опеки обрѣтался, и по женитбѣ своей, неотдѣленно съ нимъ, Носомъ, въ отческомъ своемъ домѣ, до произвѣденія въ чинъ полковничества Носа, жилъ; а въ службѣ войсковой дѣдъ ихъ, первѣе, въ числѣ значковаго товариства, потомъ въ чину сотничества Сребрянского былъ. И Носъ видѣ его, дѣда, постоянно, приказалъ называться (ему) *Носенкомъ*.“ Когда именно Б. былъ сотникомъ—неизвѣстно, но вѣроятно еще при Самойловичѣ, такъ какъ съ 1688 г. сотниками здѣсь были уже Троцины. Б. оставилъ одного сына Петра, бывшаго полк. сотникомъ, который уже иначе и не писался какъ *Носенкомъ* (с. 127).

Троцины происходятъ изъ Прилуцкаго м. Переяловочны. Въ пол. XVII в. здѣсь жилъ козакъ Василій, у которого было два сына: Трофимъ и Степанъ. Старшій, Трофимъ выдвинулся изъ рядового козачества благодаря хорошему голосу сына своего Антона, за который послѣдняго взяли въ Москву, въ пѣвчие къ царевѣ Софьѣ Алексѣевѣ. По представительству сына пѣвчаго, отецъ въ 1688 г. получилъ сотничій урядъ въ Сребномъ и, кромѣ того, право заселить слободою селище Охоньки. Сотникомъ Трофимъ оставался до 1707 г., когда повышенъ

былъ на урадѣ полк. судьи. Трофимъ и братъ его Степанъ, повидимому, не имѣли особаго прозвища, такъ какъ въ актахъ писались по имени отца—Васильевичами. Такъ братья названы, только по имени отца, въ „декретѣ“ Прилуцк. п. суда 1703 г., разрѣшившемъ споръ ихъ за отцовскую мельницу въ м. Переяловской. Въ народѣ Трофимъ слылъ подъ именемъ *Троцъ* (малоросс. форма имени Трофимъ). Въ Мазепину измѣнѣну этотъ Троцъ не пошелъ за своимъ полковникомъ и, казалось, былъ обезнеченъ отъ навѣтовъ на „измѣнѣну“, тѣмъ болѣе, что онъ вскорѣ затѣмъ оставилъ и службу, по старости. Но кто-то донесъ на Троця, что и онъ не чуждъ былъ „измѣнѣнья“. Старика вытребовали въ СПБ., какъ обѣ этомъ говорить сынъ его, въ одномъ прошениі 1718 г.,—отецъ мой неправеднымъ уданьемъ (доносомъ) ненавистныхъ людей взятъ былъ по указу въ СПБ., гдѣ при своей старости и остатной на здоровыи слабости, претруженный на дорозѣ будучи, скончилъ животъ свой...“ Въ этомъ прошениі сынъ Троця Антонъ подпісался уже *Троциною* и прозвище это было засимъ усвоено потомками „Трофима Васильева“. Антонъ Тр. оставилъ Москву—или по случаю потери голоса или по другой причинѣ. Возвратившись на родину, онъ поступилъ канцеляристомъ въ генер. к—рію и здѣсь такъ поонаторѣлъ въ письменныхъ дѣлахъ, что вскорѣ сталъ однимъ изъ замѣтныхъ дѣльцовъ въ гетманщинѣ. Изъ ген. к—рія Тр. безъ труда получилъ сотничій урядъ въ Сребномъ. Вскорѣ послѣ этого—Прилуцк. полковникомъ назначенъ былъ Галаганъ, пожелавшій сразу подчинить себѣ старшину полка и поставить ее въ полную свою зависимость. При этомъ Тр. явился однимъ изъ первыхъ протестантовъ противъ Галагановскаго самоволія, за что и подвергался преслѣдованіямъ отъ новаго полковника (с. 39). Апостолъ пользовался этими отношеніями Тр. съ Галаганомъ и поручалъ первому вѣкоторый надзоръ надъ дѣйствіями полковника, когда тотъ старался, помимо гетмана, добыть себѣ царскую грамоту на захваченные маєтности (с. 42). Сотниковалъ Тр. до 1739 г., когда за старостью былъ уволенъ, при чёмъ вмѣсто его Сребрянскимъ сотникомъ былъ назначенъ его сынъ. Получивъ отъ отца Охонъки, Тр. самъ поселилъ Карпиловку, тоже на старомъ селищѣ. Кромѣ того,

Тр. нажилъ немало разнаго рода грунтовъ и водяныхъ мельницъ. Но эти достатки были причиною только большихъ несогласий Ант. Тр. съ сыномъ его Николаемъ, начавшихся изъ за второй женитьбы отца: овдовѣвъ послѣ первой жены, отъ которой остался одинъ сынъ и нѣсколько дочерей, Тр. женился въ другой разъ (на женщинѣ „простого стану“), уже будучи повидимому глубокимъ старикомъ. Женитьба эта сыну, конечно, была непріятна, а когда у старика-отца родились новые дѣти, то Николай, боясь потерять богатое наслѣдство, сталъ понемногу его захватывать самовольно и тѣмъ вызвать со стороны отца крутую мѣру—„отчужденія“ сына отъ наслѣдства. Объ этихъ своихъ отношеніяхъ къ сыну Тр. подробно говорить въ своемъ любопытномъ завѣщаніи, (написанномъ въ 1741 г.), отрывки которого мы здѣсь приводимъ.—„Разсмотря отверстима очима доволное продолженіе по волѣ Божіей въ жизни моей, такожъ и нынѣ состоящую глубокую мою старость... и понеже чрезъ показанное житіе мое въ тонкость могъ усмотреть вѣка сего непостоянность, въ коемъ между прочимъ и сіе, что многихъ отцевъ дѣти, еще не погребши тѣлесъ родителей своихъ, заразъ за поосталіе отческіе движиміе и недвижиміе добра въ великихъ позви и ростишки входятъ и едни другихъ въ крайнее разореніе приводятъ... Къ тому же, тѣ же чада, слѣдя непостоянству вѣка сего... безъ благословенія родительскіе добра движиміе забираютъ а недвижиміе разоряютъ, и во владѣніе себѣ привлекаютъ, что я на себѣ самомъ отъ сына моего Николы, сотника Сребрянского, узнаю, который Бога не боясь, людей не срамлясь, забивши синовную должность, великие мыѣ противности и укоризны дѣлаетъ насилнимъ забратемъ въ обиду мою собственного имѣнія, которое я не зъ дѣдизни, не зъ отчизни имѣю, но власнімъ моимъ трудомъ набитие; а иные—отца моего, а его Николи дѣда, въ разныхъ владѣлцовъ—пооткупованіе¹⁾... О якихъ сына моего Николы противностяхъ не единожды въ Прилуцк. п. к—рію былъ я челомъ. Я же, по своей отческой милости, покамисть

1) Откупленные вѣроятно изъ подъ залога, сдѣланнаго для займа денегъ.

онъ, Никола, билъ послушенъ, по должности моей отческой, опредѣлилъ ему на доволствие слѣдующие речи: напроть, якъ его оженилъ, далъ ему Николѣ 200 рублей битихъ, далъ ему воловъ 10, коровъ 10 зъ телятами и изъ бугаемъ сивимъ, кобилъ 10, зъ лошатами и изъ дригантомъ, овецъ 200, барановъ 20, козъ 20. Уручивши ему урядъ сотничества Сребр—ю, далъ ему своихъ верховыхъ коней 4, якие были купованы по 200 золотихъ и по 150, зъ кулбаками кримскими и зо всѣмъ порадкомъ, якъ на коня сѣсти; шаблю оправную, турецкое желѣзко доброе, за которую далемъ 30 рубл., а паски (перевязь) до той шабль срѣбные самъ уже дѣламъ; рондовъ два пуклястыхъ, а третий рондъ штучками отливанными срѣбными насажований, сuto злоцѣстий, межи штучками—пуклями срѣбными бѣлими пересажований. Самъ онъ Никола, потай мене, взялъ кулбаку: ввесь ленкъ сафьянномъ покритий сuto срѣбромъ зъ ташками гаftованними, а по древцу бляшками срѣбными сутозлоцѣстими оббитий; до тоей же кулбаки плать кармазиновий, срѣбромъ гаftованний, якую онъ, Микола, совсѣмъ потай мене взялъ: Флинтъ двѣ тулской роботи, добрихъ, за которые далемъ 10 рубл.; паръ двѣ пѣстолетовъ добрихъ, шленской роботи, ему далемъ, а паръ двѣ пѣстолетовъ швѣдскихъ; самъ потай мене взялъ: ручницю и мушкетъ сѣчевой, давной роботи. Далемъ млинъ зъ ступниковъ на рч. Сребранци, въ Загайкахъ (хutorѣ) стоячій, зъ винницею и изъ хуторомъ и изъ двома садами, за которой 100 р., ему жъ Николѣ, далемъ "... Засимъ слѣдуетъ перечень другихъ хуторовъ, „грунтовъ“ и мельницъ, отданныхъ старымъ Тр. сыну.—Затѣмъ завѣщатель продолжаетъ: „Хотя же я, по своему отеческому милосердию, не токмо то, якъ зъ вещей показанныхъ далъ ему, но и еще, усугубляя дачей, зъ моихъ недвижимостей хотѣлъ дати, да и то, что я при старости лѣтъ моихъ труждаюсь и удобвозможными образи набиваю, некому иному якъ, по смерти моей, Миколи хотѣлъ ледовать, но понеже онъ, Микола, забивъ страхъ Божий и должностъ синовскую и не отдаючи мнѣ послушенства належитого, добра мои пустощитъ и что толко ему понадобится и женѣ его, не прося мене, сами собою берутъ; людей моихъ (съ которихъ немалая мнѣ полза) разгонитъ и разорляетъ и до полусмерти бѣть...“

Для чего сина моего Миколу отъ дачи всѣхъ моихъ добръ, за силу права малороссійскаго въ кн. Статуты, розд. 8, артик. 7 напечатанно, отчуждаю, а доволствоватся бъ ему, Миколѣ, вищепоказанною отъ мене дачею. А чтобъ по смерти моей Никола, синъ мой, и дочери мои, которые всѣ уже отъ мене такъ гроши ми, яко конми, товаромъ (скотомъ), овцами и пчелми отдѣлени и отвѣнени... теперь, зъ нинѣшнею мою женою и испложенными зъ нею моими дѣтми, раздору и помѣшательства не имѣли и не чинили, зъ доброй моей памяти и совершенного розума моего тако чиню... Напродѣ, душу мою грѣшную Господу Богу вручаю, тѣло же мое грѣшное землѣ по христіанску предати, а въ которой церкви положенъ буду, на тую перковъ 100 золот. дати, а особно на три сорокоуста священниковъ тоей церкви по 3 р. дати; млинъ Переволочанскій и лугъ прозиваемий отческій—туда же прилучити и гай прозиваемый Прилуцкій—продать, и всѣ тие гроши за мою душу на помяновенне, до монастырей Киевскихъ: на обитель св. Софийскую—60 р., на обит. св. Печерскую—60 р., на Видубицкій м—рь—20 р., на св. Пустинский Николский м—рь 20 р... на Густинскій м—рь 20 р., на Деймановский м—рь 10 р., на всѣ три церкви Сребранские по 40 золот. дати, жѣбы по два сорокоуста отправили. Дворъ мой въ мѣстѣ Срѣбномъ, въ которомъ я живу, и огорodi около его покупленіе и сади и луги... такожъ броварь и воскобойня (слѣдуєтъ перечень разныхъ угодій) все тое женѣ моей зъ дѣтми моими, зъ нею спложенными, ей вовся вручаю. Такожъ маєтности мои *Охонки* и *Карпиловку* женѣ моей зъ дѣтми моими¹⁾... Такимъ образомъ, главныя свои имѣнія Тр. отдаваль второбрачной женѣ и малолѣтнимъ своимъ отъ нея рожденнымъ дѣтамъ. Николай Тр. видѣлъ, что богат-

¹⁾ Подпись: «Сей тестаментъ остатной волѣ моей сочиненъ 1741 года, апр. 26 д., писанъ мою власною рукою, який своею же рукою и закреилю. Антонъ Троцина, авшитованний сестникъ Сребранскій». Тестаментъ этотъ у насъ имѣется въ копіи, писанной съ ошибками. Ошибкою же объясняемъ и название отца Ант. Тр-ны—Прокопіемъ, а не Трофимомъ, какъ онъ называется въ другихъ актахъ.

ства отца отъ него ускользаютъ и это обстоятельство еще болѣе обострило его отношенія къ отцу. А старый Тр. хорошо понимать, что—какъ только онъ умретъ, то вдовѣ его не сдобривать и поэтому рѣшилъ найти ей съ дѣтьми—какого нибудь надежнаго защитника, который, послѣ его смерти, сталъ бы въ роль опекуна этой семьи. Такого защитника онъ нашелъ въ лицѣ одного изъ дядей тогдашняго фаворита Ал. Разумовскаго, Стрешенца, который хотя жилъ въ Лемешкахъ (Козел. у.), но владѣлъ сосѣдними съ Охоньками с. Смошью. Это былъ одинъ изъ братьевъ старухи Разумовской, писавшійся Денисомъ Демьяновичемъ, а прозвывавшійся—и *Демешкомъ*, и *Стрешенцомъ*. Выбралъ Тр. этого Стрешенца, въ опекуны, за годъ до смерти, а умеръ онъ 6 мая 1749 г., имѣя огъ роду ок. 85 лѣтъ. Въ этотъ моментъ у него—отъ второй жены—былъ только трехлѣтній сынъ, да жена оставалась еще беременною... Стрешенецъ жилъ около Козельца и, повидимому, мало зналъ что дѣлается въ Прилуччинѣ. А между тѣмъ у Троции вотъ что дѣлалось. Со днѣ смерти стараго Тр., сынъ его Николай проявилъ ужасную жестокость—прежде всего—по отношенію къ роднымъ своей мачихи, ея матери и сестрѣ, желая чрезъ нихъ добиться—гдѣ вдова спрятала жизнини деньги. Подробную картину этихъ насилий, представляющую любопытный матеріалъ для исторіи тогдашнихъ нравовъ и общественности, нарисовалъ, со словъ потерпѣвшихъ, самъ Стрешенецъ—въ своемъ обращеніи къ мѣстной старшинѣ за защитой семьи старика Тр.—ны отъ ужасныхъ насилий его старшаго сына. Вотъ что писалъ по этому случаю Стрешенецъ: „Какъ только умеръ Антонъ Тр., то того же часу сынъ его Николай, не ожидая погребенія отца, наѣхалъ въ дворъ покойнаго и приказалъ в. тов. Вязловецкому взять мать вдовы умершаго и сестру ея родную и—забивши „въ ручныя и ножныя скрипицы“—отвести въ свой хуторъ Загайки. А вдову покойнаго, свою мачиху, не допустивъ ее и проводить тѣло мужа умершаго, велѣлъ содер-жать подъ крѣпкимъ карауломъ. Исполнняя приказъ, Вязловецкій „содралъ“ съ первыхъ двухъ—матери и сестры—одежду и въ такомъ видѣ погналъ ихъ, рядомъ съ своей лошадью, пѣшихъ, погоняя палкою, чтобы не отставали... А пригнавши мать

и сестру вдовы—въ хуторъ, и послѣднюю съ нихъ одежду снялъ, отыскивая въ ней деньги, причемъ нашелъ всего 2 коп., а одежду себѣ забралъ „за труда“. А потомъ пріѣзжалъ въ Загайки и самъ Николай Тр., и здѣсь—виѣсть съ Вязловскимъ—нешадно били этихъ женщинъ плетьями по голому тѣлу и „по бруху“, допрашивая о вещахъ и деньгахъ покойнаго Авт. Тр. Послѣ этихъ пытокъ надъ несчастными, Николай велѣль вмѣсто „скрыпицъ“, „залить ихъ въ желѣзныя кандалы“, отъ которыхъ вскорѣ, въ ногахъ черви у нихъ уплодились“. Когда же эти двѣ женщины просили сотника, чтобы онъ помилосердствовалъ и приказалъ хотя бы нѣмного ослабить кандалы, то онъ отвѣчалъ: „до тѣхъ поръ буду васъ мучить, пока васъ живыхъ черви не съѣдятъ“... Не довольствуясь же и этими мученіями, сотникъ велѣль обѣихъ женщинъ привести въ сот. к—рію и здѣсь приказывалъ согласнику своему, городовому атаману Осицу Маслу (который уже много людей „смерть поубивалъ“)—въ базарные дни—публично привязывать обѣихъ женщинъ голыми „къ драбинѣ“, а потомъ—бить ихъ по спинѣ и по брюху, отъ самыхъ ногъ до шеи, пока не укажутъ—гдѣ спрятано имущество умершаго отца. А сотникъ, находясь тутъ же, при этомъ грозилъ: „хотя, говорить, и замучу васъ до смерти, то у меня будетъ чѣмъ заплатить поголовщину“. Отъ такого бою—случалось—отливали ихъ водою... Послѣ этихъ мученій посадили бѣдныхъ въ тюрьму, и не позволяль сотникъ подавать имъ и милостыни, которую приносили добрые люди колодникамъ. Кромѣ того, сотникъ взялъ изъ Карпиловки и родную тетку мачихи, которую тоже забили въ ручные и ножны „скрыпицы“ и допрашивали потомъ о скрытомъ имуществѣ отца. А мачиху содержалъ сотникъ подъ карауломъ и морилъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ ея сыномъ—нестерпимымъ голодомъ; грозилъ онъ расправиться и съ мачихою также какъ и съ ея родными, отъ чего пока удерживался, зная, что мачиха „осталась отъ мужа ея непраздно“. А какъ та родила дитя, то сотникъ началъ измыщлять средства—какъ бы мачиху замучить въ смерть... И служителей умершаго отца сотникъ также нешадно разными пытками мучилъ, допрашивая обѣ отцовскихъ деньгахъ, а другимъ людямъ немалая награды обѣщаєтъ, чтобы показывали на мачиху—что не отъ отца его рожала она дѣтей... чтобы тѣмъ

вдову и дѣтей ея наслѣдства лишить. Видимо, что сотникъ желаєтъ замучить всѣхъ родныхъ своей мачихи, „чтобы некому было искать за убійство ея съ дѣтьми, когда ихъ не станетъ“... Разсказавъ объ этихъ мученіяхъ вдовы старого Тр—ны и ея родныхъ, Стрешенецъ говоритъ, что такъ какъ умершій Тр. просялъ его, Стр—ца, быть опекуномъ надъ второю семьею, то онъ боясь, чтобы ему „за силу правъ малороссійскихъ, яко опекуву, не быть въ отвѣтѣ“, просить полк. к—рію—освободить вдову съ ея дѣтьми и родными—изъ „подъ-секвестру“, привести ихъ въ полк. к—рію и какое имъ чинено было мученіе,—вчинить тѣмъ боямъ обдукцію („осмотръ“), ибо и по криминальнымъ дѣламъ такихъ пытокъ не бываетъ! Притомъ же ему, сотнику, допрашивать вдову и ея родныхъ—за отческія добра—не точію не слѣдовало, но и дѣла до оставшихся послѣ умершаго отца добръ, ему, сотнику, нѣть, потому что покойникъ тестаментальнымъ своимъ завѣщаніемъ, за многія его, сотника Николая, отцу противности, отъ движимыхъ и недвижимыхъ своихъ имѣній—отдалилъ и ледоваль ихъ женѣ своей Аннѣ Андреевнѣ и „дѣтямъ зъ нею спложеннымъ“... Прося полков. старшину взять подъ свою защиту вдову старого, заслуженного сотника и ея родню, Стр—цъ добавлялъ, что самъ онъ въ это время „отъѣзжаетъ“ въ Москву и потому поручаетъ „ходить“ по этому дѣлу сыну своему Григорію. Просьба эта подана была Стр—цемъ 26 августа, а черезъ мѣсяцъ послѣ этого, передъ тою же старшиною, представительствовала сестра Стретенца—Наталья Рязумовская, но уже за Николая Тр., причемъ писала слѣдующее: „сего числа (25 сент. 1749 г.) просилъ меня сотникъ Сребранскій Николай Тр., яко по смерти отца его Антона остались движиміе и цѣдвижиміе имущества, которыми владѣть ему по наслѣдству должно; а нынѣ де мачиха его Николая, яко чрезъ письмо брата моего Дениса взята въ опеку в. тов. Иваномъ Шнуркомъ, гдѣ и понынѣ содержится въ домѣ его в. тов.—ща, и уповательно, что захочетъ (мачиха) оного сотника отъ всего имѣнія отдалить напрасно. Того ради, благородій вашихъ, приложне прошу, ежели помянутаго сотника Тр—ны будетъ по тому писанному отъ брата моего писму реченой Шнурокъ братъ въ опеку имущества, то тому пожаловать не открыть и учинить въ силу в. генер. к—ріи

указу, въ чёмъ я на васъ, моихъ благодѣтелей, надежна^а.¹⁾ Отсюда видно, что по письму Стрешенца старшина, для защиты семьи старого Тр—ны, назначила ей особаго опекуна въ лицѣ очень бойкаго человѣка, Ивана Шнурка, будущаго полк. писаря (с. 65). Этотъ опекунъ дѣйствительно защитилъ вдову старого Тр—ны, п. ч. молодой Тр—на вслѣдъ за назначеніемъ Шнурка побѣхалъ въ Глуховъ и, выхлопотавъ тамъ какой-то „указъ“, напечъ ходъ еще и къ матери Разумовскаго, чтобы вы- просить у нее приведенное письмо къ той же старшинѣ, къ которой за мѣсяцъ передъ тѣмъ писалъ Стрешенецъ противъ молодого Тр—ны. Повидимому, Тр.—сынъ не придавалъ осо- баго значенія завѣщанію отца, почему и просилъ ген. к—рію выдѣлить ему часть изъ отцовскихъ имѣній въ собственность, а другую, назначивъ для малолѣтнихъ дѣтей умершаго, отдать ему—вмѣстѣ съ этими дѣтьми—въ опеку. Что было сдѣлано ген. к—ріей по этому прошенію—не знаемъ, но вопросъ скоро очень упростился смертью второбрачныхъ дѣтей старого Тр—ны, при- чемъ вдова—по рѣшенніямъ полк. и генер. судовъ—получила только вдовью часть въ пожизненное владѣніе, какъ то слѣдо- вало по Литовск. статуту. Такимъ образомъ^ъ духовное завѣщаніе старого Тр—ны обѣ отдачѣ Охонекъ и Карпиловки его второй женѣ и обѣ „отчужденіи“ сына Николая отъ наслѣдства вообще—не было исполнено... Но и вдовья часть мачихи скоро перешла къ сыну умершаго Тр. потому, что мачиха и послѣ смерти мужа стала рожать дѣтей... Сначала, черезъ годъ послѣ смерти мужа, она родила дитя, которое однакожъ успѣла скрыть, а въ 1754 г. вдова снова родила—двухъ близнецовыхъ, рожденіе которыхъ Н. Тр. выслѣдилъ такъ тщательно, что не только мачихѣ пришлось сознаться въ своемъ грѣхѣ, но и отецъ этихъ близне- цовъ былъ обнаруженъ. Отдомъ ихъ оказался Охоньевскій „подданный“ Авраменко, разсказавшій, что, во время бытности его служителемъ у вдовы Тр—ны, случилось разъ, что пріѣхалъ къ послѣдней ея дядя; причемъ, угощаясь съ племянницею „го-

¹⁾ Подпись: «благородій вашихъ, моихъ благодѣтелей, доброже- лательная Наталія Разумовская. Съ Адамовки, сент. 25 д., 1749.»

рѣлкою“, гость позвалъ и Авраменка въ хату, чтобы угостить и его; а когда всѣ троє напились пьяными, то, погасивъ „свѣчу“, положились спать, причемъ дядя велѣлъ и ему Авраменку тутъ же лечь; а ночью—„сотничка Ганна привудила его учинить съ нею скверное похотѣніе... Доказанный „грѣхъ“ мачихи лишилъ ее и полученной было вдовьей части, послѣ чего все наслѣдство Ант. Тр. уже безпрепятственно перешло къ тому его сыну, котораго онъ такъ сильно желалъ лишить этого наслѣдства.—Николай Тр. оставался сотникомъ до 1755 г., когда былъ уволенъ въ отставку. Причинъ отставки мы не знаемъ, но очень можетъ быть, что одною изъ нихъ было то противодѣйствіе, которое онъ оказывалъ гетманской сестрѣ и ея мужу (Будлянскимъ) при приведеніи въ извѣстность всего того что принадлежало къ отданному имъ м. Сребному (см. ниже). Н. Тр. еще и въ 1772 г. жилъ на покой въ своихъ Охонькахъ. По ревизіи 1764 г., за нимъ было записано слѣд. количество посполитскихъ „хатъ“ (дворовъ): въ с. Карпиловкѣ—150, Охонькахъ—92, х. Загайкахъ—13, Юрковцахъ—16, Никоновкѣ—8, Алексинцахъ—2 и Грицовкѣ—7, итого всѣхъ хатъ 288; считая въ дворѣ по 3 души, всѣхъ крест. въ этихъ маєтностяхъ было до 900 душъ. У Н. Тр. было три сына: Фаддей (р. 1742), Якимъ (р. 1743) и Григорій. Послѣдній умеръ раньше отца. Фаддей былъ сотникомъ Второваринскимъ, а Якимъ служилъ въ армейскихъ полкахъ и въ 1772 г. жилъ отставнымъ корнетомъ въ с. Карпиловкѣ; онъ женатъ былъ на Аннѣ Афанасьевнѣ Констанецкой, за которую дано было въ приданое въ г. Кролевцѣ—4, въ с. Фесевкѣ—21 и въ с. Веревкѣ—18 хатъ.

Масло назначенъ былъ сотникомъ въ 1755 г., изъ городовыхъ атамановъ, и пробылъ на сотничествѣ до 1774 г., когда назначенъ былъ сначала исправлять должность подсудка Иванницкаго земскаго суда, а въ 1778 г. „произведенъ настоящимъ подсудкомъ“. По ревизіи 1764 г., за нимъ числилось 34 хаты „подсосѣдковъ и служителей“. (См. ниже х. Касяновъ). Характеристику Масла представилъ Стрешенецъ въ своемъ прошеніи о защитѣ вдовы Ант. Тр. (с. 327), говоря, что этотъ сотникъ, будучи еще городовымъ атаманомъ, много людей въ смерть поубивалъ... Женатъ М. былъ на дочери б. т. Василія Мартоса, Ксе-

ні і имѣлъ одного сына Матвѣя, который въ 1778 г., въ регулярной службѣ поручикомъ находился“.

Чеснокъ получилъ сотничество послѣ службы въ компанейскомъ полку.

Села Сребрянской сотни.

„Городокъ“ Сребное, ррч. Лисогоръ и Сребрянка, возникъ повидимому на селищѣ древнерусского городка *Серебряного*, упомянутаго лѣтописью въ 1174 г. Нахожденіе Ср. при слияніи двухъ рѣчекъ и на горѣ—служить указаніемъ, что поселеніе здѣсь могло существовать и въ XII в. Отновлено Ср. въ перв. пол. XVII в., и по документу Пшездѣцкаго въ немъ числилось уже 1830 „господар.“, при чёмъ тутъ же показано 11 вод. мельн. По свѣдѣн. 1654 г. въ Ср. было—1228 домохоз., но по описи 1666 г. поспол. дворовъ въ Ср. показано только 113; если здѣсь было и козаковъ столько же, то слѣд. Сребр.-ское населеніе уже въ нач. втор. пол. XVII в. сильно умалилось и разумѣется прежде всего отъ выселеній, при движеніи въ это время цѣлыхъ массъ на востокъ, въ *слободы*. Но козаковъ въ Ср., повидимому, вообще было гораздо меныше, чѣмъ посполитыхъ; такъ слѣдуетъ думать потому, что въ 1718 г. ихъ было здѣсь всего 25 двор., а посполитыхъ—322 дв., т. е. послѣднихъ—въ 13-ть разъ больше. Такое количественное отношеніе „товариства“ къ „посполству“—обращаетъ на себя вниманіе п., ч. въ другихъ „сотенныхъ“ городкахъ, хотя бы того же Прилукск. полка, такого явленія не встрѣчается.¹⁾ Полагаемъ, что преобладаніе въ Ср. посполитаго населенія зависѣло отъ выгодности тѣхъ экономическихъ условій, въ которыхъ оно находилось, такъ какъ никакихъ внѣшнихъ препятствій къ переходу его въ козачество тутъ не было: поспольство было вполнѣ свободно, а слѣдовательно безъ особыхъ затрудненій могло переписываться въ козачество, если бы при этомъ была какая-нибудь выгода, но этой выгоды не было п., ч. посполитые, пользуясь одинаковыми съ козаками экономическими выгодами жительства въ Сребномъ, въ то-же время были свободны отъ *походовъ*. Экономическая же выгода

¹⁾ Ср. цифры населенія въ 1718 г. въ Монастырищѣ, Ичнѣ, Колядинѣ, Иванвицѣ, Жоравкѣ и Варвѣ.

Сребрянского обывателя, повидимому, заключались въ особомъ развитіи въ мѣстечкѣ ремесленной промышленности, на что указываетъ существованіе здѣсь еще и въ 1731 г. пяти цеховъ: ткацкаго, кравецкаго, ковальскаго, шапovalьскаго и рѣзницкаго¹⁾. Видно, что Ср. было настоящимъ «мѣстомъ», т. е. торговымъ центромъ.—Черезъ девять лѣтъ населеніе Сребнаго значительно уменьшается и уменьшается конечно отъ выселеній, такъ какъ въ ревизской книгѣ за 1740 г. показано, что съ 1736 г. по 1740 г. изъ Ср. «сошло» 57 домохозяевъ. По этой-же книгѣ въ Ср. показано: школъ—3 и спиталей—2, (въ нихъ «старцовъ з милостию жіючихъ» 7 челов.) и шинковъ—8, въ которыхъ шинковали мѣстные крестьяне, кромѣ шинкарки «Ганы перехристки». Въ это время Ср—ское поспольство, кромѣ обычныхъ повинностей въ пользу ратуши, обложено было, по распоряженію Апостола, наравнѣ съ другими поселеніями, денежною „дачею“, какъ замѣчено при ревизіи 1740 г.—„съ оныхъ посполитыхъ собирается ежегодно съ 1732 г., для заплаты полков. чиновникамъ и сотеннымъ служителямъ и на канц—кіе расходы, 65 р. 90 $\frac{1}{4}$ коп., которое деньги отдаются въ полк. к—рію нарочно для того опредѣл. зн. тов. Матвѣю Федорову“. При раздачѣ грузинамъ въ 40-хъ г. г. крестьянъ въ гетманщинѣ, въ Сребномъ ихъ было роздано до 200

¹⁾ Эти цехи указаны въ рев. книгѣ 1731 г., при черечнѣ цех-мистровъ, въ ряду «старшины и служителей посполитаго чина, вольныхъ отъ дачи» (т. е. отъ всякаго рода повинностей). Вотъ эти—старшина и служители: «войтъ мѣскій, бурмистръ, завѣдовцы (два), ктиторъ мѣскій, ктиторъ другій мѣскій, ктиторъ спаскій, ктиторъ подгурскій, другій подгурскій, ктиторъ подолскій, ктиторъ другій подолскій, надсмотрщикъ овчарныхъ заводовъ, десятники: мѣскій, побочіевскій, долгоулицкій, кражній, загайковскіе (2), подулскіе (6), комисарь, сторожъ плечовий, чередники (восемь), овчари (3), почтарскій атаманъ, почтари (2), дѣдъ ратушній, дакъ мѣскій, паламарь мѣскій, школьнікъ одинъ, городничій, дакъ подолскій, паламарь подолскій». Названія ктиторовъ указываютъ, что въ Ср. было три церкви: мѣскская, т. е. центральная, подгорная и подольская, а названія «десятниковъ» вѣроятно указываютъ тогдашаie «кутки» въ мѣстечкѣ.

дворовъ. Тогда явились здѣсь Чолокаевы, Жеваховы, Эристовы, Орбеліани, Жержадзіевы, Ларадзіевы, Тумановы, Бедауровы... ¹⁾ Всѣ эти лица, за рѣдкими лишь исключеніями, титулуясь *князьями*, представляли изъ себя бѣдняковъ, улучшавшихъ свое положеніе между прочимъ и браками съ дочерьми козацкой старшины. Послѣ этой роздачи, въ Ср. оставалось еще посполитыхъ свободныхъ около 150 двор., которые и были выпрошены у новаго гетмана сестрою его Агафьей, бывшей замужемъ за Власомъ Климовичемъ (позже—Будлянскимъ). Отданы были эти крестьяне Будлянскимъ въ „вѣчное владѣніе“ и „со всѣми угодьями“, причемъ разумѣлись какъ угодья еще незанятые, такъ и находившіяся во владѣніи Сребрянского посполѣства. Точно опредѣлить отданная Б—имъ „угодья“ было тѣмъ трудно, что подъ ихъ именемъ новые владѣльцы разумѣли всѣ тѣ земли, которыми *неправильно захвачены* козаками, Б—іе обратились къ гетману, чтобы онъ своимъ властнымъ словомъ разрѣшилъ этотъ вопросъ. Разумовскій не нашелъ однакоже возможнымъ рѣшать этотъ вопросъ административнымъ путемъ, а предложилъ Б—имъ съ просьбою своею обратиться въ судъ. Кромѣ розысканія земель, Б—имъ предстояло произвести розысканіе еще и тѣхъ крестьянъ, которые въ послѣднее время переписались въ козаки. Желая помочь сестрѣ въ этихъ розыскахъ, гетманъ предложилъ Прѣ-цкому

¹⁾ По вѣд. 1753 г. въ Сребномъ показаны слѣд. владѣнія грузинъ: вняза Жердана Жержавцова—25 дв., 1 бд. х.; вн. Мирвела Туманова—15 дв., 3 бд. х.; дворянина Сехнія Ларадзева—11 дв.; малолѣтнихъ кнз. Ивана и Стефана Эристовыхъ—9 дв.; дворян. Шавла Гогобедова—8 дв.; двор. Герасима Аввакова—6 дв.; кн. Семена Чалакаева—16 дв., 5 бд. х.; двор. Камгрелидзела—9 дв.; кн. Эриста Джевахова—8 дв.; кн. Андрея Арбеліанова—9 дв.; кн. Петра Чалакаева—15 дв., 4 бд. х.; кн. Христины Чалакаевой и сына еи Фадиша Чалакаева—21 дв., 2 бд. х.; дв. Ивана Бедаурова—1 дв.; кн. Йосифа Эристова—21 дв., 3 бд. х. Всѣ эти «дворы» даны были по указу 1743 г.

плк-ку слѣд.: „Сестра наша, б. тов. Вл. Климовича жена Ага-
фія Григорьевна, доношеннемъ намъ представляя о завладѣніи въ
новонаданной отъ насъ ей Агафіи зъ онимъ мужемъ ея—во вѣч-
ное владѣніе—маєтности въ мѣст. Сребномъ, разного званія вла-
дѣльцами и родовыми козаками, скучлею и безъ скупли, поспо-
литихъ дворовъ и принадлежащихъ издревле къ оному мѣстечку
Сребному многихъ угодій, также о вписавшихся съ посполи-
тихъ въ козаки, которое донынѣ на свободной посполитской
землѣ живутъ и посполитскими владѣютъ грунтами, просила
нашего разсмотрѣнія. А по справкѣ нашей генер. к-ріи яви-
лось: яко по данному отъ насъ оной сестрѣ нашей Агафіи съ
мужемъ еи... унїверсалу,—опредѣлено имъ въ вѣчное владѣніе
означ. мѣст. Срѣбное (въ которомъ по ревиз. 1751 г., за роз-
дачею грузинскимъ князьямъ и дворянамъ, посполитскихъ сво-
бодныхъ дворовъ, съ бездворными хатами 137 показано) съ при-
надлежащими къ нимъ грунтами, пустовскими и посполитскими
плещами и угодіями и всѣми принадлежностями. Того ради
предлагаемъ вамъ оной сестрѣ нашей... объявить, что она до
жно именно зъ вишеписанныхъ владѣльцовъ и козаковъ—о завладѣ-
ніи въ объявленномъ м. Срѣбномъ посполитскихъ дворовъ и при-
надлежностей—имѣть претенсію, подала бы въ полк. к-рію
зъ имени на всякого показаннемъ исковое прошеніе, а за подачею
учинить по онимъ отъ оной полк. к-ріи надлежащие слѣд-
ствия безпродолжително, и по слѣдствіямъ буде явится—что хто
чѣмъ изъ тамо имѣющихихъ бывшихъ свободныхъ посполитскихъ
дворовъ грунтовъ либо какихъ другихъ угодій, куплею послѣ
апретителяго о нескуплѣ мужичихъ дворовъ 1742 г. указа, и
другимъ образомъ неправилно завладѣль, тѣмъ въ таковыхъ вла-
дѣнія онихъ грунтовъ и угодій посполитскихъ по силѣ указовъ
и малороссійскихъ правъ отказать и отдать, засилу предписан-
наго нашего унїверсала, сестрѣ нашей Агафии зъ мужемъ еи,
въ безпрепятственное ихъ владѣніе. А что принадлежитъ до
имѣющихихъ тамо козаковъ, кои и до дачи онаго м—ка оному
Власу К—чу въ козачомъ званіи состояли, тѣ безспорно коза-
ковать должны“. (30 окт. 1752 г.). Но для того, чтобы обра-
титься въ судъ, Б—имъ нужно было путемъ разспросовъ сна-
чала розыскать, какъ посполитыхъ, переписавшихся въ козаки

или „скупленыхъ“, такъ и всѣ тѣ „грунта“, которые не принадлежали козакамъ. Производить эти розыски было тѣмъ труднѣе, что тогдашній Ср—ій сотникъ самъ захватилъ достаточно посполитскихъ земель и потому Б—имъ помогать не могъ. Какія приходилось встрѣтить новымъ владѣльцамъ при этихъ розыскахъ препятствія—показываетъ слѣдующее обращеніе Будлянскаго къ полк. Прилуцк. суду. „Августа 1 сего года отправленъ былъ отъ мене повѣренный мой, бывшій полк. Прилук. суда писарь, Денисъ Тихоновичъ въ жалованную мнѣ отъ е. яси—ти маєтность м. Срѣбное... ради разбору принадлежащихъ мнѣ дачахъ къ той маєтности, пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель, то въ томъ случаи тамошніе Сребранскіе посполитие жители (кои именуютъ себѣ козаками) Леско да Иванъ Лященки, зъ шестьми человѣки, подсупѣдками своими, въ царинѣ тамошней Срѣбр., зовемой Подолской, дабы съ оной не пропустить, приуготовивъ себе нарочито къ разбою, зъ дружчемъ, на оного моего повѣренного Тихоновича, зъ будучими съ нимъ приказчикомъ моимъ Срѣбр. Вас. Петровымъ да Яремою Андреевскимъ служителемъ, да шафаремъ Ив. Горѣздрою, безъ всякой ихъ винности, напавъ гвалтомъ, первѣе, Горѣздру одинъ съ нихъ разбойниковъ—болшимъ друкомъ какъ вдарилъ по шей, то отъ оного удара тотъ Г—ра впалъ на землю. И въ томъ разѣ будучіе всѣ тѣ гвалтовники оного Г—ру на землю лежачаго нещадно дружчемъ уже безчувственнаго били чрезъ многое время, и растягши на тѣ друки—руки и ноги его, кости ламали и по немъ ногами скакали, намѣревая вовсе умертвить, какъ при томъ и согласовали его Г—ру всмерть убить; отъ такого тиранскаго бою тотъ шафарь едва живъ остался. Наконецъ же, чая, что онъ уже неживъ, снявши съ него свиту, въ ровъ затягли. Показанного же Андрѣевскаго тоже били дружчемъ и вгнали въ болото, кой всилу утекъ. А приказчикъ—въ стоячую въ царинѣ будку скрился, которого и тамъ дружчемъ сторчъ били и виволокши оттудова, велѣли ему, дабы оной присягъ предъ ними, ибо де ежели не присягнетъ, то всмерть имѣютъ убить, чтобъ уже болѣе по полямъ и по подворкамъ Сребрянскимъ не пздили, и велѣли ему, въ достовѣріе той присяги, предъ ними землю исти, руки ихъ, ноги и груди—цѣловать, кой

приказчикъ по ихъ повелѣнію то и чинилъ. Егда же Андр—ій отъ тѣхъ разбойниковъ убѣжалъ, а приказчикъ присягнулъ смертного убийства себе спасль, то повѣренного моего Тихоновича такъ убито, что привезено уже безъ рѣчи, нечувствителнаго: голова вся побитая, кровь ротомъ и носомъ льющаяся, которого уже высповѣдать ни засакрементовать было невозможно, кой на другой день и умре. О якихъ разбойническихъ забояствахъ тогда жъ отъ приказчика моего Сребрянского въ сотенной Сребр. к—ріи протестовано, по которому и обдукція съ немалою ионаровкою надъ однимъ только Горѣздрою учинена; и яко о смертномъ убийствѣ—она, Сребр. к—рія, дѣйствовать должна была безъ упущенія, но по злобѣ на мене отъ Сребр. сотника и сотенной старшины, имѣя споръ за неуважное ими завладѣніе жалованныхъ тамо земель и друг. грунтовъ, о которыхъ и слѣдствіе (производится?) въ силѣ... гетм. гр. К. Г. Разумовскаго... ордера, повѣренному моему Тихоновичу, и обдукціи не учинено; тѣхъ же убийцовъ хотя и взято было на томъ горячомъ учипку въ секвестръ, но оныхъ прежде учиненія слѣдствія, отнущено"... За симъ Б—ій просить полк. судъ, чтобы слѣдствіе надъ „разбойниками“ произведено было, помимо сотника Сребр. и тамошней старшины, какъ лицъ заинтересованныхъ въ спорѣ его за Сребр. земли ¹⁾.

Изъ описаннаго здѣсь случая видно, что розыски посполитыхъ, вписавшихся въ козаки и „скупленныхъ“, а также—„грунтовъ“, принадлежавшихъ всѣмъ этимъ посполитымъ, вызывали кровавыя столкновенія, кончившіяся, впрочемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, побѣдою гетманскаго зятя...

Устраивая въ Ср. хозяйство, Б—іе основали тутъ, между прочимъ, и небольшую суконную фабрику, но исключительно для собственныхъ нуждъ. Когда въ 1797 г. мануфактуръ коллегія запросила владѣльцевъ—сколько ихъ Ср—ая фабрика можетъ поставить сукна на армію, то управляющій фабрикою отвѣчалъ,

¹⁾ Прошеніе писано 1 окт. 1755 г. и подписано: «Бунч. тов. Власть Будлянскій. По повелѣнію его п. моего Вл. Б—аго дому его писарь Иванъ Кучеровъ руку приложилъ».